

Дипийцы

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Дом
Русского
Зарубежья
им. Александра
Солженицына

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына

Дипийцы

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

МОСКВА

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына

2021

Рецензенты:

д.и.н. Л.Ю. Гусман

к.и.н. А.В. Голубев

Ответственный редактор

П.А. Трибунский

Художник

И.И. Антонова

Дипийцы, ди-пи (от англ. *displaced person* — перемещенное лицо), термин, который иногда неверно используется как синоним второй волны эмиграции, возник после Второй мировой войны. За пределами СССР оказалось более 8 миллионов человек, по своей или чужой воле покинувших страну в годы войны. В ходе деятельности репатриационных органов подавляющее большинство советских граждан было возвращено на родину. По ряду причин часть людей (от 0,5 до 0,7 миллиона) отказались репатриироваться в СССР, предпочтя остаться на Западе. Многие из них прошли через лагеря перемещенных лиц в Тризонии, откуда дипийцы разлетелись по всем континентам.

Дипийцы оказались за пределами СССР в весьма непростое время. Они вошли в состав т.н. второй волны эмиграции как самая многочисленная группа. Политика западных государств, позволившая вообще появиться феномену дипийцев, после войны начала движение в сторону антисоветизма, и вовлечение дипийцев в общий тренд было лишь делом времени. Сложнее выстраивалось взаимодействие дипийцев с представителями первой волны, многие из которых после окончания войны были настроены благожелательно к СССР и потому с подозрением и недоверием относились к дипийцам, памятуя об их сотрудничестве с нацистами и участии в РОА. Начать равноправный диалог с пореволюционными деятелями разношерстными дипийцам мешало отсутствие внятных идеологических установок и сколько-нибудь значимых деятелей во всех сферах, от науки до культуры. Обладая ценным опытом советской жизни, дипийцы весьма скоро стали преобладать в организациях и учреждениях, созданных для борьбы с коммунистической идеологией. Наряду с противостоянием двух волн нельзя не отметить и попытки их сближения. Представители третьей волны эмиграции, массово наводнившие в 1970-х гг. западные страны, по большей части негативно отнеслись к дипийцам из-за подозрений в коллаборантстве и антисемитском настрое последних, тогда как к оставшимся в живых пореволюционным беженцам и их наследию выказывали явную симпатию.

Феномен дипийцев среди других отрядов беженцев / эмигрантов из России / СССР изучен недостаточно, среди причин — прошлые дела и, как результат, нежелание общаться с чужаками, уничтожение и утеря архивов. Попытке вписать феномен дипийцев в общую картину массовых внешних миграций из России / СССР и посвящен настоящий сборник.

Разделы сборника посвящены наиболее важным исследовательским проблемам в истории дипийцев. В первом разделе — «Дипийцы как феномен» — даны три статьи: Е.В. Козин рассмотрел доклад М. Фэйнсоды 1949 г. о возможности использования дипийцев как источник информации о потенциальном противнике; Б. Тромли убедительно показал большую вовлеченность ЦРУ в поддержку антикоммунистических организаций российской эмиграции в 1950-х гг.; в статье В.Г. Ехновой не только восстанавливается история Русского института сухопутных войск США в Гармише, но и собраны уникальные материалы о дипийцах, преподававших в институте.

Название второго раздела — «Дорога на Запад» — самоговорящее. В статье С.Н. Ковальчук и С.А. Цои рассматривается бегство бывших российских эмигрантов из Латвии в 1944 г. Судьбе представителей научной интеллигенции Одессы, сотрудничавших в годы войны с оккупантами и решивших покинуть город, посвящена статья В.В. Левченко. Частный случай — восстановление судьбы коллаборанта В.С. Пономарева, бургомистра оккупированного Новгорода — стал задачей заметки Б.Н. Ковалева. Малоисследованному вопросу — деятельности советского Комитета «За возвращение на Родину» в Восточном Берлине — посвящена публикация Б.А. Равдина.

Сложным отношениям, возникшим между диппийцами и представителями других волн, посвящен раздел «Меж волн». Е.Р. Пономарев ставит и решает закономерный вопрос о влиянии И.А. Бунина на литературу второй волны. Интересные связи российских социал-демократов с новыми беженцами раскрывает А.В. Антошин. По материалам переписки Л.Ф. Зурова восстанавливаются отношения писателя с послевоенным журналом «Грани» и издательством «Посев» (А.В. Громова). Взаимоотношения представителей первой и второй волн, историков С.П. Мельгунова и Н.И. Ульянова, подробно рассмотрены в статье П.Н. Базанова. В отношениях представителей второй и третьей волн, писателей В.Е. Максимова и Л.Д. Ржевского, попыталась разобраться Е.Ю. Скарлыгина.

Фокус четвертого раздела — «Победы и поражения» — достижения диппийцев в разных сферах. Малоизвестную книгу Б.Н. Ширяева о современной русской литературе на итальянском языке проанализировал М. Шруба. Исследованиям по демографии в мюнхенском Институте по изучению СССР посвящена статья М. Тольца. То, как диппийцы, и конкретно Л.Д. Ржевский, изменили языковую политику Радио Свобода, убедительно продемонстрировал И.Н. Толстой. В заметке А.В. Попова рассматриваются фонды и документы по истории перемещенных лиц, оказавшиеся в двух хранилищах: в Гуверовском институте войны, революции и мира и Государственном архиве Российской Федерации, которые взаимно дополняют друг друга.

В двух разделах — «В зеркале переписки» и «Память» — публикуются эпистолярные материалы из хранилищ Германии, России, США, частного архива Е.Н. Андреевой, а также специально написанные для сборника воспоминания Р.В. Полчанинова и Ф. Ставру. В публикациях писем заинтересованный читатель найдет историю подготовки к печати повести «Ожидание» В.С. Варшавского, корреспонденцию известных общественных деятелей и писателей (Р.Н. Александров — Р.А. Абрамович, Б.Н. и Н.И. Ширяевы — Н.Б. Тарасова, Н.Е. Андреев — Г.А. Хомяков, Д.И. Чижевский — Г.А. Хомяков). Охватывая хронологически 1950–80-е гг., переписка содержит уникальные сведения о политической, культурной и научной повседневности диппийцев в странах пребывания.

Воспоминания Р.В. Полчанинова о диппийцах, сотрудниках Радио Свобода, приносят новые данные для биографий уже, кажется, известных лиц. Проникновенные мемуары о жизни и деятельности писателя и ученого В.И. Алексева, вышедшие из-под пера Ф. Ставру, завершают сборник.

Хочется верить, что сборник научных трудов специалистов из Великобритании, Германии, Израиля, Италии, Латвии, России, США, Украины, Чехии даст импульс к изучению истории диппийцев — столь мало исследованному феномену российской и мировой истории.

ДИПИЙЦЫ КАК ФЕНОМЕН

Е.В. Кордин

МЕРЛ ФЭЙНСОД И ПЕРВЫЕ ОЦЕНКИ
РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЕВРОПЕ, 1949 г.

(по архиву Роберта Келли)*

Аннотация: После Второй мировой войны в Западной Европе в ожидании решения об эмиграции в лагерях для перемещенных лиц находилось около 250 тыс. бывших советских граждан. Они могли стать ценным источником информации о внутреннем положении в Советском Союзе. Одним из первых предварительный социологический опрос невозвращенцев провел в 1949 г. профессор Гарвардского университета М. Фэйнсод, представивший свой доклад летом того же года сотрудникам Государственного департамента.

Annotation: After World War II in Western Europe about 250,000 of former Soviet citizens were in the camps for displaced persons awaiting for a decision on emigration. They could be a valuable source of information about the internal situation in the USSR. One of the first preliminary sociological survey of the «non-returns» was held in 1949 by a Harvard University professor Merle Fainsod, who presented his report in the summer of that year to the staff of the State Department.

Ключевые слова: послевоенная Европа, российская эмиграция, Мерл Фэйнсод, Гарвардский университет.

Key words: Post-war Europe, Russian emigration, Merle Fainsod, Harvard University.

Профессор Гарвардского университета Мерл Фэйнсод (Merle Fainsod; 1907–1972) — знаковая фигура в американском руссиеведении. Его работа «Смоленск под властью Советов»¹ стала на многие десятилетия настольной книгой для любого специалиста по советской истории. Завершив работу над докторской диссертацией в Гарвардском университете, Фэйнсод получил возможность совершить по гранту в 1932–1933 г. многомесячную поездку по Советскому Союзу. Интерес к СССР сохранился навсегда. И потому не удивительно, что специалист по вопросам управления профессор Фэйнсод стал одним из активных создателей в 1948 г. Русского исследовательского центра Гарвардского университета, которым он будет непосредственно руководить с 1959 по 1964 г. Самое же первое его «научное соприкосновение» с российской тематикой произойдет летом 1949 г. в Мюнхене в ходе целенаправленной со-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках госзадания по теме «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе», проект № 33.1419.2017/ПЧ.

вместно с Полом Фридрихом (Paul Friedrich; 1927–2016) миссии по поручению только что созданного Русского исследовательского центра для интервьюирования советских перемещенных лиц или, как их тогда называли, советских невозвращенцев. Перед двумя исследователями стояла задача оценить возможности проведения запланированного большого социологического опроса советских невозвращенцев, проживавших в лагерях для перемещенных лиц, получившего название «Гарвардский проект»².

Роберт Келли (Robert F. Kelley; 1894–1976) также имел непосредственное отношение к Советскому Союзу и советской эмиграции в Европе. Он родился в штате Массачусетс, учился в Бостоне, окончил Гарвардский университет, специализировался на новейшей европейской истории, написал выпускную работу на тему Крымской войны (1915). Келли продолжил обучение в университете Парижа (Сорбонна), изучал русский язык. Он собирался ехать в Санкт-Петербург с целью работы в российских архивах, но помешала Первая мировая война. Келли вернулся в Гарвард и в 1917 г. получил степень магистра. В октябре 1917 г. он был призван в армию, служил офицером связи между американскими оккупационными войсками и местными гражданскими властями в Верхней Силезии, позже работал военным обозревателем в балтийских странах, помощником военного атташе в Дании и Финляндии. Сферой интересов Келли стали конфликты между про- и антикоммунистическими силами в советской России, Кронштадское восстание, голод 1921 г. и работа Американского комитета помощи голодающим. В 1922 г. началась дипломатическая карьера Келли: консул в Калькутте (Индия), а затем работа в Восточноевропейском отделе Государственного департамента в Вашингтоне. Отдел занимался вопросами России, Финляндии, Польши и балтийских стран. С 1926 по 1937 г. Роберт Келли возглавлял данный отдел. Именно это подразделение вело основную работу по подготовке условий дипломатического признания Америкой Советского Союза в 1933 г. С 1937 по 1945 г. Келли был консулом американского посольства в Анкаре (Турция). После ухода с дипломатической работы Келли оказался втянут в деятельность по оказанию помощи эмигрантам из Советского Союза. В итоге в 1953 г. он оказался в Мюнхене как европейский представитель Американского комитета освобождения от большевизма.

Архив Роберта Келли хранится в Центре специальных коллекций библиотеки Джорджтаунского университета (г. Вашингтон, США)³. В архиве много материалов, раскрывающих внутреннюю технологию работы с европейской эмиграцией созданного в 1951 г. Американского комитета освобождения от большевизма. Но этой деятельности предшествовала указанная выше поездка летом 1949 г. в Германию Фэйнсоды и Фридриха. Об этом в архиве Роберта Келли имеется отдельный документ. Это подробный доклад профессора Фэйнсоды 4 октября 1949 г., с которым он выступил перед сотрудниками Государственного департамента на тему «Контроль и напряженность в советской системе»⁴. Докладчик представлен как сотрудник Русского исследовательского

центра Гарвардского университета. Сам же Фэйнсон признает, что организована (и профинансирована. — Е.К.) его поездка была со стороны ВВС США⁵.

Но как и почему с советской послевоенной эмиграцией в Европе оказался связан Гарвардский университет и его Русский исследовательский центр?

Русский исследовательский центр Гарвардского университета начал официально действовать 1 февраля 1948 г. Сама же идея его создания исходила не столько от университета, сколько от могущественной благотворительной организации «Карнеги Корпорейшн» (Carnegie Corporation) в лице ее вице-президента Джона Гарднера (John W. Gardner; 1912–2002), который еще летом 1947 г. подготовил для руководства корпорации меморандум «Российские исследования» (Russian Studies). В нем он ставил задачу: разработать программу исследования России по таким направлениям, которые находятся в явной компетенции социальных психологов, социологов и антропологов-культурологов⁶. Им следовало сосредоточить свое внимание на изучении вопросов отношения советских людей к своей стране как части общего мира (источники советского патриотизма, включая религию, культурные, общественные и политические отношения); отношение людей к властям, начальству и т.д., с тем чтобы понять истоки внутренней стабильности коммунистического режима), отношение к коммунистической бюрократии, идеологии; определить, что в ней работает, а что нет.

Из вузов сразу был определен Гарвард, хотя аналогичные центры по изучению Советского Союза уже существовали с 1946 г. в Стэнфордском и Колумбийском университетах. Гарвард был выбран по той причине, что именно здесь был особенно развит междисциплинарный подход к изучению общественных наук и на первом месте стояли как раз поведенческие науки, которые были так необходимы разведке. В аналитической записке по вопросам создания центра, хранящейся в университетском архиве, отмечается, что перед ним ставилась задача «изучения российских институтов власти и советского поведения, с тем чтобы предсказывать советскую политику»⁷.

В ситуации начинавшейся холодной войны единственным и основным источником информации становились бывшие советские граждане, находившиеся за пределами СССР, в первую очередь в Германии.

Вторая мировая война создала беспрецедентное в истории человечества движение народов под влиянием военных действий. К маю 1945 г. цифра беженцев превысила 40 млн человек. И она не включала в себя еще тех, кого фашисты насильно вывезли как рабочую силу. Самые большие потоки беженцев дал Советский Союз — 10 млн 750,4 тыс. человек. «Рабочая сила» в Германии из СССР составляла 3 млн человек⁸. Советское правительство вначале игнорировало своих граждан как перемещенных лиц, которые, в оценке руководства страны, предпочли постыдно сдаться в плен и работать на Германию, а не героическую смерть. Однако вскоре это отношение стало меняться. Начался процесс репатриации. Всего к концу 1945 г. количество возвращенных советских граждан составило 5 млн 236 тыс. человек⁹. Более 1 млн было репатриировано в 1946 г.

Однако немалое количество составили и те, кто не хотел покидать Европу, даже находясь там в статусе беженца. Сколько всего оказалось советских невозвращенцев? Общеизвестная цифра — около 250 тыс. человек к середине лета 1947 г.¹⁰ И в основном находились они в американской зоне оккупации на территории Германии (Бавария) и Австрии. Кроме русских, это были в основном украинцы и белорусы.

Именно эта категория беженцев и станет предметом исследования американцев. При этом Фэйнсод не являлся «первооткрывателем» вопроса изучения настроений в среде советских эмигрантов. Раньше других к пониманию психологии советских невозвращенцев обратился Джордж Фишер (George Fischer; 1923–2004), будущий участник «Гарвардского проекта». Он в течение 12 месяцев в 1944–1945 гг. служил на американской военно-воздушной базе под Полтавой, а затем после войны побывал в Мюнхене на территории американской зоны оккупации и имел возможность встречаться и беседовать с советскими беженцами. В итоге в январе 1949 г. в журнале «Russian Review» выйдет его статья «Новая советская эмиграция», в которой он задается вопросом, почему многие из этих людей не хотят возвращаться в СССР, и из своих бесед с ними заключает, что люди боятся возвращаться из-за страха быть арестованными. Страх же изначально базировался на системе административного и полицейского контроля в ежедневной жизни людей и давления коммунистической идеологии¹¹.

При этом еще марте 1948 г. в США появился секретный документ под названием «Использование беженцев из Советского Союза в национальных интересах США». Его автор Джон Дэвис (John Davies). Использовать для чего? Чтобы «заполнить ниши в нашей текущей разведывательной деятельности, в общественной информации и в политико-психологических операциях»¹². Таким образом, сами американцы еще задолго до «Гарвардского проекта» уже видели и осознавали, насколько разнообразна по своим политическим и идеологическим установкам «новая» советская эмиграция. Но как раз именно эта многогранность и делала ее наиболее ценным источником информации о Советском Союзе. Джордж Фишер дополняет: советские беженцы смогут «пролить внутренний свет на главные вопросы о советском обществе». И перечисляет эти вопросы: каким образом советская школа формирует советского человека? как функционирует компартия как правящая группа людей? каков механизм и эффективность советской экономической системы и государственного планирования? каков военный и экономический потенциал у СССР? И так далее.

Однако вернемся к исследованию профессора Фэйнсода. Его поездка в Мюнхен, даже спонсируемая со стороны ВВС, не квалифицировалась как секретная, что позволяло ему свободно использовать полученную информацию. Фэйнсод имел беседы со 100 бывшими советскими гражданами, 64 из которых дали ему подробные интервью о своей жизни. Общая характеристика этой группы такова: средний возраст — 41–42 года; 59 мужчин и 5 женщин; по на-

циональной принадлежности 51 были русские, 7 украинцев, 3 донских казака, по одному белорусу, калмыку и дагестанцу; 38 имели высшее образование (технический институт или университет), 13 имели уровень средней школы и 13 же — начальное образование или вообще не учились в школе. Профессиональная деятельность опрошенных была очень разной: рабочие, крестьяне, служащие, научные работники, колхозники, школьные учителя, инженеры, экономисты, ученые, врачи, актеры, кадровые военные, бывшие сотрудники НКВД, врач, юрист, профессор университета и др.

Не менее половины всех Фэйнсод характеризует как «внепартийная интеллигенция». Шесть из 64 указали на свое членство в партии в прошлом, 11 состояли в рядах комсомола. Пятьдесят пять человек оказались вне советской зоны оккупации в годы войны, включая 1945 г. Тридцать человек не имели никакого отношения к воинской службе. Из числа 34 военнослужащих 17 имели воинские звания от лейтенанта до полковника. Двадцать четыре респондента прошли в Советском Союзе через лагеря и тюрьмы или были приговорены к заключению в трудовые колонии. Восемнадцать других сами непосредственно не имели такого жизненного опыта, но у них были арестованы и попали в заключение их близкие родственники. Семь человек не подвергались арестам, но потеряли работу из-за конфликтов с властью. Только у 15 человек не было такого рода проблем, а также у их родственников. Двадцать девять респондентов заявили, что состояли в какой-либо эмигрантской антикоммунистической организации.

Многие ди-пи отказались давать интервью. Фэйнсод очень сожалел, что от интервьюирования отказались, например, советский судья, прокурор, два бывших секретаря районной и городской парторганизаций. Отказались от общения из-за страха, что по рассказанным историям их могли вычислить агенты НКВД, могли пострадать их родственники в СССР или само интервью создаст им трудности в вопросах ожидаемой эмиграции. Для Фэйнсода было очевидным, что именно последнее обстоятельство — эмиграция — становилось главным препятствием как для участия в опросе, так и для откровенных ответов, когда респонденты тщательно скрывали отдельные факты биографии, например бывшее членство в партии.

Что хотел получить из этих встреч и интервью профессор Фэйнсод? Для него наиболее важными были четыре основные темы:

- современное настроение в умах невозвращенцев и их политический настрой;
- каковы были их мотивы не возвращаться домой?
- что являлось основным контролирующим фактором в советской системе?
- что было основным источником напряженности и неудовлетворенности жизнью в СССР и как это проявлялось в разных социальных группах?

По этим четырем направлениям и было построено описание Фэйнсодом жизни советских невозвращенцев в СССР, их настроения и восприятия Запада на момент интервьюирования.

Самое главное в характеристике эмиграции, как оценивает это Фэйнсод, — сильнейший антикоммунизм. При этом антикоммунизм одновременно сосуществовал с чувством сильной национальной привязанности к России. У эмигрантов оставалась большая тяга к дому, к родным, близким. Большинство хотело бы когда-либо попасть домой, но они понимали, что не смогут этого сделать до тех пор, пока у власти остается коммунистический режим.

Большинство эмигрантов были уверены, что война между СССР и Западом неизбежна по причине стремления советского режима доминировать в мире. И они не понимали, как этого мог не видеть такой наивный по отношению к СССР Запад. При этом они считали, что время как раз работало на коммунистов; что чем позже Запад начнет борьбу с ними, тем более кровавой будет эта борьба. Высказывалось и опасение того, что Запад может повторить ошибки нацистов, начав войну не с режимом, а с русским народом, что сплотит население вокруг коммунистического руководства, как это произошло в годы Второй мировой войны.

Советские невозвращенцы жили в лагерях в постоянном и сильном страхе перед советскими секретными службами в Европе. Но самой опасной из характеристик советской эмиграции Фэйнсод называл все возраставшее разочарование в Западе: советские люди много пережили в своей стране, и теперь в Европе они продолжали маргинальную жизнь в нищете, без каких-либо надежд на ее улучшение в будущем. «На нас смотрят как на скот, — жаловался Фэйнсоду один из невозвращенцев, — оценивая нас по мускулам и зубам»¹³. Бывшие советские врачи, инженеры и ученые по всей Германии и Австрии вынуждены были заниматься тяжелым физическим трудом, их профессиональные навыки никому не были нужны, их разочарование возрастало.

Новая советская эмиграция не только ощущала свою нежелательность на Западе, но и чувствовала себя не востребованной, хотя многие из бывших советских людей, считает Фэйнсод, могли бы стать экспертами по Советскому Союзу для западной науки, журналистов и т.д. Но они никому не были интересны. И потому смотрели в будущее без какой-либо надежды. Эмигрантам из СССР «нет места в экономике Германии, — заключает автор доклада. — Как эмигранты, они нежелательны, как русские, они сталкиваются с наибольшей степенью враждебности со стороны немцев»¹⁴.

По политическим установкам и предпочтениям всю советскую эмиграцию периода 1949 г. Фэйнсод разделяет на четыре группы:

- монархисты, включая и старую монархическую эмиграцию, которые имели хорошую финансовую поддержку из разных источников;
- украинские националисты с их базовым лозунгом «Украина без России»;
- солидаристы (НТС, Национально-трудовой союз. — Е.К.) с «сильным» журналом «Посев». У них также была хорошая финансовая поддержка в среде как старой, так и новой эмигрантской интеллигенции. Они считали, что Россия не готова к демократии;

— демократы (в первую очередь бывшие власовцы). Их жизненная эмигрантская философия заключалась в следующем: вернуть все назад к досоветскому времени в России уже невозможно, как, например, не получится денационализировать тяжелую промышленность. Но покончить с колхозной системой, дать свободу частной торговле, гарантировать права личности и т.д. будет возможно.

Чем мотивировали советские невозвращенцы свое решение остаться на Западе? Четверть миллиона находившихся в Европе бывших советских граждан, избежавших на тот момент репатриации, Фэйнсод называет «наибольшим антисоветским элементом»¹⁵. У каждого из эмигрантов, выбравших для себя статус перемещенных лиц, мотивация к этому была своя. Для власовцев и других коллаборантов с нацистами в годы войны возвращение или репатриация со всей очевидностью означали бы неминуемую смерть. Не желали возвращения пострадавшие в свое время от репрессий в СССР. Ненавидели режим и те, у кого в годы репрессий пострадали родственники. Стремилась остаться на Западе эмиграция из категории «бывших» (царские офицеры, кулаки). Какая-то часть эмиграции была вообще вне политической мотивации, они просто попробовали свободной жизни в Европе и уже не верили советской пропаганде о будущей хорошей жизни в СССР.

Но это касалось тех, кто уже давно пребывал на Западе. В отношении этой части эмиграции многое было предсказуемо. Потому Фэйнсоду больше интересны те, кто перебежал в западные зоны оккупации после 1945 г. Таковых «недавних эмигрантов», согласившихся на беседы с профессором из Гарвардского университета, оказалось 10 человек. Несколько из них были советскими солдатами, которых призвали в армию здесь же, в советской зоне оккупации, после освобождения, как вывезенных в годы войны нацистами на работы в Германию. Большую же часть перебежчиков составляли офицеры, служившие в войсках советской оккупационной администрации.

На примерах этих десяти недавно перебежавших в американскую зону оккупации советских граждан Фэйнсод показывает мотивацию их выбора Запада. На первом месте стоит «материальная привлекательность Запада» в сравнении с условиями жизни в СССР. Следом идет стремление избавиться от «атмосферы страха и подозрительности». При этом если для простых советских людей главным являлось материальное положение, то для интеллигенции наиболее неприемлемым в советской системе являлся ее «тоталитарный контроль».

Далее Фэйнсод обращает внимание на один очень важный момент: способствовать ли американской администрации в Европе еще большему количеству перебежчиков из числа военнослужащих советской военной администрации или нет? Причем вопрос этот вставал не столько из-за страха перед возможно большим количеством невозвращенцев, сколько из-за опасений, что среди таких перебежчиков неизбежно будет много советской агентуры, которая разъедется с эмиграцией по всему миру. Опасность этого недооцени-

вать было нельзя. Однако, заключает Фэйнсод, страх перед этой агентурой все же не должен помешать Соединенным Штатам «эффективно использовать... самый свежий и богатый источник информации о происходящем в Советском Союзе»¹⁶.

Что же дал этот новый источник информации Фэйнсоду, которому было важно понять, что скрепляет советскую систему и какие факторы недовольства могут играть в СССР дезинтегрирующую роль?

Главное, что видит Фэйнсод по результатам его опросов советской эмиграции, — это очевидное падение влияния коммунистической идеологии в самом Советском Союзе, возрастающие апатия и безразличие простых советских людей. Эта оценка не относилась к коммунистической партии, оговаривает Фэйнсод, но тем не менее, заключает он, «героический век советского коммунизма закончился»¹⁷. Особенно сильно на пошатнувшуюся веру людей в коммунистические идеалы повлияли насильственная коллективизация, голод 1932–1933 гг. и репрессии 1936–1938 г. (хотя Фэйнсод использует здесь термин не «репрессии», а «чистки» — «purge»).

При этом указанное выше никак не означало слабости самой советской власти. Идеологическая поддержка режима, считает Фэйнсод, все еще была сильная. И это подтвердила Великая Отечественная война. У советского режима, как показало исследование, все еще оставались три сильные опоры.

В первую очередь, то была административно-управленческая элита (высший уровень бюрократии, руководители предприятий, управленцы, инженеры, технические работники, председатели колхозов, рабочая аристократия, бригадиры, стахановцы). Эта привилегированная группа хорошо оплачивалась, ее представители втягивались в ряды партии, и они идентифицировали себя с партийным руководством. Вторая опора — сама партия, а в ней аппарат, или партийные функционеры. Задачи партии заключались в выработке идеологии, осуществлении руководства и контроля. Третья, роль которой все время возрастала, — секретная полиция, МГБ и МВД, для которых «террор становился самой системой власти». Именно через эти три тесно взаимодействующих друг с другом звена и осуществлялось управление всей советской системой.

Однако наличие таких крепких опор вовсе не означало полного отсутствия или невозможности наличия недовольства режимом внутри страны. Свой анализ этого Фэйнсод проводит по отдельным группам: крестьяне, рабочие, военнослужащие, бюрократы, интеллектуалы и научные работники, национальные группы, молодежь и члены партии. Картина в оценке гарвардского профессора получалась следующей.

Про бывших кулаков, у которых власть отобрала собственность и отправила самих на принудительные работы, Фэйнсод говорит, что с ними и так все ясно: их неприятие режима следует принять как должное. Для остального крестьянства (колхозников) «жизнь горестная и тяжелая». Коммунисты обещали хорошую жизнь после коллективизации, но все оказалось не так. После

войны в колхозах не было техники (тракторов), не хватало мужской силы, которую представляли лишь послевоенные инвалиды. Сами крестьяне оценивали колхозы как средство, с помощью которого «режим эксплуатирует крестьян в своих интересах»¹⁸.

Рабочие. Низкая заработная плата, нехватка продуктов, тяжелые жилищные условия — основные причины недовольства среди этой категории населения. Отдельно выделено неприятие рабочими стахановского движения, поскольку оно только повышало для остальных рабочих нормы выработки и увеличивало объем работы за ту же плату. Профсоюзы так и не стали защитниками интересов рабочих, став на сторону партии и руководства предприятий.

В армии недовольство вызывало плохое питание. Офицеры жаловались на контроль со стороны комиссаров (замполитов) и спецслужб, что свидетельствовало об отсутствии доверия к ним со стороны властей. Бюрократия жила в постоянном страхе, что «их нынешние привилегии могут завтра обернуться принудительным трудом в лагерях». Страх и неуверенность пронизывали жизнь интеллектуалов и ученых. Во всех структурах управления процветал конформизм.

Главной укрепляющей силой режима все респонденты называли советскую национальную политику. Но и здесь формировалась проблема. Москва выучила, подготовила для управленческой работы кадры из местной национальной элиты. Эти новые управленцы, сменив прежних руководителей, попадали в трудную жизненную ситуацию: опираться на своих — плохо для Москвы, слушать во всем Москву — плохо с местным населением. Это новое явление Фэйнсод вычленил как фактор, требующий своего дальнейшего изучения.

Молодежь. На Западе, заключал Фэйнсод, слишком сильно преувеличивали якобы имевшую место полную лояльность молодежи режиму. В действительности молодежь мало верила в официальную коммунистическую идеологию и старалась, уходя от идеологии, найти себя в литературе, культуре, спорте. На настроение молодежи сильное негативное воздействие оказывали плохие бытовые условия, нехватка продуктов питания, аресты друзей и родственников, трудности в получении высшего образования из-за отсутствия стипендий и другие факторы. При этом, замечал Фэйнсод, следовало иметь в виду, что молодежь эпохи первой пятилетки и молодежь 30-х гг. — это уже люди с разным мировоззрением. Первые были идеалистами. Но голод 1932–1933 гг., репрессии, в том числе и в отношении членов комсомола, порушили идеалы и ожидания. Послевоенная молодежь была уже другой. И в годы войны она защищала от нацистов страну, но не режим.

Не все гладко было и в самой партии. Существенная разница имела между аппаратом и рядовыми членами партии. Если раньше в партию вступали по идеологическим убеждениям, то теперь по карьерным соображениям.

После всей проведенной аналитики Фэйнсод обращает внимание на то обстоятельство, что в интервьюировании участвовали только те из эмигрантов,

кто так или иначе пострадал от режима сам или их родственники. А ведь в Советском Союзе, очевидно, имелось огромное количество тех, кто являлся сознательными и активными сторонниками режима, несмотря на перечисленные группы и основания к недовольству. Это было важное обстоятельство, которое следовало обязательно учитывать перед тем, как делать какие-либо окончательные выводы.

Да, делает вывод Фэйнсод, в Советском Союзе есть широкое недовольство, растерянность и напряженность во всех структурах общества. Но означает ли это, что Запад может ожидать каких-либо выступлений против советской власти в ближайшее время? Ответ Фэйнсода и ответ тех, кого он опрашивал: нет, не означает. Любые попытки организованной борьбы внутри страны сводятся к минимуму силами секретной полиции. Даже смерть Сталина не привела бы в такому развитию событий, заключает Фэйнсод.

Получалась такого рода странная ситуация: с одной стороны, опрос эмигрантов свидетельствовал о том, что в СССР имела место пропасть между народом и режимом, а с другой, что никакой внутренней революции при этом ожидать не приходится. Тогда в чем заключается задача США? Профессор Фэйнсод призывает Государственный департамент к следующему: надо вести извне психологическую и идеологическую борьбу, в которую США еще пока не вовлечены. И тогда, «если холодная война вдруг превратилась бы в войну горячую, то это также напомнило бы нам, что люди, живущие в Советском Союзе, могли бы стать более эффективной атомной бомбой, чем та, которой обладаем мы»¹⁹.

Предварительная аналитика профессора Фэйнсода, а также работа с европейской эмиграцией Джорджа Фишера и почти параллельное создание Мюнхенского института по изучению СССР²⁰ как организационной площадки для работы с эмиграцией позволят ученым Гарвардского университета успешно провести в 1950–1951 гг. масштабное социологическое исследование в среде советских невозвращенцев в Германии, результаты которого будут активно использоваться не только и изначально не столько в академических целях, сколько в военных.

¹ *Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, MA, 1958.*

² См.: Кодин Е.В. «Гарвардский проект». М., 2003.

³ GUL. BFCSC. Robert F. Kelley papers.

⁴ *Fainsod M. Controls and Tensions in the Soviet System // GUL. BFCSC. Robert F. Kelley papers. Box 4, folder 1.*

⁵ Ibid.

⁶ Harvard University Archive. UAV 759.10. Refugee Interview Program: basic documents of the Harvard Project... 1950–1954. Box 1950–51: «SI–Z» — 1951–52: «A–C», file «Confidential background material for the President's Review Committee». P. 1.

⁷ Ibid.

⁸ *Proudfoot M.J.* European Refugees, 1939–1952: A Study in Forced Population Movement. Evanston, Illinois, 1956. P. 33, 34, 80.

⁹ *Ibid.* P. 219.

¹⁰ *Fischer G.* Soviet Opposition to Stalin: A Case Study in World War II. Cambridge, MA, 1952. P. 111.

¹¹ *Idem.* The New Soviet Emigration // *Russian Review*. 1949. Vol. 8, № 1. P. 15.

¹² Цит. по: *O'Connell C.* Social Structure and Science: Soviet Studies at Harvard / PhD Dissertation. University of California, Los Angeles, 1990. P. 200.

¹³ *Fainsod M.* Controls and Tensions in the Soviet System // GUL. BFCSC. Robert F. Kelley papers. Box 4, folder 1.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ О деятельности института см.: *Кодин Е.В.* Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? Смоленск, 2016.

Б. Тромли

«ДА НЕТ, НЕ РАБОТАЕМ МЫ НА НИХ»:

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦРУ В АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В 1950-х годах

До сегодняшнего дня вопрос о взаимоотношениях российских антикоммунистических организаций с Центральным разведывательным управлением (ЦРУ) США в 1950-х гг. является весьма спорным. Во время холодной войны деятели российских организаций эмиграции утверждали в один голос: «Да нет, не работаем мы на них»¹. Так же безоговорочно советские источники отстаивали противоположное, а именно то, что антикоммунистические организации российского зарубежья работали исключительно на иностранную разведку. Органы государственной безопасности всячески стремились доказать свои утверждения о причастности эмигрантов к иностранным спецслужбам, включая предъявление общественности агентов, выявленных на территории СССР².

Разногласия по поводу отношения западных спецслужб к антикоммунистической деятельности российского зарубежья находят своего рода отражение в трудах историков, занимающихся данным вопросом. С одной стороны, некоторые российские исследователи, и главным образом те, которые сами участвовали в НТС или других подобных организациях, утверждают, что ЦРУ и другие разведывательные службы или вообще не были связаны с антикоммунистической борьбой эмигрантов тех лет, или играли в ней второстепенную роль³. С другой стороны, многие российские и западные историки подчеркивают зависимость русских эмигрантских группировок от ЦРУ и других западных спецслужб⁴. В ходе изложения исследованных материалов упор часто делается на то, что среди эмигрантов, которые действовали под опекой ЦРУ, встречались коллаборанты и даже военные преступники эпохи Второй мировой войны⁵.

Цель данной статьи — проанализировать сотрудничество ЦРУ с российскими антикоммунистами-эмигрантами в 1950-х гг. в свете новых рассекреченных источников⁶. Сегодня можно сделать более обоснованное заключение не только о степени, но также и о виде участия ЦРУ в политической жизни послевоенных эмигрантов. В последние двадцать лет США рассекретили большое количество документов, связанных с политической деятельностью российской эмиграции, многие из которых вошли в научный оборот благодаря законодательным актам Конгресса США, касающимся раскрытия военных преступлений нацистской Германии⁷.

На основе новых документов и также мемуаров бывших работников ЦРУ и самих эмигрантов можно без сомнений опровергнуть тезис о независимости

таких важных организаций эмиграции, как НТС и Центральное объединение послевоенных эмигрантов (ЦОПЭ) от иностранной разведки. На самом деле денежные средства западных спецслужб, и особенно ЦРУ, были необходимой опорой для деятельности любых организаций российского зарубежья, которые активно боролись с советской властью. Ничего удивительного в этом факте нет. Российские эмигранты, как и большинство политических эмигрантов всех периодов современной истории, зависели от иностранных факторов для продолжения политической борьбы за пределами своей родины⁸. Также бесспорным является тот факт, что США были главной, а иногда и единственной силой, способной не только финансировать, но и материально обеспечивать антисоветские операции, особенно если речь шла о пересечении границ Советского Союза⁹.

Источники позволяют историкам не только установить, но и подробно изучить взаимодействие ЦРУ с антикоммунистическими группами, им поддерживаемыми. Несмотря на то что эмигранты работали на агентов ЦРУ, для их взаимодействия и отношений были характерны взаимное недоверие и разного рода разногласия. В начале 1950-х гг. планировщики структур государственной безопасности США питали надежды на то, что эмигрантов можно эффективно использовать в операциях против СССР, особенно в такой стране, исключительно важной для холодной войны, как Германия. Однако в начале 1960-х гг. ЦРУ по большому счету потеряло интерес к российской эмиграции. Для того чтобы понять столь резкое изменение в государственной политике США, нужно подробно изучить цели операций, в которых были задействованы эмигранты, и их результаты.

Предпосылки для сотрудничества с российскими эмигрантами

Когда ЦРУ было создано в 1947 г., США были неофитом в делах разведки. Такая характеристика особенно уместна, когда речь заходит о секретных операциях (covert action), т.е. операциях не только разведывательного, но и наступательного характера. Для Соединенных Штатов новой парадигмой для скрытых действий стала «психологическая война», или «политическая война». Оба синонима широко использовались в тот период для описания неортодоксальных действий, призванных оказывать влияние на политику и общественное мнение в других странах¹⁰. С началом холодной войны, когда был велик страх начала «горячей» войны в Европе, ЦРУ стало усиленно проводить психологические операции против главного врага. При этом для ЦРУ было очевидно, что американцы отставали от других спецслужб в этой сфере деятельности, и особенно от органов безопасности СССР¹¹.

В конце 1940-х гг. США и Великобритания пошли в наступление, начав серию весьма агрессивных секретных операций, предназначенных для раз-

ложения или ослабления стран-сателлитов, а также различных частей СССР (прибалтийские республики, Закавказье, Украина)¹². В политическом плане основой для таких секретных операций была директива Совета национальной безопасности 10/2 от июня 1948 г., разрешавшая правительству США проводить «превентивные прямые действия» против советского блока, включая пропаганду «черного» характера (т.е. ту, что не могла быть приписана США), саботаж, антисаботаж, а также «помощь подпольным движениям сопротивления, партизанам и освободительным группам беженцев». Логично, что русские эмигранты, в первую очередь в Европе, выступали как этническая группа, в рядах которой можно было найти исполнителей для психологических операций.

При этом деловые связи ЦРУ и российских эмигрантов установились не сразу после окончания Второй мировой войны. Источники позволяют утверждать, что многие организации и группировки эмигрантов-антикоммунистов активно пытались привлечь внимание государственных структур США как самого мощного оппонента СССР на международной арене¹³. Несмотря на эти усилия, активная поддержка российских эмигрантов со стороны ЦРУ в Европе, и прежде всего в Западной Германии, началась лишь с конца 1940-х гг. Одной из причин такого настороженного отношения со стороны разведчиков США была их низкая оценка русской эмиграции как политического фактора и как источника секретной информации из советского лагеря. Как утверждал один из агентов Управления стратегических операций (OSS, предшественник ЦРУ) в 1946 г., говоря о НТС, советская агентура в какой-то степени проникла в эту организацию и даже осуществляла над ней «определенный контроль». Во всяком случае, добавлял он, «так называемые белые российские операции» в прошлом оказались «почти бесполезными» для американцев¹⁴.

Более близкие отношения с эмиграцией существовали у других разведслужб США, а именно у Корпуса контрразведки (Counter-Intelligence Corps, CIC), и у Организации Гелена, которая состояла из кадров разведывательной организации Гитлера на Восточном фронте, Fremde Heere Ost. Но данные структуры были не в состоянии оказать полную поддержку политическим организациям российского зарубежья. CIC по большому счету ограничивался вопросами контрразведки, и прежде всего вербовкой осведомителей среди эмигрантов для поиска советских агентов на Западе. В то же время Организация Гелена в первые послевоенные годы была зависима от денежных субсидий армии США, которые были ограничены из-за недоверия к ней со стороны ЦРУ¹⁵.

Каковы были цели поддержки российских эмигрантов со стороны американцев? Как правило, историки определяют целью секретных операций ЦРУ свержение коммунистических режимов. Действительно, термины «освобождение» (Liberation) поработанных коммунизмом народов и «откатывание назад» (Rollback) советской империи прочно вошли в лексикон политических элит США в 1950-х гг. Сами российские эмигранты, а зачастую и разведчики,

работавшие с ними, говорили всерьез о скором освобождении русского народа от коммунизма. Но такая интерпретация политики ЦРУ является упрощенной, по крайней мере по отношению к тем операциям, в которых использовались политические организации российских эмигрантов. Руководство ЦРУ считало свержение советского строя нереалистичной перспективой. Считалось очевидным, что попытки совершить революцию на территории СССР в ближайшем будущем — преждевременны и обречены на провал, и посему могли бы повредить интересам как ЦРУ, так и эмигрантов¹⁶.

На основе таких расчетов ЦРУ ставило себе менее амбициозные цели для эмигрантских операций. Во-первых, ЦРУ стремилось ослабить международные позиции Советского Союза путем разжигания розни внутри страны. Как объяснил представитель ЦРУ в 1951 г. партнерам из Форин офиса и МИ-6 (секретная служба Великобритании), «американский подход ко всем эмигрантским группам» заключался в том, чтобы вызвать «недовольство» в СССР, «отвлекая внимание Кремля от иностранного на внутреннее поле действий, от авантюрной и военной политики»¹⁷. Во-вторых, американцы пытались использовать эмигрантов для сбора секретной информации за железным занавесом, что было весьма затруднительно для американцев в указанное время. Третьим стимулом для поддержки эмигрантов была подготовка к «горячей» войне в Европе, в ходе которой подпольные агенты как на территории, контролируемой советским блоком, так и в Западной Европе могли быть использованы для операций по шпионажу и саботажу¹⁸. В целом оперативная логика ЦРУ по отношению к политическим организациям эмигрантов была более сложной и разветвленной, чем зачастую изображается в научной литературе.

Проникновение на территорию противника

Среди организаций русских эмигрантов особое внимание ЦРУ привлекал НТС. Есть определенная логика в том, что внимание руководителей оперативного направления ЦРУ было обращено на НТС, организацию, которая занималась антисоветской деятельностью еще с довоенного времени¹⁹. Как уже было замечено, НТС имел сомнительную репутацию среди американских и других спецслужб стран западного блока. Нет оснований думать, что разведчики ЦРУ верили тем преувеличенным или откровенно ложным высказываниям лидеров НТС о том, что союз активно действовал на территории СССР²⁰. Наоборот, агенты ЦРУ пришли к заключению, что НТС не имел организованного присутствия внутри Советского Союза и обладал лишь ограниченными возможностями для работы в Восточной Германии²¹.

Однако НТС привлек интерес ЦРУ по другим причинам. Без всяких сомнений, НТС был самой большой и активной антикоммунистической организацией российского зарубежья, в чем сходились даже его многочисленные политические оппоненты. И НТС, похоже, мог мобилизовать своих членов на

то, на что лишь немногие советские эмигранты могли решиться: «незаконные» агентские миссии в СССР²². Договор о «взаимодействии» (liaison) с НТС, согласованный в 1951 г. и получивший криптоним AEROSOL, включал в себя несколько направлений: пропагандистская деятельность, направленная на разложение советских военных и поощрение их побега из оккупационных советских зон в Германии и Австрии; создание антисоветской радиостанции и представлявшая первостепенный интерес для американцев операция «Каркас», которая предусматривала проникновение агентов ЦРУ-НТС в СССР путем выброски на парашютах из немаркированных самолетов²³. Стоит заметить, что НТС являлся единственной установленной российской организацией, получившей такую значительную поддержку со стороны разведчиков США на проведение секретных операций. ЦРУ предложил похожую схему Союзу борьбы за освобождение народов России (СБОНР), но эта организация провалила поставленные задачи. СБОНР, видимо, не смог представить ни одного кандидата для операции по инфильтрации агентов в СССР, наподобие энтээсовского «Каркаса»²⁴. В то же время берлинские операции СБОНРа были скоро отменены из-за скептицизма ЦРУ по отношению к «работоспособности и руководству боевой организации» власовской организации²⁵.

С самого начала взаимоотношения ЦРУ с НТС характеризовались взаимным недоверием. В значительной степени напряженность в работе ЦРУ с НТС носила политический характер. Как известно, солидаристы придерживались радикально-правой идеологии, и многие из них сотрудничали с нацистской Германией во время войны — факты, которые ухудшали отношение к НТС со стороны разведчиков демократической державы²⁶. В секретном лагере в Германии сотрудник ЦРУ упрекал членов НТС в том, что они искали «дружеское соглашение с нацизмом», утверждая, что чтения «Майн кампф» «должно быть достаточно», чтобы отговорить их от такого поступка²⁷. Со своей стороны, лидеры НТС сомневались в способности американцев бороться с мировым коммунизмом, частично из-за своего скептицизма по отношению к либеральной демократии в целом. В 1952 г. лидер НТС В.М. Байдалаков в числе своих претензий к США называл «чрезмерную демократию», «сеμιтофилизм» и склонность американцев приравнивать сталинизм к царизму, что в его глазах было очернением исторической России²⁸.

Не менее важными, чем идеологические разногласия, были проблемы контроля ЦРУ над НТС. Во время переговоров в 1951 г. агенты ЦРУ стремились сосредоточить свое сотрудничество с НТС на традиционных шпионских действиях, но деятели оперативного штаба НТС от такой трактовки отказались, заявив, что они «не агенты, собирающие военную разведку для иностранной державы, а члены политической организации, задачей которой было ускорить день революции»²⁹. В качестве компромисса обе стороны согласились на то, что агентам НТС, проникшим через советскую границу, будет поручена «оперативная разведка», а не выполнение конкретных разведывательных задач военного или политического характера³⁰. На примере этого договора ясно, что

энтээсовцы согласились на сотрудничество с ЦРУ лишь на условиях, которые не конфликтовали с их представлением о национальной миссии на родине.

Трения между ЦРУ и НТС имели также предпосылки организационного характера. На практическом уровне солидаристы требовали максимально возможного финансирования ЦРУ, сведя к минимуму контроль последнего над операциями, или, как говорил один из официальных лиц ЦРУ, энтээсовцы пытались «взять от нас все, что они могут получить»³¹. Взаимодействие двух сторон осложнялось тем, что операции ЦРУ были лишь частью многосторонней разведывательной и политической деятельности НТС. Параллельно с ЦРУ британская МИ-6 проводила свои операции через НТС. Хотя документы, касающиеся энтээсовских операций МИ-6, до сих пор засекречены, ясно, что британцы пытались использовать членов НТС для установления контактов с советскими гражданами за рубежом³². Бесспорно и то, что отдельные деятели в НТС работали на разные разведслужбы, в том числе на Организацию Гелена и МИ-6, в качестве осведомителей или агентов. Например, по утверждениям агента Гелена Н.С. Барановского, в 1950 г. с этой организацией активно сотрудничали руководители НТС Г.С. Околович и В.Д. Поремский³³. Безусловно, многосторонность тайной деятельности НТС и его отдельных членов снижала способность ЦРУ направлять своих клиентов-эмигрантов.

В конечном счете главной проблемой сотрудничества ЦРУ с НТС стал почти полный провал последнего в оперативном плане. Операция «Каркас» закончилась трагедией и даже скандалом, поскольку все агенты НТС были схвачены советскими властями на территории СССР в течение 1950-х гг., что стало результатом вероятного проникновения советских агентов в ряды эмигрантской организации. Тема деятельности советской агентуры внутри НТС, а также в других политических организациях эмиграции того времени выходит за рамки настоящей работы³⁴. Тут стоит обратить внимание на влияние «Каркаса» на дальнейшее сотрудничество ЦРУ и НТС. В течение 1950-х гг. советское государство организовало широкомасштабную кампанию по дискредитации НТС, включая публичную огласку всех операций «Каркаса». В прессе, на радио и даже на специально организованных пресс-конференциях советские представители предавали огласке все детали «Каркаса», в т.ч. информацию о наборе агентов, об учебной базе НТС в Германии и о личностях американских агентов, связанных с проектом³⁵. Безусловно, советские разведчики добивались нескольких целей путем такого тщательного разоблачения операций ЦРУ-НТС: раздувание подозрений по отношению к руководству НТС среди членов организации, нанесение ущерба репутации США в глазах эмигрантов и, что было более важно, в глазах государственных инстанций США, которые начинали терзаться сомнениями по поводу способности американской разведки пересечь границы СССР.

Можно сделать вывод, что стратегия сработала. Из-за провала операций и разоблачения советского шпиона Никиты Хорунжего (Г. Мюллера) среди руководства школы кадров для «Каркаса» подготовка к дальнейшей отправ-

ке агентов в СССР была приостановлена в 1953 г.³⁶ Вскоре все операции по внедрению агентов в СССР путем т.н. черной инфильтрации, которые часто были такими же неуспешными, как и «Каркас», были отменены полностью³⁷. Примерно в то же время внезапно закончилась работа МИ-6 с НТС. Уже в 1954 г. МИ-6 сократила свои операции, проводимые при участии НТС, в связи с дипломатическим протестом СССР. Через два года британские разведчики разорвали связь с НТС полностью, видимо, после того, как раскрылось, что некоторые агенты, завербованные МИ-6 и НТС, оказались под контролем советской разведки³⁸.

Таким образом, в середине 1950-х гг. главные спецслужбы западных государств пришли к твердому выводу, что, как НТС, так и другие российские организации в целом были не в силах проводить шпионские операции на территории СССР. При этом появилось уже новое поле для психологической войны — разделенная Германия и особо Берлин.

Операции на немецком фронте борьбы

В высказываниях русских антикоммунистов 1950-х гг. Западная Германия и Австрия (по крайней мере, до вывода оккупационных сил из страны в 1955 г.) составляли «фронт» борьбы против коммунизма, тогда как другие страны Европы, а также Северная и Южная Америки определялись как ее тыл. Выбор не случаен. Берлин служил полем битвы в сложной войне между секретными службами США и СССР вместе с их союзниками³⁹. Пожалуй, самым громким скандалом, касавшимся русских эмигрантов, стало похищение А.Р. Трушновича, руководителя операций НТС в Берлине, в западном секторе города (в квартире двойного агента Организации Гелена) и вывоз его на восток. Через десятилетия стало ясно, что Трушнович был случайно убит во время операции. А в то время многие эмигранты, а также немцы считали, что деятель НТС действительно перешел на советскую сторону по своей воле⁴⁰.

По большому счету операции ЦРУ в Германии, в которые были вовлечены эмигранты, исходили из программы США по использованию в холодной войне перебежчиков (defectors) из СССР. После серии широко разрекламированных побегов на Запад советских граждан после окончания Второй мировой войны правительство США обратилось к стратегии использования перебежчиков против своей родины. В 1948 г. отдел планирования политики при Госдепартаменте США определил, что советские граждане, бежавшие со своей родины после войны, были огромным неиспользованным ресурсом для нового конфликта. Перебежчики были «безусловно лучшим потенциальным источником точной информации о советском мире», «золотым рудником» разведки, который нужно было «систематически эксплуатировать». Вторым и не менее важным соображением было то, что перебежчики представляли собой инструмент для психологической войны против Кремля. «Дезертиры из со-

ветского мира» были «самыми эффективными агентами, разрушавшими коммунистический миф о советском рае»⁴¹.

Интересом США к перебежчикам объясняется создание новой российской антикоммунистической группы, ЦОПЭ. Инициатором организации ЦОПЭ был Алексей Михайлович Мильруд (1916–2006), эмигрант второй волны, который работал русскоязычным пропагандистом в оккупированной немцами Латвии во время войны и позже стал сотрудником американской военной разведки⁴². Именно Мильруд организовал собрание перебежчиков в Мюнхене, которое стало своего рода прикрытием для проекта ЦРУ⁴³. При создании ЦОПЭ ЦРУ предполагало, что организация, состоящая из перебежчиков, сможет более эффективно проводить антисоветские операции и влиять на общественное мнение своих соотечественников в СССР, чем группа эмигрантов первой или второй волн. В некотором смысле создание ЦОПЭ стало своего рода ответом ЦРУ на проблемы, которые возникли при работе с НТС. ЦОПЭ, в отличие от НТС, с самого начала своего существования находилось под жестким контролем американцев⁴⁴. Разница была особо видна в Берлине. Если НТС действовал в разделенной немецкой столице с некоторой степенью независимости, то ЦОПЭ работало главным образом как прикрытия для операций, проводимых американскими агентами⁴⁵. Таким образом, ЦОПЭ должно было служить своего рода альтернативой слишком ненадежному и независимому НТС, несмотря на то что ЦРУ продолжало поддерживать и солидаристов.

Германия была ключевым местом для операций ЦРУ по стимулированию и эксплуатации дезертирства. В силу многих причин Германия и особенно Западный Берлин представляли собой идеальную среду для проведения секретных операций ЦРУ против СССР: их расположение в центре Европы холодной войны, географическая аномалия совместного суверенитета союзников над немецкой столицей, размещение советских войск на востоке страны и присутствие в Западной Германии большого количества антикоммунистически настроенных перемещенных лиц из советского блока. Операции, в которых участвовали эмигранты, были направлены на то, чтобы вступать в контакт с советскими военными и гражданскими лицами, служившими в Восточной Германии, и убеждать их бежать на Запад. С этой целью ЦРУ вербовало восточнонемецких посредников для общения с советскими людьми, проживавшими в ГДР, с целью повлиять на их политические настроения. Другой сферой деятельности НТС и ЦОПЭ стал выпуск антисоветских листовок и другой печатной пропагандистской продукции, которая распространялась через агентов в ГДР, а также путем запуска воздушных шаров, достигавших регионов, где располагались советские военные части в ГДР, и даже территории Советского Союза. Как правило, антисоветские материалы НТС и ЦОПЭ тоже обращались к местному населению на немецком языке, приглашая их посещать штабы эмигрантских организаций в западном секторе Берлина, чтобы снабжать разведчиков секретной информацией о советских военных силах в

ГДР⁴⁶. Таким образом, берлинские операции эмигрантов для ЦРУ имели как политическое, так и разведывательное значение.

Как и другие эмигрантские операции, деятельность НТС и ЦОПЭ в Берлине сталкивалась со многими проблемами. Немецкие агенты, нанятые эмигрантами и ЦРУ для распространения пропаганды, иногда не выполняли своих задач. Известны случаи, когда немцы уничтожали листовки в своих квартирах и потом лгали об удачно проделанной работе, когда отчитывались своим работодателям в Западном Берлине⁴⁷. Операции по использованию воздушных шаров представляли проблему иного рода. Если верить сообщениям ЦОПЭ, миллионы антисоветских листовок в год сбрасывались с неба на территорию ГДР⁴⁸. Но поскольку воздушные шары зависели от погоды, листовки редко падали вблизи от советских объектов, вместо этого засоряя фермы и леса в близлежащих районах⁴⁹. Как правило, местные жители сообщали властям о загадочных объектах, упавших на их земли, и власти быстро приезжали на места происшествий, чтобы уничтожить их⁵⁰. В результате подавляющее большинство пакетов с печатными материалами, распространяемых в Восточной Германии эмигрантами, так и не были открыты, не говоря уже о том, чтобы их читали советские граждане.

Операции по поощрению дезертирства советских людей с помощью агентов тоже были трудно осуществимыми. Эмигранты не могли сами попасть в Восточную Германию из соображений безопасности, и поэтому операции зависели от их способности найти немцев, готовых работать в качестве агентов⁵¹. Само собой разумеется, что вербовка восточных немцев, которые говорили по-русски и могли действовать в непосредственной близости от советских войск и чиновников, оказалась весьма сложной задачей, учитывая существовавшие меры по изоляции советских граждан от немцев в ГДР. Из-за этих трудностей ЦРУ в значительной степени полагалось на эксплуатацию романтических отношений между советским персоналом, размещенным в восточных зонах Германии и Австрии, и женщинами из немецкого или австрийского обществ. В рамках этого подхода ЦРУ вербовало проституток и т.н. оккупационных жен, которых часть советских чиновников нашла в Берлине⁵². Однако число таких кандидатов на вербовку сократилось в течение 1950-х гг. в силу ужесточения мер безопасности властями ГДР, в результате чего с середины десятилетия общепризнанным мнением в ЦРУ стала бесполезность вербовки «восточных немцев внутри или около советских установок на востоке Германии»⁵³.

В дополнение к вышеперечисленным трудностям операции ЦРУ в Берлине были уязвимы для подрывной деятельности советской разведки. Агенты НТС и ЦОПЭ часто обнаруживались и арестовывались силами безопасности, которые опирались на помощь сети осведомителей в ГДР. Вместе с тем предательство в рядах эмигрантов оставалось острой проблемой. Александр Григорьевич Орлов-Копецкий, бывший власовец, который работал на ЦРУ в Западном Берлине, раскрыл советской разведке, по-видимому, значительное количество немцев-агентов в ГДР⁵⁴.

В значительной степени надежды ЦРУ в отношении перебежчиков не оправдались — по крайней мере, когда речь идет о ЦОПЭ. С одной стороны, советские перебежчики часто не были мотивированными антикоммунистами, какими их представляло ЦРУ. Полностью изолированные от привычной жизни на родине, без прочных контактов на Западе, частично из-за плохого или несущественного знания языков, помимо русского или других языков СССР, и иногда с плохими перспективами трудоустройства, члены ЦОПЭ больше всего интересовались своим будущим, а не американскими политическими целями⁵⁵. С другой стороны, жесткий контроль ЦРУ над ЦОПЭ также нанес вред российской организации. Американцы не разрешали своей российской организации выработать свои собственные политические или идеологические принципы. Это гарантировало то, что ЦОПЭ оставалось «пассивным и политически бессмысленным сборищем эмигрантов», как определял его начальник мюнхенской базы ЦРУ⁵⁶. Негативно на имидже организации сказывалось то, что эмигрантские круги видели в ЦОПЭ непосредственного исполнителя воли ЦРУ. По мнению одного из перебежчиков, который покинул организацию и вернулся в СССР, члены ЦОПЭ чувствовали себя «наемниками», чья политическая деятельность ограничивалась подчинением приказам сверху⁵⁷.

Слабая мотивация перебежчиков бороться с коммунизмом — по крайней мере, так, как она виделась ЦРУ, — стала ясна, когда возникла возможность иммиграции из Европы. Когда новый американский закон о помощи беженцам 1953 г. предоставил эмигрантам из СССР новые возможности для въезда в США, многие члены ЦОПЭ заявили о своем намерении уехать как можно скорее⁵⁸. Вопреки американским ожиданиям, перебежчики действовали больше как беженцы, покинувшие свою родину, чем изгнанники, стремящиеся освободить ее.

Заключение

Поддержка ЦРУ эмигрантских организаций во время холодной войны была в значительной степени неэффективной. Для понимания причин неудачи нужно выделить несколько факторов. Первой и самой фундаментальной проблемой была природа сталинской системы, а также меры, предпринятые советской внешней разведкой и органами безопасности против эмигрантов. С самого начала советской власти И.В. Сталин и его единомышленники решительно преследовали своих противников за рубежом, используя такие активные мероприятия, как вербовка агентов влияния и провокаторов внутри эмигрантских групп, дезинформация, запугивание и насилие в отношении изгнанников⁵⁹. Как видно из операции «Каркас», а также из действий эмигрантов в Берлине, ЦРУ и их клиенты из состава НТС и ЦОПЭ испытывали большие трудности в борьбе с различными контрмерами противника.

В конечном итоге большая ответственность за провал операций с использованием русских эмигрантов в 1950-х гг. лежит на ЦРУ. Как уже говорилось

выше, американским шпионам было весьма трудно работать с эмигрантами: НТС занимал очень независимую и подозрительную позицию по отношению к США, в то время как ЦОПЭ было в значительной степени немотивированной и даже вялой политической организацией. Такие негативные результаты были обусловлены провалом стратегии ЦРУ, решившего действовать через политические организации эмигрантов. Явным заблуждением было ожидание, что российские эмигранты, которые были преданы делу свержения коммунизма, будут действовать в соответствии с требованиями, контролем и правилами конспирации иностранной спецслужбы. В то же время предоставление поддержки целым политическим организациям противоречило первому закону тайного действия, т.н. принципу «правдоподобного отрицания» (*plausible deniability*). Действительно, в эмигрантских колониях было секретом Полишинеля, что НТС и ЦОПЭ работали на американцев — факт, который немало смущал как американцев, так и эмигрантов. Американцы оказывались неспособными убедительно заявлять о своей невинности, когда агенты «Каркаса» ловились в СССР.

Решение ЦРУ о поддержке политической деятельности антикоммунистических россиян, возможно, имело смысл с точки зрения внешней политики США того периода. В конце концов, американцы спешили наращивать ресурсы для тайных действий против СССР и, очевидно, не видели альтернативы работе с существующими эмигрантскими группами. Гораздо более сомнительной была попытка использовать эмигрантские организации для шпионажа. Для антикоммунистических организаций эмигрантов политика и разведка были неразделимы, как видно из тенденции НТС полагаться на блеф и ложь о существовании множества ячеек своей организации в СССР. Очевидно, что такие методы были несовместимы с серьезной разведывательной работой, хотя бы потому, что все российские эмигранты в силу закрытия границ СССР и повышенной системы государственной безопасности сталинской системы практически не имели активных контактов с населением Советского Союза⁶⁰. Плохие результаты операции «Каркас» и многосторонней деятельности в Берлине по соблазнению перебежчиков позволяют утверждать, что стратегия ЦРУ по использованию групп эмигрантов для проникновения в страны советского блока была глубоко ошибочной.

В начале 1960-х гг. ЦРУ изменило свой подход к использованию эмигрантских организаций. Например, сотрудники ЦРУ пришли к выводу, что использование ЦОПЭ в разведывательных целях невозможно и даже опасно⁶¹. Такое заключение помогло определить дальнейший курс взаимодействия ЦРУ и российских эмигрантов в период холодной войны. В 1963 г. ЦРУ прекратило субсидировать ЦОПЭ, во многом потому, что возведение Берлинской стены сделало дальнейшую работу в Восточной Германии, а также из-за борьбы за власть в руководстве организации⁶². ЦРУ продолжало субсидировать НТС до конца холодной войны, но в гораздо меньшей степени, чем раньше⁶³. Более того, деятельность НТС была сосредоточена главным образом на политической деятельности, такой как издание

антисоветских материалов, контакты с советскими гражданами за границей, а также вывоз из СССР и публикация за границей писаний советских людей (самиздат)⁶⁴. Таким образом, по отношению к российской эмиграции ЦРУ училось на своих ошибках.

¹ Как выразился член Народно-трудового союза в разговоре с советским моряком в немецком порту Штеттина (Отчет от активистов, апрель 6-г. // FSO. 01-098 (Tarasova, Natal'ja). Kart. 5 (6/н)).

² Публикации осуществлялись на языках многих западных стран (см., напр.: *Iakovlev N.N. CIA Target, the USSR. Moscow, 1982*).

³ *Окорочков А.В. Холодная гражданская война: КГБ против русской эмиграции. М., 2006; От зарубежья до Москвы: Народно-трудовой союз (НТС) в воспоминаниях и документах, 1924–2014 гг. / сост. В.А. Сендеров. М., 2014. С. 233–326. См. также: Попов А.В. мюнхенский Институт по изучению истории и культуры СССР и «вторая волна» эмиграции // Новый исторический вестник. 2004. № 1. С. 54–70.*

⁴ *Кодин Е.В. Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? Смоленск, 2016; Tromly B. The Making of a Myth: The National Labor Alliance, Russian Émigrés, and Cold War Intelligence Activities // Journal of Cold War Studies. 2016. Vol. 18, № 1. P. 80–111; Albanese D.C.S. «It Takes a Russian to Beat a Russian»: the National Union of Labor Solidarists, Nationalism, and Human Intelligence Operations in the Cold War // Intelligence and National Security. 2017. Vol. 32, № 6. P. 782–796.*

⁵ *Albanese D.C.S. In Search of a Lesser Evil: Anti-Soviet Nationalism and the Cold War / PhD Thesis, Northeastern University, 2015; Simpson C. Blowback: America's Recruitment of Nazis and its Effects on the Cold War. N.Y., 1988.*

⁶ Для ознакомления с данной темой читатель может обратиться к книге автора, которая издана издательством Оксфордского университета в 2019 г. (*Tromly B. Cold War Exiles and the CIA: Plotting to Free Russia. Oxford, 2019*). Нужно отметить, что настоящая статья охватывает только взаимодействие ЦРУ с эмигрантскими организациями на оперативном фронте в Германии. Таким образом, незатронутой остается линия взаимодействия ЦРУ с эмигрантами в рамках Американского комитета освобождения народов России (American Committee for Liberation of the Peoples of Russia, Inc.). В статье также не изучаются такие продукты этого сотрудничества, как Радио Освобождения и Институт изучения истории и культуры СССР.

⁷ Документы ЦРУ, относящиеся к эмигрантам, находятся в Национальном управлении архивов и документации (National Archives and Records Administration, NARA), Record Group 263, Records of the Central Intelligence Agency, раздел ZZ-19 (Subject Files) и раздел ZZ-18 (Personal Files). См.: <https://www.archives.gov/iwg/declassified-records/rg-263-cia-records>. Невозможно определить, насколько полны эти коллекции рассекреченных документов.

⁸ Для сравнительного анализа политических эмиграций см.: *Shain Y. The Frontier of Loyalty: Political Exiles in the Age of the Nation-state. Middletown, CT, 1989.*

⁹ О тайном участии ЦРУ в разных антикоммунистических движениях на Западе см.: *Wilford H. The Mighty Wurlitzer: How the CIA Played America. Cambridge, MA, 2008.*

¹⁰ Osgood K. Total Cold War: Eisenhower's Secret Propaganda Battle at Home and Abroad. Lawrence, Kansas, 2006; Schwartz L. Political Warfare against the Kremlin: US and British Propaganda Policy at the Beginning of the Cold War. Basingstoke, UK, 2009. P. 11–14.

¹¹ Office of Policy Coordination, 1948–1952 // CIA Historical Study. 1973. February. P. 7 (доступен в CIA Freedom of Information Act Electronic Reading Room. Режим доступа: www.cia.gov/library/readingroom/home (дата обращения: 01.12.2018)).

¹² Grose P. Operation Rollback: America's Secret War behind the Iron Curtain. Boston, 2000.

¹³ Tromly B. Émigré Politics and the Cold War: The National Labor Alliance (NTS), United States Intelligence Agencies and Post-War Europe // Contemporary European History. 2019. Vol. 29, № 1. P. 44–59. doi:10.1017/S0960777318000590.

¹⁴ Front Saint to Saint, Amzon, 12 August 1946 // NARA. RG 263. Entry ZZ-18. 230/86/23/04. Box 77, vol. 1: Viktor Larionoff.

¹⁵ Ruffner K.C. A Controversial Liaison Relationship: American Intelligence and the Gehlen Organization, 1945–49 // Studies in Intelligence. 1997. Vol. 41. P. 70 (доступен в CIA Freedom of Information Act Electronic Reading Room. Режим доступа: www.cia.gov/library/readingroom/home (дата обращения: 01.12.2018)).

¹⁶ Discussion of Carcass with CABOCHE 7, 10 September 1951. P. 4 // NARA. RG 263. Entry ZZ-19. 230/86/25/03. Box 24: AESAURUS/AENOBLE (далее — AESAURUS). Vol. 1, pt. 1.

¹⁷ CIA (OSO & OPC) / State Department Talks with SIS / Foreign Office: VI. Russian Emigre Groups, 24 April 1951. P. 1–2 // NARA. RG 263. Entry ZZ-19. 230/86/25/02. Box 13: AERODYNAMIC: OPERATIONS (далее — AERODYNAMIC). Vol. 20.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ См.: Климович Л. Народно-трудовой союз российских солидаристов: ранние страницы истории // Неприкосновенный запас. М., 2013. № 5. С. 139–155.

²⁰ Такие ложные заявления НТС были сделаны как в секретных донесениях американским и другим разведывательным службам, так в западных средствах массовой информации (см.: Tromly B. Émigré Politics and the Cold War).

²¹ Chief FDS / West to Chief, FDS, 15 December 1950 // AESAURUS. Vol. 1, pt. 1.

²² Discussions with Mr. Angleton and [ ] regarding NTS: a report sent to Chief, FDS on 14 September 1950. P. 1 // AESAURUS. Vol. 1, pt. 1.

²³ Narrative Summary of AIS Relationship with NTS, n. d. P. 1 // AESAURUS. Vol. 1, pt. 1. Более детальное изучение этих операций см.: Albanese D.C.S. «It Takes a Russian to Beat a Russian».

²⁴ Coffin W.S. Once to Every Man: a Memoir. N.Y., 1977. P. 95.

²⁵ А. Балашов, начальник — совету Боевой организации СБОНР, 27 июля 1951 г. // FSO. 01-034 (Kromiadi, Konstantin). Kart. K-2.

²⁶ См.: Жуков Д., Ковтун И. Борис Холстон-Смысловский и НТС: История сотрудничества и противостояния // История отечественной коллаборации: материалы и исследования / отв. ред. А.В. Мартынов. М., 2017. С. 297–338; Tromly B. Émigré Politics and the Cold War.

²⁷ Albanese D.C.S. «It Takes a Russian to Beat a Russian». P. 785.

²⁸ Протоколы съезда совета НТС в январе 1952 г. С. 4 // GUL. BFCSC. V.M. Baydalakoff collection. Box 1, folder 1.

²⁹ Transmittal of Report of Meeting between CABOCHE 7, CACCOLA 2 [Blank] to Chiefs of Foreign Divisions M and S and Chief of Station, Karlsruhe, 4 December 1951. P. 1 // AESAURUS. Vol. 1, pt. 1.

³⁰ Discussion of Carcass with CABOCHE 7, 10 September 1951. P. 4 // AESAURUS. Vol. 1, pt. 1.

³¹ Commentary on a memorandum prepared by NTS on the creation of a Carcass school, б.д. // AESAURUS. Vol. 1, pt. 1. Невозможно установить сумму расходов ЦРУ на операции НТС. Денежные суммы, а также имена подавляющего большинства сотрудников встречаются практически во всех доступных документах ЦРУ.

³² До 1954 г. разведслужбы США и Великобритании не координировали свои операции с НТС (SHUBA 100 Penetration Operations, n.d. [1954]. P. 1 // AESAURUS. Vol. 3, pt. 1).

³³ Chief of Station, Karlsruhe to Chief, Foreign Division M, 1 November 1950 // NARA. RG 263. Entry ZZ-18. 230/86/23/04. Box 77, vol. 1: Viktor Larionoff.

³⁴ См.: *Tromly B. The Making of A Myth*. P. 89–100.

³⁵ См. комментарии к статье в газете «Известия» от 25 ноября 1955 г. (AESAURUS. Vol. 3, pt. 1).

³⁶ Proposals for Resumption of Cycle C, September 1953. P. 1–2 // AESAURUS. Vol. 2, pt. 2.

³⁷ *Ruffner K.C. Eagle and Swastika: CIA and Nazi War Criminals and Collaborators // Draft Working Paper / History Staff, Central Intelligence Agency. 2003. April. P. 15* (доступен в CIA Freedom of Information Act Electronic Reading Room. Режим доступа: www.cia.gov/library/readingroom/home (дата обращения: 01.12.2018)).

³⁸ Project Outline, AESAURUS/AENOBLE, 1 July 1956. P. 2 // AUSAURUS. Vol. 3, pt. 1; *Bower T. The Perfect English Spy: Sir Dick White and the Secret War, 1935–1990*. N.Y., 1995. P. 206.

³⁹ *Murphy D.E., Kondrashev S.A., Bailey G. Battleground Berlin: CIA vs. KGB in the Cold War*. New Haven, CT, 1997.

⁴⁰ *Tromly B. The Making of a Myth*. P. 101–102, 106.

⁴¹ PPS 22: Utilization of Refugees from the Soviet Union in US National Interest, 5 February 1948 // NARA. RG 59. Records of the Policy Planning Staff. Microfiche 1171. Card 23.

⁴² Беседа А.М. Мильруда с проф. Л. Флейшманом, 1995. С. 4, 9 // HIA. Aleksei Milrud papers. Box 2.

⁴³ О роли А.М. Мильруда см.: *Renewal of Project AEVIRGIL*, n.d. (1962). P. 2–3 // NARA. RG 263. Entry ZZ-19. 239/86/25/04. Box 25: AEVIRGIL (далее — AEVIRGIL), vol. 2.

⁴⁴ Status Report on Project AEVIRGIL. P. 2; Revised Project Outline: AEMANGO, No author indicated, 15 February 1954. P. 4 // AEVIRGIL. Vol. 1.

⁴⁵ AEVIRGIL status report, Chief of Base, Munich to Chief, SR, 7 November 1955. P. 4 // AEVIRGIL. Vol. 1.

⁴⁶ Memorandum: Provisional Review of Positive Intelligence Production from Project AERVIRGIL for the Period 1 July 1959 to 10 June 1960, from [ ] c/o AEVIRGIL to SR/3, 11 June 1960 // AEVIRGIL. Vol. 2

⁴⁷ Schlussbericht, Berlin, 20 April 1954 // Zentralarchiv. BStU-ZA. MfS-AU 357/54. Bd. I. № 000121.

⁴⁸ Project report: TsOPE, no author, n.d. (1959). P. 2 // AEVIRGIL. Vol. 1.

⁴⁹ Sponge Report no. 45 (DS-583), 17 May 1954. P. 5 // NARA. RG 466 (HICOG). Box 2.

⁵⁰ Staatssekretariat für Staatssicherheit, Bezirksverwaltung Erfurt to Staatssekretariat für Staatssicherheit. Hauptabteilung II, 18 June 1954 // Zentralarchiv. BStU-ZA, MfS-Allg. S 7/55.

⁵¹ Эмигранты были в опасности даже в западной зоне Берлина и поэтому получили специальное разрешение на ношение ручного оружия в городе (См.: Овчинников В. На перепутьях России. М., 1995. С. 93–94).

⁵² Stelzl-Marx B. *Stalins Soldaten in Österreich: Die Innensicht der Sowjetischen Besatzung 1945–1955*. Munich, 2012. S. 490–524; Satjukow S. *Besitzer: «Die Russen» in Deutschland 1945–1994*. Göttingen, 2008. S. 56–60; Bauer I., Huber R. *Sexual Encounters Across (Former) Enemy Lines // Sexuality in Austria / ed. by G. Bischof, A. Pelinka, D. Herzog*. Lnd.; New Brunswick, NJ, 2007. P. 79–81 (Contemporary Austrian studies; vol. 15).

⁵³ Murphy D.E., Kondrashev S.A., Bailey G. Op. cit. P. 256.

⁵⁴ А.Г. Орлов-Копачский, известный как «Саша», советский агент, существование которого вызвало разрушительный поиск внутренних предателей в ЦРУ в 1960–70-х гг. (Murphy D.E. «Sasha Who?» // *Intelligence and National Security*. 1993. Vol. 8, № 1. P. 102–107).

⁵⁵ См. подробнее: Tromly B. *Ambivalent Heroes: Russian Defectors and American Power in the Early Cold War // Intelligence and National Security*. 2018. Vol. 33, № 5. P. 642–658.

⁵⁶ Chief of Base, Munich to Chief, SR, 28 January 1957. P. 3 // AEVIRGIL. Vol. 1.

⁵⁷ См.: Овчинников В. Указ. соч. С. 95.

⁵⁸ Tromly B. *Ambivalent Heroes*. P. 653–654.

⁵⁹ Andrew C.M., Mitrokhin V. *The Mitrokhin Archive: The KGB in Europe and the West*. Lnd., 1999. P. 292–293.

⁶⁰ De Silva P. *Sub Rosa: The CIA and the Uses of Intelligence*. N.Y., 1978. P. 20–33.

⁶¹ Re: AEVIRGIL: New Operations Directive, Chief, Frankfurt Operations Base to Chief SR, Chief, EE, Chief of Station, Germany and Chief, Munich Operations Base, 17 April 1962 // AEVIRGIL. Vol. 2.

⁶² Request for the Renewal and Termination of Project AEVIRGIL — Fiscal Years 1963 and 1964. P. 2–3; Munich Operations Base, SR Division to Deputy Director (Plans), 26 March 1963 // AEVIRGIL. Vol. 2.

⁶³ ЕРО в марте 1996 г. // FSO. 01-098. Kart. 41.

⁶⁴ См.: О कोरोков А.В. Холодная гражданская война. Политическая эмиграция времен поздней холодной войны все еще мало изучена.

РУССКИЙ ИНСТИТУТ В ГАРМИШЕ И ЕГО РУССКИЕ СОТРУДНИКИ

Аннотация: На примере судеб преподавателей и сотрудников бывшего Русского института сухопутных войск США (Гармиш-Партенкирхен, Германия) прослеживается история второй волны русской эмиграции в Германии. Статья дает общее представление о самом институте, который в советское время называли «школой по подготовке разведчиков», и его учебной программе, по которой занимались американские офицеры-страноведы, специалисты по СССР.

Annotation: Based on the fate of faculty and staff of former US Army Russian Institute (Garmisch-Partenkirchen, Germany) the article examines the «second wave» of Russian emigration in Germany. The article gives an overview of Russian Institute, which was labeled «spy school» by Soviet authorities, and its curricula used to train US Armed Forces Foreign Area Officers specializing in Soviet studies.

Ключевые слова: Русский институт сухопутных войск США, Гармиш-Партенкирхен, русская эмиграция, вторая волна, офицер-страновед, «школа по подготовке разведчиков», советология.

Key words: US Army Russian Institute, Garmisch-Partenkirchen, Russian emigration, second wave, Foreign Area Officer, «spy school», Soviet studies.

История бывшего Русского института сухопутных войск США (US Army Russian Institute)¹, для простоты и краткости — Русского института², напрямую связана с темой русской эмиграции. Весь профессорско-преподавательский состав института состоял исключительно из эмигрантов, и представить себе деятельность института без них просто невозможно. Имя института прогремело своей быстротечной славой в начале 1970-х гг., когда в художественном фильме «Судьба резидента» Георгий Жженов устами своего героя, профессионального разведчика Михаила Тульева, на допросе в КГБ рассказал о том, что в «школе по подготовке разведчиков» в Гармиш-Партенкирхене он подбирал необходимую ему агентуру для заброски в другие страны. Впоследствии в «Литературной газете», «Неделе», «Советской России» и «Огоньке» вышел ряд статей об этой школе³. Так что же представляла из себя эта организация и что там делали ее русские сотрудники?

Возникшее после окончания Второй мировой войны противостояние двух политических систем, капиталистической и коммунистической, привело к началу холодной войны. Ведущую роль в этих враждебных блоках стали играть США и СССР. Для американских военных возникла срочная необходимость изучения Советского Союза.

В 1946 г. в системе разведуправления Генерального штаба сухопутных войск США (Military Intelligence Division Department of the Army General Staff) была разработана новая программа по подготовке офицеров — специалистов по русскому языку и Советскому Союзу⁴. Первоначально программа была рассчитана на четыре года, включая один год языковой и базовой страноведческой подготовки в Колумбийском университете и последующие три года за пределами США⁵.

Основная проблема возникала с подбором подходящего места, где офицеры могли бы пройти заключительные этапы своего обучения⁶. Обучаться в Советском Союзе страноведению, как это было в случае изучающих другие европейские языки, было невозможно. Советский Союз постоянно отказывал в предоставлении возможности офицерам въезжать в страну для обучения языку⁷. Инициаторы программы обучения решили создать некоторое подобие Советского Союза внутри отдельно взятого учебного заведения... в Баварии. В качестве преподавателей предполагалось использовать русских эмигрантов, проживающих в большом количестве в Западной Германии.

Подразделение «Р» было создано по распоряжению американского военного министра, приказ вступил в силу 22 мая 1947 г. Подразделение «Р» было подчинено Разведуправлению Генерального штаба сухопутных войск США, его административное руководство осуществлялось главнокомандующим Европейского командования.

Начальнику Подразделения «Р», как руководителю программы по подготовке офицеров, была поставлена задача «организовать языковую и страноведческую подготовку специально подобранных офицеров регулярной армии в целях создания подготовленных кадров, специализирующихся по всему диапазону тем, относящихся к СССР, для штабной работы и работы в качестве военных атташе»⁸.

Школа оказалась уникальным учебным заведением, что было связано прежде всего с местом его расположения и спецификой учебного процесса, включающей обучение на русском языке, и возможностью, хотя бы в пределах учебного заведения, погружения в языковую среду. Создатели программы поместили студентов и их семьи в незнакомую им среду, где ничто не напоминало их прошлые американские условия жизни. Центр расположился в Баварии⁹, и хотя это ни в коей мере не напоминало Советский Союз, это была все-таки своего рода «заграница» для американских офицеров.

Решающее значение в выборе месторасположения школы сыграло наличие большого количества русскоговорящих эмигрантов, выходцев из СССР, проживающих в Баварии, а особенно в районе Мюнхена¹⁰. Большинство беженцев проживали в лагерях, организованных для них сначала Администрацией помощи и восстановления Объединенных Наций (UNRRA), а затем Международным комитетом спасения и помощи беженцам (IRRC)¹¹ и Международной организацией помощи беженцам (IRO). Однако некоторые эмигранты, опа-

саясь проверок советских репатриационных комиссий, предпочитали селиться вне лагерей, снимая комнаты у частных хозяев.

Основными вопросами для руководства школы в первые годы ее существования были вопросы поиска и подбора кадров. Кандидаты на должности преподавателей должны были быть квалифицированными специалистами — выходцами из стран Восточной Европы, с высоким академическим уровнем, с опытом работы на высоких партийных и государственных должностях. Для военных был необходим опыт службы на командных должностях в Советской армии или в вооруженных силах стран коммунистического лагеря¹².

Учебная программа школы включала в себя все предметы, которые можно определить термином «советология». «Русский институт Американской армии — самая обыкновенная по учебной программе, но уникальная в системе американского образования школа повышения квалификации военных и гражданских дипломатов по русским делам. Здесь изучают русский язык и литературу, историю России, историю и организацию советского государства, его политику и экономику, его физическую и экономическую географию, идеологию и структуру КПСС, то есть все те учебные дисциплины, которые изучаются во всякой нормальной школе»¹³, — писал А.Г. Авторханов в своих мемуарах о программе школы. В программу входили также темы, касающиеся истории, организации и функционирования Советской армии.

К сентябрю 1947 г. начальником Подразделения «Р» подполковником Т. Хоффманом был проведен ряд интервью с русскими эмигрантами, проживающими в Германии, Швейцарии и Франции, и первые семь преподавателей были официально зачислены в штат. Все они заступили на работу в течение следующего учебного года¹⁴. Несмотря на неполную укомплектованность штатов, учебный процесс начался в июле 1947 г.

Основное внимание данной статьи будет уделено сотрудникам, которых можно назвать «первым поколением»¹⁵ преподавателей, начавших работать в институте в конце 1940-х — начале 1950-х гг.

Говоря о «первом поколении» преподавателей, нужно понимать, каким образом все эти люди оказалось в послевоенной Германии. Часть из них были бывшими офицерами Красной армии, во время войны попавшими в окружение и немецкий плен и впоследствии в разной степени сотрудничавшими с нацистскими властями. По сведениям на сегодняшний день, в Подразделении «Р» в разное время работали по крайней мере восемь участников власовского движения. Другая часть сотрудников и преподавателей были гражданскими людьми, уехавшими добровольно или вывезенными принудительно в Германию в конце войны. Возвращаться в СССР они не хотели из-за страха быть арестованными, некоторые становились невозвращенцами по идеологическим причинам. Чтобы избежать насильственной выдачи в Советский Союз¹⁶, многие жили по поддельным документам. Оказавшись гражданами без родины, они мечтали уехать из Германии подальше на Запад, в Америку, где, им

казалось, гораздо легче найти работу или спрятаться от рук МГБ и советских репатриационных органов. Недостаточные знания иностранных языков не позволяли невозвращенцам найти «приличную» работу, Германия лежала в разрухе. Нужно было искать свое место, нужно было привыкать к новым условиям, получать новые профессии. «Невозвращенцы терялись в Свободном Мире. Терялись в чуждых нравах, незнакомых языках. Терялись, не имея навыков жизни в изгнании. В раздорах, взаимной нетерпимости, доносах. Жили как в столбняке от обвинений разведчиков и чиновников. Американских, немецких, советских. Ты — коричневый преступник! Ты — красный шпион! Или явный фашист, или коммунист, а может быть, просто подонок, никчемный, никому не нужный» — так описывал состояние послевоенных русских эмигрантов Джордж Фишер¹⁷.

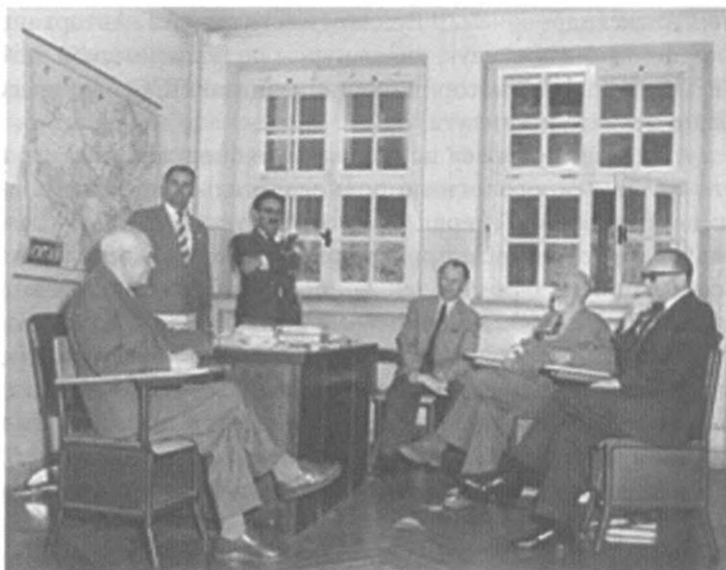
Полноценного архива института не сохранилось (скорее всего, он был уничтожен при закрытии института в 1990-х гг.), полностью отсутствуют кадровые документы. Все, что удалось собрать, включает неполную хронику работы института, пару папок с административной документацией, коллекцию выпускных фотографий со списком выпускников, администрации и преподавателей школы, представленных на фотографиях. С этих фотографий и начались поиски, которые продолжаются уже много лет, и, к сожалению, автору статьи не удалось до конца узнать имена ВСЕХ¹⁸ преподавателей и сотрудников института. Архив постепенно растет, пополняясь фотографиями и другими документами. Так, например, в архив были переданы «конспекты лекций» 1958–1960 и 1976 гг., которые раздавались студентам для обязательного чтения. Эти отпечатанные на машинке, собранные в скоросшиватели лекции хранились в семьях американских офицеров, переезжая с ними с одного места службы на другое, и не были выброшены даже после окончания их военной карьеры! Сохранились также почти все дипломные работы студентов, написанные ими в период с 1951 по 1991 г.

Для работы по воссозданию биографий сотрудников автор использовал также воспоминания родственников — жен и детей, которых удалось найти и которые поделились воспоминаниями или фотографиями. Огромную поддержку и помощь в поиске информации оказал бывший выпускник Русского института, большой энтузиаст и исследователь темы Джозеф Клер.

* * *

Самым известным из преподавателей Русского института был **Абдурахман Геназович Авторханов**¹⁹, советолог и автор книг по истории сталинизма, истории Коммунистической партии и Советского государства.

А.Г. Авторханов был единственным из преподавателей Русского института, написавшим свои мемуары, они были опубликованы в 1983 г., через несколько лет после его выхода на пенсию. Авторханов родился в 1908 г. в маленьком чеченском ауле Лаха Неври. Окончив Институт красной профессуры, Авторханов работал в аппарате Чечено-Ингушского обкома

Преподаватели (слева направо): Г.И. Антонов (сидит), И.И. Барич, А.Г. Авторханов (стоят), В. Божич, Н.И. Осипов, Е.Е. Поздеев. 1961.

Архивная коллекция библиотеки Центра им. Маршалла

ВКП (б); в 1937 г. он был обвинен в принадлежности к «антисоветской, националистической контрреволюционной вредительской организации» и арестован. В 1940 г. он был оправдан, а в 1941 г. ему было предъявлено новое обвинение. В 1942 г. Авторханов перешел линию фронта и с 1943 г. работал в пропагандистской организации «Винета». Весной 1945 г. он уехал из Берлина с фальшивыми документами на имя Кунты, турка по национальности, и растворился в толпе беженцев. После окончания войны Авторханов смог закрепиться в Баварии, продолжая писать статьи и исследования, выступая с лекциями на темы по истории большевизма и сталинизма для общественно-политических эмигрантских изданий.

В октябре 1948 г., работая как внештатный журналист газеты «Neue Zeitung», Авторханов встретился с Давидом Далиным (наст. имя и фам. Давид Юльевич Левин), историком и журналистом, специалистом по советской внешней и внутренней политике, который был знаком с его статьями о Советском Союзе. Во время беседы Авторханов показал Далину черновики своей книги о власти Сталина. Книга произвела на Далина сильное впечатление, и он сразу же связался с командиром Подразделения «Р» подполковником Хоффманом, указав на Авторханова как специалиста по Советскому Союзу²⁰.

В 1949 г., после проведения пробных лекций, А.Г. Авторханов был зачислен в штат. В институте он работал под фамилией Кунта, студенты называли его

Александром Александровичем. В Русском институте А.Г. Авторханов заведовал кафедрой политических наук, читал курсы по политической истории России и СССР XIX–XX вв., по истории и организации КПСС, был председателем Академического совета института²¹.

В 1979 г. Авторханов вышел на пенсию. Руководство института высоко оценило его вклад в многолетнюю преподавательскую и научно-исследовательскую деятельность. Генерал Вильям И. Ролья в официальном письме выразил благодарность за всю проделанную работу: «Ваши лекции, статьи и книги годами вносили громадный вклад в наши знания о Советском Союзе и его народах. Опыт из первых рук и уникальное умение его передать аудитории, как и Ваши писания, сделали Вас живой легендой среди сотен студентов, прошедших через Гармиш. Многие из Ваших студентов теперь сами учат другое поколение студентов, пользуясь проницательностью и подходом к пониманию исторических событий, которыми Вы делились с ними. Я верю, что и будучи в отставке, Вы продолжите писать о советских делах»²².

После выхода на пенсию А.Г. Авторханов продолжал писать и издавать книги по истории советского государства и его партийных и государственных лидеров. Авторханов скончался 24 апреля 1997 г., похоронен в Мюнхене.

В библиотеке Русского института с 1966 по 1977 г. работала супруга Авторханова Людмила Петровна. Людмила Петровна, в девичестве Сколотенко, в первом браке Дзугаева, родилась 26 ноября 1926 г. во Владивостоке²³. По мусульманским обычаям при замужестве она приняла имя Фатима. В семье Авторхановых росло двое детей.

В.П. Артемьев.
Архивная коллекция библиотеки
Центра им. Маршалла

Среди преподавателей школы можно выделить группу участников власовского движения. Наиболее известный среди них — Вячеслав Павлович Артемьев. В Подразделении «Р» / Русском институте он проработал около двадцати пяти лет²⁴, преподавал на военной кафедре. Читал лекции на темы «Советские органы государственной безопасности и шпионажа», «Военная техника современных вооруженных сил СССР», «Мобилизационная работа» и др.²⁵

Его биография исследована петербургским историком К.М. Александровым в книге «Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова, 1944–1945»²⁶. В.П. Артемьев, родившийся в 1903 г. в семье парикмахера²⁷, добровольно вступил в Красную армию в 1918 г. Он прошел путь от рядового Красной армии до майора и командира полка в 1943 г.

В предвоенные годы служил в системе НКВД. В августе 1943 г. попал в плен, в июне 1944 г. подал рапорт о вступлении в РОА. На конец февраля 1945 г. В.П. Артемьев — подполковник ВС КОНР, командир 2-го пехотного полка 1-й пехотной дивизии полковника С.К. Буняченко. После окончания войны Артемьев легализовался в Баварии. В 1951 г. В.П. Артемьев под псевдонимом В. Андреев участвовал в процессе против советских концлагерей, организованном международной комиссией в Брюсселе²⁸. В 1956 г. в Мюнхене вышла его книга «Режим и охрана исправительно-трудовых лагерей МВД»²⁹. В 1963 г. под тем же псевдонимом «В. Андреев» в Америке вышел сборник его рассказов о жизни карагандинских и дальневосточных лагерей³⁰. Артемьев участвовал в различных исследовательских программах по СССР³¹, состоял в переписке с бывшим русским эмигрантом, историком и архивистом Б.И. Николаевским, занимавшимся сбором и сохранением исторических документов по истории России³². В 1950 г. В.П. Артемьев принимал участие в серии интервью, проводимых Гарвардским университетом среди русских невозвращенцев в Мюнхене. Но самой известной считается его книга о 1-й дивизии РОА³³, являющаяся важным источником для изучения власовского движения. По неподтвержденным данным, в 1974 г. В.П. Артемьев переехал в Австралию, место и дата его смерти неизвестны.

Почти тридцать лет, с 1949 по 1977 г., в Русском институте проработал еще один участник власовского движения, **Константин Аркадьевич Крылов**. К.А. Крылов родился 23 апреля 1914 г. По одним источникам, он родился на Украине, по другим — в Ленинграде³⁴. Окончил строительный институт в Киеве, до войны работал инженером. В мае 1941 г. Крылов был призван в Красную армию на переподготовку, служил в строительно-дорожном батальоне. В июле 1942 г. младший лейтенант К.А. Крылов попал в плен, сидел в шталаге 360³⁵. Окончил курсы пропагандистов в Вульхайде, затем преподавал там, с декабря 1942 по март 1943 г. являлся групповым руководителем курсов³⁶. С апреля по декабрь 1943 г. работал преподавателем в школе пропагандистов РОА в Дабендорфе³⁷. В Дабендорфе вступил в НТС. В 1943 г. участвовал в организации антибольшевистской конференции бывших военнопленных командиров и бойцов Красной армии, вступивших в ряды Русского освободительного движения. В 1944 г. К.А. Крылов являлся заместителем начальника пропаганды среди войск во Франции³⁸.

После войны Крылов смог закрепиться в Мюнхене, был активным членом послевоенной молодежной организации при Комитете освобождения народов России, участвовал в организации спасения из лагеря военнопленных в Платлинге находившихся там солдат и офицеров власовской армии³⁹. Принимал активное участие в деятельности Союза борьбы за освобождение народов России, являлся редактором и автором ряда статей журнала «Борьба», центрального органа организации, и редактором-издателем информационного еженедельника Лиги борьбы за народную свободу⁴⁰. Крылов неоднократно выступал с докладами на различных конференциях и собраниях⁴¹.

К.А. Крылов. 1976.
Архивная коллекция библиотеки
Центра им. Маршалла

В институте К.А. Крылов читал курсы по экономической системе и экономической географии СССР, военной географии, анализу советской прессы, лекции о власовском движении, готовил и принимал участие в подготовке курсов по марксизму, «советской действительности», психологии, истории Второй мировой войны⁴². К.А. Крылов написал учебник по экономике СССР⁴³, которой был издан уже после его смерти. Перевод книги был сделан студентами Русского института, один из которых впоследствии вспоминал, что это была непростая работа: объяснить, как функционирует советская система экономики, трудно было даже на русском языке, а подобрать соответ-

ствующий эквивалент на английском было еще трудней. К.А. Крылов подготовил также словарь русских пословиц и поговорок⁴⁴. К.А. Крылов скончался 8 сентября 1977 г. в Штарнберге.

В Русском институте работала жена Крылова **Евгения Николаевна Крылова** (в девичестве Хмелевская). Она родилась в Киеве 10 ноября 1921 г.⁴⁵ Когда началась война, семья Евгении Николаевны не была эвакуирована. В 1942 г. Евгения была отправлена на принудительные работы в Германию. В письме своей подруге детства Евгения Николаевна ярко описала то время: «Помнишь, когда вошли немцы в Киев, как мой папа спрятал нас в какой-то пустой канцелярии, а мамы наши приносили нам есть?! Не помню уже, сколько мы с тобой там сидели, месяц, два?! Но не помогло это. Загребастали и нас с тобой. Эту дату я никогда не забуду 28 апреля 1942 года! А потом “телятник” с соломой и дыркой посреди, женщины, мужчины и дети все вместе. Как мы мучились и, не выдерживая, закрывали друг друга одеялами. Помнишь, ехал с нами один парнишка, блондин, и, кажется, звали его Вовкой. У него с собой была поллитровка водки, и мы праздновали 1-е Мая, все, кто был близко от нас, получил по глоточку, а было нас в “телянике” человек 50–60? Не помню.

А потом ехали, ехали без воды и еды, без воздуха. Потом Берлин. Огромное здание, вероятно казарма. Кровати с металлическими крупными сетками, и больше ничего. Дезинфекция. Все девушки голые, немцы ходят, хлопают, проходя, по голым попкам, хватают за волосы, с силой опускают головы и ищут вшей, стригут под машинку, хохочут, им весело. Нам с тобой повезло, мы остались с волосами»⁴⁶.

В Германии Евгения Николаевна работала сначала в сельском хозяйстве в Цвикау, а затем делала сигнальные ракеты на заводе. После окончания войны осталась в Германии, в середине 1950-х гг. вышла замуж за К.А. Крылова. Евгения Николаевна (вместе с К.А. Крыловым) принимала участие в работе Союза борьбы за освобождение народов России, на собраниях союза она конспектировала и печатала выступления ораторов. В конце 1960-х гг. супруги развелись.

Е.Н. Крылова. 1976

В Русском институте Евгения Николаевна работала с 1968 г., сначала машинисткой в учебной части, затем — преподавателем русского языка. Она также руководила хором и танцевальным кружком, обучала студентов русским и украинским танцам. Е.Н. Крылова вышла на пенсию в 1988 г., умерла в 2000 г. в Гармиш-Партенкирхене.

Среди преподавателей, служивших в РОА, были также **Андрей Георгиевич Нерянин** (1902–1957), известный в институте как Михаил Андреевич Алдан, **Александр Николаевич Кобзов** (1907–1959), в институте — А.Н. Высоцкий), **Георгий Ильич Антонов** (1898–1963), **Алексей Андреевич Трошин** (1892–1960). Биографии Нерянина, Кобзова, Антонова и Трошина представлены в работах К.М. Александрова и И.Р. Петрова⁴⁷.

Их биографии во многом схожи, все они являлись профессиональными военными, чья карьера в Красной армии начиналась с первых дней ее создания. Все они были выходцами из рабочих или крестьян.

Антонов был участником Первой мировой войны, служил рядовым. Трошин участвовал в Первой мировой (закончил войну поручиком) и в Гражданской войне, пройдя путь от командира роты до командира полка. В 1938 г. Трошин был арестован по обвинению в «военно-фашистском заговоре» и освобожден зимой 1941–1942 гг. Нерянин окончил Военную академию им. Фрунзе и Академию Генштаба РККА. К 1941–1942 гг. все имели звание полковников Красной армии.

Все четверо попали в плен: Антонов в июле 1941 г., Нерянин — в ноябре 1941 г., Трошин — в августе 1942 г., Кобзов — в 1942 г. Прошли через лагеря для военнопленных, курсы пропагандистов, службу в РОА. До 1944 г. Нерянин служил в «Антикоминтерне» при Министерстве пропаганды Германии, в «Винете»⁴⁸ и занимался пропагандистской работой на «восточных» территориях, а также работой с восточными добровольцами, зимой 1944–1945 гг. Нерянин

вступил в армию Власова. К концу войны все четверо являлись полковниками ВС КОНР. Насильственной репатриации в СССР избежали, проживали в американской оккупационной зоне.

В Подразделении «Р» все они работали непродолжительное время: Михаил Алдан с 1950 по 1952 г., Александр Высоцкий с 1953 по 1958 г.⁴⁹, Георгий Антонов с 1959 по 1962 г.⁵⁰, Алексей Трошин в 1959 г.

Еще один преподаватель школы, **Николай Николаевич Поляков**, известный в Подразделении «Р» как Николай Иванович Осипов, являлся участником власовского движения. Его биография дана в работе О.В. Будницкого и Г.С. Зелениной⁵¹. Среди преподавателей он, пожалуй, являлся наиболее пожилым, начав работать в Подразделении «Р», когда ему было 60 лет. «Дядя Осипов» называли его студенты между собой. Поляков родился 2 декабря 1889 г. в Риге, в 1912 г. окончил Санкт-Петербургский университет⁵². После революции работал в кооперативных организациях и «незаметных техникумах», постоянно переезжая с места на место. К советскому режиму относился отрицательно, презирая все связанное с ним, однако старался этого не показывать и ничем не проявлять. Вместе со своей женой⁵³ (он женился в 1919 г.) они нашли единственный для себя способ существования в советском обществе, уйдя во «внутреннюю эмиграцию» и стараясь сохранить свой внутренний мир «от искажающего воздействия большевистской стихии»⁵⁴.

Начало войны семья Поляковых встретила в Пушкине недалеко от Ленинграда. Приход немцев они ждали с нетерпением и надеждой на скорое освобождение от большевистского ига. Разочарование пришло быстро. Время оккупации оказалось очень тяжелым: бомбежки, голод, болезни, борьба за выживание. Поляковы сознательно шли на сотрудничество с немцами, считая их для себя меньшим злом, чем большевики. В 1943 г. Поляков работал в отделе пропаганды в Тосно, с ноября 1943 г., переехав в Ригу, в редакции пропагандистской газеты «За Родину» и в школе пропагандистов РОА, где он читал лекции по критике марксизма. Летом 1944 г. семья Поляковых выехала из Риги на Запад, найдя приют в лагерях беженцев в Южном Тироле, где Поляков читал лекции на разные исторические темы. В это время он уже носил фамилию Осипов. Летом 1945 г. семья оказалась в лагере для перемещенных лиц в Менхегофе, где теперь уже Николай Иванович Осипов преподавал в школе для русских детей-беженцев всеобщую историю, русскую литературу и язык, стараясь привить им «чувство языка, умение кратко выразить мысль, передать настроение»⁵⁵.

В Подразделении «Р» Н.И. Осипов работал с 1949 по 1963 г., читал лекции по русской литературе, истории, психологии советского человека, советскому режиму и идеологии. Он умер 11 октября 1963 г. в Мюнхене, похоронен в Обераммергау.

Короткое время в Подразделении «Р» под именем Ивар Ниман проработал **Игорь Михайлович Боголепов** (20 марта 1904, Томск — 23 июля 1977, Стокгольм)⁵⁶. Сын известного ученого, он в 1940 г. был направлен в Таллин для

организации советского радиовещания. После прихода немцев эвакуироваться не успел, вернулся на радио и согласился сотрудничать с ними. Во время войны он был приписан к учреждению «Винета», которое располагалось в Берлине и занималось пропагандистской работой, готовя и выпуская радиопередачи от имени несуществующего антисталинского подполья. После войны Боголепов остался в Германии, в Подразделении «Р» работал с 1948 по 1951 г. В 1950 г. Боголепов-Ниман стал одним из основателей мюнхенского Института по изучению истории и культуры СССР. С 1951 г. — в США. В 1952–1954 гг. Боголепов консультировал ЦРУ по проблемам взаимоотношений СССР и США, одновременно пытаясь, как он позднее напишет в своих мемуарах, бороться с дремучей русофобией и представлениями о русских как людях второго сорта. После двухгодичного контракта с ЦРУ Боголепов не смог устроиться на приличную работу, перебиваясь случайными подработками. В 1973 г. он переехал в Швецию, на родину предков жены. После смерти жены издал мемуары, посвященные ее памяти⁵⁷. В мемуарах Боголепов подробно описал свои впечатления от работы в Подразделении «Р». По одним данным, он умер в 1977 г., по другим — в 1992 г.

В Русском институте работали **Николай Михайлович Васильев** и его супруга **Татьяна Константиновна Васильева**⁵⁸.

Н.М. Васильев родился 22 июня 1901 г. в небольшом местечке Ходорков на Украине. Его отец Михаил Калинович Васильев, родившийся в г. Лебедин, был инженером и директором сахарного завода⁵⁹, занимался этнографией и собирал украинский рабочий фольклор⁶⁰. Его мать Елизавета Васильева (урожд. Остапенко) родилась в городе Сумы. В 1922 г. Н.М. Васильев окончил Киевский экономический институт по специальности инженер-экономист. В период с 1922 по 1930 г. Васильев был аспирантом (ассистентом?) при кафедре академика К.Г. Воблого. В 1928 г. Васильев женился на Татьяне Константиновне Маликовой. С 1930 г. и до начала войны Васильев работал старшим научным сотрудником, ученым секретарем Киевского химико-технологического института пищевой промышленности и доцентом кафедры экономики промышленности указанного института.

Во время войны Н.М. Васильев вместе с супругой оставался в городе, где работал бухгалтером на сахарной фабрике в Киеве (1942 – август 1943) и научным сотрудником Исследовательского института краеведения и хозяйственных исследований (1941–1943). Когда к Киеву стали приближаться советские войска, Васильев вместе с женой были оправлены немцами на работы, через Винницу они попали в Кенигсберг, где до ноября 1944 г. оба работали на фабрике по производству консервов. В конце 1944 г. Васильевы были отправлены в небольшой городок Крафтборн недалеко от Бреслау. Конец войны они встретили в американской оккупационной зоне.

Осенью 1945 г. Васильев оказался в Регенсбурге, где преподавал в Украинском политехническом институте, затем, получив место профессора в Украинском свободном университете в Мюнхене, переехал туда. До декабря 1948 г.

Н.М. Васильев.
*Фотография из архива
Украинского свободного
университета (Мюнхен)*

он ежедневно читал там лекции по экономике, затем количество его лекций было сокращено до одного раза в неделю. Этих заработков было явно недостаточно, и Н.М. Васильев стал искать новую работу.

В Подразделении «Р» Васильев работал с 1949 г., одновременно преподавая в Украинском свободном университете, где он в 1955 г. был избран ректором, впоследствии став проректором университета.

В июле 1954 г. «профессор Н. Васильев» принимал участие в IV конференции Института по изучению истории и культуры СССР, проходившей в Мюнхене, и выступил там с докладом «Задачи по поднятию народного благосостояния в СССР и их реализация»⁶¹.

В Подразделении «Р» Н.М. Васильев занимал должность заведующего кафедрой русского языка. Он скончался 19 марта 1961 г. в Обераммергау.

Его супруга Татьяна Константиновна родилась в Москве 25 декабря 1905 г. Ее отец был конторским служащим, мать Агриппина (урожд. Кулакова) была домохозяйкой. В детстве Т.К. Маликова жила в Киеве (1912–1913), затем в Омске (1913–1923), потом вновь вернулась в Киев. В 1928 г. Татьяна Константиновна окончила консерваторию в Киеве, после чего еще два года проучилась в музыкальной академии. Она работала преподавателем, аккомпаниатором в Доме культуры и в консерватории, давала частные уроки музыки.

Во время войны жила в Киеве. С января по сентябрь 1943 г. Т.К. Васильева трудилась кассиром в фирме Виктора Хайншеля. Вместе с мужем осенью 1943 г. она была отправлена на принудительные работы в Германию. С ноября 1944 по январь 1945 г. Т.К. Васильева занималась разборкой и транспортировкой книг в местечке Крафтборн. В январе 1945 г. она вместе с мужем бежала в глубь Западной Германии, не желая оказаться на подконтрольной советским войскам территории. С февраля по апрель 1945 г. Татьяна Константиновна писала и распространяла памфлеты для русских военнопленных в местечке Штрасслах около Мюнхена. Когда закончилась война, Васильевы остались в американской оккупационной зоне. Насильственной депортации им удалось избежать, возвращаться в Советский Союз оба не намеревались. По словам Т.К. Васильевой, коммунизм противоречил ее принципам и вере.

После войны Васильева долгое время не работала, находясь на иждивении мужа. В 1963 г., вскоре после смерти супруга, Татьяна Константиновна была принята на работу в Подразделение «Р» в качестве преподавателя русского

языка и проработала там до 1975 г. Она скончалась в 1996 г., похоронена в Обераммергау.

В Русском институте работала еще одна семейная пара, **Олег Константинович и Людмила Фердинандовна Кавецкие**⁶². Они оба не были преподавателями, Олег Константинович работал с 1955 г. на технической должности — был мастером на все руки, работал в библиотеке, записывал лекции и различные радиопрограммы, даже столы таскал, если было нужно. В случае необходимости подменял заболевших преподавателей на языковых уроках. Студенты его обожали: у него был исключительно богатый и сочный русский язык. Он помнил огромное количество блатных песен, жаргонных выражений, анекдотов, знал наизусть почти всего А. Райкина и многих других сатириков и юмористов. Людмила Фердинандовна работала секретарем-машинисткой с 1959 по 1987 г.

Олег Константинович родился 14 апреля 1925 г. в Кировограде. Во время войны город был оккупирован немцами, и О.К. Кавецкий был вынужден работать на немецком военном аэродроме. Когда немцы отступали, аэродром вместе с персоналом был переброшен на Запад. Впоследствии Кавецкий сбежал от немцев, прятался, в конце войны на короткое время примкнул к РОА. Таким образом Олег Константинович оказался сначала в Австрии, а затем пешком дошел до Баварии. Некоторое время жил в лагере для беженцев недалеко от Мурнау. В 1950-х гг. он трудился в коммунальном хозяйстве Обераммергау разнорабочим.

Людмила Фердинандовна родилась 3 мая 1929 г. в Витебске. Она всегда считала себя русской по крови и по культуре, хотя ее отец Фердинанд Шейнис был немцем-протестантом из Литвы. В молодости отец Людмилы Фердинандовны работал мельником. В начале Первой мировой войны ему пришлось переехать в Сибирь, на Енисей, где он работал боцманом на пароходе. Мать Людмилы Фердинандовны была русской, из учительской семьи, уроженкой Витебска. В 1943 г. вся их семья была вывезена немцами в вагонах для скота на работу в Германию, где они после войны и остались.

Олег Константинович и Людмила Фердинандовна поженились в 1950 г. Они были очень религиозной семьей и регулярно посещали русские православные службы, которые проводились в Обераммергау. После войны там жило очень много беженцев из Восточной Европы, и прежде всего из СССР. Маленькая часовня Святого Георгия, Sankt Gregor Kapelle, местной католической общиной была отдана Православной церкви во временное пользование. На территории американского холостяцкого общежития одна комната также была отдана для русской церкви. Службу вели священники, приезжавшие из Мюнхена. Долгое время одним из них был священник о. Сергей Либски. В воскресной школе, которую посещали дети Кавецких, русский язык и Закон Божий преподавал православный священник о. Анатолий Древинг. Иконы для часовни приходилось делать самим, вырезая их из художественных альбомов, каталогов или календарей, натягивая на доски, раскрашивая красками, смешанными

Н.Я. Озолинс. 1976

с яйцами. Православные службы в Обераммергау проводились до середины 1970-х гг., после чего часовня была возвращена Католической церкви.

Олег Константинович умер в 1981 г., его хоронили всей школой. На похоронах по старой русской традиции были зажжены свечи, отпевал усопшего православный священник о. Максим. Людмила Фердинандовна скончалась в 2008 г., оба похоронены в Обераммергау.

В Русском институте с первых дней его существования до 1979 г. русский язык и географию⁶³ преподавал **Николай Яковлевич Озолинс**. Николай Яковлевич родился в 1904 г. в селе Яунпиебалга Венденского уезда Лифляндской губернии. В 1923 г. он поступил

в Латвийский университет на технический факультет, через год перешел на юридический факультет, совмещая учебу с государственной службой. С 1922 по 1928 г. Н.Я. Озолинс работал в Таможенном управлении Министерства финансов и Рижском управлении таможенной службы, в 1928 г. поступил на дипломатическую службу Латвии. В качестве латвийского дипломата работал в МИДе Латвии, консульствах в Кельне и Берлине, в дипмиссии в Копенгагене.

31 июля 1940 г. Н.Я. Озолинс подал ноту протеста в Министерство иностранных дел Дании по поводу оккупации Латвии и предстоящего включения ее в состав Советского Союза⁶⁴. В августе 1940 г. в условиях германского оккупационного режима в Дании он передал помещения и имущество миссии представительству СССР. В Латвию он больше не вернулся⁶⁵.

С окончания войны и до апреля 1946 г. Н.Я. Озолинс по поручению руководителя латвийской дипломатической и консульской службы при поддержке бывшего почетного генерального консула в Копенгагене выдавал временные удостоверения личности беженцам в Копенгагене⁶⁶. По данным документов латвийских дипломатических миссий в Лондоне и Вашингтоне из государственных архивов Латвии, в начале 1960-х Н.Я. Озолинс рассматривался в качестве кандидата на должность представителя Латвии (правительства в изгнании) в Бразилии. Н.Я. Озолинс умер в Гармише 25 июня 1979 г.

С 1954 по 1973 г. в Русском институте советское право⁶⁷ и политологию⁶⁸ преподавал **Николай Семенович Мазур**⁶⁹ (20 сентября 1905 — 6 июля 1973). Скорее всего, это ненастоящее имя. В карточке адресной картотеки городского архива Гармиш-Партенкирхена записано, что он родился в Ковно (Каунас) в Литве, его отец Семен Сергеевич Мазур был инженером, мать звали Ольгой (урожд. Эренфайд (Ehrenfaied)). По воспоминаниям его студен-

тов, Мазур в 20-х гг. получил юридическое образование⁷⁰ и до войны работал юристом в прокуратуре под руководством А.Я. Вышинского. В 1949 г. Н.С. Мазур женился на немке, брак был зарегистрирован в Мюнхене.

В.М. Пишванов

С 1960 по 1963 г. в Русском институте преподавал **Валентин Михайлович Пишванов**⁷¹. В.М. Пишванов родился 24 июня 1912 г. в Ростове-на-Дону в семье коннозаводчика. В.М. Пишванов окончил Московскую консерваторию по классу фортепьяно. В середине 1930-х гг. Пишванов женился. После рождения сына семья переехала в Махачкалу, где Валентин Михайлович первоначально работал в газете «Дагестанская правда». Позднее, окончив курсы, он стал инженером-экономистом. 13 сентября 1941 г. Пишванов был призван в армию. С марта 1943 г. командир отделения сержант В.М. Пишванов считался пропавшим без вести⁷². О его жизни во время войны автору ничего не известно.

30 декабря 1944 г. в городе Штеттин В.М. Пишванов зарегистрировал свой брак с Александрой Кловатской. В апреле 1946 г. семья находилась в Гармише, куда она переехала после Кемптена, где, по-видимому, проживала в лагере для беженцев. По документам Валентин Михайлович числился инженером, его жена — работницей на кухне⁷³. Затем семья переехала во Францию. Дочь Пишванова рассказала, что Валентин Михайлович после войны зарабатывал на жизнь игрой на пианино. Жена В.М. Пишванова Александра занималась оперным пением. Встретившись, они организовывали совместные концерты и ездили с ними по разным городам. После Франции семья вновь возвратилась в Германию, где Валентин Михайлович получил работу на Радио Голос Америки, а его супруга продолжила обучение оперному пению.

С 1960 по 1963 г. В.М. Пишванов работал преподавателем русского языка в Подразделении «Р». По воспоминаниям дочери Пишвановых, американское командование отряда агитировало отца эмигрировать в Америку и предлагало свою помощь в организации этого процесса. После окончания контракта В.М. Пишванов все-таки решил остаться в Германии. Семья вернулась в Мюнхен, где супруга В.М. Пишванова Александра сразу получила работу на Радио Свобода. Сам Валентин Михайлович начал работать на Радио Свобода позднее. В конце 1970-х гг. он вышел на пенсию.

В.М. Пишванов скончался в 1980 г. Своего «русского» сына Юрия Валентин Михайлович так и не смог увидеть, но его смогла разыскать, встретиться и рассказать о жизни отца «американская» дочь Пишванова.

Совершенно нетипично для своего поколения сложилась судьба **Юрия Георгиевича Азаренко**, который работал в Русском институте в конце 1980-х гг.⁷⁴ Юрий родился 2 апреля 1926 г. в Ленинграде, в 1928 г. его семья переехала в Старую Руссу, где отец Юрия **Георгий Осипов** работал на железной дороге. В 1937 г. **Георгий Осипов** был арестован, и Юрий больше никогда его не увидел. Война началась, когда Юрию исполнилось 15 лет, мать Юрия была эвакуирована в первые месяцы войны в глубь страны, и он остался один. Поиски матери ни к чему не привели, и Юрию пришлось вернуться в Старую Руссу, полуразрушенную бомбардировками. Выживание в оккупированном городе стало первой школой жизни для Юрия.

Зимой 1941–1942 гг. он провел несколько месяцев у партизан. В отряде Юрий участвовал в ночных вылазках, учился устанавливать мины и засады, устранять часовых, разрушать железнодорожное полотно и ходил в разведку в деревни, притворяясь сиротой. Со временем он стал обращать внимание на жестокость партизан. В своей книге Юрий написал о том, что, наглядевшись на ужасы, творимые немцами, он думал, что русские на такое не способны. Он понимал, что партизаны ведут войну не по правилам, но их методы превосходили все его представления о добре и зле.

После побега из партизанского лагеря Юрий сразу же попал в руки немецкой полевой жандармерии, а оттуда в лагерь для советских военнопленных. От голодной смерти его спасло знание немецкого языка, которое он приобрел в первые месяцы оккупации Старой Руссы. Через некоторое время его отпустили служить в штаб комендатуры города переводчиком, что было, по его словам, единственным шансом выжить в этом аду.

В 1942 г. Юрий познакомился с представителями Русской национальной народной армии, которые организовались для будущей борьбы против Сталина и коммунизма, и записался в армию добровольцем. Рота, где служил Юрий, ходила в разведку и патрулировала территории, иногда вступая в стычки с партизанами. В конце 1942 г. батальон Юрия был переброшен на север Дании, в Скаген, для охраны береговой линии. Юрий служил в одном из «восточных батальонов» вермахта, который входил в состав 416-й немецкой стрелковой дивизии. Впоследствии первый батальон, в котором был Юрий, стал ядром 4-го полка 1-й дивизии РОА. В феврале 1945 г. дивизия Юрия была переправлена на Восточный фронт, в Германию. В середине апреля, совершив 35-дневный марш-бросок, полк Юрия присоединился к 1-й дивизии РОА. 10 мая 1-я дивизия РОА была распущена, командир роты поблагодарил солдат за службу и посоветовал им спастись собственными силами. Этой же ночью Юрий покинул лагерь.

Десять дней он шел на запад, минуя большие дороги и населенные пункты, избегая встреч с чешскими партизанами, военными частями, и страшно боялся быть отправленным в какой-нибудь лагерь вместе с другими беженцами. Только когда какая-то женщина поприветствовала его «Grüß Gott!!», он понял, что наконец добрался до Германии.

Следующие два года Юрий работал в разных фермерских хозяйствах в Баварии и Саксонии, за работу его кормили и давали ночлег. Ему постоянно приходилось менять хозяев, так как местная администрация требовала регистрации наемных рабочих в течение тридцати дней, а будучи зарегистрированным, он подвергся бы опасности отправки в СССР как советский подданный; на родину он возвращаться не собирался. В 1947 г. с помощью Международной организации по делам беженцев Юрий получил двухлетний контракт на работу в Бельгии на шахте, но продержался там около полугода, и, вернувшись обратно в Германию, продолжил работать в фермерских хозяйствах.

В июне 1950 г. в США вступил в силу закон Лоджа — Филбина, дающий возможность неженатым не проживающим в Америке иностранцам из стран за железным занавесом служить в американской армии и впоследствии получить американское гражданство. Азаренко подал необходимые документы и в октябре 1951 г. был призван в американскую армию. В 1956 г. Азаренко стал американским гражданином.

По окончании курсов Азаренко получил военную специальность сапера, после чего его отправили служить в Корею, где он провел 15 месяцев. Впоследствии Юрий несколько раз возвращался из Америки в Германию, где служил в Ханау, во Франкфурте-на-Майне и в Гармише (1968–1970), в Русском институте. Знания русского и немецкого языков пришлось как нельзя кстати, и он стал связным звеном между американской администрацией института, его русскими преподавателями и немецким техническим составом. В его подчинении была аудиолингвистическая подготовка слушателей, включенная в учебную программу. Он принимал участие в проводимых в классных комнатах военных упражнениях и играх. Во время проведения конференций и симпозиумов он отвечал за синхронный перевод докладчиков, а также на добровольных началах преподавал русский язык женам студентов-офицеров.

В 1970-х гг. Юрий Азаренко служил во Вьетнаме. Параллельно со службой в армии он учился на заочном курсе университета Бостона и получил диплом магистра в области педагогики. В 1972 г., после 21 года службы в армии США, уорент-офицер Азаренко вышел на пенсию. Впоследствии Юрий продолжил обучение и получил диплом магистра по лингвистике, а в 1984 г. — степень доктора философии, защитив диссертацию на тему о Русском освободительном движении во время Второй мировой войны⁷⁵. С 1987 по 1990 г. Азаренко, вновь вернувшись в Гармиш, на этот раз в качестве преподавателя, вел курсы на темы «Советская военная стратегия» и «Тактика и оперативное искусство». Юрий Азаренко скончался 4 июля 2016 г. в городке Корваллис, штат Орегон, США.

Долгое время в Русском институте преподавали И.И. Бариц и Г.М. Викторов. Оба оказались на Западе не во время войны, а после ее окончания, используя удачное стечение обстоятельств или планомерно рассчитав все детали побега.

И.И. Бариц. 1951.

*Фотография предоставлена супругой
И.И. Барица*

Иосиф Иосифович Бухвиц⁷⁶ родился 9 мая 1913 г. на Северном Кавказе в городе Армавир, где его отец работал на нефтяных промыслах Майнефти. В 1939 г. отец был арестован, и после шести месяцев тюрьмы его след пропал. После окончания средней школы И.И. Бухвиц два года работал на нефтепромыслах. В 1932 г. поступил в Московский институт народного хозяйства, который окончил в 1937 г. С 1937 по 1941 г. И.И. Бухвиц работал в различных министерствах сначала экономистом, а затем начальником планово-экономического отдела треста. Последним местом его работы до войны был Наркомат государственного контроля.

Будучи офицером запаса в чине младшего лейтенанта, он в начале войны был мобилизован в армию и занимал должности командира взвода и командира роты. В апреле 1942 г. обучался на курсах штабных офицеров в Горьком. После присвоения

звания лейтенанта с июня 1942 по апрель 1943 г. был помощником начальника штаба 843-го пехотного полка 238-й пехотной дивизии Калининского фронта. Находясь на этой должности, получил очередное звание старшего лейтенанта. С апреля по сентябрь 1943 г., уже в звании капитана, проходил службу на должности начальника штаба 837-го пехотного полка 238-й пехотной дивизии Брянского фронта и Второго Белорусского фронта — до окончания войны. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени (1944) и орденом Красной Звезды (1945)⁷⁷. Окончание войны встретил на Эльбе.

Из послевоенной переписки с сестрой И.И. Бухвиц узнал, что его мать умерла во время войны. У Иосифа было еще два брата, оба выпускники Московского университета, но связь с ними он потерял во время войны.

После окончания войны И.И. Бухвиц был откомандирован в Советскую военную администрацию в Восточной Германии и занимал там должность военного коменданта города Планиц (июнь 1945 — февраль 1946 г.), позже — заместителя военного коменданта округа по экономическим вопросам в городке Цвиккау (до апреля 1947 г.).

Решение покинуть советскую зону и уйти на Запад И.И. Бухвиц принял после того, как знакомый предупредил его о том, что НКВД собирает компромат на него за его излишнюю лояльность к местному населению⁷⁸. Ему грозили исключением из партии, но окончательное решение должно было быть принято в Дрездене. Бухвиц решил не дожидаться назначенного на 17 апреля 1947 г.

высокого партийного решения. Он сел в машину и приказал своему немецкому водителю везти его в Берлин. На пропускном пункте при пересечении границы в американскую зону никто не спросил ни его удостоверения, ни каких-либо других документов. Переодевшись в гражданскую одежду, Бухвиц отправился на военную базу в Темпельхоф и попросил политического убежища.

Американцы не готовы были предоставить Бухвицу политическое убежище, но американский офицер русского происхождения Михаил Г. Щербинин организовал встречу с представителем английской разведки, который впоследствии помог переправить его в Ганновер, в английскую зону. С апреля 1947 до конца 1948 г. Бухвиц находился под присмотром английской разведки, в это время его периодически допрашивали. В конце 1948 г. его поселили в пансион в немецком городке Лемго. Англичане предлагали Бухвицу эмигрировать в Англию или Канаду, но он отказался, решив остаться в Германии. В августе 1949 г. надзор британских спецслужб был снят, и Иосиф Бухвиц переселился в лагерь для беженцев в Бломберге. Перед тем как его опустить, англичане рекомендовали Иосифу изменить фамилию, оставив в ней лишь первую и последнюю буквы. Так он из Бухвица превратился в Барица.

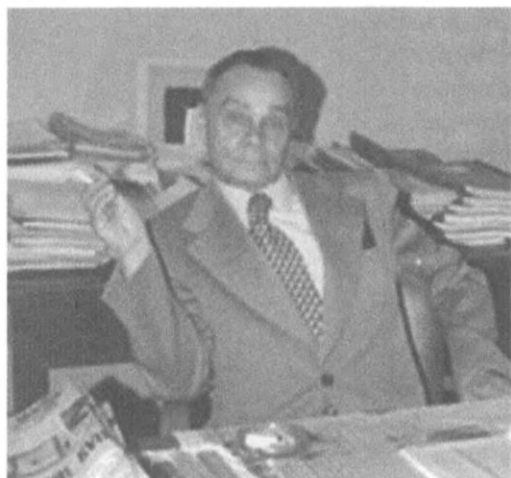
До начала работы в институте И.И. Бариц писал статьи в эмигрантский журнал «Свобода» (Мюнхен), официальный орган ЦОПЭ. В Подразделении «Р» / Русском институте И.И. Бариц работал с 1951 по 1983 г., читал лекции на темы «Советская внешняя политика», «Советская военная доктрина», «Вооруженные силы стран Варшавского договора»⁷⁹. И.И. Бариц умер 12 августа 1984 г. в Мюнхене, похоронен в Гармиш-Партенкирхене.

Григорий Степанович Бурлуцкий (в Русском институте он был известен как Григорий Михайлович Виктор) родился 28 февраля 1919 (по другим данным, 1918) г. в селе Ветлянка Оренбургской области⁸⁰. После семилетки учился в сельскохозяйственном техникуме в Куйбышевской области, в 1938 г. поступил в военное училище погранвойск, с 1940 г. служил в пограничных войсках.

С первых дней войны — на фронте. В 1942–1943 гг. Бурлуцкий служил на Кубани и на Северном Кавказе, охраняя тылы советской армии от германских шпионов и диверсантов. Иногда его подразделение бросали в боевые действия с немцами. В апреле 1943 г. Бурлуцкий был награжден медалью «За отвагу». В феврале 1944 г. его подразделение участвовало в операции по депортации чечено-ингушского населения, за что он был награжден швейцарскими часами с выгравированной надписью «За успешное выполнение задания, НКВД, СССР,

И.И. Бариц. 1966

Г.М. Викторов. 1976.
*Архивная коллекция библиотеки
Центра им. Маршала*

1944». Впоследствии Бурлуцкий принимал участие в операциях по депортации карачаевцев, калмыков и крымских татар. В 1944 г. он также участвовал в операциях по борьбе с литовскими партизанами, где бойцы его отряда «арестовывали, расстреливали, сжигали... Даже мои дисциплинированные бойцы испытывали отвращение к тому, что приходилось делать. Нередко после особенно жестокой поисковой операции я находил их в казарме пьяных в стельку. Они топили остатки человеческого в алкоголе»⁸¹, — вспоминал Бурлуцкий в 1954 г.

После окончания войны Бурлуцкий служил в Восточной Пруссии и Литве в пограничных

войсках. В 1951 г. он учился в высшем погранучилище в Бабушкине, а после его окончания был послан служить в Туркестан. Там Бурлуцкий и совершил переход через границу, используя свои знания, рассчитав детали побега до последней мелочи.

Бурлуцкий-Викторов проработал в Русском институте с 1954 по 1982 г., читал лекции на темы «Тактика, служба штабов и тыла Советской армии»⁸², «Вторая мировая война на советско-германском фронте»⁸³ и «Современная организация Вооруженных сил СССР»⁸⁴. Г.М. Викторов умер в 1986 г.

Перечисляя преподавателей Русского института, невозможно не вспомнить семейную пару Поздеевых, Елену Петровну и Евгения Евгеньевича⁸⁵.

Евгений Евгеньевич Поздеев родился 8 ноября 1916 г. в Туле. Дед Е.Е. Поздеева был полковником, отец — чиновником, служащим отделения Госбанка города Петракова Петраковской губернии⁸⁶, одной из шести губерний царства Польского в составе Российской империи. После начала Первой мировой войны родители Е.Е. Поздеева эвакуировались в Россию. В Гражданскую войну отец Е.Е. Поздеева добровольно записался в Белую армию и воевал там рядовым. Затем семья решила вернуться в Польшу, но по дороге домой все члены семьи умерли от свирепствующего вокруг тифа, в живых остался лишь сам Евгений и его старший брат. Евгения взяла на воспитание его тетя, но когда Евгению исполнилось 14 лет, умерла сама тетя, и он остался полным сиротой. После гимназии Евгений Евгеньевич учился на юридическом факультете Варшавского университета, одновременно работая в конторе адвоката. Со школьных лет являлся скаутом и после окончания университета стал квалифицированным скаутским руководителем. В 1939 г. Е.Е. Поздеев вступил в НТС.

Е.Е. Поздеев

Е.П. Поздеева

В 1943 г. Евгений Евгеньевич женился. Его избранница **Елена Петровна Поздеева** (девичья фамилия Крачкович) родилась 9 апреля 1923 г. в Гродно (тогда Польша, сейчас Белоруссия). Среднее и высшее образование она получила в Гродно и Варшаве. Из дворянской семьи. Отец воевал в Белой армии моряком. Елена Петровна выросла в той же патриотической и антикоммунистической атмосфере заграничной русской диаспоры, как и Евгений Евгеньевич.

В 1943 г. молодая семья Поздеевых уехала в Россию для работы добровольцами в Псковской православной миссии (Православной миссии в освобожденных областях России). На захваченной немецкими войсками территории северо-западных районов СССР с разрешения немецких властей миссия проработала три года, в это время Православная церковь получила возможность восстановить храмы, разрушенные после революции, проводить богослужения, наладить церковную жизнь в регионе. Основной своей задачей Евгений Евгеньевич считал организацию церковных школ, а так как он служил заведующим роно в городке Остров, у него была возможность ездить по району и помогать с созданием школ. Служба была скорее прикрытием, она была необходима, чтобы иметь право находиться на этой территории. О своем участии в Псковской миссии они никому, кроме местного священника, не рассказывали. Елена Петровна помогала мужу в организации церковных школ, сама вела занятия по религии, помогала в обустройстве храмов. Будучи беременной, помогала в распространении листовок НТС. В НТС она вступила в 1943 г.

В конце 1944 г. Е.Е. Поздеев вместе с женой и дочерью, спасаясь от наступления советских войск, уехал сначала в Варшаву, а затем в Берлин. Позднее работали в фирме «Эрбауер», которая находилась недалеко от концлагеря Дора-Миттельбау в Тюрингии. В конце войны Е.Е. Поздеев занимался спасением людей из «тифозного» лагеря, в котором находились заболевшие «восточные рабочие» из СССР, обеспечивал там элементарный врачебный уход, дезинфекцию, подвоз продовольствия и вывоз умерших. Позднее, уже после освобождения лагеря американцами, Евгений Евгеньевич занимался также туберкулезными больными, принимая бывших заключенных лагеря Дора, обессиленных непосильным трудом под землей и недоеданием.

С лета 1945 г. Евгений Евгеньевич, получив от американцев в качестве немецких трофеев санитарный автобус, на котором было написано «тифозный госпиталь», под видом перевозки больных тифом вывозил из лагеря уроженцев СССР, которые не хотели быть репатриированными на родину, и отправлял их в более безопасные места. В составе Русского комитета английской зоны оккупации, используя знакомство с архимандритом Нафанаилом, назначенным Синодом Русской зарубежной православной церкви для работы с русскими верующими, он участвовал в организации лагерей для перемещенных лиц и помощи в их легализации.

С 1945 г. Евгений Евгеньевич вместе с Еленой Петровной занимались созданием в послевоенной Германии Организации российских юных разведчиков-скаутов. С 1946 по 1954 г. Е.Е. Поздеев являлся членом Совета НТС, работал в издательстве «Посев». В январе 1955 г. из-за раскола в рядах НТС Евгений Евгеньевич вместе с женой вышли из НТС, разочаровавшись в методах работы этой организации.

Е.П. Поздеева в 1955–1956 гг. работала журналисткой на Радиостанции Голос Америки в Мюнхене, с 1955 по 1961 г. преподавала польский язык в американской школе в Обераммергау, с 1961 по 1964 г. работала в исследовательском отделе американской школы в Обераммергау, занимавшейся вопросами психологической войны с коммунизмом, где преподавала курс внешней политики СССР, с 1964 по 1967 г. — на Радио Свобода в Мюнхене.

Е.Е. Поздеев с 1958 до 1980 г. работал в Русском институте, преподавал русский язык, вел занятия на темы «Вопросы современного советского права» и «Религия и церковь в СССР». Е.П. Поздеева работала в Русском институте с 1967 по 1980 г. и преподавала русскую и советскую литературу, читала лекции о русском искусстве, вела занятия по теме «Современное советское общество через призму советской литературы», а также вела литературный клуб на английском языке, для того чтобы в нем могли принимать участие и жены студентов-офицеров. Семья Поздеевых была знакома со многими писателями-диссидентами, у них дома бывали Н.Е. Горбаневская, В.К. Буковский, З.А. Крахмальникова.

В 1977 г. супруги Поздеевы организовали в Мюнхене филиал парижской организации «Общество помощи верующим в России», Елена Петровна стала

его председателем. В том же году у них возникла идея о создании просветительной православной радиостанции и начат сбор денег среди частных лиц и религиозных организаций Европы и Америки. Основными принципами деятельности радиостанции были отказ от политики, коммерции и полемики с другими христианскими конфессиями. С 1979 г. радиостанция «Голос православия» начала транслировать передачи на волне радиостанции Radio Africa № 1 (Габон), затем — Radio Trans Europe (Португалия). В передачах читалось и толковалось Евангелие, объяснялись тексты молитв, рассказывалось о церковных праздниках и святых. Материалы для передач они готовили и собирали сами. В редакционный совет входило несколько человек, они собирались еженедельно и писали программы своих передач.

После выхода на пенсию супруги подолгу жили в Бюсси-ан-От (департамент Йонна, Франция), где находился православный Покровский монастырь. Впоследствии небольшой дом Поздеевых в Бюсси-ан-От стал настоящим штабом «Голоса православия». С помощью Елены Петровны и Евгения Евгеньевича в Санкт-Петербурге было также создано Православное братство святой Анастасии Узорешительницы, которое оказывало помощь больным и неимущим, организовывало мастерские для детей-инвалидов. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. Поздеевы приглашали членов братства к себе домой в Мюнхен, организовывали различные встречи в Бюсси-ан-От, проводили семинары.

Елена Петровна скончалась 6 февраля 1994 г., Евгений Евгеньевич умер в Мюнхене 14 июля 1994 г., оба похоронены в Бюсси-ан-От. Традиции созданного супругами Поздеевыми радио продолжает радио Санкт-Петербургской митрополии «Град Петров».

Валентина Поликарповна Паунович (в девичестве Шматкова) родилась в Орле 23 марта 1924 г. в семье священника. В 1944 г. вместе с сестрой была отправлена в Любек, где работала на заводе по производству мин. После войны, чтобы избежать репатриации в СССР, зарегистрировалась под именем Валерия Кунцевич, 23 апреля 1924 г. рождения, как уроженка Львова. Ее первым мужем был Владимир Копылов (настоящая фамилия Грачев), бывший советский офицер⁸⁷.

В.П. Паунович проживала в разных лагерях для беженцев, в том числе в Менхегофе, где училась на образовательных курсах для получения справки о среднем образовании. Возможно, некоторое время проживала в Бельгии. Она была членом «закрытой группы» НТС. Некоторое время жила в энтээсовском лагере «Солидарск» в Бад-Гомбурге недалеко от Франкфурта. В лагере была предпринята попытка организации энтээсовского университета, который должен был заниматься политическим образованием, но организация просуществовала недолго.

В Русском институте работала с 1958 г. (приблизительно) по 1990 г., преподавала русский язык, читала лекции по Восточной Европе, главным образом о Болгарии и Румынии, а также курс по социологии под названием «Советское

общество». После выхода на пенсию жила сначала в Мюнхене, затем, после смерти второго мужа, сербского историка и философа Светомира Пауновича, переехала в Белград. В.П. Паунович умерла в 2018 г.

***

Всех упомянутых выше людей судьба случайно соединила в стенах Русского института. Работа в Подразделении «Р» / Русском институте для тех сотрудников, кто смог удержаться там на длительный срок, оказалась спасательным кругом в тяжелой послевоенной Германии, они получили материальную стабильность и уверенность в завтрашнем дне.

Это были разные люди по своему образованию, жизненному опыту и политическим пристрастиям. Не все они принимали друг друга, бывало, что некоторые преподаватели годами отказывались разговаривать с кем-то из коллег. Но их всех связывало одно — русский язык, который для них являлся родным (возможно, только Н.Я. Озолинс был исключением).

До начала перестройки никто из сотрудников школы и помыслить не мог связаться со своими родными, оставшимися в СССР, или просто что-нибудь узнать про них; все понимали, насколько это может повредить их родственникам. Увидеть своими глазами страну, которую они покинули в 1940-х гг., довелось не всем, мало кто дожился до снятия железного занавеса. В конце 1980-х — начале 1990-х в Россию смогли приехать лишь Л.Ф. Кавецкая и Е.Н. Крылова, но это была уже другая страна и другие люди.

Для некоторых семей, особенно там, где оба родителя были русскоговорящими, русский остался родным языком для их детей, и слово «Россия» они до сих пор произносят с любовью и нежностью. В других семьях с детьми не говорили по-русски, считая, что в страну их родителей дети никогда не вернутся.

Проживая вдалеке от родины, преподаватели Русского института внимательно наблюдали за тем, что происходило за железным занавесом, и были в курсе всех процессов, происходящих в СССР. Они читали газеты, журналы и книги, которые приходили в библиотеку института регулярно, слушали выступления сотрудников западных, в первую очередь американского, посольств, посещающих институт и рассказывающих о своем опыте работы в СССР. В 1970-х гг. институт посещали диссиденты, выпущенные из СССР, в Мюнхене проходили выставки или концерты советских художников и артистов.

Бывшие студенты с благодарностью вспоминают время, проведенное в Гармише, некоторые до мельчайших подробностей сохранили в своей памяти имена преподавателей и их рассказы об их «советской» жизни и о войне, оставшейся неизлечимой раной в сердцах заброшенных на чужбину эмигрантов. Русский институт был для американских студентов не только школой, где они изучали свои науки, но и местом встречи с русскими людьми, местом, где их преподаватели пытались передать им вместе со знаниями свои чувства, свое понимание и свою мечту о России.

¹ С 1947 по 1967 г. организация носила название «Подразделение "Р"» (Detachment «R»), с 1967 по 1978 г. — Институт сухопутных войск США по углубленному изучению СССР и стран Восточной Европы (US Army Institute for Advanced Russian and East European Studies), с 1978 г. до ее закрытия в 1993 г. — Русский институт сухопутных войск США (USARI, US Army Russian Institute).

² Несмотря на наличие Русского института при Колумбийском университете, русскоговорящие сотрудники института в Гармише всегда называли организацию Русским институтом.

³ Боков Х. Радиодиверсанты // Советская Россия. 1970. 13 июня. № 136. С. 3; Леров Л., Павлов В., Чернявский Ю. Вояж Франсуа де Перрето // Огонек. 1971. № 37. С. 28; Марин Ю. «Радио "Свобода"»: кто есть кто и что есть что // Литературная газета. 1976. 4 февраля. № 5. С. 14–15; Колосов Л. «Свобода», как она есть // Неделя. 1976. 16–22 февраля. № 7. С. 20–21; Боров В., Михайлов М. На службе психологической войны // Известия. 1979. 26 марта. № 73. С. 5.

Появление этих статей связано с именем Ю.М. Пятакова, работавшего в Русском институте под фамилией Ю. Марин. Ю.М. Пятаков родился в 1929 г., окончил Военный институт иностранных языков. В 1966 г. Пятаков прыгнул с борта советского судна, ведшего радиоперехват у берегов Калифорнии, и был подобран американцами. В Вашингтоне он был завербован сотрудником советского посольства. В 1967 г. Пятаков получил трехлетний контракт на работу преподавателем русского языка в Русском институте сухопутных войск США в Гармише. С 1971 по 1973 г. Ю.М. Пятаков работал диктором на Радио Свобода в Мюнхене. В октябре 1973 г. выехал из Мюнхена и вскоре оказался в Москве (см.: *Cummings R.H. Cold War Radio: The Dangerous History of American Broadcasting in Europe, 1950–1989. Jefferson, 2009. P. 176–178*).

Отвечая на вопрос, был ли Русский институт «школой для подготовки разведчиков», необходимо сказать «нет». В учебной программе школы никогда не было специальных предметов по технике шпионажа, обучению методам вербовки или конспирации. Выпускники Русского института, американские офицеры и гражданские сотрудники ряда госучреждений, использовали знания, приобретенные в Гармише, в их дальнейшей профессиональной деятельности дипломатов, военных, исследователей, сотрудников государственных учреждений. В период холодной войны эти знания были востребованы и использовались как военными, так и гражданскими организациями.

⁴ В период Второй мировой войны в США существовали различные программы по подготовке специалистов для армии и флота, например ASTP, NSMGA (позднее — School of International Affairs при Колумбийском университете). Занятия проводились в учебных помещениях различных гражданских университетов и включали обучение языку и страноведческую подготовку (см.: *Parry A. America Learns Russian: A History of the Teaching of the Russian Language in the United States. Syracuse, 1967. P. 105–127; Engerman D.C. Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts. Oxford, 2009. P. 13–43*).

⁵ Вскоре программа была изменена, и офицеры стали обучаться два года в Америке (на военных языковых курсах в Монтерее или в любом гражданском университете, имевшем «русскую» программу) и два года за границей.

⁶ До Второй мировой войны существовали редкие практики обучения американцев русскому языку за границей, в основном по частной инициативе обучающегося. Например, Джордж Кеннан, начинающий свою дипломатическую карьеру в конце 1920-х — начало 1930-х гг. провел в Прибалтике, изучая русский язык (см.: *Kennan G.F. The Kennan Diaries / ed. by F. Costigliola. N.Y., 2014. P. 48–88; Parry A. Op. cit. P. 81–104*).

⁷ Изучение иностранных языков в американских вооруженных силах поддерживалось тем, что военные, изучающие иностранный язык, который правительство в данный момент считает необходимым, по своей инициативе или по направлению администрации, сдав языковой тест, получали прибавку к жалованью. Изучающие, например, немецкий язык, могли совершенствовать его в Германии. В случае русского языка это было невозможно вплоть до распада СССР в 1991 г. Только снятие железного занавеса дало возможность для американских военных совершенствовать русский язык в самой России.

⁸ *History of US Army Russian Institute // Bulletin of the United States Army Russian Institute. Garmisch (Germany), 1979. P. 9.*

⁹ Подразделение «Р» последовательно располагалось в Обераммергау (1947–1948), Регенсбурге (1948–1955), Обераммергау (1955–1964), Гармиш-Партенкирхене (1964–1993). Постоянные переезды были связаны с недостатком учебных помещений и мест для проживания студентов-офицеров и сотрудников.

¹⁰ Современные историки приводят следующие данные относительно численности бывших советских граждан, проживавших в Западной Германии и Австрии после окончания Второй мировой войны. Так, П.М. Полян, исходя из оценок, сделанных Управлением уполномоченного при Совмине СССР по репатриации, приводит цифры: 174 439 человек, находившихся в Западной Германии, и 53 000 — в Австрии (на 1 марта 1946 г.), 242 068 человек (только в Германии, на 15 января 1947 г.), 103 700 человек (на 1952 г.) (см.: Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. С. 572–573, 823). Согласно данным органов советской репатриации, приводимым В.Н. Земсковым, на 1 января 1952 г. в Западной Германии проживало 84 825 человек, в Австрии — 18 891 человек эмигрантов второй волны из СССР (см.: Земсков В.Н. «Вторая эмиграция» и отношение к ней руководства СССР: 1947–1955 // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР — России, 1941–2001 гг.: сб. ст. / под ред. Г.Я. Тарле, Ю.А. Полякова. М., 2007. С. 63–91; Он же. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. М., 2016. С. 136–157). Историк Е.В. Кодин, ссылаясь на Дж. Фишера, американского историка и исследователя темы русской эмиграции, приводит данные о 250 тыс. русских эмигрантов, к середине 1947 г. остававшихся на Западе; большая их часть была сосредоточена в американской зоне оккупации на территории Германии и Австрии (см.: Кодин Е.В. Мюнхенский институт по изучению СССР. 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? Смоленск, 2016. С. 11).

¹¹ В американской зоне Германии в 1947 г. было зарегистрировано 416 лагерей для перемещенных лиц (см.: Котова Т.А. Повседневная жизнь в лагерях для перемещенных лиц в Германии (по личным воспоминаниям их обитателей) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «История России», 2015. № 1. С. 71).

¹² См.: *Patterson W.H. A Unique School: The U.S. Army Institute for Advanced Russian and East European Studies // The Journal of the Armed Forces. 1968. Vol. 105, № 26. P. 2.*

¹³ Авторханов А. Мемуары. Frankfurt a/Main, 1983. С. 673.

¹⁴ Среди них только два преподавателя проработали в институте длительное время (Воислав Божич (Војислав Bozic) и Николай Озолинс), для остальных этот срок ограничился несколькими годами. Одним из них был Арнольд Давидович Марголин (1877–1956), адвокат, общественный деятель, писатель, уроженец Киева, в эмиграции в Великобритании (1920–1922), в США (1922–1956). А.Д. Марголин проработал в Подразделении «Р» с декабря 1947 г. по февраль 1949 г., после чего вернулся в Америку из-за недостаточного финансирования гражданских сотрудников школы. С 1947 г. по 1951 г. в Подразделении «Р» проработал Владимир Александрович Сиволобов (30 января 1896 г., Лодзь — 2 февраля 1989 г., Джорданвилл, штат Нью-Йорк, США). До революции В.А. Сиволобов учился в Политехническом институте в Варшаве, в артиллерийской школе в Москве, служил в российской армии. Был женат на дочери генерала Ивана Нилова. С 1922 г. — в Германии, до 1945 г. работал в Высшей технической школе в Берлине (Technische Hochschule). После окончания Второй мировой войны уехал в Кельн, где получил работу в переводческом отделе при английской военной администрации. В 1953 г., после долгих попыток перебраться в Канаду с помощью Международной организации по делам беженцев, В.А. Сиволобов уехал в Америку (Переписка Международной организации по делам беженцев и документация по вопросу предоставления помощи, 1949–1952 гг. // Arolsen. Doc-ID: 3.2.1.1 / 79787217 — 79787224, 3.2.1.4 / 81180798 — 81180819). Другим сотрудником был Константин Рыбин (2 октября 1898 г., Санкт-Петербург — ?), проработавший в Подразделении «Р» с 1947 по 1948 г. К. Рыбин до 1940 г. жил в Италии, в Кьявари и Рапполо, где он организовал школу иностранных языков. В 1941 г. он был вывезен в Германию, и до 1945 г. жил в Берлине. В апреле 1945 г. К. Рыбин смог выехать из Берлина в Бремен, где он преподавал иностранные языки (Документация Подготовительной комиссии Международной организации по делам беженцев, 1947–1948 // Arolsen. Doc-ID: 3.2.1.1 / 79675421 — 79675425). Другими сотрудниками были Александра Каро и Николай А. Павлов, о которых у нас сведений нет. В 1951 г. в Подразделении «Р» также преподавал Роман Николаевич Редлих (1911–2005), философ, общественный деятель, член НТС. Р. Редлих жил в Германии с 1933 г. В архиве библиотеки хранится его работа, написанная им вместе с одним из студентов Подразделения «Р», о восстаниях на территории СССР начиная с 1918 г. (см.: *Reitz J.P., Redlikh R. Major and Minor Uprisings in the USSR*. [Regensburg, Germany], 1951. Pt. I–III).

В 1949 г. в Подразделении «Р» работал Константин Криптон, чье настоящее имя было Константин Георгиевич Молодецкий (1902, Быхов Могилевской губ. — 1994, Лейквуд, штат Нью-Джерси, США) (*Толстой И. О чем рассказал загадочный Криптон* // URL: <https://www.svoboda.org/a/25244051.html>; Asbury Park Press (Asbury Park, New Jersey). 1994. January 20. P. 23 (URL: <https://www.newspapers.com/image/145251210>)). К. Криптон также являлся одним из организаторов Института по изучению истории и культуры СССР (Мюнхен). В начале 1950-х гг. К.Г. Молодецкий переехал в США и до выхода на пенсию преподавал в Фордемском университете.

¹⁵ С середины 1970-х гг. в связи с естественными причинами старения старшего поколения преподавателей, эмигрантов второй волны, в институт пришли работать дети русских эмигрантов первой волны, а также получившие американское образование послевоенные эмигранты, вывезенные из СССР в малолетнем возрасте. В кон-

це 1970-х гг. в институте появились представители третьей волны эмиграции. После начала перестройки и снятия железного занавеса в Русский институт пришли новые кадры молодых преподавателей, которые, получив рабочий контракт, могли уже свободно путешествовать по миру и не расставаться с родиной навсегда, как это было у их более старших коллег. Одновременно и у офицеров-студентов появились возможности обучения в России, чем они и начали активно пользоваться, принимая участие в различных стажировках и программах. Программа обучения офицеров была пересмотрена и сокращена, а Русский институт закрыт. Частично функции Русского института выполняет программа по обучению офицеров-страноведов (Foreign Area Officer, FAO), существующая в стенах Европейского центра по исследованию вопросов безопасности им. Дж. К. Маршалла.

¹⁶ По Ялтинским договоренностям 1945 г. все освобожденные Красной армией и войсками союзников военнопленные и гражданские лица, проживавшие на территории СССР на 1 сентября 1939 г., должны были быть безоговорочно возвращены в Советский Союз со всех территорий, где бы они ни находились после окончания войны.

¹⁷ Фишер Ю.Л. Две страсти // В поисках истины: Пути и судьбы второй эмиграции: сб. ст. и док. / под общ. ред. А.В. Попова. М., 1997. С. 93.

¹⁸ Основным источником для выяснения сотрудников стали подписи на оборотной стороне выпускных фотографий классов, где наряду с выпускниками (и их военным званием) были напечатаны фамилии преподавателей. Никаких имен или даже инициалов. Определить по фамилии, кто изображен на фотографии, бывший русский эмигрант или американский сотрудник, не всегда получается, особенно если учесть, что многие русские эмигранты меняли свои имена.

¹⁹ См.: А.Г. Авторханов — ученый, публицист, общественный деятель: материалы международной науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения А.Г. Авторханова (г. Прозный, 11–21 октября 2008 г.) / отв. ред. С.С. Магамадов. Назрань, 2008; Хатуев И.З. Абдурахман Авторханов: жизнь, борьба и творческое наследие. Нальчик, 2012.

²⁰ См.: O'Connell C.T. The Munich Institute for the Study of the USSR: Origin and Social Composition. Pittsburgh, 1990. P. 24–25 (The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies; № 808).

²¹ См.: Кунта А. Политическая история СССР / U.S. Army Institute for Advanced Russian and East European Studies. Б.м., [1969 или 1970]; Он же. Коммунистическая доктрина и идеология / U.S. Army Institute for Advanced Russian and East European Studies. Б.м., [1970 или 1971]; Он же. Коммунистическая партия Советского Союза / U.S. Army Institute for Advanced Russian and East European Studies. Б.м., [1969]. В архиве библиотеки Центра им. Маршалла хранятся конспекты тех же лекций за 1975–1976 гг.

²² См.: Авторханов А.Г. Мемуары. С. 754.

²³ Переписка архивов (Международной службы розыска) Арользена, 1956 г. // Arolsen. Doc-ID: 6.3.3.2 / 90755552). По другим документам того же архива, она родилась на десять лет раньше, 25 ноября 1916 г. (Список турецких граждан города Розенхайм, 1948 г. // Arolsen. Doc-ID: 2.1.1.1 / 70206808). По воспоминаниям Е. Романова (Романов Е. В борьбе за Россию: воспоминания. М., 1999. С. 197), она была из Харькова.

²⁴ Как минимум с 1950 до 1974 г., когда, по воспоминаниям знакомых, вместе с семьей сына он уехал в Австралию.

²⁵ *Артемов В.П., Виктор Г.М.* Военная техника вооруженных сил СССР / U.S. Army Institute for Advanced Russian and East European Studies. Б.м., [1970]; *Артемов В.П.* История и современная организация вооруженных сил СССР / U.S. Army Institute for Advanced Russian and East European Studies. Б.м., [1968]. В архиве библиотеки Центра им. Маршалла сохранились конспекты лекций «Мобилизационная работа», «Советские органы государственной безопасности и шпионажа» и «Военная техника современных вооруженных сил» за 1958 г.

²⁶ *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова, 1944–1945: биографический справочник. М., 2009. С. 149–155.

²⁷ Существуют и другие версии о месте рождения и семье В.П. Артемова. В интервью, проводимых в рамках «Гарвардского проекта», Артемов сообщал о себе, что он родился в Москве в семье профессионального офицера, учился в кадетском корпусе и всю свою жизнь скрывал свое происхождение (см.: Harvard Project on the Soviet Social System. Schedule A, Vol. 11. Schedule A # 136 (interviewer AP). P. 3 // URL: [https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:5227296\\$3i](https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:5227296$3i); Schedule B, Vol. 15. B-9 # 136 (interviewer H.B.). P. 17–18, 39–41 // [https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:5401956\\$18i](https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:5401956$18i)).

В интервью Артемов рассказывал, как ему удалось это сделать: «Очень просто. Я из Москвы, а во всех официальных документах указывал, что из Киева. Мой брат говорил, что он из Варшавы. Когда они выясняли в Киеве, ничего не нашли. Во время гражданской войны все архивы в Киеве были уничтожены. Этим приемом очень часто пользуются в Советском Союзе» (см.: Harvard Project on the Soviet Social System. Schedule A, Vol. 11. Schedule A # 136 (interviewer AP). P. 46 // [https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:5227296\\$46i](https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:5227296$46i)). Найти подтверждение слов В.П. Артемова о его учебе в кадетском училище автору пока не удалось.

²⁸ Речь идет о Международной комиссии против методов работы, применяемых в концентрационных лагерях (Commission Internationale contre le Régime Concentrationnaire), которая была организована бывшими заключенными ГУЛАГа. Основное свое внимание комиссия уделила рассмотрению деятельности советских лагерей. Заседания комиссии проходили в Брюсселе с 21 мая по 1 июня 1951 г. (см.: Livre Blanc sur les camps de concentration soviétiques / Commission Internationale contre le regime concentrationnaire. [Paris, 1951]. P. 91–108).

²⁹ *Артемов В.П.* Режим и охрана исправительно-трудовых лагерей МВД. Мюнхен, 1956; *Кодин Е.В.* Указ. соч. С. 160–161.

³⁰ *Andreyev V.* Gamailis and Other Tales from Stalin's Russia. Chicago, 1963. В 1975 г. книга была переиздана (*Andreyev V.* Gamailis and Other Tales from Stalin's Russia. Westport, Conn., [1975]). На русском языке его рассказы изданы не были.

³¹ *Artemyev V.P.* Political Controls in the Soviet Army: A Study Based on Reports by Former Soviet Officers / ed. by Z. Brzezinski. N.Y., 1954. В Бахметьевском архиве при Колумбийском университете хранятся статьи В.П. Артемова «Послевоенные сведения о генералитете Госбезопасности СССР, 1945–1955 гг.», «Деятельность органов государственной безопасности в Советском Союзе», «Охрана государственных границ Союза Советских Социалистических Республик», «Подбор и подготовка советских служащих, предназначенных для работы в советских представительствах в иностранных государствах, и их особая деятельность за границей» и др. (BA. Research Program on the USSR papers. Box 7–8).

³² В коллекции Б.И. Николаевского хранятся написанные В.П. Артемьевым статьи «Военная наука и подготовка кадров Советской армии», «Мобилизационная работа штаба военного округа в СССР», а также рассказы, часть из которых вошла в сборник «Gamallis and Other Tales from Stalin's Russia» (HIA. B.I. Nicolaevsky collection. Box 233, folder 233).

³³ Артемьев В.П. Первая дивизия РОА. Материалы к истории Освободительного движения народов России (1941–1945). London (Ontario), 1974.

³⁴ См.: Память народа, 1941–1945 // <https://bit.ly/2E0BDPb>. Краткая биография К.А. Крылова хранится в архивной коллекции библиотеки Центра им. Маршалла.

³⁵ См.: Память народа, 1941–1945 // URL: <https://bit.ly/2BBrCC>. По рассказам дочери Е.Н. Крыловой, в лагере у К.А. Крылова из-за недоедания выпали все зубы.

³⁶ См.: Окорочков А.В. Особый фронт: немецкая пропаганда на восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007. С. 141.

³⁷ К.А. Крылов — Б.И. Николаевскому, 6 марта 1948 г. // HIA. B.I. Nicolaevsky collection. Box 487, folder 14.

³⁸ К.А. Крылов — Б.И. Николаевскому, 20 декабря 1948 г. // Ibid.

³⁹ См.: Кромиади К. За землю, за волю... Сан-Франциско, 1980. С. 252–253.

⁴⁰ См.: Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). СПб., 2008. С. 290–291.

⁴¹ См.: Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР). Мюнхен, 1962. С. 29–36.

⁴² Крылов К. Экономическая география СССР / U.S. Army Institute for Advanced Russian and East European Studies. Б.м., [1968]. В архиве библиотеки Центра им. Маршалла хранятся конспекты его лекций «Экономическая система Советского Союза» за 1975 г.

⁴³ Krylov C.A. The Soviet Economy: How It Really Works. Lexington, Mass., 1979. В ряде журналов были опубликованы рецензии на его книгу (см.: Thornton J. [Review:] Krylov C.A. The Soviet Economy: How It Really Works. Lexington, Mass., 1979 // The Russian Review. 1980. Vol. 39, № 1. P. 103–104; Thornton J.R. [Review:] Krylov C.A. The Soviet Economy: How It Really Works. Lexington, Mass., 1979 // Southern Economic Journal. 1980. Vol. 46, № 3. P. 996–997).

⁴⁴ Russian-English dictionary of Russian Sayings and Proverbs / comp. by C.A. Krylov. N.Y., 1973.

⁴⁵ Вполне вероятно, что дата рождения была изменена во время проживания в лагере для беженцев, где многие жили по поддельным документам.

⁴⁶ Копия письма была любезно предоставлена дочерью Евгении Николаевны.

⁴⁷ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. С. 139–142, 645–654, 797–799; Он же. Генералитет и офицерские кадры войск КОНР: результаты последних исследований // Пражский манифест КОНР: по материалам Международной конференции к 70-й годовщине провозглашения Пражского манифеста, которая состоялась 14–16 ноября 2014 г. в Праге, в Рудольфовой галерее Пражского Града. Прага, 2015. С. 28–29; Петров И.Р. Первый год плена полковника Нерянина // URL: <http://labas.livejournal.com/1097511.html>.

⁴⁸ См.: Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. С. 645–654; Петров И.Р. «И дух Ленина исчез с очень странным звуком»: учреж-

дение «Винета» и нацистская радиопропаганда против СССР // Неприкосновенный запас. 2016. № 4. С. 214; Он же. Первый год плена полковника Нерянина // Режим доступа: <http://labas.livejournal.com/1097511.html>.

⁴⁹ А.Н. Кобзов-Высоцкий, по-видимому, работал на военной кафедре, сохранились его лекции по темам «История и организация Красной армии» и «Тактика и доктрина советских вооруженных сил» (материалы подготовлены совместно с И.И. Бариевым) за 1958 г.

⁵⁰ Г.И. Антонов, скорее всего, также работал на военной кафедре. В архиве библиотеки сохранились его лекции по теме «Штабы — структура и функции» за 1959 г.

⁵¹ «Свершилось. Пришли немцы!»: Идеинный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / сост. и отв. ред О.В. Будницкий; вступ. ст. и примеч. О.В. Будницкий, Г.С. Зеленина. М., 2012. С. 8–36.

⁵² См.: Там же. С. 12. О.В. Будницкий и Г.С. Зеленина, по-видимому, используют краткую биографию Полякова-Осипова, опубликованную в брошюре «Старые — молодым» (Мюнхен, 1960. С. 80). Даты рождения (2 декабря 1889 г.) и окончания Санкт-Петербургского университета (1912) приводятся и в документах NARA (XE261 627). Эти материалы о Николае Осипове собраны сотрудниками американской контрразведки в Европе и во многом основаны на информации, предоставленной самим Осиповым или его знакомыми по эмиграции.

⁵³ Согласно документам NARA Олимпиада Георгиевна Кошанова (1902, Воронеж — 1958, Обераммергау). Брак был зарегистрирован в Новочеркасске, О.Г. Кошанова окончила Московский государственный университет по специальности экономическая география.

⁵⁴ Понятие «внутренняя эмиграция» Н. Осипов описал в статье (см.: *Осипов Н. Внутренняя эмиграция в СССР* // Грани. 1954. № 21. С. 80–89).

⁵⁵ «Наставникам, хранившим юность нашу...»: Педагогика и педагоги русского зарубежья: сб. ст. / сост. Л.С. Оболенская-Флам, О.П. Раевская-Хьюз. М., 2017. С. 120.

⁵⁶ См.: *Петров И.Р. «И дух Ленина исчез с очень странным звуком»*. С. 214–222; O'Connell C.T. Op. cit. P. 26–29; Harvard Project on the Soviet Social System. Schedule B, Vol. 6. Case 401 (interviewer S.H.). P. 1–4 // [https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:5445123\\$1i](https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:5445123$1i); De Silva P. Sub Rosa. The CIA and the Uses of Intelligence. N.Y., 1978. P. 15–36.

⁵⁷ *Боголепов И.* В отместку за Мадрид: мемуары жертв холодной войны. [Louvain], 1977. Ч. 1–2.

⁵⁸ Биография Н.М. Васильева составлена по материалам NARA (NW 51338 Doc Id: 32961041, 32961042). Эти документы представляют собой досье (или часть его) на Н.М. Васильева и его супругу Т.М. Васильеву, составленное сотрудниками американской группы контрразведки штаб-квартиры Европейского командования американских сухопутных войск. В первую очередь, подборка содержит документы, связанные с проверкой супругов Васильевых после того, как они заявили о желании выехать в США. По «Закону об оказании помощи беженцам», утвержденному американским Конгрессом в 1953 г., соискатели статуса беженца должны были пройти проверку на благонадёжность. Часть документов составлена на основании данных, предоставленных самими Васильевыми. Автор также использовал некролог «Памяти профессора Николая Михайловича Васильева» из архива Украинского свободного университета в Мюнхене.

⁵⁹ Так в документах NARA. Там же приводятся слова Иоганна Миртшука, директора Украинского свободного университета (Мюнхен), о том, что родители Васильева до революции владели большим сахарным заводом. В некрологе Украинского свободного университета написано, что отец Васильева был «известным украинским деятелем, этнографом и меценатом украинского движения», а упоминания о его работе на сахарном заводе отсутствуют.

⁶⁰ См.: Матях В.М. Васильев Михаил Калинович // *Енциклопедія історії України*: у 10 т. / редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. Київ, 2003. Т. 1: А–В. С. 444.

⁶¹ См.: Козин Е.В. Указ. соч. С. 126.

⁶² Сведения получены от детей Кавецких.

⁶³ Озолинс Н. География СССР / U.S. Army Institute for Advanced Russian and East European Studies. Б.м., [1968 или 1969].

⁶⁴ В июле и августе 1940 г. представители латвийских дипмиссий, работавшие в западных странах, направили ноты протеста против советской оккупации в правительства тех стран, при которых они были аккредитованы. Дипломаты пытались добиться непризнания законности советской оккупации Латвии и включения ее в состав СССР, призывая западные страны продолжить признание ими Латвийской Республики *de jure* (см.: *Latvia and the United States: A New Chapter in the Partnership* / Ed. by I. Indāns. Riga, 2012. P. 22–23).

⁶⁵ Все данные о Н.Я. Озолинсе до начала его работы в Русском институте приводятся по биографическому справочнику о латвийских дипломатах (*Latvijas Ārlietu dienesta darbinieki: 1918–1991: biogrāfiskā vārdnīca / Sastādītāji Ē. Jēkabsons, V. Ščerbinskis*. Riga, 2006. S. 228–229 (*Latvija starptautiskajās attiecībās*)).

⁶⁶ «On Guard for Latvia's Statehood»: Latvia's Foreign Service Staff in Exile During the Years of Occupation, June 17, 1941 — August 21, 1991 // <http://www.mfa.gov.lv/en/about-the-ministry/history-of-the-foreign-service/on-guard-for-latvia-s-statehood-latvia-s-foreign-service-staff-in-exile-during-the-years-of-occupation-june-17-1941-august-21-1991/2-uncategorised/4654-on-guard-for-latvia-s-statehood-latvia-s-foreign-service-staff-in-exile-during-the-years-of-occupation-june-17-1941-august-21-1991>.

⁶⁷ В архиве библиотеки Центра им. Маршалла хранятся конспекты его лекций «Право и суд Советского Союза» и «Военная юстиция вооруженных сил СССР» за 1960 г. В Институте военной истории сухопутных войск США (US Army Military History Institute) находится брошюра: Мазур Н.С. Материалы инсценировки уголовного процесса в военном трибунале округа / U.S. Army Institute for Advanced Russian and East European Studies. Б.м., [1968 или 1969].

⁶⁸ Мазур Н.С. Советское государство / U.S. Army Institute for Advanced Russian and East European Studies. Б.м., [1970?]. Лекции, подготовленные совместно с В. Божицем, «СССР в международных отношениях» находятся в архиве библиотеки Центра им. Маршалла.

⁶⁹ Кроме справки из городского архива и воспоминаний студентов об их профессоре, автор не обладает никакой другой информацией о Н.С. Мазуре. Каким образом Н.С. Мазур оказался в эмиграции, автору также неизвестно.

⁷⁰ Н.С. Мазур рассказывал своим студентам, что он учился вместе с Идой Авербах, женой Генриха Ягоды, и однажды, зайдя к ней домой, встретил там Г. Ягоду.

⁷¹ Биография составлена по воспоминаниям дочери, проживающей в США.

⁷² См.: Память народа, 1941–1945 // URL: <https://bit.ly/2Epz8pE>.

⁷³ Информация приводится по «Бланку регистрации» из городского архива Гармиш-Партенкирхена.

⁷⁴ Биография целиком составлена по воспоминаниям Ю. Азаренко «A Life's Tortuous Path», которые он написал для своих детей. Один экземпляр этой солидной (611 с.), самиздатовской книги по счастливому стечению обстоятельств библиотека Центра им. Маршалла получила в подарок от семьи Азаренко.

⁷⁵ *Azarenko J. The Russian Liberation Movement During World War II: Historical Accounts / PhD Thesis. Georgetown University, 1984.*

⁷⁶ Информация об И.И. Бухвице (Барице) была получена из архивов контрразведки американской армии (US Army Counterintelligence Corps, CIC) по запросу, поданному в соответствии с законом о свободе информации. В составлении его биографии использованы также документы архивной коллекции библиотеки и воспоминания его жены.

⁷⁷ См.: Память народа // URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_kartoteka1011873271/ (дата обращения: 01.12.2019).

⁷⁸ К майору Бухвицу жители Планица относились с уважением и большой симпатией (см.: *Peschke N., Zentgraf L. Das Kriegsende in der Zwickauer Region 1945. Erfurt, 2005. S. 123*).

⁷⁹ В архиве библиотеки Центра им. Маршалла хранятся конспекты его лекций за 1975–1976 гг.: «Советская внешняя политика», «Советская военная доктрина и стратегия», «Коммунистические страны Восточной Европы» и «Политика разрядки напряжения и принципиальные цели Кремля». В Институте военной истории сухопутных войск США хранятся конспекты его лекций за разные годы (см.: *Бариц И.И. Коммунистический Китай / U.S. Army Institute for Advanced Russian and East European Studies. Б.м., [1969]; Он же. Советская военная доктрина и стратегия / U.S. Army Institute for Advanced Russian and East European Studies. Б.м., [1969]; Он же. Военная характеристика стран Восточной Европы / U.S. Army Institute for Advanced Russian and East European Studies. Б.м., [1970]*).

⁸⁰ Биография составлена по документам архивной коллекции библиотеки, материалам сайта «Память народа, 1941–1945»: Бурлуцкий Григорий Степанович // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvigchelovek_kartoteka1011613171/?backurl=/heroes/?last_name=Бурлуцкий&first_name=Григорий&middle_name=Степанович&group=all&types=pamyat_commander:nagrad_y_nagrad_doc:nagrad_uchet_kartoteka:nagrad_ubilein_kartoteka:potery_doneseniya_o_poteryah:potery_gospitali:potery_utochenie_potery:potery_spiski_zahoroneniy:potery_voennoplen:potery_iskluchenie_iz_spiskov:potery_kartoteki:potery_vpp&page=1 (дата обращения: 26.08.2020) и статьи в журнале «Лайф» (*Thayer C. W. MVD Man's Declaration of Independence // Life. 1954. Vol. 37, № 1. July 5. P. 69–80*).

⁸¹ *Thayer C. W. Op. cit. P. 75.*

⁸² *Викторов Г.М. Тактика, служба штабов и тыла Советской армии / U.S. Army Institute for Advanced Russian and East European Studies. Б.м., [1969 или 1970].*

⁸³ *Он же. Вторая мировая война на советско-германском фронте / U.S. Army Institute for Advanced Russian and East European Studies. Б.м., [1969 или 1970].*

⁸⁴ В архиве библиотеки Центра им. Маршалла хранятся конспекты его лекций «Служба тыла вооруженных сил СССР» (1958), «Служба в Вооруженных силах СССР» (1975), «Современная организация Вооруженных сил СССР» (1975).

⁸⁵ При написании биографий использовались книги: *Голос Православия = Voix de l'Orthodoxie: к тридцатилетию со дня основания (1979–2009)* / сост. О.Н. Суровкина. СПб., 2009; *Романов Е.* Указ. соч.; *Обозный К.* История Псковской православной миссии, 1941–1944 гг. М., 2008; *Рар Л., Оболенский В.* Ранние годы (1924–1948 гг.). М., 2005; *Ковалев Б.Н.* Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1944). Великий Новгород, 2001; *Он же.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.

⁸⁶ По данным на 1912 г., Евгений Алексеевич Поздеев в чине губернского секретаря служил инспектором мелкого кредита (Памятная книжка Петроковской губернии на 1912 год. Петроков, 1912. С. 80).

⁸⁷ Переписка Архивов (Международной службы розыска) Арользена, 1982–1985 гг. // Arolsen. Doc-ID: 6.3.3.2 / 111592991 — 111593008.

ДОРОГА НА ЗАПАД

С.Н. Ковальчук, С.А. Цоя

СТАВШАЯ ВТОРОЙ ПЕРВАЯ ВОЛНА:
ОТЪЕЗД ИЗ ЛАТВИИ В 1944 году
БЫВШИХ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ

Аннотация: Статья посвящена судьбам ряда представителей первой волны русской эмиграции в Латвии. Во время Второй мировой войны многие эмигранты (а также их потомки) стояли на позициях коллаборационизма. В 1944 г. большинство из них бежали на Запад, где сделали успешную карьеру.

Annotation: The article is dedicated to the fortune of several representatives of the «first wave» of Russian emigration in Latvia. During the war years, many representatives of this wave and their descendants stood on the positions of collaborationism. In 1944, many went to the West, where they made a successful career.

Ключевые слова: русские эмигранты в Латвии, коллаборационизм, судьбы представителей второй волны эмиграции.

Key words: Russian emigrants in Latvia, collaborationism, the fate of the representatives of the «second wave» of emigration.

Чего ж мы ищем на Путих Небесных,
раз по земным не знаем, как ходить?

Александр Перфильев

С осени 1939 года для жителей независимой Латвии началось бурное пятилетие. Первого сентября началась Вторая мировая война, правда, далеко от границ. Вскоре стало возможно на территории Латвии размещение военных баз Красной армии, а для более 60 тысяч балтийских немцев прозвучал строгий призыв презреть многовековую укорененность в Прибалтике, культурно-исторические традиции и возвратиться в Германию. Первая волна репатриации в Германию немецкого / немецко-русского / немецко-латышского населения прошла осенью 1939 – весной 1940 года¹. В Латвии по разным причинам предпочли остаться несколько тысяч немцев.

То, что произошло 17 июня 1940 года, по терминологии одних историков, получило название «инкорпорация Латвии», по терминологии других — «оккупация независимой страны», иные ученые писали о восстановлении советской власти, поскольку несколько месяцев в 1919 году советская власть была установлена². Встречали Красную армию с цветами и ликованием. Шестого августа 1940 года заместитель министра-президента, министр внутренних дел известный писатель Вилис Лацис произнес речь, в которой были такие слова: «Верховный Совет Союза Советских

Социалистических Республик на своем заседании от 5 августа с.г. постановил принять Латвию в состав Союза Советских Социалистических Республик. Это означает, что мы из граждан малой, притесненной и приниженой страны стали великой державой мира, полноправными гражданами мощной и непобедимой страны социализма»³. Одиннадцатого сентября 1940 года официальное издание «Ведомости Президиума Верховного Совета ЛССР» (№ 10) опубликовало декрет о предоставлении подданства СССР гражданам Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР, подписанный 7 сентября председателем Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калининым⁴.

В 1940 году, после вхождения Латвийской Республики в состав Советского Союза, начались основательные преобразования во всех сферах жизнедеятельности Латвии. Правда, вскоре начал набирать обороты и каток репрессий. Самой большой репрессивной акцией стала многотысячная насильственная высылка мирного населения в ночь с 13 на 14 июня 1941 года, когда на восток СССР было отправлено 15 425 человек разных национальностей, представителей всех социальных слоев общества, из этого числа 3751 были детьми до 16 лет⁵. Когда в конце июня 1941 года на территорию Латвии входили германские войска, часть населения встречала их с нескрываемой радостью, как избавителей. Уже 4 июля 1941 года в центре Риги сгорела хоральная синагога, началась трагедия 70 тысяч евреев Латвии, началась история концентрационного лагеря Саласпилс в 20 километрах от Риги. Во время войны на территории Латвии находилось непропорционально большое количество советских военнопленных, если сравнивать с другими оккупированными нацистами территориями. Только в Риге имелось более 15 отделений концлагеря Шталаг-350. С первых месяцев немецкой оккупации была организована деятельность Псковской православной миссии, открывшей православные храмы для верующих на оккупированных территориях.

Как летом 1940 года при советской власти, так и через год, в 1941-м, при немецкой оккупации нашлось достаточное число людей, благоволивших к радикальным переменам в стране, новой идеологии, готовых сотрудничать с политическим режимом и его учреждениями. В той или иной мере в неспротивлении, содействии, повиновении, т.е. в вынужденном коллаборационизме можно обвинить большую часть латвийского общества того времени. Иное дело — осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество, сознательный коллаборационизм, попытка извлечения выгоды из ситуации оккупации. Несомненно, коллаборационизм — политическая, нравственная позиция, стратегия выживания, но еще и форма активного протеста против прежнего политического режима. Не только служба в административных учреждениях оккупационной власти, работа в разрешенных оккупационными властями агитационных изданиях, выход на концертно-театральные подмостки, участие во всевозможных развлекательных/

агитационных, открытых/закрытых концертах полноправно могут быть отнесены к коллаборационизму⁶, но и участие в вызывающей и по сей день споры деятельности Псковской православной миссии⁷, организованной летом 1941 года.

*Повороты судьбы наследников профессора Давида Гримма**

Имена профессора Давида Давидовича (1864–1941) и его приемного сына Ивана Давидовича Гриммов (1891–1970) известны исследователям из России, Эстонии и Латвии. Первый — ректор Санкт-Петербургского университета (1910–1911), действительный статский советник, член Государственного совета от Академии наук и российских университетов, профессор, ученый-правовед, яркий представитель российской интеллектуальной элиты первой половины XX века; второй — выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, офицер Белого движения, преподаватель юридических дисциплин Тартуского университета, общественный деятель, в 1942–1944 годах начальник канцелярии при экзархе митрополите Сергии (Воскресенском), участник событий вокруг Комитета освобождения народов России (КОНР) и армии генерала А.А. Власова. Некоторые страницы биографии отца и сына Гриммов описаны недостаточно, особенно рижский период эмиграции (1937–1944), сыгравший важнейшую роль в жизни этой семьи. Именно на нем и считаем необходимым остановиться подробнее, поскольку он весьма бегло описан в публикациях К.П. Обозного и М.В. Ковалева⁸.

Д.Д. Гримм был немцем по происхождению и лютеранином по вероисповеданию. Женился на Вере Ивановне Дитятиной (урожд. Гольденберг; 1858–1930) и усыновил ее сына Ивана. Последний был крещен по православному обряду. Вскоре после событий октября 1917 года семья покинула Россию и их жизнь, как и у многих других эмигрантов, в 1920-х годах была связана первоначально с Финляндией, затем с Чехословакией. В 1927 году семья переехала в Эстонию, где Д.Д. Гримма ценили и пригласили на профессорскую должность в Тартуском университете. В конце 1930-х годов судьба связала Гриммов с Ригой, где проживал православный купец Василий Романович Маслов (1861–1942), отец Натальи (1898–1943)⁹, второй жены Ивана Гримма. Нужно отметить, что материалы о рижском периоде приходилось собирать буквально по крупицам из разных источников. Большое количество сведений удалось получить из документов, хранящихся в Национальном архиве Латвии в материалах его подразделения, Латвийском государственном исто-

---

* Авторы выражают благодарность Т.К. Шор (Эстония) и К.П. Обозному (Россия) за консультации по биографическим сведениям о И.Д. Гримме и его семье.

рическом архиве: фонд Синода Латвийской православной церкви (ф. 7469), реестр недвижимой собственности — фонд Рижско-Валмерской земельной книги (ф. 1615), фонд домовых книг Риги и Рижского уезда (ф. 2942), фонд Рижской городской строительной комиссии (ф. 2761, оп. 3). Часть информации нашлась в опубликованных сборниках документов¹⁰, в газетах того времени.

В краткой биографии Ивана Давидовича Гримма, написанной, видимо, им самим, рижский довоенный период его жизни описан весьма скупо. В частности, там сказано, что начиная с осеннего семестра 1936 года он больше не получал научных должностей в Эстонии и не находил там себе применения. В 1937 году И.Д. Гримм переселился в Ригу, где его тесть Василий Маслов владел рядом объектов недвижимости в левобережной части Риги, жилыми многоквартирными домами, приобретенными еще до 1914 года¹¹, и принял управление этой собственностью тестя. После национализации домов осенью 1940 года длительное время И.Д. Гримм не мог найти никакой службы и жил за счет продажи собственных вещей. В мае 1941 года в качестве младшего конторщика он был принят на керамическую фабрику Риги (ранее принадлежала семье Кузнецовых), в планово-статистический отдел¹².

Если Д.Д. Гримм с 1931 года был гражданином Эстонии, то Ивану Гримму в начале 1937 года в получении гражданства отказали (с 1929 года он обладал нансеновским паспортом), да и в должности приват-доцента в Тартуском университете ему было отказано¹³, что, возможно, побудило его окончательно переехать в Латвию. Наталья Гримм с середины 1937 года в Риге постоянно проживала с детьми Алексеем и Ольгой. Начиная с 1937 года Д.Д. Гримм проводил в Риге до половины и более календарного года, но окончательно осел в Латвии только с лета 1940 года¹⁴.

Скупо в биографии описано начало деятельности Ивана Гримма при управлении Православным экзархатом, куда входили приходы Эстонии, Латвии и Литвы. Экзарх Латвии и Эстонии митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский) прибыл в Прибалтику вскоре после акта присоединения ее к СССР в 1940 году. Экзарх не эвакуировался на восток СССР и остался в Риге, оккупированной немецкой армией летом 1941 года. До начала оккупации Иван Гримм не был лично знаком с экзархом Сергием. Но уже в начале июля 1941 года стал членом и юрисконсультom экзаршего епископского управления в Риге¹⁵. Возможно, Иван Гримм был одним из тех, кто стоял у истоков создания программы деятельности Псковской миссии, включавшей широкую православную миссионерскую работу экзархата на занятых немецкими войсками территориях северо-запада России¹⁶.

У разных исследователей значатся разные даты назначения И. Гримма начальником канцелярии экзарха — лето 1941 года¹⁷, 1943 год¹⁸, — но эта информация неточна. В документе, датированном 13 июня 1942 г., Иван Давидович значился юрисконсультom в юридическом столе канцелярии экзаршего епархиального управления с окладом 200 рейхсмарок в месяц. Начальником кан-

целярии на тот момент был протоиерей Иоанн Янсонс (1878–1954)¹⁹. Однако 1 августа 1942 года произошла реорганизация, в ходе которой канцелярия превратилась в самостоятельную структуру. Именно с этого дня ее и возглавил И.Д. Гримм (секретарем стал священник Николай Веглайс (1907–1992), вспомогательными работниками — Зинаида Радвил и Татьяна Каминская). Размещалась канцелярия в Свято-Троице-Сергиевом женском монастыре в Риге на ул. Кришьяна Барона, дом 126²⁰. Пятого августа 1942 года И.Д. Гримм своей подписью завизировал первый известный нам документ в качестве начальника канцелярии экзарха²¹.

Из архивных источников известно, что осенью 1941 года Гримм был членом приходского совета рижского кафедрального Христорождественского собора. Он стал одним из тех, кто 20 октября 1941 года от имени приходского совета подписал письмо, адресованное экзаршему управлению в Латвии, где сообщалось о поведении заштатного митрополита Августина (Петерсон; 1873–1955), который 20 июля 1941 года в соборе без согласования с приходским советом собора и экзархом Сергием пытался устроить самочинное архиерейское богослужение²². Митрополит Августин возглавлял Латвийскую православную церковь с 1936 года до момента присоединения Латвии к СССР. После вступления в Ригу немецких войск Августин пытался составить оппозицию митрополиту Сергию (Воскресенскому), однако не получил поддержки у священнослужителей и верующих и был вынужден смириться с тем, что ему запретили священнослужение как уклонившемуся в раскол.

В феврале–мае 1942 года И.Д. Гримм был членом Епархиального совета Латвийской епархии православного экзархата. Указанную структуру следует отличать от экзаршего епископского управления в Риге. Эти данные противоречат его биографии, хотя, возможно, И.Д. Гримм одновременно был членом и того и другого управлений, но проверить это пока не представляется возможным. С июня 1942 года на заседаниях Епархиального совета Латвийской епархии больше не присутствовал²³. Позже был лишь в чрезвычайных случаях, например 1 мая 1944 года, когда епископ рижский Иоанн (Гарклавс, 1898–1982) делал сообщение об убийстве митрополита Сергия (Воскресенского)²⁴.

Деятельность Ивана Гримма в годы войны была многогранной и охватывала многие сферы: составление различных документов; вопросы, связанные с идеологической работой Православной церкви, распространением и расширением ее деятельности (что было сопряжено с поездками по территории экзархата, в которых он сопровождал экзарха); миссионерство (в т.ч. с Псковской православной миссией); восстановление образования церковнослужителей (виленские курсы); попытки установления контактов с другими русскими православными религиозными организациями для включения их в патриаршую церковь и утверждения церковного единства; контакты с Русской освободительной армией (РОА); сношения с немецкими оккупационными властями, последнее облегчалось тем, что И.Д. Гримм свободно владел

немецким языком (он занимался разъяснением позиции Церкви по разным вопросам, в частности каноническим, например о порядке поминовения Местоблюстителя Патриаршего Престола за богослужениями)²⁵, и многое другое. Специально в эти вопросы углубляться нет возможности, ибо это отдельная тема исследования.

Некоторые российские исследователи и сейчас продолжают утверждать, что И.Д. Гримм был резидентом немецкой разведки. А Псковская миссия свою деятельность проводила по заданиям СД. В подтверждение этого публикуют документы, якобы это доказывающие. Так, в докладной записке УКР «Смерш» 3-го Прибалтийского фронта от 23 апреля 1945 года Гримм характеризуется как пособник немецких оккупантов. Указывается, что митрополит Сергей и Гримм согласовывали с СД все вопросы церковной политики и перемещения священнослужителей. В то же время они выполняли осведомительные функции, собирали данные о настроениях населения. Усилиями митрополита Сергея (Воскресенского) и Гримма по указанию СД экзархат и подчиненные ему церковные организации были превращены в крупную разведывательную резидентуру германского контрразведывательного органа «Остланд»²⁶. Даже договариваются до того, что немец Гримм (едва ли Ивана Давидовича можно считать немцем, учитывая, что его отцом был И.И. Дитятин, а Д.Д. Гримм — приемным родителем) якобы был назначен в штат к митрополиту Сергию (Воскресенскому) оккупационными властями как своего рода обер-прокурор над Церковью. На Ивана Гримма возводится подозрение в причастности к организации убийства митрополита²⁷. Последнее крайне сомнительно. Если встать на эту точку зрения, что именно немецкие спецслужбы организовали убийство владыки, вызвавшего недовольство германского руководства нежеланием экзарха выступить с осуждением произошедших в Москве осенью 1943 года патриарших выборов²⁸, то стоит отметить, что Гримм не был циничным человеком, который по заданию «центра» готов был выполнить любое задание... Наоборот, по важным вопросам он проявлял принципиальность. С митрополитом у него не было серьезных идейных разногласий. Гримм, как и владыка, был сторонником единства Русской православной церкви в лоне Московской патриархии, причем выступал за это и после кончины экзарха.

В полной мере доверять материалам, собранным советскими спецслужбами, не стоит. После войны деятельность Псковской миссии и связанных с ней лиц всячески очернялась. Присоединяемся к мнению И.В. Петрова, указавшего на трудность достоверного установления, кто являлся реальным сотрудником СД или был их агентом, кто был вынужден сотрудничать, а кого просто оговорили после войны²⁹. Понятно, что в условиях немецкой оккупации церковь в Прибалтике была вынуждена идти на контакты с немецкими властями и спецслужбами, дабы обеспечить легальность своей деятельности. Контакты эти осуществляло руководство экзархата, в т.ч. и лично начальник канцелярии И.Д. Гримм. Кроме того, с немцами духовные власти сближались на почве ненависти к коммунизму.

Сам по себе факт вступления Гримма в контакт с немецкими спецслужбами вовсе не доказывает, что он был их штатным сотрудником или агентом. В круг его обязанностей начальника канцелярии входили контакты с различными учреждениями. Согласно положению о Православном экзархате экзарх имел канцелярию в Риге, которая приводила в исполнение его указания и поддерживала связи между ним и церковными и светскими лицами и учреждениями³⁰. Иван Гримм прежде всего контактировал с В. Геггингером, начальником отдела по церковным делам полиции безопасности и СД Риги³¹. Вынужденность таких контактов не вызывает сомнений.

Последние бумаги, подписанные Гриммом в качестве начальника канцелярии, датируются 9 мая³² и 17 мая³³ 1944 года. Не выявлено документов, подписанных Гриммом в этом качестве летом 1944 года. Подобные документы в указанное время вместо него подписывали другие лица³⁴. Согласно данным, приведенным в статье К.П. Обозного, И.Д. Гримм покинул Ригу в начале июля 1944 года³⁵. Точную дату его отъезда из Латвии установить невозможно. В документах Латвийского государственного архива (*Latvijas Nacionālais Arhīvs*, *Latvijas Valsts arhīvs*), в картотеке бывших граждан Латвии, эвакуировавшихся в 1944 году на Запад (ф. 1971, оп. 3 и 4), Иван Гримм не значится. Это умолчание понятно, ведь до дня включения стран Балтии в состав СССР в 1940 году И.Д. Гримм гражданином независимой Латвии не являлся и, как лицо без гражданства с нансеновским паспортом, был обязан согласно декрету от 11 сентября 1940 года о предоставлении подданства СССР гражданам Латвийской ССР получить документ советского образца.

Старший сын И.Д. Гримма от первого брака Константин Гримм (1923–1988) летом 1942 года окончил рижскую Правительственную русскую гимназию³⁶. В первых числах июня 1944 года в Риге при штабе группы армий «Север» начали действовать курсы пропагандистов РОА, проводившиеся на «Willa Nova» на Видземском шоссе. К. Гримм стал слушателем курсов, на которых читались лекции по философии, истории литературы, критике марксизма, основам Русского освободительного движения, методике и практике работы пропагандиста на фронте³⁷. С приближением к Риге частей РККА путь К. Гримма лежал в Германию, где он вступил в ряды РОА. Но К. Гримму удалось избежать пленения.

Как писал в своих воспоминаниях С.Б. Фрëлих³⁸, он, как офицер связи и лицо, близкое к генералу А.А. Власову, старался собрать рижан и прибалтийцев, внушавших доверие. Такими людьми для Фрëлиха стали Дмитрий Левицкий, Иван Гримм, Николай Рышков, Анатолий Никаноров, Николай Кавас, Антонина Фрейберг, Лев Рар, Владимир Конради-Кондрашев, барон Виктор Розенберг, Георгий Алексеев и многие другие³⁹. Иван Гримм, находясь в Германии, осенью 1944 года оказался причастен к формированию Главного организационного управления Комитета освобождения народов России. Под эгидой КОНР и его вооруженных сил под командованием генерала А.А. Власова была предпринята попытка консолидации объединения

антисоветских сил⁴⁰. И.Д. Гримм лично познакомился с Власовым еще в Риге и согласился на должность начальника юридического отдела КОНР⁴¹. Кстати, центральный секретариат КОНР возглавлял рижанин Димитрий Александрович Левицкий (1907–2007), а Георгий Александрович Алексеев возглавил отдел «Народная помощь». С. Фрёлих вспоминал, что деятельность генерала Власова, вставшего на борьбу со сталинским режимом, воодушевила и мобилизовала сотни тысяч людей, да и он сам «желал помочь русским, которые встали на борьбу с большевизмом»⁴².

Исход из Латвии

О том, как летом и осенью 1944 года уезжали и уплывали в Германию насильственно / добровольно жители Латвии, рассказано во многих книгах⁴³. В дорогу вновь собрались те, кто в начале 1920-х эмигрантами первой волны приехали в Латвию. Предлагаем пример литературного осмысления событий октября 1944 года: «Тринадцатое октября. Джан готова к отъезду. Большевики подходят к Александровским воротам на Петербургском шоссе — не больше чем в двух километрах от города... Мы, действительно, последние. Большевики уже входят в город. За нами взорвут мост, и если мы не сможем прорваться к машине, то тогда на миноносец... Последние корабли...» Это строки из финальных страниц романа Ирины Евгеньевны Сабуровой (1907–1979) «Корабли Старого Города». В них описываются события 13 октября 1944 года, когда части РККА вели бои на подступах к Риге⁴⁴. Хотя роман содержал известную долю вымысла, нанесенного на реальную основу, но из его фрагментов складывалась картина русской Риги межвоенного периода, осмысливалась жизнь тех, кто по воле судьбы в первый раз, а кто-то и во второй раз, летом–осенью 1944 года, стал беженцами в странах Европы, США, Канаде, Латинской Америке, Австралии. Слишком памятливы были репрессии 1940–1941 годов, акт насильственной высылки населения 14 июня 1941 года на восток СССР⁴⁵, поэтому и уходили с отступавшими немецкими войсками. Уехала в Германию и Ирина Сабурова⁴⁶. В годы немецкой оккупации она, как и многие из ее окружения, ожидала крушения большевизма и скорого возрождения дорогой и близкой родины к новой жизни.

Разные истории как о нежелании летом–осенью 1944 года уходить из Риги с немцами в Германию⁴⁷, так и добровольно / принудительно покидать родину прослеживаются в воспоминаниях⁴⁸, биографиях⁴⁹. Поэт Игорь Владимирович Чиннов рассказывал, что в 1944 году был угнан в Германию, в Рейнскую область: «В Риге в сорок четвертом году я имел неосторожность сказать, в очень узком кругу, что Гитлеру не победить в этой войне. И через три дня ко мне явилась милая компания. Два таких оберштумфюрера. Они мне сообщили, что передо мной выбор: или я еду в Германию на принудительные работы, или жизнь моя окончится весьма печально. Я, конечно,

Фрагмент «нансеновского» паспорта И.Е. Сабуровой. 1926.

LNA. LVVA. 2996. f., 15. apr. 8435. l.

выбрал тот вариант, который не грозил мне немедленной утратой земного существования. И меня с большой группой латышей увезли в лагерь в Рейнской области»⁵⁰.

Разные истории исхода изложены и в книге, посвященной студенческой корпорации «Рутения». Вот строки из воспоминаний Ростислава Максимовича Дидковского (1914–2003), выпускника юридического отделения Латвийского университета, помощника адвоката, занимавшего в годы войны должность юрисконсульта Латвийской православной епархии⁵¹. Он уходил в Германию с немецкими частями из Курземе, западной части Латвии, которая вплоть до мая 1945 года «варилась» в так называемом Курземском котле (термин, принятый в российской и латвийской историографии): «6 мая 1945 г. погрузились на танкер, простоявший всю зиму в Виндавском порту. Казалось сомнительным, что он двинется. Но — чудо! Машины заработали, и мы поплыли. “Корабль” до бортов был переполнен беженцами, военными и гражданскими. И тут представилось уникальное зрелище, которого никогда не смогу забыть: все находящиеся в порту корабли, корабли, лодки, яхты — как один поплыли в море»⁵². Поистине библейский Исход! Порт остался пустым. Все, кому удалось уместиться на отплывающих судах, решились

расстаться с родной землей, друзьями и имуществом, лишь бы не попасть повторно под советскую власть. Места для всех не хватило. Как оказалось, эвакуация — военная и гражданская — совершалась вопреки официальному приказу капитулировавших германских властей оставаться на местах. Местное командование отказалось выполнить этот приказ и не препятствовало Исходу!!!»⁵³

Лагеря ди-пи

Одиннадцатого февраля 1945 года при подписании в Ялте договора между державами — союзниками по антигитлеровской коалиции были заключены секретные соглашения о взаимном возвращении перемещенных лиц. Но положение беженцев из прибалтийских государств имело свои особенности: западные державы вели отсчет с момента начала Второй мировой войны — 1 сентября 1939 года. Перемещенные лица из прибалтийских государств на тот день были гражданами независимых государств, насильственно репатриировать их никто не желал. Иная участь ожидала тех, кто попал в советскую зону оккупации. Впрочем, из Праги в августе 1945 года сумела выехать в Германию как группа латвийского православного духовенства во главе с епископом Рижским Иоанном (Гарклавсом), так и семья художника Е.Е. Климова, а в Бельгию двумя месяцами ранее выехала семья профессора В.И. Синайского⁵⁴. Возможно, это были счастливые исключения.

По окончании войны Гриммы — Иван, Константин, Алексей (р. 1933) и Ольга (р. 1936) — оказались во Фрайбурге, во французской зоне оккупации Германии. Владея хорошо французским языком, Иван Давидович устроился в Международную организацию помощи беженцам (International Refugee Organization), созданную ООН. Константин Гримм воспользовался проживанием в городе с университетскими традициями и поступил в университет, где изучал литературу, философию, право, но курса не окончил, т.к. женился и погрузился в иные заботы. Ольга и Алексей были помещены на воспитание в католические пансионы, где прожили до 1950 года. В Германии Алексей прошел курсы по радиотехнике. В конце 1940-х годов перемещенные лица стали покидать Европу, однако в США и Канаду Константину Гримму дорога была закрыта, законодательство этих стран запрещало принимать лиц, сражавшихся против их войск. Поэтому было принято решение направиться в Австралию. Иван Гримм разрешения на отъезд с младшими детьми Алексеем и Ольгой не получил и вынужденно переехал в США. Однако вскоре семья воссоединилась в Австралии⁵⁵. Обосновались в городе Перт, столице штата Западная Австралия. Свои познания в области права И.Д. Гримм применить не смог. Как вспоминал С. Фрелих, И.Д. Гримм занимался неквалифицированной работой в городском госпитале, вел достаточно замкнутый образ жизни, не отвечая на письма друзей⁵⁶. В письме к К.П. Обозному дочь

И.Д. Гримма Ольга Бэнзлер сообщила дату и место кончины отца: 12 сентября 1970 года, город Перт. И.Д. Гримм упокоился на православном кладбище Каракатта города Перт.

Ростислав Дидковский вспоминал, что беженцами занимались разные организации победоносных союзников, которые «взяли под свою опеку нас, ди-пи», предложив им «поселиться в беженских лагерях, на всем готовом. Кто не хочет — отвечай сам за себя. Потом сменили гнев на милость и стали помогать продуктами питания и тем, которые остались жить на привате, пригрозив, что, когда придет возможность эмигрировать, преимущество будет оказано лагерному населению. Стали также давать пакеты с консервами, кофе, сахаром, сигаретами»⁵⁷. В лагерях ди-пи по инициативе самих беженцев и при согласии опекавшей их администрации с лета 1945 года создавались школы и гимназии, в январе 1946 года в Гамбурге открылся Балтийский университет, в ноябре 1946 года в Мюнхене открылся университет для перемещенных лиц с шестью факультетами⁵⁸.

Через лагеря ди-пи за долгие годы жизни вне пределов родины прошли многие выпускники факультета народного хозяйства и права Латвийского университета, которым удалось выработать жизненную стратегию, получить вновь высшее образование и обрести новую специальность. Имеем в виду не только поэта Игоря Владимировича Чиннова (США)⁵⁹, доктора философии Димитрия Александровича Левицкого (США), но и многих других выпускников-юристов Латвийского университета, сменивших специальность⁶⁰. Супруги Гринберг, более известные под сокращенной фамилией Грин, Милица (1912–1998) и Янис (Иван; 1906–1976), избежали долгого пребывания в лагерях для перемещенных лиц. Кстати, Милица Грин — дочь известного педиатра, профессора медицины Латвийского университета Эдуарда Эдуардовича Гартье (1872–1959). (Э.Э. Гартье с семьей в 1921 г. в рамках оптации выехал в Эстонию, как уроженец Лифляндской губернии, со временем перебравшись в Латвию). Милица Эдуардовна с отцом, мужем и дочерью в августе 1944 года переехали в Германию. Далее они попытались осесть в Австрии, однако в 1946 году семье пришлось переместиться на север Германии, во Фленсбург, где требовались преподаватели для Балтийской мореходной школы и латышской гимназии, организованной для латышей из лагерей ди-пи. Только летом 1949 года семье удалось уехать в Великобританию, где дипломы юристов и опыт работы по специальности супругов Грин не были приняты во внимание. Супругам пришлось вновь получать высшее образование: Янис Грин поступил на юридический факультет, стал доктором философии, Милица получила образование в области русской филологии, с 1953 года начав преподавать в Эдинбургском университете на кафедре славянских языков. Супруги Грин составили себе имя в научной среде многочисленными публикациями на немецком и английском языках, а также в изданиях русской и латышской эмиграции. Янис Грин занимался исследованием политической истории

Латвии, латышского фольклора, его труды издавал Институт балтийских исследований в Бонне. Милица Грин стала широко известна как литературовед, хранительница и публикатор литературного наследия И.А. Бунина и его секретаря Л.Ф. Зурова. Так, Милица Грин издала трехтомную работу «Устами Буниных» (Франкфурт-на-Майне, 1977–1982)⁶¹.

Широко известный в межвоенной Латвии и за ее пределами пианист и композитор Иван Михайлович Сухов (1892–1979) покинул Ригу в 1944 году⁶². В свое время он окончил Петроградскую консерваторию, служил на латвийском радионе (так до 1945 года называлось латвийское радио) и был старшим доцентом оперного класса Латвийской консерватории. Иван Михайлович активно выступал в 1941–1944 годах на разных площадках Латвии и за ее пределами, сохранилось множество афиш (напечатанных на немецком, латышском и русском языках), приглашавших на концерты с его участием. Когда представилась возможность, он уехал в Германию и в 1945 году удачно оказался во французской зоне оккупации. Известно, что уже в 1948 году пианист, как и другие представители рижской творческой интеллигенции, проживал в Париже. Восемнадцатого ноября 1948 года Иван Михайлович принял участие в концерте в честь 30-летия провозглашения независимой Латвийской Республики⁶³. На рубеже 1948–1949 годов. Сухов поселился в Испании, где вел активную концертную деятельность⁶⁴. Но Париж манил. Пианист дождался своего часа, став в 1950 году преподавателем, а позже — профессором частной Русской консерватории им. С. Рахманинова в Париже (Conservatoire russe de Paris Serge Rachmaninoff), основанной в 1923 г. До последних дней жизни Сухов не оставлял преподавательскую и концертную деятельность. Карьеру Сухова на Западе можно проследить по русским и латышским эмигрантским изданиям⁶⁵. Произведения Сухова были популярны среди латышских диаспор, с которыми Иван Михайлович не терял связи, в разных странах и на континентах. Двадцать первого марта 1980 года в зале Рахманиновской консерватории прошел концерт памяти профессора И.М. Сухова, на котором исполнялись его вокальные произведения⁶⁶.

Немного статистики

Закономерен вопрос о числе уехавших на Запад жителей Латвии⁶⁷. Первые публикации по этой теме появились уже во второй половине 1940-х годов, среди которых наиболее серьезная принадлежала бывшему профессору Латвийского университета Арведу Швабе, который, проживая в Мюнхене с октября 1944 года, входил в Латышский центральный комитет и владел реальной информацией о ди-пи⁶⁸. С 1950 года под его редакцией в Стокгольме начала выходить «Латвийская энциклопедия», в первом томе которой была помещена статья о лагерях ди-пи на территории Германии и приведена цифра:

265 тыс. граждан Латвии (с учетом балтийских немцев, выехавших добровольно в Германию), т.е. людей всех национальностей, имевших гражданство на 1 сентября 1939 года и в 1944–1945 гг. покинувших Латвию. Правда, профессор Швабе подчеркивал, что данные Латышского центрального комитета свидетельствовали лишь о 175–180 тыс. человек, покинувших родину⁶⁹, поскольку не было известно количество латвийского населения, ранее угнанного немцами в Германию на принудительные работы, да и данные по пленным легионерам требовали уточнения. Часть латвийцев, как указывал Швабе, из-за опасения депортации в СССР сознательно уклонялись от регистрации и продолжали жить на довольствии в лагерях, поэтому оказалось, что в 294 лагерях ди-пи в Германии проживало около 120 тыс. латышей (читай: латвийцев). В картотеку Латышского центрального комитета было внесено и зарегистрировано 111 495 человек (62 468 мужчин, 49 027 женщин). Профессиональный состав обитателей лагерей ди-пи из Латвии в разных оккупационных зонах второй половины 1940-х годов выглядел следующим образом: 564 врача, 766 инженеров, 300 юристов, 122 архитектора, 672 человека составляли группу академических работников, т.е. профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений; зарегистрировались 2827 учителей, церковнослужителей разных христианских конфессий 336 человек, писателей, артистов и художников зарегистрировались 2535 человек, что позволило создать хоры и проводить разные культурные мероприятия. Среди дипийцев оказалось около 35 тыс. крестьян, 2267 работников аптек и больниц⁷⁰ и т.д. Во втором томе «Латвийской энциклопедии»⁷¹ приведены сведения по странам, куда из Германии устремились латвийские дипийцы. На 30 июня 1951 года из Германии уехали 76 909 человек: в США 35 410, Австралию 19 365, Великобританию 8353, Канаду 8093, остальные предпочли осесть во Франции, Бельгии, Бразилии, Венесуэле, Уругвае, Колумбии, Аргентине, Новой Зеландии, Швеции, Марокко, Эфиопии, Ирландии и т.д.

Кстати, в недавней публикации был сделан акцент не на гражданстве одного из трех прибалтийских государств, а на этнической принадлежности беженцев: в изданном в Таллине коллективном научном исследовании утверждается, что в 1944–1945 годах из трех стран Балтии выехало 265 тыс. человек, из них эстонцев 80 тыс., литовцев 64 тыс. и латышей 120 тыс.⁷². В публикации латвийского историка Л. Янсонса, работавшего в Национальном архиве США, приведена цифра 200 тыс. человек, покинувших Латвию. Историк уточнил, что 75 тыс. человек всех национальностей, оказавшихся в советской зоне на территории Германии, были отправлены обратно в Латвию, т.е. в СССР⁷³.

Добавим, что картотека, на которую ссылался профессор А. Швабе, в 1996 году была передана в одно из подразделений Латвийского национально-го архива — Латвийский государственный архив (Latvijas Nacionālais Arhivs. Latvijas Valsts arhivs), фонд 1971, описи 3 и 4. Картотека доступна для исследователей в архиве, но ее публикация пока не осуществлена.

Фрагмент «нансеновского» паспорта А.М. Перфильева. 1924.

LNA. LWA. 2996. f., 15. apr. 8433. l.

Перипетии судеб эмигрантов первой волны, чьи имена упомянуты в статье, связаны с трагическими потрясениями российской истории XX века и являются примером выживания в непростых условиях Латвии межвоенного периода. С началом Второй мировой войны быстро меняющиеся общественно-политические реалии вынуждали людей максимально обнажать ценностные предпочтения, совершать выбор, потребовавший по прошествии лет недоговоренности, недосказанности, замалчивания и даже иной интерпретации. Как писал А.М. Перфильев в рассказе «Человек без воспоминаний», впервые напечатанном на страницах разрешенного оккупационными властями иллюстрированного рижского журнала «Для всех» (1944. № 5): «Очень многие дорого заплатили бы за то, чтобы действительно ничего не помнить».

Политические, этические дилеммы разбрасывали соотечественников по разные стороны баррикад, раскидали по разные стороны границ. Однако во втором исходе, теперь уже из Латвии, в поисках нового пристанища на земле — новой родины — эмигранты первой волны оставались сопричастны духовности русской культуры, хранили верность ее традициям в рамках своего понимания и возможностей.

¹ См.: LNA. LVVA. 2570. f., 3. apr., 368. l., 8.–12. lp.; *Feldmanis I. Vācbaltiešu izceļošana no Latvijas. 1939–1941.* Rīga, 2012. Отъезд балтийских немцев или тех, кто мог доказать наличие немецких корней, возобновился со второй половины января 1941 года. Согласно договору между СССР и Германией о переселении лиц немецкой национальности уже из советской Латвии уезжали (правда, если выпускали) те, кто за первое полугодие нового политического порядка не попал в поле зрения власти, те, кто оценил по количеству арестованных, вызванных на допрос знакомых мощь катка репрессий советской власти, те, кому категорически была чужда навязанная идеология. Правда, выпускали далеко не всех, даже немцев. Тому пример — трагическая судьба философа Вальтера Шубарта (Walter Schubart; 1897–1942) (см.: *Гроссен Г. Жизнь в Риге: Воспоминания* // Даугава (Рига). 1994. № 4. С. 173–192).

² См.: Восстановление советской власти в Латвии и вхождение Латвийской ССР в состав СССР: документы и материалы / сост. А. Спреслис, Э. Жагар. Рига, 1987.

³ *Лацис В.* О самом главном: публицистика, письма, воспоминания / сост. В.К. Калпинь. М., 1978. С. 45.

⁴ В документе оговаривалось и лица без гражданства (обладатели нансеновского паспорта), которым также предоставлялось гражданство СССР. «Ведомости Президиума Верховного Совета ЛССР» (1941. 22 марта. № 68) обнародовали постановление № 410 Совета народных комиссаров Латвийской ССР, согласно которому начался постепенный обмен паспортов Латвийской Республики на документы советского образца. Сравнительно небольшое число жителей Латвии получили документы нового образца.

⁵ В 2001 и 2007 годах в Риге в издательстве «Nordik» вышли огромные тома, подготовленные коллективом Латвийского исторического архива, под названием «Aizvestie: 1941. Gada 14. Jūnijs» («Увезенные: 14 июня 1941 года»), в которых поименно названы жители Латвии разных национальностей, арестованные без следствия, суда и насильственно отправленные на восток СССР, в ссылку на поселение, и в исправительно-трудовые лагеря.

⁶ См.: *Равдин Б.А.* На подмостках войны: русская культурная жизнь Латвии времен нацистской оккупации: 1941–1944. Stanford; Oakland, CA, 2005 (Stanford Slavic Studies; vol. 26).

⁷ См.: *Голиков А., свящ., Фомин С.* Кровью убежденные: мученики и исповедники Северо-Западной России и Прибалтики (1940–1955). М., 1999.

⁸ См.: *Обозный К.П.* Профессор Иван Давыдович Гримм: штрихи к биографии // Православие в Балтии (Рига). 2015. № 3. С. 76–96; *Ковалев М.В.* Профессор Давид Давыдович Гримм и его время // Гримм Д.Д. Из жизни Государственного совета 1907–1917 гг.: воспоминания. СПб., 2017. С. 5–46.

⁹ Наталья Васильевна Гримм (урожд. Маслова; 29 августа 1898 г., Юрьев — 21 декабря 1943 г., Рига). Училась в рижской частной гимназии Л. Тайловой, окончила тартускую Пушкинскую гимназию. Поступила на химический факультет Тартуского университета, училась до 1925 г., но диплом не получила. Похоронена на Покровском кладбище в Риге. (Данные из кладбищенской книги рижского Покровского кладбища // Синод ЛПЦ.)

¹⁰ Приказ: архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации 1941–1944: сб. док. / авт.-сост. С.К. Бернев, А.И. Рупасов. СПб., 2016.

¹¹ По ул. Буллю (Buļļu ielā) д. 9, 18а, 20, по ул. Триядибас (Trijādības ielā) д. 30, 32, по ул. Валгума (Valguma ielā) д. 39 (см.: Rīgas pilsētas zemesgrāmatas nodalījums № 100000138765, № 100000048187 // LNA. LVVA. 2761. f., 3. apr., 9007. l.; 3. apr., 8811. l., 82. lp.; 3. apr., 9008. l.; 2942. f., 1. apr., 2622. l.; 2623. l.; 1. apr., 13964. l.; 13965. l.; 1. apr., 13996. l.; 1. apr., 14439. l., 14. lp.; 2761. f., 1. apr., 6006. l., 4. lp.).

¹² Приказ: архив уничтожить! С. 118. Среди работников кузнецовской фабрики конца 1930-х годов имя Ивана Гримма не значилось (LNA. LVVA. 6681. f., 2. apr., 6. l.; 7. l.).

¹³ National Archives of Estonia. Rahvusaarhiiv. ERA.14.12.4375, 07.02.–02.04.1931; EAA.2100.2.150; ERA.1.1.1717; ERA.14.12.4376, 17. 07.1936–26.02.1937.

¹⁴ Д.Д. Гримм скончался 29 июля 1941 года, похоронен на Покровском кладбище в Риге (См.: Tēvija. 1941. gada 30. jūlija, № 26. 5. lp.).

¹⁵ См.: Приказ: архив уничтожить! С. 59, 118.

¹⁶ См.: Там же. С. 464, 473; *Обозный К.П.* История Псковской православной миссии 1941–1944 гг. М., 2008. С. 117, 221; *Шкаровский М.В., Соловьев И., свящ.* Церковь против большевизма: (митрополит Сергей (Воскресенский) и Экзархат Московской патриархии в Прибалтике: 1941–1944. М., 2013. С. 43.

¹⁷ См.: *Обозный К.П.* Профессор Иван Давыдович Гримм. С. 83; Приказ: архив уничтожить! С. 24, 528; *Шкаровский М.В., Соловьев И., свящ.* Указ. соч. С. 42.

¹⁸ *Гаврилин А.В.* Под покровом Тихвинской иконы: Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб., 2009. С. 446.

¹⁹ LNA. LVVA. 7469. f., 1. apr., 22. l., 8. lp.

²⁰ Ibid. 19. l., 140. lp.

²¹ Ibid. 21. l., 3. lp.

²² Ibid. 18. l., 4. lp. (это же письмо повторяется в: LNA. LVVA. 7469. f., 1. apr., 20. l., 214. lp.).

²³ LNA. LVVA. 7469. f., 1. apr., 77. l., 47, 110, 114, 119. lp.

²⁴ Ibid. 78. l., 17. lp.

²⁵ Приведем примеры некоторых документов, подписанных И. Гриммом: «Временное положение о приходах» (30 ноября 1942 г.; Гримм, видимо, подготовил этот документ); «По делу о кончине свящ. В. Рушанова» (31 марта 1943 г.; адресован Епархиальному совету Латвийской епархии); «По поводу недостающих псковскому собору богослужебных принадлежностей» (30 апреля 1943 г.; адресован епископу Иоанну Гарклавсу); «Об учебных пособиях для нужд Пастырско-богословских курсов» (10 сентября 1943 г.; на имя епископа Иоанна Гарклавса); «Об улучшении быта воспитанников богословских курсов в Вильне» (19 мая 1943 г.; адресован епископу Иоанну Гарклавсу) (LNA. LVVA. 7469. f., 1. apr., 138. l., 6, 9. lp.; 139. apr., 5–6. l.; 197. apr., 12. l. См. также: Приказ: архив уничтожить! С. 181, 183–184, 187, 196–197, 200, 296, 304–305, 368–374; *Обозный К.П.* История Псковской православной миссии 1941–1944 гг. С. 264).

²⁶ См.: Приказ: архив уничтожить! С. 25, 93–94. См. также: От национализма к коллаборационизму: Прибалтика в годы Второй мировой войны: документы / сост. А.В. Репников, Р.С. Агарков, Ж.В. Артамонова и др. М., 2018. Т. 1. С. 246–247.

²⁷ См.: Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док. / сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М., 2009. С. 127–128, 331–332; *Шкаровский М.В., Соловьев И., саяц.* Указ. соч. С. 133, 137.

²⁸ См.: *Гаврилин А.В.* Указ. соч. С. 217–220.

²⁹ См.: *Петров И.В.* Православная Балтия 1939–1953 гг.: период войн, репрессий и межнациональных противоречий. СПб., 2016. С. 204.

³⁰ См.: Приказ: архив уничтожить! С. 101.

³¹ См.: Там же. С. 527; *Балевиц З.* Православная церковь Латвии под сенью свастик (1941–1944). Рига, 1967. С. 28.

³² LNA. LVVA. 7469. f., 1. arg., 19. l., 7. lp.

³³ См.: Приказ: архив уничтожить! С. 203.

³⁴ Так, за начальника канцелярии подписался некто (подпись не читается), документ об увольнительных грамотах некоторым священникам адресован в канцелярию Латвийского епархиального совета (5 июля 1944 года) (LNA. LVVA. 7469. f., 1. arg., 138. l., 51. lp.).

³⁵ См.: *Обозный К.П.* Профессор Иван Давыдович Гримм. С. 92.

³⁶ См.: Приказ: архив уничтожить! С. 464. Сведения о том, что К. Гримм окончил в Риге русскую Ломоносовскую гимназию, приведенные в статье К.П. Обоznego, не соответствуют реальным фактам: учебное заведение было закрыто в 1935 году (см.: *Обозный К.П.* Профессор Иван Давыдович Гримм. С. 84).

³⁷ Занятия для второго набора пропагандистов, которые посещал К.И. Гримм, велись около месяца в Риге, с конца июня по конец июля 1944 года. Всего было около 40 слушателей. Выпускной вечер прошел 27 июля 1944 года (см.: *Поздняков В.В.* Рождение РОА. Пропагандисты Вульхайде — Люкенвальде — Дабендорфа — Риги. Сиракузы, 1972. С. 194–195, 197–198; *Окороков А.В.* Особый фронт: немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007. С. 160–162).

³⁸ *Фрëлих Сергей Бернгардович* (Fröhlich; 1904–1982) — инженер-строитель, меуарист. Уроженец Риги. Убежденный противник коммунистических идей, боровшийся с «коммунистической чумой» всю жизнь. Фрëлих оставался в должности офицера связи при А.А. Власове до осени 1944 года, когда власовское движение (РОД) было переподчинено СС. С ноября 1944 по февраль 1945 года Фрëлих состоял при генерале В.Ф. Малышкине, начальнике Главного организационного управления КОНР, поддерживая оттуда связь с Власовым и выполняя от его имени секретные поручения. В середине апреля 1945 года Фрëлих перешел в ВВС Германии в чине капитана на службу в штаб генерал-лейтенанта Х. Ашенбреннера, вскоре получив назначение в штаб начальника штаба ВС КОНР генерала Ф.И. Трухина в качестве офицера для особых поручений. Вместе с солдатами Власова Фрëлих попал в плен, но сумел сбежать из лагеря. После войны Фрëлих занимался строительным бизнесом, издавал журнал «Русское зарубежье».

³⁹ См.: *Фрëлих С.* Генерал Власов. Русские и немцы между Гитлером и Сталиным / предисл. А. Хиллгрубера. Köln, 1990. С. 68, 73, 81, 100–101, 181, 192.

⁴⁰ См.: *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 122.

⁴¹ См.: *Шкаровский М.В., Соловьев И., саяц.* Указ. соч. С. 113, 115, 122; Генерал Власов: история предательства: в 2 т., в 3 кн. / отв. ред. А.Н. Артизов, сост.: Т.В. Царев-

ская-Дякина (отв. сост.) и др. М., 2015. Т. 2, кн. 1: Из следственного дела А.А. Власова. С. 731; *Гофман И.* Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии, 1944–1945 / пер. с нем. В.Ф. Дизендорфа. М., 2005. С. 382; *Обозный К.П.* Профессор Иван Давыдович Гримм. С. 90.

⁴² *Фрëлих С.* Указ. соч. С. 15, 68.

⁴³ См., например: *Равдин Б.А.* Указ. соч.; *Гаврилин А.В.* Указ. соч.; *Strods H.* *Zemelnbrūnā zobens. Vācijas politika Latvijā 1939–1945.* Rīga, 1994; *Veigners I.* *Latvieši Rietumzemēs.* Rīga, 2009; *Idem.* *Latvieši Rietumzemēs.* Rīga, 2015.

⁴⁴ Роман написан в 1947–1949 годах, был вскоре опубликован в немецком, испанском переводах, на русском книга была напечатана в Мюнхене в 1973 году. В год кончины писательницы еще раз был издан немецкий вариант романа «Корабли Старого Города» (*Saburova I.* *Die Stadt der Verlorenen Schiffe.* Hannover–Döhren, 1979).

⁴⁵ Воспоминания людей, которые были вывезены в ту страшную ночь подростками: *Никифорова Т.С.* Баржа на Оби: новеллы по памяти. Рига, 2006. С. 136–255; *Jankovičs J.* *Skorpiona slazdā. Sibīrijas dienasgrāmata 1941–1943.* Talsi, 2009; *Idem.* *Spīta krustceles Spīta krustceles: stāsts par padomju režīma dzīves augstskolu.* Talsi, 2012. В Латвии действует фонд «Sibīrijas bērni» («Дети Сибири»), под этим названием в Риге издана книга на трех языках, в которой осмыслены судьбы 760 вывезенных детей.

⁴⁶ Ирина Евгеньевна Сабурова в межвоенной Риге начала карьеру машинисткой в газете «Слово», вышла замуж за поэта Александра Михайловича Перфильева (1889–1973). Проявила себя в качестве журналистки в издании «Для вас», играла в любительском театре. В послевоенном Мюнхене Ирина Сабурова стала автором романов (Копилка времени. Мюнхен, 1957; Счастливое зеркало. Мюнхен, 1966; После. Мюнхен, 1958 и 1961), с 1953 года работала переводчицей (с французского и английского) на Радио Освобождение (позже — Свобода), состояла постоянной сотрудницей нью-йоркской газеты «Новое русское слово».

В коллекции паспортов Латвийского государственного исторического архива сохранились документы как самой И.Е. Сабуровой, так и ее матери Ольги Александровны Кутитонской, родившейся в Казани 28 апреля 1885 г., урожденной Девель, дочери генерал-майора. Сохранились данные, что по первому браку Ольга Александровна имела фамилию Липовецкая. Судя по документам, Ирина в возрасте трех лет была удочерена вторым мужем матери штабс-капитаном Евгением Александровичем Кутитонским (21 октября 1885 — 25 марта 1925). Место ее рождения не Рига, а Могилевская губерния. По не совсем понятным причинам Ирина имела паспорт лица без гражданства, хотя ее отчим Е.А. Кутитонский, мать и сестры имели гражданство Латвии (LNA. LVVA. 2996. f., 15. apr. 8435. l.).

И. Сабурова подписывалась «баронесса Розенберг», фамилией ее второго супруга, но никто из литературоведов по сей день не смог найти подлинное имя самого барона Розенберга. В воспоминаниях С.Б. Фрëлиха упоминается рижанин барон Виктор Розенберг (см.: *Фрëлих С.* Указ. соч. С. 181).

⁴⁷ В воспоминаниях «Curriculum Vitae» профессора Б.Ф. Инфантьева, опубликованных в 2000 году, живо представлена атмосфера, царившая в Риге в 1940–1944 годах. Избежать принудительной мобилизации в легион в 1943 году ему «помогла» хроническая астма, но в 1944 году «в последние месяцы перед эвакуацией гитлеровцев при мобилизации не делалось исключения ни для кого. <...> Мне с отцом пришлось около

месяца обречь себя на добровольное затворничество (по магазинам ходила мать). Мы с отцом сидели дома и смотрели в окно, как в нашей подворотне стояли жандармы с собаками и всех выходивших мужчин сразу же забирали и отводили на корабль» (Инфантеев Б.Ф. Curriculum Vitae // Даугава. 2000. № 3. С. 109–110).

⁴⁸ В воспоминаниях синодального архитектора В.М. Шервинского о событиях осени 1944 года читаем: «Наше решение остаться было твердо, и никакие запутывания на нас подействовать не могли, даже указание на то, что за неисполнение распоряжения о временном переселении грозит тюремное заключение или штраф до 1000 RM. <...> На работе тоже предложили эвакуироваться вместе с немцами. Некоторые на это согласились и стали готовиться, я же упорно молчал и когда наконец меня спросили — почему я не готовлюсь к отъезду, я сказал, что не могу решиться покинуть родину. “Родина” — это было слово, которое немцы хорошо понимали, они любили свою родину и сразу меня поняли» (см.: Воспоминания архитектора В.М. Шервинского // Православие в Балтии. 2015. № 3. С. 134). Правда, отказ покинуть Латвию обернулся для архитектора Шервинского арестом и лагерем (см.: Голиков А., свящ., Фомин С. Указ. соч. С. 198–202).

⁴⁹ Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции: очерки и воспоминания / ред.-сост. Л. Флам, М., 2006. В указанном сборнике помещены воспоминания рижанок Е.В. Жиглевич и Людмилы Черновой-Оболенской-Флам, малолетней узницы Саласпилса Таисии Черновой-Джоли, жителя Либавы Глеба Рапа, судьбы которых оказались связанными с лагерями ди-пи.

⁵⁰ Чиннов И.В. Я сам с собою говорю по-русски // Огонек. 1992. № 9. С. 14.

⁵¹ См.: Didkovskis Rostislavs // Latvijas advokātūra: Zvērināti advokāti un zvērīnātu advokātu palīgi biogrāfijās. 1919.–1945. / Sastādītāji Ē. Jēkabsons, V. Šcerbinskis. Rīga, 2007. 155.–156. лр.; [Волею Божией, после длительной болезни скончался Ростислав Максимович Дидковский...] // НРС. 2003. 29 августа. № 32473. С. 6.

Отец Р.М. Дидковского Максим Мечиславович Дидковский (1887–1954) — офицер, книготорговец, книгоиздатель. В 1906 г. окончил Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище и был направлен в 178-й Венденский полк в Либаву. В 1910–1913 годах учился в Академии Генерального штаба. Участник Первой мировой войны. В годы Гражданской войны служил начальником мобилизационного отдела генерального штаба гетмана П.П. Скоропадского, позже — в прежней должности в правительстве С.В. Петлюры. Осенью 1920 года Дидковский был назначен делегатом от правительства С.В. Петлюры на Балтийскую конференцию. На протяжении последующих 20 лет занимался книготорговлей и книгоиздательством. После установления в 1940 году советской власти в Латвии Дидковский был репрессирован. Погиб в заключении в Краслаге в Красноярском крае 4 сентября 1954 года.

⁵² Кстати, местное население, кто не имел возможности уйти с немцами, уходил из Курземе на моторных лодках на шведский остров Готланд, на котором местными властями был создан лагерь для приема беженцев.

⁵³ «Рутения» в Риге и на чужбине / сост. Е.А. Осипов, Г.Г. Гроссен, Д.А. Левицкий. Вашингтон; Рига, 2005. С. 142. Р.М. Дидковский в сентябре 1944 года вступил в ряды Русского Преображенского батальона под командованием Евгения Гакмана. После благополучной эвакуации в Германию он непродолжительное время находился в лагере ди-пи. В последующем он сумел организовать в окрестностях Гамбурга фирму по продаже леса. Переехать в США Дидковскому и его семье помог епископ рижский

Иоанн (Гарклавс). В США Дидковскому удалось применить свои познания в юриспруденции в сфере страхования.

⁵⁴ См.: Гаврилин А.В. Указ. соч. С. 257–312; Сергеев В. Евгений Климов: Художник-реалист русского зарубежья. 1901–1990. М., 2018. С. 75–94; Ковальчук С.Н. Настоящий изгнанник с собой все уносит: судьбы ученых-эмигрантов в Латвии 1920–1944 гг. М., 2017. С. 428–430.

⁵⁵ В Перте Константин Гримм работал в ж.-д. депо, параллельно получил образование и позже стал библиотекарем в Техническом университете Перта. В конце жизни он был заведующим всеми научными университетскими библиотеками Перта. В Австралии проживают его вдова и трое сыновей. Алексей Гримм приехал в Австралию в возрасте 17 лет. Первоначально он работал на фабрике, потом в санатории для туберкулезных больных. Позже — радиотехником на ABC (Australian Broadcasting Corporation). В 1989 году Алексей вышел на пенсию. Ольга Ивановна, в замужестве Бенцлер, с 1956 года жила в Мельбурне, где вышла замуж, окончила университет и много лет преподавала немецкий язык. У нее две дочери.

⁵⁶ См.: Фрелих С. Указ. соч. С. 181.

⁵⁷ См.: «Рутения» в Риге и на чужбине. С. 149.

⁵⁸ См.: Там же. С. 151–152; Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка. Нью-Йорк, 1952.

⁵⁹ См.: Ковальчук С.Н. Замысла жизни и смерти / Нам не дано изменить: (Свидетельства архивных документов И.В. Чиннова, найденных в Риге) // Рижский библиофил. Рига, 2003. С. 54–62; Она же. И мелкий щебень радостей и бед...: (Игорь Чиннов: архивные дополнения к рижской странице биографии поэта) // Берега: информационно-аналитический сборник о русском зарубежье (СПб.). 2009. Вып. 11/12. С. 16–21.

⁶⁰ Так, магистр права Леонард Лапиньш (Lapiņš), прошедший через жернова ГУЛАГа, составил уникальную картотеку выпускников-юристов Латвийского университета, проследив их жизненные пути после 1944 года как в Латвии, так и далеко за ее пределами (Lapiņš L. Latvijas universitātes tautsaimniecības un tiesību zinātņu fakultātes tiesību zinātņu nodaļas absolventu dzīves un darba gaitas: 1919–1944. Rīga, 1999).

⁶¹ См.: Ibid. 122., 136. lp.

⁶² LNA. LVVA. 2996. f., 17. apr., 55439. l. (паспорт И.М. Сухова); 1655. f., 1. apr., 114. l.

⁶³ См.: –en–. 18. novembrī Parīzē // Latviešu Ziņas: Latvian News. 1948. 24. novembri. № 91. 2. lp.

⁶⁴ См.: I.L. Prof. Jānis Suchovs 7 mēnešus viesojies Spānijā // Latvija. 1949. 27. jūlijs. № 77. 3.lp.

⁶⁵ См. также: Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1940–1975. Франция = L'Émigration Russe: Chronique de la vie scientifique, culturelle et sociale. 1940–1975. France / под общ. ред. Л.А. Мнухина и др.: в 3 т. М.; Париж, 2000–2002 (по указ.).

⁶⁶ См.: Jāņa Suchova piemiņai veltītā koncerta Parīzē... // Laiks. 1980. 26. aprīlis. № 34.

⁶⁷ Примерно 156 тыс. беженцев, оказавшихся в Латвии с середины 1943 года, так же уехали на Запад (см.: Strods H. Op. cit. 84. lp.; Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2002. Вып. 26–27. С. 137).

⁶⁸ См.: Vilks A. [Švābe A.]. Latvieši bēgļu gaitās. Minhene, 1947. См. также: Piircja J. Baltic Refugees and Displaced person / foreword by Duchess of Atholl. L., 1947.

⁶⁹ См.: *Latvju Enciklopēdija* / redaktors A. Švābe. Stokholmā, 1950–1951. 1. sējums. 507. lp.

⁷⁰ См.: *Ibid.* 508. lp.

⁷¹ *Latvju Enciklopēdija* / redaktors A. Švābe. Stokholmā, 1952–1953. 2. sējums. 1243. lp.

⁷² См.: *Baltijas reģions: konflikti un sadarbība: ceļā no pagātnes uz nākotni.* / redkol.: J. Ahoia u.c. Tallina, 2005. 128. –129. lp.

⁷³ См.: *Jansons L.* Baltijas jautājums sociāltiesiskā dimensija ASV nacionālā arhīva dokumentos (1948–1963) // *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls.* 2012. № 1. 95. lp. См. также другую работу, которая доступна для прочтения в интернете, с резюме на английском языке и документами: *Kangeris K.* Evakuācija / bēgšana no Latvijas 1944. gadā: jauns novērtējums uz jaunas datu bāzes // *Latvijas Vēstures institūta Žurnāls.* 2016. № 1. 111.–135. lp.

В.В. Левченко

В ОМУТЕ ВТОРОЙ ВОЛНЫ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ:
ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ МОМЕНТЫ
В СУДЬБАХ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОДЕССЫ*

Аннотация: В статье в контексте современной практики изучения второй волны российской эмиграции исследованы объективные и субъективные моменты миграционных процессов представителей одесской научной интеллигенции на последнем этапе Второй мировой войны и после ее завершения. Автор приходит к выводу, что ученые-мигранты составляли отдельную социальную группу по своему происхождению, обстоятельствам формирования, характеру жизнедеятельности, иерархии и субординации, способам адаптации и стратегиям выживания, восприятию происходивших событий и многим другим критериям. В статье приведены данные о составе и географии расселения одесских интеллектуалов второй эмиграции, произведена реконструкция судеб некоторых одесских ученых-мигрантов.

Annotation: The article is dedicated to the objective and subjective aspects of the migration processes of representatives of Odessa scholar intelligentsia at the last stage of World War II and beyond. The problem is researched in the context of the modern practice of studying the «second wave» of Russian emigration. The author came to the conclusion, that migrant scholars constituted a separate social group by their origin, formation circumstances, nature of life, hierarchy and subordination, adaptation methods and survival strategies, perception of the events and many other criteria. The data of the composition and geography of the resettlement of Odessa intellectuals of the «second emigration» are given in the article, as well as the reconstruction of the fate of some Odessa migrant scholars are carried out.

Ключевые слова: миграционные процессы, эмиграция, репатриация, Вторая мировая война, Одесса, высшая школа, ученые.

Key words: migration processes, emigration, repatriation, World War II, Odessa, high school, scholars.

Можно убежать из отечества, но
нельзя убежать от самого себя.

Гораций

Многие проблемы мировой истории требуют скрупулезного изучения и точечного анализа каждого факта, реконструкции событий и детализации их особенностей, уточнений и содержательного описания. Одна из таких про-

---

* Автор выражает благодарность П.А. Трибунскому за предоставленные научные материалы для использования в данной статье.

блем — миграционные процессы советских граждан во время Второй мировой войны и после ее окончания. Сегодня, имея доступ к архивным документам, в т.ч. и к зарубежным источникам информации, сложилась благоприятная возможность дать максимально приближенные к объективным характеристики и оценки хода, масштаба и последствий передвижения советских граждан в указанный период истории.

По максимальным подсчетам, в конце Второй мировой войны советских граждан, по разным обстоятельствам и причинам перемещенных с территории, принадлежавшей до войны СССР, на территории, принадлежавшие или контролируемые до войны Третьим рейхом или его союзниками, насчитывалось около 8,7 млн человек¹. После добровольной и насильственной репатриации за пределами СССР осталась незначительная часть бывших советских граждан, которые и сформировали вторую волну российской эмиграции. Хронологические рамки ее формирования тянутся от начала Второй мировой войны до начала 1950-х гг., когда были ликвидированы международная и советская организации, занимавшиеся миграционными вопросами советских граждан.

Миграционные процессы являются одним из весьма сложных историко-демографических феноменов, определяющих собой многие черты общественной, политической, экономической и культурной жизни населения. Под термином «миграционные процессы» мы понимаем территориальное перемещение населения относительно их места проживания с пересечением административных границ, с возвращением на постоянное место проживания или без оно. При этом различаются миграции внутренние, осуществляемые в пределах одного государства, и внешние, подразумевающие пересечение мигрантами государственных границ и, как правило, существенное изменение их статуса. Применительно к внешним миграциям отток населения ассоциируется с эмиграцией, а приток — с иммиграцией. Также существуют и такие разновидности внешних миграций, как репатриация, трансферт и оптация². Факторы, выталкивающие людей с одной территории проживания и притягивающие их на другую, бесконечно вариативны и образуют бесчисленные сочетания нюансов. Мотивы миграционных процессов поддаются групповой интерпретации и классификации (экономические, политические, общественные, религиозные, национальные и др.)³, но преимущественно в них всегда преобладает личный, сугубо индивидуальный мотив, который чаще всего является определяющим и решающим.

В основе второй волны российской эмиграции лежали причины и мотивы, полностью не укладывающиеся в традиционное понятие «эмиграция» и имеющие свои характерные особенности, отличные от форм расставания с отечеством, которые были присущи иным волнам исхода населения в XX в. Общепринято, что в мирное время признаком и условием эмиграции считается добровольное или принудительное пересечение государственной границы с целью выезда граждан из своей страны за рубеж на постоянное ме-

стожительность или длительный срок по политическим, экономическим или другим мотивам. Во время Второй мировой войны, особенно на начальных ее этапах, в большинстве случаев вопреки собственной воле советских граждан и вопреки воле СССР миллионы его граждан оказались на территориях, принадлежавших или контролируемых Третьим рейхом или его союзниками. Многочисленные советские мигранты сформировали отдельные категории, оказавшиеся вследствие разных причин и обстоятельств за границей в военное время: военнопленные, оstarбайтеры, гражданские интернированные, привилегированные этнические группы (фольксдойче, фольксфинны, ингерманладцы), коллаборационисты и т.н. беженцы и эвакуированные.

Изучая проблему сотрудничества интеллектуалов с оккупационной властью, нам не избежать осмысления такого неоднозначного и спорного феномена, как коллаборационизм. В научной литературе существуют разноплановые определения этого понятия, которые в основном сводятся к осознанному, добровольному и умышленному сотрудничеству с врагом в его интересах и в ущерб своему государству⁴. К числу коллаборационистов кроме военнопленных относят и гражданских лиц, у которых сотрудничество с оккупантами имело вынужденный характер, т.к. у советских людей, особенно в городах, не было другого способа добыть средства существования для себя и своих семей. Причины, толкнувшие их на этот шаг, имели сложный и неоднозначный характер, были порождены разными обстоятельствами бытового, психологического и мировоззренческого порядка⁵. В проявлении коллаборационизма в первую очередь виновата советская система, которая своим беззаконием, особенно на исполнительном уровне, оттолкнула от себя сотни тысяч людей⁶. Поэтому из общего числа коллаборационистов выделим гражданских лиц, которые в контексте миграционных процессов 1940-х гг. именуются беженцами и эвакуированными. К первым относят гражданских лиц, самостоятельно покинувших оккупированную территорию СССР перед возвращением туда частей Красной армии, а ко вторым относят гражданских лиц, вывезенных отступающими частями оккупантов, которые тем самым очищали оставляемую территорию от населения, которое могло бы быть использовано противником против них. Это две категории мигрантов, которые не принимали участия в военных формированиях, но сотрудничали (в роли служащих гражданских организаций и научно-образовательных учреждений, органов пропаганды, самоуправления и администрации, редакторов и сотрудников периодических изданий⁷, хозяйственных работников, участников общественно-политических групп и объединений, предпринимателей и т. п.) с оккупационными администрациями и прекрасно осознавали свою судьбу после восстановления советской власти. Поэтому их вынужденная работа на оккупированной территории ради получения средств на элементарное пропитание (во время оккупации общего продовольственного обеспечения не существовало, его получали только те, кто официально был трудоустроен), которая не вела к преступлениям против соотечественников, рассматривается учеными как вы-

нужденный коллаборационизм. Для большинства ученых жизнь под оккупантами была неимоверно сложным испытанием и превратилась в постоянную борьбу за выживание.

С капитуляцией Германии огромное число выходцев из СССР оказалось на территориях, во время войны принадлежавших или контролируемых Третьим рейхом или его союзниками, а теперь находившихся под юрисдикцией оккупационных властей Великобритании, США и Франции. С окончанием военных действий представительства этих стран брали на себя попечение о миллионах советских граждан-мигрантов, попадавших по договоренности союзников в категорию перемещенных лиц (*displaced persons*, сокращенно *DP*, отсюда слово «ди-пи» и производные от него, например «дипишная» или «дипишская» эмиграция).

Под давлением Сталина Рузвельт и Черчилль, со временем и де Голль, договорились о том, что все советские граждане, которые имели советское гражданство на 1 сентября 1939 г., подлежали репатриации. Юридическим основанием этого стало решение, принятое на Ялтинской конференции СССР, США и Англии (4–11 февраля 1945) с участием глав государств и закрепленное подписанием Ялтинских соглашений.

Советская власть категорически настаивала на возвращении всех своих граждан на историческую родину. При этом часть советских граждан либо не хотела возвращаться, либо не торопилась, либо колебалась при принятии окончательного решения. В результате добровольной и насильственной репатриации на Западе осталось определенное число бывших советских граждан. Точное число оставшихся на сегодня не установлено. По некоторым оценкам, их количество составляло примерно 700 тыс. человек⁸. Таким образом, большинство советских граждан было репатриировано на родину, но сотни тысяч правдами и неправдами от репатриации уклонились и остались на Западе, составив так называемую вторую волну российской эмиграции.

Среди участников миграционных процессов 1940-х гг. были представители интеллектуального сообщества СССР, в т.ч. и из Одессы, большую часть которых советская власть принудительно вернула назад, но не для того, чтобы использовать их знания и навыки на благо народа, а для того, чтобы жестоко с ними расправиться. Судьбы этой части российской научной интеллигенции заслуживают детального изучения, чему и посвящена данная статья.

История миграционных процессов периода Второй мировой войны и после ее завершения, несмотря на значительность этого явления, до начала XXI в. была изучена мало. Проблема советских перемещенных лиц и их судьбы долгое время оставалась сложной и малоизученной. Советские исследователи по идеологическим причинам обходили эту тему стороной. Только на рубеже 1980–90-х гг. на постсоветском пространстве российские историки В.Н. Земсков⁹, А.А. Шевяков¹⁰ и П.М. Полян¹¹ начали комплексно изучать данную проблему. Упомянутые исследователи первыми ввели в научный оборот значительный фактологический и статистический материал из рассекреченных ар-

живных фондов СССР на основе новых методологических подходов. Начиная со второй половины 1990-х гг. появились публикации украинских историков на эту тему (О.В. Буцко¹², Л.В. Стрильчук¹³, О.В. Янковской¹⁴, М.П. Куницкого¹⁵ и др.). На основе обширного пласта архивных материалов исследователи представили узловые аспекты данной темы: особенности репатриации военнопленных и гражданских лиц, деятельность областных репатриационных органов в УССР, правовые, социальные и нравственные проблемы репатриантов после их возвращения и др. Особенностью изысканий украинских ученых в данной проблематике, за исключением единичных работ¹⁶, стало выделение украинского фактора, рассмотрение всех аспектов темы сквозь призму современного украинского видения. Ко всем нюансам современного украинского историографического поля темы следует добавить, что в активе украинских ученых нет исследований, в которых освещалась бы научная эмиграция, в частности одесские ученые (за исключением нескольких аспектов в отдельных статьях¹⁷). Преимущественно современные украинские исследователи акцентируют свое внимание на проблеме репатриации только двух категорий эмиграции — военнопленных и оstarбайтеров¹⁸. При этом мало внимания уделяется другим категориям — привилегированным этническим группам, коллаборационистам, т.н. беженцам и эвакуированным, среди которых в большей степени и были представители интеллектуального сообщества. В отличие от украинских исследователей, в российской историографии аспект истории научной эмиграции как составляющей второй волны эмиграции (дипишной, или дипийской, эмиграции) является объектом фундаментальных изысканий¹⁹. Следовательно, история одесского вектора научной эмиграции 1940-х гг. и судеб ее субъектов остается до сих пор явлением неисследованным как отечественными, так и зарубежными специалистами.

В основу исследования легли разнообразные исторические источники (архивные материалы, периодические издания тех лет), а также научная литература. В статье делается попытка выяснить масштаб миграционных процессов представителей одесской научной интеллигенции СССР на завершающем этапе Второй мировой войны и после ее окончания.

Перед вступлением в Одессу немецко-румынских оккупантов, в ночь с 16 на 17 октября 1941 г. часть интеллектуалов из-за разных обстоятельств не смогли выехать из Одессы. Поэтому при установлении новой власти они были вынуждены с ней сотрудничать. Нет сомнений, что большинство ученых остались в оккупации сознательно и добровольно. Одними из основных причин их поступка были преклонный возраст, их плохое состояние здоровья или кого-нибудь из родственников. Фактически все они в первые месяцы существования новой власти оказались без работы и были вынуждены перебиваться временными заработками. Несмотря на это, часть из них возлагали определенные надежды на немцев как на «культурную нацию» и думали, что немцы создадут подходящие условия для развития культурной жизни. Например, профессор бывшего Одесского строительного института

В.И. Кундерт возглавлял делегацию одесситов, торжественно встречавшую захватившие город немецко-румынские войска 16–17 октября 1941 г.²⁰ Большинство научной интеллигенции разделяли аполитическое настроение, и ее представители избрали путь приспособления к новым условиям жизни. Причиной принятия такого решения была их обида на советскую власть за политические репрессии во все время ее существования. Поэтому часть ученых вошли в состав оккупационных органов власти не по политическим убеждениям, а скорее из-за альтруистических соображений, с целью служения соотечественникам в сложное время и решения социальных надобностей повседневной жизни своих семей, а не служить на пользу оккупантам. Для них это был практически единственный способ выживания, и мало кто от него отказывался, именно поэтому ученые добровольно соглашались сотрудничать с новой властью. Конечно, восстановить индивидуальную стратегию выживания каждого человека в условиях оккупационного режима — проблема трудноразрешаемая и, по всей вероятности, останется таковой навсегда.

Считая филолога-классика и историка-античника профессора Б.В. Варнеке (1874–1944) патриархом научного сообщества Одессы²¹, оккупационная власть поручила ему обратиться через газету ко всем местным деятелям культуры с обращением о сотрудничестве с новой администрацией²². Вследствие этого в первые месяцы оккупации многие интеллектуалы начали сотрудничать с оккупантами. Например, хирург П.Г. Часовников²³ и химик И.Г. Шеттле на должностях соответственно ректора и проректора возглавили открытый Одесский университет; инженер-архитектор В.И. Кундерт начал работать в должности помощника примаря (городского головы) Одесского муниципалитета по строительству²⁴; медик М.Н. Заевлошин занял должность помощника примаря по медико-санитарной службе; филолог Ф.И. Педанов начал работать секретарем медико-санитарной дирекции примарии (городской управы)²⁵; геолог Г.В. Зизе стал заведующим отделом культуры примарии; историк литературы Г.П. Сербский стал инспектором, а со временем — заведующим отделом искусств и культов примарии²⁶; литературовед З.А. Бориневич-Бабайцева возглавила руководство румынской женской гимназии; историк литературы В.Ф. Лазурский и литературовед П.Е. Ершов во главе с историком Н.А. Соколовым вошли в состав трофейной комиссии примарии. С другой стороны, сотрудничество некоторых ученых с оккупационной властью помогало осуществлению преступной политики оккупантов, в частности разворовыванию материальных ценностей. Например, в работе трофейной комиссии по учету ценностей Одесского историко-археологического музея принимал участие его директор историк В.И. Селинов. Летом 1942 г. поло-

Примарь Сектора
Одесского Муниципалитета
г. Заевлошин.

М.Н. Заевлошин. 1943

П.Е. Ершов. 1920

вина исторических ценностей музея была отправлена в Румынию. Директор Одесской академии искусств Н.А. Соколов также не всегда мог препятствовать вывозу культурных ценностей²⁷. Хотя их участие в этих акциях скорее было связано с занимаемыми ими должностями, чем с проявлением личной инициативы.

Контакты власти с представителями интеллектуального сообщества осуществлялись в условиях военного времени через военную администрацию, муниципалитет и руководство заведений и учреждений, в которых они работали. Структура управления во время оккупации была в основном идентична советской системе контроля. Не произошло изменений и в политико-идеологической концепции всех

сфер культурной деятельности. До войны ученые обслуживали идеологию советской тоталитарной системы или приспосабливались под условия действующего политического режима. В условиях немецко-румынского вторжения они вынуждены были исполнять задания оккупационных властей. В первую очередь речь шла о глобальных вопросах — превознесении немецкой нации и культуры, непобедимости немецкой армии, объяснении несостоятельности коммунистической идеологии. На локальном уровне румыны пытались доказать свое «историческое право» на Транснистрию как принадлежащие им земли испокон веков.

Основными центрами профессиональной деятельности представителей интеллектуального сообщества Одессы в период оккупации являлись 10 высших учебных заведений, 7 среднеспециальных учебных заведений и 18 научно-исследовательских учреждений и обществ²⁸: Одесский университет²⁹ (ректор профессор П.Г. Часовников), Академия изящных искусств³⁰ (директора профессор Н.А. Соколов (1942–1943)³¹ и В. Штефан (1943–1944)), Историко-архивный институт (1943)³², Высшая школа пищевой промышленности³³ (директор Г.Г. Феодоров³⁴), консерватория³⁵ (директор профессор Н.Н. Чернятинский³⁶), Высшая техническая школа³⁷ (до января 1942 г. индустриальный техникум³⁸, директор Н.А. Пророков³⁹), Высшая практическая школа (директор В. Иванов⁴⁰), Высшая медико-фармацевтическая школа⁴¹ (директор С. Кутульвас⁴²), Высшая стоматологическая школа (директор профессор Е.И. Синельников)⁴³, Высшее морское училище (директор А.А. Федоров⁴⁴, в

1942/43 учебном году морской техникум⁴⁵; 1943 г.)⁴⁶), мукомольный техникум⁴⁷, дорожный техникум⁴⁸, Румынский теоретический лицей (директор Р.А. Попп) и Русский теоретический лицей⁴⁹ (директор Л.С. Асвадурова⁵⁰)⁵¹, ремесленное училище⁵² (Индустриальный лицей, директор Ф.П. Нечепуренко)⁵³ и Автомеханический промышленный лицей⁵⁴; Геофизическая обсерватория

рия⁵⁵ (директор доцент Н.И. Иванова⁵⁶, с декабря 1942 г. обсерватория вошла в структуру Одесского университета⁵⁷), Гидрометеорологический институт⁵⁸ (директор инженер Аверичев⁵⁹), Главный институт статистики⁶⁰, городская библиотека⁶¹ (директор А.Н. Тюнеева⁶²), Дом ученых⁶³ (директор профессор В.И. Кундерт⁶⁴, председатели правления профессора К.Д. Покровский (1941–1942)⁶⁵ и Г.И. Потапенко (1942–1944)⁶⁶), Институт гидротехники и мелиорации⁶⁷ (директора А. Михайловский⁶⁸ (1942–1943) и О. Попеску (1943–1944)⁶⁹), Институт итальянской культуры (директор профессор Карло Гилло)⁷⁰, Институт пластической хирургии и онкологии⁷¹ (директор профессор В.П. Кисилев⁷²), Институт селекции и генетики⁷³ (директора профессор М.С. Шашкин (1942)⁷⁴, профессор Ф.В. Кетрару⁷⁵ (1942–1943) и инженер Соловьев (1943–1944)⁷⁶), Институт технических изобретений и усовершенствований⁷⁷ (директор профессор Ф.В. Кетрару⁷⁸), Историко-археологический музей⁷⁹ (директор В.И. Селинов⁸⁰, с 1 апреля 1943 г. музей вошел в структуру Одесского университета как учебно-вспомогательное учреждение историко-филологического факультета⁸¹), Исторический архив⁸² (директор Е.Е. Мартыновский⁸³), Научное общество акклиматизации животных и растений (председатель профессор Костецкий)⁸⁴ при Зоологическом саду⁸⁵ (директор Г.В. Бейзерт⁸⁶), Научный институт Транснистрии (директор профессор Т. Херсени)⁸⁷, Одесская секция Германского научного института⁸⁸, Румынский научно-исследовательский институт⁸⁹ (президент Ш. Булат⁹⁰), Центральная химическая лаборатория⁹¹ (директора профессор Т. Ковалев (1942–1943)⁹² и инженер-химик А. Сенгер (1943–1944)⁹³), Центральная санитарно-гигиеническая, химико-аналитическая лаборатория⁹⁴ и др.

Ведущее положение среди научно-образовательных центров занимал открытый новой властью Румынский королевский университет — Университет Транснистрии — Одесский университет (все три названия использовались в официальной документации). Его торжественное открытие состоялось 7 декабря 1941 г., в феврале 1942 г. заработали три факультета (медицинский, политехнический и агрикультурный), а в начале осени 1942 г. к ним добавился историко-филологический факультет⁹⁵. На протяжении двухлетнего существования структура университета неоднократно трансформировалась. Де-юре он не имел никакого отношения к Одесскому государственному университету (ОГУ), существовавшему в 1933–1941 гг., а во время войны находившемуся в эвакуации. Де-факто он имел такое же официальное название, размещался в зданиях ОГУ и других довоенных вузов, преподаватели и студенты ОГУ и всей высшей школы Одессы, по разным причинам не успевшие эвакуироваться, продолжали в нем соответственно работать и учиться. К тому же Румынский университет зачислил всех студентов на обучение на следующие курсы. Например, один из ведущих советских историков Античности профессор П.О. Карышковский (1921–1988) первые два года учился (1939/40 и 1940/41) на историческом факультете ОГУ, а два последующих — на историко-филологическом факультете (1942/43 и 1943/44) Одесского уни-

верситета времен немецко-румынской оккупации⁹⁶. Процедура перезачетов состоялась и после эвакуации ОГУ в 1944 г., когда все студенты «оккупационного» университета после сдачи академической разницы были переведены на следующие курсы обучения, а выпускники (например, П.О. Карышковский) получили дипломы об окончании вуза. Таким образом, руководство «Одесских университетов» советской формации и оккупационного периода признавали друг друга, а характерным признаком в истории Одесского университета 1941–1944 гг. можно считать процесс его «раздвоения» на основе идеологической платформы.

По своей инфраструктуре, сути и идеологии «Одесские университеты» имели колоссальные отличия. ОГУ с соответствующими ему формами управления, идеологии и нормами человеческих ценностей являлся ярким примером механизма работы высшей школы 1930-х гг., в которой проблемы инфраструктуры вуза, некомпетентность его руководства в налаживании механизма работы всех структур и подразделений решались проведением кампаний политических репрессий против преподавателей и студентов⁹⁷. Одесский университет оккупационного периода соответствовал статусу университета дореволюционного образца — Императорского Новороссийского университета (1865–1920). Базой для его создания стали ОГУ и ведущие институты довоенного периода (Политехнический, Медицинский, Сельскохозяйственный, Инженеров водного транспорта и др.)⁹⁸. В его структуре был возрожден юридический факультет, который был ликвидирован в 1930 г. Существенное отличие было и в преподавательском составе. Например, сравнивая квалификационный уровень преподавательского состава историков «довоенного» и «оккупационного» образцов университета, можно заметить значительные отличия. В 1939–1941 гг. в педагогический штат входила незначительная часть историков, получивших профильное высшее образование в ведущих европейских вузах: М.Ф. Болтенко, Б.В. Варнеке, А.Г. Готалов-Готлиб и К.П. Добролюбский. Остальные преподаватели (более десяти человек) принадлежали к числу раннесоветской генерации ученых⁹⁹, т.н. партийных выдвиженцев, хорошо владевших марксистской фразеологией, в своем большинстве без специального исторического образования и фактически беспомощные в исторической науке. Именно из числа таких историков избирались деканы, главными критериями избрания которых должно было быть пролетарское или крестьянское происхождение, членство в ВКП(б) и преданность доминирующим идеалам власти. Преподавательский состав историков университета в период оккупации выглядел намного более квалифицированным. Весь его педагогический состав имел профильное высшее образование европейских вузов, преимущественно классических университетов. В разное время деканами избирались видные ученые: Б.В. Варнеке, В.Ф. Лазурский¹⁰⁰, Н.А. Соколов¹⁰¹. Кроме них на историко-филологическом факультете также преподавали представители дореволюционной генерации — А.Д. Балясный, З.А. Бабайцева, П.Е. Ершов, А.И. Занчевский, Ф.И. Педанов, В.И. Селинов, Г.П. Сербский и др.¹⁰² Подобная ситуация была и на оставшихся факультетах, в целом, как и в других

вузах, преподавательский состав которых пополнили «списанные со счетов» советской властью в 1930-х гг. ученые и незначительное число коллег из других стран (Германии, Италии, Македонии, Румынии и др.).

Преподавательские составы вузов высшей школы Одессы в 1942–1944 гг. были нестабильны, они часто испытывали процесс ротации. Отсутствие исторических источников по многим вузам не дает возможности установить их штаты в этот период. Исходя из имеющихся в нашем распоряжении документальных материалов, можем констатировать численность интеллектуалов в составах только некоторых вузов и научных учреждений. В 1942/43 учебном году в Одесском университете насчитывалось 354 человека научно-педагогического и научно-технического персонала (по факультетам: медицинский — 193, политехнический — 70, точных наук — 57, юридический — 8, историко-филологический — 26)¹⁰³. В 1943/44 учебном году штат консерватории насчитывал 62 человека¹⁰⁴; Высшей медико-фармацевтической школы — 59¹⁰⁵; Женского лицея — 25¹⁰⁶; Румынского научно-исследовательского института — 38¹⁰⁷; Института гидротехники и мелиорации — 3¹⁰⁸; Исторического архива — 14¹⁰⁹. Ротация штата научных сотрудников происходила и в городской библиотеке, в которой в октябре 1942 г. было 25 человек¹¹⁰, а в марте 1943 г. — 29¹¹¹. Аналогичную ситуацию наблюдаем и в Историко-археологическом музее, где в апреле 1942 г. состав научных сотрудников насчитывал 8 лиц, а в период июня–сентября 1942 г. — 11¹¹².

Из-за отсутствия документальных материалов, в первую очередь архивных источников, на сегодня не представляется возможным максимально должным образом реконструировать моменты истории большинства научно-образовательных центров Одессы периода немецко-румынской оккупации. Незначительные документальные источники (преимущественно на румынском и частично на немецком языках), которыми мы располагаем относительно некоторых учебных заведений и научно-исследовательских учреждений, не позволяют нам отобразить хотя бы отдельные фрагменты историй этих средоточий культуры. Исходя из имеющихся в нашем распоряжении архивных материалов, можем констатировать, что в 9 из 35 научно-образовательных центров Одессы в период максимального размера их штатного расписания насчитывалось 595 человек. Исходя из показателей штатов известных нам учебно-образовательных центров (с учетом совместительства многими интеллектуалами в нескольких заведениях и учреждениях), позволим себе предположить, что суммарный показатель всех учреждений мог колебаться в интервале от 800 до 900 человек.

На эвакуацию в Румынию, согласно данным ректора П.Г. Часовникова, озвученных на одном из допросов в 1947 г., всего записалось 250 преподавателей¹¹³ (≈30 % от гипотетического общего числа одесской научной интеллигенции). Использование документальных материалов (6531 личное дело репатриантов с крайними хронологическими датами от 1919 до 1998 г. и более 65 тыс. «филтрационных» карточек на репатриантов)¹¹⁴, научной литерату-

Г.Д. Штейнванд. 1915

ры и периодических изданий позволило нам установить данные о 25 лицах¹¹⁵ ($\approx 3\%$ от гипотетического общего числа сотрудничавших с оккупантами одесских интеллектуалов и 10% от общего числа пожелавших эмигрировать преподавателей), которые с отступающими частями немецких и румынских войск покинули Одессу (см. табл.). Среди одесских ученых-эмигрантов 1940-х гг. были представители разных этнических групп (русские — 16 человек, немцы — 5, украинцы — 2, болгарин и грек — по 1) и возрастных групп. Основным местом их работы были Одесский университет (22 человека) и Историко-археологический музей (3). По своим профилям деятельности 13 лиц занимались исследованиями в области естественных наук, 12 чело-

век — в сфере социогуманитарных наук.

Из общего числа эмигрантов четверо стали жертвами политических репрессий в период 1920–30-х гг. Пятнадцатого июня 1928 г. по надуманному обвинению в контрреволюционной деятельности сотрудниками ГПУ был арестован Г.П. Сербский. После нескольких месяцев пребывания в тюрьме, осенью 1928 г. его освободили¹¹⁶. В феврале 1931 г. по подозрению в участии в подпольной контрреволюционной деятельности органами ГПУ был арестован В.И. Селинов. В сентябре того же года его выпустили из тюрьмы и восстановили на работе¹¹⁷. Двадцать восьмого декабря 1933 г. Одесским областным отделом ГПУ по обвинению в контрреволюционной деятельности был арестован Г.Д. Штейнванд, а решением судебной тройки при Коллегии ГПУ от 26 февраля 1934 г. был осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей. Отбывая наказание в Ухто-Ижемском лагере, в 1938 г. Г.Д. Штейнванд был арестован во второй раз, но решением УНКВД по Одесской области от 31 октября 1939 г. был освобожден из-под стражи¹¹⁸. С 22 октября по 31 декабря 1938 г. была арестована и находилась в тюрьме Е.О. Гордиевская¹¹⁹. Выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР в Одессе на заседании 11 октября 1938 г., что продолжалось лишь пятнадцать минут, приняла решение о расстреле ее мужа, профес-

Е.О. Гордиевская. 1920-е

сора ОГУ М.И. Гордиевского, с исполнением приговора в тот же день¹²⁰.

По принадлежности к категориям эмигрантов 5 человек являлись фольксдойче, 20 имели статус т.н. беженцев. Первой географической точкой их эмиграции были города Болгарии (2 человека), Германии (4) и Румынии (19). Пока в 1944–1945 гг. продолжалась политическая борьба вокруг вопроса о репатриации, они, как советские граждане, ждали решения своей судьбы в лагерях в западных оккупационных зонах. Из 25 выявленных на сегодня человек одесской научной эмиграции двое ученых умерли практически сразу в Румынии, 16 лиц были репатрированы¹²¹, семерым удалось остаться за рубежом: в Аргентине (А.А. Жилин), Германии (Е.О. Гордиевская, В.И. Кундерт, И.Г. Шеттле, Г.Д. Штейнванд), Румынии (А.К. Фаас-Щербина) и США (П.Е. Ершов). Итогом 1944 г. стало заметное увеличение числа предста-

В.И. Кундерт. 1943

И.Г. Шеттле. 1930-е

вителей одесской научной эмиграции по сравнению с предыдущими годами: в период 1924–1943 гг. из Одессы за рубеж не выехал ни один советский ученый. Из числа репатрированных 8 человек (С.В. Донич¹²², М.Н. Заевлошин, Г.В. Зизе, Г.И. Потапенко¹²³, В.И. Селинов, Г.П. Сербский¹²⁴, К.К. Стамеров, П.Г. Часовников) были арестованы органами НКВД за сотрудничество в период оккупации с немецко-румынскими властями и приговорены к разным срокам лишения свободы. Как и многие другие их коллеги, которые оказались в оккупации, а затем с целью избежать наказания решили бежать из СССР, перечисленные ученые часть своей

жизни провели в лагерях и тюрьмах, некоторые из них там умерли (В.И. Селинов, П.Г. Часовников). Эти ученые мало интересовались политикой, не занимали ведущих постов в администрации немецко-румынской власти, так же как и в советской, но, по мнению последней, во время оккупации нарушили требования к соблюдению образа советского гражданина. Они, как и все другие их коллеги, не только сотрудничали с оккупантами, но и при этом являлись активными критиками советской власти.

В первую очередь одесским ученым, пытавшимся эмигрировать, в вину вменяли критику и осуждение коммунистического режима на заседаниях

Г.П. Сербский. 1940

Г.И. Потапенко. 1930-е

Института антикоммунистических исследований и пропаганды, созданного в апреле 1943 г. и торжественно открытого 15 мая того же года (в декабре 1943 г. переименованного в Институт социальных наук). Инициаторами организации и ведущими специалистами института являлись преподаватели Одесского университета: Н.А. Яблоновский (председатель), А.Д. Балясный (с декабря 1943 г. заместитель председателя), Н.А. Андрец, С.Ф. Белодед, П.Е. Ершов, А.А. Жилин, Ф.Н. Жмайлович, М.Н. Заевлошин, В.Ф. Лазурский, Н.П. Макаренко, К.Д. Покровский, Г.И. Потапенко, В.П. Соколов, Н.А. Соколов, К.К. Стамеров, И.Я. Фаас, П.Г. Часовников, И.Г. Шеттле и др.¹²⁵ Подразделения ин-

ститута были призваны вести научно-исследовательскую работу по изучению теории и практики коммунизма, проводить критику коммунизма, вести действенную борьбу с коммунистической идеологией и антикоммунистическую пропаганду¹²⁶. Закономерно, что советская власть пылала ненавистью к деятелям института и, вернувшись в Одессу, начала осуществлять карательные меры по отношению к самым активным его членам. Ради истины отметим, что некоторые сотрудники института избежали репрессий (Ф.Н. Жмайлович, В.Ф. Лазурский, Н.П. Макаренко и др.).

В деятельности ученых Одессы в период оккупации можно выделить три основных этапа: первый (октябрь–декабрь 1941 г.) — этап адаптации, который характеризуется морально-творческой адаптацией к общению с новой властью; второй (декабрь 1941 — середина 1943 г.) — относительно стабильная работа, которая с изменениями в политико-идеологическом направлении и экспансией румынской культуры была сосредоточена в вузах и научно-исследовательских учреждениях города; третий (середина 1943 — первая треть 1944) — финальный, определен переломом в ходе войны и постепенным отступлением оккупантов, во время которого, при приближении линии фронта к городу, происходила дестабилизация деятельности научной интеллигенции и их повседневной жизни, подготовка и выезд части ученых в соседние с СССР страны для дальнейшей эмиграции, а с освобождением этих территорий от немецких войск — началом проведения репрессивных мероприятий в отношении их за сотрудничество с оккупационными властями. Ученые Одессы во время немецко-румынской оккупации сотрудничали с новой властью или сознательно, или ошибочно, или от безысходности, а в своем большинстве — вынуждено. Учитывая тяжелое социально-экономическое положение, добровольное сотрудничество ученых с оккупантами иногда было лишь попыткой приспособления ради выживания. Решающую роль в таком выборе сыграли аполитические настроения, которые

были спровоцированы советским режимом до начала войны, а результатом стало приспособление к оккупационному режиму, который держал их деятельность под своим тотальным контролем. В отличие от одесского вектора первой волны эмиграции (Б.П. Бабкин, А.Д. Билимович, П.М. Бицилли, А.Н. Грабар, М.Г. Попруженко, Г.В. Флоровский и др.)¹²⁷, одесский вектор второй волны прошел незаметно, не подарив известных имен мировой культуре. Миграционные процессы представителей научной элиты, которые все принадлежали к категории трудоспособных, и последовавшие репрессии негативно повлияли на профессиональный состав ученых и интеллектуальную ситуацию в регионе и в целом в стране.

Основным содержанием проблемы эмиграции как таковой, и в частности научной, была политическая борьба вокруг этого вопроса, усугубившаяся после окончания войны. При осуществлении репатриации союзники столкнулись с массовым отказом советских граждан возвращаться в СССР, и с этого момента репатриация стала дискуссионной проблемой. Не существовало никаких нормативно-правовых актов, которые на международном законодательном уровне регулировали бы процесс передачи граждан одной стороной другой (кроме военных преступников). Обострение противоречий между СССР и западными государствами после Потсдамской конференции по многим другим вопросам послевоенных отношений также негативно сказалось на процессе передачи СССР его перемещенных граждан, не желавших возвращаться добровольно. Достаточно весомым фактором стала деятельность международных попечительских и благотворительных организаций, которые развернули активную деятельность по опеке эмигрантов, став выразителями их интересов на международном и государственном уровне. Вторая волна состояла не из интеллектуалов, а преимущественно из людей «простых» слоев населения. Ученые-эмигранты составили отдельную социальную группу по своему происхождению, обстоятельствам формирования, характеру жизнедеятельности, иерархии и субординации, способам выживания, восприятию происходивших событий и другим критериям, что дает основание выделить их в самостоятельный сегмент социума. «Второй лагерь» российской эмиграции, имевший опыт проживания в СССР, нашел точки соприкосновения с представителями «первого» на идеях борьбы с коммунистической идеологией, непримиримости к советской власти, невосприятия социалистической действительности, любви к родине. Принудительная репатриация стала рассматриваться Западом как один из механизмов политической и идеологической борьбы с СССР и вышла далеко за пределы международной передачи граждан, что привело к использованию эмигрантов в идеологической борьбе противоборствующих сторон холодной войны. Представители второй волны, в отличие от первой, не мечтали о возвращении, панически боялись быть выданными СССР, поэтому себя не афишировали, связь друг с другом не поддерживали или ограничивали, активной общественной деятельностью не занимались.

Таблица

Сводные краткие данные биографий одесских эмигрантов второй волны

№	Фамилия, имя, отчество, даты жизни, национальность	Занимаемая должность на время эмиграции	Категория, дата и страна эмиграции	Примечания
1	Баласный Андрей Дмитриевич (≈1899–1945, русский)	Доцент кафедры русской литературы историко-филологического факультета Одесского университета (ОУ)	«Беженец», 1944, Румыния (с. Либлинг Тимишоарского уезда)	Покончил жизнь самоубийством перед вступлением частей красной армии в Румынию
2	Басун Александр Васильевич (1910–19??, русский)	Ассистент кафедры технологии консервирования политехнического факультета ОУ	«Беженец», 1944, Румыния	Репатрирован в Одессу 25.10.1945. Дальнейшая судьба неизвестна
3	Гордиевская (урожденная Тидеман) Елена Оттовна (1901–1982, немка)	Лектор немецкого языка агрономического факультета ОУ	Фольксдойче, 1944, Германия (Мюнхен)	После войны проживала в Германии (Мюнхен)
4	Дониц Сергей Владимирович (1900–1958, русский)	Заведующий отделом египетских древностей Историко-археологического музея	«Беженец», 21.03.1944, Румыния (с. Либлинг Тимишоарского уезда)	Репатрирован в Одессу 16.02.1945. 04.11.1945 арестован. 05.01.1946 приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). 13.11.1946 освобожден по амнистии
5	Ершов Петр Евгеньевич (1893–1965, русский)	Доцент кафедры западноевропейской литературы историко-филологического факультета ОУ; профессор кафедры литературы и декан драматического факультета Одесской консерватории	Фольксдойче по жене — Надежде Эмильевне Ершовой (урожд. Родэ), 1944, Германия	Эмигрировал в США (Нью-Йорк)
6	Жилин Александр Алексеевич (1880 — после 1949, русский)	Профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета ОУ	«Беженец», 1944, Болгария	Эмигрировал в Аргентину (Буэнос-Айрес)

7	Заевлошин Михаил Николаевич ¹²⁸ (1886–1968, русский)	Профессор и заведующий кафедрой гистологии медицинского факультета ОУ	«Беженец», 19.03.1944, Румыния (Тимишоара)	15.10.1944 арестован. 14.11.1944 репатрирован в Одессу. 21.03.1945 приговорен к 15 годам ИТЛ
8	Зисе Георгий Владимирович (1902–19??, русский)	Доцент, заведующий кафедрой минералогии факультета точных наук ОУ	«Беженец», 1944, Румыния	Репатрирован в Одессу. 25.12.1945 Военным трибуналом НКВД в Одесской области приговорен к 10 годам ИТЛ
9	Иванова Надежда Николаевна (1923–19??, русская)	Ассистент кафедры химии медицинского факультета ОУ	«Беженка», 17.11.1944, Румыния (Браил), Болгария (Варна)	Репатрирована в Одессу. Дальнейшая судьба неизвестна
10	Кузнецова Лидия Александровна (русская)	Старший научный сотрудник Одесского историко-археологического музея	«Беженка», 26.03.1944, Румыния (Тимишоара)	Репатрирована в Одессу. Дальнейшая судьба неизвестна
11	Кундерт Владимир Иванович (1878–19??, немец)	Профессор, заведующий кафедрой архитектуры и конструкций политехнического факультета ОУ	Фольксдойче, 1944, Германия	Дальнейшая судьба неизвестна
12	Николай Борис Адольфович (русский)	Профессор кафедры сопротивления материалов политехнического факультета, проректор ОУ	«Беженец», 1944, Румыния (Тимишоара)	Репатрирован в Одессу. Дальнейшая судьба неизвестна
13	Потапенко Георгий Иосифович (1889–1982, украинец)	Профессор, заведующий кафедрой ботаники и декан (до 10 января 1944 г.) факультета точных наук; второй проректор ОУ (с 10 января 1944 г.)	«Беженец», 1944, Румыния (Тимишоара)	Репатрирован в Одессу. Арестован в октябре 1946 г. Военным трибуналом НКВД в Одесской области приговорен к 10 годам ИТЛ
14	Санин Иван (русский)	Доцент политехнического факультета ОУ, инженер	«Беженец», Румыния	Репатрирован в Одессу. Дальнейшая судьба неизвестна

15	Селинов Валентин Иванович (1876–1946, русский)	Профессор, заведующий кафедрой (с 28 августа 1943 г.) русской истории историко- филологического факультета ОУ; директор Историко- археологического музея	«Беженец», 21.03.1944, Румыния (с. Либлинг Тимишоарского уезда)	Репатрирован в Одессу 06.01.1945. 15.10.1945 Военным трибуналом НКВД в Одесской области приговорен к 10 годам ИТЛ
16	Сербский Георгий Петрович (1900–1973, болгарин)	Профессор, заведующий кафедрой русской литературы историко- филологического факультета ОУ	«Беженец», 18.02.1944, Болгария	25.11.1944 арестован. Репатрирован в Одессу. 19.03.1945 Военным трибуналом НКВД в Одесской области приговорен к 10 годам ИТЛ
17	Соколов Виталий Павлович (19??– 19??, русский)	Доцент, заведующий кафедрой филологии и психологии историко- филологического факультета ОУ	«Беженец», Румыния	Репатрирован в Одессу. Дальнейшая судьба неизвестна
18	Стамеров Константин Кириякович (1904–1972, грек)	Профессор, заведующий кафедрой политической экономики и экономической географии юридического факультета ОУ	«Беженец» под именем Константин Доду, 21.03.1944, Румыния (Тимишоара)	19.01.1947 арестован. 31.05.1947 Военным трибуналом в Констанце приговорен к 10 годам ИТЛ
19	Тизенгаузен- Голубова Лидия Михайловна (1912–19??, русская)	Ассистент кафедры анатомии медицинского факультета ОУ, врач больницы «Водников»	«Беженка», 19.12.1943, Румыния	Репатрирована в Одессу 18.04.1945. Дальнейшая судьба неизвестна
20	Фаас Иван Яковлевич (1894–1945, немец)	Профессор, заведующий кафедрой румынского права и декан юридического факультета ОУ	«Беженец» под именем Иоан Адриан, 1944, Румыния (Бухарест)	Скончался 11 апреля 1945 г. в Бухаресте
21	Фаас- Щербина Анна Константиновна (1???–1982, украинка)	Ординатор терапевтической клиники ОУ ¹²⁹	«Беженка», 1944, Румыния (Бухарест)	После войны проживала в Румынии
22	Часовников Павел Георгиевич (1887–1954, русский)	Ректор, профессор кафедры хирургии медицинского факультета ОУ	«Беженец», 10.03.1944, Румыния (Бухарест)	В октябре 1946 г. арестован. 05.03.1947 приговорен к 10 годам ИТЛ. 26.05.1947 приговор изменен — 25 лет лишения свободы.

23	Шеттле Иван Густавович (1887–19??, немец)	Проректор (07.12.1941–07.01.1944), профессор кафедры химии медицинского факультета ОУ	Фольксдойче, 1944, Румыния	Эмигрировал в Германию, где работал заведующим кафедрой химии в одном из университетов
24	Штейнванд Герборд Данилович (1896–19??, немец)	Сотрудник Историко-археологического музея	Фольксдойче, 1944, Германия	После войны проживал в Германии. Дальнейшая судьба неизвестна
25	Яблоновский Николай Александрович (1876–19??, русский)	Профессор, президент Антикоммунистического института при ОУ. Специалист по электричеству.	«Беженец», 1944, Румыния (Тимишоара)	Дальнейшая судьба неизвестна

¹ См.: Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине / предисл. Д. Гранина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 135–136.

² См.: Зовнішні трудові міграції населення / за ред. Е.М. Лібанової, О.В. Позняка. Київ, 2002. С. 55–57; Зинченко Н.Н. Миграция населения: теория и практика международно-правового регулирования. М., 2003. С. 5–7; Полян П.М. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. М., 2005. С. 493–494.

³ См.: Полян П.М. Эмиграция. С. 494.

⁴ См.: Семиряга М.И. Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000; Пережогин В.А. Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 293–305; Дерейко І.І. Коллабораціонізм // Енциклопедія історії України: у 10 т. / редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. Київ, 2007. Т. 4: Ка–Ком. С. 440; Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009 и др.

⁵ См.: Пережогин В.А. Указ. соч. С. 293.

⁶ См.: Коваль М.В. Україна в другій світовій і Великій вітчизняній війнах (1939–1945 рр.) // Україна крізь віки. Київ, 1999. Т. 12. С. 127–132.

⁷ О сотрудничестве советских граждан с редакциями оккупационных периодических изданий в Одессе см.: Гейтан О., Левченко В. Одеські періодичні видання часів німецько-румунської окупації 1941–1944 рр. як історичне джерело: структура, зміст, особливості // Scriptorium nostrum: електронний історичний журнал (Херсон). 2017. Вип. 2 (8). С. 227–248.

⁸ См.: Полян П.М. Жертвы двух диктатур. С. 143.

⁹ Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 гг. // ИСССР. 1990. № 4. С. 26–41; Он же. Рождение «второй эмиграции» (1944–1952) // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 3–24; Он же. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1945–1956 гг.) // Там же. 1995. № 5. С. 3–13 и др.

¹⁰ Шевяков А.А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 3–11; Он же. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции / редкол.: Ю.А. Поляков (отв. ред.) и др. М., 1994. С. 195–222.

¹¹ Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996.

¹² Буцько О.В. Репатріація українських громадян (1944–1946) // Сторінки воєнної історії України. Київ, 1997. Вип. 1. С. 143–158; Он же. «С возвращеньцем»: судьба українських громадян, репатриированных на Родину // Там же. Київ, 1998. Вип. 2. С. 148–162 и др.

¹³ Стрільчук Л.В. Українські біженці та переміщені особи після Другої світової війни: Дис. ... канд. іст. наук. Луцьк, 1999.

¹⁴ Янковська О.В. До питання про долю українських репатріантів Великої Вітчизняної війни // Сторінки воєнної історії України. Київ, 2005. Вип. 9, ч. 3. С. 206–212.

¹⁵ Куницький М.П. Примусова репатріація радянських громадян до СРСР після Другої світової війни (український вектор): Автореф. дис. ... канд. істор. наук. Чернівці, 2008.

¹⁶ Холодницький В., Житарюк Н. Репатріація радянських громадян (1944–1952 роки) // Питання історії, історіографії, джерелознавства та архівознавства Центральної та Східної Європи. Київ; Чернівці, 1997. Вип. 1. С. 161–170; Стрільчук Л. Доля військовополонених і депортованих громадян СРСР у роки Другої світової війни та після її закінчення // Науковий вісник Волинського державного університету ім. Лесі Українки. Історичні науки. 1998. № 1. С. 94–98 и др.

¹⁷ См.: Левченко В.В. Життя та науково-громадська діяльність Валентина Івановича Селінова (до 130-річчя з дня народження) // Юго-Запад. Одессика: историко-краеведческий научный альманах. Одесса, 2006. Вип. 2. С. 256–266; Он же. Діяльність вчених-істориків Одеси в період німецько-румунської окупації (1941–1944 рр.) та їх доля // Південь України: етноісторичний, мовний, культурний та релігійний виміри. Одеса, 2011. С. 233–239; Он же. Ученые-историки Одессы в условиях политических процессов 1917–1944 гг. // Ответственность интеллигенции в контексте времени: материалы XXIII Международ. науч.-теор. конф. Иваново, 2012. С. 99–101; Он же. Міграційні процеси вчених-істориків Одеси в 1917–40-х рр. // Музейний вісник: науково-теоретичний щорічник. Запоріжжя, 2013. № 13/2. С. 227–233; Он же. Вчені-історики Одеси у вирі політичних репресій 1917–1953 рр. // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. 2015. № 14. С. 31–38; Левченко В.В., Макушинський В.І. Долі родин репресованих у полум'ї Другої світової війни (на прикладі сім'ї Гордієвських) // Південь України: етноісторичний, мовний, культурний та релігійний виміри. Одеса, 2015. С. 174–178; Гонтар О.В. Репресії на Одещині наприкінці Другої світової війни та в повоєнні роки (1944–1953) // Реабілітовані історією. Одеська область / упорядники Л.В. Ковальчук, Е.П. Петровський. Одеса, 2010. Кн. 1. С. 123–142; Муzyчко А. Иван Яковлевич Фаас: декан юридического факультета Одесского университета в годы румынской оккупации // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. 2010. № 9. С. 46–56; Он же. Еміграції та депортації науковців з території південної України у першій половині ХХ ст.: етапи, склад, долі // Вісник Центрального державного архіву зарубіжної україніки. Київ, 2012. Вип. 1. С. 126–168 и др.

¹⁸ См.: Пастушенко Т.В. Остарбайтери Київщини: історико-статистичний та джерелознавчий аналіз // Історія України. Маловідомі імена, події, факти: 36. наук. статей.

Київ; Хмельницький; Кам'янець-Подільський, 2004. Вип. 28. С. 99–115; *Она же*. Остарбайтери з України: вербування, примусова праця, репатріація: (історико-соціальний аналіз на матеріалах Київщини): Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2007; *Она же*. Остарбайтери з Київщини: вербування, примусова праця, репатріація: (1942–1953). Київ, 2009; *Она же*. «В'їзд репатріантів до Києва заборонено...»: повоєнне життя колишніх остарбайтерів та військовополонених в Україні / наук ред. О. Лисенко. Київ, 2011; *Лисенко О.Є.* Проблема «остарбайтерів» як предмет соціальної історії // «...То була неволя»: спогади та листи остарбайтерів / гол. ред. В.А. Смолій. Київ, 2006. С. 7–14; *Гальчак С.Д.* На узбіччі суспільства: Доля українських «остарбайтерів» (Поділля, 1942–2007 рр.). Вінниця, 2009 и др.

¹⁹ См.: *Базанов П.Н.* Вторая русская эмиграция и «дипийская» печать в Италии (1945–1951) // *Русские в Италии: культурное наследие эмиграции* / сост., науч. ред. М.Г. Талалая. М., 2006. С. 179–189; *Он же*. Библиографический указатель дипийских книг и брошюр (1945–1951) // *Диаспора: новые материалы* / отв. ред. О.А. Коростелев. СПб., 2007. Т. 8. С. 689–739; *Он же*. «Дипийские» книги, издательства и периодика русских эмигрантов (1945–1951 гг.) // *Альманах библиофила*. М., 2011. № 8. С. 66–110; *Ульянкина Т.И.* «Дикая историческая полоса...»: Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010; «Наставникам, хранившим юность нашу...»: Педагогика и педагоги русского зарубежья: сб. ст. / Сост. и вступ. ст. Л.С. Оболенской-Флам, О.П. Раевской-Хьюз. М., 2017 и др.

²⁰ См.: *Ицкович К.* Немцы в Одессе // *НРС*. 1983. 19 августа. № 26216. С. 7.

²¹ См.: *Алексеев М.П.* Проф. Б.В. Варнеке: (К 35-летию его литературной и научной деятельности) // *Силуэты*. 1924. № 5. С. 6–7; *Смирнов В.А.* Покровский, Варнеке, Соколов и другие: изменники или жертвы трагедии? // *Смирнов В.А.* Реквием XX века. Одесса, 2001. Ч. 1. С. 159–179 и др.

²² *Базаров П.* Смелее вести пропаганду: (Беседа с профессором Б.В. Варнеке) // *Одесская газета*. 1941. 21 декабря. № 19. С. 3.

²³ См.: *Смирнов В.А.* Осужденный ректор университета // *Смирнов В.А.* Реквием XX века. Ч. 1. С. 150.

²⁴ См.: Два года плодотворной деятельности Одесского муниципалитета // *Одесская газета*. 1943. 16 октября. № 240. С. 3.

²⁵ См.: *Смирнов В.А.* Дело № 2470917-II: профессор Михаил Николаевич Заевлошин // *Смирнов В.А.* Реквием XX века. Одесса, 2003. Ч. 2. С. 65–66.

²⁶ См.: *Смирнов В.А.* Филолог Сербский (1900–1973) // *Смирнов В.А.* Реквием XX века. Ч. 1. С. 213.

²⁷ См.: *Левченко В.В.* Діяльність вчених-істориків... С. 235–236.

²⁸ Многие украинские исследователи, изучая разные аспекты истории развития культуры в период немецко-румынской оккупации Одессы, не рассматривают упомянутые учебные заведения и научные учреждения, а акцентируют внимание исключительно на истории Одесского университета (см.: *Кязимова Г.Х.* Творча інтелігенція та влада Трансністрії (на матеріалах окупаційної преси) // *Інтелігенція і влада: громадсько-політична наукова збірка*. Одеса, 2006. Вип. 8. С. 205–210; *Она же*. Наукова та творча інтелігенція «Трансністрії» — деякі аспекти стосунків з владою // *Інтелігенція і влада: матеріали П'ятої Всеукраїнської наукової конференції*. Одеса, 2009. Ч. 1. С. 129–135; *Вінцовський Т., Кязимова Г., Михайлуца М., Щетніков В.* Окупаційний режим в губернаторстві «Трансністрія» // *Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI століття*.

Історичні нариси. Київ, 2010. Кн. 1. С. 413–445; Гінда В. Культура, освіта і спорт під час окупації // Там же. С. 697–717; Остащук В. Одеса 1941–1945 рр. в документах. Одеса, 2010; Шевченко Н.В. Діяльність національних культурно-освітніх закладів Півдня України в період німецько-румунської окупації 1941–1944 рр.: Автореферат дис. ... канд. іст. наук. Миколаїв, 2010; Музичко О. Еміграції та депортації науковців з території південної України у першій половині ХХ ст.: етапи, склад, долі. С. 126–168 і др.

²⁹ ГАОО. Ф. Р-2271. Оп. 1–6. 1617 ед. хр.

³⁰ ГАОО. Ф. Р-3952. Оп. 1. 2 ед. хр.

³¹ См.: Левченко В.В. Из истории исторической науки: профессор Николай Афанасьевич Соколов (1886–1953) // Юго-Запад. Одессика: историко-краеведческий научный альманах. Одесса, 2008. Вып. 6. С. 227–247; Он же. Из истории исторической науки в Одессе первой половины ХХ века: забытый историк искусства Николай Афанасьевич Соколов (1886–1953) // Историки, научные школы и исторические сообщества Юга Российской империи, СССР и постсоветского пространства / под ред. С.М. Сивкова. Краснодар, 2012. С. 122–129 и др.

³² О существовании данного вуза в распоряжении автора на сегодня имеются только косвенные доказательства. В описи фонда личного происхождения профессора богословия Новороссийского университета А.Н. Кудрявцева имеется запись: «Опись составлена студенткой-практиканткой III курса Историко-архивного института Павловой А.Н. 29/VI–1943 г.» (см.: ГАОО. Ф. 631. Оп. 1. С. 7).

³³ ГАОО. Ф. Р-3957. Оп. 1. 1 ед. хр.

³⁴ См.: В высшей школе пищевой промышленности // Молва (Одесса). 1943. 27 августа. № 218. С. 3.

³⁵ ГАОО. Ф. Р-3960. Оп. 1–2. 21 ед. хр.

³⁶ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Еришов П.Е. Возрожденная консерватория // Молва. 1943. 16 октября. № 260 С. 11.

³⁷ Там же. Ф. Р-4117. Оп. 1. 1 ед. хр.

³⁸ См.: Индустриальный техникум // Одесская газета. 1943. 22 июля. № 167. С. 3.

³⁹ См.: Высшая техническая школа // Там же. 18 апреля. № 91. С. 3.

⁴⁰ См.: Высшая практическая школа // Молва. 1943. 22 июля. № 187. С. 3.

⁴¹ ГАОО. Ф. Р-4188. Оп. 1–2. 2 ед. хр.

⁴² Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

⁴³ См.: Окончание учебного года в высшей стоматологической школе // Молва. 1943. 6 июля. № 173. С. 3.

⁴⁴ См.: В Высшем морском училище // Там же. 3 октября. № 249. С. 3.

⁴⁵ ГАОО. Ф. Р-4109. Оп. 1. 4 ед. хр.

⁴⁶ См.: Посещение Митрополитом Виссарионом Духовной семинарии // Одесская газета. 1943. 15 апреля. № 88. С. 3.

⁴⁷ ГАОО. Ф. Р-3956. Оп. 1. 1 ед. хр.

⁴⁸ Там же. Ф. Р-4030. Оп. 1. 1 ед. хр.

⁴⁹ Там же. Ф. Р-4125. Оп. 1. 18 ед. хр.

⁵⁰ Там же. Д. 5. Л. 21.

⁵¹ См.: В теоретических лицеях города // Одесская газета. 1943. 4 апреля. № 79. С. 3.

⁵² ГАОО. Ф. Р-4116. Оп. 1–2. 21 ед. хр.; Ф. Р-4170. Оп. 1–3. 36 ед. хр.

⁵³ Там же. Ф. Р-4170. Оп. 1. Д. 15. Л. 50; В индустриальном лицее // Молва. 1943. 3 сентября. № 234. С. 3.

- ⁵⁴ ГАОО. Ф. Р-4172. Оп. 1. 4 ед. хр.
- ⁵⁵ Там же. Ф. Р-3959. Оп. 1. 1 ед. хр.
- ⁵⁶ Там же. Д. 1. Л. 18.
- ⁵⁷ См.: Передача Геофизической обсерватории // Одесская газета. 1942. 13 декабря. № 266. С. 5.
- ⁵⁸ ГАОО. Ф. Р-3286. Оп. 1. 4 ед. хр.
- ⁵⁹ Там же. Ф. Р-3286. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.
- ⁶⁰ Там же. Ф. Р-2594. Оп. 1. 12 ед. хр.
- ⁶¹ Там же. Ф. Р-3032. Оп. 1. 14 ед. хр.
- ⁶² Там же. Д. 1. Л. 53; Д. 13. Л. 152.
- ⁶³ Там же. Ф. Р-3961. Оп. 1. 1 ед. хр.
- ⁶⁴ Там же. Д. 1. Л. 84.
- ⁶⁵ См.: Перевыборы правления дома ученых // Одесская газета. 1942. 29 мая. № 88. С. 3.
- ⁶⁶ См.: Новое правление Дома ученых // Там же. 5 июля. № 116. С. 3.
- ⁶⁷ ГАОО. Ф. Р-3950. Оп. 1. 14 ед. хр.
- ⁶⁸ Там же. Д. 5. Л. 44.
- ⁶⁹ См.: Письмо в редакцию // Одесская газета. 1943. 29 августа. № 200. С. 3.
- ⁷⁰ См.: Итальянский институт в Одессе // Там же. 1942. 18 ноября. № 244. С. 3.
- ⁷¹ ГАОО. Ф. Р-4173. Оп. 1. 1 ед. хр.
- ⁷² См.: В Институте пластической хирургии и онкологии // Молва. 1944. 20 января. № 336. С. 3.
- ⁷³ ГАОО. Ф. Р-3955. Оп. 1. 3 ед. хр.
- ⁷⁴ См.: Институт генетики и селекции // Речь (Одесса). 1942. 24 июля. № 87. С. 3.
- ⁷⁵ ГАОО. Ф. Р-3955. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
- ⁷⁶ Там же. Д. 3. Л. 6–6 об.
- ⁷⁷ Там же. Ф. Р-4106. Оп. 1. 10 ед. хр.
- ⁷⁸ Там же. Д. 7. Л. 9.
- ⁷⁹ Там же. Ф. Р-4127. Оп. 1. 16 ед. хр.
- ⁸⁰ См.: Левченко В.В. Життя та науково-громадська діяльність... С. 256–266.
- ⁸¹ ГАОО. Ф. Р-4127. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
- ⁸² Там же. Ф. Р-4121. Оп. 1. 6 ед. хр.
- ⁸³ Там же. Д. 2. Л. 191, 301, 318.
- ⁸⁴ См.: Собрание Научного общества акклиматизации растений и животных // Одесская газета. 1942. 3 октября. № 205. С. 3.
- ⁸⁵ ГАОО. Ф. Р-4104. Оп. 1. 4 ед. хр.
- ⁸⁶ См.: В зоологическом саду // Одесская газета. 1942. 2 октября. № 204. С. 3.
- ⁸⁷ См.: В Научном институте Транснистрии // Там же. 1943. 29 июля. № 173. С. 3.
- ⁸⁸ См.: Субдирекция высшего образования и научных исследований // Молва. 1943. 22 октября. № 264. С. 4.
- ⁸⁹ ГАОО. Ф. Р-3949. Оп. 1. 51 ед. хр.
- ⁹⁰ Там же. Д. 3. Л. 11, 50, 92.
- ⁹¹ ГАОО. Ф. Р-4094. Оп. 1. 7 ед. хр.
- ⁹² В Центральной химико-аналитической лаборатории // Одесская газета. 1942. 7 мая. № 76. С. 3.

⁹³ См.: Центральная химико-аналитическая лаборатория // Молва. 1943. 4 апреля. № 102. С. 3.

⁹⁴ ГАОО. Ф. Р-4145. Оп. 1. 7 ед. хр.

⁹⁵ См.: *Щетников В.П.* Одесский университет: 1941–1944 годы: (по материалам оккупационной прессы) // Записки історичного факультету. Одеса, 1999. Вип. 9. С. 267.

⁹⁶ См.: *Левченко В.В.* К биографии Петра Осиповича Карышковского-Икара: начало научного пути // Південний захід. Одесика: історико-краєзнавчий науковий альманах. Одеса, 2011. Вип. 12. С. 303–312; *Он же.* В начале пути: формирование научных интересов Петра Осиповича Карышковского // Древнее Причерноморье. Одесса, 2013. Вип. 10. С. 380–387.

⁹⁷ См.: *Урсу Д.П., Петровський Е.П.* Відродження історичного факультету в Одеському державному університеті (1934–1941 роки) // Записки історичного факультету. Одеса, 2008. Вип. 19. С. 243.

⁹⁸ ГАОО. Ф. Р-2271. Оп. 4. Д. 195. Л. 22–25.

⁹⁹ См.: *Левченко В.В.* Генерации историков в научном сообществе Одессы: терминология, периодизация, история // *Studia internationalia: материалы V международ. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»*. Брянск, 2016. С. 262–266; *Он же.* Генерації одеських вчених-істориків першої половини ХХ століття: періодизація, термінологія, історія // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. 2016. № 15. С. 220–223 и др.

¹⁰⁰ См.: *Щетников В.П.* Указ. соч. С. 268.

¹⁰¹ См.: Торжественное заседание в университете // Одесса. 1942. 29 сентября. № 135. С. 3.

¹⁰² ГАОО. Ф. Р-2255. Оп. 1. Д. 73. Л. 95–95 об.

¹⁰³ Там же. Ф. Р-2271. Оп. 4. Д. 195. Л. 15–22 об.

¹⁰⁴ Там же. Ф. Р-3960. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

¹⁰⁵ Там же. Ф. Р-4188. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–228.

¹⁰⁶ Там же. Ф. Р-4125. Оп. 1. Д. 5. Л. 68.

¹⁰⁷ Там же. Ф. Р-3949. Оп. 1. Д. 3. Л. 92.

¹⁰⁸ Там же. Ф. Р-3950. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

¹⁰⁹ Там же. Ф. Р-4121. Оп. 1. Д. 2. Л. 191; Д. 4. Л. 370.

¹¹⁰ Там же. Ф. Р-3032. Оп. 1. Д. 1. Л. 55–55 об.

¹¹¹ Там же. Д. 8. Л. 1.

¹¹² Там же. Ф. Р-4127. Оп. 1. Д. 2. Л. 5, 24, 54, 121.

¹¹³ См.: *Смирнов В.А.* Осужденный ректор университета... С. 156.

¹¹⁴ ГАОО. Ф. Р-8065. Оп. 1.

¹¹⁵ А.Е. Музычко называет 9 человек, в числе которых М.М. Тизенгаузен (1877–1944), эмиграция которого остается под вопросом (см.: *Музычко О.* Еміграції та депортації... С. 149).

¹¹⁶ См.: *Смирнов В.А.* Филолог Сербский... С. 209–211.

¹¹⁷ См.: *Левченко В.В.* Життя та науково-громадська діяльність... С. 256–266; *Он же.* Из истории археологии в Одессе: профессор В.И. Селинов // Древний мир: История и археология: Труды международ. науч. конф. «Дьяковские чтения» кафедры истории Древнего мира и Средних веков им. проф. В.Ф. Семенова. М., 2017. С. 245–251; *Смирнов В.А.* Родная Одесса: (По материалам дел № 13964-П и № 28242-П

Селинова Валентина Ивановича) // Смирнов В.А. Реквием XX века. Одесса, 2007. Ч. 4. С. 89–131 и др.

¹¹⁸ См.: Левченко В.В. Штейнванд Герборд (Герберт) Данилович // Одеські історики: енциклопедичне видання. Одеса, 2009. Т. 1: Початок XIX — середина XX ст. С. 449–451.

¹¹⁹ См.: Левченко В.В., Макушинський В.І. Указ. соч.

¹²⁰ См.: Левченко В.В., Петровський Е.П. «Арештувати як українського есера...»: (до біографії професора філософії та педагогіки Одеського державного університету Михайла Гордієвського) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2008. № 1/2. С. 415–432 и др.

¹²¹ А.Е. Музычко процесс возвращения перемещенных одесских ученых в СССР называет «депортацией» вместо общепринятого термина «репатриация» (см.: Музычко О. Еміграції та депортації... С. 149).

¹²² См.: Смирнов В.А. О «немарксистской» египтологии: (По материалам архивно-следственного дела № 28030-П египтолога и астронома Сергея Владимировича Дони-ча) // Смирнов В.А. Реквием XX века. Ч. 2. С. 124–146; Левченко В.В., Урсу Д.П. Доніч Сергій Володимирович // Одеські історики. Т. 1. С. 130–133.

¹²³ См.: Потапенко Георгій Йосипович // Вчені вузів Одеси: Біобібліографічний довідник / упорядники Л.О. Кольченко, Т.В. Тющенко. Одеса, 2004. Вип. 1: Природничі науки, 1865–1945, ч. 5: Біологи. С. 123–126; Гербарна колекція Г.Й. Потапенка / укладачі С.Г. Коваленко, О.Ю. Бондаренко, В.В. Немерцалов, Н.В. Герасимюк, Т.В. Васильева. Одеса, 2014.

¹²⁴ См.: Оксман О.Э. Воспоминания о Георгии Петровиче Сербском. Одесса, 2012.

¹²⁵ См.: Антимоунистический институт // Одесса. 1943. 22 апреля. № 94. С. 3; Торжественное заседание Антимоунистического института // Там же. 23 мая. № 117. С. 3; Первый доклад в Институте антимоунистических исследований и пропаганды // Молва. 1943. 18 мая. № 135. С. 2; Участие Университета в работе Антимоунистического института // Там же. 31 июля. № 195. С. 3; Иванова И. Институт антимоунистических исследований и пропаганды — Институт социальных наук // Там же. 10 декабря. № 306. С. 3.

¹²⁶ ГАОО. Ф. Р-2274. Оп. 1. Д. 233. Л. 2,55, 96, 124, 126, 142–143, 155, 218, 350, 381.

¹²⁷ См.: Левченко В.В. Одесские ученые в условиях русской эмиграции первой волны: пути, адаптация, судьбы // Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова / сост. В.Б. Жиромская. М., 2014. С. 139–156; Он же. В пучине первой волны российской эмиграции: судьбы одесских ученых-историков и последствия для исторической науки // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: сб. науч. тр. / отв. ред. П.А. Трибунский. М., 2016. С. 160–171.

¹²⁸ А.Е. Музычко допустил ошибку в указании отчества — «Иванович» (см.: Музычко О. Еміграції та депортації... С. 149).

¹²⁹ А.Е. Музычко ошибочно указывает должность А.К. Фаас-Щербины как «профессор медицинского факультета» (см.: Музычко О. Еміграції та депортації... С. 149). Согласно выявленным данным с 16 июня по октябрь 1942 г. она работала старшим научным сотрудником в Историко-археологическом музее (см.: ГАОО. Ф. Р-4127. Оп. 1. Д. 2. Л. 53–54, 121, 267). В 1943/44 учебном году Фаас-Щербина числилась ординатором терапевтической клиники Одесского университета (см.: Там же. Ф. Р-3949. Оп. 1. Д. 17. Л. 8 об.).

Б.Н. Ковалев

ВАСИЛИЙ ПОНОМАРЕВ:
АРХЕОЛОГ, БУРГОМИСТР, ЖУРНАЛИСТ

Аннотация: В статье рассказывается о судьбе известного археолога Василия Пономарева, первого бургомистра Новгорода во время нацистской оккупации, активного автора русскоязычной коллаборационистской прессы.

Annotation: The article dedicates to the fate of a well-known archaeologist, Vasily Ponomarev, the first burgomaster of Novgorod during the Nazi occupation, an active author of the Russian-speaking collaborationist press.

Ключевые слова: Великий Новгород, коллаборационистская печать, археология, перемещение культурных ценностей.

Key words: Veliky Novgorod, collaborationist press, archeology, displacement of cultural values.

О Василии Сергеевиче Пономареве известно гораздо меньше, чем о его друге и коллеге по коллаборационистским газетам и Новгородской городской управе Борисе Филистинском¹. Он не стал заметной фигурой второй волны эмиграции. Амнистия 1955 г. позволяла ему вернуться в Советский Союз без привлечения к уголовной ответственности. Но он этого не сделал. Негативный опыт взаимодействия с советской властью был у него слишком велик.

В.С. Пономарев родился 3 мая 1907 г. и был назван в честь своего деда Василия Передольского — юриста, краеведа, «пионера археологии», основателя частного музея древностей в Новгороде.

Местом его рождения в протоколах ОГПУ значится село Бродоколмацкое Шадринского уезда Пермской губернии, но в немецких документах 1953 г. указан город Креслау (Латвия). В.С. Пономарев окончил историко-лингвистический факультет Ленинградского государственного университета в 1930 г., продолжил образование в МГУ. До 1932 г. принимал активное участие в археологических экспедициях, руководил раскопками на базе новгородского, киевского и псковского музеев². Однако в начале 1930-х гг. он был репрессирован.

В архиве Управления Федеральной службы безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области хранится дело 1933 г. в восьми томах о «Контрреволюционной организации “Российское студенческое христианское движение” — филиале белоэмигрантской организации РСХД». Один из томов целиком посвящен Новгороду и сотрудникам его музеев.

Согласно материалам дела летом 1932 г. «на основе установок заграничного центра РСХД Ленинградская РСХД поставила себе задачи: расширение ра-

боты за пределы города Ленинграда. Первым пунктом организации ячейки РСХД был намечен г. Новгород, где среди научных работников новгородских музеев была для этого питательная почва»³.

По делу Новгородского филиала РСХД проходило 12 человек — работников местных музеев. Их всех обвиняли в контрреволюционной и вредительской деятельности: «антисоветская организация противодействия антирелигиозной работе, охрана неприкосновенности церквей и бывших помещичьих усадеб под предлогом, что они имеют художественно-историческую ценность, в целях сохранения их в расчете на реставрацию монархического строя. В музейной работе протаскивались религиозно-идеологические установки, велась систематическая контрреволюционная агитация против коллективизации»⁴.

Одним из арестованных был Василий Пономарев — заведующий Новгородским антирелигиозным музеем, который находился в стенах Софийского собора XI в. Его обвиняли, в том числе, что он «сын дворянина, бывшего судебного следователя»⁵.

Все проходившие по делу музейные работники были осуждены и приговорены к различным видам наказаний: «Пономарев Василий Сергеевич 1907 г.р., сын личного дворянина, образование высшее, зав. Новгородским антирелигиозным музеем — виновным себя не признал — приговорен к 5 годам концлагерей»⁶.

Как сам Пономарев, так и его коллеги согласно ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начале 50-х годов» были реабилитированы 24 апреля 1989 г.

В.С. Пономарев полностью отбыл свой 5-летний срок наказания и вернулся в Новгород. С клеймом бывшего заключенного его занятия исторической наукой были крайне затруднены. При этом время от времени на страницах газеты «Звезда» появлялись заметки и статьи, подписанные им. Пятого июля 1940 г. он напечатал в районной газете заметку «Раскопки Новгородского кургана». Она была посвящена археологическим раскопкам в районе Новгорода. Написанная весьма сухим академическим языком, она вряд ли могла заинтересовать рядового читателя. Ее вывод заключался в том, что помогать историкам — это не только обязанность всех честных советских граждан, но и весьма выгодное дело: «Дальнейшее расследование этих интересных курганов дает новый материал для изучения жизни и быта новгородских славян 800 лет тому назад. Местонахождение курганов было указано экспедиции железнодорожным рабочим тов. П.П. Модестовым, который музеем премирован»⁷.

В.С. Пономарев. 1947.
*Handschriftenabteilung
der Universitätsbibliothek
Marburg.*

Постепенная адаптация бывшего заключенного к мирной жизни с возможностью заниматься любимой археологией была прервана начавшейся войной. Немецкие войска наступали, и 19 августа 1941 г. советские части оставили Новгород. Линия фронта с августа 1941 по январь 1944 г. проходила менее чем в двух километрах за городом по реке Малый Волховец. Линия фронта стабилизировалась до января 1944 г.

Гитлеровцам было необходимо создать местные коллаборационистские органы власти, в частности городскую управу. Особым доверием со стороны оккупантов пользовались лица, репрессированные в годы советской власти. Таких людей в городе было немало. Новгород использовался как 101-й километр для лиц, которым запрещалось проживание в Ленинграде. Первый состав управы — Б.А. Филистинский, В.С. Пономарев, А.Н. Егунов и Ф.И. Морозов — полностью состоял из бывших репрессированных⁸.

Во время собрания на квартире Филистинского хозяин им сообщил, что он говорил с немецким офицером по поводу создания «русской администрации»: «им получено предварительное согласие и те поручили подобрать ему надежных людей, желающих помогать новым властям»⁹.

Василий Пономарев стал бургомистром только потому, что из всех ссыльных он один оказался местным жителем, а следовательно, по мнению немцев, гораздо лучше знал город. На этой административной должности он пробыл до октября 1941 г. Вполне вероятно, что он не оправдал надежд оккупантов как администратор, а быть может, гитлеровцы решили с максимальной пользой для себя использовать его знания и умения — историка и сотрудника местного музея.

Большую часть своего времени он проводил в Софийском соборе. Этот храм пострадал при немецких бомбардировках начала войны. Но теперь он воспринимался гитлеровцами как военный трофей, который подлежал восстановлению. Для этого были набраны бригады строителей из местных жителей. Эта работа являлась повинностью, она выполнялась бесплатно. В качестве руководителей работ значились Василий Пономарев и инженер городской управы Иван Даль¹⁰. Кстати, последний после войны проживал в Ленинграде, работал по профессии и к уголовной ответственности не привлекался.

Собор стал тем местом, где собирались музейные экспонаты, находившиеся до войны как на выставках, так и в запасниках. Пономарев занимался их экспертизой, определял их ценность. Артефакты делились на три категории: собственность Третьего рейха, вещи, предназначенные для подарков немецким солдатам и офицерам, и вещи, которые было можно отдать русским коллаборационистам за их службу¹¹.

В городе и районе широко распространялись (в 1941 г. бесплатно, затем в принудительном порядке платно) коллаборационистские газеты на русском языке, издававшиеся в городах Дно, Псков и Рига: «Правда», «Северное слово», «За Родину» — и целый ряд журналов. Начиная с 1942 г., в них публиковался и Василий Пономарев.

Большинство его статей и рассказов носили исторический характер. Но по своей сути это были различные доказательства особой позитивной роли цивилизованной Европы для жизни России.

В статье «Немецкая помощь древнему Новгороду»¹² описывалось многовековое, исключительно на благо русских людей (со слов автора. — Б.К.), сотрудничество средневекового города с немецкими купцами. Пономарев писал о том, что именно немцы в 1230 г. спасли новгородцев от страшного мора и голода: «Великий Новгород, многолюдный, богатый торговый город, был беден хлебом. Малохлебородные новгородские поля не производили его в количестве, достаточном для прокормления многочисленного населения, тесно скученного в городе и его окрестностях»¹³.

У читателя этого материала должны были возникать своего рода ассоциации между прошлым и настоящим, хотя нацистский пропагандистский лозунг «Гитлер — освободитель» автор не употребляет: «Узнав о бедственном положении Новгорода, немецкие купцы весной, с открытием навигации, поспешили на помощь к новгородцам и тем спасли население города...

Не раз немецкие купцы помогали Новгороду и в дальнейшем, привозя хлеб в неурожайные годы»¹⁴.

В похожем духе Пономаревым была написана статья «Немецкая Ганза и Новгород (Славное прошлое старинного торгового центра)»¹⁵. Автор выступает здесь как некий академический ученый, утверждающий безусловную истину: «Вместе с ганзейскими товарами, по тем же путям, через широкое окно Новгорода в Русь проникал свет западноевропейской культуры. Но в конце XV века, с падением новгородской независимости (в 1478 году), московские ставни закрыли это окно, оставив только маленькую псковскую форточку»¹⁶.

По мнению Пономарева, любой конфликт с цивилизованной Европой всегда был крайне вреден и невыгоден для новгородцев: «Ненужные войны Новгорода и Пскова со Швецией и Ливонским орденом немецких рыцарей только препятствовали торговле. Новгород вел почти всю торговлю Древней Руси с Западной Европой и был посредником в товарообороте между Западной Европой и Востоком — вплоть до Средней Азии и Индии»¹⁷.

Для Василия Пономарева характерно написание некоторых статей стилизованным под старинные былины языком. Именно так он представляет «Новгородские легенды о грозном царе»¹⁸.

В этой художественной статье автор не просто описывает злодеяния Ивана Грозного и москвичей-опричников, он смакует их: «Вышел царь в вечер гулять над рекой над Волховом вдоль по берегу. Глядь, идет за водой с коромыслом девица-красавица. Кликнул грозный царь своих кромешников опричников. Повелел им схватить красавцу, сарафан и исподницу сорвав, пред ним нагу поставить. Стоит бедная, вся дрожмя дрожит и огнем горит, своей косынькой распушенной стыд девичий прикрываючи»¹⁹.

Некоторые материалы Василия Пономарева не содержали никаких анти-советских или пронацистских пассажей. Они были выдержаны в духе русской

исторической научно-популярной прозы начала XX в. Это такие статьи, как «Крещение Новгорода»²⁰, «Вечевые города Новгород и Псков»²¹, «Новгородский вечевой колокол»²². Весьма любопытны его зарисовки из жизни новгородских музеев в период, когда он там работал в предвоенные годы. Хотя здесь, кроме критики советских порядков, содержались и обвинения в адрес советского командования, что оно специально в ходе этой войны уничтожает древний русский город.

Так, статья «Огонь по золотому куполу», в которой рассказывалось, как в начале 1930-х гг. инспектор Ленинградского антирелигиозного музея предложил установить в куполе Софийского собора маятник Фуко (правда, безрезультатно благодаря хитрости новгородских музейщиков), заканчивалась следующим абзацем: «Все же до купольного образа Вседержителя добрались-таки. 5 июня 1942 года при специальном обстреле новгородского Софийского собора советской артиллерией ("Огонь по золотому куполу!") снаряд пробил свод купола и уничтожил древнее фресковое изображение Вседержителя, с которым связана интересная легенда о предсказании гибели Великому Новгороду»²³.

В.С. Пономарев на раскопках (крайний слева). 1943.

Bundesarchiv-Militärarchiv

Четвертого октября 1943 г. Пономарев публикует статью с претензией на некую программу с говорящим названием «Господин Великий Новгород»²⁴. В ней он не просто воспевае свой родной город: «Великий Новгород — колыбель русской государственности. Здесь варяги заложили ядро будущей Российской державы. Древнеславянские основы вечевое народоправства, в Киевской Руси сочетавшиеся с сильной властью храбрых князей, потомков варяжских завоевателей, в Новгороде получили дальнейшее свое развитие...

Вплоть до конца XVI века он сохранял значение важнейшего экономического и культурного центра. В последнем отношении он далеко превосходил даже Москву»²⁵.

Эта идиллия, по мнению Пономарева, заканчивается после прихода к власти большевиков: «Но в дальнейшем, с ликвидацией НЭПа и в период коллективизации, закрывается и Новгородский музей древнерусского искусства. Много крича о Новгороде как о городе-музее, советская власть почти ничего не делала для сохранения и изучения его древних памятников. Иначе, конечно, и быть не могло, ибо внутреннее содержание, самая сущность национальной и православной культуры Великого Новгорода и его искусства для большевизма была глубоко чужда и даже враждебна. Потому и не пощадили большевики древний русский город, мировую сокровищницу искусства, варварски уничтожив его при отступлении»²⁶.

В это время практически в каждом из номеров русских газет, выпускавшихся гитлеровцами на оккупированной территории России, давались материалы о генерале А.А. Власове и его армии — РОА. Поэтому читателю было понятно, о каком «Национальном Возрождении» пишет автор: «Исчез Великий Новгород, сожженный по приказу Сталина. Вновь, как издревле, рассеялись новгородцы по лицу земли русской. Но вот уже занимается над нашей несчастной, опустошенной Родиной заря Национального Возрождения и, надеемся, осветит руины Великого Новгорода, она согреет и вдохнет в них новую жизнь. Ибо в великом деле будущего национального возрождения России ее древние исторические и культурные центры должны сыграть роль важнейших рычагов воспитания истинно русского национального самосознания»²⁷.

На северо-западе России немецкие чиновники оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг» опрашивали всех местных жителей, в первую очередь учителей, что они знают о наличии в их местности «германских следов». В конечном счете эти опросы привели к крупномасштабным археологическим раскопкам.

Летом 1942 г. под руководством немецких властей в местечке Надбелье производились раскопки сопки под видом изучения исторических данных этой местности. На самом деле учительница Торковичской школы Оредежского района Е.С. Булыго рассказала немцам, что в летописях упоминается о похоронах в этой местности князя Рюрика в золотом гробу. Раскопки продолжались свыше двух месяцев²⁸.

Тринадцатого сентября 1943 г. уже сам Василий Пономарев в псковской газете «За Родину» опубликовал своего рода отчет о проделанной работе: «В

В.С. Пономарев на раскопках (крайний справа). 1943.

Bundesarchiv-Militärarchiv

то время как на фронтах гремят орудия и льется кровь, в тылу, под надежной защитой германской армии, идет созидательная хозяйственная и культурная работа. Организуются научные исследования, в том числе и археологические раскопки.

Раскопки в Оредеже, произведенные мной по поручению Псковского городского музея, значительно пополнили его археологические коллекции, весьма поредевшие вследствие эвакуации советскими властями наиболее ценных экспонатов.

Легенда о гробе Рюрика, широко распространенная среди новгородского крестьянства, привлекла внимание одного из германских офицеров к группе курганов у деревни Надбелье Оредежского района. Был раскопан один из курганов, конечно, без соблюдения каких-либо научных методов. Найденные вещи, принадлежащие погребению новгородских славян XI века, были доставлены в Псковский музей, который при содействии оредежского районного коменданта и организовал археологическое исследование курганов у деревни Надбелье»²⁹.

Пятнадцатого декабря 1943 г. в той же газете выходит очередная статья Пономарева «Интерес к раскопкам». В ней он пишет: «Череп и кости древних

новгородских славян, добытые нами при раскопках в курганах у деревни Надбелье, на берегу реки Оредежи, привлекли внимание немецких антропологов. Прибывший в Псков сотрудник Венского антропологического музея доктор А. Лянг отобрал наиболее важные для науки черепа и скелеты для выставки в городе Бреславле»³⁰.

Находясь во Пскове, Пономарев преподавал в ремесленном училище. В условиях оккупации учащиеся были вынуждены всячески зарабатывать деньги на свою жизнь. В статье «Псковская художественно-ремесленная школа» он написал о том, что явно могло послужить обвинением, если бы он оказался арестован советскими спецслужбами: «Произведения учащихся, демонстрировавшийся в конце ноября месяца на выставке в одном из залов псковской комендатуры, имели большой успех, показавший, с каким интересом офицеры и солдаты германской армии относятся к русскому искусству.

Сейчас, накануне рождественских праздников, мастерские школы усиленно заняты работой по изготовлению художественных подарков для германской армии. Эти изящные изделия русских девочек и мальчиков будут многие годы спустя напоминать германским воинам славные и суровые дни в России»³¹.

Всего Пономаревым было опубликовано более 20 статей. И пожалуй, только в одной из них он допустил антисемитский пассаж. Эта публикация была посвящена истории создания в Москве Третьяковской галереи. Подробно описав «сокровищницу русской живописи», в конце материала автор заявил следующее: «В Москве, некогда истинном культурном сердце России, простой русский человек, отвечая общественным запросам своего времени, пробудившим лучшие национальные стремления, собрал воедино их художественное воплощение. Сохранит ли судьба эти драгоценные сокровища, оградит ли их от злобно-мстительного покушения жидов уничтожить перед своей гибелью все наиболее ценное для народа, — покажет недалекое будущее»³².

В конце 1943 г. Василий Пономарев переехал в Ригу. Там он печатался в литературно-художественном журнале «Для всех». Весьма важным источником для изучения истории раскопок в Новгороде в 1930-х гг. является его рассказ «Кошелек купца»³³.

Далее его путь лежал в Германию, откуда он на родину больше никогда не вернулся. В первое послевоенное десятилетие его активно разыскивали советские спецслужбы. В первую очередь из-за того, что он занимал пост бургомистра, а во-вторых, его обвиняли в пособничестве в расхищении культурных ценностей. Ведь еще в 1944 г. новгородцы рассказывали членам комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков: «Эти воры (Филистинский и Пономарев. — Б.К.) разграбили в Софийском соборе иконы Большого и Малого иконостасов, царское и святительское места, уникальную люстру, подаренную Софии еще Борисом Годуновым. В их ящики легло около 34 тыс. томов бесценных книг, 500 рукописей XVI века. Коллекция фарфора, фаянса, хрусталя, стекла... Иконы из церкви Дмитрия Солунского и Бориса и

Глеба, из Хутынского и Вяжищского монастырей»³⁴. Что-то из вышеперечисленного после войны вернулось в Новгород, что-то безвозвратно пропало.

Пономареву удалось перебраться в англо-американскую зону оккупации Германии. В 50-х гг. его видели в Италии, в 60-х — в США, в начале 70-х — в ФРГ. Он скончался в 1978 г. в Марбурге. В последние годы своей жизни он подрабатывал в местном университете. В Новгородском управлении КГБ его розыскное дело было уничтожено лишь в 1973 г.³⁵. В 2007 г. племянница Пономарева Антонина Передольская перезахоронила его прах в Великом Новгороде в семейном захоронении на Рождественском кладбище³⁶.

¹ См.: Ковалев Б.Н. Борис Филиппов (Филистинский): жизнь и творчество в оккупации и эмиграции // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения — 2014: тр. междунауд. науч. конф. / сост. П.Н. Базанов, Н.А. Слепухина. СПб., 2015. С. 266–280.

² См.: Передольская А.В. Архив В.С. Пономарева. Великий Новгород, 2005. С. 3.

³ Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 23298. Т. 7. Л. 47.

⁴ Там же. Т. 1. Л. 28.

⁵ Там же. Л. 112.

⁶ Там же. Л. 258.

⁷ Пономарев В.С. Раскопки Новгородского кургана // Звезда. 1940. 5 июля. № 163. С. 4.

⁸ Архив Управления ФСБ по Новгородской области. Д. 43689. Л. 38.

⁹ Там же. Л. 83.

¹⁰ Там же. Л. 37 об.

¹¹ Там же. Л. 135.

¹² Пономарев В.С. Немецкая помощь древнему Новгороду // За Родину (Псков). 1943. 28 января. № 22. С. 4.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Он же. Немецкая Ганза и Новгород (Славное прошлое старинного торгового центра) // Там же. 10 марта. № 55. С. 4.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Он же. Новгородские легенды о грозном царе // Там же. 23 июня. № 143. С. 3.

¹⁹ Там же.

²⁰ Он же. Крещение Новгорода // Там же. 29 октября. № 253. С. 4.

²¹ Он же. Вечевые города Новгород и Псков // Там же. 30 ноября. № 280. С. 3.

²² Он же. Новгородский вечевой колокол // Там же. 1944. 17 января. № 11. С. 3.

²³ Он же. Огонь по золотому куполу // За Родину (Рига). 1944. 12 мая. № 105. С. 4.

²⁴ Он же. Господин Великий Новгород // За Родину (Псков). 1943. 4 октября. № 231. С. 4.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Служба регистрации архивных фондов ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 1464. Л. 115.

²⁹ Пономарев В.С. Что найдено при раскопках в Оредеже // За Родину (Псков). 1943. 13 сентября. № 213. С. 4.

³⁰ Он же. Интерес к раскопкам // Там же. 15 декабря. № 293. С. 3.

³¹ Он же. Псковская художественно-ремесленная школа // Там же. 1942. 19 декабря. № 87. С. 4.

³² Он же. Сокровищница русской живописи // Там же. 1943. 5 февраля. № 29. С. 4.

³³ Он же. Кошелек купца // Для всех: иллюстрированный журнал. 1944. № 5. С. 24–25.

³⁴ Служба регистрации архивных фондов Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 19344. Л. 103–105.

³⁵ Управление ФСБ по Новгородской области — Б.Н. Ковалеву, 10 ноября 1998 г. // Личный архив Б.Н. Ковалева.

³⁶ См.: Вылегжанина Н. Коллаборационист или хранитель?: История жизни и смерти известного представителя семьи Передольских // Новгородские ведомости. 2011. 14 мая. № 51. С. 7.

Б.А. Равдин
ПЕРЕПИСКА В ОДИН КОНЕЦ

Аннотация: В публикации писем и вводной заметке к ней представлена деятельность основанного в 1955 г. в Восточном Берлине советского Комитета «За возвращение на Родину» и реакция на эту деятельность части послевоенной советской эмиграции.

Annotation: The publication and the introduction cover the activity of Soviet «Committee for the Return to Homeland», founded in East Berlin in 1955, and how a part of post-war Soviet emigration reacted to it.

Ключевые слова: газета «За возвращение на Родину», журналистика, пропаганда, переписка, невозвращенцы, А.Г. Каракатенко.

Key words: newspaper «За возвращение на родину», journalism, propaganda, correspondence, defectors, A.G. Karakatenko.

Завершение Второй мировой войны застало в Европе, за пределами СССР, несколько миллионов советских военнопленных, перебежчиков, оstarбайтеров, беженцев, ушедших вместе с отступавшей немецкой армией на Запад. В первые послевоенные годы большая их часть возвратилась или была возвращена на родину. Кто-то по разным причинам не смог, не захотел вернуться, переселился в США, Канаду, Латинскую Америку, Австралию, Новую Зеландию, кто-то остался в Германии, Австрии, Бельгии...

Через десять с лишним лет после окончания войны, 17 сентября 1955 г., был издан указ Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Но еще в апреле того же года был создан Комитет «За возвращение на Родину»¹, наследовавший упраздненному в марте 1953 г. Управлению уполномоченного при Совете народных комиссаров (позже — при Совете министров) СССР по делам репатриации.

Возглавил комитет (штаб-квартира которого находилась в Восточном Берлине, район Карлсхорст) генерал-майор в отставке Н.Ф. Михайлов (1897–1972), подобранный на эту должность из числа бывших военнопленных. Позднее были созданы группы содействия комитету: «Буревестник», «Сокол», «Донцы» и др.² Методы работы комитета были традиционными, опробованными в годы Второй мировой войны пропагандистскими инстанциями Германии, СССР, других стран.

Одновременно с возникновением комитета была налажена периодическая печать. В том же апреле 1955 г. начала выходить газета «За возвращение на Родина».

ну». Редактором газеты в целях теснейшего сближения периодического издания со «спецконтингентом» был назначен поэт и прозаик И.Л. Муратов (1912–1973), тоже из военнопленных³. Газета выходила не только на русском языке.

Вот украинский вариант, с доверительным курсивом в первой строке:

Или латышский, с тем же курсивом:

Издания на языках народов СССР постепенно отказывались от первоначально унифицированного облика. Национальные версии газеты через язык, историю, культуру, литературу, искусство и т.д. стремились приблизиться к читателю, точнее — приблизить читателя к себе. При переходе на языки народов СССР «редактор И. Муратов» уступал место «редколлегии» или «редакционной коллегии», но девиз газеты оставался неизменным, в обратном переводе: «Славься, отечество наше свободное!»

Помимо разного рода установочных и информационных статей, заметок и т.п., газеты печатали обращенные к невозвращенцам письма родных и близких, своими впечатлениями делились вернувшиеся на родину, побывавшие на родине в «экскурсионном» порядке. Много места уделялось визуальным материалам, фотографиям, чаще всего с фотоснимков смотрели матери и дети невозвращенцев, реже — жены... Один из традиционных фотосюжетов: собравшаяся за праздничным столом семья во главе с возвратившимся. Печатались тематические стихи, песни. Заведена была колонка розысков...

Вслед за газетой пошли брошюры, вот несколько, из ранних:

Батьківщина кличе! / Комитет «За возвращение на Родину». Берлин, 1957.

Вас ждуть друзья и родные / Комитет «За возвращение на Родину». Берлин, 1956.

Вачама іншаземцаў / Комитет «За возвращение на Родину». Берлин, 1957.
[То же по-украински. 1957.]

Путешествие за радостью / Комитет «За возвращение на Родину». Берлин, 1957.

Родина зовет: сб. по материалам газеты «За возвращение на Родину» / ред. А.П. Ивушкина; Комитет «За возвращение на Родину». Берлин, 1955. Вып. 1.

Факты изобличают: сб. по материалам советской печати / Комитет «За возвращение на Родину». [Берлин], 1957.

На разных языках работало комитетское радио — из Берлина и Москвы. Ниже — обращение к «шановним слухачам»:

«Радіопередачі Комітету "За повернення на Батьківщину" для переміщених осіб і емігрантів з числа радянських громадян, а також всіх співвітчизників, що перебувають в еміграції, ведуться щоденно за середньоевропейським часом на хвилі 392 метри, або 904 кілогерці, вранці з 6 години 30 хвилин до 7 години 30 хвилин і вдень з 14 до 15 годин. По радіостанції на хвилі 30,83 метра, або 9730 кілогерці, передачі Комітету ведуться щоденно вранці, крім неділей) — з 8 години 30 хвилин до 9 години 30 хвилин»⁴.

Важная роль в радиопередачах отводилась эмоциональной линии: песенной лирике, радиописьмам, где (реконструируем) отцы призывали сыновей к мужеству возвращения, матери говорили о том, что они все глаза повыплакали, жены уверяли мужей в любви, дети называли своих отцов ласковыми словами... В этих обращениях, услышь мы их, трудно было бы отличить искренность от речевых установок, навязанных родным со стороны «инструкторов».

Эмигрантские организации отрабатывали «симметричный ответ». В противовес изданию комитетской «За возвращение на Родину» выходила четырехполосная сатирическая газета под тем же названием, но с подзаголовком «Издание не комитета "За возвращение на Родину"»:

Редактор контргазеты именовался «не И. Муратов» (курсив наш. — Б.Р.). Выходила газета от имени «антикоммунистической эмиграции за рубежом»⁵.

Как долго издавалась газета, сколько вышло номеров, сведений у нас нет. В нашем распоряжении всего лишь ксерокопии следующих выпусков: 1956 г. — № 2, май и безномерной за сентябрь; 1957 г. — № 2 (март), № 1 (август), № 2 (ноябрь). Похоже, газета ориентировалась на двухнедельный выпуск⁶.

Деятельность комитета, «людоловов», «репатриантской лавочки», «карлсхорстовских агитаторов» неоднократно, с разных сторон, многожанрово рассматривалась в разных изданиях невозвращенцев⁷. В «обмен» комитетским «письмам с родины» печатались стилистически однородные «письма на родину», довольно топорно сработанные редакционными умельцами из невозвращенцев. Образец: «Дорогая бабушка! Пишу тебе я, Люша, твоя внучка, но ты меня не знаешь. <...> Дорогая бабушка, я тебя очень люблю и хочу, чтобы ты к нам приехала. Бабушка, моя родина Берлин, я в Берлине родилась во время войны. Но я все равно русская, и я хотела бы жить на настоящей родине, конечно, России»⁸.

В противовес советским листовкам выходили контрлистовки: «Наш ответ» (1956); «Организованное покушение на эмиграцию» [1956]; «Смертный приговор возвращенцу» [1957]⁹.

Навстречу советским брошюрам шли:

Амнистия 1955 года: очередная фальшивка «коллективного руководства» [/ изд. «Свободного голоса»]. [Мюнхен, 1955].

Пылаев Л. Шесть часов на Родине / Союз борьбы за освобождение народов России. Мюнхен, 1957.

Терновский Ю. Мысли о возвращении / Союз борьбы за освобождение народов России. Мюнхен, 1957.

И прочие «симметричные ответы».

С советской стороны существенная роль отводилась индивидуальной работе с «контингентом». От имени комитета на личные адреса эмигрантов второй волны рассылались пропагандистские материалы:

«Адреса добывались всеми дозволенными и недозволенными путями, — вспоминал эмигрант еще первой волны Р.В. Полчанинов. — Так, я в начале 1957 г. неожиданно стал получать ежемесячную газету “За повернення на Батківщину”. Как потом выяснилось, в Мюнхене советские агенты взломали редакцию украинской газеты и украинского филателистического журнала, который я выписывал. Похитивши адреса подписчиков и решив, что я “співвідвізник”, мне стали ежемесячно посылать газету “За повернення на Батківщину”, и не как бандероль, а как письмо, в запечатанном конверте. Газету складывали так, чтобы страницы 2-3 были снаружи, а заголовок внутри. Меня просили подтвердить получение газеты и высказать мое к ней отношение. Не имея ответа и подозревая наличие цензуры в капиталистических странах, комитет, не жалея на это валюты, периодически посылал мне брошюры из Западной Германии, повторяя ту же просьбу. С 1961 г. вместо газеты “За повернення на Батківщину” я стал получать “Вісті з України”,

Справка об освобождении А.Г. Каракаченко. 1940.

FSO.01-034

издателем которых значилось “Товариство культурних зв’язків з українцями за кордоном”. Когда же у меня началась в 1959 г. переписка с советскими коллекционерами по-русски, то я стал получать и “Голос Родины”, и прочую советскую пропаганду на русском языке»¹⁰.

На добытые адреса высылались и персональные обращения с призывом вернуться на домой¹¹. На родине разыскивались родные и близкие невозвращенцев с целью вовлечения их в комплекс мероприятий по индивидуальной работе с «заблудшими».

Публикуемые ниже письма отражают одну из форм работы советских инстанций с невозвращенцами — «письма родных и близких». Адресованы они Аркадию Герасимовичу Каракаченко (1900, Херсонская губерния — 1970, Мюнхен) — журналисту, литературному критику, публицисту, мемуаристу (далее — А.К.). Довоенная биография А.К., преимущественно рассказанная им самим¹², нуждается в проверке и уточнении.

Насколько можно понять, начинал он свою журналистскую деятельность на Украине (в Харькове?) рабкором. Вероятно, за подписью А. Каракаченко ему принадлежит рассказ (очерк?) «Приятель» в сборнике «Первый эшелон»¹³. В межвоенные годы А.К. работал во всесоюзной и украинской печати, являлся соавтором нескольких брошюр:

Каракаченко Арк., Новоселецький Б. Шлях до першості: (Про колгосп ім. Г.І. Петровського С. Михайлівки Кам’яньського р-ну). Київ: Облвиконком, 1934;

Каракатенко Арк., Прикордонний Дм. Переможці бездоріжжя: 3 досвіду шляхового будівництва у Великому Писарівському р-ні, Сум. обл. Київ: Головодрупр при РНК УРСР, 1940.

В марте 1940 г. он был арестован, осужден по ст. 58 на 8 лет и 3 года поражения в правах, но по ноябрьскому того же года указу Президиума Верховного Совета СССР вскоре был освобожден¹⁴. В июле 1941 г. А.К. из Киева был призван в Красную армию, рядовой, беспартийный¹⁵. Как утверждал сам А.К., в плену он оказался под Ржевом — 1 августа 1942 г.

Зимой 1943 г. в Риге А.К. ввели в русское отделение отдела пропаганды группы армий «Норд», где он сразу (со временем?) возглавил отделение. С 16 июня по 23 декабря 1943 г. под именем А. Гаев он значится в роли ведущего еженедельно-двухнедельной рубрики «Страница молодой рати» в рижской газете «За Родину». Это же имя находим под очерком «Сильнее смерти» в берлинской газете «Доброволец»¹⁶. Под своей собственной фамилией (Арк. Каракатенко) он был по оплошности отмечен в заметке «Концерт в пользу детей русских беженцев» в газете «Двинский вестник»¹⁷. В 1943–1944 гг. А.К. — один из трех известных редакторов рижского журнала «Вольный пахарь». Попытка обнаружить среди авторов «За Родину» и «Вольного пахаря» другие псевдонимы А.К. пока к успеху не привели.

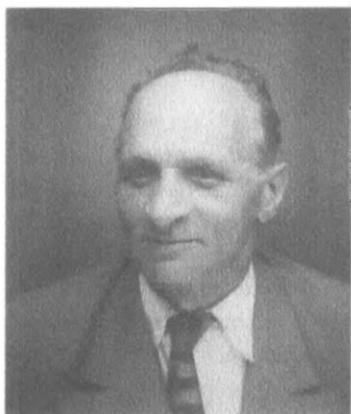
В 1944 г. А.К. был задействован в известной германской разведывательно-диверсионной операции «Цепелин»¹⁸.

В конце лета — начале осени 1944 г. А.К. переместили в Берлин, где, по свидетельству самого А.К., ему предлагали занять место редактора органа КОНР газеты «Воля народа», выходившей с середины ноября того же года, но от этого предложения он отказался. Конец войны застал А.К. в районе Мариенбада, куда, как известно, были эвакуированы какие-то структурные единицы армии генерала А.А. Власова. Выдаchi А.К. избежал.

В послевоенные годы А.К. назван соредактором в части номеров газеты «Свобода» (Ландсхут, Бавария, 1948–1949); в одном из своих гарвадских интервью он аттестовал себя как редактора газеты «Свободное слово» (Ландсхут. 1948. № 1–4); значился среди членов редакционной коллегии журнала «Литературный современник» (Мюнхен; 1951–1952), где, в частности, напечатаны его воспоминания о В.В. Маяковском¹⁹. В письме к А.И. Плюшкову, активному автору коллаборационистской северо-западной и прибалтийской печати 1941–1944 гг., он писал в начале 1953 г., что имеет некоторое отношение к мюнхенскому изданию «Русская идея»²⁰. В 1950-х гг. под псевдонимом В. (Вадим) Вербин он печатался в мюнхенской газете «Голос народа» и в других изданиях²¹. В 1950–60-х гг. А.К. — сотрудник Института по изучению истории и культуры СССР (Мюнхен), где издавались его статьи и брошюры общеполитического и литературно-критического характера на русском, английском и украинском языках.

Краткую характеристику А.К. находим в устных воспоминаниях А.М. Мильруда (2000): «Я с ним познакомился в Риге во время войны. Военнопленный. Освобожден на журналистскую работу. После войны был в Мюнхене. Я не мог бы его

А.Г. Каракатенко. 1960-е.

FSQ. 01-034

назвать стопроцентным коллаборантом. ... Под конец немецкой оккупации 1944 попал в специальную немецкую разведку. Это была разведка СС, которая готовила диверсантов. До этого не дошло. <...> Потом встретил его тоже в Мариенбаде — он думал добровольно вернуться на родину. Он писал главным образом мелкие вещи в газете»²².

Вероятно, давние колебания А.К. каким-то образом стали известны «компетентным органам», м.б., здесь истоки операции по возвращению «блудного сына», операции с вольным и невольным участием его родных и близких. Но к этому времени у Аркадия Каракатенко уже была другая семья, в Германии...

Публикуемые ниже письма (автографы) сохранились в архиве Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете²³. Адресанты писем А. Каракатенко: давний товарищ Алик, жена Адуся (Ариадна Сергеевна Поповская, певица Киевской оперы), сестры Аня и Клава, дочь Лариса. С ноября 1955 по июнь 1956 г. (на операцию отводилось около полугода?) для пущей достоверности письма адресату передавались оказией; позднее, когда операция захлебнулась, письма доверили обычной почтой.

Благодарим сотрудников архива Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете, и в частности г-жу М. Классен, за содействие в публикации писем. Наша признательность Г. Суперфину, П. Трибунскому и Л. Флейшману за помощь в работе.

При публикации писем сохранены авторская орфография и пунктуация.

№ 1

Киев 11 — XII 55 г.

Здравствуй, Аркадий!!!

Использовую (! — Б.Р.) представленный мне случай написать тебе это письмо. Мы все думали, что ты погиб на фронте, а ты оказывается жив, но не в нашей стране. Мы все находимся после войны в Киеве. Адуся живет с Люсей, внуком и работает. Моя Нина умерла в 1944 году. Живу с Лидой и Сережей. Лида закончила КПИ, Сережа занимается в 8 классе, а я работаю.

Кира и Давка живут и работают. Как видишь, все коллективно, как и до войны крепим мощь Советской Родины.

Что же стало с тобой?

Аркадий, опомнись! Неужели тебе не дороги воспоминания борьбы рабочего коллектива завода, на котором ты работал и где ты вместе с коллективом и группой рабкоров в 1922–[19]23 боролся за советский водомер. Мы ведь тогда одержали блестящую победу над правыми, которые не хотели, чтобы в нашей стране было производство водомеров и точных приборов. Мы, тогда коллектив рабочих, ИТР, рабкория доказали, что очень сильна любовь к нашей Родине и мы в своей стране сделали все, что укажет нам правительство. Мы создали в этот трудный период борьбы за создание нашей Советской индустрии заводы-великаны и все, что нужно д[ля] народного хозяйства и защиты от врагов нашей Родины. Ты тоже внес в это великое дело свою лепту.

Аркадий ты очень часто читал «Маяковского Паспорт и я Советский Гражданин». Мне Аркадий хотелось бы тебе еще много-много написать о том, как мы лелеяли наши мысли процветания нашей Любимой Родины. А что сейчас? Аркадий в твоей жизни! Сейчас случай искупить вину и сделать все, что скажет этот человек, который передаст тебе это письмо. Понял!

Хорошо подумай и сделай, так как я советую.

Пойми, такой случай бывает раз в жизни и нужно его использовать. Этому человеку, который передаст тебе это письмо, нужно создать полную безопасность и ты обязан это сделать при всех условиях.

Аркадий, это все, что я могу сказать д[ля] твоего благополучия...

Человек — это самое ценное в нашем обществе — поэтому подавшему это письмо должно быть предоставлено все, что он скажет.

Аркадий — пойми и сделай так, как мы требуем.

[Алик] (Подпись нрзб)

№ 2

Я и Люся с большой радостью узнали, что ты жив и что возможен твой приезд на родину. Не скрою, нас очень огорчило и удивило твое местопребывание и то, что ты столько времени не нашел возможности вырваться оттуда. Мы не допускаем мысли, что ты, в прошлом большой патриот и честный советский гражданин, мог поддаться вражеской агитации и оставаться там, где ты находишься. И потому мы глубоко уверены, что ты сумеешь оправдаться перед Родиной и получить право спокойно и честно закончить свою жизнь в кругу своей семьи и своих родных, которые никогда не переставали тебя любить. Прошло почти 15 лет разлуки, но все хорошее, что было в нашей жизни, помнится ярко и согревает.

Все послевоенные годы я работала. Люся росла, училась, потом работала, вышла замуж. У нее прекрасный сын, которого зовут Аркадий. Он, конечно, будет счастлив, что у него появится дедушка.

Сейчас мы обе работаем. После войны мы не жили в своей прежней квартире. Живем на Печерске, но по-видимому вскоре изменим адрес.

С твоей мамой, Аней и Клавочкой мы по-прежнему в хороших дружеских отношениях. Кира и Давочка тоже живы. У них есть внук Саша. Нина умерла. Алик, Лидочка и Сережа живы.

Все родственники с нетерпением будут ждать твоего возвращения.

Вспомни всех нас и с крепкой верой в будущее преодолевай все препятствия для скорейшего возвращения домой.

С наилучшими пожеланиями

твои Адуся и Люся

№ 3

Дорогой Аркадий!

Как будто пережита целая эпоха. Мыслям тесно.

Какими словами можно выразить ту огромную радость, что ты жив. Все эти годы образ твой оставался перед моими глазами таким, как видела я тебя в последний раз провожая на фронт.

Меня предчувствия не обманули, мне всегда казалось, что ты где-то есть.

Знаю, что тобой пройден очень тяжелый путь и жизнь досталась дорогой ценой.

Житейская волна забросила тебя на чужую землю в среду чужих и непонятных людей в то время, когда среди нас так не хватает тебя.

С такой чуткой и впечатлительной натурой, как у тебя, разве можно забыть все хорошее, чем была так обильна твоя жизнь до войны.

Ты был и остался любим не только своим родным, а множеству друзей, в которых у тебя недостатка не было. Мне часто приходится встречаться с редакционными работниками и все они тебя вспоминают с теплотой.

Многие вернулись с фронта и с эвакуации в полном благополучии и были тяжелые годы.

Когда же кончатся твои странствования? У нас эти годы прошли не без горестей. Федя погиб в [19]43 г., Яша в [19]41.

Много пережито каждым из нас. Но все это прошло, и остается желать мира во всем мире. Семья моя в том же составе. Дети учатся. Валентин в университете, Люся в 8 классе. Мама стала совсем старенькая, все плачет да молится.

Новостей много и хороших и плохих.

С тех пор, как стало известно, что ты жив, мы ждем тебя с огромным желанием.

Возвращайся скорее, родной, тебя ждет вдохновенный творческий труд. Желаю всех благ.

Твоя Клава

P.S. О твоей семье не пишу, Адуся пишет отдельно. Они ждут тебя! Привет от всей моей семьи. Клава.

№ 4

Милый папа!

Мне трудно передать мою радость, настолько она необъятна и неповторима, что хочется кричать об этом. Хочется всем рассказывать, что я могу много раз, на все лады, повторять слово «папа».

Воспоминания детства мне говорят о том, что ты был для меня прекрасным отцом и другом. Ты всегда был моей гордостью, моим светлым пятном, и я хочу, чтобы и в дальнейшем, когда ты будешь опять с нами, я могла гордиться тобой.

Мне сейчас 28 лет и требования у меня повысились, то, что казалось мне особенным в 12 лет, теперь кажется просто обязательным.

Папочка, ведь ты не будешь огорчать меня, ты сделаешь все, чтобы все были счастливы. Мне не удалось закончить высшее образование и я верю в то, что ты мне сможешь осуществить заветную мечту. А для этого нужно быть всем вместе.

У меня есть сын, ему 6 лет, и зовут его Аркадий, ему тоже очень нужен дедушка. Папочка, у нас был Виктор Д-он: очень много рассказывал о тебе и даже выпили вместе за твой скорый приезд. Узнаю тебя, ты так любил делать подарки, значит ты тот же — хороший, милый папа. Мы бесконечно благодарны за подарки, которые, от твоего имени, вручил Виктор.

Верь ему, пап, он поможет нам в том, что нам так необходимо.

Какой ты, папка? Очень хочу тебя видеть...

Целую.

Твоя Люся

№ 5

Дорогой и любимый Аркадий, привет!
Пусть не будет тебе это странным,
Что житейскую пробу ребяческих лет —
Пишет ямбом сестра твоя Анна.
Я не верю в судьбу, но я верую в жизнь
За нее я борюсь и страдаю. —
Я прошу тебя, не верь врать пустым,
Поскорей приезжай к нам, к родным
И друзьям твоим старым...
Неужели слеза
Не туманит глаза
По родным зеленым
И речушке в конце огорода?
Помнишь, летом бывало
Читать уходил ты туда,
Где пьянил запах меда.
И теперь у нас май,
Светит солнце Кремля —
Забываются дней ненастья
Снова Родина, наша Земля
Наполняет сердца наши счастья.
Приезжай, торопись
Будь хорошим отцом,
Даже дедом,
Ведь ты не видал еще внука
И как в детстве тебя называли
Его окликает теперь мама Люка.

Твоя А. Хенкина

№ 6

8.VI. 1956 г.

Дорогой Аркадий!

Я с большим нетерпением ждала от тебя вестей, думалось, что ты будешь рад возможности узнать о нас и рассказать о себе, — ждали от тебя хотя бы несколько слов в ответ на наши письма. Люся очень обижена таким невниманием к дочери.

Конечно, мы не видались много лет, ты успел отвыкнуть от нас, но все же родней своей матери, дочери, сестер ты нигде не найдешь.

Ты постарайся на одну минутку перенестись мыслью в Киев и пойти по знакомым тебе таким красивым улицам, ну, хотя бы к Клавочке (адрес ты

помнишь?), чтобы познакомиться с 9-тиклассницей Люсей и студентом Вале́й, увидеть маму, которая выплакала глаза, тоскуя по тебе, Аню, которая тоже живет там. Затем все вместе Вы спуститесь на новый Крещатик, ты захочешь пройтись по ул. Ленина, по бульвару. Если ты устанешь, — троллейбус завезет всех Вас ко мне на территорию КПИ, где мы столько раз когда-то бывали. В моей комнатухе мы разместимся с трудом, но зато как нам будет весело, зато ты будешь дома. Тут твоя Люся, такая взрослая дама, ее шестилетний Аркадий, который только теперь знает, что бывают дедушки.

Я не сомневаюсь, что ты уже много раз проделывал такие путешествия, вспоминал адреса старых настоящих друзей, и говорил с ними без конца.

Я не сомневаюсь, что тебя неотразимо тянет на родину, ты хочешь вернуться, но ты еще в чем-то сомневаешься. Аркадий, верь мне, я никогда не говорила тебе неправду: если ты сейчас используешь возможность вернуться, ты остаток своей жизни будешь работать по специальности, будешь иметь жилье и полную свободу честно устроить свою жизнь согласно своим склонностям и вкусам.

А пока ты еще не с нами, напиши нам немного о себе, пришли фотографию. Ведь мы не постеснялись прислать тебе свои старые физиономии.

Может быть тебе интересно знать, что Кира и Давочка живы, чех Женик — военный, имеет семью. Нина умерла. Алик жив, Лидочка работает под Москвой, ее брат Сережа живет с отцом в Киеве. Бабушка Майборода умерла. Виня и Сара живы, Юрик закончил ин-т, работает. Ну, всех не перечислишь. Если интересуешься кем-нибудь особенно, напиши, я тебе отвечу.

Будь здоров, Аркадий, помни о Родине и о нас.

При первой возможности опять тебе напишу.

Адуся

№ 7

8/VI — 56 г.

Дорогой Аркадий!

Сегодня опять предоставилась (! — Б.Р.) возможность тебе написать несколько слов, и я спешу ее использовать.

Меня удивляет и обижает то, что ты не ответил на наши письма. Я помню, что ты не любил писать письма, но теперь за столько лет и не ответить, просто больше, чем странно.

Я не могу согласиться с мыслью, что ты не желаешь с нами встречи и не хочешь ответить на письма. Верю, что недалек тот день встречи. Ибо тебя другим не представляю. Я полагаю, что тебе известны те крупные события и изменения в политике в сторону улучшения.

Может быть тебя тревожит материальная сторона, то насколько мне известно, что людям вернувшимся на родину относятся с особой заботой как

в смысле работы, так и в смысле квартирных условий. Не думаю, чтобы тебя ждали здесь какие-либо неприятности.

Хочется видеть какой ты теперь, как чувствуешь себя? Здоров ли?

Если можно, пришли фото и напиши несколько слов.

Жду письма твоего, а позже тебя самого. Привет от мамы, Васи, (1 слово нрзб.) и детей.

Крепко целую.

Клава

№ 8

Киев. 17.12.57²⁴

Дорогой папа!

Это письмо не первое я пишу. Очень хотелось бы получить от тебя хоть несколько слов.

Напиши, как ты себя чувствуешь, как работаешь.

Мы тебя очень ждали, но если ты не можешь, то хоть пиши.

Папочка, я очень скучаю по тебе, мне бы хотелось тебя увидеть, поговорить.

А есть о чем. Я работаю, работой довольна. Живем дружно и хорошо. Можно написать и подробнее, если ты ответишь. Здоров ли ты?

Тебя все наши приветствуют. Жду ответ.

Целую.

Люся

---

¹ Деятельность комитета отчасти отражена в его архивных материалах (см.: Комитет за возвращение на Родину (1955–1958) // ГА РФ. Ф. Р-9651). С 1959 г. название этой организации неоднократно менялось. См. по теме: *Tromly B. Cold War Exiles and the CIA: Plotting to Free Russia*. Oxford, 2019. P. 243–265 (глава «All Will Be Forgiven»).

² См.: Объединение по защите от «Комитета за возвращение на Родину» и его агентуры: Брауншвейг // Свобода (Мюнхен). 1967. № 9–10. С. 50.

³ Отец кинорежиссера Александра Муратова, тесть Киры Муратовой.

⁴ За повернення на Батьківщину. 1957. № 10 (100). Лютий. См. еще по теме: *Даутова Р.В.* Из истории радиопропаганды возвращения «невозвращенцев» в годы «хрущевской оттепели» // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Сер. История. 2010. № 30 (211). Вып. 42. С. 45–52.

⁵ Центральное бюро СБОНР 12 апреля 1955 г. постановило: «выступить с инициативой создания в противовес коммунистическому комитету “За возвращение на Родину” — Всемирного комитета защиты антикоммунистической эмиграции» (*Лунева А.И.* Феномен «невозвращенцев» в пропагандистской войне СБОНР против Советского Союза // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. История. Политология. Международные отношения. 2003. Вып. 1. С. 557–564).

⁶ Среди авторов газеты: Г. Горин (наст. фам. Чазов Герман Георгиевич; 1911, Мариуполь — 1957, ФРГ) — журналист, из военнопленных; сотрудничал во многих изданиях второй эмиграции под псевдонимами Горин, Тамарин, Федоров. См. некролог: Герман Георгиевич Чазов // За возвращение на Родину. 1957. № 1. Август. С. 4); Евт. Евт. Коваленко — ставропольский журналист, из военнопленных; скончался ранее 1975 г., в Мюнхене; И.И. Октябрьев (Павловский Л.А.; 1916–1992, Мюнхен); Н. Олин (Меньчуков Николай Евгеньевич; 1916–1992, Мюнхен).

⁷ См., напр.: *Большихин Юр.* [Ю.Я. Кандиев]. «Вернись, я все прощу!» // Свобода. 1955. № 34. Апрель. С. 2–3; *Сибирянин Влад.* Один из многих // Родина в наших сердцах // Голос российских антикоммунистов. 1955. Июль. С. 15. Последнее издание представляет собой «журнал в журнале» в «Свободе» (1955. № 37. Июль. Пагинация общая).

⁸ Голос российских антикоммунистов. 1955. Июль. С. 17.

⁹ См.: *Шатов М.В.* Библиография освободительного движения народов России в годы Второй мировой войны (1941–1945). Нью-Йорк, 1961. № 1843, 1848, 1855.

¹⁰ За свободную Россию: сообщения местной организации НТС на Востоке США. 2004. № 17 (37). Январь.

¹¹ См., напр.: *Петров И.* Об ясном пути и шавролете: два письма, переданных Л. Пылаевым в июле 1956 г. мюнхенской полиции // URL: <https://labas.livejournal.com/1094913.html> (дата обращения: 01.02.2019).

¹² См.: Он же. Между карьеристами и шкурниками (2) // Режим доступа: <https://labas.livejournal.com/886482.html#/886482.html> (дата обращения: 01.02.2019). Работа И. Петрова в значительной части построена на оценке достоверности нескольких интервью А.Г., данных им в рамках т.н. Гарвардского проекта. Об А.К. см.: Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне / сост., общ. ред. и вступ. статья О.В. Будницкого и Л.Г. Новиковой. М., 2018. С. 104–120, 369. Встречающееся в литературе отождествление А.К. с Анатолием Петровым (переходящий псевдоним редактора рижской газеты «За Родину») ошибочно (см., напр.: *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Антисемитская пропаганда на оккупированных территориях СССР. М.; Ростов-на-Дону, 2015. С. 238, 294–298). Один из Анатолиев Петровых (он же Игорь Свободин) — в действительности Германн Крессе (Hermann Kresse) — давний член НСДАП, журналист, шеф группы «Пресса» отдела пропаганды группы армий «Норд», с которым был связан с января 1942 г. (или ранее) по конец октября 1943 г. Крессе, не владевший русским языком, активно пользовался помощью со стороны; вероятно, ему же принадлежат псевдонимы: Честнов К. и К.Ч. По неподтвержденным сведениям, ранее Риги Крессе был связан с немецкими пропагандистскими инстанциями в Париже, позднее — в Западной Украине и Польше; после войны примыкал к правым кругам Германии.

¹³ Литератный сборник / лит. отдел газеты «Пролетарская правда». Киев, 1923. [Сб.] 1.

¹⁴ По вопросу ареста и заключения см. указанный выше пост И. Петрова в примеч. 12.

¹⁵ См.: Каракатенко Аркадий Герасимович // Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=70742900> (дата обращения: 01.02.2019). Ср. справку на А.К. из собрания Б.И. Николаевского, вероятно, подготовленную для ходатайства об эмиграции в США: «А.Г. Каракатенко — в 1920–[19]30-х гг. один из главных очеркистов “Правды”,

изблороздивший по поручениям редакции весь СССР; позднее поселился на Украине, откуда писал в "Правду"; в 1937–[19]38 гг. был арестован и провел свыше полгода в лагере под Одессой, откуда освобожден по хлопотам редакции "Правды"; в 1941–1942 гг. военный корреспондент газеты "Правда" на фронте; взят немцами в плен весной 1942 г. вместе со штабом генерала армии ген[ерала] Масленникова. Член Союза советских писателей и др. аналогичных организаций. В качестве многолетнего сотрудника "Правды" имел весьма хорошие связи в самых разнообразных партийных и советских кругах, что давало ему возможность узнавать закулисные подробности событий; написал историю падения Постышева (имеется у меня в рукописи)» (НИА. Цитируем по ксерокопии из собрания М.В. Розановой). Полагаем, в рекламных целях роль А.К. в «Правде» явно преувеличена; дата ареста указана неточно; пленение в районе Ржева, где сражалась 39-я армия генерала И.И. Масленникова, вполне вероятно. О связях А.К. с Б.И. Николаевским см.: НИА. Boris I. Nikolaevsky Collection. Box 485, folder 23 (16 листов переписки за 1948–1950 гг.; в основном посвященной вопросам приобретения Б.И. Николаевским разного рода печатных и рукописных материалов; одно из писем А.Г. Каракатенко Б.И. Николаевскому (недатированное, начала 1950 г.) — пространный рассказ о падении П.П. Постышева, с которым автор был знаком по своей журналистской деятельности).

¹⁶ 1943, 20 сентября. № 40. С. 3.

¹⁷ 1943, 11 сентября. № 50. С. 3.

¹⁸ См.: *Бернев С.К.* Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР в 1941–1944 годах: цели, основные направления, крах. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 33.

¹⁹ *Гаев Арк.* Дважды потерявший себя // *Литературный современник* (Мюнхен). 1952. № 3. С. 71–77.

²⁰ См.: *Letters to A.I. Pliushkov & A.F. Pliushkova* // LRA. MS.1396.

²¹ См., напр., его воспоминания о выступлении А.А. Власова в Риге весной 1943 г.: «В большом пустом зале отдела пропаганды была собрана группа пленных, обслуживавших отдел. Состав группы был довольно смешанным. В числе сорока двух человек были профессора, художники, журналисты, актеры, учителя, повара, плотники и люди, имевшие только военное образование» (*Вербин В.* Первая встреча // *Голос народа* (Мюнхен). 1952. 2 августа. № 31. Специальный выпуск. С. 5; *Он же.* Борис Пильняк // *Литературный современник.* 1952. № 3. С. 80–82).

²² Запись беседы Л. Флейшмана (при дистанционном участии Б.А. Равдина) с А.М. Мильрудом (Мюнхен, 2000) // Личный архив Б.А. Равдина. Об А.М. Мильруде см.: *Флейшман Л.* Памяти А.М. Мильруда // *Балтийско-русский сборник* / изд. подгот. Л. Флейшман и Б. Равдин. Stanford, 2007. Кн. 2: Материалы по истории русской жизни в Риге. С. 13–27. (Stanford Slavic Studies; vol. 28).

²³ FSO. 01-034 (Kromiadi, Konstantin / Kružin, Anatolij).

²⁴ Датируется по почтовому штемпелю.

МЕЖ ВОЛН

И.А. БУНИН И ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ЭМИГРАЦИИ

(Е. Гагарин, И. Елагин, Л. Ржевский, В. Самарин)*

Аннотация: Статья рассматривает влияние творчества И.А. Бунина на поэтов и писателей второй волны эмиграции. В качестве примеров избрано творчество крупнейших представителей литературы второй волны: подававшего большие надежды писателя Евгения Гагарина (оказавшегося в эмиграции в 1930-х гг. и по этой причине отнесенного ко второй волне), главного поэта послевоенного периода Ивана Елагина, ярких прозаиков Леонида Ржевского и Владимира Самарина. Автор приходит к выводу, что влияние Бунина на творчество второй эмиграции было всеобъемлющим и может быть рассмотрено не только в рамках мотивно-тематического ряда, но шире — как сочетание идейных и композиционных элементов, заимствующихся комплексно, как знак продолжения бунинской традиции.

Annotation: The article is dedicated to interaction between the works by Ivan Bunin and the works of poets and writers of the so called second emigration. To show this interaction the author analyzes the novels by Evgeny Gagarin (he emigrated in the 1930s and therefore could be judged as a writer of the «second wave»), the poems by Ivan Elagin, the most impressive poet of the postwar emigration, and the bright prose writers Leonid Rzhevsky and Vladimir Samarin. The conclusion is that the Bunin's influence on the activity of the second emigration was great. It could be analyzed not only on thematical level, but wider: as combination of ideas and composition elements, which were adopted to the new plots in complex as the sign of Bunin's tradition follower.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Е.А. Гагарин, И.В. Елагин, Л.Д. Ржевский, В.Д. Самарин, влияние.

Key words: Ivan Bunin, Evgeny Gagarin, Ivan Elagin, Leonid Rzhevsky, Vladimir Samarin, literary influence.

Творчество Бунина в целом или творчество Бунина в эмиграции изучается, как правило, в сугубо традиционалистском ключе — как одна из «персоналий» Серебряного века или как одна из эмигрантских «персоналий». Если при изучении дооктябрьского Бунина широкий литературный контекст еще как-то учитывается (например, в плане противостояния писателей «Среды»

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01410-П) в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Первый вариант статьи (менее полный и содержащий ряд неточностей) был опубликован: Пономарев Е.Р. Бунин и литература второй эмиграции: К постановке вопроса // Филологические записки. 2012–2013. Вып. 31. С. 178–195.

символизму), то Бунин-эмигрант почти во всех работах стоит как столпник среди пустыни. Литературный процесс эмиграции, небольшой частью которого было творчество Бунина, практически не попадает в окуляр буниноведов. Иногда рядом с Буниным появляются еще два-три крупнейших писателя эмиграции, но это мало меняет само существо подхода.

Для изучения русской эмиграции более чем для какой-либо другой темы актуален старый призыв формалистов изучать литературный процесс, а не писателей первого ряда. Дело в том, что писателей первого ряда оказалось в эмиграции не так уж много. Рядом с ними жили и работали писатели не столь одаренные, но именно их сочинения большей частью заполняли страницы эмигрантской периодики. Общение с ними — бытовое и литературное — не могло не накладывать отпечаток и на «писателей от Бога». И напротив, влияние писателей первого ряда — в силу «узости круга» — на второй и третий ряд эмигрантской литературы было исключительным.

В ситуации, сложившейся к сегодняшнему дню, когда творческий путь Бунина описан сравнительно неплохо, а силовые линии, расходящиеся от него, практически не видны, имеет смысл перенести внимание на тему «Бунин в литературном процессе эпохи». Однако связи и влияния следует анализировать не при помощи тематического анализа, унаследованного от XIX в. через посредство советского идеологического литературоведения, а при помощи изучения идейно-композиционных структур, связывающих идеологемы с поэтикой¹.

1

Влияние Бунина хорошо заметно уже в творчестве тех немногочисленных писателей, которые выехали из СССР в начале 1930-х гг. Если говорить об истории эмигрантской литературы, вряд ли стоит причислять их к первой эмиграции. Практически ни один из выпущенных из СССР в этот период (включая наиболее крупную фигуру — Е.И. Замятина) не только никак не повлиял на культуру первой волны, но и практически не вошел в ее культурное поле. С типологической точки зрения они значительно ближе представителям второй эмиграции — советским людям, для которых несоветские основы эмигрантской культуры были внове и требовали длительного привыкания. Евгений Андреевич Гагарин (1905–1948), один из основных писателей этой «межволновой» группы (по аналогии с межвоенной эпохой, получившей терминологическое значение в европейских историко-филологических исследованиях), демонстрирует в своем творчестве сильнейшее влияние идейно-композиционных структур, выработанных Буниным. Очевидное подражание бунинским приемам существенно отличает его от писателей первой волны (включая писателей «бунинской школы» — Л.Ф. Зурова, Г.Н. Кузнецову), старавшихся вступать с бунинскими находками в творче-

ский диалог, а не просто транслировать их в собственных текстах — собственно, упрощение бунинской поэтики и становится главным отличительным признаком второй эмиграции.

В отличие от эмигрантов первой волны, воспринимавших Бунина как современника, которого они никогда не теряли из виду, «межволновые» эмигранты и эмигранты второй волны видят в Бунине живого классика, единственного русского лауреата Нобелевской премии по литературе, олицетворение ушедшей русской культуры и т.п. Он для них уже не столько живой человек (хотя практически все крупные писатели новой эмиграции считали своим долгом Бунина посетить), сколько символическая или даже, возможно, мифическая фигура. Многие из них признаются, что, живя в СССР, полагали, что Бунин умер (статус традиционного классика. Ведь все живые классики — это классики советские, а к ним Бунин точно отношения не имеет), и были немало удивлены, узнав, что он не только здравствует, но и написал много новых, неизвестных в СССР произведений.

Надо думать, что бунинские произведения эпохи эмиграции поглощались ими взахлеб и подряд — как «современная классика», противостоящая «классике» советской. Это приводило к ситуации, когда следование Бунину становилось чем-то обязательным (привычка «учиться у классиков» воспитывалась советской школой), при том что культурная парадигма первой эмиграции в целом оставалась для них чуждой и малопонятной. Поэтому из творчества Бунина заимствовались отдельные приемы, элементы фона, стилистика и интонация, но тонкость бунинских экспериментов оставалась для новых писателей во многом незаметной. Кроме того, сложные судьбы эмигрантов «меж волн» и в особенности второй волны задавали новые литературные темы (террор, война и лагерь), для которых бунинское изящество сюжетосложения не слишком подходило. Да и русский язык второй эмиграции (об этом много писали эмигранты первой волны) был существенно иной по сравнению с изысканным языком Ивана Бунина.

В повести Е. Гагарина «Поездка на Святки» на фоне общеэмигрантской темы «возвращение домой» хорошо заметна традиционная для Бунина игра с различными семантическими формами перфекта и плюсквамперфекта, благодаря чему время в тексте становится слоистым, а повествование может протекать параллельно в разных временах. Такие временные формы Бунин активно развивает в рассказах первых эмигрантских лет (особенно ярко — в рассказе «Косцы»)², апогея эта форма повествования достигает в «Жизни Арсеньева»³, неоднократно применяется она и в рассказах «Темных аллея». Кроме того, герой, как и в «Жизни Арсеньева», живет одновременно и в прошлом, и в абсолютном настоящем, времени написания текста: «Доносчик, без сомнения, это Козел — подумал я со злобой о добрейшем нашем классном надзирателе...»⁴ «Со злобой» — это переживание повествователя, погруженного в текущее действие, «добрейшем» — определение, данное повествователем извне, с высоты прошедших лет. Благодаря слоистому времени повествователь может

одновременно ощущать и злобу, и доброту, а классный надзиратель быть и подлецом, и добрейшим, благороднейшим воспитателем.

Стоит взять какой-нибудь сравнительно законченный отрезок повести, и мы увидим различные комбинации мотивов, характерных для «Жизни Арсеньева»:

«Кто же мог быть этот таинственный Гришка, которого кончили? О Григории Распутине я ничего тогда не знал. Это его убили в тот день. И, вероятно, с этого убийства началась страшная, темная пора России, ибо никакое добро не начинается со зла и злом не оправдывается. Но тогда, стоя у окна в коридоре вагона, я не думал об этом, не чувствовал, что пришел конец той России. — ...Поезд мчит сквозь кораллово-белую чащу леса, иногда врываются поляны, залитые зеленым лунным светом, и мне почему-то хочется запечатлеть их — вот это дерево там, одинокое, узнаю ли я его на обратной дороге?.. И уже, как всегда в моей жизни, я думаю о конце каникул, думаю с тоской, еще не начав их, и в то же время кажется невероятным теперь, что когда-нибудь придет конец жизни... Все сильнее и сильнее затягивает окно, сплошной белой стеной хлещет мимо дым; сквозь прорывы я вижу иногда поля, без границ и без края снега. И так долго стою я, с чувством своей огромной потерянности в мире великой снежной России без конца и без края...»⁵

Кто такой убитый Гришка, не знает герой, погруженный в прошлое, но знает герой, пишущий в настоящем — а с ним вместе и читатель. Начало темной поры и конец России, который как-то проморгали, — характерные бунинские идеологемы (восходящие, прежде всего, к «Жизни Арсеньева»), которые, впрочем, можно отнести и к общеэмигрантским. Смелое цветообозначение, вроде «кораллово-белой» чащи, — безусловно, бунинский прием. Желание запечатлеть промелькнувшее дерево — и остановить мгновение — это то желание, которое заставило молодого Арсеньева взяться за перо. Конец каникул, одновременно оборачивающийся концом жизни, — обычные раздумья бунинских героев, их предвидение трагического будущего в сегодняшнем счастье. Отсюда и желание зацепиться взором за улетающее назад дерево, чтобы спастись от будущего. Дихотомия «дерево сейчас» и «дерево на обратном пути» — это новая материализация движения времени. Герой Бунина спросил бы еще, пожалуй, будет ли тем же это дерево на обратном пути — и не дал бы ответа. И разрешающий аккорд: конец жизни растворяется в пространствах России, как, начиная еще с дореволюционного «Легкого дыхания», часто происходит в бунинских текстах.

Этот отрезок текста, комбинирующий различные бунинские мотивы, можно назвать *идейно-композиционной конструкцией*. Конструкции такого рода состояются из отдельных модулей, имеющих определенную стилистико-семантическую окраску. Взятые по отдельности, модули не способны сохранить ни семантический рисунок бунинских рассуждений, ни стилистическое родство с Буниным. Значение отдельного элемента текста целиком определяется

контекстом. Но, объединенные в конструкцию, модули формируют контекст. Поскольку все или почти все модули позаимствованы из поэтики Бунина, конструкция сохраняет внутреннее единство, она устойчива и имеет возможности дальнейшего развития. Развитие это может быть представлено в различных формах: 1) как дальнейшее нанизывание на общий стержень иных или подобных бунинских модулей; 2) как комбинирование бунинских модулей с модулями, заимствованными из иных авторов; 3) как формирование новых модулей, не выбивающихся из общего строя конструкции.

Повтор (с некоторой модификацией) известного и узнаваемого, варьирование идей и мотивов занимают особое место в поэтике литературы эмиграции. Повтор вбирает в себя идею сохранения русской культуры, которая на протяжении десятилетий формировала общеэмигрантское мировоззрение. Повтор формирует идеологемы, без которых не существует политически ангажированной литературы. Повтор, наконец, указывает на актуальные традиции.

Повтор, формирующий идеологемы, проявляется в «Поездке на Святки» следующим образом. Рассказ о каникулах, случайной поездке в деревню всегда оказывается последним приездом на родину. Там, в деревне, навсегда остается что-то самое дорогое — часто это дорогой человек. Именно так построен рассказ Бунина «Таня» из цикла «Темные аллеи». Две последние фразы внезапно вводят время действия, вместе со временем в текст врывается рок, развертывание сюжета обрывается при помощи рокового события (частый прием «Темных аллеи»): «Это было в феврале страшного семнадцатого года. Он был тогда в деревне в последний раз в жизни»⁶. У Гагарина время действия указано на первых страницах (разговор об убийстве Распутина), но финал, не используя бунинский сюжетный слом, тем не менее сохраняет значение «в последний раз». Кроме того, как и в «Тане», в деревне остается дорогой главному герою человек:

«А когда мы выезжаем за ворота, вдруг вскакивает на сани мой брат Миша, что-то шепчет торопливо... соскакивая, кричит: "Скорее приезжай обратно!" — и исчезает. Я силюсь высунуться из кибитки, посмотреть еще раз на наш дом, но, когда мне это наконец удастся, он уже исчез во тьме... навсегда!»⁷

Слово «навсегда» выделено отточием и максимально значимо, в ту же сферу значений попадает глагол «исчезает». Брат исчезает из вида — и из жизни героя. Благодаря двуслойным глаголам прощание становится роковым.

Анализ двух эпизодов повести «Поездка на Святки», безусловно, не претендует на полноту. Однако уже он делает очевидным влияние творчества Бунина на текст Гагарина. Идеино-композиционные конструкции, в отличие от произвольно выделяемых мотивов и тем, служат прочным доказательством интертекстуальных связей в литературе русской эмиграции. Предлагаемый метод позволяет избежать натянутых сравнений и ассоциаций и, напротив, увидеть скрытую, нетематическую близость. Например, автор единственной

диссертации по творчеству Гагарина Д.А. Разин видит в «Поездке на Святки» традицию И.С. Шмелева (в тех частях повести, где описаны рождественские праздники)⁸, но совершенно игнорирует линию Бунина, задающую тон всему произведению. Анализ идейно-тематических конструкций позволит не совершать таких ошибок.

2

Литература второй эмиграции пестрит идейно-композиционными конструкциями, связанными с творчеством Бунина. Показательно, что конструкции такого рода могут быть отмечены даже в поэзии второй волны — в тех случаях, когда поэзия сюжетна. Один из крупнейших (если не самый крупный) послевоенных поэтов эмиграции Иван Елагин (И.В. Матвеев, 1918–1987) неоднократно использует в стихах конструкции, характерные для прозы Бунина⁹. Странность в этом лишь кажущаяся. Бунин-поэт не был слишком популярен в эмиграции, известность Бунина-прозаика была исключительной.

В первом же эмигрантском цикле стихотворений «По дороге оттуда» есть стихотворение, композицию которого целиком организует идейно-композиционная конструкция, заимствованная из «Жизни Арсеньева». Лирический герой стихотворения «Мне девять лет. Я только что с перрона...» постигает русскость, как Арсеньев, при помощи татарской темы:

Я все не спал. Все слышал крик татарский.
Там шла орда, повозки волоча¹⁰.

Основной мотив дополняется серией побочных: лирический герой, мальчик, впервые оказался на даче под Москвой со своим отцом (аналогично путешествию юного Арсеньева в город); отец показывает мальчику тракт, которым татары приходили на Москву (отец Арсеньева в свою очередь указал на ворона, который мог жить еще при татарах), и мальчик, как Алексей Арсеньев, уже не может забыть о татарах — в этом есть одновременно и что-то страшное, и что-то притягательное.

Другое стихотворение этого цикла («Нас раскидало по волнам...») демонстрирует идейно-композиционную конструкцию в развитии. Бунинская тема постоянного присутствия в жизни рока, не замечаемого человеком (относящая к линии рассказов «Братья» — «Конец»), соединена с мотивами и ритмикой Тютчева («И бездна нам обнажена...» из стихотворения «День и ночь»), а также с Древней Грецией, воспринятой через традицию акмеизма. Тем не менее бунинское восприятие моря — основа сложной конструкции:

Нас раскидало по волнам,
По разным пристаням расся,

И долго будет небо нам
Железным небом Одиссея.

И океан под нами смят,
И гибнуть нам, как древним грекам...
Как боги хаоса шумят
Над концентрационным веком!..¹¹

В более позднем творчестве Елагина идейно-композиционные конструкции из Бунина используют основополагающую идеологему творчества писателя — Память. Стихотворение «Дом мой любит сотрясаться...» из сборника «Дракон на крыше» (1973) начинается с непрочности американского дома, продолжается непрочностью жизни. Затем появляется характерная для «Жизни Арсеньева» рама, в которую вставляются фотографии разных лет — бунинский мотив отрицается, но семантика его остается:

Но меня не запихнут
В фотографии квадрат:
В каждой из моих минут
Я остался как заряд!¹².

Можно полагать, что Елагин спорит с Буниным, используя его же метафору вечности. Если бунинский герой отчуждается, превращаясь в застывшие в разные моменты прошлого фотографии, то у Елагина речь идет совсем не об отчуждении, а о внутреннем единстве героя на протяжении жизни. Не время давит на него, наоборот, он своей энергией организует время.

В следующих строфах Память овеществляется, уподобляясь ящику фокусника и в то же время киноаппарату. Кинематографичность свойственна и Памяти Бунина, здесь же бунинское представление развернуто — наподобие развернутой метафоры: Память превращается в склад киноплёнок.

Где-то спрятан, говорят,
Времени волшебный ящик:
Миги-нанизы-ваю-щий аппа-рат,
Жизне-записы-ваю-щий аппа-рат,
Жизне-вос-про-изво-дящий!

В аккуратной упаковке
Мигов, месяцев, годов —
Там лежат мои ночевки,
Слышен шум моих садов...
<...>

Остановлено мгновенье!
И тебе возвращено
То, что кануло в забвенье,
Унеслось давным-давно...¹³

А концовка стихотворения вновь отдает полемикой. Серьезность Бунина сменяют ирония и трагический задор:

Только незачем без толку
В вечность паяться, как в щелку:

Без конца она и краю,
Что ей день и что ей год!
То, что с мигом я теряю,
То мне вечность не вернет¹⁴.

И вновь инструментом влияния становится не отдельный мотив и не тема, а развернутая идейно-композиционная конструкция. Заимствуется не тема Памяти, а весь комплекс ассоциаций, связанных с темой. Память, ее метафорические изображения, ее свойства и отношение к ней даются в развитии — в диалоге с Буниным.

Актуальность заимствованной конструкции прослеживается и в дальнейшем творчестве Ивана Елагина. Одна из его автобиографических поэм озаглавлена «Память» (сборник «В зале Вселенной», 1982), начало поэмы переосмысливает надсубъективность бунинской Памяти, превращая Память в киноархив. Все мгновения жизни запечатлены на пленку и аккуратно сложены в коробки:

Вглядываюсь, дверь туда открыв,
Где хранится времени архив.
Замелькали кадры прошлых дней
На экране памяти моей¹⁵.

3

Один из крупнейших прозаиков второй эмиграции Леонид Ржевский (Л.Д. Суражевский, 1905–1986) использовал сборник «Темные аллеи» как основу собственной литературной эротики. В рассказах «Рябиновые четки», «Маша Лескова», «В бинокль» темные аллеи, утерав кавычки, становятся обозначением тайны любви, женской красоты, чувств, не подвластных прописной морали и расхожим представлениям. Центральное произведение этой темы — роман «Две строчки времени» (1976), в котором давно живущий в Америке

писатель-эмигрант знакомится с девушкой Ией, русской по происхождению, но американкой по воспитанию. Вместе с ней он подбирает для перевода на английский язык актуальную русскую книгу с эротическим сюжетом, затем помогает ей с переводом.

Процесс выбора книги интересен сам по себе. Повествователь перебирает в памяти русскую эротическую литературу. «Санин» Арцыбашева — забавная иллюстрация того, что казалось эротически смелым полвека назад. «Суламифь» Куприна — стилизация «Песни песней», оригинал выразительнее. Лучшим эротическим текстом он считает сцену соблазнения Катюши из «Воскресения» Толстого. Но это только отрывок. И наконец: «Я назвал было сцену из «Воскресения» лучшим в русской литературной эротике. Отрекаюсь от этих слов, — великолепнее «Темных аллей» в этой области нет. Может быть, даже и не только у русских писателей»¹⁶. Ия задает вопросы. О Бунине она знает немного: «...как случилось, что автор скучной «Деревни» и очень надуманного «Господина из Сан-Франциско» стал вдруг трубадуром любовных утех?»¹⁷ Повествователь объясняет, что Бунин шире всяких «измов», разносторонен и разнообразен. Пересказ нескольких рассказов из «Темных аллей» вызывает характерную реакцию девушки:

«Я спасена! — говорит она. — Какая почти современная смелость!..»¹⁸

Дальнейшее развитие сюжета строится при помощи семантического параллелизма. Герой и героиня, переводя рассказы Бунина, переживают свои темные аллеи. Обсуждая тот или иной рассказ, они ведут споры о любви. Писатель доказывает Ие, воспитанной американскими шестидесятыми, культурой «длинноволосых», как он сам выражается, что культ любви — не предрасудок и выдумка, а свойство человеческой души. Здесь заимствуемой идейно-композиционной конструкцией становится уже не комбинация тем, мотивов и стилистических периодов, как у Е. Гагарина, не основные темы творчества классика, как у И. Елагина, а общий комплекс представлений, связанный с произведением «Темные аллеи». Этот комплекс, помимо текста, включает скандальные отзывы критиков, сопровождавшие первое издание, литературоведческие характеристики, популярность книги среди русскоязычных читателей (в противовес незнакомому с ней американизированному человеку) и т.д. Небольшие цитаты из нескольких рассказов «Темных аллей» не рассчитаны на взаимодействие текстов Бунина и Ржевского: «Темные аллеи» недостижимы, как всякий классический текст. Функция цитат сопоставима с функцией называния тех или иных рассказов сборника. Это актуализация в сознании читателя готовых представлений, связанных с «Темными аллеями». Идейно-композиционная конструкция переходит с текстового на метатекстовый уровень.

Темные аллеи тянутся в душе повествователя двумя параллельными линиями — в двух временах. Большую любовь в прошлом и эрос в настоящем (выясняется, что девушку из прошлого тоже звали Ией) скрепляет работа над переводом «Темных аллей». История московской любви дается в виде двух глав из мемуаров писателя. Эти главы вводятся в текст романа и оказывают

существенное влияние на сюжет из настоящего: прочитав о московской любви, американка Ия станет иначе смотреть на пожилого знакомого. Воспоминания, над которыми писатель трудится в начале романа, — работа останавливается после встречи с Ией, «Темные аллеи» Бунина, которые надо переводить не только на английский язык, но еще и на язык «длинноволосых», собственная любовь, оставшаяся в довоенной Москве, — все это вступает в интертекстовые отношения. Например, в середине работы над переводом героиня спрашивает писателя: «...если вас как писателя тоже интересовали темные аллеи, почему вы не продолжаете в том же духе? Почему — мемуары?»¹⁹ Но главные темные аллеи и проступают в центре мемуаров писателя. Разделение текстов оказывается мнимым. Так же, возможно, и с Буниным: классические «Темные аллеи» выступают в качестве инварианта по отношению к вариантам индивидуальных темных аллей, имеющих у каждого бунинского читателя.

Временные пласты у Ржевского не взаимопроникают друг в друга, что обычно бывает в эмигрантском творчестве Бунина, а скреплены, как скобой, личностью главного героя-повествователя. Так же как в стихотворении Елагина о Памяти, герой у Ржевского не рассыпается на ряд отдельных проекций, оставшихся в разные моменты в прошлом; герой у него исключительно цельный, всегда корректный и умный, контролирующий если не ситуацию, то себя в любой ситуации. Это, по-видимому, общее свойство людей, прошедших сталинский террор, войну, лагеря перемещенных лиц, возможность выдачи советским властям и т.д. Слоистость бунинской Памяти не для них, но сама идея Памяти близка им чрезвычайно. Следующий разговор повествователя с Ией написан человеком, внимательно читавшим финал пятой книги «Жизни Арсеньева» (в текстовом варианте 1952 года, именно он читался эмигрантами второй волны).

У Бунина:

«Я видел ее смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда»²⁰.

У Ржевского:

« — ...Вы одиноки? Я имею в виду женщину?

— И да и нет. Да — потому что у меня в квартире, здесь и за океаном одна-спальная раскладушка-кровать, днем обращаемая в кресло. Нет — потому что некоторые из тех, с кем связаны самые счастливые годы прошлого, постоянно со мной.

— Не понимаю: физически или это писательский словесный треп? Они живы!

— Живы в моей памяти, и это так же «физически», как, скажем, моя студия на Бродвее и полки с книгами»²¹.

Далее следует история московской Ии, тесно связанная с предвоенным сталинским террором. Любимая девушка героя попадет в руки НКВД, это роковое событие навсегда разводит героев. Если роковое событие во многих рассказах «Темных аллей» вдруг выступает из толщи быта, то здесь роковое собы-

тие предвидится заранее и постоянно нависает над головами героев. Однако показательно, что темы «Темных аллей» накладываются в литературе второй эмиграции на основную тему этой волны: частная жизнь в тоталитарном государстве, террор коллектива в отношении личности, массовый террор в СССР.

4

Еще четче это наложение видим в творчестве Владимира Самарина (В.Д. Соколов, 1913–1995). В нескольких сборниках рассказов, выпущенных им в США в 1960-х гг., используется форма «краткого рассказа», отточенная Буниным в 1930-х. Тексты примерно в полстраницы величиной, состоящие из одного-двух эпизодов, разрабатывают сюжеты, близкие «Темным аллеям», — подлинная, великая любовь вдруг проступает из обыденности, наполняя обыденность вечным смыслом. В последние годы творчества Бунин создает новый тип краткого рассказа. Эта жанровая форма определит поздний круг «Темных аллей»²², в рамках которого любовная тема цикла «Темные аллеи» получит возможность расшириться до всеобъемлющей тайны бытия.

Если Бунин последовательно идет к тематическому расширению краткого рассказа, то Самарин существенно сужает бунинскую форму. В первую очередь его интересует прием, использованный Буниным в ряде рассказов «Темных аллей»: роковое событие внезапно обрывает счастье любящих («Генрих», «В Париже», «Натали»). У Самарина роковое событие концовки превращается в арест или — напоминая клише советской литературы — в начало войны.

Рассказ «Песчаная отмель», открывающий одноименный сборник (1964), аллюзивно соотносится и с рассказом «Солнечный удар», и с интимной сценой из рассказа «В Париже».

У Бунина:

«Она стояла спиной к нему, вся голая, белая, крепкая, наклонившись над умывальником, моя шею и груди.

— Нельзя сюда! — сказала она и, накинув купальный халат, не закрыв налитые груди, белый сильный живот и белые тугие бедра, подошла и как жена обняла его» (151).

У Самарина:

«Он закрыл глаза, как от солнца, увидел ее всю, с мягкими линиями бедер и блестящими каплями воды на груди и плечах.

Она подняла голову, тихо сказала:

— Не смотри на меня...»²³

Последняя же строчка рассказа внезапно обрывает и разбег сюжета, и счастье героев: «В этот день началась война»²⁴.

Второй рассказ сборника, «Небо, упавшее в море», кажется совсем бунинским. Герои знакомятся в Крыму (крымская тема играет существенную роль и

в цикле «Темные аллеи», и в рассказах круга «Темных аллеи»), им кажется, что их любовь навсегда. Концовка — почти как в рассказе «В Париже»:

«Он смотрел вниз... и думал: она здесь, рядом — и теперь они не расстанутся никогда.

Они не расставались в этот день до поздней ночи.

На рассвете он умер от инфаркта»²⁵.

В третьем рассказе «Окно на Гудзон» действие перенесено в эмиграцию, в Нью-Йорк (часть рассказов «Темных аллеи» тоже развивает любовные сюжеты в эмигрантской жизни во Франции). Роковая концовка у Самарина приобретает американский колорит:

«Она погибла случайно: в перестрелке полицейских с бандитами.

Угловой дом, возле которого она упала, виден из моего окна»²⁶.

Но чаще повторяются начало войны и арест. Показателен рассказ «Человек ждет счастья». Молодой агроном Селихов собирается жениться на учительнице. Начало, когда герой едет к возлюбленной, и возвращение от нее наутро могут показаться сценами «Жизни Арсеньева»: «Он придерживал коня, а на просохших местах снова пускал рысью, радостно вспоминал ее шепот: «Я так ждала тебя, так ждала...»»²⁷ Герой весь полон своей любовью. Возвращение домой создает первый сюжетный слом:

«Старик начала распрягать, оглянувшись, тихо сказал:

— Не хорошо, Сергеич: приезжали за вами, из района приезжали... Уходите, Сергеич!...»²⁸

Концовка соединяет любовь и арест, с одной стороны продолжая ломку традиционного усадебного сюжета, а с другой, подставляя на место «роковой детали» характерную советскую деталь:

«С необычайной ясностью вспомнил ее лицо, глаза, голос — и такой болью сдавило сердце, что прислонился к стене.

Старался собрать мысли, решить, но уже шли по двору, к конюшне, двое в военной форме.

Чуя беду людскую, тревожно заржал конь»²⁹.

С середины сборника в форму краткого рассказа начинают попадать сюжеты, свойственные лагерной прозе. Арест, использовавшийся ранее как внезапная концовка, теперь заполняет собой все текстовое пространство. Рассказы «Тот берег», «Двое за спиной», «Чувство юмора» посвящены арестам и допросам. Сюжетный слом и афористическая концовка по-прежнему выстраивают композиции. Например, в «Двое за спиной»: «Только об ужасе, когда стояли двое за спиной, никогда не говорит»³⁰. В тему террора иногда проникает и любовная тема, уже мало напоминающая «Темные аллеи», — например, в рассказе «Все прощаю».

Второй сборник рассказов Самарина «Тени на стене» (1967) открывается одноименным рассказом, напоминающим сюжетом и структурой первый рассказ «Песчаной отмели»:

«— Это какое-то безумие! — тихо сказала она. — Откуда вы, почему вы?

<...>

— До завтра! — сказала и она мне.

Но завтра не было. Меня ждала повестка из военкомата. Ее принесли поздно вечером»³¹.

Однако четкость формы размывается. После приведенных строк, подходящих для афористической концовки, следуют еще три абзаца. Роковое перестает быть «ударом», оказывается утопленным в общее течение жизни. «Тени на стене» расширяют отработанную в первом сборнике идейно-композиционную конструкцию: темами рассказов становится жизнь в самых широких проявлениях. Количество эпизодов в рассказе растет; пространство, уделяемое каждому эпизоду, сокращается. Лишь правило афористической концовки остается неизменным.

«Бунинские» тексты встречаются и в последующих сборниках Самарина. Например, в сборнике «Цвет времени» (1969) привлекает внимание рассказ «Козиная барыня», использующий общий каркас «Холодной осени» из «Темных аллей».

Экспозицией выступает описание улицы: «Когда-то сходились здесь на кулачные бои слободские с городскими, и главная улица называется Веселой. Когда ей дали имя Пахомова, председателя губернской чека, застреленного любовницей, кулачные бои запретили»³². Старая жизнь символично сменяется новой, веселье — бытом. Однако уже в старой жизни растут корни новой: ЧК как бы вырастает из кулачных боев. На одной стороне улицы стоят домишки. На другой — склад фуража кавалерийского полка. Жители воруют со склада овес. Героиня тоже ворует сено под прицелом часовых, которые грозят стрелять и не стреляют. «Не будь склада, она умерла бы с голоду: сено спасает двух коз, а козы ее»³³. Следует простая история жизни, в центре которой забота о козах. Третья часть рассказа поднимает одну из завес, убийцей Пахомова оказывается сестра героини: «В годовщину расстрела сестры, убившей Пахомова, пошла, как каждый год, на другой конец города, где за кирпичной стеной кладбища, на пустыре, закапывали в те годы расстрелянных, где должна лежать и сестра»³⁴. В четвертой части героиня пасет коз у железнодорожного переезда. Прошел пассажирский поезд, кто-то помахал ей из последнего вагона. Ей показалось, что это «он», изменившийся, постаревший. Пятая часть разворачивает перед нами главное воспоминание ее жизни. Двенадцать лет назад через этот переезд в город входили белые. Вечером к ней пришел он, проступает имя героя — Аркадий. Вечером она провожает его домой — перед нами почти что ночная прогулка по саду из «Холодной осени»:

«Долго стояли у забора под густой яблоней.

Наконец отпустила его:

— Мама ждет... Нехорошо!

Но как хорошо ей было тогда!»³⁵

Аркадий вступает в Белую армию. Прогулка-прощание продолжена следующим эпизодом:

«В тот день мать благословила их и расплакалась.

Они гуляли вот здесь, по этой тропинке, и когда возвращались, он сказал: — Здесь будем уходить...

Она сначала не поняла: куда уходить, почему?

Через месяц, ночью, латышская дивизия выбила белых из города»³⁶.

На этом центральное воспоминание завершается. Как и в «Холодной осени», это все, что было в ее жизни. Мы так и не узнаем, кто махал героине из поезда. Это уже не важно. Воспоминание обрывается резким возвращением к настоящему — как и в рассказе Самарина «Человек ждет счастья», голос животного становится точкой концовки: «Призывно заблеяли козы: сегодня она забыла их подоить»³⁷.

Здесь используется иной тип идейно-композиционной конструкции. Рассказ Бунина становится канвой, по которой создается новый сюжет — сохраняющий типологическое родство со старым. Жизнь героини сводится к одному самому важному воспоминанию (так же как и в «Холодной осени», это помолвка и разговор с возлюбленным), вся дальнейшая сложная жизнь дана штрихами. Дополнительные сюжеты (история сестры) лишь намечены. Нищета героини, бытовые сложности, медленное опускание на дно жизни³⁸ подчеркивают высоту и исключительность памятного сюжета. Нет лишь той примиряющей фразы, дважды звучащей в «Холодной осени» — сказанной «тогда» им и «сейчас» повторенной ею³⁹, придававшей главному воспоминанию жизни религиозную значимость.

Ту же конструкцию можно обнаружить и в титульном рассказе сборника «Теплый мрамор» (1976; первая часть сборника носит почти бунинское заглавие «Короткие рассказы»).

Дело происходит в Америке. Внимание героя, русского художника, привлекает официантка в ресторане — вновь аллюзия на рассказ Бунина «В Париже»:

«Она стояла высокая, стройная, слегка наклонив голову с простой, не модной прической.

Знакомый наклон головы, знакомый изгиб длинной шеи. Где же я видел ее?»⁴⁰

Художник, расплачиваясь, спрашивает о ней у кассирши. Выясняется, что девушка православная. Но не русская, а гречанка. У художника возникает ассоциация:

«И я тотчас вспомнил: Париж, Лувр, Венера Милосская... Вокруг нее всегда толпа.

И я долго стоял там и все хотел дотронуться рукой до ее мрамора. Мне казалось, что мрамор теплый»⁴¹.

Оказывается, он видел ее в Лувре. Банальная ассоциация художника оказывается сбывшимся сном, главной любовью жизни. Текст заполняется литературными и общекультурными ассоциациями (сюжет о Галатее, растиражированный в мировой литературе, очерк Глеба Успенского «Выпрямила», рас-

суждения И.С. Тургенева и его героев о Сикстинской мадонне и пр.), как часто бывает и в рассказах «Темных аллеей». Когда художник предложил позировать ему, «...она вспыхнула как тургеневская девушка»⁴². Однако, в отличие от «Темных аллеей», где классические литературные аллюзии образуют сложный рисунок (постмодернистской) игры⁴³, здесь луврская ассоциация смотрится довольно банально.

На первом сеансе, увидев обнаженную героиню и взяв кисти, герой вспоминает рассказ из «Темных аллеей», где повествователем выступает натурщица и подруга художника. Цитируется целый абзац из рассказа «Второй кофейник»:

«Он и невинности меня лишил всего на втором сеансе. Вскочил вдруг от мольберта, бросил палитру с кистями и сбил меня с ног на ковер. Я испугалась до того, что и крикнуть не смогла. Вцепилась ему в грудь, в пинжак, да куда тебе! Глаза бешеные, веселые... Как ножом зарезал».

Нет, я не сбивал ее на паркет, закапанный красками, и нисколько не испугал, когда теплый мрамор был в руках моих сразу же после первого сеанса»⁴⁴.

Конструкция та же, но она усложнена. Канвой для создаваемого на наших глазах текста становятся два рассказа из «Темных аллеей»: в начале рассказ «В Париже», в конце цитируется «Второй кофейник». Действие развивается параллельно первому сюжету и в противоположность второму (все происходит проще, чем во «Втором кофейнике», — так же просто, как «В Париже»). «Тургеневская девушка», неожиданно появившаяся в середине рассказа, отсылает к тургеневской традиции, неоднократно использованной в «Темных аллеях», — так же аллюзивно. В целом, несмотря на прямую цитату, получается примерно тот же тип заимствования, что наблюдается в творчестве Л. Ржевского. Заимствуется уже не конкретный сюжет конкретного текста, а цикл «Темные аллеи» целиком — два рассказа в их циклическом единстве, а также (поверхностно усвоенные) приемы сюжетной игры с литературными традициями. Конструкция такого рода формирует, как и у Ржевского, уже не текст, а метатекст.

Метатекстовую роль в сборнике «Теплый мрамор» играет и само имя Бунина, как имя Божие, не поминаемое всуе в начале рассказа «Под Парижем»:

«Это было давно...

Нет, лучше начать с конца.

Это было совсем недавно, под Парижем, в нашем Русском Пантеоне, там, где лежат спасшие честь России в Гражданскую, там, где лежит гордость ее, писатель-эмигрант.

Стоит ли называть его имя? Не всем ли знакомо оно?

Однако я отвлекся.

История, как сказал бы Бунин, банальнейшая.

Я шел по дорожкам Пантеона, читая имена на крестах. И вдруг ахнул. Не может быть, не может быть... Имя, отчество, фамилия по мужу — все совпало. И даже год рождения — я помню его, потому что мы были ровесники.

Последняя — при жизни ее — наша встреча была накануне войны, в Сочи, куда приехал я на неделю, в самом начале летних каникул.

Встретил ее на набережной с красавцем парнем, оказавшимся мужем.

Я вернулся домой 20 июня, они оставались до 1 июля»⁴⁵.

Точно так же («Это было давно, это было бесконечно давно») начинался рассказ Бунина «Косцы», построенный на резких переходах от одного временного пласта к другому. Здесь начало «это было давно» коррелирует с последующим «это было недавно» (похоже на соотношение двух бунинских сюжетов в рассказе «Теплый мрамор»), создавая временной параллелизм. Русское кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, на котором выделены могилы героев Гражданской войны и Бунина (последняя выделена нарочито: ведь на этом кладбище лежат и все прочие писатели-эмигранты первого ряда — от Д.С. Мережковского до И.С. Шмелева, но кто они перед Буниным!), становится толчком повествования. Имя Бунина сначала заменено изысканным перифразом, затем названо, потом становится синонимом литературной традиции. Имя, прочтенное вдруг на кладбищенском кресте, добавляет оттенок соприсутствия: имя Бунина тоже можно прочесть на кресте Русского кладбища. Писатель как бы сопровождает повествование.

Здесь идейно-композиционной конструкцией становится уже само многократное упоминание имени Бунина, бунинский сюжет, продолжающий «Темные аллеи» в настоящее, напоминает «Две строчки времени» Л. Ржевского. «Темные аллеи» воспринимаются в этом рассказе Самарина как инвариант, по которому выстраивается один из возможных вариантов людских судеб. Рок скрыт в некоторых календарных датах — такой же прием используется в «Темных аллеях», например в рассказе «Таня» («Это было в феврале страшного семнадцатого года. Он был тогда в деревне в последний раз в жизни»; 139), или в той же «Холодной осени» («В июне того года он гостил у нас в имении... Пятнадцатого июня убили в Сараеве Фердинанда»; 269).

Самарину удается уловить одну из основных тенденций бунинского письма: бесконечное развертывание текста, невозможность текст завершить. «Темные аллеи» писатель продолжил серией рассказов круга «Темных аллеи», в которых сюжеты цикла получили яркое продолжение. В. Самарин в 1976 г., через 23 года после смерти Бунина, создает еще один рассказ, претендующий на попадание в круг «Темных аллеи», — бунинский замысел, таким образом, продолжает разворачиваться и дальше.

Чем дальше литературный процесс эмиграции уходит от живого Бунина, чем больше Бунин воспринимается как писатель Пантеона — чуть не единственный Писатель эмиграции, равный в вечности тем, кто с оружием в руках защищал честь России, тем более общим становится предмет заимствования. Достаточно одного имени Бунина в зачине рассказа, чтобы разворачивающийся в рассказе сюжет стал бунинским по духу.

Интересно, что вторая эмиграция совершенно не замечает инсинуаций, которые в большом количестве создавались отдельными деятелями первой

эмиграции (Н.Н. Берберова, В.Ф. Зеелер, Б.К. Зайцев) в последние годы жизни Бунина — измышления о совершенном Буниным «сальто-мортале», переходе в лагерь просоветской эмиграции, симпатиях к большевикам, стремлению вернуться в СССР⁴⁶. Десятки газетных статей на эти темы отбрасываются писателями второй эмиграции, как ненужный хлам, поскольку именно Бунин (а не Шмелев, не Б. Зайцев, не Набоков-Сиринов, не Берберова — все эти имена были совершенно неизвестны в СССР) для них — олицетворение свободной, подлинной русской литературы XX в. Скомпрометировать Бунина в их глазах невозможно.

Напротив, имя Бунина становится для них чем-то вроде имени Пушкина, «нашим всем» — но, в отличие от далекого Пушкина, домашним, близким и родным. Многие писатели второй волны успели застать живого Бунина, побывать у него в гостях и вступить с ним в переписку. Скрамная могила Бунина на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа становится метафорическим противовесом официозу московских кладбищ.

Использование бунинских традиций на этом фоне — продолжение основной линии русской литературы. У каждого из перечисленных в статье поэтов и писателей свой набор тем и жанров. Однако бунинские идейно-композиционные конструкции становятся неотъемлемым элементом любого творческого процесса. Отсылки к Бунину, во-первых, как видно из последних примеров, выполняют номинативную функцию — указывают на продолжение традиций «нашего классика». При этом заимствуется не «классический» дореволюционный Бунин, эпохи «Деревни» и (более или менее) учитывающих жанровую традицию новелл 1910-х гг., но последние, новаторские, позднемодернистские произведения — «Жизнь Арсеньева» и «Темные аллеи». Во-вторых, отсылки к Бунину так или иначе выражают претензию на современность и литературное новаторство — в весьма традиционных, иногда даже намеренно архаизированных, текстах второй эмиграции. Наконец, бунинские идейно-композиционные конструкции позволяют вывести собственный текст на метатекстовый уровень, а в культурологическом плане — соединить традицию второй эмиграции с традициями первой. В 50-х гг. это крайне актуальная задача, поскольку пережившая войну первая эмиграция очень осторожно присматривалась ко второй. Знаменательно, что именно Бунин оказался связующим звеном между двумя волнами.

Исключительное значение творчества Бунина в литературе второй эмиграции — важная тема для общей, объединенной истории русской литературы XX в. В литературе советской метрополии проходили иные процессы, но и для советского читателя Бунин — главный и единственный стоящий писатель-эмигрант (других писателей эмиграции советские читатели попросту не знали). Особенности этой рецепции необходимо учитывать в историко-литературных исследованиях.

¹ Возможности такого метода были опробованы нами в некоторых работах по истории литературы эмиграции: Пономарев Е.Р. Распад атома в поэзии русской эмиграции (Г. Иванов и В. Ходасевич) // Вопросы литературы. 2002. № 4. С. 48–81; Он же. Человек разрушенного мира в поэзии второй эмиграции (Дмитрий Кленовский и Иван Елагин) // Russian Literature. 2010. Vol. 67, № 2. P. 231–272.

² См. подробнее: Пономарев Е.Р. Воскрешение России: Концепция Памяти и российский хронотоп в послереволюционном творчестве Бунина // И.А. Бунин в начале XXI века: материалы и статьи: межвуз. сб. науч. тр. / [редкол.: О.А. Бердникова (отв. ред.) и др.]. Воронеж, 2005. С. 116–144.

³ См. подробнее: Он же. «Жизнь Арсеньева» как история моего современника: движение автобиографических форм повествования от В.Г. Короленко к И.А. Бунину. Ч. 1 // Вестник СПбГУКИ. 2014. № 4. С. 152–165; Он же. «Жизнь Арсеньева» как история моего современника: движение автобиографических форм повествования от В.Г. Короленко к И.А. Бунину. Ч. 2 // Там же. 2015. № 1. С. 143–150.

⁴ Гагарин Е. Возвращение корнета. Поездка на Святки. Нью-Йорк, 1953. С. 11.

⁵ Там же. С. 21–22.

⁶ Бунин И.А. Темные аллеи. Paris, [1946]. С. 139. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

⁷ Гагарин Е. Указ соч. С. 109.

⁸ См.: Разин Д.А. Художественный мир Е.А. Гагарина: автореферат дисс. ... канд. филолог. наук. Архангельск, 2008. С. 13–14.

⁹ Впрочем, иногда у Елагина проступает ориентированность и на поэзию Бунина. Так, в сборнике стихотворений «Тяжелые звезды» (1986) встречаем стихотворение «Олень упал. Пробила шею пуля...» с эпиграфом из дореволюционного стихотворения Бунина «Густой зеленый ельник у дороги...» (цитируется знаменитая строка: «Он красоту от смерти уносил!»), в котором упомянут сам Бунин и его стихотворение, а заимствованная конструкция развертывается в тему свободы:

А мне бы жить и умереть оленем...

<...>

Пускай всю жизнь облавы и погони,

И ледяные ветры всех ночей,

Но только б не за проволокой в Зоне

Под отческим присмотром стукачей (Елагин И. Собр соч.: в 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 233).

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 145.

¹¹ Там же. С. 158.

¹² Там же. С. 432.

¹³ Там же. С. 432–433.

¹⁴ Там же. С. 433.

¹⁵ Там же. Т. 2. С. 199.

¹⁶ Ржевский Л. Две строчки времени. [Frankfurt a.M., 1976]. С. 35.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 40.

¹⁹ Там же. С. 53.

²⁰ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность: Первое полное издание. Нью-Йорк, 1952. С. 388 (выделено мной. — Е.П.).

²¹ Ржевский Л. Две строчки времени. С. 54.

²² См. подробнее об этом термине: Пономарев Е.Р. Круг «Темных аллей». Неопубликованный рассказ И.А. Бунина // Вопросы литературы. 2015. № 5. С. 318–330.

²³ Самарин В. Песчаная отмель. Рассказы. [Washington], 1964. С. 6.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 7–8.

²⁶ Там же. С. 9.

²⁷ Там же. С. 13.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 41.

³¹ Он же. Тени на стене. Нью-Йорк, 1967. С. 8.

³² Он же. Цвет времени. Нью-Йорк, 1969. С. 9.

³³ Там же. С. 9.

³⁴ Там же. С. 10–11.

³⁵ Там же. С. 12.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 13.

³⁸ Ср. в «Холодной осени» параллельный любовному сюжету эмигрантский колорит. Нищета и одиночество в настоящем противопоставлены достатку и счастью в юности: «Была я в Ницце первый раз в девятьсот двенадцатом году — и могла ли думать в те счастливые дни, чем некогда станет она для меня!» (273).

³⁹ См. финал «Холодной осени»: «“Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне...” Я пожила, порадовалась, теперь уже скоро приду» (274).

⁴⁰ Самарин В. Теплый мрамор. Нью-Йорк, 1976. С. 7.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 8.

⁴³ Подробнее см.: Пономарев Е.Р. Интертекст «Темных аллей». Растворение новеллы в позднем творчестве И.А. Бунина // Новое литературное обозрение. 2018. № 2. С. 186–203.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 29.

⁴⁶ Подробнее см.: Пономарев Е.Р. Как И.А. Бунин оказался красным?: (по материалам парижской прессы 1946–1947 годов) // Русская литература. 2018. № 4. С. 202–208.

«ИНТЕРЕСНЫХ И ПО-НАСТОЯЩЕМУ ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ
СРЕДИ НОВОЙ ЭМИГРАЦИИ МНОГО»:
СТАРЫЕ РОССИЙСКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ
И ВТОРАЯ ВОЛНА ЭМИГРАЦИИ ИЗ СССР

Аннотация: Статья посвящена отношениям представителей второй волны эмиграции из СССР с лидерами меньшевистской эмигрантской социал-демократии. Работа основана на документах архива Гуверовского института войны, революции и мира (США), а также материалах эмигрантской прессы. Автор доказывает, что значительная часть второй эмиграции весьма критически отнеслась к социалистической идее, и долговременный союз эмигрантов второй волны и деятелей Заграничной делегации РСДРП оказался невозможным.

Annotation: This article is devoted to relations between the representatives of the second wave of emigration from the USSR and the leaders of Menshevik émigré social democracy. It is based on the materials of Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (USA), as well as materials of émigré press. The author proves that the majority of the «second wave» had a critical attitude to the socialist idea, so long-time alliance between the «second wave» and Foreign Delegation of RSDRP was impossible.

Ключевые слова: вторая волна эмиграции из СССР, перемещенные лица, Заграничная делегация РСДРП, меньшевики, «Социалистический вестник».

Keywords: the second wave of emigration from the USSR, displaced persons, Foreign Delegation of RSDRP, Mensheviks, «Socialist Herald».

История российской эмигрантской социал-демократии относится к числу тем, которые уже привлекали внимание исследователей. Однако наиболее активно изучается деятельность меньшевистской эмиграции в межвоенный период¹. Полная кризисов и расколов история эмигрантского меньшевизма в годы холодной войны, распад Заграничной делегации РСДРП гораздо реже привлекают внимание ученых. Одним из тех, кто внес особый вклад в изучение этой темы, стал известный историк Андре Либих². В 2010 г. им вместе с одним из крупнейших российских специалистов по истории меньшевистской социал-демократии А.П. Ненароковым был подготовлен двухтомный сборник документов «Меньшевики в эмиграции»³. Однако многие аспекты заключительного этапа истории эмигрантского меньшевизма все еще нуждаются в дополнительном изучении. К ним относится, в частности, вопрос об отношениях между старыми лидерами меньшевистской социал-демократии и представителями второй волны эмиграции из СССР. Как новая эмиграция, оказавшаяся за рубежом в результате событий Второй мировой войны, относилась к социалистической идее и ее носителям? Почему эмигрантскому меньшевизму так и не удалось выйти за

пределы узкой группы старых социал-демократов? Ответы на эти и некоторые другие вопросы содержатся в материалах американских и европейских архивов, а также в меньшевистской эмигрантской прессе тех лет.

Исторические источники свидетельствуют о том, что старые меньшевики во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. предпринимали попытки установить связи с представителями второй волны эмиграции из СССР. Как показывают документы коллекции известного меньшевистского историка и политика Б.И. Николаевского в архиве Гуверовского института войны, революции и мира, и он, и другой видный меньшевик, Д.Ю. Далин, в первые послевоенные годы приложили к этому серьезные усилия. Они предприняли специальные поездки в западные зоны оккупации Германии, знакомились с перемещенными лицами из СССР (ди-пи)⁴, среди которых было немало бывших власовцев, скрывавшихся от репатриации. О том, как это происходило, весьма ярко написал сам Б.И. Николаевский в письме А.М. Бургиной в августе 1947 г.: «У меня ощущение, что я с каждой новой поездкой все глубже и глубже поднимаю целину зарывшейся в подполье эмиграции. Видел десятка два новых людей — и знаю, что в следующий раз, если бы снова поехал, забрался бы еще глубже. До многих добраться можно с большим трудом. Кое-кто должен ко мне приехать сюда в ближайшие дни, кое-кого постараюсь увидеть совсем накануне отъезда — но всего подполья все же, знаю, прощупать не смогу. Ко мне все относятся с полным доверием, хотя я ни перед кем ни на минуту не скрываю, что ко всей политике того периода (имеется в виду деятельность генерала А.А. Власова в 1943–1945 гг. — А.А.) отношусь с полным отрицанием. Стал поверенным многих больших секретов»⁵. Б.И. Николаевский искренне хотел понять этих людей, те мотивы, которые толкнули их в ряды власовской армии, воевавшей на стороне нацистской Германии. Очень характерно в этом плане и его письмо Д.Ю. Далину, написанное тогда же, летом 1947 г. В нем известный меньшевистский историк подчеркивал: «Интересных и по-настоящему хороших людей среди новой эмиграции много, и есть люди с хорошими головами, со своими интересными и оригинальными мыслями»⁶. Необходимо отметить, что такая позиция Б.И. Николаевского принесла свои плоды: пожалуй, именно ему среди всех старых меньшевиков удалось установить наиболее тесные и прочные связи с власовцами, заслужить доверие этих людей. Они посылали Б.И. Николаевскому, «страстью» которого был «архивизм»⁷, русскоязычную прессу, издававшуюся в лагерях ди-пи, в результате чего старый меньшевик стал обладателем неплохой коллекции. Многие дипийские издания⁸ он буквально спас из небытия, поскольку сами перемещенные лица далеко не всегда с особой почтительностью к ним относились. Характерный случай приводил в письме Б.И. Николаевскому обитатель лагеря Фельдмохинг (Мюнхен) Н. Драголович, отмечавший в 1949 г.: «К сожалению, достал только “Лагерный вестник” с № 29, и то последний, а 28-го нет: говорят, что нечем было подтопить печь, ну, так они и подтопили ее 28 № “Лагерного вестника”»⁹.

Сотрудничество между Б.И. Николаевским и бывшими бойцами РОА из числа ди-пи ни в коем случае не должно создать впечатление того, что и он, и другие меньшевики идеологически были солидарны с власовцами, одобряли политическую деятельность вождей Комитета освобождения народов России (КОНР) в годы войны. Находившийся в период Второй мировой войны в Нью-Йорке меньшевистский эмигрантский центр последовательно выступал на стороне антигитлеровской коалиции, осуждая ту часть эмиграции, которая пошла на союз с нацистами. Показательна критическая характеристика, данная Д.Ю. Далиным одному из бывших власовцев, встреченных им в Германии: «Он был и остался власовцем, и всю авантюру считает правильной и сейчас»¹⁰. Власовское движение для старых социал-демократов было авантюрой, обреченной на провал.

Поэтому очевидна причина внимательного отношения некоторых старых меньшевиков к власовцам — понимание того, что без притока новых сил произойдет физическое вымирание эмигрантской социал-демократии как идейно-политического феномена. Как известно, краеугольным камнем, лежавшим в основе деятельности Заграничной делегации РСДРП, было правило, что ее членами могут быть только лица, вступившие в ряды партии еще в России. Это позволяло сохранять идейную целостность такого явления, как эмигрантский меньшевизм, но делало его исторически обреченным на постепенное исчезновение. Именно поэтому Б.И. Николаевский с такой надеждой смотрел на молодых людей, встреченных им и Д.Ю. Далиным в послевоенной Германии. Как показывает их переписка, интерес вызывала не столько принадлежность встреченного эмигранта ко второй волне (хотя и к ней тоже), сколько его молодость, активность, наличие высокого политического потенциала. Об этом свидетельствует, например, письмо Б.И. Николаевского Д.Ю. Далину в сентябре 1948 г., где известный архивист указывал: «Меня особо интересуют Ваши разговоры с молодыми власовцами. Как они прошли? Какое у Вас от них впечатление? Я больше всего хотел бы сговора с ними... Очень важно еще перетянуть солидаристскую молодежь. Идеалом было бы сближение власовцев с солидаристской молодежью»¹¹. Безусловно, последняя комбинация — «сближение власовцев с солидаристской молодежью»¹² — мыслилось Б.И. Николаевским при идейном и организационном руководстве старых меньшевиков.

Но вот этот вариант, как стало понятно уже в первые послевоенные годы, был нереалистичен. Вырвавшиеся из Советского Союза ди-пи первоначально крайне слабо ориентировались в эмигрантской политике. Очень многие из них — и это тоже необходимо учитывать — и не стремились к политической активности, занятые проблемой физического выживания, думавшие только о том, как избежать насильственной репатриации в СССР. Именно поэтому значительная часть политических проектов, возникавших в среде второй эмиграции, оказывались эфемерными или недолговечными. О судьбе одного из таких проектов рассказывал в письме В.Ф. Бутенко И.Ю. Будерацкий — видный деятель власовской эмиграции в Бельгии: «Создавая два года назад настоящую организацию ди-пи, я, прежде всего, ставил целью организации — ее

политическую антикоммунистическую деятельность, под знаменем борьбы, поднятым А.А. Власовым. Нам, всем организаторам, казалось тогда полезным легально зарегистрировать организацию под каким-нибудь безобидным названием, под прикрытием которого она могла бы проводить свою нелегальную деятельность, к которой и была призвана. Но это-то и оказалось той главной и роковой ошибкой, которая привела впоследствии к различным внутренним потрясениям и осложнениям, послужившим в свою очередь причиной к полному отходу организации от первоначально намеченного пути. Юридически принятое организацией название дезориентировало основную массу ди-пи, хлынувшую в организацию на это название, как на приманку». В связи с этим И.Ю. Будерацкий делал очень важный вывод: «К сожалению, безыдейной, аполитичной, жаждущей услышать и откликнуться только на слово “на”, но не на “дай” массы в среде российской эмиграции — абсолютное большинство»¹³.

Те же из советских перемещенных лиц, кто пытался разобраться в политической ситуации, с жадностью ловили любую русскоязычную антикоммунистическую прессу: там можно было открыто прочитать обо всех недостатках советского общества, преступлениях сталинского режима, что первоначально вызывало огромный интерес у бывших граждан СССР, не привыкших к такой свободе. Это обстоятельство подчеркивал один из таких ди-пи, Р.Н. Давиденков, в письме Б.И. Николаевскому в январе 1947 г.: «Попавши из тоталитарных стран — России и Германии — наконец в демократический мир, я с жадностью набросился на все, что можно читать... Мне ужасно хотелось бы хотя бы иногда прочитывать Ваш “Соц[иалистический] вестник”, о котором я слышу со всех сторон (один мой друг из Парижа написал мне, что это лучшая русская эмигрантская газета)»¹⁴.

Следует учитывать ту крайне тяжелую морально-психологическую атмосферу, которая существовала во многих лагерях ди-пи. Ее очень ярко характеризует письмо находившегося во французской зоне оккупации Германии К.Е. Аренсбургера Б.И. Николаевскому: «Общей, характерной чертой для всех нас, с тавром ди-пи, — усталость от прошлого, подавленность настоящим и страх перед будущим. Все это плюс полуголодное существование создает то депрессивное состояние, в котором пребывают эти лица». Чтобы вывести людей из этого состояния, подчеркивал К.Е. Аренсбургер, необходимо дать им «почувствовать, что они не одиноки, не покинуты и забыты всеми». Для этого он и просил присылать в лагерь «Социалистический вестник», отдельные номера которого он и его товарищи уже читали. К.Е. Аренсбургер откровенно признавал, что интерес перемещенных лиц к «Социалистическому вестнику» связан с тем, что «во французской зоне вообще не издают русских газет и журналов»¹⁵.

Действительно, интерес к социал-демократам и их журналу возникал у второй эмиграции во многом в условиях отсутствия альтернатив. Характерен пример профессора Б.А. Константиновского, который, по словам известного меньшевика Р.А. Абрамовича, в 1946 г. прочел один из номеров «Социалистического вестника» и «заявляет себя полностью солидарным»¹⁶. Позднее Б.А. Константиновский участвовал в изданиях Лиги борьбы за народную свободу

и Российского народного движения¹⁷, однако назвать его приверженцем меньшевистских идей было крайне трудно.

Весьма противоречивую картину, характеризующую влияние социалистических идей на вторую эмиграцию, рисовал сотрудник редакции «Социалистического вестника» Э.М. Дуне¹⁸ в письме Б.Л. Двинову, написанном в 1951 г. После посещения Западной Германии он отметил: «За неделю пребывания в Мюнхене встретился лишь с одним человеком, который называет себя социалистом (В.П. Марченко), но он работает не с РСДРП, а со сбонровцами¹⁹. Есть здесь небольшая группа молодежи, считающих себя членами социал-демократической партии Латвии. Есть социалисты-украинцы»²⁰. Иными словами, даже ориентация нового эмигранта на левые, социалистические взгляды далеко не всегда автоматически означала, что он был сторонником меньшевистского центра. Следует учитывать еще одно важное обстоятельство: влияние и роль «Социалистического вестника» значительно превосходили то скромное место, которое занимала в российской политической эмиграции Заграничная делегация РСДРП. Характерно, что Э.М. Дуне указывал: «Искал по всему Мюнхену и окрестным лагерям, где можно купить “СВ”, но такого киоска не нашел — распродается сразу по получении. Зато в библиотеке СБОНР нашел комплекты “СВ” начиная с 1939 г., полученные ими не от Аронсона, Двинова, Абрамовича, а от эсера Зензинова... Только по Мюнхену (без лагерей Баварии) подписка на “СВ” увеличена на 200 экз[емпляров]»²¹.

В итоге отношения старых меньшевиков с группами, созданными эмигрантами второй волны, складывались весьма сложно. Иногда первоначально удавалось установить контакты, и недавно прибывшие из Советского Союза люди, подобно Б.А. Константиновскому, заявляли о своей полной солидарности с линией «Социалистического вестника». Характерны письма одного из таких новых эмигрантов, М.М. Дутикова, Б.И. Николаевскому в 1947–1948 гг. В одном из них он подчеркивал, что полученный им экземпляр «Социалистического вестника» пользовался среди его товарищей-дипийцев большой популярностью, возникли даже «раздоры», кто из них будет следующим читать журнал²². В другом послании М.М. Дутиков заявлял: «С колоссальным удовольствием и моральным удовлетворением читал начало Ваших статей о “старых” и “новых”, помещенное в № 1 за этот год²³, а также и Вашу новую платформу. Относительно Ваших статей тут нет даже дискуссий, настолько объективно и справедливо Вы все описываете. Ваша же “платформа” выбила “платформу” из-под ног многих организаций здесь... Она, безусловно, не только “приемлема”, но, мне кажется (и моим единомышленникам), и обязательна к принятию всеми эмигрантами»²⁴.

Однако следует учесть одно обстоятельство, которое усиливало энтузиазм новых эмигрантов при получении ими посланий от Б.И. Николаевского. Последний, зная об их бедственном положении, не ограничивался литературой, а присылал также продовольственные посылки. В голодной послевоенной Германии это имело большое значение. Неудивительно, что тот же М.М. Дутиков указывал: «Полу-

чили долгожданный пакет. Радости нашей нет границ, не говоря уже о ребятах. Славик, тот просто при каждой вынуженной визжал от восторга»²⁵.

Благодарность, которую испытывали по отношению к Б.И. Николаевскому дипийцы, в данном случае вполне понятна. Для тех, кто находился в послевоенной Европе, такие заокеанские посылки действительно были чудесными подарками, нередко помогавшими выжить. Но вот что касается долговременного политического сотрудничества между старыми меньшевиками и власовцами, то оно развивалось крайне сложно. В первые послевоенные годы власовскую традицию наиболее четко пытался отстаивать Боевой союз молодежи народов России (БСМНР), идея о создании которого, если верить воспоминаниям офицера РОА Ф.М. Легостаева, была высказана еще в феврале 1945 г. на совещании у генерала А.А. Власова в Карлсбаде²⁶. Организацию возглавили Ф.М. Легостаев, адъютант генерала В.Ф. Малышкина Ю.В. Диков и инструктор Пропагандного управления РОА К.А. Крылов. В феврале 1948 г. Ю.В. Диков, находившийся в тот момент в германском Фюссене, обратился к Б.И. Николаевскому с предложением сотрудничества²⁷. Б.И. Николаевский выслал ему пропагандистскую литературу (в том числе «Социалистический вестник»), за что Ю.В. Диков поблагодарил его уже в марте 1948 г.²⁸ Казалось, сотрудничество меньшевика и власовской организации развивалось вполне успешно: Ю.В. Диков просил у своего старшего товарища прислать специальные издания для переправки «на ту сторону», советовался с ним, как БСМНР может самостоятельно наладить изготовление такой литературы²⁹. В свою очередь Б.И. Николаевский пытался выяснить у нового эмигранта, каковы настроения «в России» и в советской зоне оккупации Германии³⁰.

Однако уже через несколько месяцев тесному сотрудничеству БСМНР и меньшевистского эмигрантского центра фактически пришел конец. Как известно, вопрос об отношении к бывшим власовцам вызывал ожесточенные дискуссии в Заграничной делегации РСДРП³¹. Если Б.И. Николаевский был за активное взаимодействие с ними, то противоположную позицию занимал, например, Г.Я. Аронсон. Выступление последнего в «Социалистическом вестнике» с резкой критикой власовского наследия³², естественно, вызвало негативную реакцию лидеров БСМНР. В мае 1948 г. Ю.В. Диков направил Б.И. Николаевскому письмо, тональность которого резко отличалась от их недавней переписки. Правда, поручик РОА заявлял, что мнение его группы о «Социалистическом вестнике» не изменила даже статья Г.Я. Аронсона: «Считаем «СВ» самым полезным и культурным политическим журналом из всей массы издаваемой русской эмигрантской периодической литературы». Однако далее власовец не мог скрыть своего разочарования: «Поймите наши чувства... Мы пытаемся вести большое дело. Мы имеем мало опыта. Мы обращаемся за помощью к тем, кто, по нашему мнению, должен быть носителем этого опыта. Что же получаем мы в ответ? Или ничего, или статьи вроде написанной г-ном Аронсоном»³³.

В конечном итоге отношения старых русских социалистов с политически активной частью новой эмиграции складывались крайне сложно. Характер-

но, что даже у тех меньшевиков, которые изначально были ориентированы на активное взаимодействие со второй эмиграцией, в личной переписке иногда проскальзывало разочарование от контактов с ними. Того уважения к ним, на которое, очевидно, рассчитывали ветераны старой эмиграции, у недавно прибывших из Советского Союза зачастую не было. Много ездившая по дипийским лагерям вместе со своим мужем Л.Я. Далин в 1951 г. в сердцах написала Б.И. Николаевскому: «Ведь ты посмотри, что делается: всякий раз, когда они грубят и хамят, либо им спускают, либо им говорят вежливо “проше пан” (как из одного анекдота). Я не хочу, чтобы вы с ними портили отношения, отнюдь нет, не хочу также, чтобы вы их воспитывали в духе “цирлих-манирлих” — это неприятно людям, но я только хочу одного — не давайте им лезть к себе на голову, это кончится катастрофой. Они советские люди, воспитанные в сталинских традициях, они политически еще недостаточно образованны и сильны, но зато “технические” приемы знают хорошо»³⁴.

Это — взгляд на ситуацию глазами условно «старой эмигрантки»³⁵. Однако в Гуверовском архиве сохранилось и пронзительное письмо новой эмигрантки И. Ефремовой, написанное в 1949 г. Б.И. Николаевскому. Оно очень ярко характеризует то, как воспринимали старых вождей социалистов встречавшиеся с ними бывшие советские люди, чем в итоге заканчивались такие контакты. Эти строки заслуживают того, чтобы привести их почти целиком: «Не имею чести быть с Вами знакомой и знаю, что, если я явлюсь к Вам просто так... Вы обойдетесь со мной, как уже обходились со мной некоторые из Ваших товарищей, социал-демократов, они спрашивали меня: “А собственно говоря, отчего Вы ко мне пришли, ведь мы с Вами незнакомы?” Я до сих пор не могу забыть злобных глаз и выпяченного из-под халата живота г-на Зензинова, после разговора с которым я пришла домой и ревела так, что на следующий день слегла... Я сделала величайшую глупость, приехав в Америку, надеясь найти там русских людей, которые смогут помочь мне (не материально, я работаю на фабрике), а посоветовать, ободрить... Я приехала для того, чтобы связаться со своими людьми и осуществить то, что было мечтой всей моей жизни, печататься, потому что я хорошо пишу... Я даже в Москве была одной из лучших стенографисток-машинисток с молниеносной скоростью...

Приехала я сюда не к родственникам, а благодаря ходатайству критика “Нового русского слова” В. Александровой-Шварц³⁶. Она меня совершенно не знала, а только прочтя кое-какие мои стихи (“Королеву и Смерть”, которая ей очень понравилась), начала мне писать, ободрять, проталкивать стихи в печать... Но когда я приехала, я ей не понравилась, она сказала мне фразу, которую я никогда не забуду: “Если Вы не перестанете ругать Сталина, то он [от] этого не умрет, а Вы получите большие неприятности”. Она порвала со мной сразу, как увидела, что я действительно ненавижу Сталина до боли... В 1934 г. накануне свадьбы арестовали моего жениха Сережу Савицкого, талантливого молодого художника, он так и погиб в Кемпи... В 1937 г. арестовали и расстре-

ляли моего отца... Старые эмигранты-генералы находят, что я — «советский продукт». С-д круги не любят меня за то, что я идейно на стороне Власова, а они его считают фашистом... Меня тянет всякий раз, как я прихожу на станцию сабвея, броситься вниз потому, что я не слышу русской речи и никому не нужна ни моя стенография, ни моя машинка, ни я вообще, ни мой талантишко, который у меня все-таки есть»³⁷. И. Ефремова просила Б.И. Николаевского посмотреть ее рассказы, посвященные жизни в СССР в 1930-х гг. и в условиях нацистской оккупации.

Мы не знаем, насколько талантлива в литературном плане была эта женщина. Однако ее история очень точно передает ту трагедию непонимания, с которой столкнулись на Западе многие советские ди-пи. Тем, кто не скрывал своей ненависти к И.В. Сталину и при этом выражал симпатии к генералу А.А. Власову, приходилось очень тяжело в послевоенном западном мире. Ведь и интеллектуалы Запада, и многие представители старой эмигрантской интеллигенции относились к таким людям с недоверием и крайней осторожностью. Тем, кто провел предвоенное десятилетие за границами СССР, трудно было понять чувства вырвавшихся оттуда людей, у которых сталинские репрессии забрали самых близких.

Это обстоятельство также следует учитывать, когда мы пытаемся понять, почему не удался «союз» между старыми меньшевиками и новой эмиграцией. Советские ди-пи прожили 1930-е гг. совсем в иных условиях, чем лидеры меньшевистского эмигрантского центра. Последние начиная с середины 1930-х гг. были полностью отрезаны от всех контактов с оставшимися в СССР друзьями и родственниками (даже теми немногими, кто выжил после Большого террора). В результате старым социал-демократам было трудно почувствовать советскую реальность, понять советских людей. Безусловно, члены редакции «Социалистического вестника» внимательно изучали советскую прессу, следили за сообщениями аккредитованных в Советском Союзе западных журналистов, однако все-таки то неуловимое, что составляло атмосферу, дух советской эпохи, ускользало от них, не имевших возможности побывать на родине. В свою очередь, у многих ди-пи, узнавших на своем опыте, что такое советская модель социализма, вызывали отторжение любые варианты социалистической доктрины. Характерно, что даже те из них, кто придерживался левых политических взглядов, стремились избегать термина «социализм», предпочитая называть СБОНР «народнической» организацией³⁸. Надежды старых меньшевиков на то, что молодежь, оказавшаяся в результате Второй мировой войны за пределами СССР, придет им на смену, оказались беспочвенными.

---

¹ См.: The Mensheviks from the Revolution of 1917 to the Second World War / ed. by L. Haimson. Chicago; Lnd., 1974; Подболотов П.А., Спиринов Л.М. Крах меньшевизма в Советской России. Л., 1988; Меньшевики после Октябрьской революции: сб. ст. и воспоминаний Б. Николаевского, С. Волина, Г. Аронсона / под ред. Ю.Г. Фельштинского. Benson,

Vermont, 1990; Елфимов Е.А. Меншевицкий журнал «Социалистический вестник» в первые годы эмигрантского существования // Культура Российского Зарубежья / отв. ред. А.В. Квакин, Э.А. Шулепова. М., 1995. С. 189–196; Урилов И.Х. Мартов: политик и историк. М., 1997; Гетцлер И. Мартов: политическая биография российского социал-демократа. СПб., 1998; Ненароков А.П. Последняя эмиграция Павла Аксельрода. М., 2001; Тютюкин С.В. Меншевиизм: страницы истории. М., 2002; Ненароков А.П. Правый меншевиизм: прозрения российской социал-демократии. М., 2011 и др.

² См., например: Liebig A. Mensheviks Wage the Cold War // Journal of Contemporary History. 1995. Vol. 30, № 2. P. 247–264; Idem. From the Other Shore: Russian Social-Democracy after 1921. Cambridge; Lnd., 1997.

³ Меншевики в эмиграции: протоколы Заграничной делегации РСДРП, 1922–1951 гг. / отв. ред. А. Либих и А. Ненароков. М., 2010. Т. 1–2.

⁴ О феномене ди-пи и политике стран Запада по отношению к ним см.: Dinnerstein L. America and the Survivors of the Holocaust: The Evolution of a United States Displaced Persons Policy, 1945–1950. N.Y., 1982; Burianek O. From Liberator to Guardian: The U.S. Army and Displaced Persons in Munich, 1945 / PhD Thesis. Emory University, 1992; Genizi H. America's Fair Share: The Admission and Resettlement of Displaced Persons, 1945–1952. Detroit, MI, 1993; Daniels R. Guarding the Golden Door: American Immigration Policy and Immigrants since 1882. N.Y., 2004. P. 98–112, и др.

⁵ Б.И. Николаевский — А.М. Бургиной, 14 августа 1947 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Box 475, folder 1.

⁶ Б.И. Николаевский — Д.Ю. Далину, 27 июня 1947 г. // Ibid. Box 477, folder 3.

⁷ См.: Крылов В.В. Его страстью был архивизм // ОА. 1995. № 3. С. 25–36.

⁸ О феномене дипийских изданий см.: Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). СПб., 2008 и др.

⁹ Н. Драголович — Б.И. Николаевскому, 1949 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Box 478, folder 1.

¹⁰ Д.Ю. Далин — Б.И. Николаевскому, 16 июня 1947 г. // Ibid. Box 477, folder 3.

¹¹ Б.И. Николаевский — Д.Ю. Далину, 19 сентября 1948 г. // Ibid.

¹² Имелись в виду деятели Народно-трудового союза (НТС). Из последних работ, посвященных истории НТС, следует выделить труды американского исследователя Б. Тромли (см., например: Tromley B. The Making of a Myth: The National Labor Alliance, Russian Emigres, and Cold War Intelligence Activities // Journal of Cold War Studies. 2016. Vol. 18, № 1. P. 80–111).

¹³ И.Ю. Бударакский — В.Ф. Бутенко, 7 марта 1950 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Box 474, folder 5.

¹⁴ Р.Н. Давиденков — Б.И. Николаевскому, 8 января 1947 г. // Ibid. Box 477, folder 12.

¹⁵ К.Е. Аренсбургер — Б.И. Николаевскому, 9 марта 1947 г. // Ibid. Box 471, folder 36.

¹⁶ Р. Абрамович — Б.И. Николаевскому, 20 июля 1946 г. // Ibid. Box 471, folder 2.

¹⁷ См.: Базанов П.Н. Указ. соч. С. 287, 299 и др.

¹⁸ Э.М. Дуне (И. Иванов) — старый большевик, в 1917 г. сражавшийся в отрядах Красной гвардии. Являясь членом оппозиционной группы демократического централизма (децистов), он, как и многие его товарищи, стал жертвой сталинских репрессий, прошел через лагеря Воркуты. После Второй мировой войны сотрудничал с «Социалистическим вестником».

¹⁹ Сбонровцы — члены власовского Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР), созданного на основе Боевого союза молодежи народов России (БСМНР, см. о нем ниже).

²⁰ Э.М. Дуне — Б.И. Николаевскому, 17 марта 1951 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Box 478, folder 10.

²¹ Ibid.

²² См.: М.М. Дутиков — Б.И. Николаевскому, 16 октября 1947 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Box 477, folder 12.

²³ Имеется в виду статья: Николаевский Б.И. О «старой» и «новой» эмиграции // СВ. 1948. № 1. С. 10–13.

²⁴ См.: М.М. Дутиков — Б.И. Николаевскому, 19 марта 1948 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Box 477, folder 12.

²⁵ Ibid.

²⁶ См.: Легостаев Ф.М. Как это было: у истоков СБОНРа // В поисках истины: Пути и судьбы второй эмиграции / под общ. ред. А.В. Попова. М., 1997. С. 88.

²⁷ См.: Ю.В. Диков — Б.И. Николаевскому, 19 февраля 1948 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Box 477, folder 30.

²⁸ Ю.В. Диков — Б.И. Николаевскому, 10 марта 1948 г. // Ibid.

²⁹ См.: Ibid.

³⁰ См.: Б.И. Николаевский — Ю.В. Дикову, 21 марта 1948 г. // Ibid.

³¹ См.: Антошин А.В. Меншевики в эмиграции после Второй мировой войны // ОИ. 2007. № 1. С. 102–115.

³² Аронсон Г.Я. Что надо знать о власовском движении // СВ. 1948. № 3. С. 61–63.

³³ Ю.В. Диков — Б.И. Николаевскому, 17 мая 1948 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Box 477, folder 30.

³⁴ Л.Я. Далин — Б.И. Николаевскому, 27 мая 1951 г. // Ibid. Box 477, folder 3.

³⁵ Лилия (Лола) Яковлевна Далин (урожд. Гинцберг; 1896–1981) — активистка РСДРП с 1917 г., эмигрировала из советской России в 1923 г. В 1930-х гг. сотрудничала в Париже в троцкистском «Бюллетене оппозиции», была близкой подругой жены Л.Д. Троцкого Н.И. Седовой.

³⁶ Вера Александровна Александрова (урожд. Мордвинова, по мужу Шварц; 1895–1966) — литературовед, жена известного меньшевика С.М. Шварца. Член РСДРП с 1921 г. Главный редактор «Издательства имени Чехова» (1951–1956).

³⁷ И. Ефремова — Б.И. Николаевскому, 1949 // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Box 478, folder 23.

³⁸ См.: Резолюция первой конференции Германского отдела Союза борьбы за освобождение народов России // Голос народа (Мюнхен). 1950. 26 ноября. № 2. С. 4.

Л.Ф. ЗУРОВ И ЖУРНАЛ «ГРАНИ»
(ПЕРЕПИСКА С Н.Б. ТАРАСОВОЙ)*

Аннотация: В статье дается обзор переписки писателя первой эмиграции Л.Ф. Зурова и редактора журнала «Грани» Н.Б. Тарасовой. Переписка относится к 1958–1964 гг. и затрагивает вопросы, относящиеся к истории журнала «Грани» и издательства «Посев».

Annotation: The article provides an overview of the correspondence of the writer of the first emigration L.F. Zurov and the editor of the magazine «Grani» N.B. Tarasova. Correspondence refers to 1958–1964 and addresses issues related to the history of the magazine «Grani» and «Posev Publishing House».

Ключевые слова: культура русского зарубежья, ди-пи, «Грани», журналистика эмиграции.

Key words: culture of Russia abroad, D.P., «Grani», emigrant journalistic.

Леонид Федорович Зуров (1902–1971) — писатель младемиграции, известный главным образом тем, что долгое время проживал в доме И.А. Бунина и, унаследовав после смерти писателя его архив, не пожелал передать его в Советский Союз. Данный факт предопределил неоправданно негативное отношение к Зурову и многолетнюю задержку в изучении его наследия. Лишь в последние годы появились серьезные научные работы, в которых Зуров предстает не только как самобытный писатель, но и археолог, этнограф, общественный деятель русского зарубежья¹. Объективное исследование биографии и творчества Зурова стало возможным благодаря сохранившимся архивам, в которых представлены в том числе его обширные эпистолярные материалы.

После Второй мировой войны Зуров активно общался с представителями второй волны эмиграции, в частности, по издательским делам. В числе его корреспондентов была и Наталья Борисовна Тарасова — редактор журнала «Грани». В настоящей статье дается обзор переписки Зурова с Тарасовой — на основе материалов из двух архивохранилищ: Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва) и Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете (Германия).

«Грани» — журнал литературы, искусства и общественной мысли — выходит с 1946 г. с периодичностью до четырех книжек в год². Начал издаваться в Германии, в лагере Менхегоф, под редакцией одного из руководителей

---

* Автор статьи благодарит за предоставленные материалы Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына и лично П.А. Трибунского.

НТС Е.Р. Романова (Островского). С 1947 г. издавался в Лимбурге, с 1951 г. — во Франкфурте-на-Майне. «Грани» выходили в издательстве «Посев», хотя журнал официально не был органом НТС. В 1952–1955 гг. редактором был Л.Д. Ржевский, в 1955–1961 гг. — Романов, с 1962 г. — Н.Б. Тарасова.

Наталья Борисовна Тарасова (урожденная Жук, во втором браке Парфенова; 1921–2006) родилась в Киеве. Ее отец профессор Б.К. Жук был археологом и искусствоведом, читал курс по прикладному искусству в киевских вузах, работал в ряде музеев Украины, собирал для передачи в музейные хранилища иконы, церковную утварь и богослужебные книги, в середине 1930-х гг. выступал в защиту старинных памятников и святынь, предотвратив таким образом гибель ряда церквей и уничтожение сотен старинных икон Киево-Печерской лавры³.

Наталья Борисовна училась на биологическом факультете Киевского университета. Покинув с родителями оккупированный Киев в 1943 г., она продолжила обучение в университетах Вены и Иннсбрука. В 1946 г. вышла замуж за члена НТС С.А. Тарасова, переехала с ним в Мюнхен и также вступила в НТС. В Германии они жили во временных лагерях ди-пи под постоянной угрозой репатриации.

С 1951 г. Тарасова начала сотрудничество с «Гранями» (тогда появилась ее первая публикация в журнале). В 1956 г. она официально вошла в состав редакции, вскоре став заместителем главного редактора, а с 1962 по 1982 г. возглавляла редакционную коллегию. Этот период, пришедшийся на непростые годы холодной войны, считается временем расцвета издания.

Основанный представителями второй эмиграции, журнал первоначально объединял литературные силы из среды перемещенных лиц на территории Германии и Франции, но вскоре установил отношения с эмиграцией первой волны. Л.Д. Ржевский, а затем и Н.Б. Тарасова специально ездили в Париж для знакомства с представителями старой эмиграции, таким образом объединяя два поколения изгнанников и привлекая к сотрудничеству лучшие литературные силы зарубежья. На страницах «Граней» печатались произведения И. Бунина, Б. Зайцева, А. Ремизова, И. Сургучева, Тэффи. С середины 1950-х гг. журнал начал публиковать неподцензурных авторов, живших в Советском Союзе (И. Бродского, Г. Владимова, В. Войновича, А. Галича, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, В. Максимова, В. Некрасова, Б. Окуджаву, Б. Пастернака, А. Солженицына и др.), а также произведения «возвращенной» литературы (О. Мандельштама, Д. Хармса, М. Булгакова, А. Платонова и др.). Правда, приоритет нередко отдавался общественно-политическому значению произведений, а не художественным достоинствам⁴. В этот период Тарасова не только добывала из-за железного занавеса рукописи для публикации в журнале, но и занималась расширением читательской аудитории (две трети издания — около 2000 экземпляров — отправлялись в Советский Союз), сделав журнал одним из самых значительных органов тамиздата⁵. «Именно при Наталье Борисовне «Грани» обрели свое окончательное и неповторимое лицо как журнал первой и

второй эмиграции и ее связи с оппозиционными кругами живой России»⁶, — считал основатель издания Е. Романов.

Тарасова сотрудничала также в журнале «Посев», где была редактором отдела литературы, искусства, науки. «Посев» и «Грани» были первыми после Второй мировой войны русскоязычными журналами, которые издавали бывшие советские граждане.

В 1983 г. Тарасова ушла в Леснинский монастырь во Франции, постриглась под именем Александра и занималась библиотекой обители. В монастыре она и закончила свои дни⁷.

Политика журнала «Грани» второй половины 1950-х гг., направленная на установление контактов с представителями «старой» эмиграции, побудила Тарасову обратиться с письмом к Зурову, который был интересен редактору и как самобытный писатель, и как канал связи с вдовой И.А. Бунина Верой Николаевной Буниной-Муромцевой, к которой Тарасова не решалась обратиться напрямую. Переписка завязалась в 1958 г. и продолжалась до 1964 г. В бременском архиве хранится 26 писем, открыток и записок Зурова к Тарасовой (автографы и авторизованная машинопись), в архиве ДРЗ — 17 писем Тарасовой к нему (автографы и авторизованная машинопись на бланках журнала «Грани» и издательства «Посев»), а также 3 машинописных копии ответных писем Зурова.

Летом 1958 г. Зуров прислал только что вышедший в Париже сборник своих рассказов «Марьянка» в редакцию «Граней». Тарасова (в то время литературный редактор журнала) восторженно отозвалась о книге в письме к одному из сотрудников издания, профессору Кембриджа Н.Е. Андрееву, хорошо знавшему Зурова с довоенных времен: «Настоящий художник, читала, не отрываясь, и радовалась»⁸. Андрееву было предложено опубликовать в «Гранях» рецензию на эту книгу, но он еще ранее планировал написать большую статью о прозе писателя и предложил разместить в журнале отзыв на «Марьянку» другого автора — А.А. Шика.

Тарасова написала и непосредственно Зурову. Ее первое письмо не сохранилось, а во втором письме, от 12 августа 1958 г., она дала высокую, взволнованную по тону оценку его рассказам: «Знаете, я когда читала “Марьянку”, то ощущала *каждое* слово. Каждое слово — образ. Вижу, ощущаю, обоняю — и так странно — прекрасно, сказочно это звучит. Не могу выразить Вам, как я устала от бездарности, от “бесслухости” (можно так сказать?) наших авторов. Музыка ушла из прозы. <...> И вот у Вас музыка, музыка, музыка... Музыка Слова. И сразу вспоминается Евангелие от Иоанна»⁹.

Зуров ответил обещанием прислать Тарасовой «Марьянку» с дарственной надписью. Он писал с благодарностью: «Ваше сердечное и доброе письмо меня тронуло своей искренностью, внутренним чувством, любовью к России и русскому слову. Я прекрасно все это почувствовал, получив Ваше первое письмо, поразившее меня редкой в наши жестокие дни подлинной доброжелательностью»¹⁰.

Отзыв о сборнике для Зурова был чрезвычайно ценен. Эта книга, разосланная по подписке вместо обещанного за пять лет до этого романа «Зимний дворец», знаменовала возвращение писателя в литературу после перерыва, вместившего послевоенные испытания, смерть Бунина (за которым он ухаживал во время болезни) и тяжелое заболевание самого Зурова, оказавшегося в конце 1953 г. в клинике (деньги, полученные за подписку на «Зимний дворец», ушли на лечение)¹¹. В 1958 г., рассылая подписчикам другую книгу вместо обещанной, Зуров ревниво собирал все читательские отклики¹².

Тарасова открывает для себя неизвестного ранее самобытного писателя, просит Зурова прислать новые рассказы для «Граней», а также его романы — для ознакомления: «Мне очень любопытно взглянуть на Вас, на романиста. До сих пор мне кажется, что Ваша судьба — рассказ»¹³. Так намечается одна из тем переписки — творчество Зурова и его возможное сотрудничество с журналом «Грани» и издательством «Посев».

Зуров охотно делится информацией о своем творчестве. В августе 1958 г. Зуров пишет из Шотландии (где он находился в гостях у друзей) о работе над новым произведением: «Сейчас я отдыхаю и работаю над повестью, которую я в свое время обещал послать в “Новый журнал”. Я думал написать небольшую вещь, но “Иван-да-Марья” разрослась и требует внимательной и напряженной работы. Зимой, готовя к печати “Марьянку”, я переутомился. Доктора приказали мне серьезно отдохнуть. Все же стараюсь соединить отдых с работой. Окончив повесть, обязательно пришлю Вам несколько набросанных мною небольших рассказов, которые еще нужно отделать»¹⁴. В декабре того же года Зуров пишет: «Работа над повестью требует напряженного внимания. В древности кто-то сказал: “чем быстрее идет жизнь, тем медленнее должен работать художник”. И это правда. Я считаю, что большая часть сил у современного художника (конечно, не у тех, кто плывет по течению) уходит на борьбу с элементами, разрушающими творчество»¹⁵.

Эпистолярное общение Тарасовой с Зуровым показывает, насколько простым, длительным и не всегда результативным мог быть процесс взаимодействия между журналом и авторами. На протяжении нескольких лет лейтмотивом переписки становятся тщетные ожидания редактора: «Я уже мечтаю о Ваших рассказах на страницах “Граней” <...> Я уже написала Андрееву и попросила Ваши романы. А как повесть? Очень мне хочется ее прочесть! Ну, подождем»¹⁶; «Получила наконец письмо от Н. Андреева. Он еще раз подтвердил свое согласие написать о Вас большую статью, а Ваши книги, — Вы у него обретаетесь в “полном собрании сочинений” — обещает прислать после написания статьи. Хм! Все это весьма смахивает на “розовые мечты” (мои, конечно). <...> Как поживает Ваша повесть? Окончили?»¹⁷; «Вы как-то упоминали о том, что сможете дать мне для Граней свои рассказы. Не могли бы Вы прислать мне их — уже конкретно — в № 41? Это означает через 1½ — 2 месяца. Надеюсь, что статья Андреева поспеет к этому времени тоже. Это было бы хорошо — таким образом представить Вас в “Гранях”. Так мы сделали и с Борисом

Константиновичем Зайцевым»¹⁸; «Если бы Вы могли прислать 1–2 рассказа, я бы их поместила в № 41, который сейчас находится в работе. Остальные бы подождали статьи Н. Андреева, а читатель Граней бы с Вами уже ознакомился»¹⁹; «Не получила от Вас ответа на последнее свое письмо и немного волнуясь, как у Вас дела: не больны ли, может быть, уехали? А, может быть, просто нечего было ответить... Н. Андреев недавно опять подтвердил, что пишет статью о Вашей прозе. Но когда это будет? Тоска...»²⁰; «Как Вы живете, как поживают мои дорогие рассказы для Граней? Позавчера получила открытку от Андреева: пишет, что вскоре чем-то меня собирается порадовать, уж не статьей ли о Вас?»²¹.

В итоге ни рассказы, ни другие произведения Зурова так и не появились в «Гранях». Вообще же, за десять лет (с 1951 по 1961 г.) у писателя вышла только одна подборка рассказов в «Новом журнале», в котором он помещал публикации и в 1960-х гг. Что касается повести «Иван-да-Марья», она и вовсе осталась незавершенной, была восстановлена по рукописям и опубликована И. Белобровцевой лишь в 2005 г. Не была написана и статья Андреева о прозе Зурова, обещанная автором сразу в два издания — в «Грани» и «Новый журнал». Андреев долго откладывал реализацию замысла, ссылаясь на академическую занятость; в итоге статья «“Отчина” и ее автор» была опубликована в «Новом журнале» уже после смерти Зурова вместе с некрологом (1971. № 105). В «Гранях» увидела свет только рецензия А.А. Шика на сборник «Марьянка» (1958. № 38) — благожелательная, хотя и не лишенная досадных ошибок.

Тарасова интересовалась и книгами Зурова, вышедшими до войны небольшими тиражами и практически неизвестными второй волне. В ходе переписки выяснилось, что у автора не было экземпляров собственных книг: он то адресует Тарасову к Андрееву, то берет свои книги из библиотеки В.Н. Буниной, то вынужден просить их у других: «На днях я получил от Б.К. Зайцева “Отчину” (чтобы послать ее для ознакомления Вам). <...> Книжка маленькая. Заставки срисованы мною с древних переплетов, а буквы взяты из служебника вечевых времен (Книга Мисюрева) и монастырских переписных книг. Когда прочитаете “Отчину”, то, пожалуйста, верните ее»²². И в следующем письме: «Достать эту книгу почти невозможно. Она давно стала библиографической редкостью, переиздать ее было нельзя. Такая судьба! “Отчина” была написана в Риге, издана в количестве 2500 экземпляров и быстро разошлась (Латвия, Эстония, Литва, Польша, Болгария, Сербия). В 1938 году, когда я вел археологическую работу (для Музея человека в Париже) в Эстонии, священник Леонид Жемчужин (погост Малы, что под Изборском) мне сказал: “А вашу ‘Отчину’ в деревнях читают. Переходит из избы в избы”. Очень меня его слова обрадовали. Теперь меня радует, что эту книгу читаете Вы и Ваши друзья.

В эмиграции об этой книге мало кто знает. Глеб Струве, судя по всему, ее даже и не читал. В. Варшавский в своем отзыве, напечатанном в последнем номере Н[ового] ж[урнала], говорит о “Отчине” (думаю, что он прочел в “Гранях” то, что о “Отчине” написал Н.Е. Андреев). Как видите, Варшавскому при-

ходится и рассказы, напечатанные в “Марьянке”, от кого-то защищать. В свое время И.А. Бунин защищал “Отчину”»²³.

Тарасова возвращает книгу, сопровождая письмо своими впечатлениями: «Прочла еще раз. Книга великолепная! Немного, по-моему, разжижает впечатление послесловие (эпilog). Вашу мысль я понимаю — перекинуть мостик через века в современность. Но мне показался он немножко растянутым. Слишком резок переход. А ведь наша жизнь так же напряженно течет, как и в те века»²⁴.

Зуров также пишет про свой роман «Поле», отвечая на вопрос Тарасовой о его тираже: «“Поле” было напечатано в количестве 1000 экземпляров. И эта книга разошлась без остатка. У меня на руках имеется единственный экземпляр.

Набирали ее спешно (я тогда каждое лето до поздней осени работал в Прибалтике), мне не прислали ни одной корректуры, я не знал, кто был корректором — опечаток много, а пунктуация местами ужасна.

Эту книгу я должен по-настоящему просмотреть, но времени нет»²⁵.

Вопрос о тиражах возник не случайно: в ответном письме Тарасова поясняет: «Мне пришло в голову, если Ваши книги были изданы так давно (исключая “Марьянку”) и, по всей вероятности, небольшим тиражом, если они в настоящее время являются библиографической редкостью, может быть, можно было бы их (скажем, “Отчину” и “Поле”) переиздать у нас. Как Вы на это смотрите. И для эмиграции, и для России это было бы весьма полезно. Но все это пока сплошные “если”»²⁶.

Зуров был тронут «добрым вниманием» редактора «Граней», но неправильно понял ее намерение как предложение издать две разнородные по тематике и оформлению книги под одной обложкой, что вызвало его ответную реакцию: «Конечно, я был бы рад, если бы мог переиздать свои книги в окончательно проредактированном виде. Они стали давно библиографической редкостью. Но издать “Отчину” и “Поле” одной книгой нельзя. “Отчину” можно переиздать только одной книгой со всеми концовками, заставками (перерисованными мною с древних рукописных, ныне погибших книг) и с редчайшими буквами (каких нет в специальных монографиях) служебника вечевых времен, принадлежавшего Мисюрю Мунехину (*приписка на полях*: служебник этот погиб). Владимир Иванович Малышев (Академия наук. Институт русской литературы. Пушкинский Дом) долго искал “Отчину”. Он просил Ремизова ее разыскать. Теперь экземпляр находится в Пушкинском Доме. Недавно я получил запрос от московского археолога Г.И. Рабиновича, который просит меня указать, где он может найти “Отчину”? дело в том, что в “Отчине” помещены архитектурные рисунки, переснятые мною с древней, ныне погибшей иконы. Печерский краеведческий музей просит меня прислать им “Отчину”. Но этой книги найти нигде нельзя. Да и стоит она очень дорого»²⁷.

В том же письме Зуров пишет о своих романах: «“Поле” является как бы продолжением “Древнего пути”. Посылаю Вам заказным пакетом не “Поле”, а

“Древний путь”. “Поле” я вышлю Вам впоследствии. “Д. п.” был издан в количестве пятисот экземпляров. Задолго до войны стал библиографической редкостью. Посылаю Вам окончательно проредактированный текст. Роман я не только основательно сократил, но и вставил в него новые главы.

Основная тема: революция, гибель последних усадеб, крестьянство, немецкая оккупация, 1918 год. Первая глава (как и первая глава “Доктора Живаго”) начинается с погребения. Роман недавно перевел на английский язык директор русского департамента Эдинбургского у[ниверсите]та Денис Вард (переводчик “Слова о полку Игореве”) (*приписка*: славист).

С большим трудом в свое время я получил эту книжку в подарок от профессора Э.Э. Малер (славистка). Как видите, в роман вошел целиком “Дозор”.

Эта книга в свое время имела хорошую прессу. <...> Новая эмиграция об этой книге и понятия не имеет, как и о “Поле”»²⁸.

Идея переиздать книги Зурова, по-видимому, всерьез завладела мыслями Тарасовой, т.к. по прошествии трех недель она вновь обращается к нему: «Да, “Отчину” так, как она издана, нам, к сожалению, не поднять. Клише очень удорожили бы издание книги. А без этого “Отчина” потеряет свой аромат. Это я очень хорошо понимаю и чувствую»²⁹. Через несколько дней Зуров откликается: «Посылаю Вам — с большим запозданием — “Поле”, а не “Древний путь”, так как “Д. п.” — окончательная проредактированная книжка вся испещрена правкой (*приписка*: это мой единственный экземпляр). “Поле” я получил от друзей. Просматривая бегло роман, я не удержался и начал было его тоже чистить... (*сноска*: А потом подумал: это перебивает работу.)

“Отчину”, конечно, трудно издать. А оголять ее (заставки и буквы перерисованы автором) (*сноска*: а рисунок ризницы — мой рисунок) нельзя. Это вещь изуродует и лишит ее органической целостности»³⁰.

В конце января 1959 г. Тарасова отвечает: «Относительно “Поля”, прочла его в тот же день, как получила. Читала запоем. Да, это уже нечто иное, чем “Отчина”. Но так же хорошо. Видела Ваши исправления. Если всерьез возьмется, думаю, большая работа Вам предстоит. Уж очень Вы строги к себе. Хотела дать “Поле” почитать нашему издателю. Но не знаю, смею ли еще задержать. Напишите, пожалуйста, можно ли? (Это ввиду переиздания)»³¹.

Спустя полгода Тарасова возвращается к этому вопросу: «Недавно зашел у меня разговор опять об “Отчине”. Переиздать ее, добиться этого, но переиздать со всеми рисунками, как она есть, — моя мечта. Даст Господь, еще, может быть, и удастся»³².

А в ноябре 1959 г. Тарасова просит Зурова выслать книгу повторно: «Опять вспыхнул разговор об “Отчине”. И в связи с этим просьба у меня следующая: вышлите мне опять ее (стыдно просить второй раз, но жизнь движется, и некоторые возможности наши изменились), мы с издателем подсчитаем точно, во сколько обойдутся все клише, и прикинем наши возможности. Уж как хотелось бы издать эту прелесть! <...> Вопрос об ее издании стоит только так: если издавать, то целиком, так, как она уже издана»³³.

«Посеву» так и не удалось воплотить идею переиздания «Отчины» с сохранением авторского оформления, этот замысел был реализован в 1970 г. парижским издательством «УМСА-Press». А вот «Поле» и «Древний путь» (причем второй — с учетом авторской правки) были переизданы «Посевом», но уже после смерти писателя — в 1983 и 1985 гг. соответственно. Переиздание «Поля» открывала статья Н.Е. Андреева о прозе Зурова...

Из переписки вырисовывается и некоторая роль Зурова в формировании содержания журнала и в контактах Тарасовой с другими сотрудниками «Граней». Так, он предложил опубликовать отзыв на книгу филолога и историка С.Н. Плаутина, содержащую новый перевод «Слова о полку Игореве» с комментариями, а также (по просьбе редактора) нашел и рецензента — профессора В.П. Зубова. Рецензия была опубликована в «Гранях» в 1959 г. (№ 41).

Зуров поддерживал связь и с талантливой сотрудницей «Граней» Ниной Федоровой (псевдоним писательницы Антонины Федоровны Рязановской). Получив от нее (через О.Н. Емельянову) высокий отзыв о своей книге, Зуров, вероятно, хотел, чтобы она написала отзыв на «Марьянку», но редакция приняла рецензию А.А. Шика. В феврале 1959 г. Зуров передает впечатление Федоровой от издания ее повести «Дети» в издательстве «Посев»: «Очень сетовала Нина Федорова: “Книжку издали самым бедняцким образом, авторских экземпляров не прислали, гонорара не уплатили и на письма не отвечают”. Я видел эту книжку; обложка на редкость серенькая»³⁴, — на что Тарасова отвечает: «Нине Федоровне все выслала, заплатила, на письма ответила. <...> А вот обложки изменить не могу. Действительно, серая. Обругала издателя. Оказалось, что выбрали без него. Ну, да что теперь поделаешь.

А у нас был вечер Граней, прошел очень живо и хорошо, уютно. Лучше всех в чтении была как раз Федорова “Дети” (игуменья). Образ ее потрясающий. Не могу на него налюбоваться. <...> Сейчас в № 41 даю отрывки из ее романа “Жизнь”, скомпонованные в нечто целое. По-моему, выйдет очень сильно»³⁵.

В 1962 г. Зуров интересовался изданием книги Н.Л. Барановой-Шестовой. В 1963 г. он рекомендовал журналу неизвестное произведение: «Надеюсь, что Вы получили драму Алексея Петровича Матвеева “Тетто в Варшаве”. Я Алексею Петровичу написал, чтобы он показал драму Вам. Я считаю, что эта вещь должна быть напечатана»³⁶.

«Грани» видели свою миссию в установлении разорванной связи эмиграции с писателями и читателями Советского Союза, находящегося за железным занавесом. Зуров также внимательно следил за литературой метрополии. Он с интересом читал «Грани» и издания российской литературы — Пастернака, Солженицына и др.

В 1959 г. Тарасова послала ему № 40 «Граней», посвященный Пастернаку, а также роман «Доктор Живаго» и альманах «Литературная Москва» (1956. Сб. 2), на что Зуров ответил с благодарностью: «А этот сборник я очень хотел иметь. Там опубликованы записные книжки А. Фадеева! “Ярославль 27 г.” В 27 году в рижской газете “Слово” была напечатана моя повесть “Кадет”.

Ярославль, 1918 год, разрушение города, Волга, Митя, Катя. “Дети их, — пишет Фадеев, — познакомились, например, с русской литературой. Переживали, может быть, любовь над Волгой...” (стр. 321) Переживали! (“Кадет”, глава VIII, стран. 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25. Свидание над Волгой). (*приписка на полях*: “Повесть ‘Кадет’ была написана в 25 г.”)³⁷.

В 1950–60-х гг. Зуров поддерживал связь с учеными из СССР — историками, археологами, литературоведами. В частности, он переписывался с А.К. Бабореко, исследователем биографии И.А. Бунина. Тарасова с воодушевлением писала о литературной атмосфере в метрополии, особенно в связи с возвращением на родину произведений Бунина: «Россия очень радуется своей оживляющейся с каждым днем духовной жизнью. Молодежь упивается Буниным, подражает ему не только в литературе, но даже и во внешности. На каждом шагу встречаю об этом, даже в беллетристике»³⁸; «Я серьезно слежу за влиянием Бунина на литературную молодежь в России. Влияние разгорается пожаром. Уже начинаются контратаки власти. Например, молодой писатель Казаков, очень талантливый (32 года) подвергается сейчас страшной травле. Он прямо и открыто говорит, что его учитель Бунин. Казаков Юрий — самый одаренный не только из молодых, но и из средних и старших советских писателей: природа русская, Россия вековая, тема смерти, увядания, борьбы христианского добра со злом, добра кроткого и незащитного — вот его темы. А так как Грани не только идут, но и читаются в России (я недавно получила два подтверждения — вот была радость для меня!), то о Бунине очень хотелось бы дать»³⁹.

Это говорится в связи с возможной публикацией в «Гранях» воспоминаний вдовы писателя. В установлении контакта с В.Н. Буниной-Муромцевой решающую роль сыграл Зуров, Тарасова попросила его об этом, не решаясь обратиться напрямую.

Осенью 1958 г., узнав, что Зуров получил письмо от редактора «Граней», Вера Николаевна выслала Тарасовой свою только что вышедшую книгу «Жизнь Бунина. 1870–1906». Тарасова обратилась к Зурову с просьбой прислать адрес Буниной (не зная, что они проживают в одной квартире), а в январе 1959 г. корреспондировала ему: «Не можете ли Вы написать мне, нет ли у Веры Николаевны воспоминаний (ненапечатанных) о И.А. Бунине более позднего периода, скажем периода эмиграции. Я бы в случае положительного Вашего ответа или в случае возможности получить их в будущем (если бы В.Н. взялась бы написать для Граней) — написала бы ей лично. А так — не рискую ее беспокоить лишним письмом, требующим ответа»⁴⁰. 23 января Зуров отвечает: «В.Н. Буниной я Ваши слова передал. Она так утомлена перепиской — литературоведы ей шлют письмо за письмом, задают вопросы, на которые приходится отвечать точно, а для точности надо рыться в архивах. Она надеется скоро засесть за работу над своими воспоминаниями (*приписка*: Напишите, пожалуйста, Вере Николаевне Буниной через месяц»)⁴¹. Восьмого апреля Тарасова робко спрашивает: «Писать мне уже Вере Николаевне или еще подождать?»⁴²

«Беседы с памятью» В.Н. Буниной печатались в «Гранях» с лета 1960 г. (№ 47, 48), однако журналы выходили с большим опозданием, и она так и не получила оттиски своих публикаций.

В октябре 1960 г. и в начале 1961 г. Тарасова приезжала в Париж и дважды посещала Зурова и В.Н. Бунину. Личные встречи вызвали у нее двойственные чувства: с одной стороны, радость и благодарность («Милый Леонид Федорович! <...> хочу Вас от всей души поблагодарить за вторично оказанное мне гостеприимство, за вкусные обеды, сваренные собственноручно, за душевность и ласку»⁴³), с другой — грусть, обусловленную ощущением необъяснимого недоверия к ней. Она стремится расположить к себе Зурова, предлагает прислать публикации по истории и археологии, найденные в библиотеке недавно скончавшегося отца (вероятно, во время встреч Зуров рассказывал о своих археолого-этнографических экспедициях 1930-х гг.) и сетует: «Меня огорчил Ваш вид, Вы хуже выглядите, чем три месяца назад: Вы устали, нездоровы? Затем меня ужасно огорчает, что Вы не находите времени для работы писательской. Годы идут, жизнь уходит. Человек обязан оставлять след по себе, если от Бога дан ему талант. Дело в данном случае совсем не в моей заинтересованности граневского порядка, печатайте в любом органе и ни разу не в Гранях — лишь бы Вы печатались. Очень прошу! И еще: не знаю, как сказать. С самого начала, с моего письма, которое я написала Вам, сама не знаю, как и почему, у меня в душе прорвалось необычайное доверие к Вам — причины, вероятно, вообще необъяснимы. И не в них суть. А в Вас я все время ощущаю некое сомнение по отношению ко мне. Некую затаенность, которую переношу с большим трудом и огорчением. Не знаю ее истоков и не понимаю ее. Но претендовать на Ваше доверие тоже ведь никак не могу: нет у меня никаких оснований»⁴⁴.

В марте 1961 г. В.Н. Бунина заболела и 3 апреля скончалась. Тарасова присылает Зурову слова поддержки, соболезнования и благодарности: «Пишу Вам, чтобы <...> сказать, что мне очень тяжела утеря Веры Николаевны, хотя и тут никаких прав на боль я не имею, но она есть, и ничего не сделаешь. Известие я получила в Страстную пятницу, в день невероятной грусти о Христе.

Эти две смерти слились для меня в тот день в одну. Была в церкви и молилась о Вере Николаевне. <...> Думаю о Вас. Знаю, как все это тяжело, как одиноко, как остро вспоминается человек и какая жалость разрывает сердце. Вы знаете, что сама я так недавно проводила папу»⁴⁵; «Я еще раз благодарю Вас за то, что Вы дали мне возможность повидать в последний раз В[еру] Н[иколаевну]. Я никогда этого не забуду. Ваш дом остался в моей памяти родным русским домом. Навсегда останутся круглый стол, В[ера] Н[иколаевна], с интересом расспрашивающая о многом, Вы, добрый и уютный хозяин, в хлопотах и заботах. Мне было очень хорошо с вами обоими. И это уже никогда больше не повторится»⁴⁶.

Зуров отвечает словами благодарности за сочувствие, но с этого момента переписка начинает приобретать все более деловой характер. Зуров стал правопреемником В.Н. Буниной и принял на себя хлопоты, связанные с из-

данием ее произведений. Он просит прислать ему отгиски ее воспоминаний (а впоследствии и гонорар за публикации), а также вернуть рукопись. На вопрос Тарасовой о возможном продолжении воспоминаний отвечает обещанием отыскать в архиве Буниной утерянные главы для передачи в «Грани»: «Вера Николаевна хотела издать в Америке книгу своих воспоминаний. Послала в издательство рукопись. Соглашение не состоялось, рукопись вернули, но часть глав издательство утерало. Вера Николаевна была взволнована и огорчена. Эти главы она хотела опубликовать в Вашем журнале (конец 1907 г., весь 1908 г., лето в деревне, осень и часть зимы в Москве с наездами в Петербург, в начале декабря снова деревня, Ефремов, затем начало 1909 г., возвращение в Москву, заграничное путешествие через Одессу)»⁴⁷; «Сообщаю Вам, что в архиве Веры Николаевны имеются неопубликованные воспоминания: "Беседы с памятью", первая часть — Москва, детство, семейство Муромцевых, институт, гимназические годы. Для литературоведов это клад. Но и эти воспоминания я должен дать перепечатать на пишущей машинке»⁴⁸; «Послал Вам рукопись Веры Николаевны "Возвращение домой". Этот отрывок (из воспоминаний) представляет исключительную ценность для литературоведов, изучающих жизнь и творчество Ивана Алексеевича Бунина. Эти главы Вера Николаевна собиралась послать Вам. Выполняю ее желание. <...> У меня на руках осталось еще несколько глав из "Бесед с памятью" (сноска: "Беседы с памятью". Вера Николаевна написала 3 книги). Эти главы — прямое продолжение воспоминаний (сноска: опубликовала В[ера] Н[иколаевна] только 3-ю книгу. Отрывки напечатала в "Н[овом] ж[урнале]" и у Вас), напечатанных в Граних (48-й книжке). Я их могу Вам прислать. Небольшой кусок (из этих воспоминаний) был когда-то напечатан в газете. Но это было давно, все об этом забыли»⁴⁹.

Осень 1961 г. оказалась тяжелым периодом и в жизни Тарасовой (у нее тяжело заболела дочь), и в судьбе издательства «Посев»: во дворе дома произошел взрыв, и редакция «Граней» лишилась финансовой поддержки.

Пятого января 1962 г., отвечая благодарностью за присланные воспоминания, Тарасова подробно писала об этом, объясняя свое длительное молчание: «Я сейчас все свое время ухлопываю на трудные дела: вероятно, Вы уже слышали, что Граним отказано в помощи от изд[ательств]ва Посев, которое само после брошенной во двор изд[ательств]ва бомбы очень пострадало. Грани должны или становиться на собственные ноги, или тихо помирать. Мне предложено, если я заинтересована в выходе журнала, разыскивать средства. Знаете ли Вы, как я люблю этот журнал? Вряд ли Вам нужно это рассказывать. И вот я пишу и пишу бесконечные письма во все места и всем людям, где надеюсь на дружеский совет и дружескую помощь. <...> Сейчас я утопаю от наплыва рукописей, т.к. ради того, чтобы сократить опоздание Грани, мы решили выпустить за 61-й год только два вместо четырех номеров. Как только я немного разгрузюсь с материалом по номерам, я смогу увидеть перспективы для следующих»⁵⁰.

Несмотря на трудную ситуацию с «Гранями», Тарасова просит Зурова не передавать остальные воспоминания Буниной в другой журнал: «Во мне говорит не только редакторское чувство, но и чувство большой какой-то внутренней родственности к Вере Николаевне, которую я по всему ее облику воспринимаю с удивительной легкостью, как сестру, как лучшую подругу. Я недавно думала о ней и пришла к выводу, что она состарилась в жизни только годами, но никак не душой и не умом. В ней была удивительная живость и девичья свежесть, поэтому мне с ней так было легко и интересно»⁵¹.

Материальные трудности сильно сказывались на выходе номеров журнала, и с апреля 1962 г. в письмах Зурова начинает звучать раздражение по поводу задержки публикации воспоминаний Веры Николаевны Буниной: «Я в свое время отложил срочную работу, привел воспоминания в порядок и их перепечатал. Вы хотели опубликовать их в первой книжке и даже попросили меня резервировать для Вашего журнала и следующий отрывок. Литературоведам, которые с нетерпением ожидают опубликования исключительно важных для них глав, я написал, что скоро пришлю им оттиски <...> Недавно я узнал, что за это время Вы успели уже выпустить два номера “Граней”. Удивило меня то, что Вы меня даже не предупредили, что воспоминания Веры Николаевны в этих номерах не будут напечатаны»⁵².

Одиннадцатого апреля 1962 г. Тарасова присылает письмо с объяснениями, утверждая, что «Беседы с памятью» уже в наборе: «Произошла задержка вот почему: в 61-м году мне удалось выпустить всего лишь два номера за год вместо четырех. Поэтому номера 49 и 50 были подготовлены уже давным-давно. И просто никак не могли выйти. Воспоминания Веры Николаевны я наметила в 51, но здесь вмещались юбилейные материалы Пушкина и Замятина, а затем и дело сов[етского] писателя Нарицы, в связи с которым я приезжала в Париж и давала пресс-конференцию (о ней Вы, вероятно, знаете из крупных французских газет). 52-й номер сейчас уже набирается и выйдет к концу весны — в начале лета. <...> Поистине, этот год очень для меня тяжелый. С Гранями было совсем плохо, думала я, что придется их закрыть. Сейчас, благодаря пресс-конференции, Грани в несколько дней стали журналом с мировой известностью, но это создает массу всяких других трудностей: дел, писем, переговоров об отдельном издании на девяти языках “Неспетой песни” Нарымова-Нарицы, которая была опубликована в 48-й книге Граней. <...> P.S. Да, еще все труднее оттого, что прошлым летом в здание Посева (нашего изд[ательст]ва и типографии) была брошена бомба. Хозяин отказал нам от дома, сейчас Посев разместился по частным квартирам (это служащие трехэтажного дома с рабочим подвалом!), а сама типография и редакция газеты переехали в две комнатухи. Сами же мы строим новое здание. Собственное, на собственной земле, которое будет готово лишь к середине лета»⁵³.

В августе 1962 г., отвечая на полное упреков письмо Зурова, Тарасова пишет: «Получила с ужасом Ваше терпеливое письмо. Нет, я не виновата. Виновата жизнь, которая после взрыва в прошлом году в посевском дворе застави-

ла нас строить новое здание, ведь хозяин нашего посевского дома отказал нам. Стройка должна была закончиться в конце июля. 52-й номер набрали примерно наполовину и остановились, т.к. сейчас мы вообще бездомные в полном смысле слова. Работаем по частным квартирам сотрудников — все издательство. Посев-газета печатается в другом городе. Там же работают и наши лино-типисты и редакция — в чужой типографии. Только Посев и может выходить, да и то вполностью меньше размером. Я надеялась, что в начале августа мы уже переселимся в новое здание, но начались отпуска в строительных фирмах, и все отложилось до второй половины августа. Вот мои дела. Простите еще раз за то, что не выслала Вам обещанные Грани. Сейчас высылаю Вам все три номера подряд. И уже сегодня завела на Ваше имя карточку в картотеке, чтобы Вам высылали, как Вере Николаевне, каждый раз бесплатный номер. <...> Я стала готовиться к конференции, которая состоялась в Оксфорде, в начале июля. Мне нужно было предоставить туда реферат. Это была конференция (международная) литературоведов по советской литературе. Устраивалась она Сэнт-Энтони-колледжем и редакцией журнала «Сёрвэй». Было очень интересно. Моя работа понравилась (о Маяковском)»⁵⁴.

Тарасова выполняет часть своих обещаний — высылает номера журнала, но главное обязательство — публикация «Бесед с памятью» — пока остается невыполненным. Продолжение воспоминаний Буниной увидело свет в № 53 за 1963 г., окончание — в № 100 за 1976 (уже после смерти Зурова).

Таким образом, переписка Зурова с Тарасовой, пришедшаяся на один из самых интересных периодов существования журнала «Грани», содержит информацию об истории публикации произведений Зурова и В.Н. Буниной, дает представление об отдельных фактах истории журнала и издательства «Посев» и биографии его активного деятеля Натальи Борисовны Тарасовой.

¹ См.: Белобровцева И. «Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти» // Звезда. 2005. № 8. С. 59–60; Громова А., Захарова В. Жизнь и творчество Л.Ф. Зурова. М., 2012.

² См.: Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М., 1996. С. 112–113.

³ См.: Борис Касьянович Жук (некролог) // Посев. 1960. 4 декабря. № 49. С. 12.

⁴ См.: Завалишин В.К. Четверть века журнала «Грани» // Русская литература в эмиграции / под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1971. С. 301–308. (Slavic Series; 1).

⁵ См.: Сестра Татиана (Спектор). Слово правды: Наталия Тарасова — Монахиня Александра // USALife (URL: <http://usalive.info/news/item.php?100254&tags=ukraine> (дата обращения: 01.05.2019)).

⁶ Романов Е.Р. В борьбе за Россию: воспоминания руководителя НТС. М., 1999. С. 183.

⁷ Мать Александра (Наталия Борисовна Парфенова): некролог // Посев. 2006. № 2 (февраль). С. 48.

⁸ Цит. по: Н.Е. Андреев — Л.Ф. Зурову, 12 июля 1958 г. // «Только Вы поймете следующий текст...»: Переписка Н.Е. Андреева и Л.Ф. Зурова / сост. Е.Н. Андреева,

И.З. Белобровцева. Таллин, 2013. С. 166. (Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике; т. 13).

⁹ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 12 августа 1958 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3 (Л.Ф. Зуров). Д. 133. Л. 2.

¹⁰ Л.Ф. Зуров — Н.Б. Тарасовой, 20 августа 1958 г. // FSO. 01-098 (Tarasova, Natal'ja). Kart. 1 (6/n 08).

¹¹ См.: И.А. Бунин: Новые материалы / сост. О.А. Коростелев, Р. Дэвис. М., 2004. Вып. 1. С. 110, 113.

¹² См.: *Громова А.В. Из истории литературы русского зарубежья: Сборник Л.Ф. Зурова «Марьянка» в отзывах читателей и критики* // Русская литература. 2008. № 2. С. 203–211.

¹³ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 1 сентября 1958 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. Д. 133. Л. 3.

¹⁴ Л.Ф. Зуров — Н.Б. Тарасовой, 20 августа 1958 г. // FSO. 01-098. Kart. 1 (6/n 08).

¹⁵ Л.Ф. Зуров — Н.Б. Тарасовой, 17 декабря 1958 г. // Ibid.

¹⁶ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 29 октября 1958 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. Д. 110. Л. 1.

¹⁷ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 14 декабря 1958 г. // Там же. Л. 4.

¹⁸ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 23 января 1959 г. // Там же. Л. 5.

¹⁹ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 8 апреля 1959 г. // Там же. Л. 6.

²⁰ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 26 июля 1959 г. // Там же. Л. 7.

²¹ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 12 ноября 1959 г. // Там же. Л. 8.

²² Л.Ф. Зуров — Н.Б. Тарасовой, 4 ноября 1958 г. // FSO. 01-098. Kart. 1 (6/n 08).

²³ Л.Ф. Зуров — Н.Б. Тарасовой, 16 ноября 1958 г. // Ibid.

²⁴ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 17 ноября 1958 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. Д. 110. Л. 3.

²⁵ Л.Ф. Зуров — Н.Б. Тарасовой, 16 ноября 1958 г. // FSO. 01-098. Kart. 1 (6/n 08).

²⁶ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 17 ноября 1958 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. Д. 110. Л. 3.

²⁷ Л.Ф. Зуров — Н.Б. Тарасовой, 24 ноября 1958 г. // FSO. 01-098. Kart. 1 (6/n 08).

²⁸ Л.Ф. Зуров — Н.Б. Тарасовой, 24 ноября 1958 г. // Там же.

²⁹ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 14 декабря 1958 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. Д. 110. Л. 4.

³⁰ Л.Ф. Зуров — Н.Б. Тарасовой, 17 декабря 1958 г. // FSO. 01-098. Kart. 1 (6/n 08).

³¹ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 23 января 1959 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. Д. 110. Л. 5.

³² Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 26 июля 1959 г. // Там же. Л. 7.

³³ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 12 ноября 1959 г. // Там же. Л. 8.

³⁴ Л.Ф. Зуров — Н.Б. Тарасовой, 4 февраля 1959 г. // FSO. 01-098. Kart. 1 (6/n 08).

³⁵ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 8 апреля 1959 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. Д. 110. Л. 6.

³⁶ Л.Ф. Зуров — Н.Б. Тарасовой, 16 января 1963 г. // FSO. 01-098. Kart. 1 (6/n 08).

³⁷ Л.Ф. Зуров — Н.Б. Тарасовой, 24 декабря 1959 г. // Ibid.

³⁸ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 26 июля 1959 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. Д. 110. Л. 7.

³⁹ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 12 ноября 1959 г. // Там же. Л. 8.

⁴⁰ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 23 января 1959 г. // Там же. Л. 5.

⁴¹ Л.Ф. Зуров — Н.Б. Тарасовой, 4 февраля 1959 г. // FSO. 01-098. Kart. 1 (6/n 08).

⁴² Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 8 апреля 1959 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. Д. 110. Л. 6.

⁴³ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 11 февраля 1961 г. // Там же. Л. 10.

⁴⁴ Там же. Л. 11.

⁴⁵ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 13 апреля 1961 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. Д. 110. Л. 13.

⁴⁶ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 29 июня (ошибка? апреля?) 1961 г. // Там же. Л. 14.

⁴⁷ Л.Ф. Зуров — Н.Б. Тарасовой, 13 июля 1961 г. // FSO. 01-098. Kart. 1 (б/н 08).

⁴⁸ Л.Ф. Зуров — Н.Б. Тарасовой, 26 сентября 1961 г. // Ibid.

⁴⁹ Л.Ф. Зуров — Н.Б. Тарасовой, 25 ноября 1961 г. // Ibid.

⁵⁰ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 5 января 1962 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. Д. 110. Л. 16.

⁵¹ Там же. Л. 17.

⁵² Л.Ф. Зуров — Н.Б. Тарасовой, 4 апреля 1962 г. // FSO. 01-098. Kart. 1 (б/н 08).

⁵³ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 11 апреля 1962 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. Д. 110. Л. 18.

⁵⁴ Н.Б. Тарасова — Л.Ф. Зурову, 7 августа 1962 г. // Там же. Л. 19.

П.Н. Базанов

«ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ЕДИНСТВЕННЫМ ИСТИННЫМ
ПОСЛЕДОВАТЕЛЕМ СЕРГЕЯ ПЕТРОВИЧА»:

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ
И ВТОРОЙ ЭМИГРАЦИИ: С.П. МЕЛЬГУНОВ — Н.И. УЛЬЯНОВ

Аннотация: В статье впервые рассматривается история дружбы и совместной деятельности историков-эмигрантов С.П. Мельгунова и Н.И. Ульянова. Особое внимание уделяется проблеме решения национального вопроса в России.

Annotation: The article is dedicated to the history of friendship and joint activities of emigrant historians S.P. Melgunov and N.I. Oulianoff. Special attention is paid to the problem of solving the national question in Russia.

Ключевые слова: русская эмиграция, С.П. Мельгунов, Н.И. Ульянов, национальный вопрос.

Key words: Russian emigration, S.P. Melgunov, N.I. Oulianoff, the national question.

Проблема взаимоотношений представителей различных волн русской эмиграции — любимая тема современного эмигрантоведения. Различия между первой и второй эмиграциями, конечно, существовали. Люди, воспитанные в СССР или прожившие при советском режиме в 1920–30-х гг., отличались от покинувших родину во время или сразу после Гражданской войны. По мнению автора данной статьи, противоречия в основном не носили культурного направления, а были чисто политическими. Когда надо, представители первой и второй волн всячески подчеркивали любую разницу друг с другом, и наоборот, со временем в изгнании, в иноязычном и неправославном окружении находили все больше общего. Понятно, что монархисты и совпартиоты из первой эмиграции резко осуждали власовцев за коллаборационизм или за советское прошлое, а те в ответ напоминали 25-летнюю оторванность от советской действительности. Проследим взаимоотношения политических единомышленников из разных волн, профессиональных историков С.П. Мельгунова и Н.И. Ульянова.

Сергей Петрович Мельгунов (1879–1956) — знаменитый историк, общественный и политический деятель. Он известен как активный член руководства Народно-социалистической партии, в 1917 г. даже товарищ председателя ЦК этой партии, убежденный антибольшевик, один из руководителей Союза возрождения России и «Тактического центра», в 1922 г. он был выслан за рубеж на поезде из Москвы. В эмиграции Мельгунов создал антикоммунистическую группу «Борьба за Россию», после 1945 г. он занимал непримиримую позицию к советской власти и всячески старался облегчить положение перемещенных лиц. В 1946–1948 гг. Мельгунов изда-

вал антикоммунистические периодические сборники «Свободное слово», «Независимое слово», «Свободная мысль», «Независимая мысль», «Свободный голос», «Независимый голос», «Россия и эмиграция», «За Россию», «За свободу России», «Борьба за Россию». Название часто менялось из-за преследований со стороны тогдашних лояльных к СССР французских властей. Затем сборники реформировались в парижский журнал «Российский демократ» (1948–1957. № 15–27). В 1950–1954 гг. Мельгунов был редактором известного парижского журнала «Возрождение». Именно благодаря такой биографии после Второй мировой войны Мельгунов стал наиболее активным и популярным политическим деятелем в русской эмиграции. В это время он создает новую организацию — Союз борьбы за свободу России (СБСР), генеральным секретарем которой стал Б.Н. Уланов. Центральной считалась французская организация, которую возглавлял историк и публицист, трудовик, сотрудник парижских «Дней» Иван Михайлович Херасков (1880–1963), после смерти Мельгунова ставший председателем СБСР, среди местных отделений выделялись западногерманское (глава — лидер правого фланга Николай Александрович Цуриков (1886–1957)) и северо-американское (председатель — журналист Юрий Сергеевич Сречинский (1909–1976), заместитель главного редактора нью-йоркского «Нового русского слова»).

Судьба историка, философа, писателя, публициста Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) характерна для интеллигенции второй волны русской эмиграции и в то же время необычна даже для нее. Последний ученик академика С.Ф. Платонова, профессор советских вузов, он прошел через незаконный арест, лагерь, неожиданное освобождение из заключения, немецкий плен, побег, угон на принудительные работы в Германию, Дахау, лагеря ди-пи, бегство от советских органов, почти каторжную работу на заводе в Марокко. Пока наконец историк не возвратился к преподавательской и научной деятельности в Йельском университете (США).

Среди деятелей второй эмиграции наибольший интерес представляет творчество младших современников Серебряного века. Н.И. Ульянова, Д.И. Кленовского, И.В. Елагина, Б.Н. Ширяева первая волна считала за «своих», а не за «продукты социалистического эксперимента». Именно их жизнь и творчество вызывают в современной России неподдельный интерес. Крупнейший поэт начала XX в. Г.В. Иванов выделял Н.И. Ульянова как одного из немногих среди представителей второй волны русской эмиграции и даже подчеркивал, что «иные из ди-пи стали писать образцово», имея в виду прежде всего именно Николая Ивановича¹. Георгий Иванов писал Роману Гулю, что такая творческая и идейная независимость, как у Н.И. Ульянова, «была — без преувеличений — у Чаадаева или К. Леонтьева. И это меня в нем всегда восхищает. А я не из любителей восхищаться, сами знаете. Это — т. е. Ульянов — проявление той самой великой России, о которой он тоскует и которую видит в Бунине»². «Статьи Ульянова, повторяю, поразительны. Но

я совсем не согласен, что “там” ледники, а здесь “последние остатки России”. По-моему, все-таки скорее наоборот. Это *декадентский* (выделено мной. — П.Б.) взгляд»³. Поэт Александр Акимович Биск (1883–1973), председатель нью-йоркского Кружка русских поэтов в Америке, отрицательно относившийся ко второй и третьей волнам, делал исключение для четы Ульяновых, также считая их людьми дореволюционной культуры⁴. Поэт и прозаик Юрий Данилович Кашкаров (1940–1994), главный редактор «Нового журнала», представитель уже третьей волны, в одном из своих выступлений подчеркивал условность классификации эмиграции на общепринятые периоды: «Я бы даже не делил, как тут делают, на первую, вторую и третью эмиграции. Я бы просто делил на культурную и советскую эмиграции, а сейчас уже на экономическую. Скажем, *Николай Ульянов воспитан целиком дореволюционной культурой* (выделено мной. — П.Б.). Или Крачковский — замечательный поэт»⁵.

Н.И. Ульянов вспоминал, что впервые услышал в эмиграции о С.П. Мельгунове в дипийских лагерях. «Кто был в 1945–1946 гг. на положении ди-пи, за которыми, как за зайцами, охотились по всей Европе советские агенты, тот никогда не забудет мельгуновских брошюр, выходивших под названием то “Свободной мысли”, то “Независимой мысли”, то “Независимого слова”, издававшихся в Париже»⁶. «Преследуемый тогдашними прокоммунистическими властями, закрывавшими его журнал, он не сдавался, и после каждого закрытия выпускал его под новым названием. В германских лагерях, где ди-пи копошились и изнывали, как рыба, загнанная в затон, мельгуновские издания передавались из рук в руки, зачитываясь до полного стирания шрифта. Обезумевшие от преследования люди находили в них не только моральную поддержку, не только ценную информацию, но также политический компас. Сама смелость тона в эпоху всеобщей запутанности действовала ободряюще. Таково же было ее действие и на круги старой эмиграции. Начала она приходить в себя в значительной мере под влиянием мельгуновских “независимых” журналов»⁷.

В августе 1947 г. Н.И. Ульянов переезжает в Марокко, в Касабланку. На работы жены историк смог регулярно посещать столицу русской эмиграции Париж, где уже лично познакомился и подружился с С.П. Мельгуновым. Под влиянием своего старшего друга Н.И. Ульянов вступил в СВБР. Как вспоминает П.А. Муравьев, познакомившийся с Ульяновым на политической почве в этом союзе: «Прямого участия в политической работе Н.И. (Ульянов. — П.Б.) не принимал, это было не его стихией; примкнул к Союзу скорее по причине духовной близости к участникам организации, культурный уровень которой в те времена, несомненно, выделялся среди эмигрантских политических организаций. В Союзе Н.И. представлял как бы “культурную” оппозицию, противопоставляя политическим вылазкам серьезную культурную работу. Но верен Союзу оставался до конца, т.е. до его ликвидации в 1961 г.»⁸ Мнение П.А. Муравьева подтверждается и перепиской Н.И. Ульянова с вдовой

Н.И. Ульянов. 1965.
«Русское дело». 1965. № 12. С. 17

С.П. Мельгунова Прасковьей Евгеньевной: «Я постоянно призывал С[ергея] П[етровича] отказаться от политико-партийных комбинаций и превратиться в идейную группу»⁹. Хотя с 1951 г. в Марокко (с философом Н.П. Полторацком), а потом в Канаде Н.И. Ульянов распространял журналы «Возрождение» и «Российский демократ».

Взгляды Н.И. Ульянова на эмигрантскую политическую деятельность отличались безоговорочным отрицанием активизма. Так называлось течение в эмиграции, выступавшее за активную (в т.ч. военную и террористическую) борьбу с коммунистическим режимом, пламенным сторонником которого был С.П. Мельгунов. В 1954 г. в «Новом журнале» в статье о В.Ф. Ходасевиче Ульянов как аксиому цитирует

мысль поэта о том, что эмигрантская литература является «самым важным сейчас из возможных русских дел»¹⁰. Видя приоритет деятельности русской эмиграции в культурно-идеологическом развитии, он беспощадно критикует политическую практику конца 1940-х — начала 1950-х гг. и показывает, в чем же реально проходит жизнь политической эмиграции: «в нескончаемой партийной грызне, в сведении личных счетов, в бесплодных объединениях и расколах, в сочинении фантастических “платформ”, в сотрудничестве с корыстными иностранными ведомствами и учреждениями»¹¹, т.е. идет прямой намек на неудачи и провальные акции НТС и монархистов. Больше всего достается самым активным из эмигрантских групп: «пикетирование советских посольств, пускание воздушных шаров с прокламациями, сбрасывание с аэропланов несчастных мальчишек на парашютах (выделенное зачеркнуто и замарано. — П.Б.), устройство пресс-конференций (вписано рукой Ульянова. — П.Б.) и ожесточенные потасовки между партиями все еще считаются несравненно более важным и героическим делом, чем писательство»¹². Ульянова откровенно удивляло, почему лидеры эмиграции не разделяют его позицию. «Ни Вы, ни Карпович не захотели почему-то обратить внимание на то место моей статьи, где я заявляю, что культурные завоевания эмиграции имеют значение политических завоеваний. Если прусский учитель, победивший при Садовой, выглядит вполне политической фигурой, то в наших эмигрантских условиях его (учителя) политическая роль значительно превышает удельный

вес наших Бисмарков и Мольтке. ... Вместе с Вами я роль эмиграции понимаю как политическую, но решительно отказываюсь над политикой разуметь одни только пропагандистские статьи и листовки, партийные платформы, манифесты и дебаты или всевозможные соглашения и блоки. ... Политикой для меня является также забота о сохранении и приумножении духовных национальных ценностей как величайшего козыря в борьбе за возрождение России»¹³.

«Мельгуновский союз» имел заслуженный имидж интеллектуальной организации и свою основную задачу видел в разработке новых идеологических доктрин. В том числе немалые усилия уделялись попыткам выработать новую национальную политику. План СБСР по национальному устройству будущего российского государства базировался на принципе федерации «при условии сохранения незыблемого принципа сохранения исторической России». Федерация понималась как разделение территории страны «на крупные области (“земли” — “штаты”) по принципу национальному, географическому, экономическому и культурно-историческому. Каждая область имеет местный парламент, обеспечивающий ее законодательную, административную и бытовую самостоятельность. Всем национальностям, населяющим Россию, независимо от территории гарантируется свобода языка, преподавания и культурной автономии. Внешняя политика, распоряжение и руководство военными силами, монетное дело и иные государственные функции общероссийского значения находятся в руках центральной власти»¹⁴. Разработкой новой идеологии в национальном вопросе как раз и занимался историк Н.И. Ульянов. «Каждую губернию реформировать в ранг штата — полноправного члена федерации, своим правительством, законодательным собранием и прочими аксессуарами. Кто может запретить Полтавской губернии, населенной малороссами — носить широкие шаровары, плясать гопака, выпустить в миллионном тираже “Энеиду” Котляревского и обучать в школах на своей мове? Нет ни одного здорового национального запроса, который бы не мог быть удовлетворен при такой системе»¹⁵. «Федерацию по национальному признаку СБСР единодушно, категорически отвергал, определяя ее словами своего лидера С.П. Мельгунова как “всероссийскую катавасию”»¹⁶.

СБСР выступал за единство будущей, освобожденной от коммунизма, демократической России, против попыток ее расчленения. Проблемы национально-государственного устройства России стояли в центре внимания эмиграции в послевоенный период, уже в 1940–50-х гг. теоретически проигрывались сценарии распада СССР, осуществленные на практике в 1991 г. Лидеры союза выступали решительно против украинских сепаратистов, полагая, что они объективно «превращаются в инструмент большевизма», предназначенный для дробления антибольшевистских сил эмиграции, для подмены «идеи всеобщей борьбы против большевизма межнациональной борьбой между народами России». Более того, российские правоцентристы открыто заявляли, что сепаратизм «очень легко перерастает в новую разновидность фашизма»¹⁷. При этом кредо историка Н.И. Ульянова — краеугольный камень его убеж-

Н.И. Ульянов. 1965.

Открытка (худ. Е.Е. Климов)

дений, на взгляд автора данной статьи, был таким: «Поэтому для нас украинское самостийничество всех оттенков представляет опасность не многим меньшую, чем большевизм, т.к. губит Россию столь же беспощадно, только с другой стороны»¹⁸.

С.П. Мельгунов от имени своего союза неоднократно заявлял, что только Всероссийское учредительное собрание (а не региональные собрания в национальных республиках) должно решать вопрос о национально-государственном устройстве России. В основе его позиции лежал тезис о том, что нельзя подстраиваться под точку зрения националистов, необходимо учитывать и русское общественное мнение¹⁹.

Проблема демократии и свободы в будущей России была те-

мой для постоянных дискуссий в СБСР. Одновременно существовали две точки зрения. Первую, право-либеральную, консервативную представлял идеолог РОВС Н.А. Цуриков. Он доказывал, что сама по себе, как показывает мировой опыт, демократия отнюдь не гарантирует права и свободы личности. Народы в истории совершенно законным путем отказывались и от свободы, демократии, и от собственных прав в пользу диктатора. Нет такого строя, который бы автоматически обеспечивал свободу, и, наоборот, «свободу может иногда гарантировать строй, весьма далекий от демократии»²⁰. Противоположной была позиция отстаивавшего либеральную сущность подлинной демократии И.М. Хераскова, для которого главным в демократии было не «народное большинство», а «над любым большинством стоящий в своем достоинстве человек», создающий подлинное народоправство — «царство Народа-Правителя»²¹. При этом Херасков осуждал классовый подход к демократии, обращенность к «культурно-низишим» слоям народа, опора на рабочий класс и крестьянство, по его мнению, являлись отрицанием подлинного демократизма, т.к. оставляли «за бортом» целую группу т.н. «цензово-демократических» элементов²².

СБСР декларировал, что к началу 1950-х гг. в СССР был построен казарменный социализм, символом которого является общежитие, «господствующая и универсальная форма жилища», коммунистический строй — паразит,

высасывающий все соки из России для проведения утопических экспериментов в экономике и внутренней и внешней политике²³. Также неоднократно подчеркивалось, что сталинизм представляет собой «законное детище Ленина», «диктатуру торжествующего мещанства»²⁴.

В 1949–1954 гг. большинство статей и рецензий Н.И. Ульянова на политические и исторические темы, а также главы из его романа «Атосса» были опубликованы в журналах С.П. Мельгунова «Возрождение» и «Российский демократ». Главный редактор ревниво относился к научной и публицистической деятельности своего друга и буквально требовал, чтобы младший друг печатался только у него. Необработанный архив С.П. Мельгунова и его переписка с Н.И. Ульяновым ныне хранятся в библиотеке Лондонской школы экономики и политических наук. Переписка посвящена обсуждению политических тем и доработке статей.

В 1950–1951 гг. в «Возрождении» печатались главы из исторического романа Н.И. Ульянова «Атосса»²⁵, посвященного вторжению царя Персии Дария I в Скифию, по мнению автора, прототип народных войн против орд захватчиков России — монголо-татар, поляков, шведов, французов, немцев. Исторический роман резко отличался от послевоенной эмигрантской литературы, утилитарно направленной на обличение коммунистического режима. Отсюда упреки критиков в неактуальности, но сам Н.И. Ульянов удивлялся не столько претензиям в отсутствии «эмигрантской политграмоты»: «Не понимаю, почему так упорно определяют мне в литературные отцы Мережковского? Думаю, что по чисто внешним признакам. Я мало думал над тем, кому подражаю, но если бы стал докапываться, то уже скорее бы назвал “Чудо св. Антония” и “Саламбо” Флобера, чем Мережковского»²⁶.

Именно С.П. Мельгунов заказывал знаменитые статьи Н.И. Ульянова (под псевдонимом Н. Шварц-Омонский) о национальном вопросе и украинском сепаратизме: «Об одном учении в национальном вопросе»²⁷, «Геноцид или усердие не по разуму?»²⁸ (про характер репрессий и высылку крымских татар), «Большевизм и национальный вопрос»²⁹, выступая в качестве их придиричивого редактора. Про последнюю публикацию, наиболее острую во всем творчестве младшего друга, С.П. Мельгунов писал: «Придется все-таки Вашу статью положить на “прокрустово ложе”»³⁰. Под своей настоящей фамилией Ульянов напечатал монументальную статью «Богдан Хмельницкий»³¹ с критическим разбором деятельности первого гетмана, которую ранее вернул «Новый журнал»³².

Схожей теме была посвящена рецензия Н.И. Ульянов «Зеркало украинского национализма»³³ на книгу украинского историка-эмигранта Ильи Борщака «Легенда истории Украины — история руссов» на французском языке. Менее политизированными были рецензии на научные монографии. Так, «От легенд к науке» была посвящена книге С.П. Мельгунова «Судьба императора Николая II после “отречения”», которую рецензент считал началом научного изучения в противовес политико-публицистическим памфлетам³⁴. Другая рецензия

«Сокрушение кумиров (Новое в русской историографии)»³⁵ высоко оценивала монументальное двухтомное научное исследование известного экономиста В.Б. Ельяшевича «История права поземельной собственности в России». В этот же период стали выходить и литературоведческие публикации Н.И. Ульянова. Начал он с биографического очерка «Гумилев»³⁶, следующий — «Внуки Лескова»³⁷ — был посвящен развитию литературы русской эмиграции после Второй мировой войны и вреду тенденции к политизации прозы и поэзии, под псевдонимом Н. Шварц-Омонский.

В «Российском демократе» Н.И. Ульянов напечатал три статьи. С.П. Мельгунов перекидывал статьи своего сторонника из одного периодического издания в другое. Так, из переписки двух историков становится понятным, как была опубликована в «Российском демократе» первая статья «Казакиада»³⁸ под псевдонимом Н. Шварц-Омонский. Работа посвящена пропаганде в эмиграции отдельно казачьей («казакийской») нации и отделению от России неведомой страны «Казакии». Ульянов писал Мельгунову: «На Ваше редакторство в “Возрождении” я смотрю как на важную общественную миссию, которую не следует подвергать опасности и случайности из-за каждого пустяка вроде моей статьи. Но слава Богу, что все обошлось. Очень рад, что “Казакиада” Вам подошла, но Ваше намерение изменить конец повело меня в уныние. Видимо, в самостийническом вопросе нам так и суждено говорить на разных языках. Для меня казачий сепаратизм, рабски копирующий украинское самостийничество, ничем от него не отличающийся по крайности своих устремлений, — враг, с которым никаких разговоров, сговоров и увещеваний быть не может. С ним возможна только борьба, сегодня литературная, а завтра с оружием в руках. Вы, видимо, не теряете надежды обратить этих негодяев на путь истинный, в чем-то убедить и найти какие-то точки соприкосновения и взаимного понимания»³⁹. Тем же псевдонимом была подписана и следующая историософская статья «История и утопия»⁴⁰. Третья работа «Русь — Малороссия — Украина» первоначально предлагалась для органа НТС — толстого общественно-политического журнала «Грани»⁴¹, но солидаристы отказались ее печатать, и снова С.П. Мельгунов опубликовал работу друга⁴².

Из нереализованных планов друзей-историков отметим, что отказ Н.И. Ульянова написать статью о программе по национальному вопросу Союза борьбы за освобождение народов России⁴³ и не стал рецензировать труд Б.Э. Нольде, но согласился подготовить отзыв на книгу П.Б. Струве⁴⁴, хотя так его и не доделал. Зато написал работу на тему о происхождении терминов «Украина» и «Малая Русь», которую Н.И. Ульянов собирался «только перечитать и приспособить к широкому читателю»⁴⁵.

С.П. Мельгунов настолько ценил талант друга, что предлагал Н.И. Ульянову стать постоянным обозревателем «Возрождения» и вести рубрику «Отклики»⁴⁶.

Были у единомышленников и противоречия, и разногласия. В основном они касались рамок и границ единства родины. Так, Н.И. Ульянов полемически

вопрошал своего председателя: «Кстати, в чем разница между “Единой Неделимой” и тем единством, за которое стоим мы? На эту тему нужна статья, вносящая ясность. Она в значительной степени застрахует нас от крена вправо и прояснит наши взаимоотношения как с правым сектором Союза, так и с вне-союзными монархистами»⁴⁷. Во всех своих работах Н.И. Ульянов доказывал, что конечная цель любого сепаратизма в России — это не создание новой нации или независимого национального государства, а построение глобальной евразийской империи с границами если не до Тихого океана, то хотя бы до Урала. «Каждый самый ничтожный народец мечтает о своем Александре Македонском и мечтает не только о республике в этнографических границах, сколь об обширном многонародном государстве. Пусть кто-нибудь напечатает об этом вслух, и мы сразу заткнем рот всем защитникам “Национального самоопределения”»⁴⁸.

Н.И. Ульянов всячески подчеркивал, что национализм в XX в. приобрел самые негативные качества и его не надо оценивать с устаревших позиций XIX в., как это делают левые оппоненты. «Они, так же как и Вы — люди старшего поколения — воспитанные в романтический период национально-освободительных движений, законсервировали в себе это восприятие его и никак не могут признать факта глубокого перерождения природы этого явления. Для Вас оно все еще сливается с демократией, с социализмом, тогда как облик его сделался совершенно звериным, фашистским»⁴⁹. С другой стороны, Ульянов пытался объяснить республиканцу, правому социалисту С.П. Мельгунову, что не надо передавать полномочия по единству страны ультраправым или монархистам, таким как представитель «старомонархического» течения, председатель Российского монархического движения и Русского монархического объединения, редактор, журналист и поэт Николай Николаевич Чухнов (1897–1978). «Пока Чухнов выступает как единственный блюститель идеи целостности России, пока демократия считает это его неотъемлемым правом, как реакционера, а сама сторонится от грозного дела — до тех пор всякий [, кто] пытается всерьез бороться за российское единство, неизбежно будет выглядеть чухновцем и реакционером. Демократия должна взять в свои руки защиту целостности России. Все мои усилия направлены на то, чтобы показать, что это демократические, а не реакционные дела; реакция как раз то, что направлено на раздел на раздробление общего государства»⁵⁰.

Подчеркивал Н.И. Ульянов в переписке с С.П. Мельгуновым единство взглядов и политических позиций. «Ничего, кроме единства России, провозглашенного в нашей платформе, я не отстаиваю. Но провозгласить единство и ничего не делать для его пропаганды, не бороться с разрушительными тенденциями — это значит уклоняться от разрешения проблемы. Хорошими платформами в наши дни ад вымощен, а вот засучить рукава для их реального воплощения никто не хочет. На тех же, кто это пытается делать, сыплются обвинения в шовинизме, в великодержавности и т.д.»⁵¹

СБСР, как центристский союз, принимал деятельное участие в создании общеэмигрантского антикоммунистического фронта, оформленного в виде

организаций, которые должны были играть роль своеобразных представительных органов — как бы предпарламента российской эмиграции (по типу подобных правительств в изгнании из стран Восточной Европы). Их председателем неизменно и последовательно становился С.П. Мельгунов, сумев оттеснить протееж американцев А.Ф. Керенского и Б.И. Николаевского, что впоследствии сказалось и на пристрастном отношении меньшевиков и эсеров к Н.И. Ульянову. Первым в 1951 г. был создан Совет освобождения народов России (СОНР). В течение этого трижды проводились конференции политических организаций российской эмиграции: в январе в Фюссене, в августе в Штутгарте, в октябре в Висбадене. Монархисты отказывались участвовать в «непредрежденных» мероприятиях, а экстремистски настроенные националисты (прибалты и западные украинцы) срывали все компромиссы демагогическими заявлениями, что они борются не с коммунизмом, а с русским народом, выражением которого является большевизм, и их главный враг — не ленинско-сталинская идеология, а извечный империализм Кремля, который не менялся и не будет меняться веками, и т.д.

СОНР был реорганизован 16 октября 1952 г. в Мюнхене в Координационный центр антибольшевистской борьбы (КЦАБ). В письме от 4 ноября 1952 г. М.А. Алданов сообщал В.А. Маклакову, что во главе газеты, центрального органа КЦАБ, намечается кандидатура Н.И. Ульянова или С.П. Мельгунова, но через несколько дней Алданов уточнял, что Ульянов категорически отказался, и редактировать будут меньшевики, Ю.П. Денике при помощи П.А. Берлина⁵². По сведениям М.В. Назарова, КЦАБ должен был получить в свое распоряжение созданную американцами Радиостанцию Освобождение в Мюнхене⁵³. КЦАБ в 1953 г. был переименован в Координационный центр освобождения народов России (КЦОНР). Ульянов очень отрицательно относился к попыткам объединения и в течение нескольких лет предупреждал С.П. Мельгунова, что из всех этих коалиций и блоков ничего не выйдет. В 1957 г. Ульянов пишет: «Сорокалетняя грызня левых с правыми представляется величайшим позором русской эмиграции. Принимать в ней участие, прямое или косвенное, считаю недопустимым и протестую против такого метода цитирования, с помощью которого беспартийную точку зрения стремятся окрасить в те или иные партийно-групповые тона»⁵⁴. Еще более афористично и прямолинейно выразился Н.И. Ульянов в статье «Десять лет», посвященной художественной литературе: «Эмигрантская политика — это гниющие обломки разбитого российского корабля»⁵⁵.

С.П. Мельгунов неоднократно предлагал работу Н.И. Ульянову на радио в Мюнхене⁵⁶. В марте 1953 г. по приглашению Американского комитета по борьбе с большевизмом Ульянов, как политический и пропагандный представитель СБСР, стал первым главным редактором русской программы Радиостанции Освобождение (ныне Радио Свобода)⁵⁷. Сама радиостанция находилась в Мюнхене, а нью-йоркское отделение было расположено по адресу: Манхэттен, 6 Ист 45-я стрит. Известно, что Ульянов три месяца провел в Мюнхене. Правда, уже в апреле 1953 г. историк был вынужден оставить свой пост. Это было

коллективное решение СБСР против диктата ЦРУ, требовавшего изменить содержание, оформление и общий тон русских передач, сменить антикоммунизм на оголтелую русофобскую пропаганду, направленную на расчленение России прямо по рецептам А. Розенберга. Именно этот эпизод из биографии Ульянова позволил написать В.Д. Самарину: «Но Н.И. (Ульянов. — П.Б.) был сугубо принципиальным человеком и не мог исполнять роль марионетки — делать то, что расходилось с его убеждениями. Он расстался с “Освобождением”»⁵⁸. Сам Н.И. Ульянов писал Ю.П. Иваску 21 апреля 1955 г.: «В бытность свою редактором радиостанции “Освобождение” я убедился в неспособности американских учреждений вести антибольшевистскую пропаганду. Русская эмиграция обнаружила это умение не в большей степени»⁵⁹, а С.П. Мельгунову Ульянов признавался, что «в том-то и ужас, что роль спасителей мира от коммунизма выпала на долю ковбоев»⁶⁰. Поэтессе Ирине Одоевцевой Ульянов, говоря о нравах в нью-йоркском отделении, писал, что «в нем царит ежовщина»⁶¹. Более страшного эпитета от представителя второй волны и бывшего заключенного нельзя представить.

Все это происходило на фоне требований Американского комитета освобождения от большевизма пойти на неприемлемые уступки и ввести в состав КЦАБ «явных сторонников расчленения России»⁶² под угрозой прекращения финансирования, что и было сделано 1 сентября 1953 г. В ответ председатель бюро КЦАБ С.П. Мельгунов уже в августе 1953 г. издал воззвание, где сообщал о разрыве отношений с американцами. Мельгунов и его сторонники перестали вещать и на Освобождении⁶³. Станция полностью перешла в американские руки, и русские, а также все прочие сотрудники превратились из интеллектуальных и моральных владельцев этого пропагандистского аппарата в обычных журналистов и переводчиков, ходящих в студию как на работу⁶⁴.

Именно тогда Н.И. Ульянов послал С.П. Мельгунову шуточную «Челобитную», начинавшуюся: «Государю Лекурбскому, Ренессанскому, Индепендантскому и иных Сергею Петровичу — Повелителю Всея Координации. Холопишко твой Николко Ульянов, иже в Канаде сущий, челом бьет»⁶⁵, обыграв имя первого эмигрантского полемиста князя Андрея Курбского, французское название «Возрождения» — «La Renaissance», название издательства, выпускавшего «Российского демократа», — «Les Independants» и председательство в КЦАБ.

Далее в «Челобитной» высмеивается позиция противников политики СБСР, американского радиосоветника Мананга Вильямса и директора всех программ искусствоведа В.В. Вейдле. «Жалоба мне, Государь, на мериканские земли немчина, на Максимку Максимова сына Вильямса. ... И последи же того привел он меня еретик в палаты каменные и посадил в клеть древяну, да писать грамотки подметныя.

И тако надругавшись посылал грамотки к волхву и чернокнижнику к Володимирку Вейдле о нем же в писании сказано: родиною немчин, нравом аглинец, а умом француз. И тот халдей и чернокнижник метил грамотки наши знаками кабальными, да и печати бесовские на них ставил. И у меня, Госу-

дарь, от тех его сатанинских хитростей — мороз по хрепту, зане учюял, как тот Владимирко своим злодейственным обычаем, подобно змию, на православное христианство яд изливаше»⁶⁶.

Несмотря на все споры и дискуссии, С.П. Мельгунов старался помогать единомышленнику. В 1951 г. он пытался устроить Н.И. Ульянова в некое «культурное учреждение» в США, которое предполагалось организовать во главе с Б.И. Николаевским. Затем Мельгунов сделал попытку устроить друга в Институт по изучению истории и культуры СССР в Мюнхене. Для Ульянова Мельгунов вместе с И.А. Буниным, А.М. Ремизовым, Г.В. Вернадским и Г.В. Ивановым стал олицетворением зарубежной России. Недаром без всякой лести историк написал старшему другу: «Ведь Вы — целая эпоха»⁶⁷.

После смерти С.П. Мельгунова Н.И. Ульянов хлопотал о продаже архива старшего товарища в архивы Йельского или Колумбийского университетов, написал ряд некрологов и статей⁶⁸. Два совершенно разных по характеру русских историка могли состоять только в организации, подобной СБСР, т.к. союз являлся объединением интеллектуалов из первой и второй волн, занимавших четкие непредвзятые позиции, объединявших правых социалистов, республиканцев и конституционных монархистов. Ульянов по праву мог написать вдове друга: «Чувствую себя единственным истинным последователем Сергея Петровича. Говорю это без всякой позы, потому что все враги С.П. смотрят на меня здесь так же»⁶⁹.

¹ Георгий Иванов — Ирина Одоевцева — Роман Гуль: Тройственный союз: (переписка 1953–1958 гг.). СПб., 2010. С. 102.

² Там же. С. 89.

³ Там же.

⁴ См.: Азадовский К.М. Александр Биск и одесская «Литературка» // Диаспора: новые материалы / ред. В.Е. Аллой. Париж; СПб., 2001. Т. 1. С. 113.

⁵ Кашкаров Ю.Д. Меж двух берегов: литература русского зарубежья вчера и сегодня // Москва (М.). 1993. № 7-8. С. 150.

⁶ Ульянов Н. Сергей Петрович Мельгунов // НРС. 1956. 10 июня. № 15688. С. 3.

⁷ Там же.

⁸ Муравьев П.А. Жизнь — это творчество // Отклики: сб. ст. памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985). Нью-Хэвен, 1986. С. 44.

⁹ Н.И. Ульянов — П.Е. Мельгуновой, 21 апреля 1957 г. // LSE. SC. S.P. Melgunov papers.

¹⁰ Ульянов Н. Застигнутый ночью // НЖ. 1954. № 39. С. 143.

¹¹ Он же. Застигнутый ночью [Машинопись статьи с правкой рукой М.М. Карповича и Н.И. Ульянова] // ВА. М.М. Karpovich papers. Box 12. Л. 3.

¹² Ibid. Л. 1.

¹³ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 17 июня 1952 г. // LSE. SC.

¹⁴ См.: Сборник российских политических программ, 1917–1955 [/ сост. А.Н. Артемов]. Выборг, 1991. С. 89.

- ¹⁵ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 4 сентября 1949 г. // LSE. SC.
- ¹⁶ Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов в России и эмиграции. М., 1998. С. 95.
- ¹⁷ Антошин А.В. «Правый центр» в российской эмиграции после Второй мировой войны: Союз борьбы за свободу России // Наука, культура и политика русской эмиграции: сб. ст. и материалов Всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, 24–26 июня 2002 г. / науч. ред. И.А. Шомракова, П.Н. Базанов. СПб., 2004. С. 58–63. (Тр. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств; т. 162).
- ¹⁸ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 4 сентября 1949 г. // LSE. SC.
- ¹⁹ См.: Антошин А.В. Указ. соч. С. 62.
- ²⁰ Цуриков Н.А. Народноправство или свобода? // Возрождение (Париж). 1949. № 5. С. 127.
- ²¹ Херасков И.М. Демократия — свобода // Там же. С. 133.
- ²² Антошин А.В. Указ. соч. С. 59.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Херасков И. К загадке Ленина // Возрождение. 1954. № 31. С. 172–177; А.И. Казарменный социализм // Там же. С. 195–198; Антошин А.В. Указ. соч. С. 59.
- ²⁵ Ульянов Н.И. Атосса // Возрождение. 1950. № 9. С. 24–34; № 10. С. 7–30; № 12. С. 24–34; 1951. № 14. С. 36–49; № 16. С. 23–37; № 17. С. 32–47; № 18. С. 46–58; 1952. № 20. С. 9–18; № 21. С. 9–23; № 22. С. 7–20.
- ²⁶ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 21 марта 1952 г. // LSE. SC.
- ²⁷ Шварц-Омонский Н. Об одном учении в национальном вопросе // Возрождение. 1949. № 6. С. 150–156.
- ²⁸ Он же. Геноцид или усердие не по разуму? // Там же. 1950. № 10. С. 193–196.
- ²⁹ Он же. Большевизм и национальный вопрос // Там же. 1951. № 13. С. 156–167.
- ³⁰ С.П. Мельгунов — Н.И. Ульянову, 1 марта 1951 г. // LSE. SC.
- ³¹ Ульянов Н. Богдан Хмельницкий // Возрождение. 1953. № 28. С. 125–141; № 29. С. 155–170.
- ³² Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 29 мая 1951 г. // LSE. SC.
- ³³ Ульянов Н. Зеркало украинского национализма // Возрождение. 1950. № 9. С. 188–191. — Рец. на: Borschak E. La légende historique de l'Ukraine — Istorija Rusov. P., 1949.
- ³⁴ Он же. От легенд к науке // Возрождение. 1952. № 22. С. 178–182. — Рец. на: Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после «отречения». Париж, 1951.
- ³⁵ Он же. Сокрушение кумиров: (Новое в русской историографии) // Возрождение. 1952. № 24. С. 174–181. — Рец. на: Ельяшевич В.Б. История права поземельной собственности в России. Париж, 1948. Т. 1; 1951. Т. 2.
- ³⁶ Он же. Гумилев // Возрождение. 1952. № 19. С. 151–158.
- ³⁷ Шварц-Омонский Н. Внуки Лескова // Там же. № 22. С. 159–171.
- ³⁸ Он же. Казакиада // Российский демократ (Париж). 1950. № 1 (сб. 19). С. 27–30.
- ³⁹ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 27 декабря 1949 г. // LSE. SC.
- ⁴⁰ Шварц-Омонский Н. История и утопия // Российский демократ. 1951. № 1 (сб. 20). С. 9–20.
- ⁴¹ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 14 мая 1951 г. // LSE. SC.
- ⁴² Ульянов Н. Русь — Малороссия — Украина // Российский демократ. 1953. № 2 (сб. 23). С. 46–59.

- ⁴³ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 28 апреля 1950 г. // LSE. SC.
- ⁴⁴ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 10 октября 1953 г. // Ibid.
- ⁴⁵ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 6 марта 1952 г. // Ibid.
- ⁴⁶ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 17 июля 1952 г. // Ibid.
- ⁴⁷ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 12 января 1952 г. // Ibid.
- ⁴⁸ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 16 июня 1951 г. // Ibid.
- ⁴⁹ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 17 апреля 1951 г. // Ibid.
- ⁵⁰ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 5 августа 1950 г. // Ibid.
- ⁵¹ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 4 мая 1950 г. // Ibid.
- ⁵² См.: «Права человека и империи»: В.А. Маклаков и М.А. Алданов: переписка 1929–1957 гг. / сост., вступ. ст. и примеч. О.В. Будницкого. М., 2015. С. 610, 620.
- ⁵³ См.: Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. 2-е изд., испр. М., 1994. Т. 1. С. 371.
- ⁵⁴ Ульянов Н. Цитаты «Возрождения»: Письмо в редакцию // РМ. 1957. 5 декабря. № 1143. С. 5.
- ⁵⁵ Ульянов Н. Скрипты. Ann Arbor, Mich., 1981. С. 14–15.
- ⁵⁶ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 14 ноября 1952 г. // LSE. SC.
- ⁵⁷ См.: Карин С. Судьба радиостанции «Освобождение» // Российский демократ. 1953. № 2 (сб. 23). С. 33.
- ⁵⁸ Крыжицкий С. Н.И. Ульянов // Отклики. С. 62; В.С. [В.Д. Самарин]. Служение России: (Памяти Н.И. Ульянова) // Вече (Мюнхен). 1985. № 18. С. 195.
- ⁵⁹ Из архива редактора «Опытов» / публ. и подгот. текста А.Н. Богословского, коммент. О.А. Коростелева // Литературоведческий журнал (М.). 2003. № 17. С. 194.
- ⁶⁰ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 6 января 1954 г. // LSE. SC.
- ⁶¹ «Если чудо вообще возможно за границей...»: эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелев. М., 2008. С. 735.
- ⁶² Возрождение. 1953. № 5. С. 191.
- ⁶³ См.: Антошин А.В. Указ. соч. С. 62.
- ⁶⁴ См.: Толстой И.Н. Говорит Радиостанция Освобождение: К истории первого дня вещания // URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24918117.html> (дата обращения: 01.02.2019).
- ⁶⁵ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 25 июля 1953 г. // LSE. SC.
- ⁶⁶ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 25 июля 1953 г. // Ibid.
- ⁶⁷ Н.И. Ульянов — С.П. Мельгунову, 28 августа 1955 г. // Ibid.
- ⁶⁸ Ульянов Н. Сергей Петрович Мельгунов // НРС. 1956. 10 июня. № 15688. С. 3; Он же. Сергей Петрович Мельгунов // РМ. 1956. 16 июня. № 913. С. 3, 7; Он же. С.П. Мельгунов как историк // НРС. 1956. 25 ноября. № 15856. С. 8; 2 декабря. № 15863. С. 2; Он же. Памяти С.П. Мельгунова // Ульянов Н. Спуск флага. New Haven, Conn., 1979. С. 137–143; *Idem*. In Commemoration of S.P. Melgunov // Russian Review. 1958. Vol. 17, № 3. P. 193–200.
- ⁶⁹ Н.И. Ульянов — П.Е. Мельгуновой, 21 апреля 1957 г. // LSE. SC.

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ И ЛЕОНИД РЖЕВСКИЙ:
К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ*

Аннотация: Статья посвящена дружеским и коллегиальным отношениям Леонида Ржевского и Владимира Максимова — представителей второй и третьей русской эмиграции. Их взаимный интерес и пристальное внимание к творчеству друг друга рассматриваются на материалах переписки, сохранившейся в архивах Германии и США.

Annotation: The article is dedicated to personal and work relation between Leonid Rzhevsky and Vladimir Maximov, representatives of the «second» and the «third» waves of Russian emigration. Their mutual interest and close attention to each others' works are analyzed on the basis of correspondence held in German and American archives.

Ключевые слова: В.Е. Максимов, Л.Д. Ржевский, «Континент», «Новый журнал», вторая волна, третья волна, русская эмиграция.

Key words: V.E. Maximov, L.D. Rzhevsky, «Kontinent», «The New Review», «second wave», «third wave», Russian emigration.

Интерес Леонида Ржевского — представителя второй волны эмиграции — к Владимиру Максиму — одной из важнейших фигур третьей волны — изначально возник, скорее всего, как к редактору журнала «Континент», первый номер которого вышел в Париже осенью 1974 года. Л. Ржевский и сам имел редакторский опыт: в 1952–1955 годах он возглавлял журнал «Грани», а в 1975–1976 годах был соредактором «Нового журнала». Вскоре В. Максимов привлек внимание Л. Ржевского и как писатель. Во всяком случае, уже в 1975 году последний опубликовал в «Новом журнале» (1975. № 119) одну из самых ранних рецензий на роман В. Максимова «Прощание из ниоткуда», изданный в эмиграции. Из этого отзыва со всей очевидностью следовало, что наиболее привлекательная черта прозы В. Максимова для Л. Ржевского — ее открытая автобиографичность, исповедальность. Три года спустя Л. Ржевский написал подробную и глубокую статью сразу о трех романах писателя, объединив их в «Триптих В. Максимова»: «Семь дней творения», «Карантин» и «Прощание из ниоткуда». Воздействие этих романов (первые два были написаны до эмиграции автора и запрещены цензурой) Л. Ржевский назвал «ошеломительной новостью»: «Впечатление, что встретился с крупнейшим мастером русской нынешней прозы, как сложилось, так

* Благодарю Т.В. Максиму и П.А. Трибунского за предоставленную возможность поработать с архивными материалами из фонда В.Е. Максимова. Отдельная благодарность Я. Клоцу (США) за сообщение данных из архива Л.Д. Ржевского.

и не оставляет до сих пор. Перед нами не просто раскрепощение, но духовное раскрепощение реализма, раскрепощение самого творческого духа (подчеркнуто Л. Ржевским. — Е.С.). Со стороны же художественной — богатейшего мастерства проза наших дней»¹.

Проза самого Л. Ржевского также отличалась автобиографичностью, связью художественных коллизий с личной судьбой и с судьбой поколения — войны и плена, лагерей для ди-пи — со всем тем, что выпало на долю второй волны эмиграции. Особенно нагляден автобиографический пласт повествования в его первой повести «Девушка из бункера», получившей в дополненной и переработанной редакции название «Между двух звезд» (1951–1953), и в романе «Две строчки времени» (1976). «Творчество писателя Ржевского стоит в ряду произведений классической русской литературы, — справедливо утверждает М. Адамович, — с ее особым отношением к человеку, его метафизической природе, с отношением к слову как к особому слову-откровению, с признанием нравственно-очищающего значения художественного творчества, с установкой на катарсис, на духовное обновление. ... Практически во всех произведениях Ржевского в разной степени поднимаются две религиозные темы: жертвы и греха»². Эти устойчивые мотивы в высшей степени характерны и для автобиографической прозы В. Максимова.

Л. Ржевский и В. Максимов общались по преимуществу в эпистолярной форме, их переписка свидетельствует о доверительных отношениях и взаимном уважении. Обращение друг к другу теплое: «дорогой Владимир Емельянович» — «всегда Ваш В. Максимов». Личные контакты были затруднены, поскольку Л. Ржевский жил в Нью-Йорке, а В. Максимов в Париже. Переписка отражает искренний интерес друг к другу и духовную близость адресатов. Писатели встречались на международных симпозиумах и конференциях в Италии, США, ФРГ. В. Синкевич, близко знавшая Л. Ржевского на протяжении многих лет, вспоминала, что «Максимов бывал и гостил в квартире четы Ржевских в Нью-Йорке» и что «с Максимовым Леонид Денисович был в дружеских коллегиальных отношениях»³. Она подчеркивала, что Ржевский, «как никто, умел создать вокруг себя — где бы он ни был, необыкновенную атмосферу доброжелательности и непритворного радушия. Был он также исключительно верным в дружбе»⁴.

Переписка Л. Ржевского и В. Максимова хранится в историческом архиве Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете (Германия) и в отделе редких книг и рукописей Библиотеки Бейнеке Йельского университета (США). Когда именно и как произошло личное знакомство, нам доподлинно неизвестно, но наиболее раннее письмо Л. Ржевского В. Максиму датируется 20 февраля 1976 года. В нем Л. Ржевский благодарит редактора «Континента» за присланный № 6 издания: «Конечно же, хочется поздравить Вас как редактора с очень привлекательным лицом журнала и верной обращенностью его не только к эмигрантскому читателю (его, эмигрант-

ского, больше уже и нет). Все собираюсь послать Вам что-нибудь свое, но пишу медленно, как-то “нецелеустремленно”; кончил вот недавно обработку одной переписки (К. Чуковского с незнакомкой из Нью-Йорка), а за более оригинальное никак не примусь⁵. Двадцать пятого марта 1976 года В. Максимов отвечает Л. Ржевскому столь же тепло и предлагает сотрудничество: «Неплохо было бы, конечно, получить от Вас что-нибудь для “Континента”, но на нет и суда нет. Будем все же надеяться»⁶. Почти год спустя Л. Ржевский сообщает В. Максимова, что у него «написалась повесть, страниц около сорока» и он готов послать этот текст в «Континент».

Л.Д. Ржевский. 1960-е

Однако предварительно уточняет: «Нужно ли? м.б., у “Континента” сейчас избыток манускриптов с прозой? Черкните мне, пожалуйста, строчку в ответ. Хочу сказать также: я автор не гордый: если почему-либо вещь не приглянется — напечатаю в другом месте. Шлем оба Вам и Тане (супруге В. Максимова. — С.Е.) самые теплые приветы!»⁷

Обратим внимание, что это письмо написано уже известным в США и в Европе прозаиком, перу которого принадлежат не только художественные произведения, но и несколько литературоведческих книг, множество научных статей. Филолог по образованию, Л. Ржевский всю жизнь занимался литературоведением и критикой. Его пристальный интерес к творчеству Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова, Булгакова, Бабеля, Пастернака, Солженицына был хорошо известен русской эмиграции. Богатым был и педагогический опыт Л. Ржевского⁸. Он много лет преподавал русскую литературу сначала в Оклахомском, затем в Нью-Йоркском университетах, вел летнюю школу в Норвичском университете, где читал лекции по современной русской литературе. Владимир Максимов был одним из тех писателей, о которых он говорил со студентами. Так, 15 апреля 1977 года Ржевский сообщал своему адресату: «В июле — начале августа буду читать курс современной русской литературы (советской, главным образом) в летней русской школе Норвичского университета. Там же (это штат Вермонт) устраиваю по поручению дирекции симпозиум по русской (современной же) зарубежной литературе, который состоится 2–3 июля. Жаль, что из-за повсеместной теперь нехватки денег не могу пригласить Вас и никого из Европы, т.е. пригласить с оплатой дороги, но “условное” приглашение шлю, тем более что в темы обсуждений будете включены»⁹.

Обсуждая возможность публикации прозы Л. Ржевского в ближайших номерах «Континента», Максимов писал 7 марта 1977 года: «Дорогой Леонид Денисович! Рад, что откликнулись. Повесть, несомненно, присылайте. Будем

читать и, надеюсь, печатать. С большим интересом проглотил Ваш роман в "Гранях"¹⁰. Речь идет о романе Л. Ржевского «Две строчки времени», опубликованном в 1976 году, 15 апреля 1977 года Л. Ржевский сообщил В. Максиму о том, что послал ему книжку с дарственной надписью. В письме от 24 апреля 1977 года В. Максимов информировал Л. Ржевского о том, что в № 12 «Континента» освободилось место для его прозы. Речь шла об автобиографической повести «Клим и Панночка», которая после публикации в «Континенте» вызвала значительный читательский интерес, в том числе к «польской» и военной теме, и положительные отзывы критики. Отвечая адресату на следующий день, Л. Ржевский выражал свое согласие на публикацию и сообщал о том, что «получил "Континент" 11-й (очень много интересного, и какие стихи!)»¹¹. Кроме повести «Клим и Панночка» в журнале «Континент» были опубликованы два рассказа Л. Ржевского — «Малиновое варенье» (1984. № 40) и «Полукрылый ангел» (1985. № 45).

Двадцатого декабря 1978 года В. Максимов писал Л. Ржевскому: «Дорогой Леонид Денисович! Сердечно благодарю Вас за статью о моих опусах в 109 номере "Граней". Она тем более лестна для меня, что написана не только выдающимся знатоком современной литературы, но одним из лучших ныне живущих русских прозаиков. Мне трудно судить, в какой мере мне удалось воплотить свои замыслы на деле. Но механизм этих замыслов, их движущая сила угаданы Вами с поразительной точностью. Еще раз хочу засвидетельствовать Вам свою авторскую признательность»¹².

Переписка свидетельствует о том, что Л. Ржевский внимательно читал каждый номер «Континента» и об особенно удачных, на его взгляд, с удовольствием сообщал В. Максиму. Но мог, разумеется, высказать и критические замечания. Двадцать восьмого февраля 1981 года Л. Ржевский писал о № 26 «Континента», который «замечательно удался». «Все превосходно: стихи, проза. В литературном отделе отметил Б. Закса о Василии Гроссмане. Роман этот — "Жизнь и судьба" — большое событие; но вот предисловие Эткинда... Там прочтете, что в 60-е годы, после приезда на Запад Зиновьева, Бродского, Некрасова "появилась русская литература в эмиграции". До 60-х годов ее, стало быть, не было! К чему такая перекличка с советским замалчиванием эмигрантских имен? Иосиф Бродский поэт первоклассный, но был до него (и есть) и Елагин... Еще хочу сказать Вам, что очень жду Вашей новой прозы. Вы, по теперешнему моему разумению, не "один из...", но крупнейший наш прозаик (так и говорю в своем курсе современной русской литературы, который читаю летом в одном из здешних университетов). Преступно было бы Вам не писать. — Звучит это, верно, по-стариковски, но я и есть стар»¹³.

В ответном письме от 18 марта 1981 года В. Максимов писал: «Благодарю Вас за письмо и теплый отзыв о 26-м номере. Разумеется, Вы правы, что мне давно бы следовало поменьше заниматься так называемой общественной деятельностью, а побольше писать. Кажется, вот-вот все брошу. Но проклятая карусель мирской суеты с самого утра закручивает меня без остатка. И все же

я твердо решил в самое ближайшее время разорвать этот заколдованный круг и уверяю Вас, что разорву»¹⁴.

В письме от 11 марта 1982 года Л. Ржевский поддерживает В. Максимова в решении продолжить автобиографический роман «Прощание из ниоткуда»: «Я убежден, что автобиографичность — первейший творческий ключ именно для русских современных писателей, которых “колеса Истории”, то есть того страшного, что над всеми нами, зацепили бесконечно больше, чем западных, и неисчерпаемы, я думаю, темы (отнюдь, конечно, не только жалобы), которые предназначено им творчески развернуть. Форма? У Вас получается оригинальный и яркий “монологический” роман. В отличие от “Прощания”, где было не только много внутреннего (также и эзотерического) движения, и пропасть сюжетного, — тут у Вас все центристски, все в сфере “я”. Кто-нибудь непременно Вас за это упрекнет; кто-нибудь скажет о “публицистичности” иных пассажей, но я вижу в романе (“Чаша ярости”. — Е.С.) крепкое стилевое единство, единство структурного стержня и прекрасный, горячий язык. Исполать Вам, как говорится!»¹⁵

В этом же письме — «местная» (как ее называет Л. Ржевский, обращаясь к В. Максимова) тема: «о неколлегиальности наших пишущих, о тенденции “не замечать” литературы “до” третьей волны, — тенденции, Вам, конечно, известной»¹⁶.

Неделю спустя (18 марта 1982 года) В. Максимов отвечал Л. Ржевскому: «Сердечно благодарю Вас за добрые слова о моей новой вещи. Мнение Ваше я всегда высоко ценил и ценю, оттого с опаской жду Вашей окончательной оценки после ее выхода в свет в полном виде. Что касается неколлегиальности пишущих третьей волны, то этого следовало ожидать: за редким исключением, вся эта публика отличается большими амбициями и крохотным творческим потенциалом, для нее литература — не дело жизни, а средство самоутверждения, весь их внутренний мир сосредоточен на собственном пупе, за которым они ничего более не хотят видеть. Так что, как говорится, пусть мертвые хоронят своих мертвецов»¹⁷.

В постскрипуме к цитированному письму Максимов сообщал о готовящемся приветствии «Континента» Я.М. Седых. Речь шла о приближавшемся в те дни 80-летию Я.М. Седых, главного редактора газеты «Новое русское слово». Л. Ржевский занимался составлением и изданием юбилейного альманаха, а также подбором поздравительных материалов. В послании от 1 ноября 1982 года Л. Ржевский писал В. Максимова: «Устраиваю в следующее воскресенье большой литературный вечер по случаю общего собрания Литфонда и в честь юбиляра, Андрея Седых (Аксенов, Войнович, Седых, Роман Гуль, И. Елагин, Наум Коржавин, Ржевский — вот какой сплав!). Жалко, что Вы далеко»¹⁸.

Седьмого января 1983 года Л. Ржевский сообщает, что «в начале февраля состоится вечер двух поэтов — И. Елагина и Н. Коржавина. Энергично приложил руку к тому, чтобы В. Некрасов приехал на летнюю сессию Русской школы Норвичского университета; надеюсь, получится хорошо». Здесь же возобновляется

разговор о романе «Чаша ярости», вышедшем отдельным изданием. «Сильная вещь! — подчеркивает Л. Ржевский. — По творческой структуре это совсем новое продление “Прощания”: панорамное сменилось интроверсированностью, и так непременно и должно было быть по мере временного и локального удаления от событий. Теперь у Вас все — и среда, и критерии — дано сквозь авторское “я”, сгущенное и напряженное до предела; иные слова Ваши и строки кипят! А что касается духа книги, то я не знаю более захватывающей и насущной темы, чем не терять сопротивления Злу, минувшему и настоящему. Поздравляю Вас с новой удачей. Благодарю также и за помещение рецензии на мой “Бунт” (роман “Бунт подсолнечника”. — Е.С.). По инициалам — автор Виолетта Иверни. Ряд очень тонких и проницательных ее замечаний, касающихся подстрочной сути книги, прочел с огромным удовлетворением. Спасибо ей!»¹⁹

Обратимся к рецензии Виолетты Иверни. Роман «Бунт подсолнечника», на взгляд критика, «смелая и интересная попытка исследовать или, вернее, проследить взаимоотношения между двумя волнами эмиграции — послевоенной и последней, “третьей”. Выражение “смелая” — не преувеличение: действительно, писателю приходится идти на определенный риск, когда он решает свое произведение на основе событий слишком свежих, исторически не устоявшихся, почти журналистски злободневных. Но, пытаясь отыскать в романе побудительные причины, приведшие к его созданию, мы натываемся на такое страстное желание автора понять и постигнуть всю сложность взаимоотношений между двумя поколениями соотечественников, имеющими одну и ту же исходную и конечную точки судьбы, что сразу и немедленно обнаруживаем в этой страсти источник писательской дерзости»²⁰.

Регулярно читая «Континент» и считая его сотрудников во главе с редактором добрыми друзьями, Л. Ржевский в письме от 12 марта 1984 года отправляет В. Максимова текст поздравления журналу в связи с 10-летием издания: «О “Континенте”, не боясь впасть в юбилейное параднословие, скажу: обе его “пятилетки”, вместе с отмечавшими их конференциями (Берлин — Милан), считал литературными событиями. Само слово “десятилетие” знаменательно в истории русской культуры. Десятилетие “Континента” — взлет и подлинно победное свершение: самые горячие пожелания неоспоримы. Пожелания? ... Журнал очень интеллектуален, надо, по-моему, особенно пестовать художественную его часть (почему бы не провести конкурс на прозу?). Но, по поговорке “победителей не судят”, я верю его редактору, книги которого перечитываю порой не без коллегиальной зависти. И верю, что восьмидесятые годы станут очередным славным десятилетием “Континента”»²¹.

Последнее письмо Ржевского — во всяком случае, из тех, что сохранились в двух архивах — датировано 29 января 1986 года (в ноябре Леонид Денисович скончался). В этом письме он сердечно благодарил В. Максимова за поздравление с 80-летием, опубликованное в № 46 «Континента». Приведем фрагмент этого поздравления: «Достаточно прочесть любой из его романов, чтобы убедиться: на редкость верна Ржевскому молодость. Он открыт любому движе-

нию. Красоте, вечерней тоске. Утренней свежести и надежде. Судьбе и одиночеству. Теплому человеческому голосу и холодному дождю. Внимательно вникает он и в жизнь, и в литературу, не отделяя одно от другого, свидетельство тому — его книга статей “Творец и подвиг”. Жизнь за плечами его богата, хотя и нелегка, далеко не всегда весела. Но в день юбилея хочется помнить только о богатстве ее, о добре в ней. И с этим поздравляем мы Леонида Ржевского. С днем рождения, дорогой друг!»²²

Л. Ржевский был растроган столь теплым поздравлением от журнала и писал В. Максимова (в том же письме от 29 января 1986 года), что для него это «очень ценно и важно». «В жизни себя не преувеличивал и тщеславием — больше нормы для всякого пишущего — не страдал, но, дотянув до восьмидесяти, ловлю себя на оглядке (в смысле “итогах” и излишней чувствительности): “тут не дочитали, не поняли, там — не помянули либо вовсе задвинули, вроде и не был”. По-умному бы сказать: разберутся посмертно, но дорог привет ко времени. Еще раз спасибо редакции!» Далее Л. Ржевский высоко отзывался о № 46 «Континента» в целом: «Книжка 46-я, как всегда, умна и живо читается; в публицистике хороша полемическая струя. Я давно уже начинаю одобрять емкость Вашего редакторского отбора (был у нас с Вами в Милане об этом разговор): даровитое, перемежаясь с обычным, радует глаз. В стихах это — Кенжеев, Елагин, Иоффе; в прозе интересен очерк Бродского, хоть и замысловат. Очень интересен Ваш “Адмирал”, не терпится, что пойдет дальше, замысел смел и труден. Исполать Вам, как говорится»²³.

Завершить статью о дружбе и товариществе двух ярких писателей, представителей второй и третьей волн русской эмиграции, хочется символической деталью из воспоминаний Валентины Синкевич: «Леонид Денисович работал до последних дней. На его письменном столе осталась лежать книга Владимира Максимова “Заглянуть в бездну”. О ней он должен был написать рецензию и уже сделал много заметок, выделил места, на которых хотел остановиться. Но рецензия осталась недописанной»²⁴.

¹ Ржевский Л. Триптих В. Максимова // Грани. 1978. № 109. С. 266.

² Адамович М. Тяжелые звезды Леонида Ржевского // НЖ. 2009. № 256. С. 182.

³ Синкевич В. Леонид Ржевский — писатель и человек // Ржевский Л.Д. Между двух звезд. М., 2000. С. 19.

⁴ Она же. Памяти Леонида Ржевского // НЖ. 1986. № 165. С. 339.

⁵ Л.Д. Ржевский — В.Е. Максимова, 20 февраля 1976 г. // FSO. 01-002 (Maksimov, Vladimir).

⁶ В.Е. Максимов — Л.Д. Ржевскому, 25 марта 1976 г. // Beinecke. L. Rzhevsky papers. Box 6, folder 130.

⁷ Л.Д. Ржевский — В.Е. Максимова, 26 февраля 1977 г. // Ibid.

⁸ Этому вопросу посвящена обстоятельная статья Т.В. Гордиенко «Педагогический опыт Л. Ржевского» (НЖ. 2017. № 289. С. 286–296).

⁹ Л.Д. Ржевский — В.Е. Максимова, 15 апреля 1977 г. // FSO. 01-002 (Maksimov, Vladimir).

¹⁰ В.Е. Максимов — Л.Д. Ржевскому, 7 марта 1977 г. // Beinecke. L. Rzhevsky papers. Box 6, folder 130.

¹¹ В.Е. Максимов — Л.Д. Ржевскому, 25 апреля 1977 г. // FSO. 01-002 (Maksimov, Vladimir).

¹² В.Е. Максимов — Л.Д. Ржевскому, 20 декабря 1978 г. // Beinecke. L. Rzhevsky papers. Box 6, folder 130.

¹³ Л.Д. Ржевский — В.Е. Максимова, 28 февраля 1981 г. // FSO. 01-002 (Maksimov, Vladimir).

¹⁴ В.Е. Максимов — Л.Д. Ржевскому, 18 марта 1981 г. // Beinecke. L. Rzhevsky papers. Box 6, folder 130.

¹⁵ Л.Д. Ржевский — В.Е. Максимова, 11 марта 1982 г. // Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ В.Е. Максимов — Л.Д. Ржевскому, 18 марта 1982 г. // Beinecke. L. Rzhevsky papers. Box 6, folder 130.

¹⁸ Л.Д. Ржевский — В.Е. Максимова, 1 ноября 1982 г. // FSO. 01-002 (Maksimov, Vladimir).

¹⁹ Л.Д. Ржевский — В.Е. Максимова, 7 января 1983 г. // Beinecke. L. Rzhevsky papers. Box 6, folder 130.

²⁰ Иверни В. Чужая душа // Континент. 1982. № 34. 1982. С. 399.

²¹ Л.Д. Ржевский — В.Е. Максимова, 12 марта 1984 г. // Beinecke. L. Rzhevsky papers. Box 6, folder 130.

²² Континент. 1985. № 46. С. 282.

²³ Л.Д. Ржевский — В.Е. Максимова, 29 января 1986 г. // Beinecke. L. Rzhevsky papers. Box 6, folder 130.

²⁴ Синкевич В. Леонид Ржевский — писатель и человек. С. 18.

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

М. Шруба

КНИГА Б.Н. ШИРЯЕВА 1946 года
О СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация: Статья посвящена обзору русской литературы, созданному Б.Н. Ширяевым в 1945 г., и в 1946 г. изданному на итальянском языке.

Annotation: The article is dedicated to the survey of Russian literature, written by B.N. Shiryayev in 1945, and published in Italian (1946).

Ключевые слова: Б.Н. Ширяев, А. Паллуккини, Ф. Монтуоро, И. Доллар, обзор, русская литература.

Key words: B. Shiryayev, A. Pallucchini, F. Montuoro, I. Dollar, survey, Russian literature.

Видный писатель второй волны русской эмиграции Борис Николаевич Ширяев (1889, Москва — 1959, Сан-Ремо, Италия)¹ покинул советскую Россию вместе с отступающей немецкой армией, оказавшись весной 1944 г. в Германии². Став офицером РОА, Ширяев в феврале 1945 г. был командирован вермахтом в г. Толмеццо в Северной Италии, где находился штаб корпуса казачьих войск. Там он в течение нескольких недель, до вывода казаков в Австрию, выпускал газету «Казачья земля»³. После прихода союзных войск в Толмеццо Ширяев, пытаясь избежать насильственной репатриации в Советский Союз, перебрался вместе с семьей в Венецию, где провел шесть месяцев на правах ди-пи; затем итальянская администрация заставила его почему-то покинуть город, и Ширяев отправился вместе с женой и сыном осенью 1945 г. в Рим.

В течение нескольких месяцев, проведенных в Венеции, Ширяев написал целую книгу о современной русской литературе; русскоязычная рукопись была переведена на итальянский язык и опубликована год спустя, в ноябре 1946 г. (месяц выхода из печати указан в конце книги) под псевдонимом «Aleksiej Alimov»⁴. Вот полные выходные данные этой книги:

Alimov Aleksej. Panorama della letteratura russa contemporanea [Обзор современной русской литературы]. Milano; Venezia: Dr. Francesco Montuoro editore, 1946. 263 p.

Перипетии начального периода пребывания в Италии описаны Ширяевым в первых главах его автобиографической книги «Ди-пи в Италии», опубликованной семь лет спустя в Аргентине⁵. Там же он изложил и историю своего книжного дебюта.

Шириев вошел в интеллектуальные круги Венеции случайно, познакомившись в одном из лагерей для беженцев с итальянкой Анной Паллуккини (Anna Pallucchini; в книге Шириева неверная транслитерация фамилии с одним «к»: «Паллукини»), занимавшейся там благотворительной деятельностью:

«Ее зовут Анна Паллукини. Она — прирожденная венецианка, жена видного историка искусств⁶ и сама профессоресса литературы в лицее. Это нас сближает.

— Вы — русский и к тому же профессор, коллеги? Ну, так беру вас под свое покровительство. Мой брат сейчас в плену у русских. Ради него я работаю сейчас здесь. Так велит Бог. Я — католичка»⁷.

Обстоятельства заказа, создания и публикации книги Шириева о современной русской литературе кратко изложены в восьмом разделе его автобиографической книги, озаглавленном «Без “клюквы” не обходится». Согласно рассказу в книге знакомство Шириева с миланско-венецианским издателем Франческо Монтворо⁸ (в книге он именуется автором почему-то упорно «Монтворо») состоялось при посредничестве А. Паллуккини в июне 1945 г.:

«Утром одного ясного до боли в глазах июньского дня, когда лагуна блестит расплавленным серебром, синьора Паллукини появляется в дверях нашей комнаты. Она, как всегда, изящна и деловита. Маленькие руки маленькой женщины крепко всунуты в карманы полумужского жакета.

— Профессор, вам есть работа. Идемте сейчас же. Издатель Монтворо хочет поручить вам написать обзор советской литературы.

— Но ведь по-итальянски?!

— Все устроено. Переводчица найдена.

Через полчаса ходьбы по петлям и тупикам — других средств сообщения в Венеции нет, — мы в издательстве.

Его глава, доктор Монтворо, миланец, с мечтательно-грустными глазами, бегло говорит по-французски.

Да, он хочет выпустить эту книгу. Ко всему русскому сейчас большой интерес. Все издательства спешно переводят с русского. “Тихий Дон”... “Тарас Бульба”... Им выпущен уже “Конек-Горбунок” в переводе одной русской художницы с ее же рисунками...⁹ Но обзора новой русской литературы еще ни у кого нет. А он очень нужен. Ведь в Италии четыре славянских факультета: в Венеции, Падове, Риме и Неаполе.

— Вы беретесь? Срок — три месяца. Объем — 250 страниц. Пятнадцать процентов с продажи автору. Тираж от пяти до десяти тысяч...

Берусь ли я? И хочется, и колется... А даты? Перечни произведений и другие точные необходимые материалы?

Память у меня хорошая, но для такой работы ее недостаточно.

Синьора Паллукини угадывает мои сомнения и приходит на помощь.

— При славянском факультете есть русская библиотека... Декан его, профессор Грациани¹⁰ — мой друг. Я устрою вам доступ.

Цезарь переходит Рубикон! Жребий брошен!

Мы подписываем контракт, и я получаю даже десять тысяч лир аванса. Вся сумма возможного гонорара при продаже книги по 300 лир равна 450.000 лир. Десять тысяч аванса как будто и маловато, но мне, не имеющему в тот момент ни одной лиры в кармане, они кажутся богатством Карнеджи.

Я не торгуюсь и подписываю контракт.

Книга вышла и имела “хорошую прессу”¹¹, но эти десять тысяч лир были единственным моим гонораром. Ни лиры больше я не получил до сегодня.

Почему?

В контракт не был внесен пункт, утверждающий за мной право контроля продажи книги издательством. На все попытки адвокатов Международного Красного Креста, к помощи которых я прибегал, Монтворо неизменно отвечал, что продажа не превысила еще суммы аванса, хотя неизменное присутствие моей книги в витринах книжных магазинов Рима и Неаполя утверждало обратное. В Италии издательства продают магазинам только за наличный расчет»¹².

Итак, Ширяев обязался написать в течение трех месяцев (!) книгу о современной русской литературе объемом в 250 страниц. По-видимому, книга действительно была написана им в кратчайший срок, судя также по ее качеству (об этом ниже).

Тираж книги едва достиг обещанных «от пяти до десяти тысяч»; в самом издании тираж не указан, однако на четвертой странице (слева от титульного листа) имеется помета: «Tutte le copie di questa edizione sono numerate [Все экземпляры этого издания пронумерованы]», встречающаяся обычно лишь на библиофильских изданиях с весьма ограниченным тиражом. Заметим мимоходом, что назвать издание строго библиофильским никак нельзя: книга, напечатанная на некачественной бумаге газетного типа, с обложкой из мягкого серенького картона представляет собой типичный продукт послевоенных лишений. Экземпляр, которым пользовался автор настоящей статьи, носит номер 997; тираж всего издания, думается, мог быть около 1000 экземпляров. На нашем экземпляре есть, кстати, наклейка с ценой «Lire 350,-», так что книга продавалась дороже, чем указанные Ширяевым 300 лир.

Книгу Ширяева переводила на итальянский язык по ходу создания рукописи Ирина Доллар (Irina Dollar; 1919–2018), в 1940-х гг. студентка славистики Университета Ка’ Фоскари в Венеции, с 1955/56 учебного года по 1991 г. преподавательница русского языка и литературы того же университета, «nata in Estonia, di madre piomburghese [уроженка Эстонии, с матерью из Петербурга]»¹³:

«Первые главы книги “La panorama della [в оригинале неверно: delle] letteratura russa contemporanea” закончены, переведены и сданы в издательство. Моя переводчица, студентка славянского факультета Ирина Доллар [так!] оказалась, — кроме прочих ее достоинств, — вдумчивой, бережной к тек-

стам подлинников поэтессой-переводчицей. Все приведенные мною отрывки стихов даны ею в ритмической форме, с сохранением размеров и большой близостью к оригиналам. Она не только знала, но и чувствовала оба языка, и ее переводы Блока, Есенина, Гумилева, Маяковского позже не раз появлялись в итальянских журналах при рецензиях о книге и в отдельных статьях»¹⁴.

На титульном листе итальянской книги Ширияева имя переводчика почему-то не указано; сообщение «(trad[uzione] di Irina Dollar)» фигурирует лишь под многочисленными отрывками стихотворений в тексте.

Как явствует из приведенного выше пассажа, Ширияев оказался переводом книги весьма доволен. Не имея в руках русского оригинала, трудно судить о точности итальянского перевода и о его достоинствах и недостатках. Уровень перевода (равно как уровень общекультурных знаний переводчика), однако, вполне хорошо узнаваем там, где изначально известно, что именно значилось в русской рукописи, т.е. в случае переводов упоминаемых в книге имен собственных и названий произведений.

Следует отметить, что итальянская книга Ширияева прямо-таки кишит ошибками, описками и опечатками, причем свой вклад тут дружно внесли все лица, причастные к созданию книги, включая издателя, редактора и самого автора. Однако ряд ошибок появился в тексте явно по вине молодой и неопытной переводчицы, не до конца осведомленной не только о историко-литературных фактах (о чем свидетельствуют определенного типа ошибки), но и о русских реалиях, раз она предполагала существование таких русских губернских городов как Рязанск и Вологодск. В русской рукописи книги Ширияева упоминалась Рязанская губерния, что было переведено «provincia di Rjasansk»¹⁵; то же самое получилось с Вологодской губернией, переведенной «provincia di Vologodsk» (P. 192).

В ряде случаев переводчица не поменяла родительного падежа имени в русском оригинале на именительный падеж, как следовало бы (в итальянском языке нет падежей), а оставила имя или название в склоненной на русский лад форме. Например, «Mirri Lochvizkaja» вместо «Mirra Lochvizkaja» (P. 9); название романа Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» переведено «Morte del Visir[!] Muchtara» (вместо «Muchtar»; P. 231); «Дни Турбиных» М.А. Булгакова получились в переводе «I giorni dei Turbinov» (P. 252).

Английский писатель Уэллс (H.G. Wells) переведен обратно на латинский лад как «Welles» (P. 224); в русской рукописи говорилось, вероятно, об идейном влиянии Виктора Гюго, Брета Гарта и Киплинга; в переводе на итальянский получилось «l'influsso concettuale di Victor Hugo, Bret Gardta [вместо: Bret Harte] e Kipling» (P. 226); Ширияев упомянул в рукописи польского писателя Сенкевича; в итальянском переводе он фигурирует как «Sienkjevic» (P. 232) — переводчице не было известно подлинное написание фамилии Sienkiewicz.

Анекдотичен следующий случай: в русском подлиннике Ширияев упомянул (в разделе об А.Н. Толстом) эмигрантское движение, возникшее после публи-

кации сборника «Смена вех». Переводчица прочла «Смена всех» (*sic!*), и так перевела название: «Cambio di tutti» (P. 115).

По всей книге дюжинами встречаются ложные, иногда до неузнаваемости, написания фамилий русских писателей, названий их произведений и имен персонажей (речь идет о грубом искажении написания в рамках примененной в книге ненаучной транскрипции русских имен). Нескольких примеров: «B. Lifspu» (P. 8); «N. Hljuiev», «S. Klycnikov» (P. 10); «Klarissa Relsner» (P. 21); «Principe Screbrjamiy» (P. 93); «Karnilov» (P. 132); «Anzibasev», «Surugev» (P. 202); «Pantstovskij», «Urlebnikov», «Pasternek» (P. 226), «Donykin» (P. 234); «Majabonskij» (P. 236); «Andrea Balyj», «Vereaev» (P. 239); «Rezich» (P. 246); «Prisvon» (P. 248); «E. Semjatin» (P. 250); «Bulbakov» (P. 252), «Il'jev», «Elloika» (P. 255). Имеются в виду Б. Лившиц, Н. Клюев, С. Клычков, Лариса Рейснер, «Князь Серебряный», Корнилов, Арцыбашев, Сургучев, Паустовский, Хлебников, Пастернак, Деникин, Маяковский, Андрей Белый, Вересаев, Рерих, Пришвин, Е. Замятин, Булгаков, Ильф, Эллочка (Эллочка-людоедка).

Трудно сказать, по чьей вине в книге появились все эти гротескные написания; описки ли это переводчицы или опечатки при наборе книги, не уловленные редактором? Наличие маленького списка опечаток в конце книги (P. 263) подсказывает, что над книгой действительно трудился редактор. Однако об уровне редактуры позволяет судить тот же список эррата, где редактор предлагает вместо «Тыкиаков» читать «Тупиаков» (имеется в виду Тынянов).

Ширяев пишет в своих воспоминаниях о вмешательстве владельца издательства Ф. Монтуро в содержание итальянской книги:

«— Не могли бы вы, профессор, сказать это мягче, немножко сгладить ваши примечания?

Это говорит издатель Монтуро. Перед ним — листы перевода. Его глаза еще более мягки и грустны, чем обыкновенно. Прямо ангел рафаэлевский, а не ловкач-издатель.

— О чем вы говорите, дотторе?

— Смотрите, какое впечатление создают ваши биографические сведения: Гумилев расстрелян, Клюев погиб в концлагере, Есенин повесился, Маяковский застрелился...

— Ну, и что же?

— Такую книгу не будут покупать! И самое название главы «Гибель поэтов»?.. Разве это возможно?

— Все факты верны, дотторе. Не могу же я заставить расстрелянного Гумилева второй раз умирать от тифа или холеры?

— Но это же ужас!

— Вполне с вами согласен.

— Я не коммунист, профессор, я демократ. Но я хочу объективности.

— Я вам даю только точную запись фактов. Где же здесь субъективная их оценка?

— Но нам не поверят!.. Вся пресса говорит о расцвете культуры на вашей родине...»¹⁶

Четвертый раздел книги Ширияева, посвященный, в частности, «гибели поэтов» Гумилева, Есенина и Маяковского, носит смягченное (?) название «La tragedia dei poeti» (Р. 67-92). Не исключено, что итальянский издатель действительно внес некоторые изменения в книгу, желая пойти навстречу советофильским настроениям в послевоенной Италии. Из приведенного выше пассажа воспоминаний Ширияева явствует, что автору были (по крайней мере, к 1952 г.) известны обстоятельства смерти Гумилева («Гумилев расстрелян», «расстрелянного Гумилева»). Между тем в его итальянской книге 1946 г. говорится о том, что Гумилев, приговоренный к смертной казни за участие в антисоветском заговоре, «не умер казненным, потому что ему удалось совершить самоубийство» (*sic!*) («Ma non morì giustiziato perchè riuscì a suicidarsi»; Р. 74). Кто заставил Гумилева покончить с собой, сам Ширияев или его итальянский издатель Монтуоро, сказать трудно.

Это, впрочем, не единственная фактическая неточность в рассматриваемой итальянской книге Ширияева. Приведем несколько примеров.

Ширияев сообщает, в частности, что «акмеисты публиковали газету (*sic!*) «Аполлон» и «Гиперборей»» («Gli acmeisti pubblicarono il giornale "Apollo" e "Iperborej"»; Р. 10); перевод слова «журнал» как «giornale», а не как «rivista» — это, впрочем, еще одна ошибка переводчицы.

Известное двустипие Маяковского об ананасах, рябчиках и буржуях приписано Игорю Северянину (Р. 10-12).

В биографическом примечании об А.И. Куприне сообщается, что писатель «в 1937 г. вернулся в советскую Россию, где написал многочисленные рассказы» (Р. 124), а затем следует перечень сплошь и рядом дореволюционных произведений: «Молох» (1896), «Гранатовый браслет» (1911), «Суламифь» (1908) и «Яма» (1909-1915).

Ширияев считает, что роман Гладкова «Цемент» «не имел успеха» («il romanzo non ebbe successo»; Р. 149).

Автором «Зависти» назван не Юрий Олеша, а Валентин (в книге «Valerio») Катаев (Р. 222).

«Конармию» Бабеля Ширияев определяет как роман (Р. 225). То же жанровое определение получили произведения Корнея Чуковского; приведем их перечень на итальянском языке: «romanzo "Dottor Apbolit" (*sic!*)», «Lo scarafaggio», «Mapdodir» (*sic!*)» (Р. 236). Повезло (в смысле отсутствия опечаток) лишь «Тараканищу».

Трудно удивляться наличию такого большого числа неточностей и фактических погрешностей, учитывая минимальный трехмесячный срок, данный Ширияеву для исполнения заказанной ему работы. Спешка, с которой была написана книга, отразилась также на ее композиции, точнее, на отсутствии продуманной структуры. «Обзор современной русской литературы» Ширияева состоит из тринадцати не связанных друг с другом разделов без определенной

последовательности; приведем заглавия всех разделов в обратном переводе на русский язык и охарактеризуем кратко их содержание:

I. «Между двух эпох» (19 страниц об Александре Блоке и других поэтах в первые годы после Октябрьской революции);

II. «В поисках героя» (21 страница; советская проза о Гражданской войне; Островский, Фадеев, Фурманов);

III. «Генерал» Горький» (20 страниц о Максиме Горьком; в первой главке Ширяев рассказывает о своей встрече с Горьким на волжском корабле близ Нижнего Новгорода осенью 1935 г.; Р. 47-49);

IV. «Трагедия поэтов» (26 страниц о поэтах; Гумилев, Ахматова, Есенин, Маяковский);

V. «Советский Толстой» (55 страниц об А.Н. Толстом; в основном анализ романов «Хождение по мукам» и «Петр Первый»);

VI. «Любовь без сиреневого цвета» (9 страниц о нравственном вопросе в советской литературе; Сергей Малышкин, Борис Пильняк);

VII. «Гамлет XX столетия» (32 страницы о Шолохове);

VIII. «Трехтысячелетний прыжок» (10 страниц о культуре национальных меньшинств Сибири и Средней Азии, о Джамбуле Джабаеве);

IX. «На сцене и на экране» (9 страниц о театре и кино в Советском Союзе);

X. «Литературные бдения» («Veglie letterarie»; не исключено, что в рукописи у Ширяева были не «бдения», а «будни» и что странное название раздела — это результат еще одной ошибки переводчицы; 32 страницы на разные темы: литературные группировки, деревенские писатели, производственный роман, историческая проза, детская литература и др.);

XI. «Упадок революционного духа» (5 страниц; славянофильская традиция, Андрей Белый);

XII. «Песни черной земли [чернозема?]]» (3 страницы о народных корнях поэзии; Пришвин, Городецкий, Клюев);

XIII. «В кривом зеркале» (7 страниц о сатирической литературе; Булгаков, Замятин, Демьян Бедный, Маяковский, Ильф и Петров).

Похоже, что почти вся книга (пожалуй, без раздела о запрещенном в Советском Союзе Гумилеве) была создана на основе лекций Ширяева по русской литературе, читанных им во второй половине 1930-х — начале 1940-х гг. в Ставропольском педагогическом институте.

В автобиографической книге 1952 г. Ширяев вкладывает в собственные уста героический монолог, в котором он, борясь с большевизанскими тенденциями своего венецианского издателя Монтуоро, просвещает его о достоинствах культуры русской эмиграции:

«— В вашем Риме, дотторе, доживает теперь свой век Вячеслав Иванов, поэт-символист, соратник и вдохновитель вот этого самого заморенного в СССР Блока, “Незнакомкой” которого вы изволите восхищаться. В Париже известный вам Ремизов, Бунин, недавно там умер Мережковский. Декоративную часть вашей знаменитейшей миланской “Скала” ведет Бенуа, сын крупнейше-

го русского художника, а отец его — тоже в Париже. Я назову вам еще десятки имен первоклассных русских писателей, художников, музыкантов... Как вы думаете, по какой причине они сидят здесь, ютятся в мансардах и питаются жареными каштанами, а не возвращаются на свою родину, где так хорошо живет артистам?

— Да... но... — глаза Монтворо совсем тускнеют. Вот-вот из них брызнут слезы. — Но все это очень странно...»¹⁷

Иронический пуант данного пассажа заключается в том, что в книге Ширияева практически нет ни слова о литературе русской эмиграции. Ни Вячеслав Иванов, ни Мережковский, ни Бунин (как-никак лауреат Нобелевской премии по литературе 1933 года) в написанном в 1945 г. «обзоре современной русской литературы» даже не упоминаются; имя Ремизова названо лишь один раз в перечне писателей, связанных с народной традицией, наряду с Достоевским и Лесковым (Р. 248). Тем более в книге Ширияева нет ни следа сведений даже о наиболее крупных русских писательских талантах, возникших в эмиграции, вроде Набокова или Газданова.

Отсутствие хотя бы одного лишь раздела о литературе русской эмиграции объясняется, по всей видимости, тем, что Ширияев в 1945 г. не имел о ней понятия. Да он и не мог его иметь, живя до начала 1940-х гг. в глубокой провинции Советского Союза, на Северном Кавказе. Ситуация Ширияева напоминает в этом отношении положение видного критика, историка литературы и общественной мысли Р.В. Иванова (Иванова-Разумника), оказавшегося в начале 1942 г. в Германии и ощутившего «безграмотность» в отношении эмигрантской литературы. В письме к Ф.А. Степуну от 5 июня 1942 г. Иванов-Разумник писал:

«Вообще, за эти месяцы я благодаря друзьям и знакомым из профессорского мира Праги, щедро снабжающим меня книгами (и не только книгами), — “ликвидирую безграмотность” свою в области эмигрантской литературы: читаю и “Современные записки”, и “Волю России”, и “Числа”, и “Путь”, и “Новый Град”, и литературу “евразийцев”... За два месяца не прочитать, конечно, накопленного за двадцать лет, и моя безграмотность далеко еще не “ликвидирована”, но все-таки некоторые контуры уже обозначаются: по крайней мере, я уже знаю, что именно мне еще нужно прочитать в первую очередь»¹⁸.

Стоило бы и Ширияеву ликвидировать собственную аналогичную «безграмотность», прежде чем браться в 1945 году за сочинение в течение трех месяцев «обзора современной русской литературы». Или, пожалуй, следовало бы ему дать своей книге более адекватное название типа «обзора советской литературы». У Ширияева получилась книга именно о литературе советской, причем книга также в своих оценках вполне «советская», по крайней мере никак не антисоветская, как можно было бы ожидать от бывшего узника Соловецкого лагеря, антикоммуниста, во время войны коллаборациониста и офицера РОА, а в будущем единомышленника народного монархиста И.Л. Солоневича.

Ширяев в автобиографической книге 1952 г. ставит своему итальянскому издателю в вину просоветские вмешательства в текст книги, вплоть до цензурной «отхватки» последнего раздела, посвященного «ждановщине» и другим отрицательным явлениям советской культуры:

«Петлю Есенина, пулю Гумилева и прочие мероприятия партии по развитию русской культуры, “национальной по форме”, мне удалось отстоять. Но при выпуске книги Монтворо, доктор Миланского университета и член Христианско-демократической партии, все же отхватил последнюю главу, в которой я рассказывал о “творческом плане”, “социальном заказе”, “ждановщине” и прочих подобных, пожалуй небезынтесных для итальянского читателя вещах. Взамен этого он всадил в книгу портрет Ленина, “купающихся красноармейцев” Петрова-Водкина и какой-то индустриальный пейзаж... Тарас Бульба ведь не может обойтись без кнута и черкески, как же лишить Есенина ненавистной ему фабричной трубы и Гумилеву обойтись без Ленина, пославшего ему смертную пулю?

Монтворо был по-своему прав. Он выражал *желание видеть* итальянской интеллигенции, желание ее видеть *свою* оценку фактов, но не самые факты.

“Тем хуже для фактов”, — воскликнул когда-то Гегель, вступив с ними в некоторые противоречия. Почему же отставать от него доктору философии Монтворо?»¹⁹

Между тем Ширяев писал заказанную ему книгу о русской литературе, применяя нередко советские оценочные штампы. В разделе о Максиме Горьком, например, есть главка «Umanitarismo di Gorkij» (Р. 56–60) — в русском оригинале был, по-видимому, «Гуманизм Горького» (а не гуманитаризм), но нет главки о мало все-таки гуманном Горьком — редакторе книги «Беломорканал», воспевающей каторжный труд заключенных.

Итак, книжный дебют Ширяева на итальянском языке нельзя назвать удачным. Книга представляет собой халтуру, причем халтуру четырехэтажную. Схалтурил венецианский издатель, задумавший чересчур торопливо и поспешно выпустить книгу на «конъюнктурную» тему, к тому же внесший советофильские «поправки» в текст. Схалтурил итальянский редактор книги, не откорректировавший книги как следует. Совсем не нужно было ему знать русский язык, чтобы отметить разноречивое написание фамилии на одной и той же странице: «Acmatova» и «Achmatova» (Р. 74), «Erenburg» и «Eremburg» (Р. 224), «Lavrenev» и «Lavrener» (Р. 226), «Prisvon» и «Prisvin» (Р. 248), «Bulga-kov» и «Bulbakov» (Р. 252), «Majakovskij» и «Majakovkij» (Р. 254) и т.д. Схалтурила молодая неопытная переводчица, взявшаяся за непосильную ей работу, не уточнившая написания неизвестных ей имен собственных, превратно передавшая смысл ряда названий и понятий. Схалтурил, наконец, сам автор, согласившийся написать в рекордный срок книгу на не самую простую тему. Неудивительно, что Ширяев впоследствии не стал вновь публиковать свой «обзор современной русской литературы» на родном русском языке, на котором он сочинил свою первую книгу.

¹ О Б.Н. Ширяеве см.: Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. Л., 1988. С. 855-857; Юдин А. Ширяев // Католическая энциклопедия. М., 2013. Т. 5: Х-Я. А-В. Дополнительные статьи. С. 331-332.

² См.: Алымов А. [Б.Н. Ширяев]. Ставрополь — Берлин // Часовой. 1949. № 287-292; 1950. № 293-299, 303.

³ См.: Талалай М. Борис Ширяев: еще один певец русского Рима // Toronto Slavic Quarterly. 2007. № 21 (URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/21/talalaj21.shtml> (дата обращения: 01.05.2019)).

⁴ См.: Шрубa М. Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917-1945). М., 2018. С. 431.

⁵ Ширяев Б. Ди-пи в Италии. Записки продавца кукол. Буэнос-Айрес, 1952. Книгу легко найти в интернете среди оцифрованных изданий коллекции Андрея Савина (URL: <https://archive.org/details/dipivitaliizapis00shir> (дата обращения: 01.05.2019)).

⁶ Pallucchini Rodolfo (1908, Милан — 1989, Венеция) — историк искусства.

⁷ Ширяев Б. Ди-пи в Италии. С. 34.

⁸ Согласно справочнику по издательскому делу в Милане 1900-1945 гг. издательство «Casa editrice dott. Francesco Montuoro» было основано в 1940 г., с юридическим местонахождением (sede legale) в Милане и с дирекцией и администрацией в Венеции; издательство публиковало в основном иностранную литературу и книги на общекультурные темы (см.: Editori a Milano (1900-1945): Repertorio / a cura di P. Caccia. Milano, 2013. P. 222). В сводном интернет-каталоге итальянской Национальной библиотечной службы (Catalogo del Servizio Bibliotecario Nazionale) указано 190 названий книг издательства за 1940-1947 гг. (URL: <https://opac.sbn.it/opacsbn/opaclib> (дата обращения: 01.05.2019)).

⁹ См.: Eršov P. Il cavallino gobbo / Prefazione, traduzione dal russo, note e illustrazioni di Germana Giacalone De Parnykel. Venezia; Milano, 1944. О художнице и переводчице книги имеется неточная справка на интернет-сайте «Русские в Италии» (URL: <http://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=427> (дата обращения: 01.05.2019)). Приведем некоторые уточненные биографические данные по статье Антонеллы Д'Амелия в находящемся в печати словаре «Русское присутствие в Италии» (М., 2019. С. 208-209): Парникель Джермана (в замуж. Джакалоне; 1899, Киев — 1979, Торре-Пелличе, Пьемонт) — живописец, график; в эмиграции с 1920 г. (через Одессу и Константинополь); жила с 1921 г. в Париже, со второй половины 1920-х гг. в Италии. Благодарю Антонеллу Д'Амелия за любезную справку.

¹⁰ Неустановленное лицо.

¹¹ Удалось выявить лишь один отклик на книгу: Damiani E. [Recensione] // Paideia: Rivista letteraria di informazione e orientamento (Brescia [etc.]). 1947. Vol. 2. P. 166.

¹² Ширяев Б. Ди-пи в Италии. С. 44-46.

¹³ Pizzolato T., D'Amico T., Rizzi D. I Paesi dell'Europa orientale e sudorientale. Storia degli insegnamenti linguistico-culturali a Ca' Foscari // Le lingue occidentali nei 150 anni di storia di Ca' Foscari / a cura di A. Cardinaletti, L. Cerasi e P. Rigobon. Venezia, 2018. P. 251 (URL: <https://edizionicafoscarini.unive.it/it/edizioni/libri/978-88-6969-263-5/> (дата обращения: 01.05.2019)).

¹⁴ Ширяев Б. Ди-пи в Италии. С. 47.

¹⁵ *Alimov A. Panorama della letteratura russa contemporanea. Milano; Venezia, 1946. P. 75.* В дальнейшем указания на страницы в тексте статьи отсылают к данному изданию.

¹⁶ *Ширяев Б. Ди-пи в Италии. С. 47.*

¹⁷ Там же. С. 48.

¹⁸ Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 гг. / публ., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Раевской-Хьюз. М.; Париж, 2001. С. 125.

¹⁹ *Ширяев Б. Ди-пи в Италии. С. 48.*

ДЕМОГРАФИЯ В МЮНХЕНСКОМ ИНСТИТУТЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТие ЕГО РАБОТЫ

Аннотация: В статье подробно рассмотрены основные демографические исследования, выполненные в мюнхенском Институте по изучению СССР в первой половине 1950-х гг. — работы П. Галина, А.А. Зайцова и В.П. Марченко. Полученные ими результаты сопоставлены с существовавшими тогда оценками других авторов, а также с современными оценками, ставшими возможными после рассекречивания данных советской статистики населения. Завершает статью краткий обзор других работ института, посвященных демографической тематике.

Annotation: The article analyzes the results of the main demographic studies prepared in the first half of the 1950s at the Munich Institute for the Study of the USSR, works of P. Galin, A.A. Zaitsov and V.P. Marchenko (B. Martschenko). The results of these studies were compared with some estimates of the other scholars of that time, as well as with the contemporary estimates, which were made after the lifting of secrecy from Soviet statistics. Additionally, the article presents a short overview of the other publications of the Institute devoted to demographic topics.

Ключевые слова: Мюнхенский институт по изучению СССР, Советский Союз, статистика, демография, переписи населения, голод 1932–1933 гг., Вторая мировая война, людские потери.

Key words: The Munich Institute for the Study of the USSR, Soviet Union, statistics, demography, population censuses, famine of 1932–1933, World War II, population losses.

В 1950 г. выходцами из Советского Союза, оказавшимися за пределами страны после окончания Второй мировой войны, в Мюнхене был основан Институт по изучению истории и культуры СССР. Этот институт поддерживался его американскими спонсорами для использования непосредственных знаний сотрудников о недавно покинутой ими стране, для получения более полного представления о ней. Мюнхенский институт являлся заметным научным центром, деятельность которого уже неоднократно привлекала внимание современных исследователей¹.

Демографическая тематика занимала весьма видное место в деятельности этого научного центра вплоть до его закрытия в 1972 г. Однако результаты его исследований в данной области еще ни разу не становились предметом специального рассмотрения. Целью нашей статьи является за-

полнение этой лакуны, однако ее ограниченный объем заставляет сосредоточиться на рассмотрении только работ по демографии, подготовленных в первое десятилетие существования института². При этом особое внимание будет уделено наиболее важным публикациям первой половины 1950-х гг., которые появились в трудных условиях отсутствия действительной информации о населении СССР ввиду ее полной засекреченности советскими властями.

Для того чтобы лучше понять значение работ мюнхенского Института в области демографии СССР, мы сопоставим полученные там результаты с существовавшими тогда оценками других авторов. Конечно, важным для понимания степени отклонения от реальности всех этих цифр будет их сравнение с современными оценками, ставшими возможными лишь после открытия архивов. Для такого сопоставления во всех частях работы последовательно использованы результаты наиболее детальной реконструкции компонентов динамики населения СССР, выполненной Е.М. Андреевым, Л.Е. Дарским и Т.Л. Харьковой после полного рассекречивания данных советской статистики³.

Демографический проект начального периода и его участники

С самого начала существования института его тематический план работы включал отдельный пункт, нацеленный на разработку демографической тематики. Формулировка этого пункта определенно говорила о стратегической направленности предпринимаемых усилий: «Народонаселение СССР с точки зрения его мобилизационных ресурсов»⁴. Уже через год после создания института, 8 августа 1951 г., там была организована специальная сессия, посвященная вопросам демографии, на которой были представлены три доклада⁵.

Доклад В.П. Марченко «Естественное движение населения Сов. Союза между годами переписей населения 1926 и 1939 (по новым данным)» был нацелен на выявление потерь от голода, которые он пытался определить путем расчета величины избыточной смертности (сверхсмертности) в 1933 г. Следует отметить, что ранее его автор уже представил доклад на данную тему на первой научной конференции, организованной институтом в январе 1951 г. Там его доклад назывался «Динамика населения СССР между годами переписей 1926–1939»⁶. К довоенному периоду обращался и доклад П. Галина «Практика переписей населения в СССР», в котором основное внимание уделялось переписям 1937 и 1939 гг. Напротив, М.А. Алдан пытался заглянуть в будущее, предложив в докладе «Трудовые ресурсы СССР в связи с хозяйственными задачами», как сообщается в отчете о специальной сессии по демографии, «методику расчета трудоспособного населения на предстоящее десятилетие»⁷.

Ничего более нет о докладе Алдана, кроме краткой ремарки в отчете о конференции. Вероятно, он не был издан.

Работы, подготовленные на основе двух других докладов, были напечатаны. Публикация Галина, получившая название «Как производились переписи населения в СССР», была издана сразу после проведения специальной сессии, в 1951 г., и явилась одной из первых серьезных работ, подготовленных институтом⁸. Работа Марченко была напечатана в 1953 г. в США в серии публикаций, издаваемых Исследовательской программой по СССР, созданной Восточноевропейским фондом, и функционировавшей при Колумбийском университете в 1951–1955 гг. (руководитель программы — Ф. Мозли)⁹. Без сомнения, в ней Марченко использовал свои наработки из института, но издание формально не было связано с ним и вышло под чужим грифом. Эта работа имела название на английском языке «*Soviet Population Trends, 1926–1939*» [«Динамика советского населения в 1926–1939 гг.»], хотя сама работа была напечатана на русском языке¹⁰. Между появлением в свет двух названных публикаций институтом была издана третья, самая объемная работа, подготовленная А.А. Зайцовым, «Динамика населения СССР на 1952 год»¹¹. Ее содержание намного шире названия — в ней анализируются факторы, влиявшие на население страны, особенно военные потери, в первой половине XX в. В 1955 г. к ним добавилась вторая работа Марченко «Новые данные о населении СССР», в которой тот предпринял попытку рассмотрения динамики населения СССР в 1940-х — первой половине 1950-х гг.¹² Эти работы содержали наиболее интересные результаты и потому заслуживают того, чтобы в дальнейшем им было уделено особое внимание.

Для лучшего понимания упомянутых публикаций важно отметить некоторые аспекты биографий их авторов. За псевдонимом «П. Галин», как сообщил Р. Конквест, приславший мне копию его работы, скрывался бывший сотрудник одного из краевых статистических управлений¹³. Судя по тексту этой работы, он имел непосредственное отношение к проведению переписей населения 1937 и 1939 гг. в своем крае. Его работа в наиболее интересных местах насыщена личными воспоминаниями хорошо информированного свидетеля об особенностях функционирования советской демографической статистики в 1930-х гг. Это единственное и, несомненно, ценное дополнение к известным воспоминаниям М.В. Курмана, одного из репрессированных руководителей советской статистики того периода¹⁴. О довоенной биографии Марченко в одном из номеров институтского «Вестника» сообщалось: «Доцент-экономист. Получил образование в Институте народного хозяйства в Киеве в 1925–1928 гг. В 1931–1932 гг. был сотрудником научно-исследовательского экономического института в Киеве, в 1932–1933 гг. — исследовательского института торговли (там же), в 1934–1941 гг. — старший научный сотрудник украинской Академии наук по отделу экономики и планирования»¹⁵. Все это говорит, что он был типичным советским экономистом. Совсем другой бэкграунд был у Зайцова,

который принадлежал к послереволюционной эмиграции. Он имел чин полковника Генштаба и был профессором, в прошлом теснейшим образом связанным с выдающимся русским военным теоретиком генералом Н.Н. Головиным. Зайцов принимал участие в подготовке в довоенные годы капитального труда не менее известного русско-американского социолога П.А. Сорокина «Социальная и культурная динамика»¹⁶. Это был человек высокой культуры. В его работе неоднократно цитируются демографические публикации как на русском, так и на иностранных языках. Зайцов в демографической программе института, которая, что уже отмечалось, имела стратегическую направленность, стал заменой Алдану (А.Г. Неряину)¹⁷, бывшему в прошлом, как и Зайцов, полковником, но РККА, который после пленения стал одним из видных командиров власовской РОА.

Переписи 1930-х гг. и спор об их итогах

Для определения динамики населения СССР в 1930-х гг. принципиальное значение имеют данные переписей 1937 и 1939 гг. Только знание и верная интерпретация их результатов позволяют правильно понять масштаб потерь, понесенных как в результате социальных пертурбаций и террора 1930-х гг., так и в 1941–1945 гг. в ходе войны, вызвавшей новые огромные жертвы. Совсем разной была судьба этих двух переписей. Перепись 1937 г. отразила страшные результаты политики коллективизации, вызвавшей голод 1932–1933 гг. Эта перепись дала численность населения СССР всего в 162 млн человек, на 8–10 млн меньше, чем утверждалось до ее проведения. Более того, в целом в Казахстане и на Украине, а также в некоторых регионах РСФСР она показала даже падение его численности. Ее итоги были объявлены сталинским руководством «дефектными» и тщательно засекречены, а организаторы переписи репрессированы как «вредители». Сохранившиеся материалы этой переписи и подлинная история ее проведения стали известны только через полвека в результате рассекречивания советских архивов¹⁸. Проведенная в 1939 г. новая перепись в результате прямых фальсификаций дала 170,5 млн человек для всего населения страны¹⁹. В официальные результаты переписи преднамеренно были включены данные на более чем миллион человек из специальных форм для проверки правильности счета в переписи («контрольных бланков»). Получившаяся общая цифра населения СССР была еще раз увеличена на один процент. Свои особенности имели искажения для отдельных территорий, в т.ч. с целью сокрытия военнотружущих и заключенных, переписанных в особом порядке. Подлинные материалы переписи 1939 г. и приемы ее фальсификации стали также известны только после рассекречивания советских архивов²⁰.

В своей работе Галин наибольшее внимание уделяет проведению переписи 1937 г., которая была главной загадкой советской статистики населе-

ния 1930-х гг. Он описывает тайную историю непрофессионального вмешательства сталинского руководства в работу статистиков, отмечает невиданную ранее при проведении переписей бюрократизацию всей работы по организации переписи 1937 г.: «Вся подготовительная работа по разработке бланков переписи и инструкций к ним, по составлению словарей занятий и религий, а также по разрешению сугубо принципиальных вопросов, как, например, о порядке и сроках проведения переписи — все проектировалось “за закрытыми дверями” в Центральном бюро переписи ЦУНХУ, рассматривалось и решалось в Политбюро ВКП(б)»²¹. Галин рассказывает об известной ему неравной борьбе статистиков с всесильным Политбюро, которые безуспешно пытались отстоять научные принципы организации переписи. Открытие архивов подтвердило написанное им²², но он был первым, кто рассказал об этом аспекте трагической истории переписи 1937 г. Галин раскрывает секретный порядок учета подсудимых и осужденных. Ему удалось узнать, что «подсудимым заключенным вписывалась при переписи та их работа, которой они были заняты непосредственно перед арестом»²³. В качестве иллюстрации он приводит курьезный случай: «В результате такого решения вопроса в нашем, например, краевом центре были при переписи зарегистрированы три председателя краевой плановой комиссии, из которых два находились в подвалах НКВД и только третий был еще на свободе»²⁴. По-другому учитывали уже осужденных заключенных, которым «записывали не ту работу, которую они выполняли, будучи еще на свободе, а ту, которой они были заняты в концлагере, тюрьме»²⁵. И эти сведения, сообщенные Галиным, получили подтверждение после рассекретивания архивов²⁶.

Галин рассказывает и о поиске способа завышения результатов переписи 1937 г. до того, как они были окончательно отвергнуты советским руководством. Сегодня это подтверждено опубликованными архивными материалами²⁷. Интересно, что, по его сообщению, в разработке алгоритма преувеличения итогов этой переписи, «поправочных коэффициентов» к ней предлагалось принять участие статистикам на местах²⁸. В настоящее время известно, что такая манипуляция была проделана в сверхсекретном порядке с итогами следующей переписи населения 1939 г., фальсификация, отмеченная нами выше. Но Галин в своей работе был первым, кто указал, что в новой переписи на то же было направлены и манипуляции с данными введенных в ней специальных форм для проверки правильности счета населения («контрольных бланков»), которые дали дополнительное завышение ее итогов²⁹.

Марченко, опиравшийся в своих расчетах динамики населения 1930-х гг. на официальные итоги переписи 1939 г., о чем речь пойдет в следующем разделе, решительно полемизировал во вводной части своей первой работы с точкой зрения Галина на опубликованные итоги этой переписи как специально завышенные³⁰. Он, в частности, писал: «Всякие подтасовки ос-

новых абсолютных результатов переписи являются, в общем, операцией настолько сложной и рискованной, что от них должен был воздержаться даже и советский статистический аппарат, идущий в других случаях на всевозможные фальсификации статистических данных для потребностей советской пропаганды»³¹. Однако, казалось бы, невозможное было сделано — итоги переписи 1939 г. были искажены в соответствии с особым сверхсекретным алгоритмом, разработанным организаторами этой переписи, которые желали избежать участи своих предшественников, проводивших перепись 1937 г.³² Отметим, что точка зрения, которой придерживался Марченко на итоги переписи 1939 г., оставалась господствующей даже среди специалистов до открытия советских архивов.

Попытка оценить динамику населения 1930-х гг.

В своей первой работе Марченко предпринял попытку оценки динамики населения СССР в период между переписями 1926 и 1939 гг. Об использованных источниках он писал: «Основанием для расчетов населения по годам, между годами 1926 и 1939, послужили, помимо данных обеих переписей, предвоенная советская литература и произведенное во время германской оккупации обследование возрастных групп населения в городах Киеве, Харькове и в Киевском сельском районе, а отчасти и свидетельские показания»³³. В распоряжении Марченко также находился секретный советский статистический сборник о естественном движении населения Украины, содержащий сведения за 1931 г. Данные двух переписей он использовал без каких-либо поправок. Более того, даже численность населения на начало 1933 г. — важная точка в его расчетах — была принята им равной 165,7 млн человек согласно официальным советским источникам, хотя он и указывал на ее возможную неадекватность. Объяснялось это сомнительное решение так: «Мы используем эту цифру в качестве основы для наших расчетов ввиду принятого нами метода преимущественного использования официальных статистических данных, кроме явно ошибочных»³⁴. Идя обратным счетом от переписи 1939 г., он получил цифру населения на начало 1934 г. Сравнение ее с указанной официальной цифрой для начала предыдущего года дало величину снижения численности населения в течение 1933 г., в период пика постигшего население СССР голода. Марченко признается, что не был единственным автором расчетов: «Эта методология разработана в 1942 году украинским статистиком Р. и мною»³⁵. Себя, как видно из только что процитированного, он даже не ставит на первое место, говоря о ее авторстве. Роль «Р.» в расчетах становится более понятной, если обратить внимание на то, что в них использовались таблицы смертности для населения СССР за 1926–1927 гг.³⁶, техникой применения которых, скорее всего, владел его неизвестный соавтор-статистик, а не экономист Марченко.

Таблица 1

**Численность населения СССР в 1927–1939 гг.* по данным различных авторов,
млн человек**

Годы	Лоример, 1946	Прокопович, 1952	Марченко, 1953	Андреев и соавторы, 1993
1927	147,1	147,0**	147,1	148,7
1928	150,0	150,4**	150,5	151,6
1929	152,8	154,2**	154,1	154,7
1930	154,9	157,4**	157,2	157,4
1931	156,7	160,4**	160,1	159,8
1932	158,1	163,2**	163,0	161,9
1933	158,2	165,7**	165,7	162,9
1934	159,2		155,1	156,8
1935	160,0	159,3	157,4	158,2
1936	161,3	161,2	159,7	160,1
1937	163,4	163,6	162,6	162,5
1938	166,9	167,0	166,6	165,2***
1939	170,3	170,5	170,3	167,9***

Таблица составлена по: *Lorimer F. The Population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneva, 1946. P. 135; Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т. 1. С. 68, 86; Martschenko B. [V.P. Marchenko]. Soviet Population Trends, 1926–1939. N.Y., 1953. P. 13, 22; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза, 1922–1991. М., 1993. С. 120–121, 131.*

* На начало года в границах до 17 сентября 1939 г.

** Цитирует данные официальных советских публикаций того периода.

*** Вариант более высокого уровня смертности, принимающий во внимание неучтенные смерти среди репрессированных.

Подход Марченко к использованию официальных советских источников во многом соответствовал существовавшей тогда практике. Так, американский демограф Ф. Лоример в своей капитальной монографии «Население Советского Союза», подготовленной в годы Второй мировой войны в рамках проекта изучения населения Европы по заданию Лиги Наций, использовал те же данные переписей 1926 и 1939 гг. практически без коррекции их общих результатов. У известного экономиста русского зарубежья С.Н. Прокоповича все показатели для 1927–1933 гг. были взяты из официальных советских публика-

ций того периода, а потому совсем немного отличались от цифр Марченко, причем для 1933 г. оба дают одну и ту же официальную цифру (см. Таблицу 1). Напротив, сравнение с результатами реконструкции динамики советского населения, подготовленной Андреевым и его соавторами, показывает значительные отличия современных оценок. Для 1927 г. их цифра на 1,6 млн человек выше, чем принятая Марченко, тогда как для 1933 г., напротив, она ниже на 2,8 млн человек.

Таблица 2

**Коэффициенты смертности для населения СССР в 1927–1938 гг.
по данным различных авторов, на 1000 жителей**

Годы	Кулишер, 1948	Прокопович, 1952	Марченко, 1953	Андреев и соавторы, 1993
1927	21,0*	21,0*	21,0	26,5
1928	18,1*	18,1*	18,2	25,3
1929			20,3	26,5
1930	20,4	20,4	20,4	27,0
1931			21,0	28,0
1932			21,6	29,5
1933			91,1	71,6
1934			16,1	21,7
1935	16,3	16,3	18,0	20,6
1936	18,4	17,1	21,0	20,0
1937	17,9	16,7	20,0	23,4**
1938	17,8	17,8	19,0	22,7**

Таблица составлена по: *Kulischer E.M. Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947. N.Y., 1948. P. 80; Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Т. 1. С. 71–72, 86; Martschenko B. [V.P. Marchenko]. Soviet Population Trends, 1926–1939. P. 13, 22, 24; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза, 1922–1991. С. 120–121.*

* Европейская часть СССР.

** Вариант более высокого уровня смертности, принимающий во внимание неучтенные смерти среди репрессированных.

Расчет Марченко показал снижение численности населения СССР в 1933 г. на 10,6 млн человек. Напротив, реконструкция Лоримера не выявила падения численности советского населения даже в этом году. Марченко не побоялся в

своей работе выступить с критикой его расчетов. Он полагал, что это произошло в результате недостаточного знакомства маститого американского демографа с историей СССР того периода³⁷. Лоример первоначально сам получил разрыв в показателях численности населения на начало 1933 и 1934 гг., равный 5,5 млн человек, который, однако, определил как результат «избыточной смертности» за весь период между переписями 1926 и 1939 гг.³⁸ Продолжая свои расчеты, он распределил эту величину равномерно на многие годы между переписями 1926 и 1939 гг., сделав исключение для 1932 г., ошибочно посчитав его критическим, на который отнес треть всей указанной величины «избыточной смертности», но не внес никаких поправок для 1927 и 1937 гг. Прокопович в своем ряду показателей численности населения не приводит цифру на начало 1934 г. У него падение за весь период 1933–1934 гг. составило 6,4 млн человек. Андреев и его соавторы по сравнению с Марченко пришли к меньшей величине снижения численности населения в 1933 г. — 6,1 млн человек. Причина этого — различие в определении уровня смертности.

Марченко получил для 1933 г. коэффициент смертности равный 91,1 на 1000 населения, тогда как у Андреева и его соавторов он меньше — 71,6 (см. Таблицу 2). Никто из современников Марченко не решился на расчет, который дал бы подобный результат. Некоторое завышение его результата вполне объяснимо. Он опирался на данные по Украине и совсем не учитывал миграцию населения за пределы СССР. Современные исследования оценивают для Украины в 1933 г. только избыточную смертность в 115,7 на 1000 жителей, тогда как для всего населения Советского Союза — 44,1³⁹. В начале 1930-х гг. общий объем эмиграции за пределы СССР только из Казахстана, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана мог достигать 400 тыс. человек⁴⁰. Отметим, что у Марченко коэффициенты смертности для 1937–1938 гг. выше, чем у Е.М. Кулишера и С.Н. Прокоповича, которые приведены для сравнения. Однако они ниже, чем у Андреева и его соавторов, которые в своих расчетах принимают во внимание неучтенные статистикой смерти среди репрессированных. Жертвы репрессий не включались в демографическую отчетность тех лет, т.к. НКВД не информировал статистиков о результатах своей истребительной деятельности.

Неудачные расчеты военных потерь

Людские потери, вызванные недавней войной, закономерно привлекли особое внимание всех трех авторов, работы которых мы подробно рассматриваем. Однако величина этих потерь тщательно скрывалась советским руководством⁴¹. При их определении авторов публикаций мюнхенского Института постигла явная неудача, поскольку те во многом, как будет показано ниже, опирались на цифру из дезориентирующего заявления И.В. Сталина, сделанного вскоре после окончания войны: «В результате немецкого вторжения

Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу — около семи миллионов человек»⁴². В результате они не смогли правильно оценить действительный масштаб людских потерь (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Людские потери СССР в 1941–1945 гг. по разным оценкам, млн человек

	Галин, 1951	Зайцов, 1952	Марченко, 1955	Андреев и соавторы, 1993*
Людские потери	10,0	11,6	14,5	26,0
В том числе:				
Прямые военные потери (включая умерших в плену)		4,5	7,0**	9,5
Избыточные смерти гражданского населения		6,6***	6,5	15,0
Эмиграция		0,5	1,0	1,5

Таблица составлена по: Галин П. Как производились переписи населения в СССР. Мюнхен, 1951. С. 38; Зайцов А.А. Динамика населения СССР на 1952 год. Мюнхен, 1952. С. 54; Марченко В.П. Новые данные о населении СССР // Вестник. 1955. № 1. С. 16, 18–19; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза, 1922–1991. С. 77.

* При численности населения на начало 1939 года, приведенной в Таблице 1. Распределение на компоненты потерь подобно принятому в: Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 387.

** Включая гражданское население, погибшее на оккупированных территориях.

*** В т.ч. умершие в Германии рабочие из СССР — 0,4 млн, повышенная смертность на оккупированных территориях — 2,1 млн, повышенная смертность на неоккупированной части страны — 4,1 млн.

Если Андреев и его соавторы на основе рассекреченных данных советской статистики пришли к минимальной цифре этих потерь, равной 26,0 млн человек⁴³, то участники демографического проекта мюнхенского Института давали намного более низкие оценки. Галин приводит только общую цифру — 10,0 млн человек, не сообщая, как он пришел к ней. Зайцов на основе расчета предполагаемой численности населения на начало 1946 г., если бы не было войны, пришел к общей цифре потерь 11,6 млн человек. Марченко при использовании метода демографического баланса получил оценку, равную 14,5 млн человек.

У Галина нет распределения потерь на компоненты. Зайцов сталинскую цифру в 7 млн разбил на три составляющие: 4,5 млн — прямые военные потери (включая умерших в плену), 2,1 млн — повышенная смертность на окку-

пированных территориях и 0,4 млн — умершие в Германии рабочие из СССР. Потери от повышенной смертности на неоккупированной части страны он оценил в 4,1 млн. Таким образом, все избыточные смерти гражданского населения по его расчету составили 6,6 млн человек. Эмиграцию он сильно недооценил — она у него лишь 0,5 млн человек. Марченко сталинскую цифру в 7 млн интерпретировал буквально. Для него это прямые военные потери и смерти гражданского населения, погибшего на оккупированных территориях. Другие избыточные смерти гражданского населения он оценил в 6,5 млн. У него потери советского населения от эмиграции составили 1,0 млн человек.

Таблица 4

Число рождений в СССР в 1941–1945 гг. по расчетам Марченко и Бирабена, млн человек

Годы	Марченко, 1955	Бирабен, 1976	Разность
1941	5,2	4,4	+0,8
1942	7,9*	3,4	+2,05*
1943		2,45	
1944	3,8	2,7	+1,1
1945	5,4	3,3	+2,1

Таблица составлена по: *Марченко В.И.* Новые данные о населении СССР С. 13; *Biraben J.-N.* Naissances et répartition par âge dans l'Empire russe et en Union Soviétique // *Population*. 1976. Vol. 31, № 2. P. 455.

* 1942–1943 гг.

Сравнение результатов приведенных расчетов с современными оценками компонентов людских потерь показывает, что непрофессиональные демографы из мюнхенского Института более всего занижали величину избыточных смертей гражданского населения, которая, возможно, достигала 15,0 млн человек. Прямые военные потери (включая умерших в плену) могли достигать 9,5 млн⁴⁴, а эмиграция — 1,5 млн человек. На точность расчетов повлияло и завышение количества родившихся в 1941–1945 гг. Полученные Марченко для всего СССР с использованием частичных данных для Украины, имевшихся в его распоряжении, числа рождений можно сопоставить с оценками Ж.-Н. Бирабена, которые соответствуют расчету Андреева и его соавторов (см. Таблицу 4). Сравнение показывает, что завышение у Марченко за весь указанный период превысило 6 млн рождений. Особенно большим оно было для 1945 г. — 2,1 млн.

Стоит отметить, что швейцарский статистик Г. Фрумкин, в прошлом многолетний редактор «Статистического ежегодника Лиги Наций», владевший русским языком и хорошо знакомый с источниками, при подготовке своей

капитальной монографии, посвященной динамике населения стран Европы в годы Второй мировой войны, сделал единственное исключение для СССР. Он отказался от построения баланса динамики советского населения за годы войны, а значит, и определения масштаба его людских потерь. Фрумкин, трезво оценивая ситуацию, считал, что для этого нет необходимых данных⁴⁵. При чем было ясно, что более всего на оценках потерь могло сказаться неправильное определение численности послевоенного населения страны. Однако этим пренебрегли авторы публикаций мюнхенского Института, взявшиеся за расчет военных потерь и потерпевшие в этом явную неудачу.

Гадания о послевоенной динамике населения

В первое послевоенное десятилетие все советские демографические данные подлежали строгому засекречиванию. Они входили в перечень главнейших сведений, составляющих государственную тайну⁴⁶. При этом некоторые сведения все-таки публиковались, но они носили очень отрывочный характер и имели своей целью скрыть огромные потери военного времени и создать представление о значительно большей численности населения СССР. Такие цифры озвучивали советские руководители самого высокого уровня, включая самого Сталина, дезориентирующее заявление которого о военных потерях мы уже цитировали в предыдущем разделе. Ему предшествовало в начале 1946 г. выступление начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова, в котором была приведена значительно завышенная цифра для всего населения СССР: «Для характеристики развития нашего советского общества важно также иметь в виду, что из 193 миллионов человек, населяющих нашу страну, около 100 миллионов родилось после октября 1917 года»⁴⁷. Однако известно, что за год до того, на начало 1945 г. (активные военные действия, заметим, еще продолжались, и Красная армия несла в них значительные потери), численность населения СССР оценивалась ЦСУ лишь в 170,6 млн человек⁴⁸.

В этих условиях тем, кто пытался понять численность послевоенного населения Советского Союза, оставалось только гадать о его возможной величине. Все представители русской эмиграции, которые приняли участие в этих безнадежных попытках, пришли к ошибочным цифрам (см. Таблицу 5). На начало 1946 г. Е.М. Кулишер принял численность населения СССР равной той, что была озвучена Александровым, — 193 млн человек. Два других исследователя, Н.С. Тимашев и С.Н. Прокопович, пришли к почти одинаковому, заметно меньшему результату — около 181 млн человек. В своих вычислениях они опирались на имеющиеся сведения о выборах в Верховный Совет СССР. Однако публиковавшиеся данные об избирателях были тоже намеренно завышены⁴⁹. Сравнение данных о численности населения СССР на начало 1946 г., приводимых в изданиях мюнхенского Института, показывает, что они весьма близки к той, что озвучил Александров: 192,3 млн человек у Зайцова и несколько

меньше — 190,6 млн человек — у Марченко. Потому и оценка людских потерь в годы войны оказалась меньше у Зайцова, чем у Марченко (см. Таблицу 3), раз Зайцов считал, что число переживших войну больше.

Таблица 5

**Численность населения СССР в послевоенный период
по оценкам русских эмигрантов, млн человек**

Годы	Тимашев, 1948/1955	Кулишер, 1949/1952	Прокопович, 1952	Зайцов, 1952	Марченко, 1955
1946	181,0	193,0	180,5	192,3	190,6
1950	206,0	200,0	197,2		201,5
1951				204,4	204,5
1952					207,4
1953					209,4
1954					211,5
1955					214,0

Таблица составлена по: *Kulischer E.M.* The Russian Population Enigma // *Foreign Affairs*. 1949. Vol. 27, № 3. P. 497; *Idem.* Russian Manpower // *Ibid.* 1952. Vol. 31, № 1. P. 67; *Timasheff N.S.* The Postwar Population of the Soviet Union // *The American Journal of Sociology*. 1948. Vol. 54, № 2. P. 152; *Idem.* Urbanization, Operation Antireligion and the Decline of Religion in the USSR // *American Slavic and East European Review*. 1955. Vol. 14, № 2. P. 225; *Прокопович С.Н.* Народное хозяйство СССР. Т. 1. С. 106, 108; *Зайцов А.А.* Динамика населения СССР на 1952 год. С. 43, 57; *Марченко В.П.* Новые данные о населении СССР. С. 18–19.

Таблица 6

**Численность населения СССР в послевоенные годы по расчетам ЦСУ СССР
того периода и современным оценкам, млн человек**

Годы	ЦСУ СССР	Андреев и соавторы, 1993	Разность
1946		170,5	
1947		172,1	
1948	178,2	173,7	+4,5
1949	180,4	175,9	+4,5
1950	183,7	179,2	+4,5
1951	186,8	182,3	+4,5

1952	190,0	185,5	+4,5
1953		188,7	
1954		191,6	
1955	195,7	195,0	+0,7

Таблица составлена по: *Богоявленский Д.Д.* Население СССР после войны: О чем говорят архивы // Демоскоп-Weekly. 2015. № 655–656 (URL: // www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/arkiv07.php (дата обращения: 30.07.2019)); *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьков Т.Л.* Население Советского Союза, 1922–1991. С. 118–119.

Для 1950 г. из русских эмигрантов наиболее высокую оценку дал Тимашев — 206,0 млн человек (см. Таблицу 5). Марченко предпринял попытку расчета численности населения СССР за каждый год первого послевоенного десятилетия. Для 1951 г. его оценка практически совпала с данной Зайцовым — 204,4 млн человек (у Марченко 204,5 млн человек). К 1955 г. оценка численности советского населения, данная Марченко, достигла 214,0 млн человек. Однако все эти оценки значительно превосходили тогдашние сверхсекретные расчеты ЦСУ и оценки Андреева и его соавторов (см. Таблицу 6). Интересно, что для 1948–1952 гг. расчеты ЦСУ давали заметно более высокие цифры, чем современные оценки, — расхождение постоянно достигало 4,5 млн человек.

Заметно отличались для послевоенных лет и цифры прироста численности населения СССР по расчетам Марченко и современным оценкам (см. Таблицу 7). В 1946–1948 гг. оценки Марченко давали большую величину прироста населения. Произошло это из-за завышения в его расчетах послевоенного роста рождаемости и недооценки уровня смертности в первые послевоенные годы. Напротив, начиная с 1949 г. расчеты Марченко давали заниженные оценки прироста численности населения СССР, в основном вследствие завышения уровня его смертности, которая снижалась быстрыми темпами в этот период.

Таблица 7

**Прирост численности населения СССР в послевоенные годы
по расчетам Марченко и современным оценкам, млн человек**

Годы	Марченко, 1955	Андреев и соавторы, 1993	Разность
1946	3,0	1,6	+1,4
1947	2,2	1,6	+0,6
1948	2,8	2,2	+0,6
1949	2,9	3,3	–0,4
1950	3,0	3,1	–0,1

1951	2,9	3,2	-0,3
1952	2,0	3,2	-1,2
1953	2,1	2,9	-0,8
1954	2,5	3,4	-0,9

Таблица составлена по: Марченко В.П. Новые данные о населении СССР С. 12, 18; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза, 1922–1991. С. 118–119.

Ясность внесло только снятие тотальной секретности с цифр советской демографической статистики. В 1956 г. впервые за послевоенные годы был издан статистический сборник «Народное хозяйство СССР», в котором опубликована численность населения страны, равная 200,2 млн человек на апрель 1956 г.⁵⁰ В комментарии к его переводу на английский язык, изданном в США, указывалось, что на Западе до того циркулировали оценки, которые обычно завышали численность советского населения примерно на 10%⁵¹. Рассмотренные неудачные оценки, принадлежавшие русским эмигрантам, были лишь частью общих ошибок в условиях отсутствия необходимых данных.

Другие демографические публикации: краткий обзор

Появление реальных данных о населении СССР требовало не только их рассмотрения, но и давало возможность понять, на сколько и почему оценки, подготовленные в условиях их отсутствия, отличались от действительности. Именно этому была посвящена статья Ю.П. Мироненко, в которой были представлены демографические показатели, только что опубликованные в статистическом сборнике «Народное хозяйство СССР»⁵². Мироненко констатировал: «Численность населения Советского Союза, сообщенная в статистическом сборнике ЦСУ СССР, оказалась на 15–25 млн человек ниже предполагавшегося количества, вычисленного и ООН, и всеми наиболее известными демографами свободного мира»⁵³. Он верно выделяет главные причины ошибок: «Почти все исследователи при определении численности населения СССР на начало 1946 года недостаточно учли особо большие потери гражданского населения за время войны и исключительно сильное падение рождаемости»⁵⁴.

Мироненко начиная с середины 1950-х гг. был основным автором материалов, посвященных демографической тематике в изданиях мюнхенского Института. Поэтому стоит привести биографические сведения о нем, опубликованные в том же номере журнала, где появилась его уже процитированная статья: «Родился в 1909 г. В 1930 году окончил Ленинградский государственный университет по юридическому факультету. До войны работал адвокатом. Научный работник Исследовательского отдела Института»⁵⁵. И это, кажется,

все, что известно о его биографии. Мироненко еще до рассекречивания советской демографической статистики успел опубликовать на английском языке две статьи, посвященные населению СССР и союзных республик, а также отдельных частей РСФСР, которые опирались на данные избирательной статистики⁵⁶. По инерции он продолжал использовать эти данные и в дальнейшем⁵⁷, хотя, как уже отмечалось, они не могли дать адекватных результатов. Впрочем, впоследствии он уделил необходимое внимание и итогам первой советской послевоенной переписи населения 1959 г., которая дала подробную информацию о населении Советского Союза того периода⁵⁸.

Тематика демографических публикаций института была достаточно разнообразна. В них нашло отражение снятие в 1954 г. запрета на аборт⁵⁹. Рассматривались проблемы миграции, урбанизации и трудовых ресурсов⁶⁰. Значительное место занимала региональная и национальная тематика. Некоторые из работ по этой тематике носили общий характер⁶¹. Другие были посвящены населению отдельных территорий — Дальнего Востока, Казахстана, Украины и некоторых иных частей Советского Союза⁶². Обращалось внимание на то, что многие материалы прошлых советских переписей населения остаются неопубликованными⁶³. Однако данные публикации не имели того значения, как работы, которым мы уделили ранее основное внимание. В них не было оригинального подхода к рассматриваемому материалу, они в большинстве носили описательный характер. Эти работы в большинстве остались незамеченными.

Напротив, публикации Галина, Зайцова и Марченко находили по мере их появления отражение в специальном американском реферативном журнале по демографии⁶⁴, а первая работа Марченко вошла и в составленную во Франции весьма селективную библиографию публикаций, посвященных населению СССР⁶⁵. Публикации всех трех этих авторов были неоднократно использованы современниками при рассмотрении различных проблем советского населения⁶⁶. Спор Галина и Марченко о возможном искажении официальных итогов переписи населения 1939 г. не был забыт и через много лет после выхода их работ⁶⁷. Оценки динамики советского населения в 1930-х гг., предложенные Марченко, рассматриваются вплоть до настоящего времени вместе с результатами других подобных реконструкций⁶⁸. Все это хорошо показывает, что именно данные публикации начального периода работы мюнхенского Института, которым в основном посвящена наша статья, оказались наиболее значимыми из всех подготовленных там в области демографии.

¹ См.: O'Connell Ch. T. The Munich Institute for the Study of the USSR: Origin and Social Composition. Pittsburg, 1990 (The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies; № 808); Попов А.В. Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и вторая волна эмиграции // Новый исторический вестник. 2004. № 1. С. 54–70; Кордин Е.В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? Смоленск, 2016.

² При написании статьи для выявления соответствующих работ мы пользовались имеющимся указателем публикаций института (см.: Institute for the Study of the USSR. Institute Publications (1951–1968) / comp. by M. Klieber. Munich, 1969). Однако знакомство с изданиями *de visu* позволило выявить определенные пропуски и неточности в указателе. Два основных периодических издания были просмотрены нами полностью. Все первое десятилетие существования института главным изданием на русском языке являлся «Вестник Института по изучению истории и культуры СССР», который с № 4 за 1955 г., после переименования института, получил более краткое название «Вестник Института по изучению СССР» (далее при цитировании — «Вестник»). С 1954 г. к нему добавилось другое основное периодическое издание, которое выходило на английском языке, — «Bulletin of the Institute for the Study of History and Culture of the USSR» (после изменения названия института с № 10 за 1955 г. — «Bulletin. Institute for the Study of the USSR»; далее при цитировании — «Bulletin»).

³ В наиболее полном виде они представлены в: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза, 1922–1991. М., 1993.

⁴ Давлетишин Т. В мюнхенском Институте по изучению истории и культуры СССР // Вестник. 1951. № 1. С. 183.

⁵ Сессия Института по вопросам демографии // Там же. С. 186–187.

⁶ Конференция научных работников — эмигрантов // Там же. С. 185.

⁷ Сессия Института по вопросам демографии // Там же. С. 186.

⁸ Галин П. Как производились переписи населения в СССР. Мюнхен, 1951.

⁹ О программе см.: *East European Fund, Inc. First Annual Report. March 1951 — 1952. N.Y., 1952. P. 18–24; Idem. Second Annual Report. March 1952 — 1953. N.Y., 1953. P. 26–28; Idem. Third Annual Report. March 1953 — 1954. N.Y., 1954. P. 28–34.* — Примеч. ред.

¹⁰ *Martschenko B. [V.P. Marchenko]. Soviet Population Trends, 1926–1939. N.Y., 1953.*

¹¹ Зайцов А.А. Динамика населения СССР на 1952 год. Мюнхен, 1952.

¹² Марченко В.П. Новые данные о населении СССР // Вестник. 1955. № 1. С. 5–24.

¹³ R. Conquest — M. Tolts, February 17, 1995. P. 1 // Архив автора.

¹⁴ Курман М.В. Воспоминания / публ. А.Г. Вишневского // CMRS. 1993. Vol. 34, № 4. P. 591–629.

¹⁵ Сведения об авторах // Вестник. 1956. № 4 (21). С. 154.

¹⁶ Галай Н. А.А. Зайцов: [некролог] // Вестник. 1954. № 3 (10). С. 140–141. См. также: Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России: (Материалы к истории Белого движения). М., 1997. С. 100–101.

¹⁷ О нем см.: Козин Е.В. Указ. соч. С. 35–37; Антонов Г. Памяти Андрея Георгиевича Алдана (24.10.1904 — 10.1.1957) // Вестник. 1957. № 1 (22). С. 135–136.

¹⁸ См.: Тольц М. Перепись, приговоренная к забвению // Семья и семейная политика / под ред. А.Г. Вишневского. М., 1991. С. 161–178; Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996; Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: сб. док. и материалов / сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. М., 2007; Волков А.Г. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда // Волков А.Г. Избранные демографические труды. М., 2014. С. 121–167.

¹⁹ Весьма краткие итоги переписи были опубликованы в центральной печати: Сообщение Государственной плановой комиссии Союза ССР об итогах Всесоюзной

переписи населения СССР // Правда. 1939. 2 июня. № 7836. С. 1–2; Сообщение Центрального управления народно-хозяйственного учета о данных Всесоюзной переписи населения СССР 1939 года // Там же. 1940. 29 апреля. № 8165. С. 2.

²⁰ См.: Перепись 1939 года: Документальные источники Центрального государственного архива народного хозяйства (ЦГАНХ) СССР: в 15 ч. М., 1990; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М., 1992; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия / сост. В.Б. Жиромская. СПб., 1999; *Tolts M. The Soviet Censuses of 1937 and 1939: Some Problems of Data Evaluation: paper presented at the International Conference on Soviet Population in the 1920s and 1930s, Toronto, 27–29 January 1995* (URL: www.academia.edu/1522451 (дата обращения: 30.07.2019)).

²¹ Галин П. Как производились переписи населения в СССР. С. 14.

²² См. публикации, упомянутые в примеч. 18.

²³ Галин П. Как производились переписи населения в СССР. С. 20.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ См.: Черепенина Н.Ю. Всесоюзная перепись населения 1937 года // История переписей в России / редкол.: М.А. Дианов (отв. ред.) и др. М., 2013. С. 217.

²⁷ См.: Богоявленский Д.Д. 75 лет со дня вынесения приговора переписи населения 1937 года // Демоскоп-Weekly. 2012. № 523–524 (URL: www.demoscope.ru/weekly/2012/0523/argiv01.php (дата обращения: 30.07.2019)).

²⁸ См.: Галин П. Как производились переписи населения в СССР. С. 31.

²⁹ Там же. С. 33–34.

³⁰ См.: *Martschenko B. [V.P. Marchenko]. Op. cit. P. 1–5.*

³¹ Ibid. P. 2.

³² См. публикации, упомянутые в примеч. 20.

³³ *Martschenko B. [V.P. Marchenko]. Op. cit. P. 5.*

³⁴ См.: Ibid. P. 12.

³⁵ Ibid. P. 7.

³⁶ См.: Ibid. P. 16–17.

³⁷ См.: Ibid. P. 30.

³⁸ См.: *Lorimer F. The Population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneva, 1946. P. 134.*

³⁹ См.: *Rudnytskyi O., Levchuk N., Wolowyna O., Shevchuk P. Famine Losses in Ukraine in 1932 to 1933 within the Context of the Soviet Union // Famines in European Economic History: The Last Great European Famines Reconsidered / ed. by D. Curran, L. Luciuk and A.G. Newby. L., 2015. P. 209.*

⁴⁰ См.: Ibid. P. 197.

⁴¹ См.: Богоявленский Д.Д. Как утаивали величину военных потерь // Демоскоп-Weekly. 2012. № 513–514 (URL: www.demoscope.ru/weekly/2012/0513/argiv01.php (дата обращения: 30.07.2019)).

⁴² Интервью тов. И.В. Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля // Правда. 1946. 14 марта. № 10144. С. 1.

⁴³ См.: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза, 1922–1991. С. 77. Обширная сводка других современных оценок представлена в: Ры-

баковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М., 2010. С. 25–26.

⁴⁴ Хорошо известна цифра безвозвратных потерь Вооруженных сил СССР в годы войны, равная 8668,4 тыс. человек (Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 131), однако она не включает ряд других категорий боевых потерь — смерти ополченцев, партизан и некоторых других участников военных действий.

⁴⁵ См.: *Frumkin G. Population Changes in Europe since 1939*. N.Y., 1951. P. 158.

⁴⁶ См.: *Богоявленский Д.Д.* Население СССР после войны: Проект Распоряжения Совета Министров СССР о рассекречивании данных о численности населения. [Январь 1955 г.]. // *Демоскоп-Weekly*. 2015. № 655–656 (URL: www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/argiv07.php (дата обращения: 30.07.2019)).

⁴⁷ *Александров Г.Ф.* Под великим знаменем Ленина — Сталина: Доклад 21 января 1946 года на торжественно-траурном заседании, посвященном XXII годовщине со смерти В.И. Ленина // *Большевик*. 1946. № 1. С. 5.

⁴⁸ См.: *Богоявленский Д.Д.* Население СССР после войны: О чем говорят архивы // *Демоскоп-Weekly*. 2015. № 655–656. Примечание III (URL: www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/argiv01.php (дата обращения: 30.07.2019)).

⁴⁹ См.: *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л.* Демографическая история России, 1927–1959. М., 1998. С. 116.

⁵⁰ *Народное хозяйство СССР: статистический сборник*. М., 1956. С. 17.

⁵¹ См.: *Jasny N.* The Soviet 1956 Statistical Handbook: A Commentary. East Lansing, Mich., 1957. P. 18.

⁵² *Мироненко Ю.П.* К вопросу о динамике населения Советского Союза с 1939 по 1956 г. // *Вестник*. 1956. № 4 (21). С. 45–57. Отметим, что одновременно был опубликован вариант этой же работы на английском языке: *Mironenko Y.P.* Changes in the Population of the Soviet Union from 1939 to 1956 // *Bulletin*. 1956. Vol. 3, № 11. P. 30–37.

⁵³ *Мироненко Ю.П.* К вопросу о динамике населения Советского Союза с 1939 по 1956 г. С. 45.

⁵⁴ Там же. С. 49.

⁵⁵ Сведения об авторах // *Вестник*. 1956. № 4 (21). С. 153.

⁵⁶ *Mironenko Y.P.* Recent Demographic Changes in the USSR // *Bulletin*. 1955. Vol. 2, № 6. P. 36–39; *Idem.* Population Growth and Movement within the RSFSR between 1947 and 1955 // *Ibid.* № 11. P. 15–18.

⁵⁷ *Idem.* Recent Soviet Population Changes // *Ibid.* 1957. Vol. 4, № 5. P. 35–42.

⁵⁸ См.: *Мироненко Ю.П.* Итоги всесоюзной переписи в 1959 г. // *Вестник*. 1959. № 3 (31). С. 44–59; *Mironenko Y.P.* Preliminary Results of the 1959 Census // *Bulletin*. 1959. Vol. 6, № 6. P. 33–36; *Idem.* Aspects of the 1959 Census // *Ibid.* № 11. P. 20–30.

⁵⁹ A Soviet Decree on Abortion // *Bulletin*. 1954. Vol. 1, № 6. P. 32–33; *Mironenko Y.P.* Abortion Legalized in the Soviet Union // *Ibid.* 1955. Vol. 2, № 12. P. 44–46.

⁶⁰ *Поплюйко А.И.* Миграция населения и урбанизация СССР // *Вестник*. 1952. № 2. С. 70–86; *Mironenko Y.P.* The Soviet Urban Population // *Bulletin*. 1958. Vol. 5, № 5. P. 26–39; *Poplujko A.I.* Manpower Resources and Seven-Year Plan // *Ibid.* 1959. Vol. 6, № 4. P. 24–31.

⁶¹ МIRONENKO Ю.П. Национальный состав населения по данным советской статистики // Вестник. 1958. № 2 (27). С. 45–63; *Mironenko Y.P. Ethnic and National Changes in the USSR // Bulletin. 1958. Vol. 5, № 10. P. 14–24.*

⁶² См., например: *Continuing Settlement in the Far East // Bulletin. 1955. Vol. 2, № 3. P. 22–25; J.M. The Geography of Kazakhstan and Cultivation of New Lands // Ibid. № 4. P. 18–23; Kubyrovych V. Changes in the Population of the Ukrainian SSR (1927–1958) // Ukrainian Review. 1959. № 8. P. 6–20; Idem. Ukraine and the 1959 Census // Ibid. 1960. № 9. P. 19–25.*

⁶³ См.: Голубничий В.С. О неопубликованных данных переписей населения СССР // Вестник. 1960. № 2 (34). С. 66–72.

⁶⁴ *Population Index. 1952. Vol. 18, № 2. P. 111; 1953. Vol. 19, № 4. P. 275; 1954. Vol. 20, № 2. P. 95; 1956. Vol. 22, № 2. P. 107.*

⁶⁵ *Bibliographie concernant l'U.R.S.S. et sa population // Population. 1958. Vol. 13, № 2. P. 92.*

⁶⁶ См., например: *Sauvy A. La population de l'Union Soviétique: Situation, croissance et problèmes actuels // Ibid. 1956. Vol. 11, № 3. P. 464; Wagner Ph.L. Soviet Population and Nationalities // Geographical Review. 1956. Vol. 46, № 2. P. 269–270; Feshbach M. The Soviet Statistical System: Labor Force Recordkeeping and Reporting. Washington, DC, 1960. P. 141; Roof M.K. The Russian Population Enigma Reconsidered // Population Studies. 1960. Vol. 14, № 1. P. 4.*

⁶⁷ См.: *Wheatcroft S.G. A Note on Steven Rosefield's Calculations of Excess Mortality in the USSR, 1929–1949 // Soviet Studies. 1984. Vol. 36, № 2. P. 278.*

⁶⁸ См.: Максудов С. Победа над деревней: Демографические потери коллективизации. М.; Челябинск, 2019. С. 327. См. также более ранние примеры: *Schröder H.-H. Upward Social Mobility and Mass Repression: The Communist Party and Soviet Society in the Thirties // Stalinism: Its Nature and Aftermath: Essays in Honour of Moshe Lewin / ed. by N. Lampert and G.T. Rittersporn. Armonk, N.Y., 1992. P. 174; Wheatcroft S.G. Population Dynamic and Factors Affecting it in the USSR in the 1920s and 1930s. Birmingham, 1976. Pt. 2. P. 61, 68.*

ДИПИЙСКИЙ СТИЛЬ «СВОБОДЫ»:
К ИСТОРИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РАДИОВЕЩАНИЯ

Аннотация: Публикация посвящена самой крупной внутриредакционной работе писателя и литературоведа Л.Д. Ржевского, выполненной для Русской службы Радио Свобода в 1965 году. Впервые в истории американского радио стилистические нормы было поручено сформулировать и обосновать не представителю первой волны эмиграции, а перемещенному лицу. Это была определенная веха, обозначившая «победу» и «доминирование» на станции советского поколения. В основе публикации — машинописное стилистическое руководство Леонида Ржевского, предназначенное для авторов, редакторов и ведущих радиопрограмм и рекомендованное в качестве нормативного образца. Составленное известным писателем и широкообразованным человеком руководство ориентировало сотрудников в самых широких областях — от политики и религиозных вопросов до историко-культурных и психологических тем.

Annotation: The publication is devoted to the largest intra-editorial work of the writer and literary critic L.D. Rzhevsky, made for Russian Service of Radio Liberty in 1965. For the first time in the history of American radio, stylistic norms were entrusted to formulate and justify to a displaced person, not a representative of the «first wave» of emigration. It was a certain milestone, indicating «victory» and «dominance» of the Soviet generation at Radio Liberty. The publication is based on the typewritten stylistic Manual of Leonid Rzhevsky, designated for authors, editors and narrators of radio programs and recommended as a standard sample. Compiled by a well-known writer and a well-educated man, Manual oriented employees in the broadest areas, from politics and religious issues to historical, cultural and psychological topics.

Ключевые слова: Л.Д. Ржевский, Русская служба Радио Свобода, «Руководство», пропаганда, первая волна, вторая волна, третья волна.

Key words: L.D. Rzhevsky, Russian Service of Radio Liberty, Manual, propaganda, «first wave», «second wave», «third wave».

В 1965 году Нью-йоркский Программный центр Радио Свобода ротаторным способом отпечатал «Руководство» («Manual»), получившее в редакции неофициальное название «Руководство Ржевского» — по фамилии его составителя — писателя и литературоведа Леонида Денисовича Ржевского (наст. фам. Суражевский; 1903–1986). Год и место выпуска (Нью-Йорк) устанавливаются по содержанию и контексту, о тираже ничего не известно, но по принятым на станции в то время нормам число экземпляров, как правило, не превышало 25 копий.

В просмотренных нами архивах (Бахметьевский, Архив Радио Свобода в Гуверовском институте, коллекции Романа Гуля в Библиотеке Байнеке, бумаги Л.Д. Ржевского там же и у других участников «Manual») копии «Руководства» не выявлены. Описываемый экземпляр предоставлен нам бывшим руководителем нью-йоркского Программного центра Радио Свобода Джином Сосиным в 2005 году.

«Руководство» представляет собой несброшюванный машинописный 84-страничный сборник односторонней печати на стандартных листах А4 и включает тексты выступлений штатных и внештатных сотрудников станции, а также Приложения.

Рассматриваемый сборник — редчайший пример стилистической авторефлексии создателей программ зарубежного радио на русском языке в годы холодной войны. Все прочие нормативные и рекомендательные документы по составлению и ведению передач в то время создавались по-английски и были предназначены всем языковым редакциям учреждения без поправок на специфику аудитории или численность редакции¹. И такое «равенство» отражало философию американской пропаганды — распространять демократические ценности и идеалы свободы вне зависимости от культуры и политического режима принимающей стороны, поскольку ценности эти считались универсальными. По мере надобности некоторые из положений нормативных документов переводились на местах, в языковых службах, с английского на язык той или иной редакции.

Обсуждаемое «Руководство» в этом отношении стоит особняком. Оно адресовано непосредственно русской редакции Радио Свобода и посвящено проблемам языкового и литературного восприятия слушателями «на той стороне» (как принято было говорить в послевоенные годы).

Причина, по которой «Руководство Ржевского» составлено представителями именно второй волны эмиграции (за одним исключением), лежит на поверхности: подавляющая часть эмигрантов первой волны лишена была возможности наблюдать советскую жизнь в ее мирном течении, они попросту не успели ее познать на своем опыте, а потому и судить об особенностях восприятия западных радиопередач советским слушателем не брались. Гайто Газданов, например, покинул Россию в 1920 году, Роман Гуль — в 1919-м, Виктор Франк — в 1922-м. Позже всех из «идеологов» Русской службы выехал Владимир Вейдле (1924), но и он уже считался для подобных вопросов человеком академическим и «старомодным». И как следствие, «старые» эмигранты в качестве примеров приводили в своих выступлениях, как правило, факты из дореволюционной жизни или из практики русской довоенной эмиграции. Представители же «новых» апеллировали именно к советским реалиям.

Середина 1960-х годов была на Радио Свобода периодом относительного затишья. Буря и натиск предшествующего десятилетия — эпохи зарождения и становления радиостанции — утихли, и деятельность журналистской организации стала предсказуемо-размеренной.

Дух 1950-х годов определялся на Радио Свобода поиском резких, взрывных тем, культурный ракурс носил скорее второстепенный, подчиненный характер — главной была политическая и сатирическая составляющая.

Американское радио с эмигрантским участием задумывалось не просто как контрпропагандистское (то есть отыгрывающееся, отбивающееся) учреждение, но как СМИ с ясной и сформулированной миссией. Эта миссия обозначалась уже в самом названии станции: 1 марта 1953 года станция открылась как Радио Освобождение: Советский Союз следовало *освободить* от коммунистической идеологии, информационной закрытости и правовой неграмотности. Слово «освобождение» задавало определенную цель, направление, конкретную задачу, подчеркивая свои «боевые» установки.

Именно в эфире середины 1950-х годов из уст радиоведущих звучали слова о «кровавой диктатуре», «преступной клике у власти», «криминальном режиме», установленном «узурпаторами», и так далее. Но уже ко второй половине десятилетия, и особенно после XX съезда КПСС, обвинительная лексика и риторика резко пошла на убыль, уступив место тщательному подбору фактов, документов и свидетельств, на основании которых слушатель сам смог бы сделать вывод, является ли правящий в Советском Союзе режим демократическим или нет.

Именно смягчение риторики радиовещания ярче всего свидетельствовало о смене главной политической парадигмы: советского слушателя нужно было не *освободить*, а внушать ему идеи и ценности *свободы*. На место призывов к проявлению недовольства пришли просветительские программы, обучавшие аудиторию широкому диапазону либерально-демократических ценностей. Радио постепенно превращалось в коротковолновый университет с ясной нравственно-исторической миссией. Смена станционного названия была неизбежна: с лета 1959 года оно обрело новое имя — Радио Свобода.

Политологи, социологи, историки, дипломаты, журналисты и разведчики — то есть все те, кто разрабатывал философию радиовещания, понимали, что «учить» свободе — задача нелегкая и долгая, как всякое воспитание. Американская внешняя политика и не спешила. Радио отводилась роль неофициального проводника тех точек зрения, которые Белый дом не мог реализовать по официальным дипломатическим каналам, — принципов демократического устройства западных государств, многопартийной выборной системы, основ права и рыночной экономики, работы частных предприятий, институтов, издательств и средств массовой информации. Другого способа донести до массового советского слушателя эти темы, кроме радиоволн (и отчасти книг), не существовало.

При этом во главе поставленной перед радиопропагандой задачей был не столько развал Советского Союза (что привело бы к непредсказуемым глобальным последствиям), сколько недопущение третьей мировой — ядерной — войны. И в этом заключался кардинальный интерес США и выгода финансирования подобного СМИ. Предотвратить военную агрессию противни-

ка дешевле, чем победить его в бою. Защитники Радио Свобода и Радио Свободная Европа любили напоминать, что годовой бюджет этих станций был равен стоимости одного крыла одного американского бомбардировщика — то есть с точки зрения государственных расходов ничтожно мал.

Несмотря на такое понимание общей пропагандной стратегии, на Радио Свобода бок о бок сосуществовали сотрудники разных поколений, жизненного опыта, темперамента, политических взглядов и стилистических установок.

1965 год — время создания «Руководства» — был кратким периодом межвременья: русская эмиграция к этому году полностью сложилась, новые силы не прибывали, старшее поколение постепенно уходило на покой. Длительное время уже не появлялось ни одного перебежчика или невозвращенца из «новейших»: Валерий Тарсис, Леонид Владимиров, Светлана Аллилуева, Аркадий Белинков, Михаил Демин и Анатолий Кузнецов окажутся на Западе лишь через год-два-три-четыре (1966–1969), но их пока что никто на Западе не ждет и предвидеть не может. Разумеется, они принесут с собой свежее дыхание и актуальное представление о культурно-политической атмосфере в Советском Союзе, и старая эмиграция (представители как первой, так и второй волн) вынуждена будет «подвинуться» и уступить микрофон новейшим невозвращенцам с их опытом и пониманием СССР 1960-х. Но пока этих фигур нет, и бал правит вторая волна.

Этому «застою» на Радио Свобода 1965 года в определенном смысле соответствовал и застой в политической атмосфере СССР. Незадолго перед тем (в октябре 1964) был снят Н.С. Хрущев, новый руководитель партии Леонид Брежнев еще не проявил себя ни во внешней, ни во внутренней политике. Кровавых инцидентов вроде новочеркасского расстрела (1962) либо больше не происходило, либо сведения о них Запада не достигали. Карибский кризис был преодолен, в отношениях сверхдержав стартовала политика мирного сосуществования, и даже начавшаяся война во Вьетнаме (весна 1965 г.) еще не была осознана во всем своем трагическом масштабе (первое боевое столкновение советских артиллеристов с американской авиацией относят к 24 июля 1965 г.).

Понимая всю несопоставимость масштабов этих событий (войны и гражданского суда), заметим, что даже процесс по делу Иосифа Бродского также принадлежал прежней, хрущевской эпохе. И никто не предвидел готовящегося ареста Синявского и Даниэля, который случится в сентябре 1965 г.

В эту пору относительного «затишья» и был на радиостанции поднят вопрос о стилистике передач «на ту сторону». Семинар сотрудников, обозревателей и переводчиков, готовивших программы для эфира, был созван в Нью-Йорке в начале сентября 1965 года. С большой долей уверенности можно предполагать, что семинар этот был закрытым и число его слушателей было сопоставимо с числом участников радиопрограмм.

Однако семинар по стилистике, возможно, и не состоялся бы без мероприятия куда большего масштаба и политического значения. Это представи-

тельная двухдневная конференция в Нью-Йоркском университете, где собрались ученые, журналисты и советологи из правительственных организаций, обсуждавшие будущее свободовских радиопрограмм. Среди выступавших — профессора Джордж Гордон, Итиэль де Сола Пул, Збигнев Бжезинский, Ричард Дэйвис, Уильям Гриффит, Ричард Пайпс, Маршалл Шульман, Макс Ралис, президент Радио Свобода Хауленд Сарджент, руководитель Нью-йоркского бюро станции Джин Сосин и другие.

В своих воспоминаниях «Искры свободы» Дж. Сосин вспоминал: «Собравшиеся пришли к общему мнению по нескольким вопросам, которые в основном подтверждали собственный подход Радио к политике и радиовещанию: нужно быть крайне осторожными, формулируя разные и специфические цели, касающиеся развития советского общества, и эти цели должны быть очень общими, основанными на изученных сегодняшних общественных тенденциях, которые следует поддерживать. Радио должно стать стимулом новых идей, а не отражать официальное мнение Америки. Оно должно быть максимально объективным, сообщая как о событиях в Советском Союзе, так и за границей. ... Все радиовещание должно быть по возможности не американским и не нашим собственным, поскольку информация, приготовленная по американским рецептам, может вовсе не понравиться советским радиослушателям. ... Радио Свобода должно стремиться выводить на передний план образ соотечественника, который рассказывает о событиях в Советском Союзе как человек со сцены, имеющий право выражать любую точку зрения. Радио должно играть роль конструктивной оппозиции. В целом все согласились, что РС правильно называет себя по отношению к радиослушателю гостем в доме. Тон и содержание передач должны быть по большей части положительными; недопустимы провокационные и спорные высказывания; интонация и тон не должны быть покровительственными»².

В фарватере этой большой конференции вполне логично видеть и более кулуарный по масштабам семинар о языке, стилистике и жанрах. Можно даже предположить, что посещение двух мероприятий было отчасти «перекрестным». Во всяком случае, слова о «крайней осторожности» формулировок, «очень общих» обозначенных целях явно перекочевали из «большого» семинара в «малый».

Вести радиный семинар, сделать основной доклад, распределить темы выступлений не случайно было поручено Леониду Денисовичу Ржевскому — писателю и опытному литературоведу, профессору русской литературы, сотруднику (с 1964 года) Отдела славянских языков и литератур Нью-Йоркского университета. Он пригласил к участию штатных сотрудников радио Михаила Корякова, Владимира Юрасова (Рудольфа) и бывшего главного редактора Нью-йоркского отдела Радио Свобода Романа Гуля, к середине 1960-х годов перешедшего на позицию фрилансера и сосредоточившегося на редактировании «Нового журнала».

Фигура Леонида Ржевского в качестве руководителя подобного семинара не случайна. В 1930 году он окончил литературно-лингвистическое отделение

педагогического факультета 2-го МГУ, в 1933 году стал (вместе с А.А. Новицкой и Н.Г. Турбиным) одним из авторов «Курса русского языка»³.

В эмиграции наряду с преподаванием и созданием художественной прозы Л.Д. Ржевский продолжил свои наблюдения над языковой ситуацией на родине. Среди его исследований и публицистики: статьи «Живое и мертвое слово (очерк)»⁴, «Светофоры на путях советского языкознания»⁵, «Запечатленный язык»⁶, «Вопросы конструктивной антикоммунистической пропаганды»⁷, «О культуре языка в СССР»⁸, брошюра «Язык и тоталитаризм»⁹, сборники статей «Прочтение творческого слова»¹⁰ и «К вершинам творческого слова»¹¹ (посмертный).

Место проведения семинара 1965 года неизвестно, но это могло быть как бюро Радио Свобода на 42-й улице Манхеттена, так и небольшой зал какого-либо нью-йоркского отеля, где были возможности радиофицировать помещение для звуковых цитат из передач станции.

Работа семинара в целом отражена в материалах «Руководства». О некоторых пропусках в «Руководстве» и причинах этих лакун скажем ниже.

Сборник открывается выступлением Л.Д. Ржевского «О проблемах жанра и стиля в системе радиовещания “на ту сторону”» (с. 1–5). Докладчик уверен, что передачи для советских слушателей «нужны», и это становится особенно очевидно, «как только берешь в руки иную (советскую. — И.Т.) книгу, газету, журнал».

В качестве свежего примера Л.Д. Ржевский приводит публикацию в августовском номере «Юности»: «Там помещены воспоминания Корнея Чуковского о Пастернаке»¹². Маститый писатель, говоря о Пастернаке, не упомянул ни словом о романе «Доктор Живаго»; цитирует из этого романа стихи — и ничего об источнике. А в редакционном предисловии¹³ о двух стихотворениях из этого романа, которые приводятся в номере¹⁴, сказано: о стихотворении «Сказка: из цикла стихов 1946–1953 года», хотя такого цикла не существует, а о стихотворении «Август» — что оно публикуется впервые, хотя оно было много раз опубликовано за границей».

За подобные же умолчания докладчик критикует и вступительную статью А. Синявского к пастернаковскому тому в «Библиотеке поэта»¹⁵, который поступил в продажу 1 июля 1965 года и уже достиг читателей в Нью-Йорке.

Таким образом, по убеждению Л.Д. Ржевского, «первейшее назначение» свободовских радиопередач — информация: «Информация объективно-познавательная, общекультурная, информация дополняющая и корректирующая для советского радиослушателя то, что искажает и замалчивает антидемократическая тенденция режима».

«Проблемы жанра, — считал Л.Д. Ржевский, — связаны со спецификой разобщенности слушателя и “вещающих” на его родном языке: Кто говорит? Друг? Враг?... Можно ли ему верить? Этого комплекса недоверия и бдительно-сти нет ведь у слушателя туземных радиостанций».

К другим важным жанровым и риторическим аспектам Ржевский отнес композиционные («расчлененность», «рельефность») и языковые («словарь», «фразеологию», «синтаксический строй») вопросы.

Общий совет докладчика — говорить о любых вопросах максимально просто и непременно предварительно «произнести вслух» написанное.

Подобные рекомендации (как и многие другие советы из «Руководства») были вызваны крайне неоднородной категорией радиовещателей: среди сотрудников Радио Свобода первых 20 лет было немного людей с высшим (тем более — с высшим гуманитарным) образованием, многих приходилось учить азам риторики и психологии восприятия речи. Хотелось бы подчеркнуть одну немаловажную драматическую особенность, о которой радиоведущие догадывались, вероятно, не до конца: за годы изгнания, прошедшие с окончания войны (за два полных десятилетия), образовательный уровень аудитории в СССР повысился необычайно, среднее или среднее техническое образование было практически у всех, кто принимал к коротковолновым радиоприемникам, и с таким слушателем невозможно было разговаривать на языке примитивной пропаганды. Это и старались внушить сотрудникам станции участники нью-йоркского семинара.

Второе выступление Л. Ржевского было озаглавлено «Вопросы нормативной стилистики (выдержки из проведенных на семинаре бесед)», оно в «Руководстве» помещено на с. 6–14.

Один доклад на семинаре сделал писатель первой волны эмиграции Р.Б. Гуль — «О работе литературного редактора», с. 15–19 («Руководства»).

Два выступления в рамках семинара принадлежат послевоенному невозвращенцу М.М. Корякову — «Как собирать материал для беседы по радио» (с. 20–28) и «Композиция радиопередачи» (с. 29–37) (публикуется в Приложении к статье).

Приложение 1-е, помещенное на страницах 38–42, в «Руководство» включено не было, о чем гласила надпись на отдельном листе, вероятно указывающая на некий «специальный» характер содержащейся там информации. Речь в этом случае могла идти как о вопросах глушения радиосигнала, так и о негласных контактах с приезжими советскими гражданами (артистами, учеными, спортсменами) — для расширения лексического и стилистического кругозора. Впрочем, это лишь догадки с нашей стороны.

Приложение 2-е включало статьи Ираклия Андроникова «Слово написанное и сказанное»¹⁶ со вступительной заметкой В. Рудольфа «Об авторе» (с. 43–57) и «Коротко о теле-кино-рассказе» (с. 58–59). Оба Приложения (1-е и 2-е) входили в общую порядковую пагинацию «Руководства».

Далее были помещены еще два выступления: «Вопросы радиофоничности» Р. Ромера (с. 60–64) и «Особенности радиоразговора с советским слушателем» В. Рудольфа (с. 65–70).

В Приложении 3-м помещена «Библиография использованных источников»¹⁷, в которой были также упомянуты статьи, помещенные в Приложении к данному руководству. Библиография помещена на одной нумерованной странице.

В Приложении 4-м полностью приводится статья академика В.В. Виноградова «Заметки о стилистике современной советской литературы»¹⁸ (пагина-

ция а–к), полемические отклики на нее Алексея Югова «Океан за решеткой»¹⁹ (пагинация а–г) и Александра Солженицына «Не обычай детем щи белить, на то сметана»²⁰ (пагинация а–г).

Включение в «Руководство» статьи академика Виноградова было вызвано не только ее близостью к тематике семинара, но и коренилось в биографии составителя. В сентябре 1996 года в Нью-Йорке в частной беседе вдова Леонида Ржевского А.С. Шишкова рассказала нам о прервавшейся из-за войны научной карьере своего мужа. В 1938 году Л.Д. Ржевский (тогда — Суражевский) окончил аспирантуру Московского государственного педагогического института, занимался у В.В. Виноградова. В качестве кандидатской диссертации Ржевский в 1941 году представил и защитил двухтомный словарь языка комедии «Горе от ума». Машинописный экземпляр остался у Виноградова, вошел в состав его личной библиотеки и впоследствии попал в мемориальный Виноградовский кабинет Института русской литературы (Пушкинского Дома) в Ленинграде, где благополучно стоял в шкафу, не привлекая внимания спецхрана, поскольку никто из посторонних не догадывался, что некий довоенный филолог Суражевский и эмигрант Ржевский — одно лицо.

Более того, в 1977 году фрагмент этой диссертации вошел в академический пушкинодомский сборник, составленный С.А. Фомичевым²¹. Поступок составителя прошел незамеченным. А сам Ржевский, по словам его вдовы, не проронил по этому поводу ни слова, боясь навредить советским филологам.

Вероятно, из уважения к своему учителю Ржевский в 1965 году включил в составленное им «Руководство» текст Виноградова.

Соположение двух мероприятий (встречи в Нью-Йоркском университете и семинара на радио) и расписания учебного года Нью-Йоркского университета (начинающегося с сентября) помогает датировать встречи второй неделей сентября 1965 года. В таком случае на пропущенных в «Руководстве» страницах (38–42) могли содержаться экстренные материалы, связанные с неожиданным арестом двух самых загадочных советских авторов-тамиздатчиков — Абрама Терца и Николая Аржака (А. Синявского и Ю. Даниэля): они были арестованы 8 сентября.

До руководства «Свободы» вполне могли дойти слухи о том, что Синявскому и Даниэлю следствие предъявляет в качестве одного из обвинений то, что их книги читались на волнах «подрывного» американского радио. И дабы не усугублять вину арестованных, могло быть принято решение объявить мораторий на имена тамиздатчиков — пока не прояснится следственная картина.

Октябрьские же статьи из «Литературной газеты», как и некоторые материалы из Приложений, включены, тем самым, в «Руководство» позже, при подготовке сборника.

Таким образом, со всеми оговорками и скидками на скромные политические масштабы «Руководство Ржевского» стало кратким эпизодом включения

представителей дипийской группы радиосотрудников Радио Свобода в число влиятельных экспертов по американскому международному вещанию. Недолговечность положения дел была связана с двумя факторами.

Во-первых, с тем, что инициатива «возвышения» самим дипийцам не принадлежала, они всего лишь откликнулись в порядке служебной субординации на предложение организовать радиосеминар в продолжение влиятельного собрания американских политологов и экспертов. В таком «отраженном свете» и следует оценивать значение «Руководства».

Во-вторых, развить свое влияние в Русской службе дипийцы не смогли по объективной причине: судебный приговор Синявскому и Даниэлю (февраль 1966 года) и общественная реакция на него вызвали во всем мире волну интереса к самиздату и стимулировали развитие тамиздата, и в этих обстоятельствах позиция и взгляды представителей второй волны были решительно отодвинуты как потерявшие историческую и политическую актуальность.

Вторая волна начала терпеть поражение от третьей, еще не появившейся, но уже пенящейся за горизонтом.

¹ См., например: Notes on Memorandum «Democratic education in Broadcasting on Peoples of USSR». January 29, 1954. 9 p.; The Mission of Radio Liberation: Memorandum. Dec. 5, 1954. 8 p.; Guide to the interpretation of current issues: Broadcast Tone. April 2, 1957. 3 p.

² *Сосин Дж.* Искры свободы: воспоминания ветерана радио / под общ. ред. и с предисл. И. Толстого. Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена, 2004. С. 120.

³ *Новицкая А.А., Суражевский Л.Д., Турбин Н.Г.* Курс русского языка: (Для сельскохозяйственных техникумов). М., 1933. Новицкая была ответственна за работу над книгой в целом, Суражевский — за отдел орфографии, Турбин — за отдел пунктуации.

⁴ *Ржевский Л.Д.* Живое и мертвое слово: (очерк) // Грани. 1949. № 5. С. 59–67.

⁵ *Он же.* Светофоры на путях советского языкознания // Там же. 1950. № 10. С. 127–134.

⁶ *Л. Тан [Л.Д. Ржевский].* Запечатленный язык // НЖ. 1950. Кн. 23. С. 274–286.

⁷ *Ржевский Л.Д.* Вопросы конструктивной антикоммунистической пропаганды // Вестник Института по изучению СССР. 1953. № 4. С. 36–51.

⁸ *Он же.* О культуре языка в СССР: (По поводу «Грамматики русского языка» Академии наук СССР) // Там же. 1954. № 4 (11). С. 100–109.

⁹ *Он же.* Язык и тоталитаризм / Институт по изучению истории и культуры СССР. Мюнхен, 1951. (Исследования и материалы).

¹⁰ *Он же.* Прочтение творческого слова: Литературоведческие проблемы и анализы. N.Y., 1970.

¹¹ *Он же.* К вершинам творческого слова: литературоведческие статьи и отклики / предисл. Е.Г. Эткінда. Norwich, 1990.

¹² *Чуковский К.И.* Из воспоминаний // Юность. 1965. № 8. С. 66–70.

¹³ «И образ мира, в слове явленный...» // Там же. С. 66.

¹⁴ В «Юности» были опубликованы три стихотворения Б.Л. Пастернака, в т.ч. два из романа «Доктор Живаго» (Пастернак Б.Л. Сказка; Божий мир; Август // Там же. С. 70–71).

¹⁵ Синявский А.Д. Поэзия Пастернака // Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы / сост., подгот. текста и примеч. Л.А. Озерова; вступ. ст. А.Д. Синявского. М.; Л., 1965. С. 9–62. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

¹⁶ Андроников И.Л. Слово написанное и сказанное // Литературная газета. 1961. 18 апреля. № 47. С. 3–4.

¹⁷ В списке указаны: Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1959; Он же. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1952; Очерки по стилистике русского языка / под ред. К.И. Былинского. М., 1959; Абрамович А.В., Бельчиков Ю.А., Вакуров В.Н. и др. Практическая стилистика русского литературного языка. М., 1962; Вопросы культуры речи / Институт русского языка АН СССР. М., 1955–1963. Вып. 1–4; Правильность русской речи: трудные случаи современного словоупотребления: опыт словаря-справочника / сост. Л.П. Крысин и Л.И. Скворцов; под ред. С.И. Ожегова. М., 1962; Чуковский К.И. Живой как жизнь: разговор о русском языке. М., 1963 и др.

¹⁸ Виноградов В.В. Заметки о стилистике современной советской литературы // Литературная газета. 1965. 19 октября. № 124. С. 2–3.

¹⁹ Югов А.К. Океан за решеткой // Там же. 28 октября. № 128. С. 3.

²⁰ Солженицын А.И. Не обычай дегтем щи белить, на то сметана // Там же. 4 ноября. № 131. С. 3.

²¹ А.С. Грибоедов: Творчество. Биография. Традиции: [сб. ст.] / отв. ред. С.А. Фомичев. Л., 1977. С. 85–98.

М. Коряков
КОМПОЗИЦИЯ РАДИОПЕРЕДАЧИ

Как я уже упоминал в одной из наших бесед на этом семинаре, ранней весной тридцать третьего года в так называемом «Клубе совторгслужащих» в Ростове-на-Дону была устроена лекция писателя Федора Ивановича Панферова¹ на тему: «Как писать романы».

Не знаю, пошли бы вы слушать такую лекцию автора романа «Бруски»². Панферова многие считают плохим писателем, и Горький нападал на него в тридцать четвертом году³ точно так, как академик Виноградов нападает теперь, скажем, на сибирского писателя Василия Шукшина⁴. Надо заметить, что нынешняя дискуссия о языке в точности повторяет такую же дискуссию середины тридцатых годов. В той дискуссии правильное всех выступил Серафимович, который напечатал статью под заглавием: «О писателях облизанных и необлизанных»⁵. Если бы, — сказал он, — Панферов «задумал сделать свою вещь облизанной, ничего у него не вышло бы, она потеряла бы свою силу, этакую корявую, здоровую, мужичью»⁶. Мне думается, что всегда были, есть и будут писатели «облизанные» и «необлизанные», и все эти дискуссии — толчение воды в ступе.

Каким бы ни был писателем Панферов, «облизанным» или «необлизанным», его роман дает чрезвычайно много для понимания русской жизни времен так называемого «великого перелома». И я пошел на его лекцию. Тем более что я тогда был еще молод, только и думал о том, «как писать романы». Таких, как я, молодых и, может быть, не совсем молодых людей, мечтающих «писать романы», в Ростове-на-Дону оказалось великое множество. Клуб совторгслужащих был полон народу.

Ну, так вот... «как писать романы». Не помню, ждал ли я от Панферова каких-либо точных, определенных правил, как придумывать фабулу, развивать сюжет, строить диалог. Вряд ли... Потому что меня интересовал прежде всего сам Панферов, вот этот невысокого роста человек в защитной гимнастерке, который сидел в углу и курил в ожидании начала лекции. Действительно, ни о какой «фабуле» Панферов не говорил, а начал он с рассказа об одном крестьянине, с которым часто разговаривал за рюмкой водки. И вот этот крестьянин — в конце двадцатых годов — недовольно сказал Панферову:

— Учут. Все учут. Газеты учут, ячейщики учут. Все учут жить!

Вся значительность этой крестьянской жалобы, вся, если угодно, философская значимость этих слов деревенского мужика мне лично стала понятной только теперь, спустя несколько десятилетий, и, как ни странно, именно этого панферовского крестьянина я вспомнил, когда прочитал в «Докторе Живаго»: «...Когда я слышу о переделке жизни, я теряю власть над собой и впадаю в отчаяние». «Никого не надо учить», — говорил Ремизов Наталье Кодрянской.

Как оказалось, Панферов ничему и не собирался учить всех нас, собравшихся на его лекцию. Правда, что лекция называлась: «Как писать романы». Но Панферов говорил не о романах вообще, а о своих романах, и даже не о том, как они пишутся, а о том, как они, можно сказать, сами растут из жизни. Вот он рассказывал, как трудно крестьянам произносить слово «коллективизация», им гораздо понятнее — «канителизация», и хотя в русских словарях нет такого производного от французского «cannetille», мы должны признать, что «канителизация» — это именно то, что не только русскому крестьянству, но и всей России приходится переживать вот уже которое десятилетие. Коротко говоря, Панферов в лекции на тему: «Как писать романы» просто-напросто рассказывал о том, что вошло в третью книгу «Брусков», которая как раз и печаталась в журнале «Октябрь» в начале тридцать третьего года⁷.

Надо заметить, что в этом отношении у Панферова был предшественник, который еще несколько лет до того, — в 1927 году — выпустил книжку «Как делать стихи»⁸. В самом начале этой книжки автор предупреждал читателя: «Я хочу написать о своем деле не как начетчик, а как практик. Никакого научного значения моя статья не имеет. Я пишу о своей работе, которая, по моим наблюдениям и по убеждению, в основном мало чем отличается от работы других профессионалов-поэтов.

Еще раз очень решительно оговариваюсь: я не даю никаких правил для того, чтобы человек стал поэтом, чтобы он писал стихи. Таких правил вообще нет. Поэтом называется человек, который именно и создает эти самые поэтические правила»⁹.

Автором этой книги был Владимир Маяковский. Его книга, повторяю, называлась «Как делать стихи», но в действительности это был лишь рассказ о том, как было написано стихотворение «Сергею Есенину».

Все это — и лекция Панферова «Как писать романы», и книга Маяковского «Как делать стихи» — мне вспомнилось, когда Леонид Денисович Ржевский предложил мне провести на семинаре беседу — «О построении радиоочерка, радиостатьи». Другими словами: «Как писать радиоочерк, радиостатью». Перефразировав Маяковского, я должен с самого начала предупредить вас:

«Я хочу рассказать о своем деле не как начетчик, а как практик. Никакого научного значения моя беседа не имеет. Я говорю о своей работе, которая, по моим наблюдениям и по убеждению, в основном мало чем отличается от работы других профессионалов — scriptwriter'ов»¹⁰.

Еще раз очень решительно оговариваюсь: я не даю никаких правил для того, чтобы человек стал scriptwriter'ом, чтобы он писал script'y»¹¹. Таких правил вообще нет».

Да, таких правил нет в нашем — особенно в нашем — деле. Новизна нашего дела подчеркивается хотя бы одним тем, что мы не знаем, как сказать по-русски «script», «scriptwriter». Правда, поляки ввели в свой словарь термин «skrypt», но им это легче... — латинская нация! Тема нашей беседы — «Как писать радиоочерк, радиостатью», но мне лично и эта терминология

кажется очень неточной и потому как бы временной. В самом деле, задумаемся над этимологией слова «статья». Оно, это слово, связано с глаголами «стать», «стоять», с такими именами существительными, как «стан», «станция», «становище»; наречие «кстати» имеет то же значение, что и «к месту». Действительно, статья напечатанная в газете или журнале, имеет свое определенное место, она принадлежит определенному отделу, часто обведена линейкой жирной чертой, — всматривайся, читай, вчитывайся... У тебя нет для этого времени, отложи журнал или газету, — статья не убежит. Тут, как видите, есть элемент статичности, неподвижности, — элемент чуждый радиопередаче. «Слово не воробей — вылетит, не поймать...» Сама этимология слова «статья», не подсказывает ли она, что построение «скрипта», текста, предназначенного для передачи по радио, должно быть иным, не статическим, не статейным.

Каким? Если не «статейным», то каким? В чем главная разница между статьей и радиопередачей? Разница эта определяется как раз наличием элемента статичности в статье и отсутствием этого элемента в радиопередаче. Вам, вероятно, приходилось испытывать такое: вот вы берете в руки газету, начинаете читать статью и с первых же строк раздражаетесь... — то вас раздражает автор, которому вы не симпатизируете, то мысль, с которой вы не согласны, то неуклюжесть стиля. Вы в состоянии раздражения отбрасываете в сторону газету, но некоторое время спустя все же беретесь за нее снова: вы, может быть, не симпатизируете автору статьи, но у этого автора, может быть, есть имя, и надо знать, что он пишет, какова его точка зрения; или, может быть, в этой статье вы надеетесь все же найти какую-то интересующую вас информацию... — по многим причинам вы можете сперва отбросить газету, а потом взяться за нее снова. И конечно же, автору статьи совершенно «наплевать» на то, как вы его читаете, — он написал статью, он изложил имеющиеся у него факты, он высказал свои взгляды и мнения. Статья стоит! — для него это самое главное. Ваш гнев, ваше раздражение могут по большей части лишь забавлять автора, как меня, например, всегда только забавляют нападки на меня в газетах. Не то, совсем не то в радиоприемнике! Если слушатель — в состоянии раздражения — выключит радиоприемник, то он уже не сможет вернуться к радиопередаче. Она не стоит, она летит! Не может быть поэтому «наплевательского» отношения к радиослушателю. Наоборот, начиная радиопередачу, приходится прежде всего думать о том, чтобы слиться с радиослушателем, перенестись в его среду, перевоплотиться в радиослушателя. Такого перевоплощения отнюдь не требуется от автора статьи. Но оно необходимо в радиопередаче, ибо только в этом гарантия того, что она дойдет до слушателя, не будет им отброшена и потому безвозвратно — безвозвратно! — утрачена.

Перевоплощение в радиослушателя... что это означает применительно к построению радиопередачи? По примеру Панферова и Маяковского я обращаюсь к своим собственным радиопередачам, возьму из своей практики при-

меры подобного «перевоплощения». Помнится, не так давно, в конце октября этого года, меня вызвал В.А. Оболенский¹² и спросил: «Михаил Михайлович, ваши передачи падают на 6 и 7 ноября, на Октябрьскую годовщину. Какие ваши планы? Что вы собираетесь сказать в эти дни радиослушателю?» Правду сказать, меня такие вопросы почти никогда не застают врасплох, — я работаю с довольно большим запасом времени. Итак, 7 ноября, Октябрьский праздник, годовщина так называемой «Великой социалистической революции». Пытаясь в этот день перевоплотиться в радиослушателя, мы попадаем в область интереснейших исторических парадоксов.

В России «великая революция» совершалась 48 лет тому назад. Во Франции «великая революция» совершилась 176 лет тому назад. У власти во Франции сейчас стоит генерал де Голль, который в молодости был членом «Аксьон Франсез»¹³ и которого можно считать учеником Шарля Морраса¹⁴. О де Голле как последователе Морраса была даже статья Раймона Арона в «Фигаро»¹⁵. По мнению Франсуа Мориака¹⁶, Францией сейчас управляет «un prince chrétien», «принц-христианин». Продолжая эту мысль, можно даже сказать, что Франция переживает сейчас период завершения, конца Великой французской революции. Во всяком случае, можно поручиться, что де Голль, как и его учитель Шарль Моррас, ненавидит Французскую революцию. Но... послушайте его речи. Каждая его речь кончается возгласом: «Да здравствует Республика!» И к власти прийти, — и остаться у власти, — де Голль пожелал только демократическим путем, путем, установленным в ходе революции.

Больше того, есть мнение, что весь французский народ, по крайней мере подавляющее большинство, ненавидит Французскую революцию. Недавно, перечитывая статьи Ек.Дм. Кусковой¹⁷, я наткнулся на такое указание:

«Французский историк Сорель¹⁸ писал, что революцию 1789 года французы до того ненавидят, что и через 150 лет трудно создать общество ученых, готовых заняться анализом этих давних событий. Парадокс... Ненавидят, а каждый год танцуют, чтят, поют Карманьолю и Марсельезу. Дико?! Почему не чтут замученного Людовика XVI и его семью, а увековечили вот эти «принципы 1789 года», завоеванные террором, большей частью бессмысленным и распространенным не на виновников и деятелей старого режима, а вообще на всех граждан, случайно попадавших в эту разнузданную монархию».

Эта статья Кусковой, напечатанная в августе 1952 года, называется: «Странное человечество»¹⁹. И впрямь, странное: ненавидят революцию и празднуют... Не то же ли самое и в России? В России революция свершилась только 48 лет тому назад, и ее террор был таким же бессмысленным, и он был так же распространен не только на виновников и деятелей старого режима, а вообще на всех граждан, случайно попадавших в эту разнузданную монархию. Но кто сейчас в России помнит этот террор? Допустим, помнят... «Забыть об этом — память отрубить!» — восклицает Евгений Евтушенко в стихотворении о Есенине, не разъясняя, впрочем, что он понимает под «этим».

Забыть об этом — память отрубить!
Но где топор, что память враз отрубит?
Никто, как русский, не спасал других,
Никто, как русский, сам себя не губит.
Но наш корабль плывет, хоть и мелка вода,
Мы посуху вперед Россию тащим...
Что сволочей хватает — не беда:
Нет Ленина — вот это очень тяжело²⁰.

Недавно у меня была радиопередача, — в серии «Контрапункт», — на тему «Мориак и Россия». В ней насчет Ленина были такие, на мой взгляд, совершенно правильные строки: «Да, Сталин был Каин, преступник, убийца. Но можно ли объяснить все то, что пришлось пережить России, только особенностями характера Сталина? Если бы Ленин жил дольше, — говорит Мориак, — то логика созданной им системы оказалась бы сильнее тех человеческих черт, которыми Ленин обладал. Все равно, и при Ленине было пролито много крови». И тем не менее, Евтушенко:

Что сволочей хватает — не беда:
Нет Ленина — вот это очень тяжело.

Вот все эти чувства и настроения необходимо принимать в расчет, если мы хотим с возможною полнотой перевоплотиться в нашего радиослушателя. Иные слушатели, может быть, и ненавидят «Великую Октябрьскую социалистическую революцию», — ненавидят, но празднуют. Иные, может быть, не столь ненавидят самую революцию, сколько сталинщину, эти вздыхают: «Нет Ленина — вот это очень тяжело». Неважно, совершенно неважно, что мы сами думаем об Октябрьской революции: как бы мы о ней ни думали, как бы мы сами к ней ни относились, радиопередача должна быть написана, сделана так, как если бы мы сами испытывали чувства и настроения наших радиослушателей. Вспоминается один литературный спор: кто-то из критиков, — не помню кто, — однажды сказал, что если Горький так хорошо изобразил Клима Самгина, то в нем самом должно быть что-то от Клима Самгина. Кто-то другой, разумеется, оскорбился за Горького, началась перепалка, но, как ни спорь, прав был первый критик. Наши радиопередачи будут по-настоящему хороши только тогда, когда мы впустим в свою душу нашего радиослушателя, когда мы начнем разговор, находясь в его (а не нашем) положении.

Вывод первый: приступая к построению радиопередачи, приуроченной к годовщине Октябрьской революции, надо начинать не с обличений, не с ругани по чьему бы то ни было адресу, а с того, что это — праздник, если хотите, праздник, предрасполагающий к некоторым размышлениям на досуге. Тут мы сказали важное слово: «на досуге». Где же этот досуг? Не перед праздником, когда надо достать и бутылку водки, и закуски, и, может быть, даже костюм из

пошивочной мастерской принести... — тут хлопоты, не до размышлений! И не в самый день праздника, когда человек устал от демонстрации, или от выпивки, или только готовится к выпивке. Если речь идет именно об Октябрьском празднике, то знаете, где у человека поистине час досуга? На торжественном заседании, где люди должны сидеть и слушать — или не слушать — доклад по случаю годовщины «Великой... и т.д. ... революции»! Вот где человек сидит, глаза на стены и порой действительно о чем-то таком задумывается... Построение радиопередачи подсказывается этой обстановкой: поставьте себя на место такого человека, который сидит там, в зале, глаза на стены и вдруг, если хотите, произвольно начинает размышлять.

Начало радиопередачи, таким образом, складывается само собою:

«Быть может, вы пойдете сегодня в заводской или колхозный клуб — на собрание, “торжественное заседание” по случаю наступающей годовщины. На стенах клуба, где когда-то висели портреты “генералиссимуса”, вы увидите, быть может, не только портреты Ленина и Хрущева, но и декабристов, Герцена, Чернышевского и других представителей русской общественной мысли, русского революционного движения. КПСС изображает себя как бы “преемницей” и декабристов, и шестидесятников...²¹ Партийные пропагандисты уверяют, что от русских просветителей восемнадцатого века, от декабристов, от шестидесятников — прямая линия к “Великому Октябрю”. Но, сидя сегодня в заводском или колхозном клубе, слушая речи, пересыпанные очередными призывами ЦК КПСС, посмотрите на портреты на стенах — и прислушайтесь к голосам, доносящимся из глубины истории. Перенесемся мысленно на собрание декабристов. К примеру, на то собрание, которое описано в романе Юрия Тынянова “Кюхля”²².

После того как была дана сцена собрания, на котором — в романе Тынянова — декабристы произносили речи и развивали свою программу, после этой сцены “Рассказчик”, т.е. лицо, ведущее радиопередачу, говорит:

“Так говорили — и говорят, обращаясь к нам из глубин русской истории, — декабристы. И вот сегодня, в канун 45-й годовщины Октября, сидя в заводском или колхозном клубе, слушая речи партийных пропагандистов, поставим — пусть мысленно, пусть про себя — такой вопрос: — “Имеют ли советские граждане сегодня то, чего чуть ли не полтора столетия назад требовали декабристы?”»

И тут вы — уже от себя! уже от себя! — повторяете, повторяете то, что говорили декабристы в только что изображенной сцене:

«Обладает ли советский гражданин “правом излагать невозбранно свои мысли и сообщать их своим соотечественникам”? Обладает ли советский гражданин правом выбирать “свой образ мышления и действий, свою партию”? Имеют ли советские граждане право “составлять всякого рода общества и товарищества, не спрашивая о том ни у кого разрешения, ни утверждения”? Вправе ли советский гражданин “заниматься тем промыслом, который ему покажется наивыгоднейшим”? Нет, нет и нет... Партия, празднующая сегодня

45-ю годовщину захвата власти, не дала того, что требовали для народа декабристы».

Дальше, как бы сидя в зале «торжественного заседания», мы переводим взгляд на другие портреты — от Герцена к Чернышевскому, от Чернышевского к Короленко — и повторяем тот же прием, какой мы применили по отношению к декабристам; таково построение радиопередачи, приуроченной к 45-й годовщине Октября, — построение, — продиктованное необходимостью переплотищения в радиослушателя.

Добавлю, что поскольку это был праздник, то радиопередача должна была иметь праздничное оформление. Какую дать музыку? Какую вставить песню? Нельзя ли тут ввести в радиопередачу Ленина, того именно Ленина, о котором вздыхает поэт Евгений Евтушенко? Можно... В таком случае мы начали нашу радиопередачу так:

ЛЕНТА: «Россия вчера, сегодня, завтра», № 28.

МУЗЫКА: аккомпанемент к песне «Пловец».

РАССКАЗЧИК: На улицах вашего города или вашего села, вашей деревни вы, быть может, видите сегодня цифры: 1917–1962. И, глядя на эти цифры, вы, быть может, невольно задумываетесь о том, что вам — вашему отцу и вашей матери, вашим братьям и сестрам — пришлось пережить за эти годы. 1917–1962. Сорок пять лет... Канун сорок пятой годовщины Октябрьской революции... Мы начнем нашу сегодняшнюю программу одной из любимых песен Ленина:

МУЗЫКА: Песня «Пловец» (полностью).

РАССКАЗЧИК: Это — песня «Пловец» на слова Николая Языкова²³. Она записана — в исполнении Козловского и Рейзена²⁴ — на грампластинке, выпущенной Апрелевским заводом под заглавием «Любимые песни Ильича». Что нравилось Ленину в этой песне? Какие раздумья она у него вызывала? Быть может, она навеяла на него мечту...

МУЗЫКА: повторяется куплет:

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

РАССКАЗЧИК: ...мечту о блаженной стране, ясное небо которой должно было открыться после непогоды царского самодержавия?

В конце нашей получасовой радиопередачи мы опять возвращаемся к этой песне, но с вариацией, с другим куплетом.

ЛЕНТА.

РАССКАЗЧИК: ...Как мы уже говорили в самом начале нашей программы, одной из любимых песен Ленина была песня «Пловец» на слова Николая Языкова, современника декабристов. Что нравилось Ленину в этой песне? Какие раздумья она у него вызывала?

МУЗЫКА: повторяется куплет:

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

РАССКАЗЧИК: Быть может, эта песня заставляла Ленина задуматься о море жизни, роковые просторы которого таили столько бед для всего народа, в том числе и для партии Ленина? Под конец своей жизни Ленин задумывался: туда ли пошла революция, куда он ее направлял? Не сбилась ли она с пути?

Как видим, музыкальное оформление тут не простой «придаток», а неотъемлемая часть радиопередачи, — именно часть ее структуры, ее построения.

Надеюсь, теперь вам понятно, что я имею в виду, когда говорю о построении радиопередачи, продиктованном необходимостью перевоплощения в радиослушателя. Входя в среду радиослушателя, как бы сливаясь с ним, мы точно так же, по такому же принципу можем строить и другие наши радиопередачи. В той передаче, о которой я только что рассказывал, осью служила вереница портретов, висящих в зале торжественного заседания. Но вот другая радиопередача, тоже посвященная Октябрьской годовщине, — радиопередача нынешнего года. Называется она — «На трибуне Мавзолея». Само начало этой радиопередачи вводит нас в среду радиослушателя:

ЛЕНТА: «Россия вчера, сегодня, завтра», № 150.

КОРЯКОВ: У микрофона Михаил Коряков. Мне хочется вспомнить события, где — в разные годы — праздновал я Октябрьские годовщины. Вот вижу себя молодым, 18-летним учителем, окруженным детишками на занесенной уже глубоким снегом деревенской улице, — это 1929 год, деревня Кривошапкина на дальнем сибирском севере, близ Киренска на Лене. В следующем, тридцатом году в Октябрьский праздник я был уже в степном селе Локоть, что между Семипалатинском и Рубцовском, — был начинающим журналистом, работал в газете «Колхозная степь». Встречал я «Октябрь» и в Новосибирске, и в Ленинграде, и, разумеется, в Москве, когда учился там в Институте философии, литературы, истории. Помню, когда наша колонна входила со стороны Исторического музея на Красную площадь, мы, повернув головы направо, не сводили глаз с Мавзолея. Правду сказать, я почти никогда там никого не различал, — далеко и слишком быстро нас прогоняли по площади. И вот теперь мне пришла в голову такая мысль: взять газету «Правда» за все годы после смерти Ленина, т.е. с того времени, как был построен Мавзолей, и посмотреть, какие фигуры — в разные годы — стояли там на трибуне. Получается достойная внимания картина... Посмотреть на нее я и приглашаю вас сегодня.

Дальше идет рассказ о фигурах, которые то появлялись на Мавзолее, то исчезали бесследно — рассказ, который, как это ни странно, в течение 13 минут

давал как бы краткую историю страны за сорок с лишним лет. Заканчивалась радиопередача так:

ЛЕНТА.

КОРЯКОВ: Так появлялись и исчезали — исчезали в небытие! — фигуры на Мавзолее. Говорит Михаил Коряков. Как же это так получается, что в течение нескольких десятилетий, начиная с двадцать четвертого года, на ленинском Мавзолее появляются люди, которые впоследствии оказываются врагами народа, преступниками, авантюристами, уклонистами или, как в случае с Хрущевым, «субъективистами»?²⁵ Ждет ли такая же судьба и тех, кто теперь появляется на трибуне Мавзолее? Нормален ли политический режим, при котором руководители не просто уходят в отставку, но насильственно свергаются, растаптываются, объявляются преступниками? Не в том ли беда этого режима, что это — режим единственной партии? Не должно ли нынешнее руководство, — хотя бы ради собственных интересов, — вывести все исторические фигуры из небытия, из загробной ссылки, подвергнуть их деятельность трезвой и объективной оценке? Не пора ли дать историкам возможность воссоздать подлинную, правдивую, полную картину того, что пережил народ после Ленина?

Если я попросил вас послушать как начало, так и конец одной и другой радиопередачи, то затем, чтобы обратить ваше внимание на важный момент, касающийся построения радиопередачи, — момент обрамления. В газете статью обводят линейкой, жирный заголовок отделяет ее от других статей... — чем-то должна быть «обрамлена» и радиопередача. Всегда ищите рамку, и вы убедитесь, что, вставленная в рамку, радиопередача будет более впечатляюща. В отличие от статьи, радиопередача не существует сама по себе, она существует только в сознании радиослушателя и потому должна быть более впечатляюща, чем статья.

Мы говорили о динамике радиопередачи. В отличие от статьи, радиопередача не стоит, а летит, и то, что слушатель — по той или другой причине — упустит, он может уже не услышать, это будет утеряно для него безвозвратно. Построение радиопередачи, следовательно, должно быть таким, чтобы эта опасность утечки была сведена до минимума. Как? Повторениями внутри радиопередачи. Но такими повторениями, которые, однако, не выглядели бы как повторения. Подобный пример вы могли видеть на примере первой «октябрьской» передачи, где сначала декабристы высказывались на собрании, изображенном в романе Тынянова «Кюхля», а потом эти высказывания повторял рассказчик уже от себя, но в вариации — применительно к положению, существующему в Советском Союзе.

Построение радиопередачи... На эту тему можно говорить очень много. По сути дела, это целый курс. Я и так занял слишком много времени. И, чтобы закончить, хочу обратить ваше внимание на такой факт: Радиостанция «Свобода», или «Освобождение», как она называлась тогда, начала работать в марте 1953 года. По воле истории это совпало с 100-летием основания Гер-

ценом «Вольной русской типографии в Лондоне» (листовка, в которой Герцен объявлял это событие, была выпущена им в феврале 1853 года²⁶). «Мы посмотрим, — говорил Герцен, — кто сильнее: власть или мысль»²⁷. Вот этому — мысли! мысли прежде всего! — и должны быть подчинены все элементы радиопередачи, в том числе и ее построение, ее композиция.

¹ Панферов Федор Иванович (1896–1960) — прозаик. Один из руководителей РАППа. Главный редактор журнала «Октябрь» (1931–1954, 1957–1960).

² Роман «Бруски» (1928–1937) вышел в четырех книгах, наиболее известное произведение Ф.И. Панферова.

³ См.: Горький М. Открытое письмо А.С. Серафимовичу // Литературная газета. 1934. 14 февраля. № 17. С. 1.

⁴ См.: Виноградов В.В. Заметки о стилистике современной советской литературы // Там же. 1965. 19 октября. № 124. С. 2–3. В статье Виноградов охарактеризовал шукшинский стиль как «диалектно-натуралистический», с отсылкой к письму М. Горького (1927) Д.М. Ханту, противопоставлявшего художника-реалиста (живущего «над действительностью») художнику-натуралисту («покорному фактам»).

Шукшин Василий Макарович (1929–1974) — прозаик, сценарист, кинорежиссер, актер.

⁵ Серафимович А.С. О писателях «облизанных» и «необлизанных» // Литературная газета. 1934. 6 февраля. № 13. С. 2. См. также: Он же. Ответ А.М. Горькому // Там же. 1 марта. № 25. С. 2.

⁶ Несколько искаженная цитата из статьи А.С. Серафимович «О писателях “облизанных” и “необлизанных”».

⁷ Панферов Ф. Твердой поступью: роман («Бруски», книга III) // Октябрь. 1933. Кн. 1. С. 4–51; Кн. 2. С. 3–40; Кн. 3. С. 19–67; Кн. 4. С. 29–96.

⁸ Маяковский В.В. Как делать стихи? М., 1927. (Библиотека «Огонек»; № 273).

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ Scriptwriter'ы — буквально: авторы текстов (англо-американский профессиональный термин).

¹¹ То есть тексты.

¹² Оболенский Валериан Александрович (1925–1977) — журналист, переводчик. Один из руководителей Русской службы Радио Свобода в Мюнхене и Нью-Йорке.

¹³ «Action française» (буквально: «Французское действие») — французская правая организация (1899–1944, с 1947 г. до настоящего времени).

¹⁴ Моррас Шарль (Maurras; 1868–1952) — французский публицист, критик и поэт. Член Французской академии, лишенный в 1945 г. звания по решению Лионского суда как предатель родины. Монархист и националист, в годы Второй мировой войны поддерживал маршала Петена.

¹⁵ Отношение философа и политолога правых убеждений Раймона Арона (Aron; 1905–1983) к Шарлю де Голлю (de Gaulle; 1890–1970) колебалось на протяжении многих лет — от поддержки в годы Второй мировой войны до резкой критики в 1950–60-х гг.

«Фигаро» («Figaro») — ежедневная французская газета. Выходит в Париже с 1826 г.

¹⁶ Мориак Франсуа (Maugiac; 1885–1970) — французский писатель. Член Французской академии. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1952).

¹⁷ Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958) — политический и общественный деятель, публицист, издатель. В 1922 г. выслана из РСФСР за границу вместе с мужем, экономистом С.Н. Прокоповичем. Жила в Берлине, Праге, Женеве.

¹⁸ Сорель Альбер (Sorel; 1842–1906) — французский историк. Член Французской академии. Главное сочинение — «Европа и Французская революция».

¹⁹ Кускова Е.Д. Странное человечество? // НРС. 1952. 12 августа. № 14717. С. 2–3. М.М. Коряков приводит несколько искаженную цитату из статьи Е.Д. Кусковой со с. 2.

²⁰ Исканная цитата из стихотворения Е.А. Евтушенко «Памяти Есенина» (1965). Ср.: «Нет гениев — вот это очень тяжко».

²¹ Шестидесятники — здесь революционеры-разночинцы и писатели публицисты 1860-х гг.

²² Собрание вольнодумцев было описано в главе «Петербург» романа Ю.Н. Тынянова «Кюхля» (1925).

²³ Языков Николай Михайлович (1803–1847) — поэт.

²⁴ Козловский Иван Семенович (1900–1993) — оперный и камерный певец, тенор. Рейзен Марк Осипович (1895–1992) — оперный и камерный певец, бас.

²⁵ Официальная оценка деятельности Н.С. Хрущева после его отставки в 1964 г.: «В его деятельности имели место проявления субъективизма и волюнтаризма» (Хрущев, Никита Сергеевич // Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е.М. Жуков. М., 1974. Стб. 677).

²⁶ Вольная русская типография в Лондоне (Вольная русская книгопечатня в Лондоне) — типография для печати произведений, запрещенных в России. Основатель — А.И. Герцен. Типография функционировала в Лондоне (1853–1865), Женеве (1865–1870).

Обращение «Вольное русское книгопечатание в Лондоне. Братьям на Руси» в виде отдельной литографированной листовки вышло 21 февраля 1853 г.

²⁷ Цитата из неопубликованной при жизни А.И. Герцена работы «Вместо предисловия или объяснения к сборнику» (1849) (Вместо предисловия или объяснения к сборнику: неизданная заметка Герцена / предисл. редакции; публ. и коммент. А. Иващенко // А.И. Герцен. I / подгот. к печати Б.П. Козьмин и И.В. Сергиевский. М., 1941. С. 170. (Литературное наследство / отв. ред. П.И. Лебедев-Полянский; т. 39/40).

А.В. Попов

АРХИВНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ: ДОКУМЕНТЫ
ПО ИСТОРИИ ДИ-ПИ В ГУВЕРОВСКОМ ИНСТИТУТЕ ВОЙНЫ,
РЕВОЛЮЦИИ И МИРА И ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: Статья посвящена архивным фондам и документам по истории перемещенных лиц, отложившимся в Гуверовском институте войны, революции и мира и Государственном архиве Российской Федерации, которые взаимно дополняют и обогащают друг друга.

Annotation: Article is devoted to funds and documents for history of the displaced persons held at Hoover Institution on War, Revolution and Peace and the State Archive of the Russian Federation, which mutually supplement and enrich each other.

Ключевые слова: архив, диаспора, документ, ди-пи, беженцы, россияка, русское зарубежье, эмиграция, Гуверовский институт войны, революции и мира, Государственный архив Российской Федерации.

Key words: archive, diaspora, document, DP, refugees, rossika, Russian abroad, emigration, Hoover Institution on War, Revolution and Peace, State Archive of the Russian Federation.

В результате Второй мировой и Отечественной 1941–1945 гг. войн сложилась принципиально новая ситуация с формированием русской диаспоры за рубежом. Война породила новое явление, которое принято называть второй волной эмиграции. Она образовалась в основном из бывших военнопленных, мирного населения, угнанного на работу в Германию и другие страны Европы (остарбайтеры), а также части населения оккупированных территорий СССР, покинувшей страну вместе с отступающими немецкими частями. Вторая волна могла быть более значительной, но этого не случилось. Подавляющая часть советских людей, оказавшихся на территории Германии и других стран, после пребывания в лагерях для перемещенных лиц была репатриирована в СССР. Те, кто избежал репатриации, послужили основой новой — второй — волны эмиграции¹.

История эмиграции, проблема международных миграций в целом в последние годы вызывает у ученых особый интерес. В полной мере внимание исследователей направлено на проблемы перемещенных лиц. Интерес ученых и запрос общества находят твердую опору в источниковой базе, в первую очередь в архивных документах, архивных собраниях, отложившихся в хранилищах России и других стран. Актуальность изучения истории ди-пи связана не только с проблемами перемещенных лиц и массовых миграций XX века, но и с историей русского зарубежья, равно как и с архивной проблематикой — изучением и осмыслением архивной россики.

Ценные и, возможно, самые большие коллекции зарубежной архивной россики отложились в Гуверовском институте войны, революции и мира (Hoover Institution on War, Revolution and Peace). История создания института неразрывно связана с деятельностью Г.К. Гувера (1874–1964), президента США в 1929–1933 гг. Герберт Гувер всегда интересовался Россией, неоднократно путешествовал по стране. Он вкладывал значительные финансовые средства в развитие рудников и медеплавильных заводов на Урале, но перед началом Первой мировой войны всю свою энергию направил на благотворительную деятельность. Именно по его инициативе в 1919 г. была создана Военная библиотека (с 1946 г. — институт). Главной задачей института было комплектование, обеспечение сохранности и использование документов, касающихся Первой мировой войны и ее последствий. Двадцатого июня 1941 г. на открытии башни, названной в его честь, Г. Гувер сказал о миссии архива: «Эти документы отражают страдания, самоотречение и героические дела. Эти документы помогут человечеству в его метаниях и его тоске... Цель архива — содействовать миру. Его документы будут вызовом всем тем, кто хочет войны». Гуверовский институт войны, революции и мира всегда занимал и продолжает занимать в структуре Стэндфордского университета особое место. Институт обладает собственными органами управления, руководство им осуществляет Совет наблюдателей.

В архиве института отложилось около 6 тысяч архивных фондов и коллекций, содержащих более миллиона дел, 50 миллионов документов на шестидесяти девяти языках, в т.ч. более 12 миллионов документов на русском и других славянских языках. Заинтересованный исследователь найдет в архиве института документы не только по истории славянских стран, России и эмиграции из России, но и материалы о послевоенных ди-пи.

Одним из крупных архивных фондов, отложившихся в Гуверовском институте войны, революции и мира, имеющих отношение к истории лагерей для перемещенных лиц в послевоенной Германии, является фонд видного деятеля Народно-трудового союза (НТС) Константина Владимировича Болдырева (1909–1995).

Уроженец Гатчины К.В. Болдырев оказался с семьей в эмиграции в 1920 г., первоначально в Китае, позже — в Югославии. В 1930-х гг., обучаясь в Белградском университете, Болдырев вступил в НТС. В годы войны руководил филиалом строительной фирмы «Erbauer» в Минске, позже — в Тюрингии. По окончании войны Болдырев был назначен американскими оккупационными властями организатором и администратором перемещенных лиц в районе «Ландкрейс Хохенштейн», занявшись организацией работ, быта и досуга подведомственных ему лагерей ди-пи: Менхегоф, Фюрстенвальд, Ротвестен и Циренберг. В 1946 г. Болдырев оставил пост администратора лагерей и посвятил себя устройству русских ди-пи на работы в другие страны: Бельгию, Марокко и др. Эту деятельность он продолжал до начала 1950-х гг. С переездом в США в 1947 г. Болдырев погрузился в активную преподавательскую и общественно-политическую деятельность².

Архив К.В. Болдырева поступил в Гуверовский институт войны, революции и мира в 1996 г. от его дочери Е.К. Болдыревой-Семлер. Объем фонда составляет 30 архивных коробок³.

Документы, касающиеся истории русских беженцев в послевоенной Европе, составляют значительную часть фонда К.В. Болдырева. Это, прежде всего, обширная переписка, мемуары беженцев, официальные документы о лагерях ди-пи в Германии, а также аудиозаписи. В составе документов о ди-пи имеются следующие дела: «Менхегоф лагерь ди-пи, Германия, 1945–1948»; «Речь К.В. Болдырева на открытии выставки о лагерях ди-пи в период с 15 июня по 15 декабря 1945»; собрание писем и обращений русских беженцев к американскому командованию об освобождении из-под ареста К.В. Болдырева, 1945; «Отчеты о деятельности лагерей ди-пи»; «Мемуары К.В. Болдырева о лагере Менхегоф», 1950; материалы о лагерях ди-пи в Марокко.

В фонде К.В. Болдырева находится обширная переписка. Среди корреспондентов К.В. Болдырева — П.В. Жадан, о. А. Киселев, о. Д. Константинов, Л.А. Рар, Б.М. Парамонов, Р.В. Полчанинов, Е.Р. Романов (Островский), М.В. Славинский, А.П. Столыпин, И.К. Филимонов, Г. Киссинджер, Р. Никсон, Ф. Пирсон и многие другие.

В составе фонда К.В. Болдырева отложились документы Американского комитета по освобождению от большевизма (1952–1954) и фонда «Американские друзья российской свободы» (1950–1953). В составе фонда находятся документы брата К.В. Болдырева Всеволода, в т.ч. его мемуары.

Можно констатировать, что документы фонда К.В. Болдырева, отложившиеся в Гуверовском институте войны, революции и мира, будут, безусловно, интересны исследователям русской политической эмиграции второй половины XX в., а также историкам лагерей ди-пи в послевоенной Европе и Африке.

Вторая часть архива К.В. Болдырева была передана в Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) в 1996–1997 гг. все той же дочерью Константина Васильевича Е.К. Болдыревой-Семлер. Поступившие документы были объединены с материалами В.Г. Болдырева, составив фонд № 10055 «Болдыревы: Василий Георгиевич и Константин Васильевич» из 664 дел за 1918–1997 гг. Структурно фонд Болдыревых состоит из пяти описей: № 1, 2 — материалы В.Г. Болдырева; № 3–5 — К.В. Болдырева⁴.

Документы о работе К.В. Болдырева на посту администратора лагерей ди-пи собраны в третьей описи в отдельном подразделе («Материалы, связанные с деятельностью К.В. Болдырева в качестве начальника лагерей ди-пи»). В их числе приказы, докладные записки, финансовые документы и т.п., составленные К.В. Болдыревым или его заместителями. Арест К.В. Болдырева американскими военными властями 17 июля 1945 г. представлен копией досье на него, составленного американскими следственными службами (раздел «Материалы о К.В. Болдыреве»). Копия досье была предоставлена бывшему подследственному в 1988 г. в результате его запроса в Информационный центр армии

США. Деятельность К.В. Болдырева по переселению ди-пи в другие страны проиллюстрирована уникальными фотографиями (раздел «Фотоматериалы»).

Общественно-политическая, педагогическая и публицистическая деятельность К.В. Болдырева в США может быть изучена по письмам от государственных и общественных организаций различных стран с предложениями выступить на политических конференциях и в учебных заведениях, проспектах конференций. Интересна, хотя и невелика подборка официальных документов: планы заседаний Североамериканского отделения НТС, программы и повестки совещаний и т.п. Значительное место среди документов фонда занимают творческие материалы К.В. Болдырева за 1945–1984 гг. Тематика его статей, докладов, радиопередач связана с вопросами международной политики, политической обстановки в СССР, деятельности советских диссидентов, вооруженных конфликтов на Кубе, в Афганистане и др. странах, с событиями в Венгрии и т.д.

Еще одним архивным собранием Гуверовского института войны, революции и мира, в котором отложились документы по истории лагерей ди-пи в послевоенной Европе, является фонд Бориса Витальевича Прянишникова (1902–2002).

Участник Гражданской войны Б.В. Прянишников оказался в эмиграции в 1920 г., первоначально в Турции, затем в Болгарии, Франции и Германии. Член Национального союза нового поколения (позже — НТС) с 1933 г., участник Комитета освобождения народов России (КОНР), один из подписантов Пражского манифеста КОНР (под псевдонимом А. Лисовский). После окончания войны в лагере для перемещенных лиц Менхегоф американской оккупационной зоны Германии Прянишников стал основателем и первым редактором еженедельника «Посев» (1945–1946), с марта 1947 г. — главным редактором еженедельной газеты регенсбургского отделения НТС «Эхо».

После переезда в 1949 г. в США Прянишников одно время был председателем отделения Североамериканского отдела НТС в Нью-Йорке (1949–1951), однако в 1954 г. вследствие несогласия с политикой руководства союза вышел из НТС и возглавил образованную бывшими членами нью-йоркского отделения инициативную группу по созданию организации свободных солидаристов (просуществовала до 1968 г.). В 1958–1964 гг. Прянишников трудился внештатным сотрудником редакции Радио Свобода⁵. Большую известность Прянишникову принесли его книги «Незримая паутина»⁶ и «Новопоколенцы»⁷.

Б.В. Прянишников передал свой архив в Гуверовский институт войны, революции и мира 19 сентября 1979 г. Объем архива сравнительно невелик: 5 архивных коробок⁸. Хронологические рамки документов фонда — 1921–1980 гг.

В составе фонда имеются документы о деятельности русских антикоммунистических групп и НТС в эмиграции, русских перемещенных лицах после Второй мировой войны, а также переписка. Архив был описан самим фондообразователем. Документы были размещены в 30 тематических папках, в основном это рабочие материалы для его книг. Систематизация архива была со-

хранена архивистами института. В целом число документов о ди-пи и лагерях ди-пи в составе фонда незначительно.

Более полно подобные документы представлены в личном фонде Б.В. Прянишникова в ГА РФ⁹. Архив Б.В. Прянишникова поступал в ГА РФ частями в 1996 и 1997 гг. от самого фондообразователя. Опись № 1 фонда включает 182 дела. Подавляющее большинство вошедших в опись дел было сформировано и описано самим Прянишниковым. В составе его фонда в ГА РФ имеются творческие рукописи, переписка, документы о деятельности НТС, статьи, бюллетени, скрипты радиопередач Прянишникова, документы о деятельности Американского комитета освобождения народов России и Радио Свобода, статьи, заметки Прянишникова по истории русской эмиграции после Второй мировой войны и др.

Среди корреспондентов Б.В. Прянишникова — В.М. Байдалаков, С.Л. Войцеховский, Р.Б. Гуль, И.А. Курганов, Л.Ф. Магеровский, Е.Р. Романов (Островский), Б.С. Пушкарев, М.И. Раев и др.

В фонде отложились следующие биографические документы: командировочные удостоверения редакции газеты «Посев», лицензия на издание газеты «Эхо», дневниковые записи Б.В. Прянишникова за 1945 г., удостоверения члена Ассоциации русских писателей и журналистов американской оккупационной зоны Германии, редактора газеты «Эхо», текст доклада «Трагедия эмигрантского бытия» и др.

Таким образом, мы наблюдаем своеобразную переключку или диалог архивов — фонды и документы Гугеровского института войны, революции и мира и ГА РФ взаимно дополняют и обогащают друг друга. Часто говорят: «Архивы не горят». На наш взгляд, именно такие архивные параллели и взаимовлияния разделенных архивов способствуют обеспечению сохранности нашего наследия и придают новые краски и полноту восприятия мира во всем его многообразии и красоте.

Заканчивая краткий обзор документов по истории ди-пи, хочется выразить огромную благодарность и признательность куратору русских коллекций Гугеровского института войны, революции и мира Анатолию Всеволодовичу Шмелеву, без дружественной поддержки которого подготовка этой публикации была бы невозможна.

⁹ Попов А.В. Вторая российская эмиграция: проблемы и решения // Общество и власть: материалы всероссийской науч. конф. / науч. ред. А.В. Гоголевский. СПб., 2003. С. 338. См. также: Земсков В.Н. «Вторая эмиграция» и отношение к ней руководства СССР: 1947–1955 // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР — России, 1941–2001 гг.: сб. ст. / под ред. Г.Я. Тарле, Ю.А. Полякова. М., 2007. С. 63–91; Он же. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. М., 2016; Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002.

² Подробнее см.: *Артемов А.Н.* Константин Васильевич Болдырев // *Посев*. 1995. № 5. С. 117–119; *Полчанинов Р.В.* Константин Васильевич Болдырев // *За свободную Россию: сообщения местной организации НТС на востоке США*. 2009. № 103 (январь) (URL: <https://www.russkije.lv/ru/journalism/read/polchaninov-boldyrev/> (дата обращения: 01.04.2019)).

³ HIA. Constantin W. Boldyreff papers.

⁴ Биографию В.Г. Болдырева и описание его материалов см.: *Попов А.В.* Загадка генерала Болдырева: новые документы по истории белой Сибири // *История белой Сибири: Тезисы третьей науч. конф., 2–3 февраля 1999 г., Кемерово / отв. ред. С.П. Звягин*. Кемерово, 1999. С. 48–54.

⁵ См.: *Александров Е.А.* Русские в Северной Америке: биографический словарь / под ред. К.М. Александрова, А.В. Терещука. Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005. С. 416; *Штамм А.* Памяти Б.В. Прянишникова // *Станица*. 2003. № 39 (март) (URL: <http://www.gipanis.ru/?level=875&type=page> (дата обращения: 01.04.2019)).

⁶ *Прянишников Б.В.* Незримая паутина. [N.Y.], 1979.

⁷ *Он же.* Новопоколенцы. Silver Spring, MD, 1986.

⁸ HIA. Boris V. Prianishnikov papers.

⁹ ГА РФ. Ф. 10032. Оп. 1–2.

В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕПИСКИ

А.В. Мартынов

ДОЛГОЕ «ОЖИДАНИЕ» ВЛАДИМИРА ВАРШАВСКОГО:
К ИСТОРИИ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВТОРОЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ

Аннотация: Статья посвящена взаимоотношениям писателя первой волны эмиграции с издательством, созданным представителями второй волны. Показаны мировоззренческие различия между волнами русского зарубежья.

Annotation: The article is devoted to the relationship between the writer of the «first wave» of emigration and the publishing house created by the «second wave». The ideological differences between the «waves» of the Russian abroad are shown.

Ключевые слова: В.С. Варшавский, Е.Р. Романов, А.Н. Артемова, Г.В. Адамович, издательство «Посев», издательство YMCA-Press.

Key words: V.S. Varshavsky, E.R. Romanov, A.N. Artemova, G.V. Adamovich, publishing house «Posev», publishing house «YMCA-Press».

После Второй мировой войны в кругах эмиграции было популярно стихотворение Ивана Бунина, в котором он перифразой «Шотландской песни» Александра Пушкина описывал предпочтения издателей:

Автор к автору летит,
Автор автору кричит:
Как бы нам с тобой дознаться,
Как бы нам с тобой издаться?
Отвечает им Зелюк –
Всем, писаки, вам каюк!
Отвечает им Лукасов –
Не терплю вас, лоботрясов!
Отвечает ИМКА: мы
Издаем одни псалмы!¹

Действительно, разрушение единого культурного пространства русского зарубежья, вызванное Второй мировой войной, в числе прочих гуманитарных проблем привело и к серьезному кризису издательского дела. Поэтому неудивительно, что, несмотря на все его бывшее несовершенство, исторический романист Марк Алданов сожалел весной 1953 г. об ушедшем золотом времени продажи книг, когда «моего романа “Девятое Термидора”, вышедшего в 1922 году в Берлине, было продано тысяч восемь экземпляров (четыре издания), а “Истоков” (которые, по-моему, интереснее) — пока 1100! (за два-три года). Издательство YMCA-Пресс считало это успехом и чуть ли не поздравляло меня!»².

Также ситуация усугублялась непростыми отношениями с эмигрантами второй волны. Они были обусловлены серьезными расхождениями в аксиологических приоритетах, когда, «в отличие от своих предшественников 1920–21 годов... эти новые беженцы не горели желанием восстанавливать Россию за рубежом. Они только стремились найти безопасное место, со стабильным уровнем жизни, далеко от хватки советской России»³.

Парадоксально, но некоторые элементы этих невеселых тенденций сохранились и в начале 1970-х гг. Именно тогда с ними столкнулся представитель «младшего» поколения первой волны эмиграции писатель, литературный критик и журналист Владимир Варшавский (1906–1978) в поисках издателя для своей повести «Ожидание» (1972).

Ее текст писался долго. Не в последнюю очередь в ходе работы над книгой, сказала большая загруженность на Радио Свобода. В предисловии прозаик вспоминал: «многие части этой повести в черновом виде были напечатаны за последние двадцать лет в разных эмигрантских журналах. Главы о Второй мировой войне вышли в 1950 году отдельной книгой под названием “Семь лет”»⁴. В реальности временные рамки следует раздвинуть еще шире. Частью «Ожидания» можно считать рассказ «Уединение и праздность», напечатанный в «Числах» в 1932 г., и «Амстердам», отрывок из неназванной повести, появившийся в «Круте» шесть лет спустя⁵.

Не менее сложным был и выбор названия. Первоначально Варшавский хотел озаглавить свою повесть «Рассеянность», затем — «Попытка сосредоточиться» («тоже, впрочем, не очень удачное», по признанию автора). От этих вариантов писателя отговорил поэт и публицист Г.В. Адамович, возразив, что «Рассеянность» «заранее скорей отбивает интерес, чем возбуждает и привлекает его», а «Попыткой» «вы погубите книгу», так как оно рассудочно скучно и упрощенно передает содержание⁶. Отрицательно он отнесся и к «Раздумьям Гуськова». «Это плохо, т.к. похоже, что вы сами над собой издеваетесь, — признавался он и, с сожалением обращаясь к своему визави, призывал: — Не мучьте себя больше поиском названия. В конце концов, это значения не имеет. Но и предложенный автором «На западе» вариант «Мир во мгле» («если вам не по душе... то можно просто “Во мгле”») также не был принят, равно как и «Отголосок»⁷, а Варшавский вскоре остановился на «Ожидании».

Но основные сложности возникли именно с печатанием. Еще в 1970 г. рукопись была послана в «YMCA-Press», где получила благожелательные отзывы (Г.В. Адамовича, прот. Александра Шмемана)⁸. Последний в частном письме автору высоко отзывался о ее «беззащитности», видя в этом «главное преимущество» повести⁹. Тем не менее, несмотря благоприятные рецензии, а также искреннее желание председателя исполнительного комитета издательства Б. Физа и сотрудника Комитета Радио Свобода А. Пэтча, влиявшего на финансирование по линии ЦРУ, вопрос затягивался. В итоге Варшавскому отказали. Как признавался в письме от 11 мая 1971 г. Пэтч, «одни сочли ее слишком длинной, другие, что она не подойдет для советской аудитории»¹⁰.

Тогда писатель обратился в «Посев», к его главному редактору, эмигранту второй волны Е.Р. Романову (Островскому). После предварительного согласования стоимости издания (половину расходов брал на себя автор) сотрудница издательства А.Н. Артемова начала работу над корректурой. Но неожиданно месяц спустя Романов сообщил, что был сделан перерасчет, существенно увеличивший стоимость книги.

В чем была причина смены решения, не совсем понятно. По мнению Артемовой, это обуславливалось печатанием книг в Германии, но это не объясняет первоначальную сумму, соотносимую, по утверждению Варшавского, с расценками других немецких издательств (А. Нейманиса, И. Башкирцева), которые также печатали свои книги в Германии.

Возможно, здесь сыграла определенную роль оценка личности Варшавского, довольно нелицеприятно оценившего роль НТС с момента его зарождения в конце 1920-х гг. в своей знаменитой книге «Незамеченное поколение» (1956). В доктрине солидаризма он видел в первую очередь «идеал корпоративного тоталитарного государства»¹¹. Определенный скепсис Варшавский сохранял и в отношении послевоенного НТС: «Только будущее покажет, сумел ли солидаризм до конца освободиться от родимых пятен фашизма и стать движением действительно демократическим»¹². Следует отметить, что представители новой эмиграции, вошедшие в НТС (и «Посев»), в ходе войны разделяли отмеченные писателем негативные тенденции, сформированные первой волной, о которых вынуждены были говорить сами солидаристы. Так, капитан власовской армии Николай Штифанов, преподававший в школе пропагандистов в Дабендорфе, отмечал, что в «Схеме национально-трудового строя» 1944 г., «явно присутствовали некоторые идеи итальянского фашизма», которые были окончательно исключены из программы лишь к 1975 г.¹³ В «Схеме...» присутствовали и антисемитские высказывания, председатель НТС В.М. Байдалаков вынужден был признать, что «источник этого греха исходил, увы, от бывших советских граждан... сама фраза была предельно смягчена»¹⁴. Если учитывать, что в создании программы принимал участие генерал-майор Ф.И. Трухин, то можно предположить, что именно он оказался инициатором этих утверждений.

Так что не исключено, что со стороны «Посева» имело место психологическое неприятие Варшавского.

Писатель планировал издать книгу по подписке, как он уже делал с повестью «Семь лет» в 1950 г., но уже упомянутый Б. Физ сумел уговорить руководство «УМСА», и в следующем году долгое «Ожидание» завершилось¹⁵. Книга вышла в Париже, в издательстве, правда, уже не второй, а первой волны эмиграции.

***

Письма публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, с сохранением особенностей авторского стиля, по ори-

гиналам, хранящимся в фонде 291 (фонд В.С. Варшавского) в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Публикатор искренне признателен М.А. Васильевой, чья помощь и консультация немало поспособствовали подготовке настоящей публикации.

---

¹ Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции / предисл., указ. имен О.А. Коростелев. М., 2001. Т. 2: Россия во Франции. С. 122.

² М.А. Алданов — В.А. Александровой, 11 апреля 1953 г. // АРЗ. Фонд М.А. Алданова. Оп. 2. КП-735/31.

³ Raeff M. Russia Abroad. Cultural History of the Russian emigration 1919–1939. N.Y.; Oxford, 1990. P. 7.

⁴ Варшавский В.С. Ожидание: проза, эссе, литературная критика. М., 2016. С. 26. См., например: Варшавский В.С. Первый бой // НЖ. 1946. № 14. С. 114–119; Он же. Расеянность: (Из записок художника) // Опыты (Нью-Йорк). 1957. № 8. С. 26–35.

⁵ Полную библиографию публикаций В.С. Варшавского, предворяющих книгу, см.: Васильева М.А., Красавченко Т.Н. Комментарии // Варшавский В.С. Ожидание. С. 552.

⁶ «Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010 [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М., 2010. С. 340; Васильева М.А. Роман «Ожидание» как документ // Варшавский В.С. Ожидание. С. 538.

⁷ Который был «лучше других», по мнению Адамовича («Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972). С. 342).

⁸ См.: Васильева М.А. Указ. соч. С. 537.

⁹ Цит. по: Там же. С. 537. Ср. с записью от 27 февраля 1978 г.: «Перечитывая “Ожидание”, думал: это удивительно хорошая книга и “с лица необщим выраженьем”... Полная и совершенно беззащитная правдивость, “сила, в слабости совершающаяся”. Никакой подделки, никакого вопля, никакого самопревозношения» (Шмеман А.Д. Дневники, 1973–1983 [сост. и подгот. текста У. Шмеман, Н. Струве, Е. Дорман]. М., 2005. С. 419).

¹⁰ Васильева М.А. Указ. соч. С. 538.

¹¹ Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 86. Ср.: «Фашистский характер довоенного солидаризма ни у кого в эмиграции не вызывал сомнений» (Там же. С. 77). Правда, Варшавский оговаривался, что члены НТС «видели в тоталитаризме... применение к социальной жизни начал абсолютной евангельской морали», отмечая, впрочем, что «одно допускаемое ими предположение, что личность может быть частью какого-то высшего органического целого, показывает, что они в действительности не знали... евангельского утверждения... ценности человеческой личности» (Там же. С. 78, 86).

¹² Варшавский В.С. Незамеченное поколение. С. 117.

¹³ Штифанов Н.Г. Идеиные основы власовского движения. Копия рукописи. Л. 101 // Личный архив А.В. Мартынова.

¹⁴ Байдалаков В.М. Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена...: Воспоминания председателя НТС, 1930–1960. М., 2002. С. 36.

¹⁵ См.: Васильева М.А. Указ. соч. С. 539.

№ 1

В.С. Варшавский — Е.Р. Романову
Мюнхен, 26 июля 1971 г.

26 июля 1971 г.

Глубокоуважаемый Евгений Романович,

Согласно нашему уговору у Пospelовских¹, вернувшись из отпуска, посылаю Вам одновременно с этим письмом 1-ю, 2-ю и 4-ю части моей повести (3-я уже у Вас).

Как я Вам говорил, мне хотелось бы издать мою книгу как можно скорее. (Уже больше года потерял из-за YMCA-Press.) Но, взвесив мои финансовые возможности, вижу, что издать полностью на свой счет мне не под силу. (Тем более что скоро выхожу на пенсию.) Поэтому, если возможно, вернемся к Вашему первому предложению: издать пополам.

Буду ждать Вашего решения.

Митя² говорил мне, что Вы ездили в Заполярье. Надеюсь, что хорошо провели там время. А мы восхитительно жарились недалеко от Дубровника, в местечке Сребряно (имя напоминало мне Серебряный Бор).

Был очень рад с Вами познакомиться,

Ваш В. Варшавский

P.S. Сначала я думал назвать свою повесть «Рассеянность», но теперь решил переменить на название, тоже, впрочем, не очень удачное «Попытка сосредоточиться».

Архив ДРЗ. Ф. 291. Необработанные материалы. Автограф.

¹ Пospelовский Дмитрий Владимирович (1935–2014) — историк Церкви, сын эмигрантов второй волны, в 1953–1996 г. член НТС. Пospelовская Марианна Петровна (урожд. Добрович; ? – ?), супруга Д.В. Пospelовского.

² Д.В. Пospelовский.

№ 2

Е.Р. Романов — В.С. Варшавскому
Франкфурт-на-Майне, 28 сентября 1971 г.

28 сентября 1971 г.

Дорогой Владимир Сергеевич,

Простите, пожалуйста, что так долго не отвечал на Ваше письмо. Работы над Вашей рукописью это, впрочем, не задерживало. Анастасия Николаевна¹,

с которой Вы говорили по телефону, Вам об этом, наверное, сказала. Она как раз «чистит» рукопись. Она — первый читатель (я смог прочесть только первый отрывок, и он мне понравился, по-настоящему понравился, без комплиментов) — на нее Ваша книга произвела большое впечатление искренностью и глубинной постановкой проблем.

Правка рукописи (она нуждается в двойном прочтении, так как много мелких погрешностей языковых и чисто механических — описок) продлится еще с месяц. Таким образом, в набор она может пойти в конце октября.

Теперь о финансовых условиях. В частности, это и была одна из причин задержки моего письма: наш руководитель издательства² был в отпуску, а без него нельзя было решать коммерческую сторону дела.

Предварительный подсчет показывает, что при тираже в 1000 экз. себестоимость одного экземпляра — 18 марок, при 1500 — 14 марок и при 2000 — 12 марок. Естественно — снижается цена экземпляра при продаже. Продавать надо примерно или по 28–30 марок, или по 22–24 марки, или по 18–20 марок. Цены приблизительные, так как при печатании всегда есть колебания, но, во всяком случае, не выше 10% и не вверх.

Самое невыгодное — печатать 1000 экз., уж слишком высока себестоимость, а следовательно, и продажная цена. Лучше всего печатать 2000. Конечно, вопрос — можно ли будет продать тираж? По моему ощущению — книга должна найти читателя, а следовательно, и покупателя. Важно обеспечить максимальное число рецензий. Можете ли Вы в этом помочь?

Конечно, помогла бы и закупка соответствующими книгораспространителями. В какой-то мере можно на это рассчитывать. Отзывы тут тоже играют роль. Иными словами, мы стояли бы за 2000 тираж. В этом случае Ваша доля — 12 000 марок. Разумеется, что при продаже книги, по мере возврата вложенных денег, будут возвращаться и Ваши деньги. Даже если не удастся продать весь тираж, все же часть денег должна вернуться.

При разнице между продажной ценой и себестоимостью учитывается тот %, который идет книготорговцам.

Более подробный расчет мы дадим после выхода книги. А потом по мере ее продажи.

Как только Вы сообщите свое решение или если у Вас возникнут вопросы, мы вышлем Вам текст договора или просто письмо, если это Вас удовлетворит.

Мы постараемся, чтобы книга вышла в начале года, скажем в феврале-марте. Не позже.

Еще раз простите за долгое молчание.

Буду очень рад снова повидаться с Вами, когда буду в Мюнхене или если Вы приедете во Франкфурт, чему будем рады.

Искренне уважающий Е. Романов.

Архив ДРЗ. Ф. 291. Необработанные материалы. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Артемова Анастасия Николаевна (урожд. Редлих; 1916–2002) — редактор, корректор. Член НТС.

² Вероятно, речь идет о Владимире Яромировиче Горачеке (1916–1981), ответственном издателе (с 1947) и председателе правления «Посева».

№ 3

В.С. Варшавский — Е.Р. Романову
Мюнхен, 3 октября 1971 г.

3 октября 1971

Дорогой Евгений Романович,

Ваше письмо от 28.9 доставило мне и радость, и большое огорчение.

Радость: Ваш и Анастасии Николаевны благожелательные отзывы о моей повести. Огорчение: подсчет, сделанный руководителем Вашего издательства. Когда мы говорили с Вами у Мити Поспеловского, Вы на глаз прикинули, что книга обойдется в 8 с половиной — девять тысяч. Такую же примерно цифру называли мне Нейманис и Башкирцев¹. Таким образом, я предполагал, что при издании на половинных началах мне нужно будет внести приблизительно 4 с половиной тысячи марок. По подсчету же руководителя Вашего издательства при тираже в две тысячи экземпляров на мою долю придется 12 тысяч. Таких денег у меня нет. Через полгода я выхожу на пенсию, правильнее было бы сказать мини-пенсию, и истратить все наши сбережения на книгу я не могу. Единственно, что мне остается, попытаться издать по предварительной подписке. Я так издал в свое время мою первую книгу «Семь лет». Очень жалею, что наш план оказался неосуществимым.

Но, во всяком случае, я заплачу, конечно, за работу, сделанную Анастасией Николаевной, как только она мне сообщит, сколько это выходит.

Всегда буду рад Вас видеть, так как мне хотелось бы о многом с Вами поговорить, независимо от издания моей книги.

Ваш В. Варшавский.

Архив ДРЗ. Ф. 291. Необработанные материалы. Машинопись, подпись — автограф.

---

¹ Имеются в виду издательства «A. Neimanis Verlag» и «I. Baschkirzew Verlag», расположенные в Мюнхене. Нейманис Адальберт Иванович (1897–1980) — издатель, книгопродавец. Башкирцев Иван Иванович (? — ?) — издатель, журналист, редактор.

№ 4

А.Н. Артемова — В.С. Варшавскому
Франкфурт-на-Майне, 6 октября 1971 г.

Письмо это личное
Франкфурт/М., 6.10.71

Глубокоуважаемый Владимир Сергеевич!

Меня почему-то очень огорчило, что Вы не будете издавать книгу в «Посеве». Я как-то уже сжилась с ней, и мне неприятно отдавать недоделанную работу. Бывали случаи, правда, что в подобных случаях я испытывала большое облегчение, но то были книги, которые либо оставляли меня холодной, либо просто не нравились. Бывали случаи, что я даже отказывалась от работы над какой-либо книгой после первого с ней знакомства. Это — как предисловие.

Хочу пояснить — материально, я думаю, ни «Посев», ни тем более я лично в этом издании не заинтересованы. Дело в том, что книги в очень редких случаях себя окупают полностью, еще реже — дают хороший доход. В общем — издание книг — дело не хлебное. Выходить из положения можно только тем, что какая-то часть, дающая доход, тянет другую — не дающую. Получается некий баланс.

Почему в «Посеве» получается более дорогая цена — я не знаю. Может быть, это зависит и от того, что предприятие порядочное и «ловчить» в отношении налогов и фининспекторов — невозможно. Опять же заработная плата рабочих (в особенности немецких) в настоящее время очень высока. Если бы и наша работа оплачивалась по соответствующим ставкам, то давно все вылетело бы в трубу.

Закончить работу над книгой, если она будет издаваться не у нас, я, к сожалению моему великому, не смогу, так как у меня работы столько, что не продохнуть. Денег я брать с Вас не могу и не хочу. Если издательство будет иметь к Вам какие-либо претензии за мое истраченное время, то я протестовать, конечно, тоже не могу, так как это — их право, я тратила свое рабочее время.

Значит, кто-то должен книгу еще раз внимательно прочесть. При этом прошу обратить особое внимание, кроме как на опечатки, еще на то, что прямая речь в диалогах начиналась всегда с тире, т.е.

— Я же тебе говорил, — воскликнул он нетерпеливо, — чтобы ты ничего ей не рассказывал! Но вот часть III начинается: «Еще накануне работник... говорил:»¹ И тут его речь, хотя и прямая, но должна остаться в кавычках, т.к. ее вспоминает герой. Вот все эти вещи надо точно различать, поэтому мое это объяснение только как общая линия². (Прямая речь всегда с нового абзаца.)

В то время как мысли героя или какого-либо персонажа заключать надо в кавычки, т.е.

«Если бы не пошел туда, — подумал он с горечью, — то, возможно, все пошло бы совсем иначе».

Так как у Вас было очень много путаницы в этом, вполне возможно, что я напропускала. Было бы обидно, если остались бы недоделанными все эти технические мелочи. Это очень как-то снижает качество общего вида книги.

Ну и, конечно, заботит меня корректура. Почти все русские издания делаются чрезвычайно небрежно. Даже в издании Солженицына у ИМКИ полно самых дурацких опечаток (пардон, опечатки всегда таковы!).

У звездочек для сносок не надо ставить скобочку, теперь этого не делают. Вместо черточек лучше ставить отделяющую кусок от куска звезду. Подчеркивать иностранные включения не нужно, они и так выделяются³.

Я думаю, что если Вы сами прочли бы, то все эти мелочи могли бы лучше кого-либо другого заметить.

А может быть, можно в «Посеве» сделать более дешевое издание, без твердой обложки и пр., и тогда Вам это будет не так уж дорого?

Я спрошу, пожалуй? Или не надо. Во всяком случае, если Вам платить по-полвину, то получится то же на то же. Или я что-то недопонимаю?

Шлю Вам и Тане⁴ самый сердечный привет!

Искренне уважающая Вас А. Артемова.

Архив ДРЗ. Ф. 291. Необработанные материалы. Машинопись, приписки и подпись — автограф.

---

¹ «Еще накануне работник немец Маузольт говорил с таинственным видом: “Россия согласилась предоставить немецкой армии одну дорогу для свободного прохода в Азию на соединение с японцами”» (Варшавский В.С. Ожидание. С. 166).

² Фрагмент «Но вот часть III <...> как общая линия» вписан на полях А.Н. Артемовой.

³ Предложение вписано на полях А.Н. Артемовой.

⁴ Варшавская Татьяна Георгиевна (урожд. Дерюгина; 1923–2019) — переводчица. Супруга В.С. Варшавского.

№ 5

В.С. Варшавский — А.Н. Артемовой

Мюнхен, 9 октября 1971 г.

9.10.71

Дорогая Анастасия Николаевна,
сегодня уезжаю на десять дней в Париж. Тщетно пытался вам дозвониться. Вы так и не сообщили, сколько я вам должен за работу и будете ли вы читать во второй раз.

Я решил издать мою книгу по предварительной подписке и сговорился здесь с одним типографом. Должен отдать ему рукопись в конце месяца, хотя

бы первую часть. Пожалуйста, очень прошу Вас, пришлите мне рукопись заказным к 18-му октября на адрес комитета¹.

Расходы по пересылке немедленно верну.

Шлю Вам, вашему мужу² и Евгению Романовичу сердечный привет.

Архив ДРЗ. Ф. 291. Необработанные материалы. Машинопись.

¹ Комитет Радио Свобода — американская организация, руководившая деятельностью радиостанции. Возник в 1951 г. с целью борьбы против коммунистического режима под названием Американский комитет по освобождению (American Committee for Liberation).

² Артемов Александр Николаевич (наст. фам. Зайцев; 1909–2002) — председатель НТС (1972–1984).

№ 6

В.С. Варшавский — А.Н. Артемовой

Мюнхен, 25 октября 1971 г.

25.10.71

Дорогая Анастасия Николаевна,

спасибо большое за ваше письмо от 6.10.71. Я ценю ваше мнение о моей книге и очень жалею, что мне придется издавать самому. Но выбора у меня нет. Здешний типограф берется напечатать ровно за половину цены, назначенной заведующим типографией «Посева». Почему это так, не знаю. Может быть, потому, что он сам набирает и напечатано будет не по первому классу. Вы правы, мне придется выложить столько же денег, как при издании в «Посеве», но ведь при продаже каждого экземпляра мне будет возвращаться вся его стоимость, а не половина. Кроме того, при меньшей стоимости издания можно снизить цену, и будет легче продавать. Это увеличивает шансы вернуть хотя бы часть денег. (Вернуть полностью я, конечно, не надеюсь, эмигрантские книги, за редкими исключениями, не расходятся.) Кроме того, я думаю объявить в газетах предварительную подписку. Это все-таки что-то даст. Как я вам уже писал, я выхожу через полгода в отставку, и все эти финансовые соображения играют поэтому особую роль.

Я проверил пока только первую часть. Мне кажется, Вы не пропустили ни одной ошибки, и если не сделает ошибок наборщик, получится очень «чисто». Еще очень Вас благодарю за прекрасную работу и за все указания и советы. Огорчен, что не хотите никакого гонорара. Евгений Романович переслал мне манускрипт, но ничего не написал, должен ли я что-нибудь издательству.

Очень рад был с Вами познакомиться, хотя бы только по телефону и по почте.

Искренне Вам преданный

Архив ДРЗ. Ф. 291. Необработанные материалы. Машинопись.

«ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ АБРАМОВИЧ»: ПИСЬМА Р.Н. АЛЕКСАНДРОВА Р.А. АБРАМОВИЧУ*

*Подготовка текста, вступительная статья и комментарии
И.Р. Петрова*

Аннотация: В статье предпринимается попытка реконструкции биографий Николая и Ростислава Александровых, советских ученых еврейского происхождения, ставших нацистскими пропагандистами. Впервые публикуется послевоенная переписка Ростислава Александрова с редактором журнала «Социалистический вестник» Рафаилом Абрамовичем, поясняется ее контекст, уточняются реалии послевоенной жизни Александровых в качестве перемещенных лиц (ди-пи) и обстоятельства их смертей.

Annotation: The article seeks to reconstruct the biographies of Nikolai and Rostislav Alexandrow, the two Soviet scientists of Jewish origin, who had turned into Nazi propagandists. Rostislav's post-war correspondence with Rafail Abramovich, the editor-in-chief of «Sotsialisticheskii vestnik» is published for the first time. The historical context of the correspondence receives a thorough explanation. Finally, the article clarifies the details of lives of the Alexandrows as «displaced persons» (DP) after 1945, as well as the circumstances of their demise.

Ключевые слова: Н.А. Александров, Р.Н. Александров, Р.А. Абрамович, нацистская пропаганда, коллаборационизм, ди-пи.

Key words: N.A. Alexandrow, R.N. Alexandrow, R.A. Abramovich, nazi propaganda, collaborationism, displaced persons.

Сразу после окончания Второй мировой войны в Западной Европе по понятным причинам не существовало русских эмигрантских институций, у которых бывшие граждане Советского Союза, по разным причинам не желавшие возвращаться в него и получившие статус *displaced person* (ди-пи), могли бы попросить помощи. Самопровозглашенные комитеты русских беженцев, создававшиеся в Гамбурге, Линдау, Зальцбурге и других городах, были слишком малы, бесправны и чаще всего недолговечны. Не удивительно, что взгляды ди-пи раз за разом обращались за океан. Крупнейшая русскоязычная газета США «Новое русское слово» и нью-йоркский журнал «Социалистический вестник» получали немалое количество писем от ди-пи с различными просьбами. В редакционной почте последнего мы встречаем и корреспондентов, обращение которых в журнал выглядит довольно неожиданно, если

---

* Благодарю П.А. Трибунского и В.В. Андрееву за любезную помощь по поиску и изучению документов в архивах Санкт-Петербурга.

принимать во внимание их риторику в поднемецкой русской прессе времен войны или если учитывать то, на каком фланге эмигрантского политического спектра они оказались впоследствии. Как известно, «Социалистический вестник» издавался Заграничной делегацией РСДРП (меньшевиков), в его редколлегии было немало евреев, а редактировал его Рафаил Абрамович (Рейн), в прошлом один из руководителей Бунда и известный социал-демократ. Тем не менее среди авторов писем обнаруживаются Борис Ширяев, Родион Березов (Акульшин) и даже Анатолий Стенрос (Макриди), который, сотрудничая во время войны в псковско-рижской газете «За Родину», практически в любой своей статье считал необходимым недобрым словом помянуть «еврейчиков», «товарищей соломончиков», а то и вовсе «жидовскую чуму»¹. Тем не менее в 1947 году в письме в «Социалистический вестник» он будто бы со стороны оценивает «примитивность» и «тупость» национал-социалистической пропаганды, которая ставила «знак равенства между большевизмом и мировым иудейством», делая вывод, что теперь «каждое выступление против большевизма еврея невольно для автора является ударом по гитлеризму»².

Несколько особняком в этом контексте стоит обращение к Абрамовичу Ростислава Николаевича Александрова. Первую весточку от него в июне 1946 года Абрамович получил несколько необычным путем: «через знакомого (точнее, родственника... старых друзей), который только что приехал сюда из Мюнхена, проведя изрядное количество лет в концлагере в Германии»³. Автор письма представляет себя как «человека с той стороны... "советского" по воспитанию и, вероятно, по духу», историка литературы, желающего «связаться с людьми, образ действий и мыслей которых мне представляется симпатичным и во многом близким». Он просит Абрамовича прислать поручительство, с помощью которого удастся перебраться в США и получить там работу. Еврейский комитет в Баварии и местное отделение HIAS⁴ готовы предоставить Александрову соответствующие рекомендации. Поручительство требуется также для его отца, профессора Николая Александровича Александрова⁵. Чтобы разобраться в перипетиях этой запутанной истории, потребуется совершить экскурс в прошлое.

Наум Абрамович Розенцвейг родился 1/13 августа 1886 года в Одессе в семье местного мещанина⁶. Двадцатого августа 1901 года в Покровской церкви города Одессы он был крещен в православие с именем Николай, отчество он получил по восприемнику, великому князю Александру Михайловичу⁷. В 1905 году окончил в Одессе 3-ю гимназию с серебряной медалью и в августе того же года поступил на юридический факультет Новороссийского университета. До 1908 года слушал лекции в нем, затем подал документы на перевод в Санкт-Петербургский университет, был зачислен на 3-й курс и окончил его в 1912 году⁸. По указу консистории от 24 января 1913 года Н.А. Розенцвейгу разрешено было сменить фамилию на Александров⁹. Еще до этого, 11 февраля 1911 года, он первым браком женился на домашней наставнице Марии Васильевне Ардашевой¹⁰. С собственных слов, до революции Алексан-

дров «работал в газетах, был пом[ощником] прис[яжного] пов[еренного]»¹¹. В 1918 году он заведовал юридическим отделом Управления железных дорог Наркомата путей сообщения, затем служил консультантом по экономическим вопросам, но впоследствии предпочел перейти на педагогическую работу по математике, «читал лекции в Трансп[ортной] Академии и др[угих] уч[ебных] зав[едениях]. Последняя должность — зам[еститель] по научной работе директора Педагогич[еского] института». Ученой степени у Александрова-старшего не было, как и печатных научных трудов¹².

Ростислав Александров родился в Санкт-Петербурге 6/19 ноября 1911 года¹³. Родители через несколько лет после рождения сына разошлись¹⁴. В 1930 году он поступил в Ленинградский геолого-разведочный институт, через год перешел на математическое отделение Ленинградского университета, еще через год перевелся на литературное отделение Ленинградского института философии, лингвистики и истории, который и окончил¹⁵. С юных лет он демонстрировал талант к шахматной композиции, в 1929 году разделил первый приз на всесоюзном конкурсе композиции и вскоре начал редактировать отдел композиции в журнале «Шахматы в СССР», однако в 1937 году был снят с этой должности и дисквалифицирован за публикацию композиций в немецких шахматных журналах, сочтеную «сотрудничеством с фашистской печатью»¹⁶. Однако, похоже, это не повлияло на его карьеру литературного критика, в конце 1930-х он активно публикуется в ленинградских журналах «Звезда» и «Резец»¹⁷, в 1940 году оканчивает аспирантуру филологического факультета ЛГУ, а также готовит кандидатскую диссертацию на тему «Гоголь и Белинский». Диссертация была защищена в ЛГУ 28 января 1941 года, Р.Н. Александрову была присвоена ученая степень кандидата филологических наук¹⁸.

В 1941 году отец и сын Александровы остались в Ленинграде (Ростислав не был призван в армию как больной туберкулезом¹⁹), пережили самую страшную блокадную зиму, а следующей весной вместе с другими научными и творческими работниками были эвакуированы через Ладожское озеро и оказались на Кавказе, где в августе были застигнуты наступлением немецких войск²⁰. Осенью 1942 года они через Днепропетровск²¹ приезжают в Киев и активно включаются в антисоветскую пропаганду, при этом просят хранить настоящие имена в секрете, так как их родные по-прежнему находятся на территории, контролируемой советской властью²².

Начиная с ноября статьи Ростислава Александрова публикуются почти в каждом номере киевских «Последних новостей», с мая 1943 года (после переезда в Берлин) — почти в каждом номере берлинского «Нового слова» и газеты для остарбайтеров «Труд». Даже если считать, что частично они писались в соавторстве с отцом, Ростислав Александров был, вне всяких сомнений, самым продуктивным журналистом поднемецкой русскоязычной прессы: только в «Новом слове» и только в 1943 году он опубликовал более полусотни материалов. Один из коллег по редакции вспоминал: «Вошел молодой с

Н.А. Розенцвейг. 1908.

ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 52730. Л. 1.

тонкими чертами лица интеллигентный человек. Познакомились. Александров, он же Рудин, он же Бестужев и еще как-то. Он бывший аспирант одного из советских институтов. Пишет в каждом номере "НС" по одной, по две больших статьи, не считая всевозможных заметок и кроме того редактирует газету "Труд". Свои статьи он диктует машинистке, не имея в руках даже их плана. Работоспособность поразительная! Человек он обаятельный, разносторонний и действительно талантливый. Это, пожалуй, самый многообещающий и, безусловно, выдающийся человек из всех, мною встреченных на этой стороне"²³. Ростислав Александров писал передовицы, воспоминания о сталинском СССР, полосные эссе

о деятелях культуры прошлых веков. Следует отметить, что в своих статьях он почти не прибегал к антисемитской риторике (особенно если сравнивать с соседями по газетным полосам «Нового слова»), однако в воспоминаниях все же использовал дежурные штампы нацистской пропаганды²⁴. В еврейском происхождении Александровых не заподозрили ни немецкие пропагандисты, ни работники оперативного штаба Розенберга²⁵, с которым Александровы также активно сотрудничали в Киеве. В конце октября они встретились с прибывшим на Украину сотрудником оперштаба Вольдемаром Райхардтом, который немедленно поручил «записать пережитое ими и их впечатления [о ситуации в советском тылу], в том числе на основе составленного мной опросника». Полученный материал он собирался использовать как для информирования других немецких ведомств (Восточное министерство, командование вермахта), так и для публикаций в прессе²⁶. В итоге Александровы написали книгу в трех частях о своей жизни в СССР в 1939–1942 годах. О темпе работы красноречиво свидетельствуют даты сдачи отдельных частей: 23 февраля, 5 марта, 22 марта²⁷. Еще до этого ими было написано около дюжины разработок на интересующие оперштаб темы, в частности «Настроения в Красной армии» (со слов Александрова-старшего, с середины 1930-х годов он преподавал математику, в том числе в военном училище; эта разработка была сочтена столь важной, что ее представили Розенбергу²⁸), «Подготовка командиров Красной армии», «Военные мероприятия Советов», «Антифашистская пропаганда в Советском Союзе и ее воздействие на советский народ», «Чем объяснить со-

противление советских войск?», «Влияние евреев на советское искусство и советскую литературу», «Иностранная литература и советский читатель», «История философии в Советском Союзе», «Судьба Ленинградского университета во время войны»²⁹ и т.д. Разработки оплачивались оперштабом, к чему добавлялись гонорары за публикации в немецкой прессе³⁰. В середине декабря Александров-старший выступил с идеей организовать розыск известных представителей советской интеллигенции, оказавшихся на занятой немцами территории, с тем чтобы они выступили с коллективным протестом против зверского отношения большевиков к собственному народу, однако до ее реализации дело не дошло³¹. В конце марта 1943 года Александровых затребовали в Берлин, что встретило одобрение в киевском отделе оперштаба, поскольку работоспособность авторов несколько упала, что, впрочем, объяснимо, если учесть «непостижимое количество работ, в том числе крупных, написанных ими в кратчайшее время»³².

Газетная работа в Берлине приносила стабильный заработок — в результате потребность в сотрудничестве с оперштабом отпала, и контакты с ним пошли на убыль. Когда в августе 1944 года Александров-младший написал по просьбе оперштаба 19-страничную разработку «Сталин: кто он такой?», заказчик резюмировал: «Работа не соответствует ожиданиям, на нее возлагавшимся... Она сдана с изрядным опозданием и написана весьма небрежно»³³. Образование власовского Комитета освобождения народов России (КОНР) в ноябре 1944 года ничего не изменило для Александровых: они продолжали публиковаться в пришедшей на смену закрытому «Новому слову» газете КОНР «Воля народа»³⁴, восхваляя теперь власовское движение. Манифест КОНР, по мнению Александрова-младшего, выдвигал «новый... исторический принцип преобразования общества в национально-трудовое государство»³⁵.

В конце войны Александровы успели уехать из Карлсбада, куда было эвакуировано Управление пропаганды КОНР, в Баварию и осели в поселке Санкт-Оттилиен в 45 км от Мюнхена³⁶, где жили в бенедиктинском монастыре, преобразованном в госпиталь для евреев-ди-пи, большей частью бывших жителей Польши и Прибалтики, прошедших через нацистские концлагеря³⁷. Из Санкт-Оттилиена Ростислав Александров и написал Р.А. Абрамовичу, который деятельно взялся за помощь предполагаемому «единомышленнику». Двадцать четвертого июня он отправил Александрову ободряющий ответ и одновременно написал Жаку (Якову Ильичу) Кателю³⁸, работавшему в Мюнхенском отделении IIRC: «Мой знакомый, который подружился с ними во время совместных бедствий, отзывается об отце и сыне очень хорошо. С другой стороны, они, несмотря на свои очень русские имена, евреи. Это исключает некоторые невыгодные для них предположения, которые естественно приходят в голову. Письмо сына производит выгодное впечатление». Далее он просил Кателя связаться с Александровыми и дать им «коллективный аффидейвит»³⁹ в случае, если у Вас тоже создается впечатление, что помочь им нужно»⁴⁰. Катель ответил, что навел справки в HIAS и что вопрос об отъезде Александровых в

Р.Н. Александров 1940-е.

Александров Р.Н.

*Письма к неизвестному другу.**Лимбург, 1951. Авантитул.*

Америку должен решиться в течение нескольких недель. Дополнительно Абрамович пишет жене Кателю Хелен (Елене), работавшей в том же IRRC во Франкфурте. Ответ последней тоже настраивал на оптимистический лад: заявление на эмиграцию подано 29 июня, и на днях Александровы должны быть вызваны на собеседование к консулу⁴¹.

В октябре 1946 года мюнхенское отделение HIAS обращается к Абрамовичу с вопросом, готов ли он предоставить дополнительные поручительства для Валентины и Ирины Александровых⁴². Оказалось, что в начале осени Ростислав Александров женился на женщине, у которой уже был ребенок от первого брака, тем самым количество членов семьи, желающих выехать в Америку, удвоилось⁴³. Той же осенью Александров наконец встретился с Жаком Кателем и передал ему несколько статей для

Абрамовича, Катель отправил их в Нью-Йорк через жену, но бандероль до адресата не дошла⁴⁴. Лишь в апреле 1947 года Абрамович получил следующую весточку от Александрова, снова минувшая официальную почту, через вернувшуюся из Европы в Америку сотрудницу HIAS. В этом письме Александров просит не только о поручительстве, но и о подтверждении (несуществующего) родства, «так как ехать отсюда в Америку... можно только к родственникам»⁴⁵. Отвечая (уже обычной почтой), Абрамович успокаивает Александрова: «Ваши визные дела как будто на мази» и принимает игру: «Я, конечно, не возражаю на то, чтобы Вы указали на наше родство, по-английски это называется «секонд козен». Кстати, я забыл девичью фамилию В[ашей] матери, а ведь родство, если не ошибаюсь, идет через нее»⁴⁶.

Одновременно Абрамович шлет новый запрос Кателю, упоминает, что Александров просит о поручительстве, но добавляет: «Я советовался с В[ашим] офисом (IRRC. — И.П.), и они того мнения, чтобы я этого не делал по причинам, которые Вам ясны (расходы по поездке и пр.)» — и просит выяснить истинное положение дел, в том числе то, сможет ли HIAS сам все устроить для эмиграции Александровых⁴⁷. Ответ Кателю от 1 июня ошеломляет Абрамовича: «Дело Александровых приняло трагический оборот: сын покончил самоубийством из-за семейного разногласия со своей женой. Николай Александрович

убит горем и за последние недели с трудом оправляется от удара»⁴⁸. Впоследствии оказалось, что именно в марте Александровы получили наконец вызов к американскому консулу; то, что оглушенный потерей сына отец не поехал в Мюнхен, сыграло роковую роль и в его судьбе: его эмиграционное дело утратило приоритет и снова оказалось в конце общей очереди⁴⁹. Последнее письмо Абрамовича Ростиславу Александрову вскрыл уже Александров-старший, через несколько недель он сам написал Абрамовичу: «Исключительно много работавший еще с юных лет над своим интеллектуальным развитием, человек больших способностей, Ростислав за последние годы перенапряг себя и достаточно было неудачного брака, чтобы свершилось... непостижимое». 12 марта Ростислава не стало⁵⁰, я потерял не только единственного сына, но и исключительного друга». Далее автор сетует на то, что после смерти сына «потерялся», «очутился в безвоздушном пространстве», и надеется на то, что переезд в Нью-Йорк поможет ему вернуться в «интеллектуально-питательную среду» и вернуть былую работоспособность⁵¹.

Абрамович принял чужую трагедию близко к сердцу, 21 июля он ответил: «Я думаю, что я Вас понимаю и понимаю В[аше] душевное состояние лучше, чем многие другие: мы с Вами люди примерно одного возраста и одного поколения и, как и Вы, я несколько лет тому назад потерял взрослого сына — товарища и друга — при трагических обстоятельствах»⁵². Он обещал приложить все старания, чтобы после приезда в Нью-Йорк Александров-старший не «оказался одиноким», все же формальности, связанные с визой, пообещал уладить через Кателя⁵³. Катель действительно вскоре встретился с Александровым и при нем позвонил новому директору HIAS, но оказалось, что теперь консульство следует Ялтинским соглашениям и не пускает в США людей, до 1 сентября 1939 г. проживавших на советской территории. В анкетах же, заполненных Александровыми, они (по совету прежнего директора HIAS) честно указали, что жили перед войной в Ленинграде⁵⁴. В дальнейшем письма Александрова-старшего Абрамовичу становятся все более и более мрачными, он жалуется на моральную тягостность и даже невыносимость пребывания в Германии в качестве ди-пи. Возникает идея первым делом перевезти Александрова во Францию, где отдать под опеку «Джойнта»⁵⁵, Катель в Париже даже ведет переговоры в этой связи. Но сам Александров не рвется во Францию, опасаясь оказаться там в «беспомощном положении» и при этом лишившись единственного преимущества, которое он имеет в Санкт-Оттилиене, а именно гарантированного пайка: «Не понимаю, почему Яков Ильич придумал вариант с Парижем. Ведь оттуда, как мне кажется, нисколько не легче, чем из Мюнхена [уехать за океан]»⁵⁶. Абрамович убеждает его ехать и даже в феврале 1948 года добивается для него французской визы, но Александров по-прежнему опасается, что «никакие организации (в том числе и Джойнт) во Фр[анции] больше не будут заботиться об иммигрантах... мне может угрожать там крайне тягостное положение»⁵⁷.

В том же феврале в Мюнхен едет Берта Фишер⁵⁸, которой Абрамович поручает заботу об Александрове и просит прозондировать в американском кон-

сульстве почву, нельзя ли «рассчитывать получить визу, несмотря на Ялту». В качестве тактических средств нажима на консула он предлагал представить письма от лидеров американских профсоюзов или даже от Адольфа Берли⁵⁹. Фишер, осмотревшись в Мюнхене, от помощи отказалась: «Дело Александрова идет не медленнее остальных эмигрантских дел. 1,5–2 года — обычная эмигрантская процедура... Все доводы, которые действуют на Вас и на меня, а именно то, что он в большой депрессии, с консулом нельзя употреблять. При малейшем намеке на слабое здоровье или на депрессию мы рискуем вызвать сомнения консула и его отказ»⁶⁰. Из последнего дошедшего до Абрамовича письма Александрова-старшего мы узнаем, что госпиталь в Санкт-Оттилиене был закрыт в начале мая, а двумя месяцами раньше Александров был лишен пайка и «оказался на немецкой карточке». Теперь он перебрался в госпиталь, расположенный в Бад-Верисхофене, в 3 часах езды от Мюнхена⁶¹. Усилия Берты Фишер по отношению к нему он оценивал скептически: «она, по ее собственным словам, маленький человечек, влияния не имеет. Дальше секретариата консула не проходит. Говорит: люди ждут очереди годами, нужно иметь терпение. По-видимому, у нее этого терпения много. По моему впечатлению опытного человека, там они занимаются только канцелярщиной»⁶².

Три месяца спустя Фишер сообщила Абрамовичу: «Александрова, бедного нашего профессора, уже нет в живых... Он умер от разрыва сердца, безболезненно... Я знаю, что он писал и многим другим отчаянные письма. Он приходил и к нам, и к другим организациям, угрожая то покончить с собой, то уехать обратно в Россию. Он даже ходил к знакомым прощаться перед будто бы уже решенным отъездом. Мы его снабжали продовольственными посылками регулярно. Его положение, как и всех, ухудшилось после [денежной реформы], но и мы, и другие принимали в нем участие больше, чем в других. В этом отношении Вы можете не беспокоиться: он не голодал и жил никак не хуже других. Наоборот. Но дело было в том, что он никак не мог примириться с тем, что он был одним из тысяч (sic!). Я давала ему (как и другие) часы невероятно занятого дня, тогда как другим давались минуты, чтобы в тысячный раз повторять азбучные истины о его собственном положении, о его эмиграционных возможностях и т. д. Я вначале это делала с огромным энтузиазмом, который слегка пострадал, когда мне со многих сторон рассказывали, как он ходил повсюду и рассказывал чуть ли не пакости о нас. Особенно после того, как мы дали ему возможность поехать с одним нашим транспортом во Францию, и он не воспользовался им, возложив вину за это на нас, хотя мы были абсолютно невиновны в том, что он не хочет поехать... Поверьте мне, что мы здесь не бессердечны и наши сердца открыты любому, а особенно одинокому старику, который столько пережил. Но что бы мы ни делали для него — все казалось мало, и на нас только сыпались обвинения — и в глаза, и еще больше за глаза.

Нас иногда брал ужас при мысли, что он каким-то чудом получит визу и явится в Америку. Никаким образом не удалось бы его приспособить к какой бы то ни было работе. Он, должно быть, продолжал бы всем говорить, как

замечательно живет ученым в России и как идиотски он поступил, уехав отсюда или не возвратившись туда после смерти сына.

А насчет смерти сына — все, кто знали обстоятельства, говорят, что сын покончил с собой из-за несчастной любви, а не, как отец говорил, из-за разочарования, которое он пережил после блестящей карьеры ученого в сов[етской] России»⁶³.

Через четыре года после самоубийства Ростислава Александрова его бывший соратник по «Новому слову» Евгений Островский выпустил в издательстве «Посев» книгу «Письма к неизвестному другу» — две дюжины философско-лирических эссе в форме писем. В последнем из них Александров восклицал: «Задача каждого из нас не ткать паутину красивой лжи, а говорить и делать то, что соответствует реальной жизни, что нужно говорить и делать в эпоху великих преступлений перед человечеством, перед духом. Тяжел груз ненависти, но это единственный путь к любви. Прозен пафос зла, и не должно быть пощады злу, иначе не воссияют перед нашими глазами светлые лучи истины»⁶⁴. Читая эту книгу, можно поразиться как феноменальной работоспособности Ростислава Александрова, сумевшего написать ее среди послевоенной разрухи, так и полному отсутствию рефлексии относительно недавней собственной роли самого активного и плодовитого автора русскоязычной нацистской пропаганды⁶⁵.

¹ См., в частности: *Стенрос А.* Жидовская чума в Москве // *За Родину* (Псков; Рига). 1942. 17 сентября. № 7. С. 4; *Он же.* Заря взошла на западе // *Там же.* 27 сентября. № 16. С. 4, и продолжение цикла в последующих номерах.

² А. Макриди — «Социалистическому вестнику», 13 октября 1947 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 595, folder 3–5.

³ Р. Абрамович — Ж. Кателю, 25 июня 1946 г. // Ibid. Box 595, folder 1–2.

⁴ HIAS (Hebrew Immigrant Aid Society — Общество помощи еврейским иммигрантам) — американская благотворительная организация, занимающаяся помощью евреям и облегчающая их иммиграцию в США. Об истории HIAS см.: *Wischnitzer M.* *Visas to Freedom. The history of HIAS.* Cleveland; N.Y., 1956.

⁵ Р. Александров — Р. Абрамовичу, май 1946 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 595, folder 1–2.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 80. Оп. 1. Д. 6983. Л. 3; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 52730. Л. 31, 38. Основная информация по довоенным и военным биографиям Александровых была ранее собрана и опубликована Б.А. Равдиным (*Равдин Б.А.* *Русская печать на оккупированной территории СССР и в Германии: Материалы к словнику псевдонимов: Н. и Р. Александровы* // *История литературы. Поэтика. Кино: сб. в честь Маризтты Омаровны Чудаковой* / ред.-сост. Е.Э. Лямина, О.А. Лекманов, А.Л. Осповат. М., 2012. С. 325–343; *Он же.* *Блокада Ленинграда в русской подпольной печати 1941–1945 годов (фрагменты)* // *Блокадные нарративы* / ред.-сост. П.Ю. Барскова, Р. Николози. М., 2017. С. 301–302.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 52730. Л. 37 об., 43. Имя было дано в честь святителя Николая, отчество Александрович в честь восприемника. Восприемницей была жена

капитана 2-го ранга Софья Михайловна Исакова. См. также: Решетов С. Российский императорский дом — представители и родственники в метрических книгах ГАОО // Одесский альманах. 2013. № 53. С. 133 (со ссылкой на ГАОО. Ф. 37. Оп. 13. Д. 500. Л. 177 об.-178).

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 52730. Л. 3, 10–10 об., 14, 58. Впоследствии в письме Р. Абрамовичу он указывал, что окончил не только юридический, но и математический факультет, подтверждения чему в архивных материалах найти не удалось (Н. Александров — Р. Абрамовичу, 6 августа 1947 г. // НИА. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 595, folder 3–5).

⁹ ЦГА СПб. Ф. 80. Оп. 1. Д. 6983. Л. 6; Решетов С. Указ. соч. С. 133.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 52730. Л. 11 об. В 1913 году М.В. Ардашевой было 25 лет (ЦГА СПб. Ф. 80. Оп. 1. Д. 6983. Л. 9 об.), она была дочерью санкт-петербургского присяжного поверенного Василия Васильевича Ардашева (см. в автобиографии Р.Н. Александрова: «Дед мой окончил б[ывший] Петербургский университет и около 40 лет был присяжным поверенным округа СПб. судебной палаты» (ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12-2. Д. 1442. Л. 11)).

¹¹ Н. Александров — Р. Абрамовичу, 6 августа 1947 г. // НИА. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 595, folder 3–5.

¹² Н. Александров — Р. Абрамовичу, 29 августа 1947 г. // Ibid. По данным Б.А. Равдина, Н.А. Александров на 1930 г. — инженер Планового бюро VI эксплуатационного района Октябрьской железной дороги; на 1932 г. — инженер по подготовке кадров там же, преподаватель математики ряда средних учебных заведений железнодорожного транспорта Ленинграда (со ссылкой на личные дела Р.Н. Александрова в архивах Горного института и ЛИФЛИ). Н.А. Александров проживал в Ленинграде по адресу Театральная площадь, д. 16/9.

¹³ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12-2. Д. 1442. Л. 11. Как справедливо отметил Б.А. Равдин, «надо полагать, что Александров-младший во младенчестве носил раннюю отцовскую фамилию» (Равдин Б.А. Блокада Ленинграда...).

¹⁴ См.: Александров Р.Н. Письма к неизвестному другу. Лимбург, 1951. С. XV. В сентябре 1918 г. Н.А. Александров и М.В. Ардашева еще состояли в браке (см.: ЦГА СПб. Ф. 80. Оп. 1. Д. 6983. Л. 2). После развода М.В. Ардашева вышла замуж за немецкого инженера по фамилии Вальтер, впоследствии умершего (ЦДАВО Украины. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 211. Л. 2).

¹⁵ См.: Александров Р.Н. Письма к неизвестному другу. С. XV; Равдин Б.А. Материалы к словнику псевдонимов...

¹⁶ Постановление шахсекции «О недопустимом сотрудничестве в германском фашистском журнале советских шахматных композиторов» // Шахматы в СССР. 1937. № 8. См. описание всего сюжета: Нейштадт В. Что ни судьба, то трагедия (часть 5) // URL: https://chesspro.ru/thesaurus/neishtadt_что_ни_судба_то_трагедия5 (дата обращения: 01.05.2019).

¹⁷ Список публикаций в «Звезде» см.: URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=2&razd=name1> (дата обращения: 01.05.2019). Одна из его публикаций в «Резце» вызвала довольно резкий ответ оппонента, скрывшегося под псевдонимом: «Товарищ Александров! В № 24 “Резца” за 1938 год прочел я Вашу статью “О творчестве Юрия Германа”. Прочел и... погрустнел. Какой обидный, какой горестный случай! Ведь Вы, по-

видимому, писали всерьез! Быть может, Вы даже старались! А «написалось» такое, что прямо — одно огорчение. Получилась у Вас (и, вероятно, помимо Ваших, как говорится, лучших намерений) не критическая статья, а пародия на таковую. И при всем том написали Вы не просто пародию на критическую статью, а на статью плохую. И выдаете Вы ее при содействии журнала «Резец» за «всамделишную» критику. Ну, посудите сами, как уж тут не сокрушаться? Это очень скучно читателю, товарищ Ростислав Александров, когда в небольшой статье он не находит ни одной свежей, оригинальной, ничего, кроме банальных фраз и шаблонных слов, острой мысли, кроме мелких уколов и сверхделикатных приветствий «критикуемому» писателю» (*Писатель-читатель*. Открытое письмо критику Ростиславу Александрову // *Звезда*. 1939. № 3. С. 236).

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12-2. Д. 1442. Л. 1-2. Оппонентами были профессор Н.К. Пиксанов (1878–1969) и доцент Н.И. Мордовченко (1904–1951). Из краткого описания работы: «Диссертация представляет обширное исследование, в основу которого положено детальное изучение всех текстов Гоголя, всего обширного наследия Белинского, научной историографии данного периода, художественной русской и западноевропейской литературы по этому периоду. В работе содержится обстоятельное изложение эволюции творчества Гоголя, характеристика работ Белинского как критика Гоголя, впервые подробно суммирующая литературное наследие Белинского в этой области» (Там же). Диссертация не сохранилась (*Равдин Б.А. Материалы к словнику псевдонимов...*).

¹⁹ ЦДАВО України. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 211. Л. 2.

²⁰ Ср.: «Ленинградский профессор Александров, доцент истории искусств при Академии художеств, читавший курс истории литературы в Ленинградском университете, ныне находится в Киеве. Он родился в Петербурге тридцать лет тому назад в семье юриста, сделавшегося во время революции профессором математики. Проф. Александров был эвакуирован из Ленинграда на Кавказ. По словам профессора Александрова, большевики опасались, что при взятии города немцами научные работники и инженеры могут предоставить себя в их распоряжение, и потому вывезли их из Ленинграда: через замерзшее Ладожское озеро и через Тихвин, Ярославль, Тамбов они доехали до Саратова, куда был эвакуирован университет. Профессору Александрову удалось воспользоваться общей неразберихой, царившей в тылу, и проехать через Астрахань и Махач-Калу в Пятигорск, а затем в Микоян-Шахар [Карачаевск], где он поступил на службу в педагогический университет. При приближении германских войск профессор Александров, пользуясь эвакуацией в Сухум педагогического института, остался в Микоян-Шахаре» (Показания ленинградского профессора // *Новое слово* (Берлин). 1942. 16 декабря. № 100. С. 3).

²¹ В Днепропетровске Александровы познакомились с местным корреспондентом берлинского «Нового слова» и будущим руководителем НТС Евгением Островским (после войны Романовым; 1914–2001), итогом чему стала полуторалосная публикация «В Ленинграде, Саратове, Ростове, Пятигорске... (рассказ очевидца)» (*Новое слово* (Берлин). 1942. 15 ноября. № 91. С. 3–4).

²² Письмо сотрудника оперштаба Рудольфа от 14 ноября 1942 г. // ЦДАВО України. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 27. Л. 315. Основные псевдонимы: Дм. Рудин (Ростислав), А. Бестужев (общий) (см. подробнее: *Равдин Б.А. Материалы к словнику псевдонимов...*). Настоящее имя тем не менее было непредумышленно раскрыто (см. цитату в примеч. 20).

²³ Курганов [Кошкин И.]. Берлинские силуэты // HIA. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 258, folder 18.

²⁴ См., например: «В момент прорыва южного фронта я был в Махач-Кале. Евреи узнали о крахе раньше всех и массами устремились со всего Северного Кавказа в Махач-Калу. Чем стремительней продвигались немцы, тем более невиданные размеры принимала паника. Евреев начали вывозить пароходами. Очередь к посадке при мне тянулась на 8–10 километров, а в момент взятия Ставрополя (я тогда был уже в Пятигорске), говорят, достигла 30 километров. Очередь состояла, конечно, из евреев. Может быть, был один русский из тысячи, но и то я сомневаюсь... Сколько здесь было сосредоточено денег и золота! Какие пачки червонцев, какие золотые вещи фигурировали в качестве взяток за право безочередной посадки на пароход — трудно себе представить. Я никогда не думал, что в еврейских руках было такое количество ценностей...» (В Ленинграде, Саратове, Ростове, Пятигорске... (рассказ очевидца)).

²⁵ Оперативный штаб рейхсleitera Розенберга (Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg) — структура, созданная в 1940 г. для вывоза в Германию культурных ценностей (в первую очередь еврейских) с оккупированных территорий, предметов искусства, архивов и библиотек. Со временем функции оперштаба расширились, с конца 1942 г. он также вел сбор информации о Советском Союзе, источником которой была попавшая в оккупацию советская интеллигенция. В этой функции он предвосхитил созданный в Мюнхене после войны по инициативе американских спецслужб Институт по изучению истории и культуры СССР, в числе основателей которого было три бывших сотрудника оперштаба.

²⁶ Письмо сотрудника оперштаба Райхардта от 28 октября 1942 г. // Bundesarchiv Berlin. NS30/18. Unpag. Впоследствии сам Райхардт опубликовал несколько статей о блокадном Ленинграде на основе воспоминаний Александровых, в частности «Das war der Tod von Leningrad» [«Это была смерть Ленинграда»] // Deutsche Ukraine-Zeitung. 1943. 9. Januar. № 7. С. 5.

²⁷ См. сопроводительные записки (ЦДАВО України. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 31. Л. 203, 215, 338). Сохранился лишь пятистраничный план книги (см.: Там же. Л. 538–542).

²⁸ Письмо Рудольфа от 7 декабря 1942 г. // Там же. Д. 27. Л. 279; Письмо сотрудника оперштаба Вундера от 15 декабря 1942 г. // Там же. Д. 42. Л. 9.

²⁹ В большинстве случаев сохранились лишь сопроводительные записки (см.: Там же. Д. 27. Л. 234, 279, 298, 302, 304, 309, 321; Д. 40. Л. 6).

³⁰ Письмо Райхардта от 18 марта 1943 г. // Там же. Д. 31. Л. 346.

³¹ Письмо Рудольфа от 7 декабря 1942 г. // Там же. Л. 377–378.

³² Письмо Райхардта от 18 марта 1943 г. // Там же. Л. 346.

³³ Пометка Райхардта от 3 августа 1944 г. // Там же. Д. 12. Л. 375.

³⁴ См., напр.: Рудин Дм. [Р.Н. Александров]. Личность и государство // Воля народа (Берлин). 1944. 18 ноября. № 2. С. 4–5; Он же. Борьба за культуру // Там же. 22 ноября. № 3–4. С. 7.

³⁵ Он же. Личность и государство. По данным Е. Островского, Р. Александров в 1943 г. вступил в НТС (см.: Александров Р.Н. Письма к неизвестному другу. С. XV).

³⁶ Х. Катель — Р. Абрамовичу, 18 сентября 1946 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 595, folder 1–2.

³⁷ Н.А. и Р.Н. Александровы фигурируют в списках пациентов госпиталя от 14 мая и 11 сентября 1946 г., у обоих в графе «национальность» указано «еврей» (List of

patients stand May 13th 1946 // Arolsen. Doc-ID: 82026291; List of patients stand Sept. 10th 1946 // Ibid. Doc-ID: 82026312).

Впрочем, насколько можно судить, Александровы были лишь «приписаны» к госпиталю, получая там паек, сами же проживали в поселке, где снимали квартиру (см.: Н. Александров — М. Голбиндеру, 11 июня 1948 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 596, folder 1-2).

³⁸ Катель Яков Ильич (1916–1965) — американский общественный деятель, журналист. Сын эмигрировавшего из России после революции инженера Ильи Кателя, он рос в Берлине, затем в Париже, где получил юридическое образование. После компьенского перемирия в 1940 г. переехал в Марсель; работал в еврейской благотворительной организации, оказывал помощь интернированным в местных лагерях евреям. В 1942 г. эмигрировал в США, затем уехал в Англию, где сотрудничал на франкоязычной пропагандистской радиостанции. После войны получил назначение на пост представителя IIRC в Мюнхене. Впоследствии работал при Организации Объединенных Наций.

IIRC (International Rescue and Relief Committee — Международный комитет спасения и помощи) — благотворительная организация, созданная в 1933 г. по инициативе Альберта Эйнштейна для помощи беженцам и жертвам войн.

³⁹ От англ. affidavit — здесь письменное поручительство.

⁴⁰ Р. Абрамович — Ж. Кателю от 25 июня 1946 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 595, folder 1-2.

⁴¹ Р. Абрамович — Р. Александрову, 15 августа 1946 г.; Х. Катель — Р. Абрамовичу, 18 сентября 1946 г. // Ibid.

⁴² З. Лившиц — Р. Абрамовичу, 22 октября 1946 г. // Ibid.

⁴³ Р. Александров — Р. Абрамовичу, [начало 1947 г.] // HIA. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 595, folder 3-5.

В числе пациентов и персонала больницы женщин по имени Валентина не было (List of DP Personnel stand September 10th 1946 // Arolsen. Doc-ID: 82026305; List of patients stand Sept. 10th 1946 // Ibid. Doc-ID: 82026312).

⁴⁴ Р. Абрамович — Р. Александрову, 16 апреля 1947 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 595, folder 3-5.

⁴⁵ Р. Александров — Р. Абрамовичу, [начало 1947 г.] // Ibid.

⁴⁶ Р. Абрамович — Р. Александрову, 16 апреля 1947 г. // Ibid. С помощью этой уловки Абрамович надеялся облегчить для Александровых процесс иммиграции.

⁴⁷ Р. Абрамович — Ж. Кателю, 17 апреля 1947 г. // Ibid. В картотеке HIAS ни Н.А. Александров, ни Р.Н. Александров не фигурируют (см.: HIAS Client Database // URL: <http://ajhs.org/hias-search> (дата обращения: 01.05.2019)).

⁴⁸ Ж. Катель — Р. Абрамовичу, 1 июня 1947 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 595, folder 6-7.

⁴⁹ Б. Фишер — Р. Абрамовичу, 15 мая 1948 г. // Ibid.

⁵⁰ По воле случая он попал в донесение советской военной миссии со списками захоронений советских граждан в Германии: «похор[онен] в Отиллене [так!] восточн[ое] кладбище собора свят[ого] Отиллена, Е, N16» (ЦАМО. Ф. 58. Оп. А-64238. Д. 11).

⁵¹ Н. Александров — Р. Абрамовичу, 8 июля 1947 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 595, folder 3-5.

⁵² Сын Р. Абрамовича Марк Рейн был похищен НКВД в Испании в 1937 г.

⁵³ Р. Абрамович — Н. Александрову, 21 июля 1947 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 595, folder 3–5.

⁵⁴ Н. Александров — Р. Абрамовичу, 6 августа 1947 г. // Ibid.

⁵⁵ «Джойнт» (American Jewish Joint Distribution Committee — Американский еврейский объединенный распределительный комитет) — американская благотворительная организация, занимающаяся помощью евреям, находящимся в нужде или опасности вне США.

⁵⁶ Н. Александров — Р. Абрамовичу, 28 октября 1947 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 595, folder 3–5.

⁵⁷ Письмо Н. Александрова Р. Абрамовичу, 6 февраля 1948 г. // Ibid. Box 596, folder 1–2.

⁵⁸ Фишер Берта Яковлевна (Маркуша) (1888–1977) — американская общественная деятельница, переводчица. Родилась в Либаве, окончила Лозаннский университет, работала переводчицей в советском Наркомате иностранных дел. В 1922 г. вышла замуж за американского журналиста Луи Фишера. После Второй мировой войны сотрудница IRRC.

⁵⁹ Р. Абрамович — Б. Фишер, 2 марта 1948 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 595, folder 6–7.

Берли Адольф (Berle, Jr.; 1895–1971) — американский юрист, экономист, политик. В 1938–1944 гг. помощник государственного секретаря по латиноамериканским делам.

⁶⁰ Б. Фишер — Р. Абрамовичу, 15 мая 1948 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 595, folder 6–7.

⁶¹ Переезд подтверждается документально. Н.А. Александров фигурирует как в списке пациентов, выписанных между 1 и 5 мая 1948 г. из госпиталя Санкт-Оттиlien, так и в списке пациентов, принятых между 5 и 22 мая 1948 г. в госпиталь Бад-Верисхофен (Discharges from May 1st till May 5th 1948 // Arolsen. Doc-ID: 82026543; Admissions from May 5th till May 22th 1948 // Ibid. Doc-ID: 81965770).

⁶² Н. Александров — М. Голбиндеру, 11 июня 1948 г. // HIA. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 596, folder 1–2.

⁶³ Б. Фишер — Р. Абрамовичу, 14 сентября 1948 г. // Ibid. Box 595, folder 6–7.

⁶⁴ Александров Р.Н. Письма к неизвестному другу... С. 191.

⁶⁵ Ср.: «Кому были бы опасны ближайшие помощники Гитлера, если бы за их спинами не стояли сотни тысяч авантюристов и палачей, набранных из среды охамевшего немецкого мещанства и выдрессированной в прусском духе молодежи?.. Мне омерзительна немецкая тупая жестокость, эта математика человеческого страдания, умноженная на трусливый садизм и обывательскую фанфаронаду» (Александров Р.Н. Письма к неизвестному другу... С. 5, 7).

№ 1

Р.Н. Александров — Р.А. Абрамовичу

Санкт-Оттилиен, май 1946 г.

Личное.

Доверительно.

Многоуважаемый тов. Абрамович!

Прежде чем объяснить Вам цель настоящего письма, позвольте известить Вас, с кем Вы имеете дело.

Я — человек с той стороны, так сказать, «советский» по воспитанию и, вероятно, по духу. И тем не менее теперь я нахожусь по эту сторону; очевидно, потому, что психоидеология советского населения и большевистской власти — две вещи разные. В своем советском бытии я работал как доцент в Ленинградском университете и Академии художеств. Моя прямая специальность — история литературы и искусства. Свою первую диссертацию я писал о Гоголе, вторую — о творчестве Тургенева¹. Я, понятно, вдоль и поперек штудировал Маркса и Ленина, но, так как не являюсь ортодоксальным марксистом, не мог читать близкий мне по сердцу курс истории новой философии. Кроме того я много работал как литератор. Помимо научных работ, опубликованных в спец[иальных] изданиях, я в течение ряда лет был сотрудником центральных журналов, где появлялись мои статьи на темы советской литературы и театра.

Теперь, когда Вы немного познакомились со мной, позволю себе остановиться на вопросе, почему я Вам пишу. Оказавшись в настоящее время под Мюнхеном, я знаю, что меня отделяет от системы восточного тоталитаризма бездна, прежде всего, идеологического порядка. В то же время то, что я теперь смог узнать о жизни на Западе, также не вызывает моего восхищения. Даже напротив. Все мои помыслы обращены в сторону моей родины и вопросов, связанных с ее судьбою. То, что я знаю о Вашем органе, мне импонирует. Наконец, Ваше имя, известное и в СССР, является, может быть, самой непосредственной причиной, почему я пишу Вам. Находясь сейчас в довольно растерянном состоянии и не зная, куда направиться, — вперед или назад (хотя бы направиться назад и не было теперь вполне безопасным), я хочу сделать попытку связаться с людьми, образ мыслей и действий которых мне представляется симпатичным и во многом близким.

Вот почему я пишу Вам. Вот почему я рискую спросить Вас, не сочли ли бы возможным использовать мои знания советской действительности до самого недавнего времени, мой научный опыт и профессиональное умение литератора, бывшего членом Союза советских писателей? Не могли бы Вы устроить, чтобы меня пригласили на работу в США, может быть, в области, близкой Вам. Если бы Вы это захотели сделать, то здесь, в Мюнхене, мой переезд будет

всемерно облегчен помощью Еврейского комитета в Баварии и ХАЯСа². Если нужно, мне здесь дадут и соответствующие рекомендации.

Необходимо получить из Америки «Афидевит» или хотя бы официальное приглашение на работу от учреждения или организации.

Я допускаю мысль, что высказанные мною соображения и самое обращение к Вам, лично меня не знающему, могут показаться с западной точки зрения несколько наивными. Что же делать, я принадлежал к другому миру, и специфически западная точка зрения мне часто еще бывает чужда.

Во всяком случае, как бы Вы ни отнеслись к моему предложению, я хотел бы получить от Вас ответ. Его я, пожалуй, начну ожидать с той минуты, как передам в ХАЯС — для отсылки Вам — настоящее письмо.

Вот, кажется, и все, что можно сказать в первом письме.

Сердечно рад Вашей плодотворной работе. Искренне жму руку. Ответить мне можно по адресу (если почтою, то учитывая, конечно, цензуру)

1) доцент Александров Ростислав Николаевич,

род[ился] в Ленинграде 1911

Отец: проф[ессор] Александров Николай Александрович,

род[ился] в Одессе 1886

P.S. «Афидевит» или приглашение требуется для меня и для моего отца.

НИА. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 595, folder 1-2. Автограф. Датируется по содержанию.

---

¹ См. примеч. 18 к статье. Ср.: «Кстати, его докторская диссертация была посвящена Тургеневу. У него хранился один экземпляр, и мне довелось прочитать его» (Романов Е.Р. [Островский]). Несколько слов о друге // Александров Р.Н. Письма к неизвестному другу... С. XIII).

² Т. е. НIAS.

№ 2

Р.Н. Александров — Р.А. Абрамовичу

Санкт-Оттилиен, 14 июля 1946 г.

14.VII.1946

Глубокоуважаемый Товарищ Абрамович!

Большое спасибо за Ваше такое хорошее письмо. Я его перечел не один раз. После всей меры виденного мною за годы войны зла каждый положительный факт в человеческих отношениях воспринимается особенно непосредственно и остро.

Я рад Вашему предложению что-нибудь написать для Вас. Я очень этому рад, но как сделать? Вернее, как переслать рукописи? Ваш знакомый, которому Вы написали обо мне¹, еще не показывался. Темы, на которые мне хотелось бы иметь возможность откликнуться уже теперь, примерно следующие:

1) Германия. — В этой теме, поистине, клубок «проклятых вопросов», решающихся до сих пор, может быть, слишком прямолинейно. Наличие классово-структуры в общественном устройстве современной Германии отнюдь не снимает, как мне кажется, проблемы о национальной ответственности немцев. До войны такая постановка вопроса мне, вероятно, показалась бы изменой собственным убеждениям, но с тех пор я увидел такое, что не рискую повторить знаменитую фразу Гегеля «тем хуже для фактов»². И вот, не отворачиваясь от фактов, мне очень хотелось бы уяснить в статье или статьях газетного типа «температуру духа» среднего немца во время войны и в настоящее время. А отсюда как будто возможность обратиться к ответу и на более практические вопросы, связанные с грядущими судьбами этой страны, которая явно не кончит свое существование на решениях мирной конференции³ так же, как история Франции не прекратила течение свое на минеральных водах в Виши⁴.

2) Тема советского человека. — Здесь меня интересует невыясненный на Западе парадокс о неадекватности понятий «советский человек» и «член ВКП(б)». Вместе с тем советский человек — это не просто русский, или украинец, или грузин, живущий в условиях партийно-тоталитарного режима. Это, кроме того, человек иного мировоззрения, иной культуры, чем его отец и дед, — советской культуры. Здесь — результат того, что после Октября 1917 г. революционная волна схлынула не сразу, хоть революция и была узурпирована. Ведь даже рабочие Запада до сих пор склонны считать, что СССР представляет сегодняшний предел «левизны». Граждане Сов[етского] Союза воспитаны или перевоспитаны не только на делах реакции, но и на некоторых идеях подлинно революционного характера, и это создает особый и интересный человеческий тип.

3) Тема «советской культуры». Советская литература, наука, искусство. Причины неравномерного развития отдельных видов искусства, блеск балета, например, и сравнительное отставание литературы. Причины этого. Политический характер и социальный тип архитектуры. Судьбы философов и философии и т.д. Итак, тем, о которых мне хочется говорить, много, но пока не знаю, как быть с пересылкой материала. Мне было бы интересно просто поделиться с Вами моими мыслями и сомнениями по названным вопросам, потому что я хочу, чтобы Вы хоть немного меня узнали после того, как так любезно протянули мне через океан Вашу руку. Если появится Ваш друг или я найду другой способ переслать рукописи, то сделаю это непременно, не задумываясь о том, подойдут ли они по своей направленности для печати или просто заслужат Вашего личного внимания.

Пока же терпеливо ожидаю ответа местных американских учреждений на мое (и отца моего) заявление о желании ехать в Америку, поданных через HIAS. Выйдет или не выйдет и, главное, когда выйдет, еще не знаю. Думаю, что очень помогли бы здесь документы от Вас или хороший совет Вашего друга. — Вообще, здесь очень одиноко теперь, и невольно повторяешь слова Маяковского, написавшего в каком-то 1913 году, что он «одинок как последний глаз идущего к слепым человека»⁵. Пишу об этом, чтобы еще раз подчеркнуть, как

дорого было мне получить Ваше письмо даже вне зависимости от того, поможет ли оно мне практически.

Простите, что мой ответ вышел длинным. Остаюсь в надежде, что, может быть, смогу когда-либо лично пожать Вам руку.

Всего, всего хорошего. С глубоким уважением,

Р. Александров

HLA. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 595, folder 1-2. Автограф.

---

¹ Жак Катель.

² Г.В.Ф. Гегелю приписывается фраза «Если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов».

³ Намек на решения Потсдамской конференции стран антигитлеровской коалиции, проходившей 17 июля — 2 августа 1945 г., по германской проблеме.

⁴ Намек на южный курортный город Виши, где в 1940 г. был создан коллаборационистский режим (режим Виши, официальное название Французское государство) после поражения Франции во Второй мировой войне.

⁵ Несколько измененная цитата из стихотворения В.В. Маяковского «Несколько слов обо мне самом» (1913).

№ 3

Р.Н. Александров — Р.А. Абрамовичу

Санкт-Оттилиен, 10 августа 1946 г.

10.VIII.46

Многоуважаемый Товарищ Абрамович!

Это — третье письмо, которое я Вам пишу. Надеюсь, что мое предыдущее письмо Вы получили. В нем я благодарил Вас за любезный ответ на мое первое обращение и за предложение написать что-либо для Вас. Я касался тем, которые меня интересуют, в надежде, что и для Вас они окажутся не безразличными.

К сожалению, до сих пор я не мог найти возможности переслать Вам мои статьи на эти темы. Вот почему я обращаюсь к Вам снова. Не могли ли бы Вы разрешить эту задачу? Ваш знакомый звонил по телефону к моим друзьям Лурье¹ в HIAS, но не оставил им своего адреса, и найти его в Мюнхене мне не удалось. Между тем, возможно, что он не отказался бы, как Вы мне и писали, переслать мои рукописи в Ваш адрес.

Мне очень, очень хотелось бы рассказать Вам подробнее о себе, тем более что Ваше письмо дает мне на это некоторое моральное основание. Мне очень хотелось бы рассказать Вам о том, какими глазами человека «с другой улицы» я смотрю на все, происходящее здесь. Однако в настоящий момент я не могу этого сделать. Если бы я имел возможность писать Вам через Вашего знакомого! Пожалуйста, постарайтесь это устроить.

Что касается моих личных перспектив, то они оказываются менее ясными, чем мне это представлялось, когда я обратился к Вам в первый раз. Вопрос об эмиграции в Америку здесь еще очень сложен для всех, кто не имеет какой-либо особой протекции оттуда. Но что делать? Видимо, надо запастись какой-то невероятной порцией терпения или плыть по течению, которое вынесет неизвестно к каким берегам.

Последнего, однако, делать что-то не хочется.

Во всяком случае, как бы ни пошли события, я всегда сохраню глубокую благодарность к Вам за тот теплый ответ, который я получил от Вас на мое первое обращение. Всего, всего хорошего!

Глубоко уважающий Вас

Р. Александров

НИА. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 595, folder 1-2. Автограф.

---

¹ Сотрудники НΙΑС, через адрес которых шла переписка.

№ 4

Р.Н. Александров — Р.А. Абрамовичу

Санкт-Оттиlien, начало 1947 г.

Многоуважаемый Тов. Абрамович!

Надеюсь, что Вы меня еще не забыли. Несколько месяцев назад я послал Вам через г. Кателя три статьи, касавшиеся тем, которые Вас заинтересовали. Долго ожидал ответа, но так и не дождался. Конечно, писать на расстоянии, в трудных условиях, не видя В[ашего] органа, было предприятием сомнительным, но мне уж слишком хотелось познакомить Вас с основными чертами моей идеологии, и, скажу откровенно, я очень надеялся на В[аш] ответ.

Затем я был трудно болен, так как условия здесь скверные, да и затруднялся слишком часто напоминать Вам о себе. За это время я прочел довольно много всякой полезной зарубежной литературы, несколько уяснил себе общую обстановку, но в основном остался при своих прежних взглядах.

Личная жизнь моя несколько изменилась и усложнилась, так как «нашел» жену и ребенка. Что же делать с собой, по-прежнему не знаю. Я глубоко признателен за Ваши хорошие письма, но сознаю, что не имею моральных оснований слишком рассчитывать на Вашу поддержку, потому что Вы лично меня не знаете.

Все же потому, вероятно, что я Вас знаю, сообщаю о своих делах, хотя, повторяю, если Вам трудно что-либо сделать для меня, не колеблетесь написать мне об этом. Мое отношение к Вам, как политическое, так и личное, во всех случаях поможет мне познать Вашу правоту. Единственная моя серьезная претензия — получить Ваш ответ.

Дело в том, что я и моя семья (отец, жена, ребенок) очень скоро можем быть у американского консула в Мюнхене. Однако сейчас это затруднительно, так как надо иметь аффидейвит. Правда, ХАЯС, вероятно, согласится дать нам «блоковую гарантию», заменяющую в какой-то мере этот самый «аффидейвит», но остается след[ующая] вещь: ХАЯС не оплачивает дорогу, а отсюда ее оплатить, как я хотел бы, нельзя (так мне объяснили). Значит, возможность теперь же ехать в Америку для меня упирается в тот факт, сможете ли Вы прислать нам «аффидейвит» и пока хотя бы срочно справку, что они высылаются (для консула). Не забудьте указать в этих документах, что мой отец является Вашим троюродным братом, так как ехать отсюда в Америку можно ехать (повтор в оригинале. — И.П.) только к родственникам. Простите за все эти просьбы, но я не думаю, что в моем положении поступаю неэтично. Я все же крепко верю, что смогу быть полезен своей работой общему делу, хотя бы мы с Вами и расходились кое в чем.

Я не рискую писать о том, что меня в настоящее время особенно волнует и занимает, не рассказываю о моих теоретических и литературных работах, так как настоящее письмо является, к сожалению, слишком прозаически деловым и мне, как Вы понимаете, трудно его писать.

Во всяком случае, несмотря на кошмарные общие условия, беспросветность моего положения (на что не рассчитывал) и пояс моральной нечистоты вокруг меня (о чем в Америке Вы не можете и думать), я работаю из всех сил и, надеюсь, не без толка.

На всякий случай осваиваю свой английский язык и, так как здесь совершенно нет словарей, рискую обратиться к Вам еще с одной просьбой (уж все сразу). Не пришлете ли Вы мне портативный англо-русский словарь? Если трудно, разумеется. Надеюсь на Ваш ответ. Всего Вам хорошего.

Преданный Вам

Ростислав Александров

Данные о семье:

1) Ростислав Николаевич Александров, год рождения 1911 (19 ноября) в Петербурге.

2) Отец мой — проф[ессор] Николай Александрович Александров, год рожд[ения] 1886 (14 августа) в Одессе.

3) Жена моя: Валентина Михайловна — год рожд[ения] 1917 (10 декабря) в Днепропетровске

4) Дочь жены: Ирина, год рожд[ения] 1936, 10 июня.

P.S. Так как наши друзья, в адрес которых Вы писали нам, уже уезжают в Америку, письма нам можно адресовать непосредственно:

Deutschland, Ob[er] Bayern, 13b St. Ottilien-Hospital,
Professor N. Alexandrow.

Это наш личный адрес, в 43 км от Мюнхена.

НИА. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 595, folder 3–5. Автограф. Датируется по содержанию.

ПИСЬМА Б.Н. ШИРЯЕВА И Н.И. ШИРЯЕВОЙ
К Н.Б. ТАРАСОВОЙ, 1955–1959 гг.

Подготовка текста, вступительная статья и комментарии
М.Г. Талалая

Аннотация: Впервые публикуются письма писателя Б.Н. Ширяева и его супруги Н.Б. Тарасовой за 1955–1959 гг. В переписке затрагивается широкий круг вопросов эмигрантской литературы и политики в Европе.

Annotation: Publication of the letters from the writer B.N. Sciriaeв and his wife to N.B. Tarasova (1955–1959). The correspondence addresses a wide range of issues in Russian émigré literature and politics in Europe.

Ключевые слова: Б.Н. Ширяев, Н.Б. Тарасова, «Посев», «Грани», литература, литературная критика, политика, эмиграция, НТС.

Key words: B.N. Sciriaeв, N.B. Tarasova, «Posev», «Grani», literature, literary criticism, politics, emigration, NTS.

Имя Бориса Николаевича Ширяева (1889, Москва — 1959, Сан-Ремо), одного из самых ярких представителей русских ди-пи, прежде было известно в первую очередь благодаря его замечательной книге мемуарно-эпического характера о Соловецком лагере первой половины 1920-х гг. — «Неугасимая лампада» (1954). В последние годы его творческое наследие стало много доступнее отечественному читателю: в 2007 г. в издательстве «Алетейя» было переиздано его собственное свидетельство об эмиграции второй волны, тогда называемой «новой эмиграцией», — «Ди-пи в Италии. Записки продавца кукол» (1952). Затем то же издательство выпустило в свет четыре новые его книги, составленные автором этих строк вместе со своим коллегой из США А.Г. Власенко из многочисленных статей и эссе Ширяева, разбросанным по эмигрантской периодике: «Италия без Колизея» (2014), «Никола Русский» (2016), «Бриллианты и булыжники. Статьи о русской литературе» (2016), «Люди земли русской. Статьи о русской истории» (2016).

Его основные художественные произведения, повести и рассказы те же соавтели опубликовали в 2016 г. под общим названием «Кудеяров дуб» в издательстве «Росток» (это издательство выпустило в 2019 г. сборник «Соловецкие сказы», куда вошла редчайшая лагерная проза Ширяева, написанная еще в заключении в 1920-х гг., а также «Неугасимая лампада» и другие соловецкие тексты). Можно говорить о вхождении этого интересного автора в общее русло российской словесности.

Публикуемые письма писателя и его супруги Нины Ивановны, урожденной Капраловой, к другой дипийке, Наталье Тарасовой, представляют собой

уникальный целостный материал. Они относятся к последнему периоду жизни и творчества Ширяева, когда после успеха «Неугасимой лампы» он решает перейти на крупные литературные формы, при этом неожиданно для многих сменив свои ориентиры, избрав солидаризм и католичество.

Как патриоту монархического направления ему претит сотрудничество со «староземлиградской» прессой в Америке и во Франции, и он находит новых единомышленников — в среде НТС, в Германии, публикуясь на страницах журнала «Грани» и еженедельника «Посев». Главным его корреспондентом в последние три года жизни становится Наталья Борисовна Тарасова (урожд. Жук; 1921–2005), принявшая на склоне лет монашеский постриг с именем Александра.

Первоначальное литературное сотрудничество на расстоянии перерастает в теплую дружбу, и обращение «Наталья Борисовна» сменяется на «Наташенька». И если в первых письмах Ширяев дает почти технические описания своих профессиональных замыслов, то затем он поверяет ей разного рода размышления и чувства.

Все публикуемые письма Б.Н. и Н.И. Ширяевых находятся в архиве Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете в фонде Н.Б. Тарасовой (FSO. 01-098 (Tarasova, Natal'ja)). Увы, ответные письма Н.Б. Тарасовой обнаружить не удалось. В приложении публикуется краткий план романа «Кудеяров дуб» (1955), с присылки которого, по-видимому, началась переписка Ширяева и Тарасовой. Сопроводительное письмо Ширяева к плану романа, по-видимому, не сохранилось.

Письма публикуются в соответствии с правилами современной орфографии с сохранением особенностей авторского стиля. Сокращенные слова восстановлены, рукописные фрагменты выделены курсивом, мелкие исправления не оговариваются. Те места, которые Ширяев печатал разрядкой, мы выделили подчеркиванием. Имеющиеся на всех письмах рукописные пометы Н.Б. Тарасовой «отв[ечено]» в публикации не воспроизводятся. Не комментируются известные деятели и произведения.

№ 1

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой
27 декабря 1955 г., Сан-Ремо

С Новым Годом и праздником Рождества Христова,
дорогая Наталия Борисовна!

Шлю Вам свои наилучшие пожелания, а в Вашем лице — «Граням» и всем их сотрудникам.

Теперь отвечаю разом на два Ваших письма, от 5 и 15/XII. Очень рад, что Вам понравилась статья об интеллигенции¹. Она, видимо, произвела некоторое впечатление и в западном мире, так как получаю от немцев отклики на нее. К Вам она не попала потому, что была заказана мюнхенским институтом². Очень благодарен за отклик на нее в «Гранях», который, я уверен, будет глубоким и интересным³. Н.Е. Русский⁴, о котором Вы спрашиваете, очень интересный новеллист и одновременно и человек. «Русский» — псевдоним, а на самом деле он чистокровный итальянец, Бруно Витториевич Лангобардо, выросший в России и высланный из нее Советами. Но он полностью обрусевший и даже окубанившийся, так как великолепно владеет северокавказским «казачьим» говором, что роднит его с Шолоховым и Кочубеем⁵. В равной мере владеет он и современным русским языком, обладает остроумием и меткостью. Печатается он, к сожалению, главным образом в «Русской мысли»⁶, где он затевается между всяких Вельских, Вольских, Яблоновских... Напишите ему по адресу: *Dr. Bruno Longobardo. Via Genova 43 Torino Italia.*

Я же напишу еще от себя, а то он совсем впал в уныние и решил переходить на староэмигрантские темы. Кто такой Богданов — не знаю. Относительно «компромиссов с чертенятами» продолжаю оставаться на своей неприемлимой позиции: очистив журнал от ремизовщины, ползания у бунинских ног и прочей староэмигрантской завали, Вы сделаете очень большое дело и послужите современной русской литературе, рупором зарубежной ветви которой должны стать «Грани».

За отказ от лесковской статьи не только не обижаюсь, но благодарю, так как я дал о нем уже семь статей⁷, и хотя преклоняюсь перед этим писателем, но все-таки еще писать о нем тяжело. Ваши проекты расширения критического отдела, безусловно, целесообразны, но, по-моему, трудно осуществить. Как, например, дать портреты крупнейших подсоветских писателей, не имея в руках полного или хотя бы значительного собрания их сочинений? А таковые, по-моему, здесь собрать будет трудно. Кстати, Вы переоценили мои возможности следить за подсоветской литературой. Я получаю нужные книги только из Мюнхенского института, но и то журналы с большим опозданием, а запрашиваемых мною книг почти никогда не оказывается (например, «От-

тепели» Эренбурга⁸), так что в этом деле я вряд ли смог бы Вам помочь. Вот относительно переоценки писателей прошлого — дело иное. Это легче. Но боюсь другого — того, что моя переоценка не встретит Вашего сочувствия. Не напечатаете же Вы, например, что Чацкий безусловно отрицательный тип, бездельник, пустоболт и хам?⁹ Как же назвать иначе все пустые, ни к чему не ведущие его речи, произведенный им в тихом семействе скандал и в результате миллион каких-то терзаний? Каких, с позволения сказать? Прав был Пушкин в оценке его. Но все-таки напишите мне, какие из юбилеев предполагаете Вы отметить в текущем году, и, быть может о чем-либо предварительно договоримся. Закончить возможно скорее и тщательнее «Кудеяров дуб», желание, владеющее мною теперь настолько сильно, что ради него я отказался от очень заманчивого турне по Соединенным Штатам, предложенного мне на март месяц. Но пока он подвигается плохо, мешают «злобы дня». С нового года надеюсь выправить положение.

Относительно переводов с итальянского моей жены оставим пока вопрос открытым, потому что в настоящее время у нее болят глаза, и она не может усиленно работать. Она русская, кубанская казачка, и даже окончила литературный факультет, но некоторая моя скромность в оценке ее русского языка обусловлена моими высокими требованиями к литературным формам этого языка.

Теперь о Вашей скромности в оценке меня самого. Для преодоления ее посылаю Вам свое фото, хотя и не совсем удачное. Однако все-таки доказывающее, что я не маленький суетливый старичок, а росту во мне 1,78 и ширина шага почти полтора метра. Лажу не только по горам, но и по деревьям. Приедете — сами увидите, чего мы с женой оба очень хотели бы и заверяем, что, пробыв отпуск в Санремо¹⁰, не потеряете времени зря. Очень уж здесь хорошо. Сейчас, например, цветут розы, левкои, нарциссы, мимозы, обедаем и даже пьем утренний чай на веранде, а пальто всегда только лишняя обуза. Летом же не жарко, вернее, не столь жарко, как в Риме или даже Венеции, не говоря уж о сумасшедшем сирокко¹¹ Неаполя.

Пора кончать, так как впереди еще много писем.

Искренно Вас уважающий подпись (Б. Ширяев)

27.XII.55

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

¹ В письме речь идет о статье Б.Н. Ширяева «Современная российская интеллигенция» из сборника Института по изучению истории и культуры СССР «К проблемам интеллигенции СССР» (Мюнхен, 1955. С. 18–22 (Исследования и материалы; сер. II, № 31)). Ширяев часто обращался к волновавшей его теме русской интеллигенции, и из этих статей составлен особый раздел «О русской интеллигенции» (Ширяев Б.Н. Люди земли русской / под ред. А.Г. Власенко и М.Г. Талалай. СПб., 2017. С. 393–438).

² Институт по изучению истории и культуры СССР — научное учреждение, созданное послевоенными эмигрантами в Мюнхене (1950–1972).

³ Отдельная рецензия на статью Б.Н. Ширяева об интеллигенции в «Гранях» не была опубликована.

⁴ Н.Е. Русский — псевдоним русского эмигранта с итальянскими корнями Бруно (Бориса) Лонгобардо (Лангобарди) (?–?), жившего в 1940-х — начале 1960-х гг. в Турине. Его очерки и рассказы, опубликованные в еженедельнике «Русская мысль», собраны в: *Русский Н.Е. Цветы мертвых. Степные легенды: повести, рассказы, очерки* / сост., науч. ред. М.Г. Талалай и А.Г. Власенко. СПб., 2018.

⁵ Вероятно, Иван Антонович Кочубей (1893–1919), кубанский казак, участник Первой мировой и Гражданской войн.

⁶ «Русская мысль» — ежедневная общественно-политическая и литературная газета, выходившая в Париже в 1947–2008 гг. С 2008 г. выходит в Лондоне, с 2011 г. — в формате журнала.

⁷ Эти семь статей теперь собраны в: *Ширяев Б.Н. Бриллианты и булыжники: Статьи о русской литературе* / под ред. А.Г. Власенко и М.Г. Талалай. СПб., 2016. С. 122–147.

⁸ Повесть И.Г. Эренбурга «Оттепель» вышла в 1954 г.

⁹ Эта характеристика приведена в статье «Карета Чацкого» (Наша страна. 1949. 22 января. № 10. С. 3–5; републикация в: *Ширяев Б.Н. Бриллианты и булыжники...* С. 8–13).

¹⁰ Традиционное русское написание топонима — Сан-Ремо, также и при жизни Б.Н. Ширяева официально существовало написание San Remo наряду с неформальным Sanremo. Последнее написание, Санремо, было утверждено в качестве официального в 1991 г.

¹¹ Сильный жаркий ветер, зарождающийся в североафриканских пустынях.

№ 2

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

10 мая 1956 г., Сан-Ремо

Христос Воскресе!

Многоуважаемая и дорогая Наталья Борисовна!

Сердечно поздравляю Вас со Светлым Христовым Праздником и надеюсь, что Вы встретили его радостно. А я с радостью прочел Ваш прекрасный, очень интимный, но вместе с тем глубоко психологичный пасхальный рассказ¹. У Вас есть дети? Или этот рассказ выплыл из Вашего собственного детства?

Мне кажется, что целую вечность не писал уже Вам, да и не мог этого сделать, так как вторая половина зимы и весна прошли у меня очень тяжело. У нас стояли небывалые для Санремо холода, с дождями и морозами. А я ведь туберкулезник, вообще переносу весну плохо, а эта погода добавила еще ревматизм плечей, который продержал меня целый месяц в постели. Доктора пичкали меня патентованными средствами, которые и без них радио рекламирует, — толку не получалось никакого. Вылечил мужик-знахарь, да еще как — за два втирания. Теперь и помину о ревматизме нет. Как только стал на ноги,

разом навалилась целая куча работы. Везде прорывы, прорехи, а ведь я работаю в пяти-шести изданиях, да еще по радио «Освобождение»². Представляете загрузку? К тому же весна наступила, и, следовательно, нужно обрабатывать сад и огород, работа сверхсрочная, так как земля здесь мгновенно сохнет, и тогда с нею уж ничего нельзя поделаться. Сваливши самое необходимое, сел за продолжение «Кудеярова дуба», однако могу уделять ему лишь два-три часа в день, зато самых лучших, утренних. Сначала шло туго, теперь стало легче, и надеюсь все же через месяц закончить. Мне представляется возможность побывать в Мюнхене проездом в Брюссель 20–22 июля. Напишите мне, будете ли в это время во Франкфурте и велик ли крюк заехать к Вам на несколько часов по дороге из Мюнхена в Брюссель? Очень хотелось бы встретиться с Вами лично, а также и познакомиться с редакцией «Грани» и «Посева». Вот Вам вкратце мое жизнеописание за последние месяцы. Прочтя его, Вы не будете сердиться на меня за опоздание с ответом на Ваше дружеское письмо. Правда?

Все же приходится быть кратким, так как тороплюсь сдать на почту корреспонденцию, а почта от меня три километра по горной дороге. Где Вы собираетесь провести отпуск? Очень хотел бы видеть Вас в Санремо, и, поверьте, не пожалеете о приезде сюда. Место прекрасное, море дивное, а жизнь дешевая при условии, если Вы мне напишете заранее и я забронирую для Вас подходящую комнату.

Шлю Вам сердечный привет, наилучшие пожелания и привет от моей жены.

Искренне ваш подпись (Б. Ширяев)

10.V.56

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

---

¹ Тарасова Н.Б. Ириша // Посев. 1956. 6 мая. № 18. С. 5–6.

² Радио Освобождение — международная радиовещательная организация, созданная Американским комитетом по освобождению от большевизма в 1953 г. С 1959 г. сменило название на Радио Свобода, после объединения в 1976 г. с Радио Свободная Европа стала называться Радио Свобода / Радио Свободная Европа. Финансируется Конгрессом США.

№ 3

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

20 июля 1956 г., Сан-Ремо

Дорогая Наталья Борисовна!

Ваше письмо взяло меня за сердце и поспело как раз вовремя, когда я уже шел к Куку¹ брать билет. Результат таков: я отменяю свой доклад в Русском

доме в Брюсселе² 26 июля (пусть переносят его на следующие дни), с тем чтобы приехать к Вам в среду 25 июля с поездом 14-32 из Мюнхена. Прогощу до утра следующего дня и уеду в Брюссель с поездом 8-50. Раз обещали — встречайте меня! Буду в соломенной шляпе, с газетой «Наша страна»³ в руке.

Очень буду рад познакомиться с кем возможно из посевовцев.

Целую Ваших девочек.

Искренно Ваш подпись (Б. Ширяев)

По всей вероятности, Вы за это время получите из Брюсселя письмо для меня, вложенное в письмо к Вам. Это условия встречи там. Не удивляйтесь.
20.VII.56

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

---

¹ «Томас Кук и сын» («Thomas Cook & Son») — британская туристическая компания (1841–2019).

² В 1954 г. в Брюсселе возник русский духовный (католический) центр с библиотекой им. В. Соловьева, который по сути дела сливался с редакцией издательства «Жизнь с Богом», основанного в мае 1945 г. в том же городе католической деятельностью И.М. Посновой.

³ «Наша страна» — еженедельная общественно-политическая газета правого направления. Выходит в Буэнос-Айресе с 1948 г.

№ 4

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

22 августа 1956 г., Сан-Ремо

Дорогая Наталья Борисовна!

Я до сих пор еще полон самыми лучшими впечатлениями от встречи с Вами и другими сотрудниками «Посева», от ласкового, дружеского приема, который нашел у Вас, и вообще от всей Вашей свежей, деловой, чисто русской атмосферы¹. Наконец-то я вернулся восвояси и должен сознаться, что ужасно устал от поездки. Очень уж быстро пришлось передвигаться, воспринимать множество впечатлений, да и делать по два доклада в день тоже стало трудновато без тренинга. К тому же в Париже подпростудился, а дома накопилось столько работы и по ремеслу, и по хозяйству, что до сих пор не могу проверить ее.

Прошу вас передать Евгению Романовичу и г-ну Горачеку² мою искреннюю благодарность за приглашение на конференцию «Посева». Очень, очень хотел бы попасть на нее, но это абсолютно невозможно, так как потерять снова рабочее время на поездку значило бы создать еще больший прорыв в очередной работе, тем более что сентябрь я хочу всецело отдать окончанию «Кудеярова дуба». Это самый удобный месяц: жары спадут, виноград созреет и схлынут

гости. Так что можно будет усидчиво взяться за работу, зачинив перед этим наскоро дыры, образовавшиеся в газетах при поездке.

От всей души целую обе Ваши ручки, шлю сердечный привет Землеву, Неймироку, Поремскому-младшему³ и другим, а также Вашим милейшим папе и маме⁴. Папе посылаю немного марок. Приведа в порядок свой шкаф, вышлю еще.

Искренне Ваш подпись (Б. Ширяев)

22.VIII.56

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

---

¹ Судя по предыдущему письму, Б.Н. Ширяев побывал во Франкфурте 25–26 июля 1956 г.

² Романов Евгений Романович (наст. фам. Островский; 1914–2001) — политический деятель, мемуарист. Основатель журнала «Грани». Горачек Владимир Яромирович (1916–1981) — директор издательства «Посев».

³ Александр Землев (вероятно, псевдоним) — автор ряда публикаций в журнале «Грани» в 1940–50-х гг. Неймирок Александр Николаевич (1911–1973) — журналист, активист НТС. Поремский Владимир Дмитриевич (1909–1997) — литератор, активист НТС.

⁴ Родители Натальи Тарасовой: отец — Борис Касьянович Жук (1878–1960), до эмиграции (в Германию в 1943 г.) — профессор Киевского университета, искусствовед; мать — Лидия Ильинична (урожд. Баратынская; ? — ?), преподаватель русского языка.

№ 5

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

7 сентября 1956 г., Сан-Ремо

Дорогая Наталья Борисовна!

Почему молчите? Получили ли книги «Ди-пи в Италии» и «Я — человек русский»¹, а также письмо и марки для Вашего милого папы? За марки очень боюсь — их часто воруют на почте.

Очень сожалею, что по нездоровью не смогу приехать на конгресс.

Шлю сердечный привет Вам и всему Вашему семейству, а также и друзьям-посвящам.

Искренне Ваш подпись (Б. Ширяев)

7.IX.56

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

---

¹ Книги Б.Н. Ширяева, вышедшие соответственно в 1952 и 1953 гг. в издательстве «Наша страна» (Буэнос-Айрес).

№ 6

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой
Начало ноября 1956 г., Сан-Ремо

Дорогая Наташенька!

Мне очень-очень хочется сказать Вам несколько теплых, от сердца идущих слов утешения в постигших Вас горестях, но боюсь, что не сумею, прозвучат они фальшиво, да и нужны ли они? Смогут ли они Вам в чем-нибудь помочь? Лучше всего для Вас будет смириться перед неизбежностью и принять ее как должное.

С наступлением прохлады в наших краях «дуб» мой пошел расти и дорос почти до нормального предела, осталось записать всего лишь четыре-пять глав, да и то только записать, так как в голове они уже готовы. Но вот тут-то и задержка. Запись требует времени, а мне на самых текущих днях необходимо окончить работу над книгой «Религиозные мотивы в русской поэзии»¹, за которой издатель вот-вот заедет и гонорар за которую уже получен почти полностью. Недобросовестным в сроках очень быть не люблю, и в данном случае придется погрешить перед Вами. Но думаю, почти даже уверен, что в конце месяца все-таки пришлю Вам «Дуб» полностью. По той же причине нехватки времени не могу сейчас написать статью в «Посев», чего очень хотел бы, тем более что тема уже есть. Не дразните меня, пожалуйста, тем, что я не смог побывать на очень удавшейся конференции «Посева»², мне и без того тошно от этого. Очень досадно! Утешаюсь тем, что все же принял в ней некоторое, очень отдаленное, участие: переслал номер с ценнейшими докладами моему сыну³ в Токио. Сын же мой сейчас обучается там на специальных курсах психологической войны и на основе этих докладов будет строить свои. Таким образом, глубокие мысли, высказанные на конференции во Франкфурте, найдут свой резонанс в дивизии морской пехоты США, расквартированной в Японии. Будет совсем «международно», как Вы пишете. Пожалуйста, сообщите мне имя и отчество Вашего папы. Он прислал мне очень хорошее письмо⁴, и ответ задерживается именно незнанием его отчества. Передайте ему мою большую благодарность за присланные марки и мою присылку того же в этом письме.

Последние номера «Граней» меня несколько удивляют. Все это очень хорошо — Орвелл⁵, шведские стихи в прекрасном переводе Ржевского⁶, но... где же русское? Неужели всех наших творческих работников разбил паралич? Почему молчат талантливые Свен, Юрасов, Климов⁷ и... Тарасова? Кстати, напомню Вам о Н.Е. Русском (B. Longobardo, Via Genova 43, Torino). Вводит в большие сомнения и предыдущий номер: нужны ли перепечатки Достоевского?⁸ Ведь почти все его вещи имеются в каждой эмигрантской библиотеке, да и в подавляющем большинстве советских. Кажется, даже «Бесы» стали теперь доступными для чтения. Нужны ли данные Вами перепечатки? Однако уверен, что Вы не делаете ничего без определенной цели, которую я очень хотел бы узнать⁹.

Как поживают Ваши девчушки? Вспоминаю Вас, мне все-таки очень трудно представить Вас «мамой». Поцелуйте их обоих в лобики от меня и передайте сердечный привет Вашему папе и пожелание поправить здоровье — маме.

Есть и просьба к Вам: вышлите мне, пожалуйста, один № 16 «Граней» с «Овечьей лужей»¹⁰, у меня сперли последний экземпляр. Плату за него прошу числить за мною в долг до первого гонорара, который надеюсь заработать в «Гранях» или «Посеве». Жена шлет Вам сердечный привет.

Искренно Ваш подпись (Б. Ширяев)

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, притписки и автограф — подпись.
Датируется по содержанию.

¹ Книга вышла уже посмертно, в 1960 г., в брюссельском издательстве «Жизнь с Богом».

² Конференция «Посева» прошла во Франкфурте-на-Майне 10–11 сентября 1956 г. (См.: Конференция «Посева» // Посев. 1956. 23 сентября. № 37–38. С. 3–7, 22); Конференция «Посева» — международный форум // Там же. 30 сентября. № 39. С. 6–8; Отклики мировой печати на конференцию «Посева» // Там же. С. 9.

³ Ширяев Лоллий Борисович (1937 — ?) — сын Б.Н. Ширяева.

⁴ Письмо не обнаружено.

⁵ Оруэлл Джордж (Orwell; наст. имя и фам. Эрик Артур Блэр; Eric Arthur Blair; 1903–1950) — английский писатель, публицист.

Б.Н. Ширяев говорит об окончании публикации повести «1984» Дж. Оруэлла в «Гранях» (Орвелл Дж. 1984 / пер. с англ. В. Андреева и Н. Витова // Грани. 1956. № 30. С. 3–78; № 31. С. 3–49).

⁶ Ржевский Леонид Денисович (наст. фам. Суражевский; 1905–1986) — писатель, литературовед.

Б.Н. Ширяев имеет в виду следующую публикацию: Из шведских поэтов. Б. Шёберг. Тебя впервые встретил... Густав Фрёдинг. Чортова девка. Пэр Лангерквист. Сумерки. Эдит Сёдергран. Край, которого нет / пер. Л. Ржевского // Грани. 1956. № 30. С. 81–84.

⁷ Свен Виктор Борисович (наст. фам. Кублицкий; 1897–1971) — писатель. Юрасов Владимир Иванович (наст. фам. Жабинский; псевдонимы С. Юрасов, Панин, полковник Рудольф; 1914–1996) — писатель. Климов Григорий Петрович (наст. имя и фам. Игорь Борисович Калмыков; 1918–2007) — писатель.

⁸ Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Грани. 1956. № 29. С. 5–26; Он же. Сон смешного человека: фантастический рассказ // Там же. С. 27–40; Он же. Пушкин: очерк // Там же. С. 41–52.

⁹ В редакционной заметке причинами republicации произведений Ф.М. Достоевского назывались следующие: «Все материалы подобраны таким образом, чтобы дать по возможности ответ на волнующий многих вопрос: Ф.М. Достоевский и современная Россия». В журнале были напечатаны малоизвестные произведения Достоевского, вместе с тем определявшие «духовное лицо» писателя (Ф.М. Достоевский // Грани. 1956. № 29. С. 3).

¹⁰ Ширяев Б.Н. Овечья лужа // Грани. 1952. № 16. С. 10–107.

№ 7

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

6 декабря 1956 г., Сан-Ремо

Дорогая Наталья Борисовна!

Наконец-то «Кудеяров дуб» дорос до своего предельного возраста. Быть может, немножко запоздал, но, как известно, дубы растут медленно. Одновременно с этим письмом транспортирую его под Ваш милостивый взор. Интересно, что случилось так, что эта посылка пришлась как раз на день святого Николая Чудотворца, который также является действующим лицом в романе¹. Даю Вам слово, что я в этом случае совсем не пытался подогнать строки, а так на самом деле вышло. Называю «Дуб» романом, а не повестью по критерию Овсяннико-Куликовского², который определяет роман следующими признаками: 1) несколько сквозных линий действия, 2) наличие любовного конфликта, 3) большая, чем в повести, сложность композиции. Так, например, по его мнению, «Мертвые души» только повесть, несмотря на свои размеры (хотя сам Гоголь называл их поэмой). Но дело, конечно, не в классификационной рубрике, а в том, что уложиться полностью, вместить всю тему в сто шестьдесят пишмашных страниц я далеко не смог. Внутреннее раскрытие моего героя оказалось значительно сложнее, чем я это предполагал, и если бы я скомкал его, то получилась бы или схема, или неправдоподобное чудо. Поэтому предлагаю Вашему милостивому вниманию только первую стадию роста Миши (не забудьте, ведь он колхозный парень), вторую же надеюсь развернуть в следующем, тоже романе, «Хорунжий Вакуленко», который уже настолько активно забродил в моей голове, что, кажется, я даже брошу намеченную для «Возрождения» тему «Чарусница» и, воспользовавшись тем, что сам еще живу в кругу своих героев, останусь в нем и на следующий год. Но все это еще очень неопределенно. «Чарусница» тоже тянет меня к себе. В ней я хочу раскрыть стремление юноши к романтике, сдавленное до предела нашей (не только советской!) эпохой. Кроме того, меня влечет к ней возможность мысленно погрузиться в горячо любимую мной природу русского севера, в его фольклор, сказочность и т.д. Как ни странно, но к этому особенно толкает меня вечная зелень и постоянное солнце Санремо. Безумно хочется туманчика над болотом, папоротников, пряного осеннего листа — одним словом, левитановщины. Ну, все это пока будущее, и гадать о нем не стоит. О настоящем же я думаю, что «Кудеяров дуб» представляет собой совершенно законченную тему по действенной линии Вьюги и в силу этого может быть напечатан самостоятельно. Однако в конце я ставлю некоторое обещание читателям, которое можете напечатать, если найдете нужным, а можете не печатать. Можете и добавить, что будущий роман закреплен за «Гранями»³, если хотите, конечно. А вот я очень хочу, чтобы «Кудеярову дубу» была все-таки предпослана пропущенная глава из «Овечьей лужи», текст которой у Вас, вероятно, сохранился. Она нужна для

Н.Б. Тарасова. 1957.
«Посев». 1957. 5 мая.
№ 17–18. С. 13

полного раскрытия самого Вьюги, с которым в «Кудеяровом дубе» я прощаюсь.

Ну, о дедах, кажется, все. А как Ваши личные дела? Как здоровье Вашей мамы? Папы? Ваше тоже? Моя жена ухитрилась заполучить здесь подобную Вашей болезнь и теперь лечит ее одновременно научным и простонародным способом. Научный — строжайшая диета, почти одни витамины, ни капли жира, и простонародный — примочки сушеной ромашки, которые ей очень помогают. Попробуйте и Вы также. Вреда во всяком случае не будет.

Очень хотел бы видеть Вас у нас, но теперь, насмотревшись на муки жены, даже приглашать боюсь. Ведь у нас постоянно что-нибудь цветет. Например, сейчас цветут лимоны, апельсины, розы, зацветают гвоздики и доцветают хризантемы. Цветочной пыльцы хватит, что-

бы до крови обчесаться. Но Вашему холоду я не завидую, а вот завидую предстоящему вам немецкому Рождеству. У Вас оно будет настоящим, со снежком и елочками, а у нас совсем незаметным, с утренним чаем и обедом на веранде, о снеге же можно будет только вспоминать, глядя на плантацию белых роз как раз под нами. Вероятно, в силу этого итальянцы очень слабо празднуют Рождество. Крещение у них проходит гораздо веселее и оживленнее. Очевидно, деду Морозу слишком жарко, чтобы разносить детям подарки, а фея Бефана⁴, как женщина, всегда запаздывает и появляется со своим мешком только на Крещение.

Прошу поздравить от меня Гаранина⁵ с прекраснейшим анализом современной русской молодежи⁶. Я переслал этот номер «Посева» моему сыну в Японию, и он на основе его сделал свой второй публичный (для американцев) доклад, который имел успех.

Вероятно, до Рождества я не успею написать Вам еще одного письма. Поэтому поздравляю с праздником Вас, все Ваше семейство и всех известных мне посевян, в особенности же Землева. Я с огромным удовольствием выпил бы с ним хорошую (да не одну!) стопку водки в сочельник! Но что ж поделаешь, не придется и нужно будет для этой цели прокатиться в Турин к Н.Е. Русскому. Кстати, как у Вас с ним дела? Продолжаю заверять Вас, что его жанр был бы очень нужным для «Граней», оживил бы их, а то журнал становится суховат и тяжеловат. И не считайте его подражателем Зощенко. Я бы, наоборот, повел его генеалогию от Шолохова, от деда Щукаря. В этом-то и самобытность Н.Е. Русского и прелесть его языка. Он был у меня осенью, мы провели с ним вечера, и я был буквально очарован им самим, сочетанием в нем высокой культуры со знанием подсоветских низов, их быта и языка, да и его юмором, который на словах у него даже ярче, чем в рукописи.

Обратила ли на себя Ваше внимание начавшаяся в «Нашей стране» дискуссия о «внуках Лескова»? Я думаю, что эта тема и Вас затрагивает, так как речь

в ней идет о нас самих, и был бы очень рад, если бы Вы также откликнулись на нее в «Посеве». Тогда и у меня появилась бы пригодная для дебюта в нем тема, а то дебютировать со скучноватым и тяжеловатым материалом по разделу «К осознанию истории» не хочется.

Ну, крепко Вас обнимаю, жена шлет Вам также сердечный привет, поклоны от обоих Вашим предкам и потомкам, одним словом, все, что полагается. Откликайтесь поскорее!

Искренно Ваш подпись (Б. Ширяев)

6.XII.56

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

---

¹ Перейдя в католичество, Б.Н. Ширяев стал использовать и григорианский (новый) стиль для церковных праздников, т.к. Русская православная церковь празднует день св. Николая Чудотворца 19 декабря н. ст., а не 6-го, когда было написано письмо.

² Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853–1920) — литературовед и лингвист.

³ Подобной оговорки от редакции «Граней» не последовало.

⁴ Народный итальянский персонаж, разносящий подарки детям; имя Бефана возникло по созвучию с Елифанией, Богоявлением, иначе Крещением.

⁵ Гаранин (Арбенин) Евгений Иванович (наст. фам. Синицын; ? — ?) — военный прокурор РОА, один из лидеров НТС.

⁶ «Наша молодежь в борьбе за свое будущее»: доклад Е.И. Гаранина на расширенном редакционном совещании «Посева» 15 (*sic!*) сентября 1956 г. // Посев. 1956. 28 октября. № 43. С. 7–10. Е.И. Гаранин прочел свой доклад 14 сентября 1956 г. на расширенном редакционном совещании «Посева» во Франкфурте-на-Майне (см.: «Наша молодежь в борьбе за свое будущее» // Там же. 30 сентября. № 39. С. 5).

⁷ См. статью Б.Н. Ширяева «Внуки Лескова» (*Ширяев Б.Н. Бриллианты и булыжники... С. 230–233*).

№ 8

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

7 января 1957 г., Сан-Ремо

С праздником Рождества Христова и Новым Годом, дорогая Наташенька!

Сердечно поздравляю Вас и все Ваше семейство, шлю свои лучшие пожелания и надеюсь, что Вы провели праздник не так одиноко, как мы в своем санремезском уединении.

Теперь уже больше месяца тому назад, то есть шестого декабря 1956 года, я послал Вам на адрес «Посева» «Кудеяров дуб», но до сих пор не получил от Вас никакого ответа. Меня это, конечно, беспокоит, тем более что на Ваш домашний адрес для Ваших дочек были одновременно посланы мною наши ита-

льянские фиги. Здоровы ли Вы? Не случилось ли чего-нибудь? Напишите, пожалуйста, поскорее.

Прошу Вас смотреть на «Кудеяров дуб» не как на законченное раскрытие Мишки, но лишь как на первую часть, что я был вынужден сделать (разбить тему надвое) по причинам, вам известным. Сгоряча, войдя в настроение, я стал было немедленно продолжать и начал было вторую часть (условно «Хорунжий Вакуленко»), но, не получая от Вас ответа, охладился и перешел на другую работу. Ваш ответ, конечно, подогреет меня снова.

На днях получил от г. Рар¹ очень ценное предложение приезда в Стокгольм на съезд, но, к сожалению, не смог его принять, так как доктора категорически запретили мне зимнюю поездку в холодный, туманный Стокгольм из теплого и солнечного Санремо. Очень и очень сожалею.

Шлю сердечный привет Вам, папе, дочкам и всем знакомым посеверянам.

Искренне Ваш подпись (Б. Ширяев)

7.I.57

FSO. 01-098. Kart. 2 (6/n 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

---

¹ Рар Лев Александрович (1913–1980) — публицист, член НТС. Один из организаторов конгресса «За права и свободу России» (1957). Первоначально конгресс должен был пройти в Стокгольме, в итоге прошел в Гааге.

№ 9

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

8 февраля 1957 г., Сан-Ремо

Милая моя Наташенька!

Так вот как Вы отправляете письма! Ничего, все к лучшему. Я в молодости один раз тоже отправил письмо, предназначенное для дамы сердца, — маме, а мамино — ей. Однако обе они остались очень довольны: мама необыкновенной нежностью моего тона, а дама сердца сочла благодарность за вишневое варенье очень изящной символикой сладострастия в стиле модного тогда Ф. Сологуба. И все оказалось к лучшему. Так и у нас. Пока я дожидался Вашего письма, снова пересмотрел копию «Дуба», правда неправленную, и схватился за голову: сколько там недочисток. Очень много лишних союзов «и», «а», «то» и т. д. Если в правленном, посланном Вам тексте я их не убрал, то очень прошу Вас сделать это за меня, а также подчистить встречающиеся в соседних фразах одинаковые слова. Кроме того, посылаю Вам несколько исправлений.

В каком же номере Вы думаете пустить «Дуб»? И как — весь сразу или вразбивку? Весь сразу мне было бы, конечно, много приятнее, но боюсь, что в номер он не войдет. Решив это у себя, тотчас же сообщите мне, пожалуйста,

точные сроки (сколь это возможно) выхода для того, чтобы я мог успеть по-догнать к концу «Дуба» «Хорунжего Вакуленко», так как все же будет гораздо лучше пустить оба эти романа под одним заголовком, а не разрывать на части. «Хорунжего» я уже начал и развертываю его в одном из приднепровских, в полукраинском, полубелорусском городе в густо партизанском районе. На борьбе Мишки с партизанами строю действие. Именно Мишки, так как Середа в первых же главах будет убит. Ввожу много новых лиц. Фактического материала у меня достаточно благодаря прекрасным очеркам П. Ильинского, помещенных в «Гранях»¹. Передайте ему, пожалуйста, мою глубокую благодарность и извинение в том, что пользуюсь его правдивыми материалами без его на то разрешения. Но думаю, что он протестовать не будет. Теперь просьбы о помощи к Вам:

1) В этих районах и в этот год (1943-й) Мишка неизбежно должен был встретиться с НТС-овцами. Эти встречи и их контакт нужны мне и по ходу действия. Пожалуйста, дайте мне две-три портретных характеристики наиболее ярких членов союза, бывших там в это время. Поблагодарю и за эпизоды, если найдутся интересные. Фамилии и имена не обязательны, но названия и характер той литературы, которую они распространяли в зоне оккупации, безусловно, нужны — Мишка о них выскажется, и это охарактеризует его самого.

2) Вторую просьбу Вы вряд ли сможете выполнить, но чем черт не шутит: летом 1943 года в Керчи стоял какой-то засекреченный немецкий отряд, вероятно разведывательного характера, под командой обрусевшего немца Петра Ивановича и состоявший из эмигрантской молодежи, главным образом русских из Болгарии. Безусловно, если не все они, то многие из них были членами союза. О них я упомянул пока вкратце, так как сам соприкасался с ними поверхностно и многого не знаю. Если Вам случайно удастся узнать что-либо об этом отряде, кто в нем был, что они делали и т. д., то напишите, и я их снова покажу, так как они того стоят. Ребята были боевые, решительные, действенные. Мне они тогда очень понравились.

3) Выслать мне один экземпляр номера 16 «Граней», что Вы хотели сделать, но, видимо, не успели. Разочтемся из гонорара. Спросите, кстати, господина Горачека, смогу ли я сейчас выписать со склада некоторые книги тоже в счет гонорара и даст ли он мне какую-либо скидку. С книгами у меня сейчас очень плохо, так как главный источник — Чеховское издательство — иссяк². Если у Вас есть возможность высылать мне для прочтения какие-либо новые интересные, вышедшие в СССР книги, то буду Вам бесконечно благодарен и за возврат их ручаюсь. Журналов не надо.

Теперь о «Кудеярове дубе». Вы правы, что, «красавец» и Мирочка трафаретны и несколько не дорисованы. Но дело вот в чем: обрисовывать точнее «красавца» я боялся, так как не знаю этой среды, а Мирочку не дорисовал умышленно, так как буду растушевывать ее в следующей части в качестве альтер эго³ Мишки: она заживет его жизнью и будет расти его соками. Не сер-

дитесь и не обижайтесь, но, по-моему, таков жребий каждой действительной стопроцентной женщины. Я ведь старорежимный человек в женском вопросе, и от всех видов женотдела у меня начинается расстройство желудка. Зато чем Вы меня очень обрадовали, это похвалой правдивости Брянцева и Мишки. Открою Вам большой секрет, и на самом деле держите его в тайне: для них обоих я разорвал пополам самого себя, раздвоился. То же, что сделал Толстой при создании Пьера и Николая Ростова. В Брянцеве — груз прошлого, часто тяготящий меня самого, а в Мишке — отблески молодости и «неизжитые возможности», которые в каком-то виде сохранились до настоящего времени. Пошел-Вон — сборный, причем его агрегаты нахватааны отовсюду, вплоть до Свидригайлова, но большинство взято от советских людей. Таких, хоть и не столь густо насыщенных, очень много. Это те, которым «все равно». Ржевский тоже заметил их, но пошел к ним с другой стороны, через бунинские «Темные аллеи», и, на мой взгляд, в них уже заблудился. Вообще, преклонение перед облезлыми кумирами «серебряного века» много портит творческому развитию Ржевского. Елена Зерцалова списана портретно с некоей особы, находящейся сейчас в Канаде, и приведенные стихи подлинно ее авторства. Вероятно, придется заменить их, а то обидится. Шершуков — тоже портрет Тершукова, бывшего коммуниста, директора нашей типографии при немцах, геройски погибшего в борьбе против советов в Румынии. Котов благополучно здравствует в Аргентине и сотрудничает в «Нашей стране» за подписью Михаил Бойков⁴. Но за его портретность не боюсь. Он не обидится, а будет очень доволен. Вольский (Польский) погиб при репатриации, предварительно сойдя с ума, а вышедшая за него замуж Женька утопилась⁵. Это будет один из эпизодов текущего романа. Закончится же он совершенно неожиданно: уже после Лиенца Пошел-Вон переродится, преобразится изнутри и ему станет «не все равно», в силу чего он пойдет на подвиг. В этом акте его преображения мне хочется выразить некий символ. Вот Вам вкратце мои наброски. Старайтесь поскорее пропустить «Дуб», это подтолкнет меня к работе, а то я начинаю сильно лениться, должно быть, юг действует.

Очень хорошо, что Аленушка занялась марками. Мой сын в свое время обучился по ним географии и отчасти истории. Кроме того, безусловно, развил зрительную память и стремление к систематизации, к порядку. Все это очень полезно. С удовольствием буду теперь посылать это барахло и дедушке, и внучке. У меня его достаточно.

Напоследок подражаю Вас, конечно: у нас сейчас повсюду цветут мимозы, миндали и персики. Моя комната полна свежих цветов из своего сада. Сегодня съели последние свежие помидоры со своего огорода, прямо с веток. Благодарить? Не правда ли? Шлю сердечный привет Землеву, всем посевающим и Вашим семейным. Вместе о женой обнимаем Вас, родная!

Искренно Ваш подпись (Б. Ширяев)

8.II.57

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

¹ Ильинский П. Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии: (Жизнь Полоцкого округа 1941–1944 г.) // Грани. 1956. № 30. С. 85–122; № 31. С. 94–127.

² «Издательство имени Чехова» — русскоязычное издательство, созданное на средства Восточноевропейского фонда. Издательство функционировало в 1951–1956 гг., после чего прекратило публикационную деятельность, книжные склады и долговые обязательства были переданы УМСА. В «Издательстве имени Чехова» Б.Н. Ширяевым была опубликована книга «Неугасимая лампада» (1954).

³ Alter ego (лат. другой я) — реальная / придуманная альтернативная личность человека / персонажа.

⁴ Бойков Михаил Матвеевич (1911–1961) — журналист и писатель.

⁵ Супруги Польские, родом из Ставрополя, Леонид Николаевич (1907–1994), до войны — профессиональный журналист в Ленинграде, и Евгения Борисовна (урожд. Меркулова; 1910–1997), весной 1945 г. бывшие вместе с Б.Н. Ширяевым в Казачьем Стане в Северной Италии, при насильственной репатриации не погибли. По отбытии заключения они жили в Пятигорске, где Е.Б. Польская наряду с текстами краеведческого и исторического характера написала воспоминания «Это мы, Господи, пред Тобой...», опубликованные посмертно (Невинномысск, 1998).

№ 10

Б.Н. Ширяев и Н.И. Ширяева — Н.Б. Тарасовой

7 июня 1957 г., Сан-Ремо

Дорогая Наташенька!

Спасибо Вам разом за все: и обстоятельные ответы на большинство моих вопросов, и за хлопоты по сбору необходимых для меня сведений, и за желание по части покупки необходимых мне книг, и за ...¹ а главное, за само теплое, хорошее, дружеское письмо, от которого на меня повеяло родным и близким.

В части вопросов ставлю один дополнительный, а именно: когда Вы рассчитываете выпустить двойной номер «Граней» с «Дубом»?² В каком месяце? Я понимаю, конечно, что твердо наметить этот срок невозможно. Двойной номер — не шутка. К тому же, несомненно, дадут себя знать какие-нибудь «объективные условия» с бумагой, типографией и пр. Но все-таки, как Вы думаете, в августе выйдет? Рассчитываете ли Вы пустить в двойном номере весь роман или только половину?

Список книг, которые я хотел бы приобрести, прилагаю отдельно. Хорошо, если бы удался кредит.

С большим интересом читал отчет о конгрессе³. Дельно, умно, хорошо провели, но жаль, что в отчете Ваш доклад дан только в общих чертах, вернее даже в выдержках⁴. А портрет удачен⁵. Я его сохраняю за неимением фото, хотя он мне создал целую семейную драму: жена, увидев, что Вы такая моло-

денькая и хорошенькая, возревновала меня задним числом не то к Вам, не то к Вашей кофточке, которая ей тоже очень понравилась. Дал о конгрессе отчет в «Россия и Вселенская церковь» (Брюссель), единственный (кроме «Граней») журнал, в котором я продолжаю сотрудничать. Вообще же, от газетной политической публицистики решил полностью отойти. Времени и внутренней энергии на нее не хватает при углублении в беллетристику. Нужно выбрать что-нибудь одно. Так что же? От беллетристики, плохо ли, хорошо ли я пишу, все-таки что-то да останется в силу уж одного того, что пишу я о чрезвычайно интересной эпохе, о которой написано и будет написано правды очень мало. Следовательно, хоть чем-то вроде Нарезного или Болотова⁶ в русскую литературу я войду, а в политической публицистике российского зарубежья, по существу, одно водотолчение да пережевывание вконец изжеванного. О «Посеве» не говорю. Он единственный, кто смотрит в будущее, а остальные, особенно крайние (социалисты и монархисты), окончательно увязли в прошлом. Скучно, нудно. Переломить, переключить эту устремленность все равно мне не удастся, так зачем же зря расходовать. Но в «Посев» я обязательно буду писать, как только выплыву на чистую воду с «Мишкой». Пока он у меня еще крутится в каких-то омутках, недалеко от берега, а вот выведу на стрежень, тогда свободней буду. Но опять приходится просить у Вас помощи и в этой плоскости. Дело в том, что я готовлю для отдела «К осознанию истории» одну или две статьи на общую тему «Византия и Русь», может быть даже и три. Недавно же я прочел, что Н. Ульянов⁷ в «Новом журнале»⁸ № 45 дал очень интересную статью «Комплекс Филофея»⁹ на ту же тему. Очень, очень хотел бы ее прочесть, но «Нового журнала» я не получаю, поэтому, если сможете достать мне этот номер, то, пожалуйста, пришлите, и через десять дней я его Вам возвращу. Еще один транспортный вопрос, требующий срочного ответа. У нас в Лигурии изготавливают летние соломенные шляпы фасона, выдержавшего трехтысячелетний стаж. Они очень забавные и необычайно подходят к современным модным прическам с конским хвостом, кстати сказать, бывшими модными также у галлов, с которыми лигурийцы были ближайшими соседями. Так вот, сильно ли свирепствует у Вас таможня? Мне очень хочется послать Вашим девочкам такие шляпы, но боюсь подвести Вас под большую пошлину. Шляпы стоят гроши, а Вам за них придется изрядно платить. У меня получилась такая история с электрическим граммофоном, который прислал сын из Америки: граммофон в дороге изломали, а заплатить в таможню пришлось изрядную сумму. Не хочу втравливать Вас в такую же невыгодную сделку, поэтому спрашиваю предварительно. Девочек же все равно поцелуйте. Рррреволюционного номера «Граней» еще не получал, но с нетерпением жду его¹⁰. Посылаю немножко марок дедушке и внучке совместно. Пускай сами разбираются, только не дерутся.

У нас в Санремо скоро начинается купальный сезон, а вместе с ним у нас лично сезон гостей. Ждем со всего света, включая сюда даже Южную Африку. Как хотелось бы, чтобы Вы были среди них. Может быть, надумаете?

Сердечно обнимаю все Ваше семейство, а Вас крепко целую. Это возможно, так как жена весь запас ревности уже израсходовала.

Искренне Ваш подпись (Б. Ширяев)

7.VI.57

И все-то он врет! Я только восхитилась тем, что Вы такая хорошенькая, и удивилась, что вот «бывает же дуракам счастье», — некоторым мужьям улыбки таких прелестных женщин! А кофточка замечательная! И еще лучше пасхальный рассказ, который я прочла только на днях. Глубок, верен и без эмигрантского слюнтяйства.

С самым искренним приветом подпись (Н. Ширяева)

Грани № 16 получил. Спасибо!

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подписи — автограф.

---

¹ Многозначительный пропуск в письме; возможно, имеется в виду полученный Б.Н. Ширяевым гонорар.

² Двойной номер «Граней» с «Кудеяровым дубом» не вышел.

³ Конгресс за права и свободу России прошел в Гааге 25–27 апреля 1957 г. (см.: Конгресс за права и свободу России // Грани. 1957. № 33. С. 3–4; Резолюция Конгресса за права и свободу России // Там же. С. 5–9; Конгресс за права и свободу России // Посев. 1957. 5 мая. № 17–18. С. 5–16).

⁴ На заседании секции конгресса по вопросам воспитания, культуры и духовной жизни 26 апреля 1957 г. Н.Б. Тарасова выступила с докладом «Духовная и культурная жизнь современной России». Тезисы доклада были приведены в хронике конгресса (см.: В секции по вопросам воспитания, культуры и духовной жизни / Конгресс за права и свободу России // Посев. 1957. 5 мая. № 17–18. С. 13). Полный текст доклада был опубликован в «Гранях» (Тарасова Н.Б. Культурная и духовная жизнь современной России // Грани. 1957. № 33. С. 10–41).

⁵ Фотографию Н.Б. Тарасовой см.: Конгресс за права и свободу России // Посев. 1957. 5 мая. № 17–18. С. 13.

⁶ Нарезный Василий Трофимович (1780–1825) — писатель. Автор первого бытового русского романа. Болотов Андрей Тимофеевич (1738–1833) — писатель-моралист.

⁷ Ульянов Николай Иванович (псевд. Шварц-Омонский; 1904–1985) — писатель, публицист.

⁸ «Новый журнал» — ежеквартальный общественно-литературный журнал, выходящий в Нью-Йорке с 1942 г.

⁹ Ульянов Н.И. Комплекс Филофея // НЖ. 1956. № 45. С. 249–273.

¹⁰ Б.Н. Ширяев имеет в виду № 36 журнала «Грани» (1957), вышедший в 40-летие Октябрьской революции и содержащий статьи, так или иначе посвященные революции (Завалишин В. Александр Блок и русская революция // Грани. 1957. № 36. С. 163–184; Рутыч Н. Россия и революция в 1917 году // Там же. С. 194–200; Светов А. Коммунизм и мир // Там же. С. 201–210).

№ 11

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

8 июля 1957 г., Сан-Ремо

Выслано приглаш[ение] на немец[ком] языке и подтверждение оплаты проезда и отеля. М[ихаил] Балмашов¹ 22.7.57²

Дорогая Наташенька!

Я получил от г. Горачека приглашение на конференцию «Посева» и, конечно, с большим удовольствием приеду³. Очень хорошо и то, что это приглашение получено мною заранее, следовательно, я смогу подготовить документы и не повторится печального случая с поездкой на конгресс, сорвавшейся исключительно из-за краткости срока. Но я в отдельном письме прошу г. Горачека помочь мне в оплате проезда, так как за свой счет приехать не смогу. Прошу и Вас подтолкнуть это дело со своей стороны и известить меня о принципиальном разрешении вопроса, чтобы я смог тотчас же начать паспортные хлопоты, которые довольно сложны. Дело в том, что я живу по статусу беженцев и итальянского паспорта у меня нет, а заграничные (из Италии) поездки беженцев довольно затруднительны: паспорта им (т.е. мне в данном случае) выдает только Министерство иностранных дел в Риме, туда же мое заявление должно путешествовать по всем соответствующим инстанциям квестуры⁴ и прочих бюрократических пунктов. Волокита занимает приблизительно около месяца, и ускорить ее невозможно. Далее, с готовым паспортом придется проехать в Милан, так как беженцам визы ставят только миланские консулаты иностранных держав. Но это уже несложно. До Милана у меня только четыре часа езды, там много друзей и есть у кого остановиться на нужные пару дней. Однако попрошу Вас со своей стороны навести справку, если возможно, выдает ли Австрия сейчас сквозные визы беженцам. Месяц тому назад выдача их была прекращена в связи с притоком беженцев из Венгрии⁵. Я, конечно, тоже буду наводить об этом справки. Но если этот путь закрыт, то придется ехать к Вам через Францию или Швейцарию. Однако это уже детали, разрешить которые будет легко. Прошу также прислать мне какое-нибудь официальное приглашение на немецком языке для германского консулата, причем желательно цель посещения Франкфурта не политического, но культурного характера. Думаю, что у Вас все эти детали знают лучше, чем знаю их я, так как всякого рода канцелярские дела для меня темный лес.

Буду очень-очень рад приезду к Вам, предстоящим встречам лично с Вами, с другими посевлянами и с приезжими. Должен сознаться, что в моем санремезском одиночестве я начинаю закисать, а тут еще жара в 35 градусов, от которой мозги превращаются в простоквашу. Из-за этой проклятой жары работа над Мишкой стала, т. е. в голове сидит пять-восемь совершенно готовых уже глав, а перенести их на бумагу не могу.

Конгресс в Гааге косвенно отразился на мне лично: я решительно разошелся в оценке его с редакцией «Нашей страны», да и вообще со всем правым крылом. Таким образом, ни в какой мере не изменяя своих политических убеждений, я не считаю для себя возможным участвовать далее в тех изданиях, в которых работал, главным образом в «Нашей стране», и отказался от представительства НМД⁶ на Италию. Какая колоссальная глупость — бойкот и охаивание конгресса, первого действительно делового и многообещающего объединения эмиграции. И как глупо мотивированы все эти выпады. Мне просто стыдно делается, что самой умной из оппонентов конгрессу оказалась выжившая из ума старуха Кускова⁷. Ее возражения все-таки как-то обоснованы, а у Войцеховского⁸ просто базарная сплетня. От него я ожидал большего. От Белосельского⁹ же ничего путного, конечно, ждать было нельзя. Он теперь настолько застрял в компании Юрьева¹⁰ и пр., что утратил способность к примитивной ориентировке.

Вот и стою я сейчас на распутье. Работы, правда, хватает: беллетристика, редактирование брюссельского католического бюллетеня и участие в журнале «Россия и Вселенская церковь», но привычка к публицистике все-таки сказывается в данный момент особенно остро, потому что события на родине чрезвычайно интересны, что сознают даже наши итальянские журналисты, впервые заговорившие теперь о нарастании революционных настроений в русском народе, чего раньше они себе не позволяли.

«Дети» Федоровой¹¹, судя по напечатанному, гораздо слабее ее «Семьи». «Семья» была все же русская, а «Дети» — полностью эмигрантские. В номере чувствуется отсутствие современной зарубежной беллетристики. Неужели к Вам не поступает чего-либо интересного? Почему молчат Свен, Ржевский, Тарасова, Климов, Юрасов, Андреев?¹² Неужели силы новой эмиграции уже иссякли? Не хочу и не могу этому верить.

Кстати, напишите мне, пожалуйста (в связи со статьей Войцеховского), было ли действительно предположено приглашение на конгресс подсоветских интеллектуалов? Я ни в какой мере не осуждал бы принципиально такого рода приглашение, наоборот, их приезд был бы очень полезен для дела, но ведь считать такой приезд возможным более чем наивность. Даже и приглашения до них, конечно, не дошли бы. Напишите.

Выяснилось ли что-нибудь с возможностью купить книги в кредит?

К нам начался уже приезд ежегодных гостей. Сегодня прибывают Яконовские¹³, ждем и еще кой-кого. Как жаль, что среди них не будет Вас. Но если кто-нибудь из посевлян соберется в отпуск в Италию, то передайте ему, пожалуйста, мое приглашение. Всех буду рад видеть у себя. Передайте мою благодарность за прекрасные марки дорогому Борису Касьяновичу и девочек поцелуйте, а заодно подставьте и свою щечку.

Искренно Ваш подпись (Б. Ширяев)

8.VII.57

Только что узнал о новой опасности репатриации, нависшей над русскими в Германии. Если Вам придется туго, Наташенька, то помните, что в Италии Вам найдется приют.

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

¹ Балмашов Михаил (? — ?) — артист. Деятель НТС.

² Надпись рукой Н.Б. Тарасовой.

³ Б.Н. Ширияев не принял участия в конференции «Посева», прошедшей во Франкфурте-на-Майне 13–15 сентября 1957 г. (см.: IX политическая конференция «Посева» // Посев. 1957. 29 сентября. № 38–39. С. 3–22).

⁴ Квестура (лат. *quaestura*) — местное полицейское управление в Италии.

⁵ Венгерские беженцы появились в Италии и других европейских странах после подавления 9 ноября 1956 г. восстания в Будапеште.

⁶ Народно-монархическое движение — политическое движение, созданное в Аргентине в 1950 г. Доктринальные основы движения были изложены И.Л. Солоневичем в работе «Народная монархия». Газета «Наша страна» стала органом движения.

⁷ Кускова Екатерина Дмитриевна (Кускова-Прокопович; урожд. Есипова, по первому мужу Ювеналиева; 1869–1958) — публицист, политический и общественный деятель, мемуаристка.

⁸ Войцеховский Сергей Львович (1900–1984) — политический и общественный деятель, публицист, поэт.

⁹ Белосельский-Белозерский Сергей Сергеевич (1895–1978), князь — общественный и политический деятель.

¹⁰ Юрьев Сергей (? — ?) — генеральный секретарь Представительства российских эмигрантов в Америке. С.С. Белосельский-Белозерский был председателем Представительства.

¹¹ Нина Федорова (наст. имя и фам. Антонина Ивановна Рязановская, урожд. Подгорина; 1895–1985) — педагог, писательница.

Б.Н. Ширияев имеет в виду публикацию романа Н. Федоровой в «Гранях» (Федорова Н. Дети // Грани. 1956. № 32. С. 127–170; 1957. № 33. С. 87–138; № 34–35. С. 14–134).

¹² Андреев Геннадий Андреевич (наст. фам. Хомяков; использовал также псевдоним Н. Отрадин; 1906–1984) — писатель.

¹³ Яконовский Евгений Михайлович (1903–1974) — прозаик, мемуарист. Яконовские жили во Франции.

№ 12

Б.Н. Ширияев и Н.И. Ширияева — Н.Б. Тарасовой
14 августа 1957 г., Сан-Ремо

Дорогая Наташенька!

Спасибо за обширное и обстоятельное письмо, но от моего ответа обстоятельности не ждите: дикая жара последних недель привела мои мозги к цепной реакции распада всех атомов. Взрыва, правда, нет, но и толку от них

тоже никакого нет. С Вашим делением «Кудеярова дуба» вполне согласен¹. Так и надо. Рад и срокам выпуска, если удастся их соблюсти. Думал, что будет хуже, так как Вам приходится ликвидировать прорыв. Относительно книг условимся так: прошу Вас выслать дешевое советское издание «Войны и мира» (стоит на Вашем складе, кажется, четыре марки) и принять мою подписку на тоже советское издание полного Лескова по полтора доллара за том. Вышло, насколько я знаю, пока два тома. Эти книги прошу мне выслать возможно скорее, а относительно других поговорим во Франкфурте, когда ознакомлюсь с наличием Вашего склада и возможностью выписки. Теперь же о самом главном — о моем приезде на конференцию друзей «Посева». Приглашение на нее и гарантию оплаты проезда я получил и прошу Вас передать г-ну Балмашову прилагаемое письмо, дав дополнительные пояснения на словах. Они состоят вот в чем: стоимость билета Санremo — Франкфурт в один конец около 18 тысяч лир, то есть 125–130 нем[ецких] марок (курс их размена колеблется). Эту сумму я прошу выслать мне так, чтобы я смог ее получить не позже 3-го — 4-го сентября, потому что визы нам, живущим по статуту ди-пи, ставят только в Милане, куда мне придется ехать за два дня до нормального срока отъезда. Консулаты там работают только до 12 и больше одной визы в день получить не удастся, а ведь нужна еще транзитка через Австрию или Швейцарию. С моими личными документами все обстоит благополучно. Следовательно, получив проездные вовремя, я смогу попасть во Франкфурт 12-го к вечеру, даже если придется переночевать одну ночь в Мюнхене, что вполне возможно. Ведь я хочу приехать к Вам свежим, как поцелуй младенца, а пробыв полтора дня в вагоне в такую жару, я буду сварен в собственном соку или попросту приведен в состояние полной негодности. Но надеюсь, что сила желания донесет меня к Вам на крыльях, хотя сейчас жара сильно опалила эти крылья не только у меня, но и у растений и даже у нашего бедного кота, который настолько похудел, что стал похожим на Дон-Кихота посла боя с мельницами.

Ну, кажется, все главное сказано. Можно переходить к «разному». Мой отказ от политической публицистики и связанный с ним выход из числа постоянных сотрудников «Нашей страны» оказался вполне своевременным. Прилагая Вам копию одного из открытых писем ко мне², которое вполне объяснит Вам эту своевременность, Вас же и всех солидаристов поздравляю с заключением союзного пакта с Папой Римским. Подробные сведения в том же письме. Самое же замечательное в этом письме то, что писал его очень-очень хороший человек, но — увы! — старый эмигрант с соответствующим стажу эмиграции засорением мозгов.

В Мюнхене ли еще Ржевский? Я давно не имею от него писем, но теперь напишу ему, так как хочу побывать в редакции «Освобождения» и познакомиться там со Свенон. Ведь он вряд ли сможет приехать на конференцию. Очень жаль, что ему не удаются повести, но я вполне понимаю это: повесть требует обязательной фабульности и динамики, а у него главное тональность и колорит, чем он и берет. Но для повести этого мало. Моя работа с Мишкой приостановилась, надеюсь, что временно, из-за той же жары. Собственно говоря,

даже не приостановилась в голове, но только на бумаге. Утром, до семи часов, пока я в постели распиваю кофе, у меня рисуются все новые и новые картины Мишки. Кажется, даже очень хорошо получается, а потом наступает жара, и я бываю буквально не в силах их записать. Конечно, половину перезабуду. Очень жаль. Ну, обо всем этом поговорим, надеюсь, во Франкфурте, хотя там времени будет мало. Ожидаю интересных встреч.

Целую девочек, папе жму руку и благодарю за марки.

Напомните г-ну Балмашову сообщить мне название отеля и номера трамваев к нему от вокзала. Надеюсь получить от Вас до отъезда еще письмо.

Крепко обнимаю.

Ваш подпись (Б. Ширяев)

14.VIII.57

Забыл написать об Яконовском. «Кафе Аполло» было действительно напечатано в газете «Русское воскресение»³, выходившей в Париже. Когда в этом году Яконовский был у меня, я дружески пожурил его за дублирование⁴, но он мне сказал, что редакция «Граней» была о том осведомлена и согласна, чему я, однако, не поверил. Вообще же, мой совет Вам: на честность старой эмиграции, особенно парижской, не полагаться. Б.Ш.

Шлю Вам самый сердечный и искренний привет. Ваши письма читаю всегда с огромным удовольствием. Чувствуешь что-то живое. Н.Ш.

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

---

¹ Повесть Б.Н. Ширяева «Кудеяров дуб» была опубликована в двух номерах «Граней» (Ширяев Б.Н. Кудеяров дуб: повесть // Грани. 1957. № 36. С. 56–131; 1958. № 37. С. 3–114).

² Б.Н. Ширяев выслал Н.Б. Тарасовой открытое письмо монархиста Ф.И. Ткачева от 30 июля 1957 г. В письме Ткачев ставил вопрос о пропаганде католицизма и солидаризма Ширяевым, что дискредитировало Народно-монархическое движение (FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04)).

³ «Русское воскресение» — еженедельная общественно-политическая газета правого направления, выходившая в Париже в 1955–1961 гг.

⁴ Яконовский Е.М. Кафе «Аполло» // Грани. 1956. № 31. С. 78–85.

№ 13

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой
19 августа 1957 г., Сан-Ремо

Милая и дорогая Наташенька!

Тороплюсь срочно же ответить на Ваше письмо. С Ариадной Евгеньевой¹ плохо. Все комнаты отелей, пансионов и пр. в Санремо и окрестностях уже заняты до конца октября, о чем публикует наше муниципиио². Приезжающие

туристы ночуют на барках рыбаков, и отдохнуть у нас Ариадне Евгеньевне не придется. У себя ее принять также не могу, так как завтра, 20-го, жду к себе чету Андреевых-Хомяковых³, а кроме того у меня уже гостит мой старый друг полковник, сотоварищ по двум войнам. Вероятно, даже Нине Ивановне придется выселяться временно в летнюю кухню.

Этот наплыв гостей, конечно, сильно помешает мне, хорошей, глубокой работе над рецензированием «Граней», но так как я обычно работаю в утренние часы, когда все еще спят, то надеюсь все же выполнить задание и послать Вам манускрипт 25–26 августа авионом⁴. Однако на две полосы не рассчитывайте. По времени не успею, да и не люблю быть многословным.

Крепко Вас обнимаю и целую. Жму руку Андрею Васильевичу⁵. Поцеловал бы и его, да вкуса в этом мало.

Искренне Ваш подпись (Б. Ширяев)

19.VIII.57

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

---

¹ Ширинкина Ариадна Евгеньевна (1917–1990) — сотрудница НТС.

² Муниципио (*итал.* municipio) — муниципалитет.

³ Андреевы-Хомяковы — писатель Г.А. Андреев (см. примеч. 12 к письму 11) и его супруга Элли Оскаровна (урожд. Филипп; Philipp; 1908–1992).

⁴ Авион — почтовое отправление самолетом (от. *фр.* par avion).

⁵ Светланин Андрей Васильевич (наст. имя и фам. Николай Никитич Лихачев; 1905–1965) — ответственный секретарь журнала «Посев» (с 1955).

№ 14

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

21 августа 1957 г., Сан-Ремо

Дорогая Наташенька!

Я в панике. Волна гостей окончательно меня захлестнула, и я не смогу выполнить задание по рецензированию «Граней». Писать о «Гранях» халтурно, а тем более дебютировать в «Посеве» с халтурой не могу и не хочу. Тысячи извинений, привет всем.

Искренне Ваш подпись (Б. Ширяев)

21.VIII.57

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

№ 15

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

2 сентября 1957 г., Сан-Ремо

Дорогая Наташенька!

Посылаю Вам еще раз возвращенное мне по непонятным причинам письмо и подтверждаю то, что я физически не мог написать в это время рецензий, о чем честно предупредил. Попросите Андрея Васильевича поскорее выслать денег на проезд, чтобы я смог задержаться на пару дней в Мюнхене и приехать к Вам одиннадцатого — людей повидать. Для этого я должен выехать из дому восьмого сентября, так как получение визы в Милане займет еще пару дней. За один день обе визы сделать не успею, так как австрийское консульство очень далеко от германского, а работают они лишь по три часа в день.

Сердечно Вас обнимаю. Б. Ш. подпись

2.IX.57

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

№ 16

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

11 сентября 1957 г., Сан-Ремо

11 сентября 1957 г.

Дорогая Наташенька!

Сегодня 11 сентября, а деньги на проезд от «Посева» еще не пришли и, следовательно, нет уже никакой надежды для меня попасть на конференцию. Как это получилось?

Не могу Вам сказать, до чего мне это досадно. Ведь я выправил все дорожные документы, подготовился распределением работы, и вдруг сорвалось. Очень, очень сожалею. Прошу передать конференции мое сердечное пожелание успешной и плодотворной работы.

Вас крепко обнимаю, семейству привет.

Ваш подпись (Б. Ширяев)

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, подпись — автограф.

№ 17

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

28 сентября 1957 г., Сан-Ремо

Дорогая Наташенька!

Деньги на проезд к Вам, вернее банковое извещение о них, я получил 14-го, в субботу, когда банки были уже закрыты, и сами деньги смог получить лишь в понедельник 16 сентября. Ехать, конечно, не было уже никакого смысла. Вашу призывную телеграмму получил 17-го. Теперь возникает вопрос: что делать с деньгами? Есть три варианта: 1) вернуть их Вам через банк, 2) оставить у себя в счет гонорара за «Кудеяров дуб», что, конечно, было бы мне приятнее, и, наконец, 3) самый приятный для меня: приехать на них к Вам во Франкфурт на пару дней. Мне очень, очень хотелось бы повидать всех Вас, посебян, поближе с Вами познакомиться и войти в курс тематики и требований газеты и журнала. Влиться полностью в работу в Ваших изданиях я надеюсь с начала ноября, поэтому такую встречу считал бы очень-очень полезной и приятной. Если это можно устроить, то есть если издательство примет на себя расходы на билеты (ту сумму, которую израсходовало бы на мой приезд на конференцию), то в начале ноября я был бы у Вас. Раньше это сделать не удастся, так как 5 октября я уезжаю в Рим на всемирный съезд мирян-католиков, где буду возглавлять русскую делегацию, а потом займусь дней десять в Ватиканской библиотеке¹, куда мне выхлопотали доступ, что вообще очень трудно. Хотел бы побольше написать Вам, но за это время накопилось очень много работы, так как последние десять дней у меня все время гости, то из Японии, то из Америки, то из Африки (Кении). Теперь же жду сестру из Парижа. Поэтому наскоро Вас целую и шлю привет всем друзьям.

Искренне Ваш подпись (Б. Ширяев)

28.IX.57

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

---

¹ Ватиканская апостольская библиотека — библиотека в Ватикане, созданная в 1475 г. Крупное собрание рукописей, печатных книг, гравюр и карт.

№ 18

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

12 ноября 1957 г., Сан-Ремо

Дорогая моя Наташенька!

Сегодня получил от Вас прекрасное письмо и каюсь, что не ответил даже и на предыдущее. От радости смог даже сделать три кругосветных путешествия по комнате на собственных ногах. Вас удивляет этого рода мое мореплавание?

Б.Н. Ширяев. 1955.
«Русское воскресение».
1955. 24 ноября.
№ 23. С. 3

Дело в том, что я уже больше месяца лежу в постели. Поехал в Рим на международный съезд католической акции, да и получил там азиатский грипп, привезенный непосредственно из Японии, что сделало его, вероятно, особо злым и упорным. В тот же вечер я почувствовал себя плохо, а на следующий день, бросив съезд, укатил в Санремо, куда прибыл уже в забытии, но все же смог вылезти из вагона и взять такси до конечного пункта к моей горке. Дальше же пришлось вызывать скорую помощь и нести меня на носилках. Первая неделя протекала очень тяжело, почти все время в забытии, потом стало лучше, но одолевает слабость, которая, вероятно, продлится несколько недель. Так, по крайней мере, говорят уже перенесшие эту отвратительную болезнь. Теперь жары уже нет, и надеюсь, что вскоре начну ползать и по земле, и по бумаге.

Относительно рецензии на «Грани» должен Вас полностью разочаровать. Во-первых, я сейчас ее не в силах сделать, так как рецензия на журнал (около 50 авторов), да еще на целых три номера, — сложное дело, а во-вторых, у меня и душа к ней не лежит. Ведь я могу писать только честно и откровенно, а не все авторы-беллетристы «Граней» пользуются моими литературными симпатиями. К чему же создавать себе недоброжелателей в журнале, в котором я хочу и дальше работать. Поэтому предлагаю Вам для «Граней» или для «Посева» взамен рецензии на прекрасную новую книгу стихов Кленовского¹ и на «Кресты и перекрестки» Филиппова². Обе эти книги очень-очень хороши. Если Вы согласны, то известите тотчас же, пока впечатление от этих присланных мне книг свежо и ярко. Статья для «Посева» по отделу «К осознанию истории» задерживается Вами, а не мной: Вы до сих пор не выслали мне обещанного номера «Нового журнала» со статьей о русско-византийских отношениях, а вместе с тем я избрал себе именно эту тему, то есть утверждение самобытности нашей национальной русской культуры, а не ее преэминентности от идейно чужеродных нам византийцев. Мои материалы собраны, жду только «Нового журнала». Отсрочка печатания «Кудеярова дуба» меня, конечно, очень огорчила, и не только огорчила, но ударила экономически. Я рассчитывал получить хотя бы часть гонорара в декабре для уплаты накопившихся за год должков. Теперь придется срочно прибегать к другим источникам, то есть попросту подхалтуривать в газетках, которые печатают и платят быстро. Думается мне, что Евгений Романович делает большую ошибку, ставя столь жесткие условия (полное окончание пьесы) авторам-беллетристам. Что ставит последних в чрезвычайно тяжелые условия, в силу чего лишает материала и сами «Грани». Подтолкните его к пересмотру своего драконова закона. Сам я сейчас вынужден бросить уже начатое продолжение

«Дуба», хотя восемь глав готовы на бумаге, да еще десяток в голове. Но что ж поделаешь? Надо зарабатывать на жизнь. Спасибо за присылку гранок. Проведу корректуру, конечно «по-божески», так как к дьявольской правке с большими переделками или вставками я сам сейчас неспособен по недостатку сил. В дальнейшее будущее пока не заглядываю, так как мои горизонты в силу болезни сейчас очень ограничены.

Шлю сердечный привет дорогому Андрею Васильевичу и всем посвящая нам, Вашему папе, дочкам и обнимаю Вас совсем некрепко по той же причине — сил нет.

Искренно Ваш подпись (Б. Ширяев)

12.XI.57

Только что прочел объявление о «Гранях» № 34–35 в «Посеве» и спешу выразить Вам свою радость, что «Кудеяров дуб» не попал в этот номер, посвященный кривляке и пакостнику, позору русской литературы Алексею Ремизову³. Ай-ай-ай! Нельзя же так слепо и безропотно идти на поводу у рамолических⁴ снобов времен «Золотого руна», «Весов»⁵ и прочих псевдоэстетских вывертов. Простите меня, дорогая Наташенька, но это недостойно Вас, жившей в подсоветской России, к тому же революционной. Стыдно в наши-то дни заниматься обезьяньими хвостами! Не сердитесь за руготню.

Если хотите иметь рецензию на книгу Хохлова, в «Русском воскресении», брюссельских католических журналах — наверное, а возможно, и в «Знамени России»⁶, куда я сумею «подать» ее, то возможно скорее присылайте мне эту книгу, напечатанные выдержки из которой говорят о ее высокой ценности.

Как обстоят дела с выпиской для меня советского издания «Войны и мира» и собрания сочинений Лескова? Если согласны, то поторопите, пожалуйста, их выслать, я очень нуждаюсь сейчас в книгах.

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

¹ Кленовский Дмитрий Иосифович (наст. фам. Крачковский; 1893–1976) — поэт, журналист.

Речь идет о книге: Кленовский Д.И. Неуловимый спутник: четвертая книга стихов. Б.м., 1956.

² Филиппов Борис Андреевич (наст. фам. Филистинский; 1905–1991) — поэт, писатель, издатель.

Речь идет о книге: Филиппов Б.А. Кресты и перекрестки: рассказы и очерки. Washington, 1957.

³ Находится в печати журнал Грани № 34–35 // Посев. 1957. 3 ноября. № 44. С. 12.

№ 34–35 журнала «Грани» был посвящен А.М. Ремизову, по словам редакции, одному «из самых талантливых и самобытных писателей современной российской литературы» (Алексей Ремизов // Грани. 1957. № 34–35. С. 175). В номере были помещены два его рассказа (Ремизов А.М. Со креста // Там же. С. 176–194; Он же. Репуха — все-ленская чепуха // Там же. С. 195–201) и статья Н.Е. Андреева о творчестве Ремизова (Андреев Н.Е. А.М. Ремизов // Там же. С. 202–214).

⁴ Рамолик (рамоли; от фр. ramolli) — расслабленный, впавший в слабоумие человек.

⁵ «Золотое руно» — ежемесячный художественный и литературно-критический журнал (Москва, 1906–1909). «Весы» — ежемесячный научно-литературный и критико-библиографический журнал (Москва, 1904–1909).

⁶ «Знамя России» — еженедельное, позже — ежемесячное монархическое издание, выходившее в Нью-Йорке в 1949–1981 гг.

№ 19

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

10 декабря 1957 г., Сан-Ремо

Дорогая Наташенька!

Только что получил книгу Пастернака «Доктор Живаго» по-итальянски¹. Выпущено за месяц уже третье издание! И все раскуплено! Если хотите иметь для «Посева» или «Граней» что-либо об этой книге от меня, то, пожалуйста, срочно и немедленно напишите, что именно: очерк-рецензию на одну полосу «Посева», очерк с пересказом всей фабулы, анализом и цитированием некоторых отрывков и в каком размере или же просто информационную статью с некоторым пересказом темы и кратким анализом, сделанным не с литературной, но с политической точки зрения. Напишите скорее, так как, конечно, «Посеву» будет интереснее дать свой отзыв раньше, чем выйдут английское, французское, шведское и другие издания той же книги, которую предположено там выпустить в начале января. Жду скорого ответа.

Получили ли Вы гранки «Кудеярова дуба»? Я корректировал карандашом, так как, лежа в постели, не мог делать это пером. Простите. Заодно уж прошу прощения резкостей, написанных мною в прошлом письме. Но поймите, что одно имя Ремизова действует на меня как красный цвет на быка, так как бесконечно презираю его и как писателя, и как человека.

Очень прошу Вас выслать мне не пять, как обычно, но десять сброшюрованных оттисков начала «Кудеярова дуба». Кстати, когда же я увижу его в печати и когда получу № 34–35 «Граней»? Приготовился уже сильно обругать его за Ремизова, абсолютно неуместного в журнале, идущем в каком-то числе на ту сторону. Но теперь не буду этого делать, так как Ремизов, кажется, умер², да и вообще не хочу ругаться, так как очень уж хороша погода у нас, а кроме того, ко мне возвращаются силы.

Крепко Вас обнимаю и шлю сердечный привет всему семейству. К празднику напишу более пространное письмо.

Искренно Ваш подпись (Б. Ширяев)

10.XII.57

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

¹ *Pasternak B. Il dottor Živago: romanzo. Milano, 1957.* Первая публикация романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» вышла в переводе на итальянский язык в миланском издательстве Дж. Фельтринелли.

² А.М. Ремизов скончался в Париже 26 ноября 1957 г.

№ 20

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой
Конец декабря 1957 г., Сан-Ремо

<...>¹

Ну и запарился я, дорогая Наташенька. Пересказать семьсот страниц сложной композиции этого романа — все равно что рассказать за пять минут «Войну и мир». Из лимита я, вероятно, выскочил². Управляйтесь уж с этим сами. От очень многих ценностей мне пришлось отказаться, и сам я больше ничего вычеркнуть не могу. Роман потрясающий. Не жалко пяти с половиной долларов, которые пришлось уплатить за книгу. Кстати, очень прошу Вас выслать мне не пять, а десять сброшюрованных оттисков «Кудеярова дуба». Это не будет дорого для издательства. Подробнее напишу в письме, а сейчас очень устал. Тут и эта напряженная работа в течение восьми дней (перевод был сложен), и Рождество, и гости наехали — прямо голова кругом пошла. Теперь даю себе отдых на три дня, а Вас крепко целую.

Искренно Ваш Б. Ширяев

FSO. 01-098. Kart. 2 (6/н 04). Машинопись. Датируется по содержанию.

¹ Верхняя часть листа оторвана.

² Вероятно, в оторванной части письма — синопсис «Доктора Живаго». В ноябре-декабре 1958 г. в «Посеве» был помещен пространный пересказ романа Б.Л. Пастернака с цитатами (О чем повествуется в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Посев. 1958. 16 ноября. № 46. С. 6–10; 23 ноября. № 47. С. 6–9; 30 ноября. № 48. С. 5–11; 7 декабря. № 49. С. 5–9). Неясно, имел ли какое-то отношение к подготовке этого пересказа Б.Н. Ширяев.

№ 21

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой
2 февраля 1958 г., Сан-Ремо

Дорогая моя Наташенька!

Большое спасибо Вам за присылку книги Н. Хохлова¹, которая произвела на меня буквально потрясающее впечатление. Прочел ее, перечитываю и еще раз перечту. Вас же прошу при встрече с ее автором крепко-крепко пожать ему руку от моего имени.

Рецензию на нее посылаю Вам². Боюсь, что она вышла у меня несколько туманно. Ведь я люблю простоту и прямоту изложения мысли. Здесь же моральные категории не поддавались этой обточке. Но мой очень строгий критик — моя жена — говорит, что все же написано достаточно ясно. Мог бы написать и еще много о второстепенных фрагментах в книге, но считаю, что этого не надо, это загуманило бы основную мысль и отвлекло бы от нее читателя. Завтра посылаю рецензию о той же книге в «Новое русское слово»³, но там пишу по-иному, с пересказом, чего в «Посеве», конечно, не нужно. Думаю, что рецензия в Н[овом] р[усском] с[лове] будет полезна для Вас. Был очень рад увидеть на страницах «Посева» статью о «Докторе Живаго»⁴, да еще пущенную без урезок, несмотря на ее выхлестнувшиеся из всех рамок размеры. Теперь хочу готовить для вас статью в раздел «К осознанию истории». Заголовок для нее будет пожалуй что и рискованный: «Революция Сергея Радонежского»⁵, но думаю, что Вы не побоитесь. Содержание: анализ Куликовской битвы как акта не военного в общем смысле, но национально-революционного, вызванного народным движением, возглавленным религиозной идеологией. Материал у меня для этой статьи собран, и она уже продумана, но выполнению ее мешает не оставляющая меня физическая слабость. После этого проклятого «азиата» поправляюсь очень медленно. Впрочем, теперь уже припекает весеннее солнышко, и чувствую, как оживаю.

Теперь относительно приобретения книг, Наташенька. Снова затрудняю Вас этим делом. Пожалуйста, передайте Вашему торговому аппарату мою просьбу зачислить меня подписчиком на все советское издание Лескова с удержанием платы из моего гонорара в «Посеве» по мере пересылки мне книг. Вышел уже пятый том этого издания Лескова. А как же обстоит дело с получением уже заказанных мною первых двух томов и «Войны и мира»? Не помню, заказывал ли я также советское издание трилогии Дюма «Три мушкетера» и т. д., но если нет, то включите, пожалуйста, и ее. Для расчистки мозгов она очень полезна.

У нас уже цветут мимозы и тепло. Надеюсь, что в будущем году Вы найдете возможность приехать к нам погостить именно на это время, когда цветов еще мало, и Вам не будет вредно. Очень уж хорошо у нас.

Шлю сердечный привет Вашему семейству в восходящем и нисходящем направлениях, сердечно целую Вас самою. Привет Андрею Васильевичу и всем посевианам.

Искренно Ваш подпись (Б. Ширяев)

Напишите, к кому обращаться с заказом на книги, чтобы не затруднять этим Вас? Шлите также все, что предназначаете к рецензиям не только в «Посеве», но и в других изданиях: «Н[овое] р[усское] с[лово]», «Россия и Вселенская церковь»⁶, «Русское воскресение» и у Чухнова⁷ под известным соусом, если пожелаете. Будет выполнено.

2.II.57⁸

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

¹ Хохлов Н.Е. Право на совесть. Франкфурт н/М, 1957.

Хохлов Николай Евгеньевич (псевдонимы Иозеф Хофбауэр, Волин, Тихон; 1922–2007) — разведчик. Капитан. В 1954 г. отказался выполнять порученное ему убийство члена НТС Г.С. Околовича и остался на Западе в качестве политического беженца.

² Ширяев Б.Н. Практика совести: о книге Николая Хохлова // Посев. 1958. 16 февраля. № 7. С. 7.

³ «Новое русское слово» — ежедневная (с 2009 г. еженедельная) общественно-политическая и литературная газета, выходившая в Нью-Йорке в 1910–2010 гг. (в 1910–1920 гг. под заглавием «Русское слово»).

⁴ Ширяев Б.Н. Блуждание по мукам: (о романе Б. Пастернака «Доктор Живаго») // Посев. 1958. 19 января. № 3. С. 5–7.

⁵ Итальянский перевод статьи — «La rivoluzione di S. Sergio di Radonež» — вышел в журнале «*Russia Cristiana*» (1961. № 6) уже после смерти Б.Н. Ширяева. Русский оригинал этой статьи опубликован не был. Писатель и прежде обращался к образу св. Сергия Радонежского (см. его статью «Чудо преподобного Сергия (560 лет со дня кончины)» (Наша страна. 1952. 13 сентября. № 139. С. 5–6; 20 сентября. № 140. С. 5–6; 27 сентября. № 141. С. 5); републикация в: Ширяев Б.Н. Люди земли русской... С. 19–32).

⁶ «Россия и Вселенская церковь» — ежемесячный религиозный журнал русских католиков византийского обряда. Издавался в Брюсселе в 1953–1970 гг.

⁷ Т.е. в журнале «Знамя России», который редактировал Николай Николаевич Чухнов (1897–1978).

⁸ Дата ошибочная. Следует: 1958 г.

№ 22

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

24 февраля 1958 г., Сан-Ремо

Дорогая Наташенька!

Посылаю Вам очерк творчества Д. Кленовского для «Посева»¹. Он написан с прицелом на ту сторону. И позже я предполагаю вытяжку из него передать туда по радио. Вас же прошу поместить его только в «Посеве», а если это будет неудобно, то быстро вернуть его мне. Для «Граней» же, если Вы пожелаете, я напишу Вам другой, расширенный очерк, в который включу формальный разбор стихов, перекличку автора с Гумилевым, Волошиным и Соловьевым и несколько других, необходимых для журнальной статьи моментов². Осветить же творчество большого, очень большого поэта Д. Кленовского в «Гранях» я считал бы необходимым. Не все же глодать там кости хлебниковых, мандельштамов и прочих, им подобных. Пора дать читателям и свежего мяса.

Почему до сих пор нет очередного номера «Граней» и даже не появляется объявлений о его выходе? Последний линотипист запьянствовал, что ли?

Не дождавшись присылки мне заказанного Лескова, я подписался на все издание полностью через Брусенцева, у которого уже есть налицо пять первых томов. Поэтому очень прошу Вас передать в Вашу книготорговлю, что Лескова мне высылать не нужно, но если это неудобно для книготорговли, то можно выслать мне первый том. Я его продам здесь. Заказ на «Войну и мир» и Дюма остается в силе. Прошу Вас также сообщить в бухгалтерию, что туда будут поступать счета от Брусенцова за купленные мною у него книги. Эти счета я признаю действительными и прошу оплачивать из причитающегося мне гонорара. Простите, дорогая, что затрудняю Вас этими просьбами, и для будущего сообщите мне, к кому именно я должен непосредственно обращаться по покупке книг.

С большим интересом и радостью прочел Вашу очень верную и глубокую статью о Маяковском¹. Оценку Вы дали совершенно правильную и столь же новую в литературной критике зарубежья.

Как здоровье Ваше, папы и девочек? Я хоть и медленно, но все же поправляюсь в тесной зависимости от прибыли солнечной энергии. К сожалению, в этом году она возрастает медленно. У нас еще прохладно — восемь-десять градусов, но все же мимозы уже отцвели, зацветают персики, а в саду левкой и тюльпаны. Слышал по радио, что у вас была снежная буря? Бедненькие вы, бедненькие!

Сердечно Вас обнимаю и шлю привет всем, всем, всем!

Искренно Ваш подпись (Б. Ширяев)

Имею сведения, что очерк о «Докторе Живаго» произвел в Париже некоторое впечатление и одобрен даже столь крупными людьми, как отец Василий Зеньковский⁴. Очень этому рад, как и вообще рад быстрому прохождению моего материала.

24.II.58

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

¹ Ширяев Б.Н. Рапсод трагического века: О творчестве поэта Дмитрия Кленовского // Посев. 1958. 9 марта. № 10. С. 7–8.

² Подобная статья о Д.И. Кленовском для «Граней» написана не была.

³ Н.Т. [Н.Б. Тарасова]. Бой за Маяковского: «Коммунист» о «субъективных мышлениях» польского писателя // Посев. 1958. 9 февраля. № 6. С. 6–7.

⁴ Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) — религиозный философ, богослов. Протопресвитер (1955).

№ 23

Н.И. Ширяева — Н.Б. Тарасовой

18 марта 1958 г., Сан-Ремо

18 марта 1958

Дорогая Наталья Борисовна!

Прежде всего — у Бориса Николаевича (Ширяева) второй приступ азиатского гриппа, осложнившийся воспалением легких. Сейчас он буквально между жизнью и смертью. Сделали уже четыре укола пенициллина, но температура не снижается. Доктор бывает каждый день, лекарств — батареи. Все это стоит безумных денег, так как мы — беженцы — в Италии не пользуемся абсолютно никаким соцстрахом. Хотите — живите, хотите — подышайте, дело ваше.

Так вот, дорогая Наталья Борисовна, я знаю, что Борис Ник[олаевич] у «Посева» в долгу сверх меры. Но если каким чудом окажутся несколько марок сверх этого долга, очень, очень прошу Вас похлопотать перевести их на мое имя — Sciriaev¹ Nina, так как я сейчас и за соломинку хватаюсь. Пока что я держалась по части уплаты доктору и за уколы и лекарства той суммой, которую должна была уплатить в магазин нашему поставщику за февраль, задолжав ему, но деньги кончатся, а докторским визитам конца еще не предвидится.

Положение Бориса Ник[олаевича] крайне серьезное. Исхудал он — узнать невозможно. Бредит, мечется. Я без сна день и ночь, и никого нет помочь мне, сменить хоть на пару часов. Очень тяжело. Молю Бога об одном, чтобы дал сил выдержать, не свалиться самой.

Целую и надеюсь на Вашу помощь.

Нина Ширяева

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Автограф.

---

¹ В итальянских документах замужним женщинам ставилась фамилия по мужу, без учета женского рода.

№ 24

Б.Н. Ширяев и Н.И. Ширяева — Н.Б. Тарасовой

28 марта 1958 г., Сан-Ремо

Дорогая Наталья Борисовна!

Вот уж спасибо Вам за Ваше письмо, которое я оплакала самыми горячими слезами. Ведь с тех пор, как я потеряла маму и сестер, никто не обращался ко мне с такой лаской и участием. Мне казалось, что на некоторое время я вернулась к своей семье и своей молодости. Спасибо! На это способны немногие. Вот и сейчас у меня опять слезы...

Борис Николаевич заболел в тот самый день, когда от Вас было получено письмо с извещением, что Вы вышли замуж¹. Когда у него вечером температура поднялась до сорока, он еще смеялся и утверждал, что это из-за Вас, что удар был слишком силен. А сейчас, через три недели, он только пищит, как комарик, едва слышно: «Спроси ее, за кого же она вышла замуж?»

Температура, слава Богу, вот уже несколько дней нормальная, вернее — ниже нормальной, т. е. слабость. А слаб он поразительно, не может сам есть, сам повернуться с боку на бок. Первый раз в своей жизни, со страхом в душе, я побрила его двухнедельную щетину и ни разу не порезала! Боже, я бритвы в руках никогда не держала! Теперь брею его через день, полная уверенности и чванства: у меня-то ни одного пореза, а сам он, как бритье, так потоки крови и пластыри из бумаги по всей физиономии! Доказательство, что мы, женщины, все делаем гораздо лучше этих великих мира сего.

Первые главы (восемь) «Хорунжего Вакуленко» уже написаны, и, по моему, написаны хорошо. Если Господь даст, не будет снова рецидива (*sic!*) и автор наберется сил, чтобы делать наброски, вещь будет окончена скоро.

Огромное Вам спасибо за Ваши хлопоты. Перевод на двести марок я уже получила, но самые деньги пока еще не могла получить из-за непрерывных дождей, которые лили эту неделю. Дожди же имеют то значение, что во время дождя я не могу спуститься по скользким камням, которыми вымощены наши очень крутые горные тропинки. Ведь мы живем в предместье Санremo, на горе. От нас до ближайшей остановки автобуса полчаса ходьбы по этим самым тропинкам, то вверх, то вниз среди виноградников и цветочных плантаций, затем на автобусе через десять минут в центре города. Там уж благодать — все под рукой. Но в плохую погоду я в осадном положении. Три раза в неделю мальчик приносит нам продукты из магазина, и через него я пересылаю нашему поставщику просьбы о вызове доктора, покупке лекарств, доставке газа, опустить корреспонденцию в почтовый ящик и т. д. Сегодня первый день солнце и кусочки синего неба, а также нет дождя. Если и ночью не будет дождя, завтра я вооружусь палкой, сумками и побреду в город. Иду я — медленной нелзя. Но это не мешает всем встречающим меня соседям и не соседям итальянцам предупреждать меня: «Пьяно, пьяно, синьора!» — то есть: «Тихо, тихо, синьора!» Это и вежливость, и опасение, что если я гроыхнусь, то от их горы пожалуй что ничего и не останется!²

Дорогая Наташенька! Вашими искренними молитвами, должно быть, я только и спасен, так как дело обстояло очень плохо. Рецидив (*sic!*) азиатского гриппа при туберкулезе оказался очень тяжелой и опасной вещью. Тут и высокая температура, и бред, и все, что Вы хотите. Но вместе с тем есть и хорошие стороны: в бреду я переселялся в мир Мишки, и теперь некоторые главы буквально пережиты и ясны мне до самого последнего слова. Очень жаль, если не смогу вовремя все это записать, но сейчас о записи и думать нечего, едва-едва набираю в себе сил, чтобы написать Вам эти строки, моя милая, моя дорогая Наташенька! Пишите. Так тепло от каждого Вашего слова. Пришлите мне,

пожалуйста, несколько оттисков «Кудеярова дуба». Если можно, то десять штук — нужно рассылать моим юным любяим: Александре Львовне Толстой, Ариадне Владимировне Тырковой³ и прочим того же, что-то около цифры восемь, возраста, а то обидятся. Как же пойдет «Дуб» — в двух номерах «Граней»? Спасибо Вам большое за высылку денег. За кого же Вы, наконец, вышли замуж? И с кем мне предстоит стреляться, когда получу к тому конкретную возможность? Во всяком случае, пошли Вам Господь всего, всего самого хорошего! Крепко целую Вас, детишек и деда, жму руку Вашему супругу.

Сердечно Ваш подпись (Б. Ширяев)

Вот видите, дорогая, для Вас и силы нашлись сказать сколько слов! Ну как тут не ревновать! Храни Вас Господь и будьте счастливы.

Искренно и душевно Ваша подпись (Н. Ширяева)

28.III.1958

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

---

¹ Второй муж Н.Б. Тарасовой — Михаил Иванович Парфенов (1919–1977), видный деятель НТС.

² Здесь, очевидно, заканчивается текст Н.И. Ширяевой.

³ Толстая Александра Львовна (1884–1979) — общественная деятельница, мемуаристка. Младшая дочь Л.Н. Толстого. Эмигрировала из СССР в 1929 г., основательница Толстовского фонда. Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна (1869–1962) — общественная деятельница, публицист, мемуаристка.

№ 25

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

19 мая 1958 г., Сан-Ремо

Дорогая Наташенька!

Что Вы молчите? Медовому месяцу пора уже кончиться, а Вам вспомнить о Ваших искренних друзьях. Последнего номера «Граней» с «Кудеяровым дубом» я еще не получил, но, судя по объявлению¹, он обещает быть интересным. Если не удалось сделать отдельных оттисков отпечатанной части «Кудеярова дуба», то очень прошу Вас выслать мне еще один номер за плату.

Мое здоровье медленно, но все же поправляется. Теперь я немножко ползаю по дому и по садику. Начинает работать и голова. Сегодня закончил статью для «Посева»², которую посылаю прямо Андрею Васильевичу, завтра руководжу рабочими по приведению в порядок сада, а послезавтра сажусь за продолжение «Мишки». Видите, каким я стал героем! А ведь думал, что уже помирать пришло время. Кстати, если будете анонсировать закрепление за «Гранями» продолжения «Мишки», то назовите его не «Хорунжий Вакуленко», а «Перекасти-поле»³. Я подыскал это название, более острое и более лесковское. Много

и об очень многом хотелось бы еще Вам написать, но за время болезни накопилось столько требующих ответа писем, что дорожу каждой минутой времени и каждой крупницей сил, которых все-таки еще не так много.

Крепко Вас обнимаю с милостивого разрешения Вашего супруга.

Искренно Ваш подпись (Б. Ширяев)

19.V.58

Пожалуйста, поторопите бухгалтерию произвести со мной расчет по «Посеву» и по «Граням» и твердо внушите им, что перевод нужно сделать не на Бориса Ширяева, а на Нину Ширяеву, так как на почту теперь ходит она и присланное на Бориса ей не выдадут.

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

---

¹ Вышел из печати и рассылается подписчикам журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли Грани, № 36, октябрь–декабрь 1957 г. // Посев. 1958. 4 мая. № 18. С. 12.

² *Ширяев Б.Н.* Революция уже идет: По поводу статей Сергея Рафальского «Нужно ли призывать к революции?» и Вл. Арсеньева «О революции и эволюции» // Посев. 1958. 1 июня. № 22. С. 9–10.

³ После окончания публикации «Кудеярова дуба» редакция «Граней» заявила о готовящемся Б.Н. Ширяевым к печати романе «Хорунжий Вакуленко» ([От редакции] // Грани. 1958. № 37. С. 114). Произведение осталось неоконченным и было передано для публикации в «Грани» вдовой писателя (*Ширяев Б.Н.* Хорунжий Вакуленко: повесть // Грани. 1959. № 42. С. 23–62).

№ 26

Б.Н. Ширяев и Н.И. Ширяева — Н.Б. Тарасовой

5 июня 1958 г., Сан-Ремо

Дорогая моя Наташенька! Милая моя умница!

Именно такого брака я и ждал от Вас. Теперь от самых глубин сердца искренно поздравляю не только Вас и Вашего супруга, но и девочек, которым нужно иметь папу или хотя бы зам. папу. Пошли Вам Господь мир и радость! Мне не верится, чтобы для Вас «время романтических увлечений уже прошло», но то, что Вы не поддались им и нашли правильный путь, очень хорошо. Ведь я сам женился вторично в 48 лет, и это был счастливый, удачный во всех отношениях брак, что подтверждают двадцать лет совместной жизни. А первый романтический брак в 21 год был не то что неудачный, но попросту глуп — детская забава для детей призывного возраста.

Спасибо Вам за молитвы Ваши. Свято верю, что они дошли до Господа. Ведь я был очень серьезно болен и почти что уверен, что «Мишка» останется незаконченным. Но, даст Бог, теперь допишем конец этой части моей хро-

ники. Впереди еще одна или две таких части. Чрезвычайно рад предложению «Посева» выпустить «Кудеяров дуб» отдельной книгой¹. Конечно, я согласен, о чем уже написал Андрею Васильевичу. Прошу его также произвести со мной расчет и выслать причитающиеся деньги, а Вас прошу подтолкнуть издательство, а то сижу совсем на мели. Охотно беру десять «Граней» по одной марке и, не ожидая выхода № 37, разошлю их своим юным любвям. А то они, не дождавшись № 37, могут перемереть от каких-либо свойственных их возрасту детских болезней. Жду, конечно, и оттисков, но если в издательстве есть переплетная или хотя бы брошюровочная, то лучше подождать выхода № 37 и сброшюровать обе части вместе.

Силы ко мне понемногу возвращаются, но все-таки очень медленно. Последние два дня я смог уже поливать из кишки овощи в огороде, но оказалось, что у меня очень ослабели берцовые мускулы и мне гораздо легче ползать на карачках, чем ходить во весь рост. Вот и прыгаю, как обезьянка в мюнхенском зоопарке, которой я в свое время любовался. Ну что ж, ничего не имею против подобного рода атавизма, очевидно свойственного нашей эпохе: обезьян и троплодитов стало гораздо больше, чем людей.

Как только управлюсь с накопившимися за время болезни самыми неотложными делами, тотчас же целиком погружусь в продолжение «Кудеярова дуба» или «Перекати-поле». Спасибо, что дали мне время для этой работы.

Крепко, крепко Вас обнимаю и шлю самый сердечный привет всем Вашим.

Искренно Вас любящий подпись (Б. Ширяев)

5.VI.58

Примите и мои поздравления, дорогая Наталья Борисовна, и самые лучшие пожелания, а также глубокую благодарность за Ваши чудные, такие сердечные письма, что на душе разом становится тепло. Это большая, большая редкость теперь. Обнимаю, целую и от всей души жалею, что не могу увидеть Вас в нашем крохотном раю. А хорошо у нас — изумительно! Даже для нас, уже привыкших к красотам, нас окружающим. Но цветы у нас цветут круглый год, кругом их миллионы — компания, не совсем Вам подходящая².

Сердечно Ваша подпись (Н. Ширяева)

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

¹ Ширяев Б.Н. Кудеяров дуб: повесть. Франкфурт н/М, 1958.

² Имеется в виду аллергия Н.Б. Тарасовой, о которой говорилось в предыдущих письмах.

№ 27

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

30 июня 1958 г., Сан-Ремо

Дорогая Наташенька!

Из короткого сообщения радио узнал, что в помещении какой-то (название не указано) русской антисоветской организации во Франкфурте произошел взрыв¹. Очень беспокоюсь за Вас. Сообщите обязательно и возможно скорее, целы ли Вы? Как здание и типография «Посева»? И если все благополучно, то подтолкните, пожалуйста, бухгалтерию сделать полный расчет со мной по «Граням» и «Посеву» с высылкой остатка гонорара. Пролечился до ручки, деньги очень нужны. Шлю всем привет, крепко Вас обнимаю.

Искренно Ваш подпись (Б. Ширяев)

30.VI.58

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

---

¹ Ночью 26 июня 1958 г. в местечке Шпрендлинген (близ Франкфурта-на-Майне) в доме № 31 на Оффенбахерландштрассе, где жили члены НТС и другие русские эмигранты, произошел взрыв. Никто не пострадал, часть дома была разрушена. Несмотря на уверения властей в том, что причиной взрыва стала утечка газа, НТС настаивал на террористическом характере взрыва (см.: Террористический акт против НТС // Посев. 1958. 6 июля. № 27. С. 1; Заявление НТС от 28 июня 1958 года // Там же).

№ 28

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

5 сентября 1958 г., Сан-Ремо

Милая и дорогая Наташенька!

Надевайте скорее мужнину жилетку, а то мне будет не во что плакать. Очень, очень грустное письмо пишу я Вам. Мое выздоровление, вернее возвращение ко мне физических и моральных сил, подвигается крайне медленно. Я съел кило три всевозможных витаминных таблеток, выпил два ведра свежего помидорного сока, сделал двадцать уколов какого-то укрепляющего средства, кормлюсь яйцами и бистеками¹ в добровольно-принудительном порядке, и все-таки сил у меня не хватит, даже чтобы до нашей жел[езно]дор[ожной] станции добраться, а о Франкфурте, конечно, и мечтать не приходится. Это очень, очень тяжело мне! Ведь столько надежд возлагал я на встречу с Вами и с другими мыслящими, интересными людьми, а теперь все это рухнуло. Наше санремезское уединение очень красиво, но столь же и скучно сидеть в нем без

выхода целый год. Прилагаю приветствие съезду², которое прошу передать Александру Васильевичу.

Теперь, как всегда, ряд деловых просьб к Вам:

1) Попросите Вашу бухгалтерию произвести со мною расчет за напечатанное в № 37 «Граней» и выслать мне, что причитается. Попутно прошу Вас сообщить мне скалу (*sic!*), расценок по «Граням» и по «Посеву».

2) Прошу выслать мне десять книг «Граней» № 37 по одной марке за номер, так же как и с № 36, за который я Вас очень благодарю. Если возможно, то вышлите мне и отдельные брошюровки оттисков за оба номера.

3) Сообщите мне, пожалуйста, вынесено ли решение по поводу выпуска «Кудеярова дуба» отдельной книгой тем же набором? А если еще не вынесено, то каковы надежды на это.

4) Присылайте мне все книги, рецензию о которых хотите иметь. В изд[ательст]ве «Посев» такие есть. Моя рецензия о книге Хохлова, посланная Вейнбауму³, сорвалась, так как Вейнбаум явно не доверяет Хохлову, а возможно, что и Околовичу⁴. Он вернул мне рецензию, прося сделать ее нейтральной, что, конечно, не имело никакого смысла и делать чего я не стал.

Последние два месяца я совсем ничего не делал, сил не было ни в руках, ни в ногах, ни в голове. Теперь понемножку снова принялся за Мишку. Пишу медленно, но надеюсь, что темп будет ускоряться, тем более что жара у нас миновала и наступило лучшее в Санремо время. Буду работать и над статьями для «Посева». При взгляде на будущее оптимизма я все же не теряю. Хоть и скверно сейчас, но надеюсь, что это еще не конец и мы еще потанцуем.

От всего сердца обнимаю Вас, дорогая Наташенька, и шлю самый сердечный привет и всем Вашим семейным, и всем посевианам.

Сердечно Ваш подпись (Б. Ширяев)

5.IX.58

Привет и от меня. Н.Ш.

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

¹ Бистек — (филиппинск. bistek) — бифштекс.

² Приветствия и пожелания конференции «Посева» // Посев. 1958. 5 октября. № 40. С. 6.

³ Вейнбаум Марк Ефимович (1890–1973) — журналист. Главный редактор газеты «Новое русское слово» (1922–1973).

⁴ Околович Георгий Сергеевич (1901–1980) — политический деятель. Один из руководителей НТС.

№ 29

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

13 сентября 1958 г., Сан-Ремо

Милая и дорогая Наташенька!

Только что получил Ваше письмо-эспрессо, которое, по-видимому, разошлось с моим к Вам обстоятельным письмом, в котором я излагаю причины, сделавшие невозможным мой приезд на конференцию¹, и шлю приветствия от меня собравшимся. Надеюсь, что теперь Вы его получили, но все-таки кратко повторю: до самого последнего момента я надеялся, что все же смогу добраться до Франкфурта, хотя бы с двумя ночевками в Милане и Мюнхене. Но, несмотря на самое энергичное лечение, сил прибавилось очень мало, и 9 сентября я был принужден послать очень-очень печальный для меня отказ. Сил совсем нет. Прилагаемую статью я писал шесть дней², уставая после одного часа работы. Небывалое для меня дело. Между тем подобная слабость имеет в Италии характер эпидемии. Говорят, что причина ее — иррадиация атомных взрывов. Но не все ли равно, какова причина, факт для меня более чем печален. Но почему печальна Ваша жизнь, дорогая Наташенька? Напишите по сердцу очень полюбившему Вас старику — самой легче будет.

В письме были еще просьбы к Вам, но о них потом. Разве только что прошу выслать мне поскорее «Грани» № 37 по одной марке десять экземпляров и, если есть, то оттиски обоих номеров, то есть «Кудеярова дуба».

Крепко, крепко Вас целуем. Привет всем друзьям и знакомым. Храни Вас Господь!

Искренно Ваш подпись (Б. Ширяев)

13. IX.58

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

---

¹ Политическая конференция «Посева» прошла во Франкфурте-на-Майне 16-18 сентября 1958 г. (см.: X политическая конференция «Посева» // Посев. 1958. 28 сентября. № 38-39. С. 5-22; 5 октября. № 40. С. 4-6).

² Удовенко Н. [Б.Н. Ширяев]. Свободное творчество — читателю на родине: «Грани» №№ 25-37 // Посев. 1958. 30 ноября. № 48. С. 12-13.

№ 30

Б.Н. Ширяев и Н.И. Ширяева — Н.Б. Тарасовой

2 января 1959 г., Сан-Ремо

2/1 — 59

С Новым Годом и праздником Рождества Христова, дорогая Наталья Борисовна! Шлем самые наилучшие и искренние, от глубины души, поже-

лания. Бориса Ник[олаевича] очень огорчает Ваше молчание. Он сам очень болен.

Крепко целуем и просим передать наши поздравления остальным членам семьи.

Ваши Борис и Нина Ширяевы

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Автограф. На почтовой открытке.

№ 31

Б.Н. Ширяев — Н.Б. Тарасовой

10 февраля 1959 г., Сан-Ремо

Вы не представляете себе милая, милая Наташенька, сколько радости дало мне Ваше письмо! Я его очень-очень ждал. Спасибо!

Что со мной? Самая отвратительная в мире болезнь, именуемая старость, которая заставляет разом платить и за соловецкие баланы¹, и за гусарские попойки, и за стоходские болота², и за «ночи безумные, ночи бессонные» — одним словом: векселей очень много, а платить нечем. Все агрегаты организма — сердце, легкие, печень и пр. — действуют прекрасно, а силы нет ни на грош. Вот и подишь (*sic!*) тут найди виноватого! Доктор говорит, что когда кончатся наши весенние туманы, то и сила придет, а то на самом деле глупо: 15 градусов тепла и туманы наползают как с гор, так и с моря.

Ваше письмо принесло мне строжайший императив: прожить еще год и дописать Мишку. Дело в том, что в уме он мне ясен не только до каждой главы, но до каждой сцены, каждого слова, а вот даже продиктовать это сил нет. Ну, даст Бог, Никола Милостивец поможет.

Слава Богу, что хоть Вы выздоровели.

Теперь буду ругаться, а с кем — не знаю. Или с Вами, или с Андреем Васильевичем. Кто-то из Вас с изумительной ловкостью сделал замечательную хирургическую операцию с рецензией о «Гранях»³. Два лица журнала превратились в историческую неизбежность, старушечья воркотня в ... литературу. Это уж, извините меня, непревзойденная ловкость рук. Сюда же добавить коротенькую стрижку сургучевских карпов⁴, и получается торжественный гимн великой литературе староэмигрантской свалки, а все новые писатели изгоняются на задворки или же в гостеприимные чертоги «Нового журнала». Что хотите, дорогая моя, это не путь «Граней», а жалкое, рабское подчинение осколкам ржавых фетишей. Кроме того, существует в мире еще и справедливость, которая требует отдать новым хотя один, только один журнал, так как вонючая заваль старого барахла, пользуясь своими связями и умением изворачиваться, завладела решительно всею печатью русского политического зарубежья. В «Гранях» «божие старушки» и иностранные авторы, а Свен, Филиппов, Г. Андреев и еще многие талантливые из новых не имеют места, где

печататься. Слышал стороной, что и Терапиано приглашен на редакционную работу в «Гранях»⁵, это очень показательно. Значит, и Кленовскому не будет места, зато найдется для всех клопов из мебелишек парижского парнаса.

Ругаться хватит, а то материться начну...

Очень-очень рад, что «Кудеяров дуб» выпущен отдельной книгой. Возникает вопрос: буду ли я иметь от этого какой-либо материальный доход? Напишите. Кроме того, необходимо как следует поставить «отзывы», у Вас это дело хромает. Необходимо послать книгу на отзыв согласно прилагаемому мною списку. Политическая сторона роли не играет. Дело это чисто коммерческое. Список прилагаю и за подчеркнутые фамилии в отношении отзывов ручаюсь. И еще просьба: до Вашей болезни Вы обещали мне выслать ценой по одной марке по десять номеров «Граней» №№ 36 и 37. Номер 36 я получил, а № 37 дошлите, пожалуйста, хоть в шести экземплярах, так как четыре из десяти № 36 уже украли, и еще авторские экземпляры «Кудеярова дуба» — книги.

Крепко Вас обнимаю, дорогая, злюсь, ругаюсь, а все-таки люблю.

Искренно Ваш подпись (Б. Ширяев)

10/II.59 г.

Кленовскому я напишу сам.

Целую и от души сочувствую, так как сама вот уже полтора года кружусь возле постели Бориса и гоняю во все заставки. Нина.

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки и подпись — автограф.

---

¹ Баланы — так на Соловках называли бревна (обычно длиной 8–10 м), которые волоком таскали партии каторжан из леса на озеро, к местам сплава.

² Стоход — река на Волыни, по которой в 1916 г. проходила фронтовая линия между российскими и австро-германскими войсками.

³ См. примеч. 2 к письму № 29.

⁴ Вероятно, аллюзия на рассказ И.Д. Сургучева «Бред» (Грани. 1955. № 26. С. 89–96; републикация: Сургучев И.Д. Европейские силуэты / предисл., коммент. М.Г. Талалай. СПб., 2017. С. 346–355), где один из персонажей — лещ. «Слово “карпы” может объясняться тем, что лещи относятся к отряду карповых или карпообразных рыб. Ширяев в данном случае имеет в виду ностальгию. Он против того, что в журнале опять возобладали ностальгические мотивы, тоска по России, даже мистика. И в этом случае ему противны даже “рыбные” мотивы Сургучева» (коммент. проф. А.А. Фокина, Ставрополь).

⁵ Терапиано Юрий Константинович (1892–1980) — поэт, прозаик, переводчик и литературный критик.

Ошибка Б.Н. Ширяева: Ю.К. Терапиано не принимал участия в редактировании «Граней». Его первая публикация в «Гранях» состоялась в 1958 г. (Терапиано Ю.К. «Смотр»: (из моего литературного архива) // Грани. 1958. № 39. С. 134–140).

Краткое содержание «Кудеярова дуба»¹.

Посылаемые Вам 15 глав — вводная часть, в которой я лишь расставляю действующих лиц на их места.

В дальнейшем фабула такова. Брянцев переселяется в город, где редактирует газету, и на его примере я показываю взаимоотношения русской и немецкой интеллигенции. Мишка разочарован тем, что немцы протезируют коммунистам. Он видит опасность этого и решает самостоятельно бороться с местными сов[етскими] партизанами. Этому решению способствует то, что Мишечка Дашкевич влюбилась в чекиста, руководящего партизанской работой. Устанавливается контакт между Мишкой и Вьюгой, который видит в борьбе с советчиками путь к искуплению своих былых грехов (кудеяровщина).

Отступление... Брянцев встречается с женщиной, которую он любил в молодости, но она теперь вполне советизирована. Возникает борьба между ней и Ольгункой и борьба между влечениями к той и другой в самом Брянцеве. Побеждает Ольгунка. Ее формула: «Чтобы прийти к настоящей России, нужно сейчас уйти из России советской».

В лесах приднепровья борьба между организацией Мишки—Вьюги и советскими партизанами обостряется. Вьюга погибает, утонув в болоте вместе с начальником советских партизан в смертельной схватке. Мишка находит на краю болота образ Николая Угодника (вспомните «Овечью лужу») и берет его как символ продолжения борьбы.

Германия. Берлин. Встреча Брянцева и Мишки со старой эмиграцией. Грань, которая лежит между старыми и новыми. Встреча с Западом. Разочарование Брянцева. Уверенность Мишки в необходимости и целесообразности дальнейшей борьбы. Именно он и выковывается в ту непреклонную волевою натуру, которую я хочу показать.

Финал — Лиенц. Брянцев спасается, раненый Мишка схвачен и выдан... Над трупами убитых служит импровизированную панихиду юродивого окончательно оторвавшийся от реального мира отец Иван...

Вещь весьма интересная по теме, но, как кажется, сбивается в очерк, в запись, не доделана с точки зрения композиции, образов, языка. Не доделана — для Ширяева (если сравнить с О[вечьей] л[ужей]), но печатать-то можно!

R 4.IV.55²

FSO. 01-098. Kart. 2 (б/н 04). Машинопись, приписки — автограф.

¹ План будущего романа, составленный Б.Н. Ширяевым. Судя по письму, он выслал в редакцию 15 первых глав, в итоге роман имел 38 глав.

² Надпись от руки, вероятно, члена редакции журнала «Грани», укрывшегося за криптонимом «R».

ПЕРЕПИСКА Н.Е. АНДРЕЕВА И Г.А. ХОМЯКОВА, 1952–1982 гг.

*Подготовка текста, вступительная статья и комментарии
Е.Н. Андреевой и П.А. Трибунского*

Аннотация: Впервые публикуется переписка историка и литературного критика Н.Е. Андреева и писателя Г.А. Хомякова за 1952–1982 гг. В переписке затрагивается широкий круг вопросов эмигрантской литературы и политики в Европе и США.

Annotation: Publication of the correspondence (1952–1982) between the historian and literary critic N.E. Andreyev and the writer G.A. Homjakow. The correspondence addresses a wide range of issues in Russian émigré literature and politics in Europe and the United States.

Ключевые слова: Н.Е. Андреев, Г.А. Хомяков, «Посев», «Грани», «Мосты», «Русское возрождение», «Новый журнал», литературная критика, литература, политика, эмиграция.

Key words: N.E. Andreyev, G.A. Homjakow, «Posev», «Grani», «Mosty», «Russkoe vrozozhdenie», «Novyi Zhurnal», literary criticism, literature, politics, emigration.

Историк, литературный критик Н.Е. Андреев (1908–1982) и писатель Г.А. Хомяков (1906–1984) впервые встретились в 1948 г. в Гамбурге, в британской оккупационной зоне. Дороги, приведшие их в Гамбург, сильно разнились и были весьма замысловаты.

Уроженец ст. Ржевка Санкт-Петербургского уезда и губернии Н.Е. Андреев вместе с родителями в октябре 1919 г. покинул территорию советской России, перебравшись в Эстонию. Среднее образование Андреев получил в Эстонии, высшее — в Чехословакии. В дальнейшем он совмещал научную работу в Археологическом институте им. Н.П. Кондакова с занятиями литературой и литературной критикой. Арестованный в мае 1945 г. СМЕРШем, Андреев пробыл в заключении два года, выйдя на свободу в 1947 г. Он провел в Берлине 1947–1948 гг., перебиваясь случайной работой. Совместными усилиями коллег-ученых и при содействии Общества защиты науки и знаний Андреев был вывезен в Ганновер, в британскую оккупационную зону, где в лагере для перемещенных лиц ожидал переправки в Великобританию, на новое место службы — в Кембриджский университет¹.

Уроженец Царицына Г.А. Хомяков получил среднее образование в родном городе. Начало карьеры журналиста губернской газеты «Борьба» было прервано арестом в 1927 г. По обвинению в принадлежности к антисоветской организации Хомяков был приговорен к заключению, которое отбывал в 1927–

1935 гг. в разных лагерях. В последующие семь лет он сменил несколько мест службы, в мае 1942 г. в составе частей Красной армии попал в Крым в плен. В лагере для военнопленных Хомяков пробыл до мая 1945 г., после чего поселился в деревне около Рендсбурга, земля Шлезвиг-Гольштейн².

В Гамбург Г.А. Хомяков с супругой перебрался в 1946 г. Здесь он вернулся к литературной деятельности, прерванной арестом в 1927 г. Занятия литературой и журналистикой, исповедуемые взгляды привели Хомякова к сотрудничеству с еженедельником общественной и политической мысли «Посев» и журналом литературы, искусства и общественной мысли «Грани». Первая установленная публикация Хомякова — «Смерть Василия Фомина» — под псевдонимом Г. Андреев появилась в «Посеве» в номерах от 31 августа и 7 сентября 1947 г. Вполне возможно, что сотрудничество с «Посевом» началось раньше: в номере от 15 июня 1947 г. вышла корреспонденция «Реальные возможности», подписанная акронимом «Г.А.», который часто использовался Хомяковым в «Посеве» в 1950-х гг. В 1948 г. в журнале «Грани» состоялась первая публикация Хомякова, «Новелла о танке»³.

Н.Е. Андреев оказался в Гамбурге летом (июнь? июль?) 1948 г., вознамерившись перед отъездом в Великобританию повидать своего старого эстонского приятеля Ю.П. Иваска. В этот приезд и состоялось шапочное знакомство двух наших героев. Вне всякого сомнения, Н.Е. Андреевым двигало желание узнать, что за писатель Г. Андреев, реальная это фамилия или псевдоним⁴.

В Великобритании, несмотря на стабильную работу и спокойную обстановку, Н.Е. Андреев чувствовал себя полностью отрезанным от русской среды и эмигрантской жизни, и когда он мог, то ездил в Лондон, где у него были русские знакомые. Андрееву приходилось создавать жизнь заново, в отсутствие друзей, разъехавшихся по всем континентам. В письмах Л.Ф. Зурову Андреев признавался: «Здесь без работы — скука смертная»⁵, и далее: «Вне занятий — немного одиноко»⁶. К отсутствию русских контактов добавлялось и непростое положение Андреева среди англичан. Когда он приехал в Кембридж, то глава русского отделения профессор Е. Хилл посоветовала Андрееву не говорить о своем пребывании в советской тюрьме. Англичане, по ее словам, были далеки от понимания того, что такое политические заключенные, и сочли бы его простым уголовником. Для Андреева с недавним лагерным опытом все это воспринималось тяжело. В политическом смысле английская общественность его тоже не понимала. Люди более левых взглядов продолжали придерживаться взглядов эпохи Второй мировой войны. Они были союзниками СССР, и верили в то, что добрый дядя Джо (И.В. Сталин) был демократом. Андреев по собственному опыту знал, что дядя Джо был не особенно добрым и совсем не демократом. Правые круги в Англии считали Россию варварской страной, в каковом положении ее и следовало держать, дабы она не составляла конкуренции Западу. Русский эмигрант с негативным отношением к советской власти в СССР и наряду с этим с верой в свою страну и любовью к народу был

англичанам непонятен. Андреев был одинок, ему не хватало людей, которые бы разделяли его интересы.

По справедливому утверждению Г.А. Хомякова, «Н.Е. тяготило, что он не мог в те годы печататься по-русски, в русской зарубежной печати»⁷. В 1948 г. Андреев начал писать в лондонской газете «Россиянин», с редактором которой В.А. Оболенским состоял в добрых отношениях⁸. Однако газета, просуществовавшая с октября 1948 по июль 1949 г., прекратила выход. Среди многочисленных печатных органов в Европе, сотрудничество Андреева с которыми началось практически сразу после закрытия «Россиянина», были журнал «Грани» и еженедельник «Посев». Сотрудничество Андреева в «Посеве» и «Гранях» началось в 1949 и 1950 гг. соответственно⁹. Он часто писал под разными псевдонимами, объясняя это Зурову так: «Под псевдонимом выходит, по-моему, лучше: свободнее как-то, без оглядки». Статьи и рецензии Андреева были посвящены преимущественно литературе, однако нельзя забывать характер самих изданий, которые прочно ассоциировались с Народно-трудовым союзом (НТС). Хотя Андреев никогда не был членом НТС, он был тесно связан с этой организацией. Многие его друзья были членами НТС, до войны он хорошо знал К.Д. Вергуна, одного из «теоретиков этой молодежной организации», и часто с ним обсуждал различные идеи¹⁰. Известно, что после того, как Андреева освободили из советского лагеря в 1947 г., он приезжал в лагерь для перемещенных лиц в Менхегофе, где читал лекцию об Иване Грозном¹¹. Менхегоф, как известно, был одним из центров русских беженцев, а НТС играл важную роль в администрации лагеря.

Когда Н.Е. Андреев учился в Праге, то его старший коллега и, в сущности, академический наставник Н.П. Толль настойчиво предупреждал молодого ученого: «Ради Бога, воздерживайтесь от вхождения в политические организации, можете ходить на их собрания, слушать, задавать вопросы, удивляться их гениальности или глупости — это зависит от точки зрения, но не входите в организацию, иначе они Вас погубят»¹². Андреев последовал совету Толля и воздержался от членства в политических партиях и организациях. Однако пребывание в советских лагерях, ставшее для Андреева своего рода «вторым университетом» и позволившее ему лучше понять СССР, не прошло для историка бесследно. В начале 1950-х гг. Андреев выступал среди европейских интеллектуалов, боровшихся за освобождение личности от пут тоталитаризма. Он принял участие в учредительной конференции Конгресса за свободу культуры, прошедшей в Западном Берлине (25–30 июня 1950 г.), выступив с докладом «Россия и Европа». В интересах не только России, но и в интересах справедливости, истины и свободы культуры историк предупреждал об ошибочности приписывания деспотизма особенностям национального характера русских. Он предлагал раздробить проблему «Россия и Европа» на ее подлинные элементы: доктрина и правительство с одной стороны, культура и народ — с другой. В дни конференции Андреев выступил на радиостанции «Голос Америки», где заявил, что в Берлин съехались предста-

вители свободного мира для того, чтобы «демонстрировать свою решимость бороться за независимость культуры от подчинения политической доктрине и системе тоталитарного насилия; чтобы бороться за свободу творчества, за человеческое достоинство, за независимость личности, за освобождение духа и мысли современного человечества, которые заключены или воплощены в чудовищной деспотии коммунизма». Современный момент рисовался историку как «борьба между тоталитарным коммунизмом и свободным миром, борьба между системой порабощения человека и системой освобождения личности»¹³.

По приглашению друзей «Посева» Н.Е. Андреев читал доклады в бельгийских городах Левен, Брюссель, Льеж (15–16 декабря 1950 г.), на собраниях в Брюсселе и Льеже производился сбор средств для издательства «Посев»¹⁴. Издательство «Посев», редакция и сотрудники «Посева» и «Граней» тепло поздравили Андреева с присуждением ему степени магистра Кембриджским университетом¹⁵. Андреев воспринимался членами НТС как близкий по взглядам человек. Именно содействие Андреева позволило члену Совета НТС А.Р. Трушновичу не только подготовить для «Граней» путевой очерк о Кембридже, но и выступить перед студентами университета¹⁶. Андреев принял участие в деятельности недолго просуществовавшего Института изучения СССР при НТС и опубликовал в сборнике «Обновленная Россия» не только исследование о давно минувших днях, но и статью, посвященную большевизму и стандартным заблуждениям при его изучении¹⁷. В предисловии к «Очеркам большевизмоведения» Р.Н. Редлих отметил ценное для него сотрудничество Андреева в разработке методологии большевизмоведения¹⁸.

Н.Е. Андреев стал желанным гостем редакционных заседаний «Посева», куда его регулярно приглашали в начале 1950-х гг. Он присутствовал 8–12 сентября 1950 г. в Лимбурге, выступив в прениях по центральному докладу редактора «Посева» Е.Р. Романова, посвященному проблемам борьбы против большевизма, революционной пропаганды, месту «Посева» в общем фронте борьбы, задачам «Посева» в этой борьбе. Следующее редакционное заседание прошло также в Лимбурге 7–11 сентября 1951 г. По словам хроникера, Андреев был одной из наиболее заметных фигур заседания: «вокруг полного, широкоплечего и широконогого Н.Е. Андреева, историка из Кембриджа, оживление, вспыхивающее взрывами веселого хохота». Андреев был в числе дискуссантов по центральному докладу В.Д. Поремского об эволюции большевизма и перспективах развития антибольшевистской революционной борьбы, роли эмиграции в ней¹⁹.

На таких редакционных совещаниях возобновилось знакомство Н.Е. Андреева и Г.А. Хомякова, они, как вспоминал последний, «почувствовали большое расположение друг к другу», подружились и нашли общий язык²⁰.

В отличие от Н.Е. Андреева, Г.А. Хомяков оказался глубоко вовлеченным в политическую деятельность эмиграции. В годы жительства в Гамбурге

Хомяков участвовал в деятельности местного комитета по делам беженцев православного вероисповедания. В 1947 г. Хомяков вступил в ряды НТС и в последующие 7 лет оказался тесно связанным с указанной организацией. В 1951 г. Хомяков перебрался в Лимбург, где принял участие в работе созданной НТС радиостанции «Свободная Россия». Вместе с тем развивалась карьера Хомякова в качестве редактора, ответственного за выпуск печатной продукции НТС. С № 12 «Граней» (1951) он вошел в состав редакционной коллегии, участвуя в журнале до № 22 за 1954 г. включительно. С № 1–2 «Посева» (1952) он также вошел в состав редакционной коллегии еженедельника. С № 13 за 1953 г. Хомяков занял пост заместителя главного редактора «Посева». Последний раз Хомяков был указан в качестве члена редакционной коллегии еженедельника в № 5 за 1954 г. Отойдя от редакционной деятельности, Хомяков и вовсе порвал с НТС, подав 29 сентября 1954 г. председателю НТС В.М. Байдалакову заявление о выходе из Совета НТС и из НТС²¹.

Именно с редакторской деятельностью Г.А. Хомякова связан первый период его переписки с Н.Е. Андреевым. Неизвестно, когда именно они вступили в переписку, самые ранние из сохранившихся писем датированы 1952 годом, и уже в этих посланиях зачастую присутствует шуточный тон, что свидетельствует о близком знакомстве корреспондентов. Центральная тема переписки этого периода — сотрудничество Андреева в «Посеве» и «Гранях», равно как и вопросы творчества обоих корреспондентов. Эта ранняя часть переписки дышит энергией и энтузиазмом с обеих сторон. И Хомяков, и Андреев были очень заинтересованы в публикациях и реакции на них читателей. Стоит сказать, что Андреев неоднократно давал оценку ранним литературным произведениям Хомякова: например, критик достаточно прохладно отнесся к рассказу «Встреча» (1949), зато повесть «Соловецкие острова (1927–1929)» была удостоена самых лестных похвал²².

Уход Хомякова из «Посева» и «Граней» в 1954 г. совпал по времени с женьбой Андреева и временным сокращением творческой продуктивности последнего. В 1954 г. в «Посеве» появилась прощальная публикация Андреева, причем сокращенная без участия автора и переработанная из уже опубликованной статьи²³. В «Гранях» Андреев продолжал время от времени сотрудничать, и его последняя по времени рецензия по иронии судьбы увидела свет в 123-м номере журнала, где был напечатан его собственный некролог²⁴. После ухода Хомякова из «Посева» в еженедельнике сократилось число публикуемых рецензий. В числе авторов, которые обещали, но не представили отзывы на издания до отставки Хомякова, был и Андреев, в результате чего номера 16, 17 и 18 «Граней» так и не были отрецензированы, и новый присяжный оценщик начал сразу с 19-го номера²⁵.

Следующая серия писем пришлась на 1956-й год. В то время Г.А. Хомяков трудился в мюнхенском отделении «Голоса Америки», а получивший постоянное место работы в Кембридже Н.Е. Андреев время от времени приезжал в Мюнхен на конференции Института по изучению истории и

культуры СССР. Возможно, одно из посещений Мюнхена и стало поводом для возобновления переписки. Хомяков был вовсю вовлечен в литературное творчество, публицистику. Андреев хотя и продолжал интересоваться эмигрантскими изданиями, поддерживал переписку с друзьями и коллегами, однако все меньше и меньше времени оставалось у него, обремененного семьей и многочисленными обязанностями в университете, на статьи и рецензии в русскоязычной периодике. После нескольких писем переписка заглохла вновь.

Наиболее содержательной и насыщенной оказалась переписка 1958–1963 гг., когда ушедший из «Голоса Америки» Г.А. Хомяков стал членом Центрального объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ) и политическая жизнь русской эмиграции захлестнула его с новой силой. В центре переписки — альманах «Мосты», автором, а позже редактором которого Хомяков стал, а также созданное при его участии «Товарищество зарубежных писателей». Когда Хомяков стал редактором «Мостов», он неоднократно писал Андрееву насчет подходящего материала для альманаха. Андреев интересовался новым изданием, и хотя он сам не писал ничего для «Мостов», он старался откликнуться на просьбу Хомякова найти подходящий материал. В частности, он посоветовал И.М. Бельгард послать Хомякову отрывки воспоминаний ее свекра, А.В. Бельгарда, которые были опубликованы в «Мостах».

Пик литературной и редакторской деятельности Хомякова совпал с заметным увеличением числа трудов Н.Е. Андреева в английских академических журналах. Это было необходимо для него в университете, одновременно обозначив те изменения, что произошли в эмиграции. Если до Второй мировой войны многие русские ученые в эмиграции могли заниматься до какой-то степени русскими темами и печататься по-русски, то после войны стало ясно, что им надо перестраивать свои академические интересы, чтобы они могли выйти на международную академическую сцену, печататься на других языках, главным образом по-английски. Холодная война подняла волну интереса к России. Но в то же время развитие этого интереса требовало, чтобы опубликованное было доступно более широкой публике, которая часто мало знала о России и не владела русским языком. В переписке иногда ощущается некое непонимание этого со стороны более политически ориентированной эмиграции. Хомякову нужны были темы и писатели, которые интересны русскому читателю, и он не всегда осознавал, до какой степени Андреев был занят университетскими делами. Но несмотря на такую разницу в подходах, они тем не менее продолжали быть в хороших отношениях.

Ликвидация ЦОПЭ в 1963 г. и трудности с финансированием, а соответственно, и с выходом альманаха «Мосты» снизили накал переписки. Г.А. Хомяков и Н.Е. Андреев обменивались письмами от случая к случаю, иногда по одному в год. Переписка уступала место живому общению, когда Андреев иногда приезжал в Мюнхен, где с 1963 г. на Радио Свобода трудился Хомяков. В январе 1966 г. семья Андреевых воспользовалась тем, что главу

семейства пригласили прочесть лекции американским офицерам в «Подразделении "Р"» (с 1967 г. — Институт сухопутных войск США по углубленному изучению СССР и стран Восточной Европы) в Гармиш-Партенкирхене, недалеко от Мюнхена, и навестила Хомяковых²⁶.

В 1967 г. Хомяковы переехали в Нью-Йорк, где Геннадий Андреевич продолжил службу в местном офисе Радио Свобода. После выхода на пенсию в 1972 г. у Хомякова появилось больше времени на письма, и в них стали появляться разные замечания относительно взаимоотношений между поколениями эмиграции. В более ранней переписке этого не чувствовалось. Видимо, когда Хомяков работал в НТС, на «Голосе Америки» и Радио Свобода в Мюнхене, активная политическая борьба соединяла людей, и особой разницы между первой и второй волнами эмиграции не ощущалось или, во всяком случае, Хомяков не обращал на это внимания. Но в письмах из Нью-Йорка он стал больше жаловаться на эмигрантов третьей волны, которые начали приезжать в 1970-х гг. Возникли претензии и к эмигрантам первой волны, которые начали дистанцироваться от дипийцев и власовцев.

С другой стороны, приезд третьей волны эмигрантов дал новый толчок эмигрантской жизни. Советский физик А.П. Федосеев стал невозвращенцем в 1972 г. Он работал в Кембридже и часто приходил к Андрееву, с которым делился своими идеями, критическим настроением по отношению к Советскому Союзу. Андреев понимал его ситуацию, сочувствовал ему и старался связать его с заинтересованными людьми, в итоге фамилия Федосеева появилась в переписке с Хомяковым, позже состоялась их личная встреча в Кембридже²⁷.

В октябре 1977 г. Н.Е. Андреев с женой совершил поездку в США. Глава семейства прочел несколько лекций, встретился со старыми знакомыми. Семья Андреевых посетила загородный дом Хомяковых. К этому времени у Андреева зрение начало ухудшаться. Но оба корреспондента продолжали обсуждать литературные вопросы, особенно судьбу «Нового журнала».

И Хомяков, и Андреев интересовались новым журналом «Русское возрождение», вокруг которого сконцентрирован последний всплеск переписки. Андреев отверг предложение возглавить «Русское возрождение», и пост редактора достался С.С. Оболенскому. Однако престарелый князь через два года скончался, и перенесенный в США журнал возглавил Хомяков. Его многочисленные попытки привлечь Андреева к сотрудничеству в «Русском возрождении» дали лишь один плод — публикацию доклада 1950 года, «Россия и Европа». Завершающее письмо в подборке — совместное соболезнование Г.А. и Э.О. Хомяковых, присланное Дж. Андреевой после смерти супруга. Последний долг памяти усопшему Хомяков отдал в некрологе, опубликованном в «Русской жизни»²⁸. Характерно, что публикацию некролога в провинциальном органе Хомяков объяснял исчезновением эмигрантских газет в главных центрах эмиграции и превращением их в русскоязычные издания с обязательной цензурой материалов.

Дружба и переписка Н.Е. Андреева и Г.А. Хомякова возникли на почве их литературных интересов и отчасти — политических. Андреев высоко ценил Хомякова как писателя, Хомяков внимательно прислушивался к мнению литературного критика Андреева. В переписке вырисовываются образы корреспондентов (ярко — Хомяков, более приглушенно — Андреев), их отношение друг к другу. Так как оба корреспондента живо интересовались жизнью русской эмиграции и литературой, то их письма проливают свет на политическую и литературную жизнь русской эмиграции, особенно на альманах «Мосты» и журнал «Русское возрождение», где Хомяков был главным редактором. В письмах Андреева и Хомякова прослеживаются те же темы, которые уже выявлялись в опубликованной переписке Хомякова с С.Ю. Прегель, с В.С. и Т.Г. Варшавскими²⁹. По письмам Андреева и Хомякова без труда можно заметить изменение положения эмиграции в целом, превращение США во все более значимый центр эмигрантской жизни на фоне утери Европой такового значения.

Особенности сохранения наследия Г.А. Хомякова привели к тому, что до нас дошло гораздо больше писем Хомякова Андрееву, чем андреевских. Письма публикуются в соответствии с правилами современной орфографии с сохранением особенностей авторского стиля. Сокращенные и пропущенные слова восстановлены. Письма Г.А. Хомякова публикуются из личного архива Е.Н. Андреевой (Оксфорд, Великобритания). Оригиналы писем Н.Е. Андреева публикуются из фонда Г.А. Хомякова в архиве Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Публикаторы выражают благодарность коллегам, оказавшим содействие в ходе подготовки комментариев: А. Кумановой, В. Манчеву (Болгария), В. Хазану (Израиль), И. Франкьену, Л. Флейшману (США).

¹ *Andreyev N.* Your Destination is Cambridge // *The Cambridge Review*. 1979. 29 June. P. 176–178; *Он же.* То, что вспоминается: из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982) / под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2019. С. 647–650; *Андреева Е.Н.* Общество защиты науки и знаний в Великобритании и помощь русским ученым-эмигрантам // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына*, 2013 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М., 2014. С. 84–86.

² *Homjakow G.* Personal History Questionnaire for Non-U.S. Citizens. April 9, 1954; *Idem.* Vorbereitender Fragebogen. 22. Dezember 1958 // Архив ДРЗ. Ф. 155. Неописанные материалы.

³ См.: *Андреев Г.* [Г.А. Хомяков]. Смерть Василия Фомина // *Посев*. 1947. 31 августа. № 18. С. 9–10; 7 сентября. № 19. С. 9–11; Г.А. Реальные возможности: (от гамбургского корреспондента «Посева») // Там же. 15 июня. № 7. С. 7–8; *Андреев Г.* [Г.А. Хомяков]. Новелла о танке // *Грани*. 1948. № 4. С. 67–72.

⁴ См.: *Homjakow G.* Vorbereitender Fragebogen. 22. Dezember 1958 // Архив ДРЗ. Ф. 155. Неописанные материалы; *Андреев Г.* [Г.А. Хомяков]. Из того, что было... // *НЖ*. 1982. № 148. С. 221; *Он же.* Памяти Н.Е. Андреева // *РЖ*. 1982. 15 апреля. № 9816. С. 10; Ан-

дреев Н.Е. То, что вспоминается. С. 652; *Иваск Ю.П.* Приезд Н.Е. Андреева // НРС. 1977. 2 октября. № 24377. С. 5.

⁵ «Только Вы поймете следующий текст...»: Переписка Н.Е. Андреева и Л.Ф. Зурова / сост. Е.Н. Андреева, И.З. Белобровцева. Таллин, 2013. С. 63. (Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике; т. 13).

⁶ Там же. С. 65.

⁷ Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. Памяти Н.Е. Андреева // РЖ. 1982. 15 апреля. № 9816. С. 10.

⁸ См.: Андреев Н.Е. «Россиянин». Памяти его редактора — † 12 января 1977 г. // НРС. 1977. 9 октября. № 24383. С. 2, 10.

⁹ См.: *Тверской П.* [Н.Е. Андреев]. Россия, современность, революция // Посев. 1949. 13 ноября. № 46. С. 11–12. — Рец. на: Грани. 1949. № 5; Он же. О русской песне // Грани. 1950. № 9. С. 156–157. — Рец. на: Народные русские песни и романсы / сост. А.И. Чернов. Нью-Йорк, 1949.

¹⁰ См.: Андреев Н.Е. То, что вспоминается. С. 364–365; *Редлих Р.Н.* Памяти Н.Е. Андреева // Грани. 1982. № 123. С. 278–279.

¹¹ М.Н. Левицкая и С.А. Левицкий — Н.Е. Андрееву, 14 марта 1951 г. // ЛА ЕНА.

¹² Андреев Н.Е. То, что вспоминается. С. 479.

¹³ Свобода переходит в наступление // Посев. 1950. 16 июля. № 29. С. 3; Делегаты заявляют... // Там же. С. 5; Проблема свободы тесно сплелась с проблемой России: Из выступления на радиостанции «Голос Америки» члена русской делегации Н. Андреева // Там же. С. 6.

¹⁴ См.: В.К. Доклад профессора Н.Е. Андреева в Бельгии // Посев. 1951. 7 января. № 1. С. 9.

¹⁵ См.: Д-р Н.Е. Андреев магистр Кембриджского университета // Там же. 16 декабря. № 50. С. 15.

¹⁶ *Трушнович А.* Кембридж // Грани. 1953. № 17. С. 99–105.

¹⁷ *Редлих Р., Андреев Н., Зимовьев В.* О некоторых типических заблуждениях современных исследователей большевизма: (из работ Института изучения СССР при НТС) // Обновленная Россия / под ред. Р.Н. Редлиха. Frankfurt a/M, 1953. [Вып.] 1. С. 21–64; Андреев Н.Е. Переяславский договор // Там же. С. 65–112.

Рукопись работы «О некоторых типических заблуждениях современных исследователей большевизма» была помещена в архив Института изучения СССР при НТС (см.: Каталог работ Института изучения СССР при НТС. Бад-Гомбург, 1954. С. 1). В «Альбоме аннотаций» было указано ее основное содержание (Альбом аннотаций / Институт изучения СССР при НТС. Бад-Гомбург, 1954. Т. 1: Методология исследования. Партия. Пропаганда. Быт. Народ и власть. Национальный вопрос. Армия. Государственная безопасность. С. 3).

¹⁸ См.: [Редлих Р.Н.]. Очерки большевизмоведения. Frankfurt a/M, 1956. С. 5; Он же. Сталинщина как духовный феномен: (Очерки большевизмоведения. Кн. 1). Frankfurt a/M, 1971. С. 5.

¹⁹ См.: Расширенное редакционное заседание // Посев. 1950. 17 сентября. № 38. С. 2–3; Проблемы борьбы и революционной пропаганды: Место и задачи «Посева» в этой борьбе: Доклад Е. Романова на расширенном редакционном совещании «Посева» // Там же. 24 сентября. № 39. С. 7–10; А.Н. В дни съезда // Там же. 1951. 16 сентября.

№ 37. С. 3; 23 сентября. № 38. С. 4; *Ветров А., Шагаров Д.* Расширенное совещание «Посева» // Там же. С. 6, 9.

²⁰ *Ветров А., Шагаров Д.* Расширенное совещание «Посева» // Посев. 1951. 23 сентября. № 38. С. 6; *Андреев Г.* [Г.А. Хомяков]. Памяти Н.Е. Андреева // РЖ. 1982. 15 апреля. № 9816. С. 10.

²¹ См.: *Homjakow G.* Vorbereitender Fragebogen. 22. Dezember 1958 // Архив ДРЗ. Ф. 155. Неописанные материалы; *Андреев Г.* [Г.А. Хомяков]. Из того, что было... С. 221–224; *Прянишников Б.* Новопоколенцы. Silver Spring, MD, 1986. С. 279.

²² См.: *Тверской П.* [Н.Е. Андреев]. Россия, современность, революция. С. 11; *Он же.* Лицом к Родине // Посев. 1950. 17 сентября. № 38. С. 13. — Рец. на: Грани. 1950. № 8.

²³ [Н.Е. Андреев]. Переяславский договор // Посев. 1954. 30 мая. № 22. С. 8.

²⁴ *Андреев Н.Е.* Фото-биография Марины Цветаевой // Грани. 1982. № 123. С. 272–277. — Рец. на: Цветаева: фото-биография = Tsvetaeva: A Pictorial Biography / ed. by E. Proffer; transl. by J. Marin King; introd. by C.R. Proffer; from materials collected by M.B. and I.K. Ann Arbor, MI, 1980.

²⁵ *Тверской П.* [Н.Е. Андреев]. Прямые и ломаные линии // Посев. 1952. 7 декабря. № 49. С. 10–11. — Рец. на: Грани. 1952. № 15; *Таубер Е.* Новое художественное слово // Там же. 1954. 4 апреля. № 14. С. 12.

²⁶ См.: *Андреев Г.* [Г.А. Хомяков]. Памяти Н.Е. Андреева // РЖ. 1982. 16 апреля. № 9817. С. 9.

²⁷ См.: Там же.

²⁸ *Андреев Г.* [Г.А. Хомяков]. Памяти Н.Е. Андреева // РЖ. 1982. 15 апреля. № 9816. С. 10; 16 апреля. № 9817. С. 9.

²⁹ «Кроме Вас, не вижу никого!»: Переписка С.Ю. Прегель с Г.А. Хомяковым, 1961–1972 гг. / публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. П.А. Трибунского и В.И. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М., 2016. С. 518–580; Переписка Г.А. Хомякова с В.С. и Т.Г. Варшавскими, 1962–1983 гг. / публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. М.А. Васильевой, П.А. Трибунского и В.И. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2017 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М., 2017. С. 446–504; «“Там” наши усилия не остаются тщетными и принимаются с величайшим вниманием»: (Пять писем из переписки редакторов альманахов «Мосты» и «Воздушные пути») / публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. П.А. Трибунского и В.И. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2018 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М., 2018. С. 282–299.

№ 1

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Франкфурт-на-Майне, 3 июня 1952 г.

3 июня 1952 г.
Франкфурт

Дорогой Николай Ефремович!

Только на днях я услышал о Ваших болястях — что это Вы развинтились так? И стоит ли? Все можно, но уж болеть — самое последнее дело. Может быть, поверите мне и постараетесь «исправиться»? Очень одолжите этим.

Письмо Соколову¹, конечно, перешлем. Он чудак, наверно, из той породы «педантов», которым нужно, чтобы было выписано все в точности. Не знаю, что за ошибки он у меня нашел, но думаю, что в данном случае он сам ошибается: изложенное в рассказе «При взятии Берлина»² — факт, переданный мне в Берлине безусловно верно. С Вашими «разъяснениями» согласен полностью: конечно, дело не в том, чтобы досконально-правильно изложить события, а совсем в другом.

Дорогой, пишете Вы, что поругаете меня при случае за «Севостьянов»³ — а я так и предполагал, что кто-нибудь обязательно будет за них меня ругать. И тем не менее не только написал, но и напечатал. Правда, не «у себя», не в «Гранях»⁴, как видите (однако тут сыграли роль и «конъюнктурные» соображения: гонорарные — с деньгами, как всегда, плохо). Но если бы не взял «Новый журнал»⁵, то напечатал бы в «Гранях», ибо «севостьяны» мои все-таки, по-моему, не плохи. Во всяком случае, мне они нравятся, — а что Вы со мной поделаете? Дайте же и мне потешиться.

Написал, на днях закончил, следующую вещь, тоже небольшую — 30 страниц на машинке, что-то вроде махонькой повестушки⁶, но — самую «актуальную»: некий революционер летит в Берлин, встречается с сов[етским] человеком, с мgbистом⁷, еще с девушкой — все это густо, чересчур сдобрено разговорами, размышлениями и т.д., конечно, на самые «животрепещущие» темы сегодня. Тема этакая кестлеровская, — я все время ругаюсь тут, говорю, что Кестлер у нас хлеб отбивает: нам надо на его темы писать⁸. К сожалению, силенок не хватает. Недаром ведь, как Вы пишете, у меня много от тески, от Леонида Андреева⁹: вообще-то я против него ничего не имею. Когда-то он мне нравился «ужасно», но и теперь я все-таки отношусь к нему с почтением. А пишу часто под него, вероятно, потому, что так легче: иначе труднее и не выходит. А так — с малым умением требуемое воздействие на читателя получается.

Но когда это будет напечатано, не знаю. С Гранями мы опять застряли невероятно. Больше чем за полгода не можем выпустить один номер¹⁰. Беда с типографией¹¹: не хватает времени, и линотип¹², и машина постоянно заняты. В общем — швах.

Что там Сергей Васильевич¹³, совсем в семейную жизнь погряз, что ли? От него что-то, как говорится, ни слуху, ни духу. Если когда увидите, передавайте привет.

Однако хватит болтать. Болтовня моя главным образом объясняется тем, что вчера изрядно «тюкнули»: сегодня болит голова, и вместо работы приходится заниматься болтовней, чем, небось, и у Вас время отнимаю. Ну, прощайте нам грехи наши тяжкие.

От души желаю Вам доброго здоровья и шлю сердечный привет.

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф. На бланке еженедельника общественно-политической мысли «Посев».

---

¹ Упомянутое письмо не обнаружено. По-видимому, речь идет о писателе Николае Соколове (? — ?), роман которого «Пути — дороги» начал печататься в том же номере «Грани», что и рассказ Г.А. Хомякова (*Соколов Н. Пути — дороги // Грани. 1951. № 13. С. 49–96; 1953. № 17. С. 41–76*).

² Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. При взятии Берлина // *Грани. 1951. № 13. С. 97–101*.

³ Он же. Два Севостьяна // *НЖ. 1952. № 28. С. 107–114*.

⁴ «Грани» — ежеквартальный общественно-литературный журнал, близкий к Народно-трудовому союзу российских солидаристов (НТС). Журнал выходил во Франкфурте-на-Майне (1946–1991), с 1991 г. выходит в Москве.

⁵ «Новый журнал» — ежеквартальный общественно-литературный журнал, выходящий в Нью-Йорке с 1942 г.

⁶ Среди опубликованных Г.А. Хомяковым произведений нет описанного. В его архиве отсутствуют рукописи с подобным сюжетом.

⁷ Мгбист — сотрудник Министерства государственной безопасности СССР.

⁸ Кестлер Артур (нем. Koestler; венг. Köszler; 1905–1983) — писатель и журналист. В 1930-х гг. сторонник коммунистических идей, с конца 1930-х гг. — их противник. Основная тема художественных произведений Кестлера 1940–50-х гг. — критика тоталитаризма.

⁹ Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) — писатель.

¹⁰ Речь идет о большом временном промежутке между публикацией № 13 и № 14 журнала «Грани».

¹¹ «Грани» печатались в типографии «Limburger Vereins Druckerei» (Лимбург-ан-дер-Лан, Германия).

¹² Линотип — строкоотливной наборный аппарат, использовавшийся в полиграфии.

¹³ Утехин Сергей Васильевич (1921–2004) — историк. Знакомство Г.А. Хомякова и С.В. Утехина относится ко второй половине 1940-х гг. Угнанный в качестве оstarбайтера Утехин оказался в английской зоне оккупации. В 1947 г. он вступил в НТС, в 1949 г. окончил Кильский университет. Получив стипендию, в описываемое время обучался в Оксфордском университете (1950–1953).

№ 2

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Франкфурт-на-Майне, 10 октября 1952 г.

10 октября 1952 г.

Франкфурт

Дорогой Николай Ефремович,

У нас — пиковое положение: необходимо в возможно короткий срок дать рецензии на две книги. Не сможете ли Вы это сделать? По всем данным — Вам бы это как раз и подошло бы очень.

Первое — это рецензия на книгу Мельгунова о Николае II¹, — вероятно, Вы знаете ее, а нет, если [в] Ваших краях нет ее, то вышлем. Надо не «развернутую» рецензию, а короткую для «Посева»² — о том, насколько хорошо, с точки зрения историка, справился Мельгунов со своей задачей, насколько ценен его труд и т.п. Как говорят, книга эта вполне стоящая.

Второе — на книгу Казанцева «Третья сила»³. Вы, вероятно, ее видели и если не читали, то просматривали. Тут тоже не нужно «развернутой» рецензии, а очень общую, но писать ее надо, конечно, человеку, который хорошо знаком с настроениями довоенной эмиграции, иначе вряд ли хорошо получится: для нас многое не то чтобы непонятно, а — все-таки «не свое».

Как, дорогой Николай Ефремович, Ваше мнение на этот счет? Только, если будете писать, не очень большие рецензии: это для «Посева», а поэтому нужно примерно на четыре-пять страниц от руки, не больше.

Ваша рецензия на «Грани» № 14 пошла в этом №⁴.

Что у Вас вообще хорошего? У нас — ничего, кроме работы: закопались по верх головы.

Жду ответа и желаю Вам всего наилучшего, чего только сами можете пожелать себе.

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф. На бланке еженедельника общественно-политической мысли «Посев».

---

¹ Мельгунов Сергей Петрович (1880–1956) — историк, политический деятель. Николай II Александрович (1868–1918) — император всероссийский, царь польский и великий князь финляндский (1894–1917) из династии Романовых. Расстрелян.

Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после отречения = Le destin de l'empereur Nicolas II après son abdication: Историко-критические очерки. Париж, 1951.

² «Посев» — общественно-политический журнал. Официальный орган НТС. Выходил в Менхегофе (1945–1947), Лимбурге-ан-дер-Лане (1947–1952), Франкфурте-на-Майне (1952–1991). С 1992 г. выходит в Москве.

Рецензия Н.Е. Андреева на книгу С.П. Мельгунова была помещена не в «Посеве», а в «Гранях» (*Историк* [Н.Е. Андреев]. Новый труд С.П. Мельгунова // *Грани*. 1953. № 17. С. 150–151. — Рец. на: Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после отречения = *Le destin de l'empereur Nicolas II après son abdication: Историко-критические очерки*. Париж, 1951).

³ Казанцев Александр Степанович (наст. имя и фам. Георгий Като; 1908–1963) — писатель, журналист, редактор Русской службы Радио Свобода (Мюнхен) (1957–1961).

Казанцев А.С. Третья сила: История одной попытки. [Frankfurt a/M.], 1952.

⁴ *Тверской П.* [Н.Е. Андреев]. Начала, ведущие в будущее // *Посев*. 1952. 12 октября. № 41. С. 10. — Рец. на: *Грани*. 1952. № 14.

№ 3

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Франкфурт-на-Майне, 20 октября 1952 г.

20 октября 1952 г.

Франкфурт

Дорогой Николай Ефремович,

спасибо за согласие написать рецензии: очень хорошо, ибо они очень нужны. Мельгунова высылаем. Относительно размера: дорогой, конечно, если на полстранички-страничку «переборщите» — не беда, беда ведь в другом: не ограничь — Вы и обрадуетесь и размахнетесь — щедрость Ваша нам известна! А потом будете писать: ничего не сокращать, не менять и т.д. А нам что после этого делать? Портить с Вами отношения? Просто беда с этими авторами!

«Грани» № 15 тоже высылаем.

Отдавая себе полный отчет в качестве статьи Свена о слове «Русь»¹, поместили ее вполне сознательно: для того, чтобы наших специалистов, упорно уклоняющихся от писания на эти темы, проняло до мозга костей. Судя по Вашей реакции, кажется, метод этот действителен.

Конечно, рецензию на «Грани» тоже пора давать, но, между прочим, если она и запоздает, то не особо плохо: нас и так слишком ругают за восхваление себя.

Дорогой, о бюрократизме не упоминайте: сами мучаемся. На этом, вероятно, ныне свет стоит. У нас, правда, главная причина — времени нет; по этой причине и мне, например, совсем не приходится писать: Ваш тезка почти исчез и из «Граней», и из «Посева».

Еще вопрос: попутно не придет ли Вам желания отозваться на некоторые книги Чеховского издат[ельст]ва?²

Какие именно — по Вашему желанию. Но — коротко: две-три странички. Они очень хотят, чтобы были у нас рецензии, а у нас писать их некому. Если будет у Вас желание, по прочитанному — приветствуем.

Рад, что Вы собираетесь превратиться в Самсона, а вот насчет Далил³ —
гм, не знаю, что сказать. Впрочем, думаю, что в них недостатка не бывает.

Рад и Вашему бодрому настроению, в котором от души желаю пребывать
и впредь.

Искренне Ваш

Г. Хомяков

*ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф. На бланке еженедельника обще-
ственно-политической мысли «Посев».*

¹ Свен Виктор (наст. имя и фам. Кублицкий Виктор Борисович; 1897–1971) — пи-
сатель, журналист.

Свен В. Решенный спор: Откуда, когда и как пришло слово Русь? // Посев. 1952.
28 сентября. № 39. С. 9–10. В. Свен утверждал славянское происхождение термина
«Русь», ссылаясь на книгу В.А. Рязановского (см.: *Рязановский В.А. Обзор русской
культуры: Исторический очерк.* N.Y., 1947. Ч. 1).

² «Издательство имени Чехова» — русскоязычное издательство, созданное на сред-
ства Восточноевропейского фонда, структуры, аффилированной с Фондом Форда.
Издательство функционировало в 1951–1956 гг., после чего прекратило публикаци-
онную деятельность и было передано УМСА. Под управлением УМСА находилось в
1956–1959 гг., занимаясь распространением уже отпечатанных книг, после чего было
ликвидировано.

Н.Е. Андреев постоянно писал рецензии на книги «Издательства имени Чехова»
для журнала «Грани» (см.: *Андреев Н.Е. Perpetuum mobile* // Грани. 1952. № 16. С. 171–
173. — Рец. на: Замятин Е.И. Мы / предисл. В.А. Александровой. Нью-Йорк, 1952; Он
же. «Древо жизни» // Там же. 1953. № 17. С. 142–144. — Рец. на: Зайцев Б.К. Древо
жизни. Нью-Йорк, 1953; Он же. О том, чего не случилось // Там же. 1956. № 29. С. 211–
213. — Рец. на: Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1955; Он же. Литература
в изгнании // Там же. 1957. № 33. С. 162–176. — Рец. на: Струве Г.П. Русская литература
в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк, 1956).

³ Самсон и Далила — герои Ветхого Завета (Книга Судей, главы XIII–XVI). Г.А. Хомя-
ков намекает на возникшие любовные чувства у Н.Е. Андреева (как у Самсона к Далиле).

№ 4

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Франкфурт-на-Майне, 26 ноября 1952 г.

26 ноября 1952 г.

Дорогой Николай Ефремович!

Рецензии на «Грани» и на Казанцева получили, больше спасибо, но, до-
рогой, хучь плачь: длинны они, что буду делать с ними, ума не приложу. Со-

кратить — так Вы же тогда съестъ меня будете готовы, чего я совсем не хочу. А втискивать полностью — просто места нет. Беда: все пишут так длинно (включая, конечно, меня первого), что никак не помещается. Я уж и то думаю: а не развернуть нам «Посев» страниц на 20?

Ну, как-нибудь поместим. Плохо то, что хотелось бы ту же рецензию на «Грани» дать пораньше, да и с Казанцевым не задерживаться, но никак место не выкроишь¹. Да, кстати, чего это Вы Кашина декадентом обругали?² Он, бедный, расстроен вконец, говорит, что предъявит автору иск за нанесение морального ущерба. Он, между прочим, человек очень живой, и с головой, парнишка талантливый безусловно, только еще не «установившийся», к тому же этакий беспризорник (любопытно: в СССР никогда не был, а по типу — настоящий сов[етский] беспризорник). Но такие, как он, все же не часто встречаются: из него должен получиться толк.

Получили наконец Мельгунова? Напоминал экспедиции несколько раз, надеюсь, что послали. А что получили три экз[емпляра] Граней — благодарите экспедицию за щедрость; можете открыть магазин или подарить кому-нибудь лишние экземпляры.

Относительно Казани: а знаете, дорогой, что на Казань вдруг у нас урожай? Рутыч тоже прислал статью о Казани³. Вероятно, устроим этакое соревнование: одну дадим в Грани, другую в Посев. Беда с этими историками: то молчат, то прорвет их сразу «в одном направлении».

Шутки шутками, а вот, дорогой Николай Ефремович, не подвигнетесь ли Вы на тему о 250-летию Петрограда? Думается, это благодарная тема, в особенности — для коротких, «бьющих» статей. Советчики, конечно, напишут тут два короба — «колыбель революции» и т.д. А нам хорошо бы отозваться, в частности сильной передовой статьей. Может быть, написали бы? Помните, Вы как-то наговорили мне пластинку для радио?⁴ Было коротко и сильно. Таковую бы передовую статью для «Посева» мы приветствовали от Вас⁵. Если вдохновитесь — честь Вам и хвала.

Вы спрашиваете, как «творчество» и вообще тут? Тут — сплошное верчение во всяческих делах, а посему — какое уж тут творчество! Верно, меня это «угнетает» (не люблю громких слов, поэтому на всякий случай беру их в кавычки): разве мало бы надо писать? И темы «под ногами валяются»; и голову распирает, а нету ни времени, ни условий, ибо после 8–10 часов правки статей, заседаний и совещаний и т.п. ерунды, к сожалению совершенно необходимой, садиться еще ночью за стол нет никакой охоты и никаких сил. Чувствуешь себя клячей, изъезженной вконец, — какое тут «творчество»?! Так, в сущности, и у других здешних. Одним словом, сплошное огорчение.

Посему надо было бы завидовать Вам — а Вы там болеете. Куда это годится? Да еще от хандры, очевидно, в иноческое состояние перешли, что уж совсем из рук вон. Подбодритесь, дорогой, чтобы хоть сознание того, что Вы продолжаете развиваться и бодрствовать, могло бы приносить нам этакое впол-

не платоническое, но все же утешение о роде и жизни человеческих. Иначе — сплошное уныние, и тщета, и суета.

Однако, извините, что наболтал кучу всякой чепухи: это тоже от сознания тщеты и суеты.

Искренне желаю Вам доброго здоровья и хорошего душевного состояния,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф. На бланке еженедельника общественно-политической мысли «Посев».

---

¹ Сибирцев М. [Н.Е. Андреев]. Книга о борьбе и надежде // Посев. 1952. 7 декабря. № 49. С. 8. — Рец. на: Казанцев А.С. Третья сила: История одной попытки. [Frankfurt a/M.], 1952. Тверской П. [Н.Е. Андреев]. Прямые и ломаные линии // Посев. 1952. 7 декабря. № 49. С. 10–11. — Рец. на: Грани. 1952. № 15.

² Кашин Александр Адрианович (1926 — ?) — писатель, журналист. Родился в Шанхае. Советский гражданин (1945). В 1948 г. от гражданства отказался. В 1952 г. переехал в Европу.

В рецензии на № 15 журнала «Грани» Н.Е. Андреев о рассказе А.А. Кашина «Желтая Волга» выразился так: написан «с претензиями: в том особенном тоне русского декаданса, который оставался до войны популярным лишь в эмигрантских изданиях Дальнего Востока» (Тверской П. [Н.Е. Андреев]. Прямые и ломаные линии. С. 10).

³ Рутыч Николай Николаевич (наст. фам. Рутченко; 1916–2013) — историк, общественный деятель. Коллаборационист.

Рутыч Н. Казань (1552–1952) // Грани. 1952. № 16. С. 163–170. Интерес к Казани был обусловлен 400-летним юбилеем взятия Казани войсками Ивана IV. В «Посеве» не была помещена статья о Казани.

⁴ Нет никаких данных о пластинке, которую Н.Е. Андреев наговорил для радио. Вероятно, запись была сделана для «Голоса Америки» (Мюнхен), где трудился Г.А. Хомяков.

⁵ Н.Е. Андреев не подготовил статью о 250-летию основания Санкт-Петербурга для «Посева». Юбилей не был обойден вниманием редакциями «Граней» (Стихи о Петербурге // Грани. 1953. № 18. С. 36–38; Петров Г. Ленинградский Петербург // Там же. С. 39–50; Барков Ф. Строители Петербурга // Там же. С. 51–56) и «Посева» (Он же. Город Петра: (К двухсотпятидесятилетию Петербурга) // Посев. 1953. 10 мая. № 19. С. 2–3; Волховской С. Ленинград сегодня // Там же. 17 мая. № 20. С. 5–7).

№ 5

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Франкфурт-на-Майне, 26 января 1953 г.

26 января 1953 г.

Дорогой Николай Ефремович,

Вы, вероятно, в недоумении: послал давно рецензию, а они — как рыба об лед, ни звука. Но это неверно: звучим, дорогой, и в подтверждение даже письма пишем, что другие некоторые делают не всегда.

Рецензия Ваша только что получена из перепечатки: зашиваемся, дорогой, ничего не поделаешь. Рецензия хорошая, так что «все в порядке», как принято сейчас говорить: она появится в одном из следующих номеров. Может случиться, правда, одно: если наше «высокое собрание» найдет, что лучше ее дать в «Грани», то она переключается в № 17 «Граней»¹, который, кстати, уже начат, — начали набор.

Как понравился Вам № 16? Меня можете ругать как Вам вздумается, ибо мне самому «После концлагеря»² не нравится. Тускло и бледно получилось. Проклятое время: все некогда. Ну, авось потом лучше напишу. Только когда будет это «потом»? На том свете?

Хочу Вас малость «попрекнуть»: с моей лично точки зрения, дорогой, не этично и не тактично, как говорится, то, что Николай Ефремович у нас пишет о Граних «лучше», а в «Р[усской] м[ысли]» — не удержался, чтобы хоть самую малую шпильку не подпустить³. Бес сидит в людях, окаянный, и за веревочку дергает.

Ну, отпустим и вместилище этого беса, и его самого на покаяние. И не обижайтесь, дорогой, за болтовню.

Искренне Ваш

Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, правки и подпись — автограф. На бланке еженедельника общественно-политической мысли «Посев».

¹ По-видимому, речь идет о рецензии Н.Е. Андреева на книгу Б.К. Зайцева «Древо жизни», которая была напечатана в № 17 журнала «Грани» (см. примеч. 2 к письму 3).

² Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. После концлагеря // Грани. 1952. № 16. С. 113–123.

³ Речь идет о двух рецензиях Н.Е. Андреева на № 14 журнала «Грани» (Тверской П. [Н.Е. Андреев]. Начала, ведущие в будущее // Посев. 1952. 12 октября. № 41. С. 10. — Рец. на: Грани. 1952. № 14; Он же. Заметки о журналах («Возрождение» XXI, XXII; «Грани» 14; «Новый журнал», книга 29-я // РМ. 1952. 10 сентября. № 483. С. 4–5). Критические замечания в рецензии Н.Е. Андреева в «Русской мысли» касались отдельных поэтических и прозаических произведений, помещенных в «Гранях».

«Русская мысль» — ежедневная общественно-политическая и литературная газета, выходившая в Париже в 1947–2008 гг. С 2008 г. газета стала выходить в Лондоне, с 2011 г. — в формате журнала.

№ 6

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Франкфурт-на-Майне, 18 марта 1953 г.

18 марта 1953 г.

Франкфурт

Дорогой Николай Ефремович,

Получили Ваше письмо от 15-го¹ и — малость удивлен, я лично. Почему не надо рецензии? Будет Ваша милость на написание ее — будем рады. Мало ли что может быть сказано и по адресу Тверского, и по адресу Андреева (любого)², дело ведь остается делом. И ни Тверского, и ни кого другого мы пока не «затирали» и вряд ли будем делать это впредь (разве уж в том случае, если он обидится на нас смертно, или в другом, равном этому случае). Нет, пусть пишет: приветствуем — в качестве редакционных работников, душа которых всегда радуется при обилии материала (не слишком длинного!). А в качестве просто человек — может быть, и подосадуем — и порадуемся вместе с тем уже тому, что есть на свете живая, на все «творческое» откликающаяся, неравнодушная душа. Видите, какая дифференциация?!

Не ответил на Ваше письмо, дорогой Николай Ефремович, по простой причине: не было времени. А тут еще Иося дал дуба³ — мы просто с ног сбились! И было бы странно, если бы было по-другому: какие же мы были бы тогда революционеры?

Посему, дорогой, пожалуйста не обижайтесь, если не приходится отвечать иногда. Причиной этому не может быть никакая обида или досада: наше расположение к Вам Вы знаете.

ЛД действительно уехал, в Швецию⁴, куда долго собирался. Это, конечно, немного осложняет дело: материалы ему будут пересылаться и т.д. Жаль и для «Посева», но ничего не поделаешь.

Давать ли рецензию сразу на 16 и 17 №№ «Граней» или отдельно⁵, решите сами, как лучше Вам. Только, дорогой, короче (не осточертел я Вам с этим? Вполне может быть. Требую снисхождения: редакторская работа — уже достаточное наказание).

Рецензия на «Древо жизни» посылается сегодня ЛД-у; другой нет у нас.

Ну, будьте здоровы, дорогой, и всего Вам наилучшего. Когда соберетесь к нам?

Ваш Г. Хомяков

П.С. На книгу Петрова рецензии заказаны давно Шугаеву и Левицкому. Будет ли выполнен заказ, еще не знаю⁶.

ППС: Ваши студенты прислали цидулку о спектакле, поставленном ими. Трогательно, конечно, и хорошо, но — куда же ее поместим? Рядом с призывом свергнуть «сталинских последышей»? Больно уж она нам неподходяща⁷. Посему — и рады были бы, но с нашими материалами трудно увязать. Лучше послали бы они в «Русскую мысль», там вполне это уместится. И они рады будут. Я им не отвечал еще — может быть, передадите?

Г.Х.

ЛА ЕНА. Машинопись, вставка и подпись — автограф. На бланке еженедельника общественно-политической мысли «Посев».

¹ Указанное письмо не сохранилось.

² П. Тверской — один из псевдонимов Н.Е. Андреева. Говоря о любых Андреевых, Г.А. Хомяков имел в виду настоящего Андреева — Николая Ефремовича, и себя (псевдоним — Г. Андреев).

³ Секретарь ЦК КПСС, председатель Совета министров СССР И.В. Сталин скончался 5 марта 1953 г.

⁴ Здесь и далее ЛД, Леонид Денисович — Ржевский Леонид Денисович (наст. фам. Суражевский; 1903–1986) — писатель, литературовед.

Л.Д. Ржевский преподавал русский язык в шведском Лундском университете с 12 марта 1953 г. по 30 июня 1963 г. (L. Rzhevsky // Personalenhetens arkiv, Pensionsmatriklar vol. D1AA:3. Universitetsarkivet. Lunds universitet).

⁵ Рецензия на № 16 и 17 журнала «Грани» за авторством Н.Е. Андреева, равно как и другого автора, в «Посеве» не появилась.

⁶ Левицкий Сергей Александрович (1908–1983) — философ, литературовед, публицист. Нелединский Евгений Николаевич (псевд. Е. Шугаев; 1886–1963) — военный деятель, публицист, переводчик. Вышеславцев Борис Петрович (псевд. Б. Петров; 1877–1954) — философ, религиозный деятель.

Ни Левицкий, ни Нелединский не исполнили заказа. Рецензию на труд Б.П. Вышеславцева для «Посева» написал А.С. Парфенов (*Светов А. [А.С. Парфенов]. Разоблачение марксизма // Посев. 1953. 19 июля. № 29. С. 9–10. — Рец. на: Петров Б. [Б.П. Вышеславцев]. Философская нищета марксизма. Франкфурт а/М, 1953*), а для «Граней» — А.Д. Билимович (*Билимович А.Д. «Философская нищета марксизма»: (по поводу книги проф. Б. Петрова) // Грани. 1953. № 18. С. 145–152. — Рец. на: Петров Б. [Б.П. Вышеславцев]. Философская нищета марксизма. Франкфурт а/М, 1953*).

⁷ Публикация заметки о постановке пьес Н.В. Гоголя и А.П. Чехова силами студентов славянского отделения Кембриджского университета в «Посеве» все же состоялась (*Бриджман А. Русские пьесы в Кэмбридже // Посев. Зарубежное приложение. 1953. 31 мая. № 3. С. 2*).

№ 7

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Мюнхен, 21 апреля 1955 г.

21 апреля 1955 г.
Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,
с опозданием большим, с прошедшими, однако, все же поздравляем Вас с супругой сердечно со светлым праздником Воскресения Христова¹ и благодарим за Ваше поздравление.

Открытке Вашей² был рад, ибо отчаялся уже получить от Вас какую-либо весточку. Думал: что такое с милым Николаем Ефремовичем стряслось? Неужто — вознесся, мол, загордился, и знать нас, малых сих, не желает?

Рад и тому, что нашли мою книжку «интереснейшей»³. Признаться, я побаивался того, что она покажется очень скучной. Написаны эти очерки давно, еще в году 1949–50, все это давно известно, обо всем этом было уже написано множество по крайней мере статей, и я ничего не мог прибавить к этому уже известному. Да и всякий материал «справочного» чисто характера — так и думал: разругают за скуку. Но кое-кому тут я давал читать, говорят, что не скучно. Если так, то уже хорошо.

Если напишите отзыв — будет очень хорошо. Куда? Не думаю, чтобы в «Посеве» отнесли к нему соответственно. Может быть — в «Русскую мысль»? Вероятно, это было бы лучше всего. Во всяком случае, просьба: черкните при случае, где Ваш отзыв появится⁴. Работы много, я сейчас за нашей, эмигрантской прессой плохо слежу.

А вот если бы по случаю Вам еще одно дело подвернулось, это было бы предельным «исполнением желаний». Тут читали мою книжку американцы, очень одобрили и в один голос говорят: очерки следовало бы обязательно перевести на английский⁵. Сокращенно немного, даже, вероятно, не для книжки, ибо очень мала получится, а для журнала вроде «Ридерс дайджест»⁶ или «Дер Монат»⁷, а может быть, и для тощей книжицы. Но у них тут ни у кого нет времени. Не выпадет ли такого случая у Вас, чтобы можно было предложить кому-либо это у Вас, подать об этом мысль? Понятно, это только сугубо при случае, но никак не специально.

Как живете и что поделываете? Собираетесь опять на лето сюда?

У нас в общем все по-старому, по-благополучному более или менее. На праздники мне пришлось работать. Но зато разговелись по всем правилам: из церкви пришло к нам одиннадцать человек, получилось по-настоящему — встреча праздника.

Сердечный привет Джил⁸ и Вам, дорогой, от жены⁹ и от меня и всего наилучшего.

Ваш Г. Хомяков

Адрес:
München 2,
Theresienstr[asse] 25 I im Hof.

ЛА ЕНА. Машинопись, приписки и подпись — автограф.

¹ Православная Пасха в 1955 году приходилась на 17 апреля.

² Указанная открытка не сохранилась.

³ Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. Горькие воды. Frankfurt a/M, 1954.

⁴ Н.Е. Андреев не написал рецензию на «Горькие воды».

⁵ Перевод книги Г.А. Хомякова «Горькие воды» на английский язык был осуществлен уже после его смерти (*Andreev-Khomiakov G. Bitter Waters: Life and Work in Stalin's Russia: A Memoir / transl. with an Introduction by A.E. Healy. Boulder, Colorado; Oxford, 1997*).

⁶ «Reader's Digest» — американский ежемесячный журнал для семейного чтения, выходящий в Нью-Йорке с 1922 г.

⁷ «Der Monat» — немецкий ежемесячный общественно-политический и культурный журнал, выходивший в Далеме (Западная Германия) в 1948–1987 гг. Имел ярко выраженную антикоммунистическую направленность.

⁸ Жена Н.Е. Андреева — Джилл (урожд. Huddleston; 1931–1993). Написание ее имени у Г.А. Хомякова нестабильно: Джил, Джилл.

⁹ Жена Г.А. Хомякова — Элли Оскаровна (урожд. Philipp; 1908–1992).

№ 8

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Мюнхен, 27 декабря 1955 г.

27 декабря 1955 г.

Мюнхен.

Дорогих Катеньку малую¹, Джилл большую, Николая Ефремовича — главу, имеет честь сердечно поздравить с праздником Рождества Христова и с Новым годом — семейство Хомяковых! С Новым счастьем тож, и добра столько, чтоб носить не переносить, возить не перевезти! А напреж всего — здоровья!

С наступлением нового года обязуемся выпить за Ваше всех здравие. Что, полагаем, произведете и Вы, за наше.

Закончив часть официальную, поясним: о существовании Катеньки доподлинно узнали только из Вашего письма², дорогой Николай Ефремович, раньше слышали только краем уха и не знали, верить, нет? Посему не могли своевременно и поздравить. Делаем это с большим опозданием сейчас, однако — и с большим чувством тоже. Да здравствует молодое поколение и виновные в появлении его! Сердечно поздравляем счастливых мамашу с папашей. Одним словом, жизнь проживается недаром. Посему Катенька в нашем поздравлении наверху — на первом месте: считаем ее главной в Вашем семействе. Не можем устоять перед молодым поколением.

Рад, дорогой, что «Трудные дороги»³ Вам понравились. Похвастаюсь: Ваш отзыв, и именно такой, не первый. Однако, по присущей нам скромности, отказываемся верить, что действительно очень уж хорошо. Когда читаешь сейчас в журнале, видишь, что то в одном, то в другом месте надо было бы не так сделать. И вообще — «творческая неудовлетворенность» грызет. Но хорошо уже то, что хотя бы «в общем» угадал: мне казалось, что эта тема, и именно так поданная и обработанная, должна произвести какое-то впечатление.

А вот насчет того, что Вы-де «будете писать» об этой вещи, — ох, дорогой, очень хочу верить¹. А кто мне писал, что будет писать также и о «Горьких водах»??? То-то же!

Засим — еще раз от души желаем в новом году всяческого благополучия.

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Дочь Н.Е. и Дж. Андреевых, Екатерина, родилась 30 апреля 1955 г.

² Указанное письмо не сохранилось.

³ Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. Трудные дороги // НЖ. 1955. № 42. С. 138–163.

⁴ См. примеч. 1 к письму 9.

№ 9

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Мюнхен, 20 февраля 1956 г.

20 февраля 1956 г.

Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович, рад был получить от Вас писульку. Статью Вашу в «Русской мысли»¹ читал; добрые люди указали; как говорится, спасибо на добром слове. Народ мы отзывами не избалованный, а тем более положительными. Очерки мои многим, как видно, понравились, сужу по отзыву Степуна², Нелединского и т.д., но все эти отзывы — устные. Подводит меня Гуль³: это ведь только начало, мы с ним в письмах договорились, что он даст всю вещь, а он дал начало и не указал, что будет продолжение. Потом, очевидно получив отзывы, попросил прислать продолжение, послал, а он опять — ни гугу⁴. Не знаю подведет или нет. Видите, какое неверное ремесло?

Вы спрашиваете о «съезде НТС», который стал «РНТС»⁵. Я был у них на нескольких заседаниях, даже выступал. Прошло в общем хорошо, даже «бодро», настроение и замыслы хорошие, но во что это выльется, пока трудно сказать. Все дело, конечно, в презренном металле. Добывать его, идя по старой дорожке, старыми методами — вряд ли можно, а главное — не нужно, ибо опять будет густо измазано всякими нечистыми делами, а потом выродится, как во Франкфурте, в казенную «ррреволюцию», бюрократию и вообще чорт знает во что.

У них есть пока человек полтора, в разных частях света. Так как во Франкфурте революция, видимо, гниет на корню, там многие (как и в других местах из франкфуртских же) ушли бы сюда, к «РНТС», но пока их там держит все та же «материя». Во Франкфурте — точно как в КПСС: фасад мощен и крику много, а реального дела — кот наплакал.

Дело в «металле» потому, что без одного они, конечно, могут существовать и работать, но это будет вроде эмигрантского кружка, не больше. В этом толку нет.

Дал я им идею издания серьезного журнала для России, типа «Моната», конечно, с определенным, освободительным, направлением. Замысел: путем освещения преобразований во всем мире за последние десятилетия, — политических, социальных и т.п., — и постепенной выработки, сведения этих преобразований в некую систему, влиять на состояние умов в России (ясное дело — учитывая возможные масштабы и т.п.) так, чтобы это «сливало» настроения там с настроениями здесь и тем самым освобождало бы сознание и создавало бы новую психологическую обстановку. Все это — очень широко, «в мировом масштабе», без всякой узости, с подачей переводных статей видных ученых и т.п. Запада, с привлечением всего ценного, что осталось в эмиграции, и так далее. В общем — чтобы это был орган действительно свободной, серьезной и освободительной русской мысли, будищей и мысль на родине. Несколько тысяч экз[емпляров] — отправлять всякими путями в Россию, в университеты, институты, союзы писателей, в научные учреждения; многое, конечно, застрянет, но кое-что и пройдет, всякими каналами⁶.

За эту мысль «мюнхенцы» ухватились и будут стараться искать средства. А вокруг этого издания они могли бы развивать и другую работу. По моему, дело это и вполне благородное, и весьма полезное было бы. Как Вы смотрите? Все же до сих пор эмиграция, издавая «Совр[еменные] записки»⁷ и множество других журналов и книг, никогда не преследовала мысли дать такой журнал для России, да и время тогда было другое, а сейчас — именно этому, чую носом, пришло самое время. Если начнется это издание, думаю, и Вы поддержите его своим участием.

Ну, хватит, я разболтался. Как Вы живете? Сердечный привет от нас Джил, Вам и Катеньке.

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Андреев Н.Е. Заметки о журналах. «Новый журнал», книги 37–42 // РМ. 1956. 19 января. № 849. С. 4–5.

² Степун Федор Августович (1884–1965) — философ, историк, общественно-политический деятель, писатель.

³ Гуль Роман Борисович (1896–1986) — писатель, журналист, мемуарист, общественный деятель. Редактор «Нового журнала» (1959–1986). В указанное время — ответственный секретарь «Нового журнала» (1951–1959).

⁴ Редактор «Нового журнала» Р.Б. Гуль в письме от 5 июня 1955 г. предложил Г.А. Хомякову прислать для 42-го номера рассказ, повесть, очерк или воспоминания. В ответ Хомяков предложил часть из воспоминаний («Дороги незримых побед», в

будущем получивших название «Трудные дороги»), оговорив, что сокращать производство не намерен. Гуль не хотел связывать себя обещанием помещать произведение целиком, предложив поместить первый отрывок и по реакции читателей принять окончательное решение. Хомяков согласился, и с письмом от 23 июня отправил первый очерк Гулю. Последний согласился напечатать первый очерк в несколько сокращенном виде, однако ничего не сообщил относительно помещения продолжения (письмо от 24 июля). В послании от 14 ноября Хомяков запросил Гуля о возможности помещения продолжения очерков, на что последний ответил только 7 декабря, предложив прислать второй очерк. Заинтересованный Хомяков уже 14 декабря выслал вторую порцию очерков для журнала (Р.Б. Гуль — Г.А. Хомякову, 5 июня 1955 г., 17 июня 1955 г., 24 июля 1955 г., 19 мая 1956 г. // Beinecke. R. Gul' papers. Box 20, folder 464; Г.А. Хомяков — Р.Б. Гулю, 23 июня 1955 г., 3 августа 1955 г. // Ibid. Box 7, folder 166; Р.Б. Гуль — Г.А. Хомякову, 7 декабря 1955 г. // Ibid; Г.А. Хомяков — Р.Б. Гулю, 11 июня 1955 г., 14 ноября 1955 г., 14 декабря 1955 г. // Amherst. Journal New Review (Novyi Zhurnal) Records. Box 5, folder 26).

⁵ Национально-трудовой союз изменил название на Российский национально-трудовой союз (РНТС) на 4-м съезде, проходившем с 25 по 30 января 1956 г. в Мюнхене (см.: Съезд НТС в Мюнхене // РМ. 1956. 9 февраля. № 858. С. 3).

⁶ Первое известное предложение Г.А. Хомякова о создании журнала для воздействия на советских граждан. Его идея была осуществлена другой организацией, Центральным объединением политических эмигрантов: в 1958 г. вышел первый номер альманаха «Мосты».

⁷ «Современные записки» — литературный и общественно-политический журнал, издававшийся в Париже в 1920–1940 гг. эмигрантами из России, придерживавшимися правоэсеровских взглядов.

№ 10

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Мюнхен, 15 июля 1956 г.

15 июля 1956 г.

Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,

весьма и весьма радуюсь за Вас и поздравляю с успехом. Доцент Кембриджа¹ — это большое признание; многие ли получали его? Вот Вам и венец некий трудов Ваших, и обеспечение, и все, что требуется человеку. Очень рад.

Не ответил на открытку² сразу потому, что тоже заматался. Было некогда, потом уехал в командировку, вернулся, опять дела. Извиняйте великодушно.

Гуль, конечно, и эту часть сильно сократил³. Некоторые места — ничего, согласен, но других очень жаль. Например, один отрывок я как-то читал тут (еще зимой устраивали что-то вроде небольшого «лит[ературного] вечера» у Ржевского), он всем понравился, и к теме вот как подходит — и его исключил.

Но ничего не поделать, у них действительно места мало. В 44-м номере написано материала невероятно много.

Жаль, главное, потому, что отдельной книжкой — когда же и где же издашь?¹ Вряд ли придется.

В №№ 46 и 47 будут еще одно продолжение и окончание⁵ (в № 45 будет моя статья⁶, с которой, вероятно, Вы согласны не будете), но они, к сожалению, хуже: писались в большой спешке, чтобы лишь бы закончить. Теперь надо было бы все переписать еще раз заново и издавать отдельной книжкой, но... сие не в наших силах. И других «сил» не видно.

Нового у нас — ничего. Усиленно «боремся с большевизмом», на час заполняя эфир всевозможными звуками. Собираемся в августе в отпуск, недели на три, на этот раз во Францию: я еще Парижа не видел, а как же это можно? Столько жить в Европе и ни разу не увидеть Парижа? Вот мы и восполним этот совершенно недопустимый пробел.

Еще раз поздравляем, и сердечный привет от жены и от меня Катеньке, Джил и Вам.

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

---

¹ О назначении Н.Е. Андреева на постоянную должность доцента (lecturer) Кембриджского университета было объявлено в Cambridge University Reporter (1956. 13 June). На указанную должность Андреев назначался с 1 октября 1956 г.

² Упомянутая открытка не сохранилась.

³ Речь идет о публикации очередного очерка «Трудных дорог» в «Новом журнале» (Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. Трудные дороги // НЖ. 1956. № 44. С. 144–168):

⁴ Отдельной книгой «Трудные дороги» были опубликованы в 1959 г. (Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. Трудные дороги. Мюнхен, 1959).

⁵ Продолжение было помещено в № 47 и 49 «Нового журнала» (Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. Трудные дороги // НЖ. 1956. № 47. С. 5–33; 1957. № 49. С. 5–45):

⁶ Он же. Иные времена // Там же. № 45. С. 207–221.

№ 11

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Мюнхен, 12 августа 1956 г.

12 августа 1956 г.

Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,
так всегда: другие уже успели получить «Новый журнал», прочитать и похвалить и поругать автора, а автор продолжает ждать у моря погоды. Позавчера

у Ржевских опять был вроде как литературный вечер читали (и я в том числе, для проверки впечатления: сложилось в мою пользу); оказывается, Степун, Вейдле¹, Газданов², Чиннов³ тоже уже получили «Н[овый] журнал», а у меня — увы и ах. Не знаю, что они сделали с моей статьей, поковыряли или нет и т.д.⁴

В общем, отношение к статье положительное, вроде Вашего, находят «свежей». Некоторые и больше. И тоже некоторые согласны с Вами: критическая часть сильнее положительной, к коему выводу, вообще говоря, кажется, прийти не особо трудно. И с этим выводом вполне согласен. Но я и не хотел предлагать какие-либо «большие идеи» (а может, у меня их тоже нет? И почему я именно должен их выдвигать? Не нахожу этого обязательным для себя). У меня было более узкое задание для этой статьи: констатировать более или менее беспомощность, даже достаточно резко, чтобы хотя бы немного «проняло», дать только некоторые наброски «положительного» и подождать: что из этого получится? И получится ли вообще что-нибудь? В сущности, нужна дискуссия, ее и надо было бы вызвать, а для этого нужна горячность. А дальше, в ходе разговора или спора, можно палить дальше, м.б. из более крупнокалиберного оружия. В этом же плане сейчас можно было бы дать ряд статей, освещающих с данной точки зрения вопрос и время с разных сторон, — это и было бы, вероятно, внесением «положительных моментов». Беда только: где взять время да где печатать? Надо продолжать там же, где начато, но это медленно, долго. Хотя, вероятно, время у нас еще есть.

Вы, конечно, правы в том, что «узким специалистам» и карты в руки. Но, дорогой, оставьте же место и не специалистам, дилетантам! Что мы, бедные, иначе будем делать? Кстати, в Москве присматриваются не только к специалистам. И тут я бы мог тоже малость погордиться. Я, вероятно, уже рассказывал Вам, как Эренбург⁵ в первой части «Оттепели», в сущности, процитировал несколько слов из одного моего рассказа и попробовал отвергнуть его со своих позиций?⁶ Мне как автору это было очень заметно; по присущей нам скромности мы, конечно, не разгласили этого широко. Да и к чему? Кому это особо интересно?

Дорогой Николай Ефремович, что, если бы я обременил Вас одной просьбой? Или, может быть, Джил могла бы это сделать? Был бы по гроб жизни благодарен. Дело вот в чем: я только что (вчера сидел до 4 утра, сейчас заканчивал), прочитал в «Иностранной литературе» Грэхема Грина «Тихого американца»⁷. Сильная вещь. До этого, не зная английского, я только слышал о Грине, теперь вижу и чувствую. Читал и «обсуждение» в том же журнале этого романа (вернее, вообще Грина) советской «литературной общественностью» («узкими специалистами»)⁸. И по причине сидящего в нас беспокойства хочу обязательно написать этому самому Грину коротенькое письмо⁹, «от русского лица», а не советского. Ему, конечно, это ни к чему, он знает в десятки раз больше, чем я, но тем не менее. «Не могу молчать!» — очевидно, это у нас в крови. Так вот, нельзя ли было бы достать его адрес, если это не трудно? Адрес

его издателя¹⁰, может быть? Для меня тут это трудно (пошлешь издателю, да окажется, что не тому), ибо совершенно не знаю, как с этими делами обстоит в Англии. А Вы знаете. Посему и обращаюсь, с извинением за затруднение.

Забыл я у Вас спросить, когда Вы были: что там делается с Утехиным? Когда-то он «подавал большие надежды» ведь, — что стало с ними и с ним?

Вашему визиту мы были очень рады, об этом нечего и говорить. Всегда нужно время от времени «подновлять старое», прежнее знакомство. И всюду, по-моему, Вам были рады, сужу по ряду отзывов.

Привет сердечный Джил, Катеньке и Вам и всяческого благополучия всему семейству от жены и меня.

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Вейдле Владимир Васильевич (1895–1979) — литературовед, поэт.

² Газданов Гайто (Георгий) Иванович (1903–1971) — писатель.

³ Чиннов Игорь Владимирович (1909–1996) — поэт.

⁴ Речь идет о статье «Иные времена» (см. примеч. 6 к письму 10).

⁵ Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) — писатель, журналист, переводчик, мемуарист.

⁶ См.: Эренбург И.Г. Оттепель // Знамя. 1954. № 5. С. 14–87. Не удалось установить, какие слова и из какого рассказа Г.А. Хомякова воспроизвел И.Г. Эренбург в «Оттепели».

⁷ Грин Грэм (иногда Грэхем) (Greene; 1904–1991) — писатель. «Тихий американец» («The Quiet American») — роман Г. Грина (1955), содержащий критику американской внешней политики во Вьетнаме.

«Иностранная литература» — ежемесячный литературно-художественный журнал, специализирующийся на публикациях переводной литературы. Выходит в Москве с 1955 г. Роман Г. Грина «Тихий американец» в переводе Р. Райт-Ковалевой и С. Митиной был опубликован в «Иностранной литературе» (1956. № 6. С. 4–41; № 7. С. 90–164).

⁸ Обсуждение советскими литературоведами романа Г. Грина «Тихий американец» прошло в Союзе писателей СССР. Сокращенная стенограмма была помещена вместе с окончанием публикации романа (см.: Обсуждение романа Грэхема Грина «Тихий американец» // Иностранная литература. 1956. № 7. С. 198–206).

⁹ Письмо Г.А. Хомякова Г. Грину обнаружить не удалось.

¹⁰ Первое издание романа Г. Грина «Тихий американец» было осуществлено лондонским издательством W. Heinemann (1955).

№ 12

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Мюнхен, 5 сентября 1956 г.

5 сентября 1956 г.
Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,
только что вернулся из отпуска и нашел Ваше письмо. Большое спасибо за адрес, сегодня же сяду за письмо, потом дам его перевести и отправлю. Конечно, обращение будет по «полной форме»: напишут сведующие люди. Мне же не грех не знать всяких тонкостей в английских адресах.

Что там написал Аронсон¹, очень любопытно, к сожалению, не читал его статьи² и не знаю, прочту ли: у нас тут «Н[овое] р[усское] слово»³ бывает редко и эпизодически. А жаль: если он там дал повод к тому, чтобы малость его посечь, я бы обязательно в него вцепился. Ибо его сечь стоит неустанно и постоянно, в том смысле и расчете, что это дает повод высказать какой-то иной взгляд и отвергнуть еще раз именно заплесневевшие «установки» наших «левых»: их цензуры и надзора с нас хватит.

Нет, для «Посева», думаю, Ваш обзор⁴ не подойдет: там гнут «р[еволюционную] дугу и этим не интересуются. Посему и ими мало интересуются. А почему Вы прекратили писать для «Русской мысли»? В Париже, между прочим, я заходил к ним. Публика там, право, хорошая, хотя этой «публики» раз и обчелся. Во всяком случае, работают добросовестно и, пожалуй, именно жертвенно: в сквернейших условиях умудряются выпускать три номера в неделю. Их, по-моему, поддержать всегда стоит.

Журнал «Иностранная литература», «он когда-то издавался, даже по форме такой же, в 30-х годах»⁵, был возобновлен в прошлом году, в конце, вышло уже номеров 8–9⁶, я видел три-четыре. Ясное дело, выбирают достаточно тщательно, что им переводить, однако, так как журнал возобновлен с целью показать свою нынешнюю «сосуществовательскую широту»⁷, для доказательства мирных и благонамеренных своих устремлений, дают они и стоящие вещи. Например, напечатали «Старика и море» Хэмингуэя⁸, рассказы Сарояна⁹ и т.д. В пятом и шестом (кажется) номерах¹⁰ дали они и «Тихого американца» Грахама Грина. Есть там и обсуждение этого романа в Союзе сов[етских] писателей¹¹, затем — статья Эренбурга о памятниках индусской культуры¹², — статья любопытная, косвенно я собираюсь задеть эту же тему, но, понятно, не по-эренбурговски. По-моему, этот журнал надо иметь и просматривать.

Привет сердечный всем Вам троем и всяческого благополучия,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Аронсон Григорий Яковлевич (1887–1968) — публицист, мемуарист, общественный деятель.

² В обзоре № 45 «Нового журнала» Г.Я. Аронсон обрушился с критикой на статью Г.А. Хомякова «Иные времена». В частности, Аронсон писал: «Центральной идеей статьи Г. Андреева “Иные времена”, посвященной анализу коммунизма и решительной критике эмиграции, является идея о том, что мир вступил в новую эпоху и всякий, кто не слышит голосов этой эпохи, — заранее обречен на поражение. Насколько можно понять автора, гвоздем этой новой эпохи является не национальный, а социальный момент, без учета которого нет никакого движения. Если бы Андреев развернул свою концепцию, то, возможно, он пришел бы к идее демократического социализма, или, если угодно, “неолиберализма”, как недавно было предложено именовать сочетание социализма с политической демократией. Но вместо последовательного развития мыслей Андреев прибегает к далеко идущей апологетике коммунизма, приписывая ему безраздельную власть над умами даже в России, считая всякое соревнование с ним почти обреченным и т.д., — что придает привкус двусмысленности статье, принадлежащей перу антикоммуниста. Отсюда и упреки его по адресу эмиграции теряют свою убедительность» (Аронсон Г. «Новый журнал». Книга 45 // НРС. 1956. 12 августа. № 15751. С. 8).

³ «Новое русское слово» — ежедневная (с 2009 г. еженедельная) общественно-политическая и литературная газета, выходившая в Нью-Йорке в 1910–2010 гг. (в 1910–1920 гг. под заглавием «Русское слово»).

⁴ Не удалось установить, о каком обзоре Н.Е. Андреева идет речь в письме.

⁵ Г.А. Хомяков имеет в виду ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «Интернациональная литература», выходивший в Москве в 1933–1943 гг. на русском, французском, немецком и английском языках.

⁶ Ошибка Г.А. Хомякова: к сентябрю 1956 г. вышло 14 номеров «Иностранной литературы».

⁷ Г.А. Хомяков намекает на политику мирного сосуществования коммунистических и капиталистических стран, проводившуюся СССР наиболее активно с 1950-х гг.

⁸ Хемингуэй Эрнест (Hemingway; 1899–1961) — писатель, журналист. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1954). Повесть «Старик и море» («The Old Man and the Sea») вышла в 1952 г.

Хемингуэй Э. Старик и море // Иностранная литература. 1955. № 3. С. 95–136.

⁹ Сароян Уильям (Saroyan; 1908–1981) — писатель. Лауреат Пулитцеровской премии (1940, отказался), кинопремии «Оскар» (1944).

Не вполне понятное утверждение Г.А. Хомякова. До сентября 1956 г. рассказы У. Сарояна не появлялись в журнале «Иностранная литература». Впервые произведения были напечатаны в десятом номере журнала, за октябрь 1956 г. (Сароян У. Три, четыре, пять, вышел зайчик погулять / пер. с англ. В. Лимановской // Иностранная литература. 1956. № 10. С. 57–62; Он же. Гений / пер. с англ. В. Лимановской // Там же. С. 62–65).

¹⁰ Ошибка Г.А. Хомякова. «Тихий американец» был напечатан в шестом и седьмом номерах журнала «Иностранная литература» за 1956 г.

¹¹ Союз советских писателей — организация профессиональных писателей СССР (1934–1991).

¹² Эренбург И.Г. Индийские впечатления // Иностранная литература. 1956. № 6. С. 196–222.

№ 13

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Мюнхен, 10 сентября 1956 г.

10 сентября 1956 г.
Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,
большое спасибо за вырезку. Сегодня у меня последний день отпуска, посему спешу ответить Вам, ибо завтра собраться будет уже труднее.

Отзыв Аронсона¹, к сожалению, не только странен, а и очень гнусен. Это и просто удивительно, что за логика у человека: «если бы Андреев договорился до демократического социализма, все было бы хорошо. Но поскольку он до этого не договорился, постольку его статья производит даже сомнительное впечатление». Чорт знает, что такое. У меня впечатление, что он не читал статью как следует (иначе откуда он вычитал то, чего в ней нет? «Далеко идущая апологетика коммунизма», будто бы утверждение мною его безраздельной власти «над умами даже в России» и т.д. — у меня все это наоборот), но судит он без всякой апелляции. Чисто в стиле нашей былой «прогрессивной общественности», творившей суд и расправу над всем, что не укладывалось в ее рамки или не нравилось ей. Так и Аронсон, дописавшийся почти до подлости: почти до выдачи мне справки о неблагонадежности. Безобразие несомненное, хотя мне на него отвечать, понятно, не след. Нет, черный кобель, видимо, отмыться никогда не в состоянии: каким Аронсон был в младенчестве, таким и остается.

Дорогой, а не усложняете ли Вы чересчур Ваших отношений с «Русской мыслью»? Мне кажется: а не ищет ли Ник[олай] Ефремович отговорку, чтобы не писать? Желание понятное, когда времени нет, и далекое от всякой предосудительности, но... По моему, им можно по-разному писать, как вздумается, по одному поводу или по другому, на один журнал или несколько: они рады будут каждому стоящему материалу. А у них стоящее — нет-нет да и проскользнет. А где его больше?

Струве не читал и читать не хочу². Этот черствый, погрязший, не знаю, может быть, в сомнительной учености профессорский сухарь до нас снизить не изволил, — ну, и мы платим ему той же монетой. Не знаю, его писания мне никогда не нравились, а поведение, о котором мне немало рассказывали, тем более (например, в его разговорах с сов[етскими] писателями, с которыми он не сумел найти даже простого человеческого языка и пытался разговаривать с ними примерно языком черносотенца, понятно современного. Да и тут его

разговоры, с Ржевским и другими, тоже были хороши). Мне писала Кускова³: к вам в Мюнхен поехал Струве (он был у нее), вы, дескать, непременно увидите его, — куда там, он «вращался» только в «значительных кругах». Вот также ни словом не обмолвился он в своей книге ни о моих писаниях, ни о многих других. А я, дорогой, при всей своей скромности (действительной, ей-же-ей действительной), все-таки думаю, что это несправедливо. Как-никак, пишу я в эмиграции уже десять лет, написал за это время гору, в том числе и много всякой чепухи. Но была ведь и не чепуха, свидетельством чему и то, что некоторые мои писания встретили полное одобрение, иногда вызывали обсуждение и т.п. У меня есть отзывы и Ваши, и Зайцева⁴, и Иваска⁵, и Вейнбаума⁶ (о журналистических писаниях), и других людей, сведующих не менее Струве, причем отзывов, данных не из вежливости. Между тем Струве упоминает в своем «труде» и о журналистах, не одних писателях, и иногда не так уж много весящих. А тут — десять лет работы, и даже слова не удостоился. У меня впечатление: он упомянул только тех, кого знает лично, с кем переписывается и т.п. и кто «имеет вес» — подход, в общем, больше этакий «материальный», но вряд ли ученый. Ну, Бог с ним.

Хватит с обидами и огорчениями. Как-нибудь переживем. Я сейчас задумал писать нечто вроде «путевых заметок современного русского европейца», которые будут называться «Москва, Рим, Париж»⁷. Не знаю, осилю ли, но задумал в плане моей статьи в «Н[овом] ж[урнале]», в плане «слияния человечества», построения «Европы от Атлантики до Тихого океана»⁸ и т.п. Буду писать тоже без всякой апелляции, без оглядки на «ученость» и компетенцию, примерно — как бы современный пензенский или тамбовский, попав в Зап[адную] Европу, стал бы судить, бесцеремонно смешивая все в кучу и не заботясь о раскладке по канонам и правилам приличия. Любопытно, что получится? Пока не знаю сам. Зайцев и Сургучев⁹ советовали (понятно, по отдельности, они друг друга не терпят. Зайцев прав, конечно) писать, несмотря на то, что написано о той же Италии множество, и не такими сапожниками, как я. Но они и не подозревают, что я собираюсь писать совсем иначе: не о красотах, а о другом.

Других романов Грина я не читал, посему, вопреки английским специалистам, могу быть в восторге и от этого романа Грина. А роман все же хорош. Я хочу всячески похвалить его вообще за роман, за то, [что] всем подтекстом он отлично решает самые острые проблемы нашего времени в плане не политическом, а человеческом, но — и указать, что вот в плане политическом он не удержался и вопрос о «выборе стороны» решил весьма сомнительно. Настаиваю, что решать надо именно в плане человеческом, который и является «высшей политикой», сейчас, может быть, способной влиять и на текущую политическую практику. Нам-де, русским, это особенно понятно и для нас особенно остро, — упомянул попутно о том, как его превознесла «Правда» именно за «сомнительное решение»¹⁰, об обсуждении его романа в Союзе сов[етских] писателей и т.п., — и одновременно закинул удочку о необходимости работы в этом плане на русском языке. Завтра дам письмо переводить, посмотрим, что ответит.

Париж, дорогой, хорош. Несмотря ни на что. Влюбиться в него не только можно: в него грех не влюбиться. Посему у меня на стенах сейчас три акварели и очень посредственная картина маслом, купленные на Монмартре, а на столе — пепельница с химерой с Нотр-Дам¹¹. Почти — культ Парижа. И еще — бутылка коньяка в виде Атоса, Портоса и Арамиса¹², вместе взятых. Жалко даже пить. Но она будет вместо графина. Нет, стоит обедни, что и говорить!

Адреса Сабуровой¹³ не знаю, постараюсь узнать. Эта странноватая дама живет где-то на отлете, кажется, от общественности, хотя, может быть, я и ошибаюсь. Если узнаю, сообщу.

Привет сердечный Катеньке, Джил и Вам, и будьте здоровы,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ См. примеч. 2 к письму 12.

² Струве Глеб Петрович (1898–1985) — литературный критик, литературовед, поэт. Струве Г.П. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк, 1956.

³ Кускова Екатерина Дмитриевна (Кускова-Прокопович; урожд. Есипова, по первому мужу Ювеналиева; 1869–1958) — публицист, общественная деятельница, мемуаристка. Упомянутое письмо Е.Д. Кусковой не обнаружено.

⁴ Зайцев Борис Константинович (1881–1972) — писатель, переводчик.

⁵ Иваск Юрий Павлович (1907–1986) — литературный критик, историк, поэт. Редактор журнала «Опыты» (1955–1958). Г.А. Хомяков в письмах называет Иваска Ю.П. и Юрий Павлович.

⁶ Вейнбаум Марк Ефимович (1890–1973) — журналист. Главный редактор «Нового русского слова» (1922–1973).

⁷ Указанный творческий замысел Г.А. Хомякова не осуществился.

⁸ Отсылка к статье Г.А. Хомякова «Иные времена».

⁹ Сургучев Илья Дмитриевич (1881–1956) — писатель, публицист, мемуарист.

¹⁰ «Правда» — общественно-политическая газета, выходящая с 1912 г. (места издания и названия в разные годы варьировались). До 1991 г. — орган ЦК КПСС. С 1997 г. — официальный печатный орган КПРФ.

Елистратова А. «Тихий американец» // Правда. 1956. 3 сентября. № 247. С. 4.

¹¹ Нотр-Дам де Пари (собор Парижской Богоматери) — католический храм в центре Парижа, возведенный в XII–XIV вв. Химеры — в древнегреческой мифологии чудовища с головой и шеей льва, туловищем козы и змеиным хвостом. В оформлении Нотр-Дам де Пари использованы скульптурные фигуры химер, фантастических чудовищ, олицетворявших собой силы зла и пороки.

¹² Атос, Портос и Арамис — герои историко-приключенческого романа А. Дюма-отца «Три мушкетера» («Les trois mousquetaires», 1844).

¹³ Сабурова Ирина Евгеньевна (1907–1979) — писательница, поэтесса. В описываемое время проживала в Мюнхене.

№ 14

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Мюнхен, 28 декабря 1956 г.

28 декабря 1956 г.

Мюнхен.

Дорогих и уважаемых Катеньку, Джилл и Николая от всего сердца поздравляет семейство Хомяковых — с Новым Годом и Рождеством Христовым! И желает им в новом году всего самого лучшего, чего только они сами себе могут пожелать! А оприч[ь] того — весело и как подобает встретить праздники и провести оные! И выпить при случае в эти самые праздники и за наше здоровье, а мы обязуемся в тот же час выпить за Ваше! Прозит¹ и с Новым Годом, с новым счастьем!

Покончив с частью официальной, на сей раз не доставляющей никакого неудовольствия, а наоборот, поболтаем немного о другом. Тут приехал опять, работать на рождественские каникулы, Леонид Денисович. Заезжал он во Франкфурт. И говорит, что Вы, вероятно, будете читать на предполагаемом в Стокгольме «конгрессе» доклад². Так ли это? Думаю, что к Вам обращались: франкфуртской публике нужны имена, и блеск они там, нет сомнения, наведут такой, какой нужен им.

Меня вся эта история несколько интересует с некоторых точек зрения, а в частности и вот с какой: поскольку «конгресс» затевается, хотя бы внешне, под вывеской всеэмигрантской, постольку будет скверно, если он пройдет «в узкополитическом русле», что можно предполагать по ряду причин. Широкая программа, — по-моему, ненужно широкая, — в действительности сведется к весьма узким делам, и очень может быть, что на этом высоком собрании не будут ни затронуты, ни поставлены (хотя бы поставлены) необходимые вопросы достаточно широко и с «дальним прицелом». Франкфуртцам это не нужно, так как они сами все знают, умеют открывать все ларчики, необходимые им, и в «высоких материях» в действительности не нуждаются. Им в конце концов — «абы гроши були»³. А я, за исключением очень немногих лиц, и Вас во-первых, не вижу, кто бы мог хотя бы поставить, обратить на них внимание, на эти самые «проклятые вопросы». Но не все, вероятно, будут на этом «конгрессе», другие, вроде Марголина⁴ (который, говорят, выступал в сентябре в Посеве очень дельно⁵), окажутся только гастролерами, которые, кроме фиги, ничего не увидят, а потом прочирикают где-нибудь в Н[овом] р[усском] слове свои самые отрадные впечатления⁶.

Я, между прочим, думал было ехать на этот конгрессу но с условием, если мне дадут выступить где-то в прениях. Собирался специально написать «спич»⁷, поскольку выступалыщик из меня — швах. Однако приглашения я так и не получил, хотя здешняя публика предложила пригласить и меня и «устроители» из НТС, вернее их представители, согласились с этим. Но потом,

вероятно, цензура во Франкфурте не пропустила: больно уж для них я непереварим. Вероятно, и не пригласят, хотя это и свинство, так как они могут распоряжаться деньгами, а не эмиграцией, флагом которой они хотят прикрыться. Вот это-то и нехорошо.

Ну, Бог с ними, и извиняйте за то, что к поздравительному письму я прибавил сие брюзжание. А при случае все же черкните, что Вы по этому поводу думаете. И еще раз — сердечно приветствуем и поздравляем,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Прозит (от лат. *prodesse*) — пожелание здоровья, тост.

² Конгресс за права и свободу в России, ставший фактически съездом русских политических эмигрантов, предполагалось созвать в Стокгольме, однако шведское правительство, первоначально обещавшее визы участникам конгресса, позже свое согласие отозвало. В результате организаторы обратились к ряду стран с просьбой разрешить провести конгресс, согласием откликнулось правительство Нидерландов. Конгресс прошел в Гааге 25–27 апреля 1957 г. (см.: Голландская газета о предстоящем // Посев. 1957. 14 апреля. № 15. С. 8; Самарин В. Конгресс за права и свободу в России // НРС. 1957. 17 мая. № 16029. С. 3; Иностранная печать о Конгрессе за права и свободу в России // Там же. 12 мая. № 19. С. 4; Конгресс за права и свободу в России // Грани. 1957. № 33. С. 3–4). Конгресс созывался не по принципу представительства организаций, а по принципу личного участия каждого из приглашенных.

Н.Е. Андреев принял приглашение организаторов конгресса и согласился прочесть на пленуме центральный доклад, однако на сам конгресс Андреев не попал, т.к. в результате переноса сроков новая дата конгресса совпадала с началом триместра в Кембриджском университете (см.: Конгресс за права и свободу в России. Организационный комитет — Л.Д. Ржевскому, 6 января 1957 г. // Beinecke. L.D. Rzhevsky papers. Box 6, folder 129: «Kongress za prava i svobodu v Rossii / 1957»; Конгресс за права и свободу в России // Посев. 1957. 21 апреля. № 16. С. 3; Конгресс за права и свободу в России // Там же. 5 мая. № 17–18. С. 5; Приветствия и пожелания, выраженные Конгрессу за права и свободу в России // Там же. 12 мая. № 19. С. 7).

³ Лишь бы деньги были (укр.).

⁴ Марголин Юлий (Юлиус) Борисович (1900–1971) — писатель, публицист, деятель сионизма.

⁵ Конференция еженедельника «Посев» прошла 10–11 сентября 1956 г. во Франкфурте-на-Майне (см.: Очередная конференция «Посева» // Свобода. 1956. № 52. С. 32).

⁶ Марголин Ю. Поездка во Франкфурт // НРС. 1956. 10 октября. № 15810. С. 2; 11 октября. № 15811. С. 2.

⁷ Речь (от англ. *speech*).

№ 15

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Мюнхен, 6 мая 1958 г.

6 мая 1958 г.

Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,

то, что Вы писали в последнем письме относительно докладов, которые могли бы сделать, я все исправно передал Маламуту¹; дал ему и Ваш адрес, который, впрочем, у них и так, вероятно, есть. Дальше — уже их дело; а я их дел не знаю и не имею понятия, как они у них там меняются, вроде майского ветра или держатся крепко, без всякой ветрености.

Был на днях у нас Николай Иванович Осипов², говорит, что Вы ему писали³ относительно его статьи в «Свободе»⁴. Это очень хорошо: старик ценный, а чувствует себя вроде как бы в загоне, — особенно это сказалось после НТС, обхождение в котором с ним Ник[олай] Ив[анович] принял почти как шельмование его. Посему всякая строка одобрения воспринимается им как некий бальзам. Мне тоже статья эта очень понравилась, хотя вторая часть ее, вернее конец, значительно слабее, по-моему, без блеска и даже глубины первой части. Зная старика, вижу, в чем дело: первая часть — давно выношенная, конец — очевидно, написан наспех. Он говорит, что послал Вам свою брошюрку «Клевета друзей»⁵, — тоже очень интересна, но, к сожалению, чуть не все намечено в ней только бегло, без развития, чтобы она могла быть понятна широкому кругу, а в особенности иностранному читателю, тогда как, по-моему, она в первую очередь должна быть адресована ему. Но для него надо тоже самое писать, очевидно, иначе.

Здесь ЦОПЭ⁶ затеяло издание нового альманаха, толстого, страниц этак на 300–400, который, по-замыслу, должен был бы отличаться от других журналов эмиграции⁷. «Отличится» ли, не знаю. Просили они Осипова и меня написать что-нибудь этакое «основополагающее», но у меня для этого кишка тонковата⁸. Вот Вам бы присоединиться. К сожалению, публика солидная, так сказать корифействующая, вроде Степуна, Вейдле, относится к альманаху вполне благожелательно, но говорит, что во второй номер они — с удовольствием, а в первый — погодят⁹. Вы, наверно, тоже погодите. А нам, что же, пыхтеть прикажете?

Я, конечно, скромно стушевался на второй план, на первый выставляю Ник[олай] Ивановича. Что-то нужно такое, чтобы зацепить Вас, корифействующих. Ну, посмотрим. Они предлагали мне войти в редколлегию, но не знаю еще, как решу.

Надо сказать, что все эти дела, просьбы (пишу, например, брошюры для ЦОПЭ и пр., статьи им в «Свободу»¹⁰: надо, просят, а поэтому и отказываться как-то неудобно) плюс работа на службе заполняют и день и голову целиком,

и для литературных дел ничего не остается. Казнюсь из-за этого, самого себя ругаю, а что же поделаешь. Получается буквально: ничего не попишешь. Вот и выходит, что ничего не пишется. А замыслов и тем хоть отбавляй. Но придется ли когда-нибудь приняться их «воплощать»? Иногда с неприятным чувством думаю, что, может быть, и не придется. Сие нехорошо.

Ну, хватит плакать в жилетку. Привет, дорогой, Вам сердечный, привет сердечный и Джил с Катенькой.

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Маламут Чарльз (Malamuth; 1899–1965) — журналист, писатель, переводчик.

² Осипов Николай Иванович (наст. имя и фам. Николай Николаевич Поляков; 1889–1963) — публицист. В последующей переписке Н.И. Осипов фигурирует как Николай Иванович.

³ Письмо Н.Е. Андреева Н.И. Осипову не обнаружено.

⁴ Осипов Н.И. [Н.Н. Поляков]. Сталинщина // Свобода. 1958. № 4. С. 2–4.

«Свобода» — ежемесячный общественно-политический журнал послевоенных эмигрантов из СССР, выходивший в Мюнхене в 1951–1963 гг.

⁵ Осипов Н.И. [Н.Н. Поляков]. Клевета друзей. Мюнхен, 1958.

⁶ Центральное объединение послевоенных (с 1957 г. политических) эмигрантов из СССР (ЦОПЭ) — политическая организация, объединявшая невозвращенцев, диссидентов (1952–1963).

⁷ Речь идет о литературно-художественном и общественно-политическом альманахе «Мосты», выходившем в 1958–1970 гг. (Мюнхен, Нью-Йорк). До 1963 г. альманах издавался ЦОПЭ, впоследствии — «Товариществом зарубежных писателей».

Воспоминания Г.А. Хомякова о возникновении идеи издания альманаха «Мосты» см.: Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. В отраженном свете. «Мосты», эмиграция, Россия // Русская литература в эмиграции / под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 309–320. (Slavic Series; 1).

⁸ В первом номере альманаха «Мосты» была помещена вступительная заметка (От редакции // Мосты. 1958. № 1. С. 7–8). В редакционную коллегия альманаха входили Н.Н. Берберова, Ф.Т. Лебедев, Ю.А. Письменный (главный редактор), В.И. Юрасов. Авторство заметки установить не удалось.

⁹ Публикации статей Ф.А. Степуна и В.В. Вейдле начались с № 3 альманаха «Мосты» (1959).

¹⁰ Ни одной брошюры, подписанной именем Г.А. Хомякова (а также его псевдонимами Г. Андреев и Н. Отрадин), в издательстве ЦОПЭ не выходило. В журнале «Свобода» за конец 1957 г. — начало 1958 г. появились три статьи Хомякова (см.: Отрадин Н. [Г.А. Хомяков]. Еще одно испытание // Свобода. 1957. № 11. С. 2–3; Он же. На самые жгучие темы // Там же. № 12. С. 20–21; Он же. На самые жгучие темы // Там же. 1958. № 1. С. 8–10).

№ 16

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Мюнхен, 19 сентября 1958 г.

19 сентября 1958 г.

Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович, мы только что, два дня назад, вернулись из большой поездки по Италии, устроили себе вроде отпуска после увольнения из «Голоса Америки»¹. Буду отдыхать еще до 1 октября, потом начну работать в ЦОПЭ.

Приехав, нашел Ваше письмо². А прочитав его, проникся мрачными мыслями и свирепыми желаниями. Самое свирепое: всех нас надо было бы сечь ежедневно, розгами или еще чем, и приговаривать: «Говоришь о “культурном делании” в эмиграции — так делай же, такой-сякой, а не только говори!» Некоторых, может быть, надо сечь по два раза в день, — и к этим некоторым не отнести ли Николая Ефремовича?

Нет, в самом деле, дорогой: Вы вот пишете, что побывали здесь и «зарядились». А какой толк из Вашей зарядки? Разве выколотишь из Вас какую-нибудь статью? Бездна дело. Вот Вам и «культурное делание». А ведь энергии у Вас, энтузиазма, кипения через край. Куда они деваются?

Ну, извините за такое в самом деле свирепое ворчание. Но верно: людей в эмиграции осталось совсем, что называется, кот наплакал, пишущих, думающих; да и из них думают и пишут многие либо нафталино, либо вообще ничемно, остальных можно по пальцам пересчитать, — так и эти считанные молчат. Появится какая-нибудь действительно интересная статья, — ни отклика на нее, ни полемики не возникает, как в воду. Откуда же может быть движение мысли, обмен? Все получается в одиночку, да и то по мелочам; либо разводит-ся такой академизм, что ничего живого в нем не обнаружишь. Самые пылкие полемики по-прежнему крутятся вокруг таких «животрепещущих» вопросов, как «был ли прав Керенский, выступив против Корнилова»³ или что-нибудь в таком же духе.

Вы спрашиваете об альманахе ЦОПЭ. Не знаю еще, что у них выйдет, они предлагали было мне войти в редколлегия, но потом больше этого предложения не подтверждали. Тоже ведь: «политика», свои люди, интересы... Будет там и Юрасов⁴. Но ладно, это не так важно. Важно другое: чтобы во втором номере дали свои отклики, свои мысли такие, как Степун, Вы, Вейдле, тогда, может быть, можно будет развить более живое дело. Я дал туда статью⁵ именно с этой целью, но далеко не уверен, получится ли что из этого.

Степун, — мы его тут с Ржевским уговаривали, чтобы он написал о встречах с Буниным, с Толстым⁶ и т.д. Тоже не подвигнешь: говорит, некогда, занят продолжением воспоминаний, переводом на немецкий⁷ и т.д. А человек конечно ценный.

Нет, я думаю, что расшевелить хоть немного публику можно было бы только одним: изданием действительно русской, ни от кого не зависимой газеты, где можно было бы писать без какой-либо оглядки. Сейчас ни одного такого издания в эмиграции нет: все на кого-нибудь да оглядываются. И писать, ей-ей — в стиле Солоневича⁸, забористо, лишь бы не по мелочам и не по вздорным делам. Но где же и как же состряпашь такую газету? А у меня руки просто чешутся.

Юрия Павловича видел я, в сущности, мельком, привозил его Чиннов к Ржевскому. Жил он где-то за Мюнхеном, а у меня как раз было немало забот с работой, так что сколько-нибудь обстоятельных разговоров не получилось. Да мне кажется, что он и ни с кем не виделся «основательно», кроме своих старых знакомых, у которых жил, и Чиннова, тоже его старого знакомого⁹. Он был мил, говорил больше о «житейском» и держался и скромно, и сдержанно, по-моему, может быть, даже уклоняясь от «серьезных разговоров». А в общем, остался целиком тем же Ю.П., которого я знал по Гамбургу, со всеми его неопределимыми странностями, отличающими поэтов. Тут, во всяком случае, большого горения ждать нельзя. С «Опытами» у них какая-то канитель: он не распространялся, но можно было думать, что, вероятно, есть трения с Цетлиной, и останется ли он там, трудно сказать¹⁰. Вместе с тем кто будет вместо него? Людей-то нет. Посему будут, вероятно, как-то тянуть.

Николай Иванович смерть жены переживает очень тяжело¹¹. Звали мы его с собой в Италию, но он хотел остаться один и не поехал. Вчера звонил нам и вижу, что он все в том же крайне подавленном состоянии. Хотел в следующее воскресенье приехать к нам. Это хорошо: хоть немного старик отвлечется от своего одиночества.

Ну, добре, на сегодня на этом и закончим. Еще раз извините, дорогой, за «резкие шутки» в начале письма. И принимайте сердечные приветы от меня и жены Джил, Катеньке и себе. Всего наилучшего,

Ваш Г. Хомяков

P.S. Письмецо Ваше сегодня же пересылаю Ржевскому¹³.

ЛА ЕНА. Машинопись, приписки и подпись — автограф.

¹ «Голос Америки» («Voice of America») — американская правительственная радиокomпания, ведущая вещание на 45 языках, в т.ч. на русском. Создана в Вашингтоне в 1942 г.

Г.А. Хомяков трудился в мюнхенском отделении «Голоса Америки» с 20 июля 1954 г. по 30 августа 1958 г. в качестве автора текстов (script writer), старшего автора текстов (senior script writer) (*Chipchin N. To whom it may concern! August 30, 1958 // Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы.*)

² Упомянутое письмо не сохранилось.

³ Корниловское выступление — попытка установления военной диктатуры в России, предпринятая Верховным главнокомандующим Л.Г. Корниловым (26–29 августа

1917 г.). Позиция министра-председателя А.Ф. Керенского, который первоначально поддержал требования Корнилова об усилении власти, а потом выступил против мятежников и способствовал их поражению, подверглась критике правыми кругами и военными как в 1917 г., так и в эмиграции.

Керенский Александр Федорович (1881–1970) — общественный и государственный деятель, юрист. Депутат IV Государственной думы (1912–1917). Министр-председатель Временного правительства (1917). Корнилов Лавр Григорьевич (1870–1918) — военный деятель. Генерал от инфантерии (1917). Верховный главнокомандующий Русской армией (1917).

⁴ Юрасов Владимир (наст. имя Владимир Иванович Жабинский; 1914–1996) — писатель.

Юрасов В. Страх: (четыре главы из романа) // Мосты. 1958. № 1. С. 24–67.

⁵ Отрадин Н. [Г.А. Хомяков]. Долгий разговор // Там же. С. 133–151.

⁶ Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) — писатель, поэт. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1933). Толстой Лев Николаевич (1828–1910), граф — писатель, мыслитель. Почетный академик Имп. Академии наук (1900).

Ф.А. Степун написал воспоминания, о которых его просили Л.Д. Ржевский и Г.А. Хомяков (Степун Ф.А. Встречи: Достоевский. Л. Толстой. Бунин. Зайцев. В. Иванов. Белый. Леонов. Мюнхен, 1962).

⁷ Продолжением воспоминаний Ф.А. Степуна «Бывшее и несбывшееся» стали мемуары о встречах с русскими символистами (Stepun F. Mystische Weltschau: fünf Gestalten des russischen Symbolismus. München, 1964), опубликованные и на русском языке (см. примеч. 6).

Помимо писания новых воспоминаний Степун подготовил к печати новое издание «Из писем прапорщика-артиллериста» на немецком языке (см.: Stepun F. Als ich russischer Offizier war. München, [1963]).

⁸ Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) — публицист, общественный деятель, спортсмен. Его статьи и книги отличались резкими критическими высказываниями.

⁹ И.В. Чиннов и Ю.П. Иваск были друзьями с 1930-х гг.

¹⁰ «Опыты» — литературный журнал, выходивший в Нью-Йорке в 1953–1958 гг.

Цетлина Мария Самойловна (урожд. Тумаркина; в 1-м браке Авксентьева; 1882–1976) — издательница, общественная деятельница. М.С. Цетлина была издателем журнала «Опыты» (1953–1958).

«Опыты» перестали выходить на № 9 (1958) в результате конфликта редактора Ю.П. Иваска и издателя М.С. Цетлиной. Причинами конфликта стали отказ Цетлиной опубликовать статью Е.А. Извольской и вмешательство Цетлиной в вопрос о помещении в журнале отзыва В.В. Вейдле на переводы близкого ей А.А. Биска (подробнее см.: Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: новые материалы / отв. ред. О.А. Коростелев. СПб., 2003. Т. 5. С. 511–512, 513. Примеч. 5; 514–517; «Мария Самойловна, не оставляйте “Опытов”!»: (О прекращении издания журнала. По письмам из архива М.С. Цетлиной) / публ., вступ. заметка и коммент. М. Пархомовского // Русские евреи в Америке / ред.-сост. Э. Зальцберг, М. Пархомовский. Иерусалим; Торонто; М., 2005. Кн. 1. С. 190–204. (Русское еврейство в зарубежье; т. 12)).

¹¹ Полякова Олимпиада Георгиевна (псевд. Лидия Тимофеевна Осипова; 1902–1958) — журналистка, общественная деятельница.

¹² Речь идет о письме Н.Е. Андреева Л.Д. Ржевскому от 6 сентября 1958 г. (Н.Е. Андреев — Л.Д. Ржевскому, 6 сентября 1958 г. // Beinecke. L. Rzhevsky papers. Box 1, folder 14). Причиной пересылки письма через Г.А. Хомякова была потеря Андреевым шведского адреса Ржевского.

№ 17

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Мюнхен, 14 октября 1958 г.

14 октября 1958 г.
Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,
не знаю, может быть, Вы обиделись на меня за прошлое письмо? Или попросту Вам, что называется, дохнуть некогда из-за заседающих на Вас алчущих знания, вернее знания русского языка? При всех условиях я такой нахал, что не обращаю внимания на эти возможные причины Вашего молчания и первым «проявляю инициативу».

Инициатива эта объясняется тем, что у нас на Вас готовится покушение: примите участие в составлении одной брошюры. Выкроите время, используйте кладези Ваших знаний, ума и остроумия — и не отказывайтесь потому, что у Вас голова идет кругом от ежедневной суеты сует. Докажите, что зарядка, полученная Вами в Мюнхене, о которой Вы писали мне, еще действует. Как и чувство ответственности, долга и т.п.

Ну, шутки в сторону, по-серьезному: в самом деле, не вижу, к кому мы могли бы обратиться еще, а Вам и карты в руки. Я думаю, что если мы это сделаем, может быть, мы малость разбудим и других, и тогда в нашем арсенале будет больше оружия. А оно очень нужно. Между прочим, сейчас подводятся первые итоги встреч эмиграции в Брюсселе (материалы об этом будут потом напечатаны в «Свободе»), — есть очень интересные вещи¹. В числе этих вещей — прямо-таки подчас требования: дайте такую-то книгу, такую-то и т.д. — даже по названиям! Значит, кое о чем уже знают «там». Берут книги, брошюры; причем говорят, что некоторые из них вид[ели] уже в Ленинграде; о других слышали там, почему и спрашивают их. «Доктор Живаго» вышел на русском языке всего месяц с небольшим назад², а его уже раздали сто экземпляров, спрашивают сами, несмотря на толщину и твердый переплет. На пароходе их уже накачивают: вам, дескать, будут предлагать «Доктора Живаго» — не берите, это фальшивка, у нас скоро выйдет настоящий, ждите³. Понятно, этим только разжигают любопытство, возбужденное еще «там», т.к. от предыдущей партии, получившей книгу, уже пошел слух.

В этих условиях очень надо дать «серьезную брошюру», для «более высокого уровня». И я тут, работая на новом месте, в ЦОПЭ, подумал, что хорошо бы выпустить брошюру что-то вроде о «смысле культуры», о нынешних, современных взглядах на «творческое делание человека», в противовес насквозь партийным взглядам комортодоксии⁴. План такой: дать по крайней мере три статьи (пока по числу авторов); за одну берется А. Кашин, — вроде «задачи и цели культуры» или что-то в этом духе. Он как раз занимался этим делом, переворачивал массу книг, включая Тойнби⁵ и даже Кестлера⁶, которого советчики ругают и тем не менее на него ссылаются. У Кашина свой взгляд на эти вещи, серьезный и глубокий, хотя не знаю, удастся ли ему справиться с изложением его. Во всяком случае, это будет интересно.

Еще одна статья — это Вам: «смысл истории» или как хотите называйте, но тема, в общем, эта. Третья — «вопросы художественного творчества» — опять-таки в свете наших нынешних представлений и, вообще, в свете не партийных взглядов, а просто человеческого взгляда на это — эта тема предлагается Ржевскому. Может быть, дадим еще одну тему Осипову, если выйдет по размеру и другим соображениям технического порядка.

Как Вы на это смотрите? Отказы, дорогой, не принимаются. Размер — 25–30 страниц на машинке. Гонорар небольшой, но безусловный: наверно, марок 150–200.

«Для зарядки», для «отталкивания» — просмотрите, может быть, такие статьи в «Литературной газете» за сентябрь этого года: К. Зелинского «О поэзии нашего века» (номер от 13.9⁷; любопытно, Зелинский, обращаясь к итальянским поэтам, в этой статье старается говорить не советским языком и несколько иными понятиями, но никуда от советских не уходит); затем — Перцова «Голоса жизни» (9.9⁸; тут упоминается Марков и «Приглушенные голоса»⁹, изданные Чеховским издат[ельством]), наконец — «О второстепенности» Изакова, от 4.9¹⁰. Уже эти статьи дают достаточно «отправных точек».

Как я думаю, тут не нужно ни ругани, ни даже критики: пусть будет просто изложение другого мнения, не обязательно верного на сто процентов, но существующего и имеющего все права быть. Совсем необязательно и то, чтобы все три статьи сходились во всем: напротив, пусть хоть во всем расходятся, доказывая этим просто наличие других точек зрения, в основательности которым не откажешь и вносящих «дух свободы». Вот как смотрят на эти вещи свободные люди, в соответствии с современными взглядами и здравым смыслом, без декламации, без вставания на цыпочки, без чего советские «теоретики» никак не могут обойтись. Это уже будет показательно и «проникновенно».

Да вряд ли и разойдутся во многом эти три статьи: в конце концов, все мы сейчас одним духом дышим, а частности не в счет. Между прочим, Вы не поклонник алдановской «философии случая»?¹¹ Я — за «картезианское состояние ума»!¹²

Таково, дорогой, предложение Вам. Очень хотелось бы, чтобы Вы взялись за него: мне думается, что мы этим в самом деле сделаем доброе дело, а заодно, может быть, и подвигнем малость «мыслящих» к обмену мнениями, к сотрудничеству не по мелочам. Жду ответа.

Привет сердечный дочке, Джил, Вам от нас с женой и всяческого благопо-лучия Вашему семейству,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Речь идет об организованных встречах представителей эмиграции с советскими туристами, посещавшими всемирную выставку в Брюсселе (Ехро 58), которая проходила с 17 апреля по 19 октября 1958 г. О результатах встреч председатель правления ЦОПЭ Ф.Т. Лебедев доложил на заседании Политического форума 10 октября 1958 г. в Мюнхене (см.: Доклады в ЦОПЭ // Свобода. 1958. № 11–12. С. 46). О работе выставки в «Свободе» была также опубликована статья (Лебедева Р. Перекресток мира // Там же. С. 35–38).

² Издание романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» на русском языке было осуществлено в начале сентября 1958 г. в гаагском издательстве «Мутон» («Mouton») на средства ЦРУ. Седьмого сентября экземпляры книги были впервые помещены на столах перед ватиканским павильоном, находившемся напротив павильона СССР на выставке в Брюсселе, после чего началась их раздача советским туристам и участникам выставки.

³ Роман «Доктор Живаго» впервые вышел в СССР в 1988 г. (Пастернак Б.Л. Доктор Живаго / публ., подгот. текста и коммент. Е.Б. Пастернака, В.М. Борисова; вступ. ст. Д.С. Лихачева // Новый мир. 1988. № 1. С. 5–112; № 2. С. 96–157; № 3. С. 90–174; № 4. С. 48–128).

⁴ Планируемая Г.А. Хомяковым брошюра не была подготовлена. Комортодоксия — коммунистическая ортодоксия.

⁵ Тойнби Арнольд Джозеф (Toynbee; 1889–1975) — историк, культуролог, философ. Речь идет о труде А.Дж. Тойнби «Постижение истории» («A Study of History»). К описываемому времени вышло 10 томов (1934–1954).

⁶ Не удалось установить, на какие работы А. Кестлера намекает Г.А. Хомяков.

⁷ Зелинский Корнелий Люцианович (1896–1970) — литературовед.

Зелинский К. О поэзии нашего века // Литературная газета. 1958. 13 сентября. № 110. С. 3–4.

⁸ Перцов Виктор Осипович (1898–1980) — литературовед.

Перцов В. Голоса жизни: ответ критику из «Таймс» // Литературная газета. 1958. 9 сентября. № 108. С. 3–4.

⁹ Марков Владимир Федорович (1920–2013) — славист, публицист, поэт, переводчик, литературовед.

Марков В.Ф. Приглушенные голоса: Поэзия за железным занавесом. Нью-Йорк, 1952.

¹⁰ Изаков Борис Романович (1903–1988) — писатель, журналист, переводчик.

Изаков Б. О второсортности // Литературная газета. 1958. 4 сентября. № 106. С. 3–4.

¹¹ Г.А. Хомяков намекает на книгу М.А. Алданова «Ульмская ночь: философия случая» (Нью-Йорк, 1953).

¹² «Картезианское состояние ума» (фр. *État d'esprit cartésien*) — состояние вдохновения, высшее напряжение научной и философской мысли. Р. Декарт испытал подобное состояние в хижине в городе Ульм (Германия) в 1619 г., где он, по-видимому, впервые сформулировал собственную философскую систему, окончательное оформление которой произошло позднее. В книге М.А. Алданова беседующие А. и Л. не раз обсуждали «картезианское состояние ума».

№ 18

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Мюнхен, 9 ноября 1958 г.

9 ноября 1958 г.

Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,

теряюсь в догадках: считать ли Ваше молчание за «знак согласия» или наоборот? Хотел бы, понятно, считать первым, да не так это легко по разным, известным Вам обстоятельствам.

Теперь без догадок и загадок: недавно послал Вам письмо с предложением написать небольшую статью для брошюры, в которой будут также статьи Кашина и Ржевского. Эти два автора дали свое согласие и к концу ноября статьи представят, — а от Вас ответа так и нет. А ответ мне нужен позарез, ибо, если не будет статьи от Вас, надо заказывать кому-нибудь еще. Очень хочется, чтобы именно Вы приняли участие (вовлечь Вас и увлечь), но пока от Вас ни слуху ни духу. Отвечайте, дорогой! Жду, как говорится, «с обратной почтой».

Как Ваши якобы хладнокровные англичане приняли историю с Пастернаком?¹ История гнусная, но и «показательная»; вся действительно чернь выиграла, распоясалась. Это — вроде как вторая Венгрия², несколько в иной области.

Сегодня у нас гостит Николай Иванович. Он первый раз выбрался из своего Обераммергау³ после смерти жены. Настроение у него все еще подавленное, хотя и немного лучше, чем в первое время.

Скоро выйдет альманах «Мосты», — так его окрестили по настоянию части сотрудников, живущих в Америке. На мой взгляд — неважно окрестили: что-то строительное, и к тому же «мостостроительное». Потом, в декабре, выйдет сборник «Литературное зарубежье»⁴ — стихи и проза публики, бывшей советской и пишущей теперь в эмиграции. Набралось 17 гавриков⁵, и, на мой взгляд, получится неплохо, если сравнивать только с советской литературой. Дух другой, пишется несколько иначе.

Принимайте, дорогой, привет сердечный от нас — Джил, Катеньке и Вам и пребывайте в благополучии,

Ваш Г. Хомяков

P.S. Не достанете ли нам адрес Адамовича — в Англии?⁶ Думаю подвинуть его к тому, чтобы писал в «Свободе»⁷.

Г.Х.

ЛА ЕНА. Машинопись, приписки и подпись — автограф.

¹ Речь идет о травле Б.Л. Пастернака, начавшейся в СССР после присуждения писателю Нобелевской премии по литературе (23 октября 1958 г.).

² Намек на подавление венгерского восстания 1956 г. Советской армией.

³ С 1949 по 1963 г. Н.И. Осипов работал в Подразделении «Р» (Detachment «R»), располагавшемся в Обераммергау, где он читал лекции по русской литературе, истории, психологии советского человека, советскому режиму и идеологии. Позже подразделение носило названия Институт сухопутных войск США по углубленному изучению СССР и стран Восточной Европы (US Army Institute for Advanced Russian and East European Studies), Русский институт сухопутных войск США (US Army Russian Institute).

⁴ Литературное зарубежье: сборник-антология. Мюнхен, 1958.

⁵ В сборнике были напечатаны произведения 18 авторов (И. Елагин, С. Максимов, Д. Кленовский, Л. Ржевский, А. Кашин, О. Ильинский, Н. Нароков, Б. Ширяев, О. Анстей, Б. Филиппов, С. Юрасов, Н. Моршен, В. Свен, Г. Андреев, А. Шишкова, М. Коряков, Ю. Елагин, Ю. Большухин).

⁶ Адамович Георгий Викторович (1892–1972) — поэт, литературный критик, переводчик. Г.В. Адамович преподавал русскую литературу в Манчестерском университете с 1952 по 1961 г.

⁷ Г.В. Адамович никогда не публиковался в журнале «Свобода».

№ 19

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Мюнхен, 30 ноября 1958 г.

30 ноября 1958 г.

Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,

что же, как говорится, на нет и суда нет. Посему — никакого осуждения и не может быть. Конечно, знаю, что Вы не бездельничаете, — от чего и я бы не прочь, — да беда в том, что так и получается: все, кто может дать что-то ценное, заняты поверх головы. А с других какой спрос?

Вот тут американцы, на «Освобождении»¹, видя, что никакого кредита у их станции нет, тоже начинают задумываться: что сделать, чтобы «оздоровить»?

Но ведь для оздоровления в первую очередь люди нужны, а где их взять? Да еще таких, чтобы и дельными были, и согласились под зондерфюрерами² ходить? А чтобы они могли от зондерфюрерства отказаться — в это я плохо верю.

А я и не знал, что к Вам могла матушка приехать из России³. Это, конечно, крайне интересно, а для Вас и полно значения. Поздравляю.

Да, вероятно, в истории с Пастернаком было всякое. В том числе и Шолохов, — этот вешенский казак⁴ должен быть тяжело, грубо завистлив. Ржевский, между прочим, кое-что рассказывал, как вел он себя в Швеции, — Бог знает что!

Я тут краем уха тоже слышал, что без него в травле Пастернака не обошлось. Но главное все же, думаю, не в нем. Главное: они должны были реагировать так, чтобы показать людям: мы сильны, продолжайте слушаться, иначе в порошок сотрем. Главное в том, что они не могли иначе поступить, не боясь за свои позиции, за себя. И если это мнение мое верно, в нем большая надежда.

Мы тут сейчас делаем небольшую брошюру, вроде отчета о «деле Пастернака»⁵, главное — собрали многие отзывы здешние, неизвестные там. Будет что-то вроде под лозунгом: трагедия Пастернака — трагедия России.

Подумываем о том, чтобы издать собрание сочинений Пастернака, однако одни стихи, без прозы. Сделать сборник этак страниц на 800, может быть, в двух томах, настоящее, так сказать, научное издание⁶. Лебедев⁷ сейчас уехал, вернется, подсчитаем ресурсы и, может быть, начнем.

Не знаете случаям, что это за фигура такая — Правдин?⁸ У нас тут затеяли создать в Зап[адной] Германии отделение ПЭН-клуба⁹ для писателей-эмигрантов всяких национальностей. Разговоры велись через Степуна, пока наметили на вхождение от нас Газданова, Чиннова, меня, Степуна и Кленовского¹⁰. В эти дни начиная с нынешнего тут происходит съезд этого предприятия, его учреждение. И вот наверху, по-видимому, ведущую роль играет этот самый Правдин.

Подвизается он главным образом, по-моему, у Вас в Англии, но статьи его — и даже о нем, кажется, — я видел как-то в немецких газетах. А у меня впечатление, что фигура эта вроде бы «двоякая». Из «прогрессистов»? Откуда он вообще взялся? Видимо, энергичный, «пробивной». А в русских кругах и прессе его почему-то начисто незаметно. Малость странно.

Привет, дорогой, всему семейству и Вам и всего наилучшего,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ «Радио Освобождение» — русская редакция «Радио Свободная Европа / Радио Свобода». Начала свою деятельность в 1953 г.

² Зондерфюрер (нем. Sonderführer — особый руководитель) — профессионалы в отдельных областях, исполнявшие обязанности офицеров в немецкой армии без учета их военного опыта.

³ Андреева Екатерина Александровна (урожд. Квашенинникова; 1883–1961) — учительница. Мать Н.Е. Андреева. Е.А. Андреева приехала в Кембридж из СССР 2 ноября 1958 г. Она жила с семьей Н.Е. Андреева до своей смерти 24 февраля 1961 г.

⁴ Шолохов Михаил Александрович (1905–1984) — писатель, журналист. Уроженец станицы Вешенская. Лауреат Сталинской (1941), Ленинской (1960), Нобелевской премий по литературе (1965). Действительный член Академии наук СССР (1939).

⁵ «Дело Пастернака». Мюнхен, 1958.

⁶ ЦОПЭ не издало сочинения Б.Л. Пастернака.

⁷ Лебедев Федор Тарасович (1898–1965) — общественный и политический деятель, публицист. Председатель правления ЦОПЭ (1958–1963).

⁸ Личность не установлена.

⁹ ПЕН-клуб (PEN International) — международная правозащитная организация, объединяющая профессиональных писателей, поэтов, журналистов. Создана в 1921 г.

¹⁰ Кленовский Дмитрий Иосифович (наст. фам. Крачковский; 1893–1976) — поэт, журналист.

№ 20

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Мюнхен, 11 января 1959 г.

11 января 1959 г.

Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,

Вашу открытку, в которой Вы напоминаете о юбилее Федора Августовича¹, считаем предложением выступить на этом юбилее. Если считаете, что мы обладаем даром провидения, быть по сему.

Юбилей собираются отмечать с наивозможной широтой. Конечно, главной будет немецкая линия, ибо там собираются его чествовать университет², группа профессоров, его кафедра или кто-то еще, — в общем, много и наверно долго. По русской линии — произойдет соединение: ЦОПЭ, Библиотека³, кажется, даже СБОНР⁴ и другие; все, кроме ЦОПЭ — под покровительством Ам[ериканского] комитета⁵.

От Вас требуется прежде всего краткое сообщение: на юбилейном торжестве согласен выступить с докладом (или назовите как хотите). Проезд и содержание здесь, ясное дело, будут оплачены полностью, в каком размере труд по выступлению — не знаю. Но это уточнится. После получения такого сообщения будут сообщены Вам сроки и все подробности.

Итак, ждем Вашего сообщения.

Привет сердечный от нас с женой Катеньке, Джил, Вашей матушке и Вам,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Упомянутая открытка не обнаружена. Говоря о юбилее Федора Августовича, Г.А. Хомяков имеет в виду празднование 75-летия философа Ф.А. Степуна в феврале 1959 г.

² Имеется в виду Мюнхенский университет, где Ф.А. Степун с 1947 по 1959 г. занимал пост профессора истории русской культуры.

³ Речь идет о Русской библиотеке, созданной беженцами из СССР в Мюнхене в 1949 г. С 1952 г. библиотека стала частью русской программы Американского комитета по освобождению, финансировавшего ее деятельность до 1963 г. В 1963 г. Толстовский фонд совместно с властями Западной Германии приняли на себя содержание библиотеки (см.: *Толстая А.Л., Алимов Н.С.* Обращение к российской эмиграции в Западной Германии и других странах о поддержке Русской библиотеки Толстовского фонда в Мюнхене // РМ. 1973. 27 сентября. № 2966. С. 10). Ныне — негосударственная библиотека им. Толстого в Мюнхене.

⁴ СБОНР (Союз борьбы за освобождение народов России) — послевоенная эмигрантская политическая организация (1947–2000).

⁵ Американский комитет по освобождению (American Committee for Liberation) — организация, ставившая целью борьбу против коммунистического режима, основанная в 1951 г. До описываемого времени комитет сменил несколько названий: Американский комитет за свободу народов СССР, Американский комитет по освобождению народов России, Американский комитет по освобождению от большевизма. В 1964 г. Американский комитет был переименован в Комитет Радио Свобода.

№ 21

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Мюнхен, 3 февраля 1959 г.

3 февраля 1959 г.
Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,
не ответил Вам на первое письмо по той простой причине, что не знал еще ничего о сроках чествования Степуна. Кажется, не установили этого еще и сейчас. Это же Бог знает что: торгуются, договариваются — и ни с места. И все потому, что в числе участников Ам[ериканский] комитет, Библиотека: им страх как хочется, чтобы все было под их флагом и руководством, — а согласовать все как следует не умеют. Нет, в самом деле, над американцами какой-то злой рок висит, до того они неумелы и вместе с тем навязчивы. Даже боязно становится, если этот частный случай попытаться толковать более «расширительно».

Ну, Бог с ними. Я уже чувствовал малость вроде как бы угрызения совести: написал Вам, а дальше ничего не могу сообщить. И Ваш отказ в данном случае почти «у места»: с нас, и в частности с меня, снимается ответственность.

Завтра идем заказывать билеты в Америку: едем числа 15 марта, с тем, чтобы в середине мая быть обратно. Почти как прогулка.

На днях выйдет сборник «Литературное зарубежье», пришлое Вам. Правда, там все старые вещи, так что для здешней публики не представляет интереса. Но все же любопытно, когда собрано все вместе.

Сердечный привет, дорогой, всему Вашему семейству и Вам от меня и от жены, и будьте благополучны, как говаривал один мой знакомый.

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

№ 22

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Мюнхен, 4 июня 1959 г.

4 июня 1959 г.

Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович, сердечно поздравляем и Вас, и Джил, и все Ваше семейство с его увеличением еще на одного члена — с появлением Николая Николаевича!¹ Мы с женой очень были рады, когда прочитали Вашу открытку²: ишь как они там! Представляем, каким гоголем ходил счастливый папаша! Рады и радости Джил. Событие громадное: наследник же! Собственно, теперь у Вас — полное исполнение желаний; чего Вам еще? Не жадничайте!

Поздравление наше запоздало по той простой причине, что Вашу открытку, датированную 10 марта, мы получили... 26 мая! Объясняется просто: 12 марта мы уехали отсюда в Гамбург, а 14-го оттуда — в Нью-Йорк. Видали, какую развиваем прыть? И только 26-го вернулись, через Париж. А тут сразу с головой ушел в работу: надо к середине июля выпустить «Мосты», второй номер, и работы больше, чем нужно. Сегодня только первый раз немного спокойнее вздохнул, и первое, что делаю, пишу Вам.

Ох, дорогой, прыть-то мы развили, а теперь, вернувшись, не знаю, стоило ли? Там зарегистрировались, через два года опять надо будет ехать хоть на месяц, — а душа не особо к этому лежит. Другой все же это мир, совсем другой, а в наши годы не переделываются. И мир — особенный, которым, во всяком случае в нашем возрасте, не восхитишься.

Были в Нью-Йорке, в Вашингтоне, в Нью-Хевене; больше в Нью-Йорке, — и я теперь вполне понимаю, почему американцы всегда твердят: не судите об Америке по Нью-Йорку, — они стесняются, малость стыдятся, м.б. в глубине души чувствуя, что Нью-Йорк, да, не Америка, — а ее сгусток, так сказать концентрат. Брр, город в самом деле страшноватый. Можно даже Горького понять³.

Видел множество публики нашей, разной, от малых сил до больших; иные даже хвалят, говорят, что чувствуют себя там отлично, — да я не верю. Других тоска и томление берет, говорят, что с удовольствием поехали бы в Европу. Этим верю.

Ну, добре, обо всем этом в письме все равно не напишешь. Может быть, как-нибудь при встрече поговорим, буде такая состоится, я, разумею, вскоре. Впрочем, в Институте⁴, наверно, скоро будет конференция?

Вы спрашивали о юбилее Степуна; прошел хорошо, да Вы, наверно, о нем уже читали. Выступлений особых не было, но прошло и торжественно, и тепло, и мило.

Еще раз — с наследником, и сердечный привет всем,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

---

¹ Сын Н.Е. Андреева Николай родился 8 марта 1959 г.

² Упомянутая открытка не обнаружена.

³ Горький Максим (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков; 1868–1936) — писатель, драматург. Г.А. Хомяков намекает на очерк М. Горького «Город желтого дьявола» (1906), в котором описывается Нью-Йорк.

⁴ Институт по изучению истории и культуры СССР — научное учреждение по изучению СССР, действовавшее в Мюнхене в 1950–1972 гг. Сотрудниками института были беженцы из СССР, финансирование учреждения осуществлялось американскими организациями, в т.ч. ЦРУ.

№ 23

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Мюнхен, 26 ноября 1959 г.

26 ноября 1959 г.

Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,

Что-то о Вас не слышно, как Вы там обретаетесь, в добром ли здравии, что поделяваете? Как Джил, наследники, матушка? Видимо, заработались слишком, потому и не даете о себе знать. А может, и не помните даже о нашем существовании брэнном?

Мы о Вас помним, что и подтверждаем сим письмом. Правда, оно пишется не совсем без корыстных намерений, ну, да ведь так всегда бывает, и кому же об этом и знать, как не Вам, твердо полагающимся на психоанализ, — от Вас не скроешься. Однако хватит шутить, — перехожу к делу.

Одновременно с этим письмом посылаю мою только что испеченную книжицу. Все те же «Трудные дороги», но на этот раз в собранном и не сокращенном виде¹. Книжица получилась довольно тощая, но такая уж вышла, да и толстых книг ныне бояться. Для солидности надо было бы дать потолще бумагу и обложку — не учли, ибо эта книжица — первый блин, естественно, вышедшая несколько комом.

Чей блин, хотите знать? Вас, несомненно, заинтригует, что это за сон такой, откуда взялось — «Товарищество зарубежных писателей»?² Это, дорогой, вроде как бы тайна, ныне выходящая наружу. И разоблачаемая Вам, в сущности, первому.

Вот откуда взялось пока еще неизвестное «Товарищество». Этим летом Ржевский и я, занимаясь таким пустым, но отдохновительным делом, как ловля рыбы в Штарнбергском озере (дело пустое потому, что — какая же рыба в немецких озерах? Что это, Волга, что ли?), и ожидая, когда она «клюнет», в разговорах мы много сокрушались: издательств нет, а если есть, то все под маркой «политических организаций», т.е. под маркой более или менее подмоченной; иногда кто-нибудь соберется с силами и издаст за свой счет. Положение это нас не удовлетворяло. И нас осенила, — не знаю уж, счастливая или несчастная мысль, — основать свое собственное, писательское издательство, без всяких иных марок, в чистом, так сказать, виде. Зная, насколько дело это трудное в наших условиях, и по причине безденежья мы решили начать дело очень скромно, главное, без всякой шумихи, тихо — выйдет что, очень хорошо, не выйдет — так, видно, писано на роду. А чтобы для дальнейших разговоров была почва (товар должен показываться лицом), пока суть да дело, мы дали в печать мою книжку. И вот — первенец передо мной, и на днях будет перед Вами.

Разговоры мы почти еще ни с кем не вели. Но с некоторыми лицами говорили. Так, нас горячо поддержал Степун, — видимо, он будет председателем (Ржевский — заместителем; я — секретарем-распорядителем, в сущности, ведущим всю техническую работу); тоже — Свен; предлагаем Вейдле, Зайцеву и Газданову, — в общем, будет пять-шесть человек, которые составят группу «членов-учредителей». Для «Товарищества» и этого достаточно, тем более для начала, — а там, безусловно, найдутся и другие желающие. Каждый участник внесет по 500 марок — какой-то «основной фонд», хотя бы и крайне малый, все же создастся.

Есть ли у «ТЗП» перспективы? Можно думать, что есть. И в особенности сейчас, когда от «борьбы» переходят к «культурному сотрудничеству» и т.п. Поэтому можно надеяться, что кто-то заинтересуется и поддержит. Но это — улита едет, когда-то будет, нужно и нечто более реальное уже сейчас. Оно тоже, в общем, есть, хотя и несколько в тумане. В принципе есть договоренность, то почти весь тираж мы отдаем для распространения ЦОПЭ — оно оплачивает расходы по изданию. Они не велики: моя книжка, например, стоила всего 2200 марок за тысячу экземпляров. Конечно, гонораров никаких, — но если авторы сейчас за свой счет, то издать бесплатно или почти бесплатно — уже плюс. Кроме того, автору дается часть тиража, может продавать.

Для распространения у нас будут брать не все книги — какую-то часть будем издавать за счет членских взносов и распространять сами. Так и будем крутиться. Во всяком случае, я уже вижу возможность издать, считая и мою, книг такого размера пять-шесть — думаю, что если «ТЗП» ограничится только этим, то и тогда в случае его смерти оно умрет не бесславно.

При всех условиях шевелиться надо, — мы и пытаемся шевелиться. Авось шевеление это и оправдается. Следующей книжкой издадим повести Ржевского, затем сборник Зайцева, за ним — сборник Степуна³ и т.д. Это уже будет некоторый фонд, доказательство нашего шевеления. Как Вы на это все смотрите? Но пока об этом широко не рассказывайте, во всяком случае, не упоминайте ЦОПЭ, о его роли. Я и так пошел на уступку, упомянул, в адресе, но там — туман.

А к Вам в связи с этим такое дело: нет ли у Вас там знакомых, связей, кому можно было бы предложить мою книжку для перевода и издания в Ваших краях?⁴ Мне многие говорили, что ее следовало бы перевести. Правда, конъюнктура сейчас вряд ли подходящая, но, с другой стороны — может, такое сейчас тоже нужно, для западного читателя, чтобы он не особо ловился на крючок «существования»? Во всяком случае, если бы Вы могли дать мне какое-либо указание на сей счет, был бы Вам за это весьма и весьма благодарен.

Сейчас сижу и работаю как проклятый: надо выпустить третий «мост». Прилагаю все усилия, чтобы вышел еще в этом году, хотя бы к Рождеству, но типография задерживает⁵. Выйдет, пошлем Вам.

Ну, извиняйте, что так растекся и столько написал. И привет сердечный всему семейству,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ См. примеч. 4 к письму 10.

² «Товарищество зарубежных писателей» (ТЗП) — эмигрантское издательство. Создано в 1959 г., деятельность прекратилась после смерти Г.А. Хомякова в 1984 г.

³ Книги «Товарищества зарубежных писателей» вышли в следующем порядке: Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. Трудные дороги. Мюнхен, 1959; Ржевский Л.Д. Двое на камне. Мюнхен, 1960; Зайцев Б.К. Тихие зори. Мюнхен, 1961; Степун Ф.А. Встречи: Достоевский — Л. Толстой — Бунин — Зайцев — В. Иванов — Белый — Леонов. Мюнхен, 1962.

⁴ Книга Г.А. Хомякова «Трудные дороги» не переводилась на английский язык.

⁵ Альманах «Мосты» до № 10 включительно (1963) печатался в типографии Георга Бутова (Georg Butow, München, Kohlstrasse, 3b). С № 11 «Мосты» печатались в типографии И.И. Башкирцева (I. Baschkirzew Buchdruckerei, München, Peter Mullerstrasse, 43).

№ 24

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Мюнхен, 28 декабря 1959 г.

28 декабря 1959 г.
Мюнхен.

С Новым годом и Рождеством Христовым от души поздравляем Вас, дорогой Николай Ефремович, Джил и все Ваше семейство! Процветания и счастья желаем в новом году!

Поздравление наше несколько запаздывает, но — таковы превратности судьбы-злодейки. В эти дни у нас было столько хлопот, что мы даже никому не послали поздравительных, что по европейским понятиям совсем невежливо, а по английским, наверное, просто неслыханно. Но — мы плохие европейцы, ничего с нами не сделаешь. Нам было некогда: кроме работы, которой у нас сейчас выше головы, еще и переезжали на новую фатеру¹. А с ней хлопот было, да а еще и есть! Не вообразишь, описанию не поддается. Теперь у нас хорошая квартира, светлая, не то что прежняя мышеловка. Приедете когда-нибудь в Мюнхен, увидите, — а мы в этом случае с удовольствием будем лицезреть Вас.

Дорогой, я на Вас будто бы обиделся, хотя это, наверно, не то слово, а настоящего не подберу. Послал я Вам книжицу свою, письмо, в котором толковал о новом нашем предприятии, — а от Вас в ответ ни гугу! Я уж думал, что с Вами стряслось? По открытке² вижу, все благополучно. Может быть, не одобряете нашу затею? Или что еще? Или просто тоже замотались сверх меры, и нет времени, что-бы сообщить о своем отношении? Надеюсь на последнее, а там — кто же знает?

Предприятие наше нелегкое, трудности со всех сторон. В наш ТЭП вошли в качестве учредителей Степун, Вейдле, Зайцев; вообще, со стороны такой публики — только самое горячее одобрение. А вот так называемая «деловая публика» относится прохладнее. И если не чинит препятствий, то и содействие оказывает туго, если оказывает. А без поддержки не вытянешь. Ну, ничего, попробуем.

Итак, надежды на ответ от Вас я еще не потерял. А вообще, было бы очень хорошо, если бы Вы заглянули в наши края. Не намечается этого случая?

Шлем сердечный привет Джил, Вам, матушке и наследникам.

И — весело провести праздники!

Ваш Г. Хомяков

Новый адрес:
München 2, Lothstrasse 15/III.

ЛА ЕНА. Машинопись, приписки и подпись — автограф.

¹ Фатера (устар., прост.) — квартира.

² Упомянутая открытка не обнаружена.

№ 25

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Мюнхен, 1 июня 1960 г.

1 июня 1960 г.

Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,

давно не писал Вам, не ответил и на Ваше письмо¹, которое, впрочем, как можно судить, ответа и не требовало. Как живете? Наверное, собрались уже отдыхать в каникулы? Может, мое письмо и не застанет Вас дома, тем не менее хочу потревожить Вас.

А потревожить вот с чем: редакция польского журнала «Культура», выходящего в Париже² (Вы, вероятно, знаете этот журнал, самый серьезный у поляков), майский номер его выпустила на русском языке; он посвящен «польско-русским отношениям»³. Редакция предлагает «молодой русской мысли начать диалог» на эту тему⁴. В журнале есть всякое, от «доброжелания»⁵ до маркиза Кюстина⁶. И я подумал: вот кого бы надо было просить написать на эту тему, откликнуться на приглашение — Николая Ефремовича! Но... но он упорно писать не желает. А может быть? Всякое бывает: вдруг его заденет, что называется, за самое живое?⁷

Вот с такой не особо прочной надеждой я решил: пошлю Николаю Ефремовичу журнал. А там что будет, посмотрим. Я получил от «Культуры» несколько экземпляров — и посылаю один Вам. Читайте — и «задевайтесь», пожалуйста, за живое.

Между прочим, я откликнулся на их предложение, в «Свободе» (получаете Вы этот журнал? Если нет, вышлем), в июньском номере (выйдет так в середине месяца)⁸. Но это весьма поверху и только в политическом плане, а надо было бы основательнее, в «Мостах». И если бы Вы этим делом заинтересовались, было бы просто превосходно. Может быть, выдумайте псевдоним? Не возражаем против любого, это нам безразлично; нам бы хорошую статью получить, — а что Ваша будет хорошей, не сомневаюсь⁹.

На днях кончил совсем работу с четвертым «мостом», дней через десять он выйдет. И уже сел за пятый номер, который надеемся выпустить осенью, чтобы в конце года — шестой. Для пятого есть хороший материал: раскопалась статья Гиппиус о Рел[игиозно]-фил[ософских] собраниях, в свое время отклоненная Фондаминским¹⁰, и другие материалы.

Привет, дорогой, шлем сердечный Вам и всему семейству,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Упомянутое письмо не сохранилось.

² «Kultura» — ежемесячный общественно-литературный журнал, издававшийся польским эмигрантским Литературным институтом в Париже в 1947–2000 гг.

³ Русско-польским отношениям был посвящен специальный номер журнала «Культура» (*Kultura: Szkice. Opowiadania. Sprawozdania* (Paryż). 1960. Numer gosijski), вышедший между майским и июньскими выпусками.

⁴ Несколько искаженная цитата из редакционного предупреждения (ср.: «мы хотели бы помочь высказаться молодой русской мысли вне цензуры государства и цензуры окружающей среды» ([От редакции] // *Kultura*. 1960. Numer gosijski. S. 4)).

⁵ Говоря о «доброжелании», Хомяков имел в виду статью Ю. Мерошевского (*Мерошевский Ю. К вопросу о польско-русских отношениях* // *Ibid*. S. 5–13), в которой содержался призыв наладить отношения между народами, для чего открыто обсудить спорные вопросы.

⁶ Кюстин Астольф Луи Леонюр, де (*de Custine*; 1790–1857) — писатель, путешественник. Маркиз. Самая известная книга Кюстина «Россия в 1839 году» (*La Russie en 1839*. Paris, 1839) была сочтена в России пасквилем.

Упомянув Кюстина, Хомяков имел в виду примечание к статье Ч. Милоша, в котором приводились наиболее остро-критические высказывания Кюстина о России (см.: *Милош Ч. Россия* // *Kultura*. 1960. Numer gosijski. S. 31–34. Note 2).

⁷ Н.Е. Андреев не откликнулся на предложение Г.А. Хомякова напечататься в «Мостах».

⁸ *Отрадин Н. [Г.А. Хомяков]. Россия и Польша* // *Свобода*. 1960. № 6. С. 2–3.

⁹ Н.Е. Андреев не опубликовал в «Мостах» статьи о русско-польских отношениях.

¹⁰ Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945) — поэтесса, писательница, драматург. Фондаминский Илья Исидорович (псевд. Бунаков; 1880–1942) — революционер, религиозный деятель

Религиозно-философские собрания — встречи писателей, философов, художников, религиозных деятелей, состоявшиеся в 1901–1903 гг. в Санкт-Петербурге по инициативе Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, Д.В. Филоsofoва, В.В. Розанова, В.С. Миролубова, А.Н. Бенуа, В.А. Тернавцева.

Первая часть статьи З.Н. Гиппиус, посвященная Религиозно-философским собраниям, была представлена в октябре 1927 г. одному из редакторов «Современных записок», И.И. Фондаминскому. Его основные возражения сводились к обильному цитированию Гиппиус протоколов собраний, хотя он и поддержал публикацию статьи. Редакция «Современных записок» приняла решение (письмо Фондаминского от 23 октября 1927 г.) напечатать статью в январском номере журнала за 1928 г., потребовав от Гиппиус представить весь текст статьи, а не только первую часть («Не везет мне с «Современными записками»»: З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский и В.А. Злобин / публ., вступ. ст. и примеч. Н.А. Богомолова // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): из архива редакции / под ред. О.А. Коростелева и М. Шрубы. М., 2013. Т. 3. С. 373–376). Судя по всему, полный текст статьи в срок не был подготовлен, и в «Современных записках» он не появился. Помета Гиппиус на рукописи статьи об отклонении ее «...ским» (т.е. Фондаминским) ясности не вносит (*Гиппиус-Мережковская З.Н. Дмитрий Мережковский*. Париж, 1951. С. 106). Сокращенный вариант статьи (прежде всего за счет текста протоколов) был опубликован в «Последних новостях» (*Гиппиус З.Н. Первая встреча: (к истории петербургских Религиозно-философских собраний 1901–1903 гг.)* // ПН. 1931. 2 августа. № 3784. С. 2–3; 4 августа.

№ 3786. С. 2–3). Отдельно была опубликована часть статьи Гиппиус о собраниях зимы 1902–1903 гг. (*Гиппиус З.Н. Перед запрещением: (зима 1902–1903 гг. СПб-ских Религиозно-философских собраний)* // ПН. 1931. 2 октября. № 3845. С. 5; 13 октября. № 3856. С. 2; 23 октября. № 3866. С. 2–3).

Первая часть статьи З.Н. Гиппиус, представленная в «Современные записки» в 1927 г., была предложена к публикации поэтом, хранителем архива З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского В.А. Злобиным (правда, он утверждал, что текст был подготовлен в 1929–1930 гг.) (*Злобин В.А. [Предисловие] / Гиппиус З.Н. Правда о земле: (к истории русского христианства)* // Мосты. 1961. № 7. С. 300). Публикация статьи Гиппиус вышла не в пятом, а в седьмом номере «Мостов» (*Гиппиус З.Н. Правда о земле: (к истории русского христианства)* // Мосты. 1961. № 7. С. 301–326).

№ 26

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Мюнхен, 15 ноября 1960 г.

15 ноября 1960 г.

Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,

Бельгарда получил¹, большое спасибо. И не только получил, но и дал перепечатать, малость подчистил и т.д. Стиль у него ужасающий, так и несет «департаментом» (на первой же странице — фраза в 19 строк!), но — из песни слова не выкинешь и стиля этого не переделаешь. И не надо. Я мог бы возвратить Вам рукопись и копию приготовленного к печати, — но все жду, когда придет и другая, уже Ваша, чтобы написать сразу, если встретится надобность. А Ваша рукопись застряла, — заработались, замотались? Может, наши письма разминутся, но на всякий случай пишу, чтобы душа у Вас была спокойна. И жду не дождусь, когда придет Ваша рукопись².

Главку о Распутине мы тоже дадим, но не в этом номере: получилось бы малость противоестественное соединение. Хватит и главки о Толстом. А о Распутине дадим через номер, в восьмом³, — не будет, надеюсь, возражений?

Степун меня беспокоит: старик пишет будто бы неустанно, но еще и половины статьи не написал⁴. Храбрится, бодрится, непоседа, как и был, все скачет по университетам, «общается» — у него постоянно народ, — а сдает, сдает. Боюсь, даст ли, а ждать долго не можем. Посему — на Вас надежда вся: шлите!

Получил извещение из Парижа: умерла Рапп, свояченица Бердяева⁵, по существу, его близкая сотрудница, все силы свои посвятившая ему. Очень интересный был человек она, крепкий и сильный, а посмотреть — в чем только душа держалась. Жаль, хотел я еще заехать к ней в будущем году.

Ну, прошу извинения за похоронный тон. И я, ясное дело, был очень и

очень рад увидеть Вас, — редко только это у нас теперь получается! Нельзя ли почаще?

Привет сердечный, дорогой, всему семейству и благополучия дому Вашему!
Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Бельгард Алексей Валерианович (1861–1942) — государственный деятель, мемуарист. Сенатор (1912–1917).

Бельгард А.В. К истории первого посмертного издания сочинений Л.Н. Толстого // Мосты. 1961. № 6. С. 313–318.

² См. примеч. 9 к письму 25.

³ Следующая часть воспоминаний А.В. Бельгарда была помещена в № 9 альманаха «Мосты» (*Бельгард А.В.* Печать и Распутин // Мосты. 1962. № 9. С. 345–351).

Распутин Григорий Ефимович (с 1907 г. Распутин-Новых; 1869–1916) — крестьянин, целитель. Был близок к семье Николая II.

⁴ Статья Ф.А. Степуна был подготовлена в срок и опубликована в № 6 альманаха «Мосты» (*Степун Ф.А.* Религиозная трагедия Л.Н. Толстого // Мосты. 1961. № 6. С. 185–208).

⁵ Бердяев Николай Александрович (1874–1948) — философ, религиозный деятель. Рапп Евгения Юдифовна (урожд. Трушева; 1875–1960) — общественная деятельница. Свояченица Н.А. Бердяева. Е.Ю. Рапп скончалась 5 ноября 1960 г. в Кламаре под Парижем.

№ 27

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Мюнхен, 14 декабря 1960 г.

14 декабря 1960 г.
Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,
возвращаю рукописи Бельгарда; к ним я присовокупил и тексты, как они будут напечатаны; ежели будет время и охота, можете взглянуть. Кое-какие поправки, стилистические, надо было внести.

В отношении же заметки о предисловиях Ваших — пока ничего не могу сделать. Я считал, что это будет Ваша статья, из этих предисловий, а о предисловиях — совсем другой коленкор¹: я мог бы это дать только в «заметках о книгах», но их у меня для шестого номера больше, чем нужно², и уже не вместишь. Посмотрим, может быть, дадим в седьмом. Написаны они, между прочим, в ряде мест ахово: ясно чувствуется, что писал не русский, получается как перевод с иностранного. Но, малость поправив, дать можно.

За отзывы о моих писаниях Вашей матушки — спасибо, но тут получает-

ся «не совсем того», почему я хочу бросить писать сам статьи для «Мостов». Понимаете, наша отчасти «рафинированная» публика, а отчасти смотрящая глазами иностранцев, да еще плененная «научностью» (которую я называю псевдонаучностью), считает мои статьи чуждыми, упрощенными, вроде бы малограмотными и дает понять, что лучше, если я воздержусь от них. Так сказать, чистой публицистики они не хотят признавать, они и публицистику хотят обязательно причислять на свой манер, вроде бы «технократический», а в действительности получающийся выхолощенный.

А у меня, между тем, есть острое впечатление, убеждение, что для нашего читателя, включая и советского, надо писать скорее именно так, без этой «научности», что ли, не поднимающейся выше уровня «ученых» института, к которому и Вы имеете честь принадлежать. Ну, леший с ними, не хотят, не надо.

Привет всему семейству и извиняйте, дорогой, что так получилось: торопил Вас, а ничего не вышло. Получилось лишь «расхождение во мнениях». Но и не совсем так: за Бельгарда спасибо еще раз.

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Речь, по всей видимости, идет о введениях Н.Е. Андреева к изданиям переводов сочинений русских классиков на английский язык, выпущенных в серии Everyman's Library. К 1960 г. были напечатаны введения к двум книгам Л.Н. Толстого, по одной — Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского (Публикации Н.Е. Андреева, 1948–1982 годов // Андреев Н.Е. То, что вспоминается: из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982) / под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2019. С. 673).

² В № 6 альманаха «Мосты» (1960) в разделе «Заметки о книгах и писателях» были помещены рецензии на 8 книг (Х. [В.С. Варшавский]. Заметки о книгах и писателях // Мосты. 1960. № 6. С. 349–364. — Рец. на: Perse St.-John. Anabasis: a Poem. L., 1959; Bonney Y. Hier régnant désert. P., 1959; Stravinsky I., Craft R. Memories and commentaries. Garden City, NY, 1960; Старые — молодым. Мюнхен, 1960; The Russian Intelligentsia / ed. by R. Pipes. N.Y., 1961; Schapiro L.B. The Communist Party of the Soviet Union. L., 1960; Nixon R.M. The Challenges We Face: edited and compiled from the speeches and papers of Richard M. Nixon. N.Y., 1960; Kennedy J.F. Profiles in Courage. N.Y., 1961).

№ 28

Н.Е. Андреев — Г.А. Хомякову
Кембридж, 21 августа 1961 г.

21 августа 1961 г.

Дорогой Геннадий Андреевич, собираюсь по возвращении из Германии написать Вам очень скоро («как только прочитаю “Мосты”, т. 7»), но «добрыми намерениями вымощен ад»¹: неожиданно заболел (меня ужалила в нашей гостинной оса, я не обратил внимания, вымыв ранку виски; Джилл посмеялась, что оса приняла меня за «цветок», благоухающий всеми теми напитками, которые были поглощены мною в «побежденной Германии»; но через несколько дней нога распухла, не мог однажды утром даже ступить на нее, пришлось ехать к врачу и ряд дней провести, сидя в кресле с ногою, задранной к небесам, в бинте, в мазях, и глотая какие-то пилюли) а кроме того, конечно, набежало немало «неотложных дел». Мне хотелось бы все же сердечнейшее поблагодарить Вас и Вашу милую жену за чудесное гостеприимство и за дружеское внимание: все это как бы накапливает ценный «капитал воспоминаний»:

«Память, ты рукою великанши
Жизнь ведешь, как под уздцы коня»...

В этой гумилевской формуле замечательный ключ к пониманию значения истории. Пожалуйста, передавайте Николаю Ивановичу Осипову, что статья его об отмене крепостного права³ замечательна по — именно — превосходной памятливости автора о реальной России: у большинства современных историков нет ощущения России (в этом беда не только иностранцев, но и марксистствующих соотечественников). А у Н.И. как бы воплощена традиция Ключевского⁴: история не пишется только на основании груды более или менее случайно сохранившихся документов, но и на основании реального понимания характера народа и страны. Единственное мое замечание — это сожаление, что его превосходно подобранные цифры и факты не документированы ссылками на источники (это понижает их убедительность, к примеру, в глазах советских или иностранных студентов). Вообще, весь 7-й номер «Мостов» — очень разнообразен и читается с большим увлечением. Редактор может быть полностью удовлетворен. Кстати, вот свежие анекдоты, только что привезенные из России: шутка — признак здоровья:

1) из областных газет: «Ник[ита] Серг[еевич]⁵ посетил колхоз и, входя во все подробности колхозного быта, шутя и смеясь, спросил старейшую колхозницу Марью Ивановну: “Как поживаете, Марья Ивановна?” — “Прекрасно, Никита Сергеевич!” — ответила она, тоже шутя и смеясь».

2) (Из популярной в России серии «антимикояновских⁶ шуток»):

«Армянское радио спрашивают: можно ли построить в Ереване коммунизм? Отвечаем: можно, но лучше в Тбилиси».

3) «Армянское радио спрашивают: можно ли определить разницу современного капитализма и коммунизма в их теории и практике? Отвечаем: Можно. Капитализм — это эксплуатация человека человеком. Ну, а коммунизм — это как раз наоборот».

Есть среди этих анекдотов и соленые: но их не помню за исключением очень забавного: «Армянское радио спрашивают: Правда ли, что Петр Ильич Чайковский был педераст?» Отвечаем: Правда, но мы ценим его не только за это».

Вы мне упомянули, что Ржевский получил повышение, т.е. доцентуру в Лунде⁸. Пожалуйста, поздравьте его от меня: он настолько «блуждающая точка», что нет никакой надежды с ним поговорить, а переписка у нас получается не чаще, чем раз в два года.

Пожалуйста, поклон от меня Николаю Ивановичу: хоть и мимолетная, встреча с ним была мне дорога и приятна.

С огорчением душевным узнали мы о смерти Наталии Николаевны Степун⁹. Бедный Федор Августович. Удастся ли всем вам как-то помочь ему, продолжая — намеренно — загружать его литературными просьбами? Это, вероятно, единственный способ оказать ему некоторую поддержку в этом испытании душевных сил.

Простите, что послание мое многоречиво. «Телеграфный стиль» имеет много преимуществ. Желаю Вам обоим всего самого лучшего. Иногда, пожалуйста, подавайте голос: я живу в водах островных, и голоса с континента долетают все реже, и этого мне не хватает.

Жму дружески Вашу руку.

Ваш Ник[олай] Андреев

P.S. Джилл шлет вам обоим свой сердечный привет.

Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы. Автограф.

---

¹ Несколько измененное крылатое выражение «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

² Из стихотворения Н.С. Гумилева «Память» (1920).

Гумилев Николай Степанович (1886–1921) — поэт, переводчик. Расстрелян.

³ Осипов Н. [Н.Н. Поляков]. Падение рабства в России: к 100-летию со дня крестьянской реформы // Мосты. 1961. № 7. С. 247–276.

⁴ Ключевский Василий Осипович (1841–1911) — историк. Ординарный (1900, сверх штата), почетный (1908) академик Имп. Академии наук.

⁵ Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) — партийный и государственный деятель. Первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964), председатель Совета министров СССР (1958–1964).

⁶ Намек на шутки над единственным армянином в высших эшелонах власти — Анастасом Ивановичем (Ованесовичем) Микояном (1895–1978), государственным и партийным деятелем, революционером, членом Политбюро ЦК КПСС (1935–1966).

⁷ Чайковский Петр Ильич (1840–1893) — композитор, дирижер, музыкальный критик. По сексуальной ориентации — гомосексуалист.

⁸ Л.Д. Ржевский стал доцентом с 1 июля 1961 г. (L. Rzhevsky // Personalenhetens arkiv, Pensionsmatriklar vol. D1AA:3. Universitetsarkivet. Lunds universitet).

⁹ Степун Наталия Николаевна (урожд. Никольская; 1886–1961) — жена философа и писателя Ф.А. Степуна (с 1911). Скончалась 30 июня 1961 г. в Мюнхене.

№ 29

Н.Е. Андреев — Г.А. Хомякову

Кембридж, 29 мая 1962 г.

29 мая 1962 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,

Читал в «Р[усской] м[ысли]», что Вы пролетели кометой по Парижу¹. Каковы впечатления?

У нас здесь выступал Евтушенко². К несчастью, он чувствует себя «необыкновенным». Все мнения о его «оппозиционности» плод — воображения заграничных критиков и публицистов. Его патроном является Аджубей³. Читает он эстрадно: по-своему и доходчиво для «масс» (не в ложной манере пафоса и не в манере поэтического шепелявенья). Но новаторства в его стихах — увы! — не почувствовал, а без этого нет поэта, оставляющего след. Очень ловко отвечает. А жена у него (вторая, красавица) Галина — умница⁴. Немудрено, что Евтушенко превозносит женщин. Я с ней разговаривал: быстра, сметлива, смела, приятна. Мой студент преподнес ему «Мосты» т. II (со статьей Неймирка о нем: «Стоящий на грани»⁵). Евтушенко быстро полистал, взглянул туда-сюда, подумал и вырвал статью о себе, сунув в карман, а от журнала отказался: «Слишком грузный кирпич». Не угодно ли редакции прислать мне том II? Жалко все же разрознить таким образом серию.

Как здоровье Федора Тарасовича?⁶

Между прочим, оказывается, «Мостов» в Англии в публичных библиотеках нет. Возможно ли это? Я писал месяц назад один библиографич[еский] обзор по советской литературе⁷. Попытался (ибо был в Лондоне) найти «Мосты» в библиотеке Британского музея⁸, в Лондонской библиотеке (London Library)⁹, в Лондонском университете¹⁰, — нигде ничего, никто о «Мостах» и не слыхивал. Это скандал. Я в свое время давал и Вам, и Ф.Т.¹¹ все английские адреса, куда необходимо посылать бесплатный номер «Мостов» и всех прочих изданий, — просто для истории. Нельзя ли это наладить хотя бы в отношении British Museum: мировая библиотека и книг не покупает?

Кстати: профессора Петра Ник[олаевича] Савицкого выпустили в Праге на свободу¹². Значит, все-таки отхлопотали: философ и антиатомщик Bertran[d] Russell¹³, 10 америк[анских] и брит[анских] университетов и т.д. с октября сту-чались в разные двери... «Толцйте и отверзится»¹⁴. Ах, как я радуюсь: Вы пом-ните, дорогой, как хороша свобода!..

Джилл шлет вам обоим сердечный привет.

Ваш Ник[олай] Андреев

P.S. Не залетите ли и в Англию? Тогда к нам пожалуйста!

Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы. Автограф.

---

¹ Г.А. Хомяков принял участие в вечере 6 мая 1962 г., посвященном 125-летию со дня смерти А.С. Пушкина. Вечер был устроен Союзом писателей и журналистов, редакцией журнала «Мосты» и Объединением б. воспитанников имп. Александровского лицея (см.: Слизской А. Пушкинский вечер // РМ. 1962. 19 мая. № 1840. С. 6).

² Евтушенко Евгений Александрович (фам. при рождении Гангнус; 1932–2017) — поэт.

³ Аджубей Алексей Иванович (1924–1993) — журналист, публицист. Главный редактор газет «Комсомольская правда» (1957–1959), «Известия» (1959–1964). Зять Н.С. Хрущева.

⁴ Евтушенко Галина Семеновна (урожд. Сокол; 1928–2013) — вторая жена Е.А. Евтушенко (1961–1974). Подруга поэта М.К. Лукониной.

⁵ Неймирок А. Стоящий на грани: о поэзии Е. Евтушенко // Мосты. 1958. № 2. С. 237–240.

⁶ Ф.Т. Лебедев.

⁷ Andreyev N., Pyman A. Literature, Post-1917 // The Year's Work in Modern Language Studies / ed. by P.F. Ganz. Cambridge, 1963. Vol. XXIV (1962). P. 582–623.

⁸ Библиотека Британского музея (The British Museum Library) — крупнейшая библиотека Великобритании, выполнявшая функции национальной. Основана в 1753 г. В 1973 г. библиотека была отделена от музея и вошла в состав созданной Британской библиотеки.

⁹ Лондонская библиотека (London Library) — независимая британская библиотека, выдающая книги на дом по платному абонементу. Создана в 1841 г.

¹⁰ Лондонский университет (University of London) — высшее учебное заведение в Лондоне, состоящее из 18 колледжей и 11 институтов. Создан в 1836 г.

¹¹ Ф.Т. Лебедев.

¹² Савицкий Петр Николаевич (1895–1968) — географ, экономист, философ, общественный деятель. Один из лидеров евразийства.

Выпущенный в 1960 г. под псевдонимом «П. Востоков» сборник стихов, в котором описывалось пребывание автора в советских лагерях, стал поводом для ареста Савицкого в мае 1961 г. чехословацкими органами госбезопасности. В сентябре 1961 г. Савицкий был приговорен к 2,5 года лишения свободы. С октября 1961 г. власти ЧССР начали получать прошения из разных стран об освобождении Савицкого. Послед-

ний был амнистирован чехословацким президентом А. Новотным и вернулся домой 10 мая 1962 г. (см.: Петр Николаевич Савицкий (1895–1968): библиография опубликованных работ / сост. и автор введ. М. Байсвенгер. Прага, 2008. С. 46; Андреева Е.Н. Архив Н.Е. Андреева: письма П.Н. Савицкого 1957–1968 гг. и «стихи» Востокова // Зарубежная Россия XX век: Слепухинские чтения — 2016: тр. междунар. науч. конф. / сост.: П.Н. Базанов и др.; редкол.: Н.А. Слепухина (отв. ред.) и др. СПб., 2018. С. 336–337). Сыграли ли обращения какую-либо роль в облегчении участи Савицкого или он вышел на свободу в рамках очередной массовой амнистии чехословацкого президента — однозначно ответить невозможно.

¹³ Рассел Бертран Артур Уильям, 3-й граф Рассел (Russell; 1872–1970) — философ, математик, общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1950).

¹⁴ «Толцые и отверзится» — часть фразы из Евангелия от Матфея: «Ищите, и обрящете, толцые, и отверзется вам» (Мф. 7: 7).

№ 30

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Мюнхен, 4 июня 1962 г.

4 июня 1962 г.
Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,
рад был получить Ваше письмо. «Мосты» № 2 — написал, чтобы послали Вам.

Евтушенко — что же, поэт талантливый, но «особость» его — только на советском фоне. И — человек умный, ловкий, если не сказать — ловкач. Все они там «из линии» не выходят, и оппозиционность их — условная. Может, для сов[етских] условий и это что-то значит, объективно же — не значит, в сущности, ничего. Вроде кукиша в кармане, да и то всегда готового разжаться и показываемого отнюдь не потому, что «против». Всех их там, и Вознесенского¹, и Ахмадулину² сумели приласкать, приспособить, «выпрямить», — они и сами, видно, выпрямились не без охоты. Ловкий народ, во всех водах мытый. Эта публика, печатающаяся, не обещает ничего, — может, больше способна обещать не печатающаяся.

Что в лондонских библиотеках нет «Мостов» — плохо, конечно, но причем тут я? Распространение не мое дело. И Вы ошибаетесь, что давали и мне английские адреса: Вы мне дали только пражский и ленинградский, куда «Мосты» посылаются. Очевидно, дали другому, а этот другой, — он же, дорогой, заинтересован лишь «постольку-поскольку». Мне это очень приходится чувствовать, ибо при внешне благожелательном отношении к «Мостам» препятствий воздвигается достаточно. Просто какое-то несчастье, рок эмигрантский, что наша работа попадает под начало, для которого все более ценное ни к чему. Ну, это тема длинная. Пришлите мне адрес «Бритиш музеум», постараюсь посылку им «Мостов» устроить.

Париж — это тоже одно уныние. Средний возраст публики в зале был — лет так 70. И все больше шерочки с машерочкой³, только безнадежно постаревшие, которые и раньше-то ничем серьезно не интересовались, а теперь и подавно. В Париже для нас ценны десятка полтора пишущих; есть там еще сотню не потерявших интереса к общим делам, остальное — «болото», черносотенно-совпатриотская публика, которая ни для чего и ни к чему. С нашей, разумеется, точки зрения.

Осипов мне пишет: в «Славик ревью», март 1962, № 1, есть, по его мнению, интереснейшая дискуссия о «проблемах старой (?) русской культуры», где имеется и Ваше имя⁴. Вероятно, интересно, — как Вы смотрите на то, чтобы перевести и тиснуть в след[ующем] «мосте»?⁵ Нам такие материалы очень нужны, — но подходит ли именно этот? Ежели считаете, что да, не будет ли милость Ваша — послать нам сей номер? И что вообще Вы по этому поводу полагаете?

В Англию заглянуть — рад бы в рай, да грехов много. За приглашение спасибо, но куда там, вряд ли соберемся.

Привет сердечный Джилл от нас, Вам и всему семейству,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

---

¹ Вознесенский Андрей Андреевич (1933–2010) — поэт, публицист. Лауреат Государственной премии СССР (1978), премии Правительства РФ (2010).

² Ахмадуллина Белла (Изабелла) Ахатовна (1937–2010) — поэтесса, переводчица. Лауреат Государственной премии СССР (1989), Государственной премии РФ (2005), премии Президента РФ (1999).

³ Шерочка с машерочкой (от фр. cher — дорогой и ma cher — мой дорогой) — устойчивое выражение, означающее людей, смотрящих на все с одной точки зрения (уст.).

⁴ Slavic Review — американский научный ежеквартальный журнал, созданный в 1941 г. Ранее выходил под названиями Slavonic Year-Book. American Series (1941), Slavonic and East European Review. American Series (1943–1944), American Slavic and East European Review (1945–1961).

Материалы дискуссии, посвященной культуре России, см.: Florovsky G. The Problem of Old Russian Culture // SR. 1962. Vol. 21, № 1. P. 1–15; Andreyev N. Pagan and Christian Elements in Old Russia // Ibid. P. 16–23; Billington J.H. Images of Muscovy // Ibid. P. 24–34; Florovsky G. Reply // Ibid. P. 35–42.

⁵ Указанная статья Н.Е. Андреева не была переведена на русский язык и не появилась в «Мостах».

№ 31

Н.Е. Андреев — Г.А. Хомякову
Корнуолл, 19 августа 1962 г.

19 августа 1962 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,

Находимся — всей семьей — опять на океанском побережье, в «стране легенд, меда, сливок и сидра» — Корнуэле... Кажется, сов[етская] энциклопедия пишет: Корнуелл¹. Я очень давно стремился написать Вам (в ответ на ... майское Ваше послание²). Вероятно, Вы считаете меня просто лентяем. Но — увы — состояние лениности (дар богов и признак таланта!) давно и основательно мною забыто. Просто я очень и непрерывно занят — прежде всего — академическими делами. Экзамены (а нынче мне пришлось экзаменовывать и в Кембриджском, и в Эдинбургском университетах³) особенно выматывают, а ими я был занят и май, и весь июнь, и начало июля. В июле же я был вовлечен в некую конференцию (в Оксфорде) по советской литературе⁴: весьма занятно и поучительно (и осведомительно — по крайней мере для меня). А затем сидел я вновь за английскими рецензиями и статьями-введениями к русским классикам (уже написано мною 10 предисловий, вышло в свет 9)⁵. Все это к сроку, и хотелось освободить самого себя к месячному семейному отдыху — от профессиональных нагрузок. Все это пишу Вам лишь для — хотя бы — кратчайшего пояснения о причинах своего «таинственного молчания» (как меня кто-то упрекнул из моих корреспондентов).

Дорогой Геннадий Андреевич,

я никак не имел в виду упрекнуть Вас в отсутствии «Мостов» в Англии, а просто — к слову — информировал. Вероятно, Вы и свою собственную книгу в Британский Музей не послали, а следует, ибо это одно из лучших мировых книгохранилищ. А книг они не покупают. Во всяком случае, фонды у них скромные, да все и сами шлют свои издания — для вечности!

British Museum,
Department of printed books,
Great Russell street,
London WC 1

Я с большим интересом прочитал «Мосты» кн[игу] 9. Со многим я поспори́л бы (если бы был рецензентом), но редактора похвалил бы. В целом: журнал составлен разнообразно, он занятен, и — в общем — почти весь материал на хорошем уровне. Все имена сотрудников что-то мне говорят, кроме Александра Бека, П. Бобринского и Г. Крутового⁶: кто сии? Н. Отрадин⁷, кажется, Вы самолично? Я полагаю, что следовало бы усилить отдел прозы. Почему бы Вам не объявить конкурс (с премиями, конечно) рассказов? Дать годовой срок для присылки «опусов». По опыту моему (и чужому) можно утверждать, что это всегда привлекает — к соревнованию — новые таланты. Иначе Вам

и нам грозит просто вымирание — «признанных» прозаиков. Между тем необходимо заботиться и о «продолжении мятежного рода» — зарубежных то есть. Очень меня поразила тематика Берберовой и Одоевцевой⁸: это — сугубо дамский декаданс⁹ (особенно подчеркиваемый отличной литературной техникой, которая оказывается ни к чему). Борис Филиппов со своим культом К. Леонтьева¹⁰ вносит определенную черту «реакционности», которая может быть мила для «снобов» российского пошиба, но которая в общественном плане явление полезное лишь для контраста. Поразила меня также «критическая глухота» Ю. Иваска: Набоков-Сирия и Олеша!?!¹¹ Ну, ну... Это было Ю.П. «родимое пятнышко» (непонимание худож[ественной] прозы то есть) с гимназических времен, как я вспоминаю¹². А вот стихи Лисицкой¹³ — чудесны. И мне очень нравится задорная поэзия Олега Ильинского¹⁴. Это и свежо, и смело, и утверждающе, и совершенно свой почерк (свободный — слава Богу — от тлетворности «нот» Георгиев Адамовича и Иванова¹⁵). И Лидия Алексеева¹⁶ хороша: она отошла от описания как описания, — когда-то я ее преследовал за эту никуда не ведущую конкретность. Жаль, что меня как критика выжили из эмигр[антской] словесности: мало кто ныне вещает «по существу», — критика превращается в ораторскую риторику, а она важна, как также и разговор о ремесле, и прежде всего о нем.

Вы упомянули о дискуссии в «Slavic Review» о древнерусской культуре, о которой упомянул в письме Н.И. Осипов. Никакие переводы ее — мною — невозможны: я был приглашен редакцией в рамках «привлечения специалистов к сотрудничеству в органе американских славистов», я — только гость (к тому же весьма ограниченный местом, — вся моя часть написана почти в тезисной форме). Дискуссия вызвала большой интерес у сов[етских] ученых. Я — лично получил ряд откликов от московских и ленинградских историков. Конечно, публично они будут нас «предавать сечению», но это и хорошо: пускай шумят. Кажется, их «задел» один из моих тезисов: я настаивал, что «революционные методы» в области культуры ведут (вели) к разрывам и потере единства — так было и при Владимире Святом, и при Петре Великом. Если Вас все это интересует, напишите мне формальное письмо, а я перешлю Prof[essor] Treadgold — редактору с соответствующим комментарием¹⁸. Но я не уверен, что эта дискуссия для «Мостов»: для Америки она (пишут) «полезна».

Между прочим, Академия наук опубликовала мою работу (2 печатных листа!) «Об авторе приписок в Лицевых сводах Грозного», см. «Труды отдела древнерусской литературы», т. XVIII, 1962 (Акад[емия] наук СССР, Пушкинский Дом)¹⁹. Статья снабжена примечанием редакции, что к теме еще вернется²⁰: значит, будут сечь!.. (В 1960 г. в той же серии в т. XVI меня всячески «заушали»²¹). Одновременно в т. XVIII помещены две статьи против других моих английских работ (о Курбском и о старце Филофее, авторе теории «Москва — Третий Рим»)²². Н.Н. Масленникова даже и пишет (не без наивности): если принять выводы Н.Е.А., надо «переосмыслить» ряд памятников и всю эпоху²³. «Переосмысливать», видимо, нельзя: значит, атакуй Н.Е. Андреева. Последний

очень доволен: еще бы, мобилизован чуть ли не весь сектор древнерусской истории Академии наук против «кембриджского оппонента». Редакторы «перестраховали себя» всячески. А тем не менее получился род столь взыскуемого диалога. Хотя бы и в пределах тем истории допетровской Руси. Причем не лишено пикантности то обстоятельство, что впервые допущена (в случае моей работы) к публикации в советском научном издании критика теорий советского ученого зарубежным ученым²⁴.

Извините, что рассказываю об этом. Но факт этот, в сущности, необыкновенный. И поскольку я — «герой», хотелось бы, чтобы и мои друзья, никак меня ни литературно, ни культурно не ценящие, узнали об этом своего рода событии. В связи с ним я получил замечательные письма из России (где опубликование моей работы произвело большое впечатление в академических и журналистических кругах), — вероятно, этот факт расценивается ими как «знаменательный». Будем верить, что они не ошибаются.

Не знаю, писал ли Вам, что удалось «отхлопотать» профессора П.Н. Савицкого (лидера евразийцев), которого (он отсидел 11 лет при Берии²⁵) арестовали в Чехословакии в прошлом мае и приговорили к 4 ½ годам. Но усилия Бертрана Расселя, америк[анских] и британских славистов-ученых и т.д., которые направили письма Новотному²⁶, увенчались успехом. Его освободили до истечения года. Тоже (надемся) и сие «знаменательно»!

Пожалуйста, передайте сердечный привет Элли Оскаровне и примите сами от Джилл и меня с «чады» (с ними страшно интересно! Катенька в переписке с Чуковским!)²⁷. Простите за многоглаголение!

Ваш Ник[олай] Андреев

Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы. Автограф.

¹ Н.Е. Андреев ошибался. В первом издании «Большой советской энциклопедии» использовалась форма «Корнуол» (см.: Корнуол // Большая советская энциклопедия / гл. ред. С.О. Шмидт. М., 1937. Т. 34: Конкурс — Крестьянская война. Стб. 330), во втором — «Корнуолл» (Корнуолл // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. / Гл. ред. Б.А. Введенский. М., 1953. Т. 23: Корзинка — Кукунор. С. 330).

² Письмо Г.А. Хомякова с приглашением посетить Мюнхен, датированное маем 1962 г., не обнаружено.

³ Речь идет о традиции приглашения преподавателей из других университетов на экзамены. Обычное время, на которое назначается экзаменатор, три года. В Эдинбургском университете с 1949 по 1985 г. русские предметы преподавал Д. Уорд (D. Ward; 1924–2008), выпускник Кембриджского университета, бывший ученик Н.Е. Андреева, несколько раз приглашавший своего учителя для участия в экзаменах.

⁴ Речь идет о конференции по советской литературе (Conference on Soviet Literature, 1917–1962), прошедшей 1–8 июля 1962 г. в Оксфордском университете. Организатором конференции выступил филолог и переводчик М. Хейворд (Hayward; 1924–

1979). Конференция прошла под покровительством колледжа св. Антония, старшим членом (fellow) корпорации которого был Хейворд, и журнала «Survey».

⁵ К указанному времени в лондонской серии «Everyman's Library» с предисловиями Н.Е. Андреева вышло 2 книги Л.Н. Толстого, 3 книги Ф.М. Достоевского, 2 книги Н.В. Гоголя, по 1 книге И.А. Гончарова и И.С. Тургенева (см.: Публикации Н.Е. Андреева, 1948–1982 годов. С. 673–674).

⁶ Бек Александр Ф. (? — ?) — поэт. Бобринский Петр Андреевич (1893–1962) — поэт, журналист, масон. Круговой Георгий (Юрий) Григорьевич (1924–2012) — филолог, литературовед, публицист.

Бек А. На окраине; Под вечер; Разрешите представиться; Ноги мои ножки... // Мосты. 1962. № 9. С. 105–108; Бобринский П. Мысли о русском символизме // Там же. С. 171–176; Круговой Г. О жизненной драме Владимира Соловьева // Там же. С. 244–257.

⁷ Г.А. Хомяков использовал псевдоним «Н. Отрадин» для своих публицистических произведений.

Отрадин Н. [Г.А. Хомяков]. Вокруг разоружения и вооружения: заметки публициста // Мосты. 1962. № 9. С. 280–297.

⁸ Одоевцева Ирина Владимировна (наст. имя и фам. Ираида Густавовна Гейнике; в 1-м браке Попова, во 2-м браке Иванова; 1895–1990) — поэтесса, писательница. Берберова Нина Николаевна (1901–1993) — писательница, мемуаристка, журналистка.

Берберова Н.Н. Маленькая девочка: пьеса в трех действиях, пяти картинах // Мосты. 1962. № 9. С. 48–104; Одоевцева И.В. На берегах Невы // Там же. С. 109–120.

⁹ Декаданс (также: декадентство, от *позднелат.* *decadentia* — упадок, разложение) — направление в творческой мысли, литературе рубежа XIX–XX вв., характеризующееся индивидуализмом, эстетизмом, имморализмом.

¹⁰ Филиппов Борис Андреевич (наст. фам. Филистинский; 1905–1991) — писатель, литературовед, публицист, издатель, мемуарист. Коллаборант. Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891) — дипломат, врач, философ, публицист.

Филиппов Б.А. Страстное письмо с неверным адресом // Мосты. 1962. № 9. С. 211–228.

¹¹ Олеша Юрий Карлович (1899–1960) — писатель, поэт, драматург. Набоков Владимир Владимирович (псевд. Владимир Сирин; 1899–1977) — поэт, писатель, переводчик, энтомолог.

Иваск Ю.П. Литературные заметки // Мосты. 1962. № 9. С. 177–191. Наиболее ярко позиция Ю.П. Иваска проявилась во фразе «Олеша иногда напоминает Набокова» (Там же. С. 186).

¹² О докладах Ю.П. Иваска по литературе в гимназическом кружке см.: Андреев Н.Е. То, что вспоминается. С. 224.

¹³ Аверьянова Лидия Ивановна (псевд. А. Лисицкая; в 1-м браке Дидерихс, во 2-м браке Корсун; 1905–1942) — поэтесса, переводчица.

Стихи А. Лисицкой (Стихи о Петербурге; «На Марсовом широковейном поле...»; «И ты, между крыльев заката...»; Смольный: I; Смольный: II; «Когда, в тумане розоватом...»; «Как Гумилев — на львиную охоту...»; На Охтенском мосту; «Бегут трамваи — стадо красных серн...»; Академия наук; Лазаревское кладбище; Колокол св. Сампсония) // Мосты. 1962. № 9. С. 125–136.

¹⁴ Ильинский Олег Павлович (1932–2003) — поэт.

Ильинский О.П. Форты; Весной; Сон в лесу на рассвете; Эстафета // Мосты. 1962. № 9. С. 43–47.

¹⁵ Иванов Георгий Владимирович (1894–1958) — поэт, писатель, публицист, критик.

«Парижская нота» — литературное течение в русской поэзии за рубежом, датируемое 1920–50-ми гг. Основатель и поэтический лидер Г.В. Адамович, поэзия Г.В. Иванова сильно повлияла на поэтов направления. Границы направления были размыты, т.к. никакого организационного оформления (коллективная декларация, единый печатный орган) не состоялось. Принадлежность к «ноте» определялась по стилю и тематике стихов поэтов, близости к Адамовичу и его взглядам на смысл и назначение поэзии (аскетизм, скептицизм).

¹⁶ Алексеева Лидия Алексеевна (наст. фам. Девель; в браке Иванникова; 1909–1989) — поэтесса, переводчица.

Алексеева Л.А. Отлив; «Бессильны легонькие весла...»; Музе; 1918 // Мосты. 1962. № 9. С. 26–29.

¹⁷ Владимир Святославич (Владимир I; Владимир Святой; ок. 960–1015) — князь новгородский (970–988), киевский (978–1015). Инициатор крещения Руси. Петр I Алексеевич (Петр Великий; 1672–1725) — царь всея Руси (1682–1721), император все-российский (1721–1725) из династии Романовых.

¹⁸ Treadgold Donald Warren (1922–1994) — историк. Редактор «Slavic Review» (1961–1964, 1968–1975). Состоялся ли запрос Г.А. Хомякова Д. Тредгольду относительно перепечатки статьи Н.Е. Андреева, установить не удалось.

¹⁹ Андреев Н.Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного // Труды Отдела древнерусской литературы. 1962. Т. 18. С. 117–148.

Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584) — великий князь московский и всея Руси (с 1533), царь московский и всея Руси (с 1547, за исключением 1575–1576) из династии Рюриковичей.

²⁰ «...Редакция ТОДРЛ предполагает в одном из последующих томов вновь вернуться к этому вопросу» (Андреев Н.Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного. С. 117. Примеч.).

²¹ Н.Е. Андреев имел в виду статью: Альшиц Д.Н. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый? // Труды Отдела древнерусской литературы. 1960. Т. 16. С. 617–625. Альшиц подверг критике работу Андреева, посвященную Лицевому летописному своду (Andreyev N. Interpolations in the 16th-Century Muscovite Chronicles // The Slavonic and East European Review. 1956. Vol. 35, № 84. P. 95–115).

²² Скрынников Р.Г. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь // Труды Отдела древнерусской литературы. 1962. Т. 18. С. 99–116; Масленникова Н.Н. К истории создания теории «Москва — Третий Рим»: (По поводу статьи Н.Е. Андреева «Филофей и его послание к Ивану Васильевичу») // Там же. С. 569–581.

Курбский Андрей Михайлович (1528–1583), князь — полководец, политический деятель, писатель. Автор многолетней переписки с царем Иваном IV Васильевичем. Филофей (ок. 1465 — 1542) — старец псковского Спасо-Елеазарова монастыря. Предполагаемый автор концепции «Москва — Третий Рим».

²³ См.: «Если бы Н.Е. Андрееву удалось опровергнуть признанное большинством исследователей время написания послания Филофея, то это неизбежно повлекло бы за

собой не только переосмысление многих памятников общественной мысли, но и всего процесса складывания идеологии централизованного государства» (Масленникова Н.Н. Указ. соч. С. 569).

²⁴ Намек на критику Н.Е. Андреевым построений Д.Н. Альшица.

²⁵ П.Н. Савицкий был арестован в Праге сотрудниками Смерша 4 июня 1945 г. В конце июня он был доставлен во внутреннюю тюрьму НКГБ СССР в Москве. Решением Особого совещания НКВД Савицкий был приговорен к 10 годам заключения в исправительно-трудовом лагере «за принадлежность к контрреволюционной организации» (ст. 58-4 и 58-11 УК РСФСР). Савицкий отбыл заключение в Темниковском ИТЛ (Темлаг) в Мордовии. Он был освобожден в 1955 г., и в январе 1956 г. вернулся в Прагу к семье (см.: Петр Николаевич Савицкий (1895–1968). С. 45–46).

²⁶ Новотный Антонин (Novotný; 1904–1975) — политический деятель. Президент ЧССР (1957–1968). Первый секретарь ЦК КПЧ (1953–1968).

²⁷ Чуковский Корней Иванович (наст. имя и фам. Николай Иванович Корнейчуков; 1882–1969) — поэт, писатель, литературный критик, журналист.

Возможно, что упоминание К.И. Чуковского связано с его приездом весной 1962 г. в Великобританию. В начале 1962 г. писатель был приглашен кураторами Института Тейлора (Оксфордский университет) прочесть традиционную Ильчестерскую лекцию. Зная о приезде Чуковского, декан колледжа Водам сэр С.М. Боура (Bowra; 1898–1971) предложил высшему совету университета в письме от 17 февраля 1962 г. дать писателю почетную степень доктора литературы. Совет предложение одобрил, и 23 мая 1962 г. на специальной церемонии Чуковский был удостоен почетной степени. В тот же день писатель прочел Ильчестерскую лекцию о Н.А. Некрасове-художнике (OUA. UR6/HD/2c. File 12; *Simmons J.S.G. Slavonic Studies at Oxford, 1844–1909* // *Oxford Slavonic Papers. New series.* 1980. Vol. 13. P. 26; *Idem. Oxford's Russian Honorary Doctors.* Oxford, 1996. P. 9, 10; *University News. Oxford Honours Chukovsky* // *Times.* 1962. 24 May. № 55399. P. 16).

К.И. Чуковский интересовался вопросом знания двух языков у детей, и он начал переписываться с Е.Н. Андреевой. Более четырех десятков писем писателя за 1961–1969 гг. сохранились в ее частном архиве.

№ 32

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Мюнхен, 12 сентября 1962 г.

12 сентября 1962 г.
Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,
мы только на днях вернулись из поездки, были в Италии, в отпуску. Купались, жарились на солнце, потом заехали в Ассизи, в Перуджию, из которых не хотелось уезжать, так там интересно, — в общем, проделали все, что полагается для Италии. Это и есть причина, почему я Вам не отвечал: Ваше письмо прочел только по возвращении.

Нет, за многогласие, конечно, я не в претензии: раз в году написали Вы странное письмо — это надо ценить, а не быть Вами недовольным. Не в претензии и за то, что поздно ответили: при нынешней занятости и суматошности это извинительно, я и сам стал не таким строгим по этой части. Куда там, на работе сколько приходится писем писать, неотложных, обязательных, что засадить себя за машинку еще и для писем, которые могут подождать, нелегко.

С Британским музеем — постараюсь уладить. Что Вам понравился № 9-й — рад, а относительно рецензий — кто же их будет писать? Все стали страх как осторожными, и тот же Терапиано¹ хвалит сплошь все, что бы ни появилось, включая и графоманов. А Вы еще пишете: «Привлекайте новые силы!» Неисправимый Вы оптимист: где они? Я во все стороны смотрю, чтобы откопать какого-либо автора, хотя бы из заваливших, — где их взять? Крутятся в своей английской среде, Вы, очевидно, утратили представление о реальном состоянии эмиграции, о ее просто ужасающем обеднении людьми.

Вы пишете: сами не можете переводить для нас. Но этого и не требуется, и я никогда не предполагал загружать Вас такой работой. Я писал о «Славик ревью», только спрашивая Ваше мнение об этом. По-моему, самое лучшее было бы тут сделать так: дать об этом статью русского автора, в которой могла бы содержаться и критика, при случае и поправки, и т.д.² Это было бы отлично: статья о том, что и как думают о России западные ученые, и вот сейчас, а не 50 или 100 лет тому назад. Это было бы хорошо для любого русского читателя, где бы он ни находился. Но где Вы найдете автора, который написал бы такую статью? Это ведь должен быть и специалист такого же уровня (хотя бы), и хорошо знающий английский язык. Наше несчастье в том и состоит, что таких авторов у нас нет, а если они и есть, то они молчат или пишут на других языках (на свой счет сие можете не принимать).

И сколько сейчас таких тем, такого материала, на который следовало бы откликаться нам! К сожалению, мы способны по большей части только газетно размахивать кулаками. И если я решаюсь писать, превозмогая стыд (зная, что мои эти статьи дрянны), как Отрадин, то только потому, что других авторов нет, а темы эти нужны как хлеб, — и еще потому, что, несмотря на дрянность моих этих писаний, они все же сов[етским] читателем, как правило, принимаются с интересом.

Между прочим, можно было бы нам вмешаться и в Ваш спор с сов[етскими] историками, отметить факт напечатания Вашей статьи в сов[етском] журнале и т.д., — но и это ведь надо делать не по-газетному и не пропагандно. Кто же у нас может так писать? Кто может вмешаться и со знанием дела, и со вкусом к такого рода серьезной полемике? Не вижу авторов. Вот если бы Вы нашли нам таких, мы были бы Вам благодарны «по гроб жизни». М[ожет] б[ыть], Катков³ взялся бы за подобные темы? (Не знаю его совсем; по некоторым отзывам — он «байбак», лентяй и размазня.) Или Утехин? Подумайте на досуге, ежели можете голову свою еще и этим занимать. То же самое — может, если у Вас способные, талантливые студии, которые хотели бы писать для русского издания?

Другая опера: Ал[ександр] Бек — молодой человек, учится в университете в Калифорнии, стихи начал писать совсем недавно. И недавно же, как писал он мне, «открыл» Гумилева, Есенина, даже, кажется, Блока⁴: он и не подозревал, что такие существуют. Прислал пачку стихов, слабых; мы тут отобрали те, что напечатаны, и дали их «для поощрения молодых талантов». У него «искра» чувствуется, может, что и получится из него. Круговой — его Вы должны были бы знать, он печатался в «Посеве», в «Гранях», давно уже. Это тоже еще молодой человек, кончил университет в Австрии, казачина из Сов[етского] Союза двух метров роста и соответствующего объема; сейчас преподает в Принстоне в США. Он, несомненно, талантлив, и у него все шансы стать большим ученым. Бобринский — старик большой культуры и знаний (недаром граф; к сожалению, недавно умер, в Париже⁵), в русских изданиях не печатался уже давным-давно, наверное лет 30.

С отдельными Вашими замечаниями по девятому «мосту» почти со всеми согласен. Берберова, Одоевцева — да, несмотря на технику, это все же дамское писание, но на фоне пишущегося сейчас печатать такое можно. Если бы было другое, в сущности, следовало бы воздержаться, но на нет и суда нет. Филиппова работа многими высоко ценится, а на мой взгляд — дело даже не в «реакционности», а в том, что о Леонтьеве, по-моему, нельзя сейчас так писать. После всех и Победоносцевых, и Лениных со Сталиными⁶, надо было бы «переварить» Леонтьева в свете всего опыта последнего почти уже столетия. А так это — да, может быть, и интересная статья, да толку в ней что. Но опять — «на нет и суда нет».

Неисправимый оптимизм Ваш виден и в надежде на «знаменательность» таких фактов, как опубликование Вашей статьи (между прочим, я об этом узнал некоторое время тому назад тут, не от Вас, чем и объясняется мое воздержание от восторгов в этом письме: факт сей стал уже мне как бы привычным) или освобождение Савицкого. Множество других фактов пока говорит, что надеяться на какое-либо изменение положения еще рано. Из США вон мне другое пишут: что в ближайшие два года как бы не получились другие изменения, как бы не было войны. Дьявол ее знает, в такие времена, что и как получится.

Ну, не будем предаваться мрачным размышлениям. Пока будем продолжать то, что делаем, а там будет видно. В «большой политике» мы не деятели, а только свидетели: посмотрим, как оно будет, грохнут нам на головы атомные бомбы или воздержатся все же от такого способа разрешения «идеологических» разногласий. Вообще же, всякое может быть.

Принимайте наши приветы всему дому, включая и корреспондентов Чуковского, и не сетуйте за разведенный в этом письме пессимизм.

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Терапиано Юрий Константинович (1892–1980) — поэт, писатель, литературный критик.

² Подобная статья не появилась в альманахе «Мосты».

³ Катков Георгий Михайлович (1903–1985) — историк.

⁴ Есенин Сергей Александрович (1895–1925) — поэт. Блок Александр Александрович (1880–1921) — поэт, писатель, переводчик, литературный критик.

⁵ П.А. Бобринский скончался в пригороде Парижа Нейи-сюр-Сен 24 августа 1962 г.

⁶ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — государственный деятель, юрист, переводчик. Обер-прокурор Святейшего синода (1880–1905). Ленин Владимир Ильич (наст. фам. Ульянов; 1870–1924) — революционер, политический, партийный и государственный деятель. Председатель СНК РСФСР (1917–1924), СНК СССР (1923–1924). Сталин Иосиф Виссарионович (наст. фам. Джугашвили; 1878–1953) — революционер, политический, партийный и государственный деятель. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) (1922–1934), секретарь ЦК ВКП(б)-КПСС (1934–1952). Председатель СНК СССР (1941–1946), Совета министров (1946–1953). Генералиссимус СССР (1945).

№ 33

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Мюнхен, 18 сентября 1962 г.

18 сентября 1962 г.

Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,

после отправки Вам письма на прошлой неделе я заходил к Степуну — он показал мне Ваше письмо, в котором Вы расточаете ему похвалы за «Встречи» (книга и в самом деле отличная, хотя я старику этого не говорю: он и сам знает) и пишете, что хотите обязательно написать о ней¹. Если Вы это всерьез, то я очень поддерживаю такое благое намерение. Лучше всего было бы, если бы написали в «Н[овое] р[усское] слово» — там писал пока только Большухин, вообще о нашем издательстве и в частности о книге Степуна². Вышло неплохо, но все же это Большухин, а не Вы и только частично о Степуне. Да и каши маслом не испортишь. Я уверен, что напечатают, в особенности если пропишете, что это вроде бы выдающееся событие тусклой нынешней духовной жизни. Нью-Йорк нам нужен в особенности в том смысле, что там книги наши наиболее выгодно продаются: высокая валюта. Можете, конечно, и в «Р[усской] мысли», но это не тот коленкор и там уже была обстоятельная статья Адамовича³.

Ежели ни то ни другое Вам не подходит, то можете дать и в «Свободе», в ней будут рады такой статье⁴. И повторяю, я прямо-таки «ухватил за слово»

Вас и всячески поощряю написать такую статью. Да теперь Вам и неудобно отказываться: Степун будет недоумевать, обидится старик. А стариков обижать нельзя.

Привет Джил, Вам и наследникам,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Н.Е. Андреев — Ф.А. Степуну, 10 сентября 1962 г. // Beinecke. F. Stepun papers. Box 1, folder 30.

² Большухин Ю. На трудных дорогах // НРС. 1962. 15 июля. № 18024. С. 2.

³ Адамович Г.В. «Встречи» Федора Степуна // РМ. 1962. 25 августа. № 1882. С. 2–3.

⁴ Статья Н.Е. Андреева не была напечатана в журнале «Свобода».

№ 34

Н.Е. Андреев — Г.А. Хомякову

Кембридж, 27 января 1963 г.

27 января 1963 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,

Чувствую себя виноватым, что в этом году не успел приветствовать Элли Оскаровну и Вас со всеми праздниками в конце прошлого и в начале настоящего года, — я все хотел присовокупить к рождественской карточке личное послание. Однако появление на свет Божий третьего нашего наследника, второго сына, Михаила Николаевича (родился 26 октября в то время, как отец праздновал — после лекции их — с москвичами, детской писательницей Барто¹ и с «крокодилщиком» Семеновым², — рисунки у последнего «правоверно-дубовые», а выпивши впадает в свободомыслие...) О, «русская душа»! И когда я вернулся к ночи, в 1-м ч[асу] ночи, я стал немедленно по прибытии отцом в третий раз. Забавно, что перед «лекцией» они сидели два часа у нас и Джилл их мило угощала; Катенька, кажется, единственная — настоящая читательница в Великобритании книжек Барто и журнала Семенова «Веселые картинки»³, — и штаб переводчиков привез их «отдохнуть» в русский дом перед выступлением! Барто на алкоголь не идет, а Семенов «ударял» не с меньшей выразительностью, чем я пил в ЦОПЭ... Плохо, что они наобещали горы книжек Катеньке и не прислали ни одной!.. Как и Чуковский! А Катенька удивляется, а отцу приходится выдумывать для москвичей оправдания. Ибо не могу разочаровать дочь, которая воспитана в английском духе — «если обещано, необходимо исполнить», — она сейчас, как и Ник[олай] Ник[олаевич], верит в замечательную Россию, о которой так много заманчивого успела рассказать ее необыкновенная русская бабушка.

Тем не менее я работал и после рождения Михаила Николаевича в ударных темпах и даже закончил отзыв о «Встречах» Степуна: остается перестукать и отослать, — надеюсь управиться с этим в течение ближайших вечеров (печатаю я медленно и притом всегда меняю стиль)⁴.

Кстати, на крестинах Мих[аила] Ник[олаевича] (которые состоялись 13 января посреди «трескучих морозов», и мы согревались с энтузиазмом!) была госпожа И.М. Бельгард⁵, и я спросил, получила ли она гонорар за второй отрывок из воспоминаний своего свекра, — увы, она его не получила. М[ожет] б[ыть], вышлете? Я с большим удовольствием прочитал Вашу статью — ответ по поводу глупых замечаний Завалишина в адрес «Мостов» в «Нов[ом] русском слове»⁶. «Глупые» всегда наиболее активные. Вы ответили ему очень мягко. В свое время в «Русск[ой] мысли» я старался поставить Завалишина «в рамки», но, видимо, работает он часто с помощью Бахуса...⁷ В ноябре читал я доклад о 1100-летию Российского государства в «ореховской вотчине»⁸ — в Брюсселе: было свыше 400 слушателей!.. Удивился я потом и тому, как плохо пресса могла передать суть моего доклада. Но думаю, что скоро он будет опубликован полностью⁹. Передайте, пож[алуйста], Н.И. Осипову — пламенный мой привет: его статьи в «Н[овом] р[усском] с[лове]» чудесны¹⁰.

Целую ручку Элли Оскаровне.

Ваш Ник[опай] Андреев

Я широко использовал «Мосты» в библиографии по изучению сов[етской] литературы. Теперь составляю за следующий период¹¹. Беда с эмигрантской, — ее так трудно разыскивать, особенно в Англии, где она не продается в магазинах.

Вчера началась — славу Богу — оттепель! Англия замерзла абсолютно.

Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы. Автограф.

¹ Барто Агния Львовна (урожд. Волова; 1906–1981) — поэтесса, писательница, радиоведущая. Лауреат Сталинской премии второй степени (1950), Ленинской премии (1972).

² Семенов Иван Максимович (1906–1982) — график и карикатурист. Народный художник СССР (1974). Сотрудник сатирического журнала «Крокодил».

³ «Веселые картинки» — ежемесячный юмористический журнал для детей. Издается с 1956 г. в Москве. И.М. Семенов был инициатором создания журнала и его первым главным редактором (1956–1972).

⁴ Статья Н.Е. Андреева о книге Ф.А. Степуна не была напечатана в русскоязычной печати. Он посвятил «Встречам» несколько строк в обзоре русской литературы для «The Year's Work in Modern Language Studies» (Andreyev N., Pyman A. Literature, Post-1917. P. 595).

⁵ Бельгард Ирина Михайловна (урожд. Жемчужникова; 1903–1974) — сноха А.В. Бельгарда.

⁶ В.К. Завалишин выступил с резкой критикой № 9 «Мостов». По словам рецензента, альманах утратил свое оригинальное лицо, превратившись фактически в литературное приложение «Нового журнала», писания ряда авторов о советской литературе (Ю.П. Иваска, В.С. Франка) были некомпетентны (Завалишин В.К. Альманах «Мосты» — девятая книга // НРС. 1962. 14 октября. № 18115. С. 8). Г.А. Хомяков ответил на претензии рецензента (Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. О «Мостах» и об одном о них отзыве // Там же. 18 ноября. № 18150. С. 8). В рецензии на № 10 альманаха «Мосты» Завалишин выступил с примирительными разъяснениями своих разногласий с Хомяковым (Завалишин В.К. Десятая книга «Мостов» // Там же. 1963. 17 марта. № 18269. С. 8).

⁷ Бахус (Bacchus) — латинская форма имени Вакх (одного из имен Диониса, древнегреческого бога растительности, виноградарства, виноделия, вдохновения, экстаза, театра). Говоря о работе с помощью Бахуса, Г.А. Хомяков намекал на частые алкогольные возлияния В.К. Завалишина.

⁸ Деталей доклада Н.Е. Андреева, посвященного 1100-летию Российского государства и прочитанного в Брюсселе, установить не удалось.

Орехов Василий Васильевич (1896–1990) — военный и общественный деятель, публицист. Издатель журнала «Часовой» (1929–1940, 1947–1988).

⁹ Доклад Н.Е. Андреева не был опубликован.

¹⁰ Неясно, о каких статьях Н.И. Осипова говорит Г.А. Хомяков. В 1962 г. Осипов опубликовал в «Новом русском слове» несколько работ (Осипов Н. [Н.И. Поляков]. Тень Сталина // НРС. 1962. 11 марта. № 17898. С. 2; Он же. Тысяча и сто // Там же. 24 июня. № 18003. С. 2; Он же. П.Б. Струве в советской исторической литературе // Там же. 8 июля. № 18017. С. 2; Он же. Империализм под маской религии // Там же. 14 октября. № 18115. С. 3, 5; Он же. Третий Рим и наши дни // Там же. 9 декабря. № 18171. С. 2).

¹¹ Обзор советской литературы за 1963 г. был отложен (The Year's Work in Modern Language Studies / ed. by G. Orton. [Cambridge], 1964. Vol. XXV (1963). P. 565) и появился только в следующем томе за авторством другого ученого, Р.Д.Б. Томсона (Thomson R.D.B. Literature, Post-1917 // The Year's Work in Modern Language Studies / ed. by G. Orton. [Cambridge], 1965. Vol. XXVI (1964). P. 701–720).

№ 35

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Мюнхен, 1 февраля 1963 г.

1 февраля 1963 г.

Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,

рад был Вашему письму; с приятным удивлением узнал и о том, что Вы теперь не просто отец семейства, но и обширного семейства! Этак поневоле с беспокойством подумаешь: что же будет дальше? И хотя поздравления мои явно запоздали (Ваша вина), искренне поздравляю и папашу, и мамашу и желаю доброго здоровья и процветания всему семейству.

Что Чуковский, Барто и прочие обещали книжки и не прислали, — худо, конечно, английскому складу этого не понять. Но не валите, дорогой, на «русскую душу»: это уже стиль не рюс, а советикус¹. Они тут хвост распускают, этакими героями себя выставляют, — а поджилки-то у них трясутся. Слышал недавно Евтушенко — сильно удешевленное издание Маяковского², куда до подлинности! А прочел Солженицына³ — и таким сгустком хамства, издевательства, наглости потянуло, что не продохнешь. Это же отражение проявления всех качеств «передового» и «непревзойденного» строя, «всепобеждающего марксизма-ленинизма». Удивительно ли, что оно и Чуковского заставило элементарные правила приличия забыть?

Вы читали, наверное, «Синюю муху»⁴, «Говорит Москва»⁵ и прочую негласную литературу. В ней, с одной стороны, будто бы полное понимание причин и следствий есть, а с другой — и путаница в головах. И главное — страх, страх, уже подсознательный, сидящий в кишках, который, в сущности, и заставляет не просто мириться с коммунизмом, но даже будто искренне принимать и прославлять его. Тут все говорят — «освобождение от страха», — какое там освобождение! Вся публика лет от 30–35 и выше вышколена этим страхом и в свете наших надежд безнадёжна; ниже — появилось много ловкачей вроде Евтушенки, и ждать чего-то можно разве от тех, кому еще 20 не стукнуло, но они выйдут «на арену» тоже лет через 20. А к тому времени их Шепиловы и Семичастные⁶ успеют вымуштровать.

Ну, хватит об этих грустных вещах. Завалишин — озорник и хулиган, но ответить пришлось, чтобы не произвело дрянного впечатления «наверху»: наши возможности надо всячески оберегать, о чем такие забубенные голоушки, как Завалишин, конечно, не думают.

О докладе Вашем в Брюсселе не знаю, что был за доклад: признаться, «хроники» эмигрантской в газетах не читаю, там же все больше о чашках чая или собраниях харьковских институток, прочих земляках. Бог с ними. О докладе же пожалел: как искал я такой материал для «Мостов» и не мог найти. Но это старая история: из числа возможных сотрудников наших Вы давно исключены по причине полной безнадёжности. Вот Вам, в виде пилюли. А где же будет он опубликован, любопытно? Небось в каких-либо ученых записках — навряд ли Пиквикского клуба? Явлю сознательно.

Любопытно и другое: неужто отзыв о «Встречах» все-таки пишется и даже будет написан? И даже напечатан? Где?

Относительно Бельгард — конечно, надо заплатить, деньги выписаны. Не переведены, я справлялся, только потому, что нет адреса. Скажите, пожалуйста, ей, пусть придет адрес, или сами сообщите нам, ежели не трудно. Я уже не помню, каким образом мы уплатили первый раз, за первый отрывок, — разве через Вас?

Ник[олай] Ив[анович] письмо Ваше переслал⁸. Он дал мне статью о «святой Руси» (в стиле того, что печатал в Н[овом] р[усском] слове)⁹, — любопытная статья, к обсуждению этой темы просто руки чешутся, чтобы Вас привлечь, — Ваша материя, — да куда там, как сказано, надежд нет.

Однако, несмотря на сие, в нашем расположении к Вам сомневаться у Вас оснований не может быть, чем мы и закончим растянувшееся наше письмо. Привет сердечный Джил и всего лучшего,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Смысловая игра: «рюс» (фр. *russe*) — русский, «советикус» (лат. *soveticus*) — советский.

² Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930) — поэт. Редактор журналов «ЛЕФ» (1923–1925), «Новый ЛЕФ» (1927–1928).

³ Солженицын Александр Исаевич (1918–2008) — писатель, поэт, общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1970).

Г.А. Хомяков имеет в виду повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». К моменту написания письма произведение было опубликовано в СССР (Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // Новый мир. 1962. № 11. С. 8–74. См. также отд. изд.: Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича. М., 1963. (Роман-газета. № 1/277)) и перепечатано в эмигрантской периодике (Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // НРС. 1962. 29 декабря. № 18191. С. 2; 31 декабря. № 18192. С. 2–3; 1963. 1 января. № 18194. С. 2–3; 2 января. № 18195. С. 2–3; 3 января. № 18196. С. 2; 4 января. № 18197. С. 2; 5 января. № 18198. С. 2; 7 января. № 18200. С. 2–3; 8 января. № 18201. С. 2–3; 9 января. № 18202. С. 2; 10 января. № 18203. С. 2; 11 января. № 18204. С. 2; 12 января. № 18205. С. 2; 14 января. № 18207. С. 2; 15 января. № 18208. С. 2; 16 января. № 18209. С. 2; 17 января. № 18210. С. 2–3).

⁴ «Сказание о синей мухе» — самиздатовское произведение В.Я. Тарсиса (1962).

⁵ «Говорит Москва» — повесть Ю.М. Даниэля (под псевдонимом Н. Аржак) (1962). Впервые напечатана издательством В. Filippoff (Вашингтон, 1962).

⁶ Шепилов Дмитрий Трофимович (1905–1995) — государственный и партийный деятель, экономист. Семичастный Владимир Ефимович (1924–2001) — государственный и партийный деятель. Генерал-полковник. Председатель Комитета государственной безопасности (1961–1967).

Упомянув двух означенных деятелей, Г.А. Хомяков намекал на борьбу с инакомыслием в СССР со стороны партийной пропаганды (Шепилов) и карательных органов (Семичастный).

⁷ Пиквикский клуб (Pickwick Club) — собрание людей, путешествовавших по Англии с целью наблюдения за природой людей. Клуб и его члены были описаны в романе Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1836–1837).

⁸ Указанное письмо обнаружить не удалось.

⁹ Осипов Н. [Н.Н. Поляков]. От императора Юстиниана до Емельяна Пугачева // Мосты. 1965. № 11. С. 309–326. Разделы в статье: Святая Русь. Старообрядчество. Маркиз Пугачев.

Статья в «Новом русском слове» — Осипов Н. [Н.Н. Поляков]. Третий Рим и наши дни // НРС. 1962. 9 декабря. № 18171. С. 2.

№ 36

Н.Е. Андреев — Г.А. Хомякову
Кембридж, 28 февраля 1963 г.

Подцепил «вирусный грипп» — и вышел из строя. Сообщаю адрес для гонорирования:

Mrs. Irina Bellgarde
49, Staverton road
London N.W. 2

Сердечный привет! Выживу — напишу подробно.

Ваш Ник[олай] Андреев

Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы. Автограф. На почтовой открытке. Датируется по почтовому штемпелю.

№ 37

Н.Е. Андреев — Г.А. Хомякову
Корнуолл, 6 сентября 1964 г.

6 сентября 1964 года

Дорогих Геннадия Андреевича и Елли Оскаровну сердечно приветствуют Андреевы из Корнуелла, где чудесная, тропическая жара, а перед тем они провели первую часть каникул на Шетландских островах — почти в Арктике!¹ Было тоже замечательно, но прохладно. Как здравствуете и как литературные дела?

Ник[олай] и Gill

Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы. Автограф. На почтовой открытке с изображением Daymer Bay и припиской от руки «наша резиденция».

---

¹ Шетландские острова (Shetland Islands) — архипелаг на северо-востоке Шотландии.

№ 38

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Мюнхен, 5 августа 1965 г.

5 августа 1965 г.
Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,
с удовольствием отплачу Вам тем же, — что и мне было интересно, увлекательно и т.д. повидаться с Вами и «провентилировать» разные темы, как говорили когда-то в Сов[етском] Союзе. Вы знаете, что мы всегда рады Вас видеть, — тем более что случается это так редко, и Вы поэтому никоим образом обременительным визитером не можете быть. И не в претензии, что потом у Вас не было времени: так это и должно было быть. Приедете в сентябре — опять звоните, до 12 ночи я бодрствую, «бдю».

Нейманису я сказал через несколько дней после Вашего отъезда, он обещал послать Вам каталог и адрес магазина в Лондоне¹. Вот сдержали ли обещание? Жаловался, как все сейчас, что загружен, перегружен и т.д. Говорил он и о том, что даст объявление в «Русской мысли», с указанием лондонского магазина. Так что до Вас это должно дойти. Получив Вашу открытку², я позвонил ему, но, к сожалению, не застал, он куда-то уехал на несколько дней.

А как Ваше обещание о статье для «Мостов»? Прикажете считать тем, исполнения которого три года ждут? Это очень жаль, если так. Как было бы хорошо, если бы выкроили время и перенесли на бумагу то, что в голове у Вас давно написано. Одну или другую тему, о которых мы с Вами говорили, они обе хороши. А как обрадовались бы все знающие и помнящие о Вас: наконец-то молчальник в нашеньской прессе опять заговорил! Подвигнитесь.

Привет сердечный от меня и жены Джилл, Вам и всем наследникам-цам,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

---

¹ Нейманис Адальберт Иванович (1897–1980) — издатель, книгопродавец. А.И. Нейманис владел книготорговой фирмой «А. Нейманис Бухфертриб», имевшей магазины в Европе и США.

² Упомянутая открытка не обнаружена.

№ 39

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Мюнхен, 21 сентября 1965 г.

21 сентября 1965 г.

Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,
отвечаю Вам уже домой, справедливо полагая, что не до зимы же будете плескаться на побережье. Да и холодно, по крайней мере тут у нас.

Конгресс, исторический, в кавычках и без, верю, был грандиозным, — ежели собрать такую массу историков, как же не быть ему таковым?! Представляю, что это было. Но и всерьез, несомненно, было интересно, и поздравляю с приобретением еще множества впечатлений, если Вам не хватало уже того, что у Вас было до этого конгресса¹.

А вот в части дифирамбов после пробега по «мосту» — тут я скептик. Вы пишете: «есть литература в изгнании и во второй половине 60-х годов», — куда хватили! Тут явное преувеличение: нет ее, есть разве только жалкие остатки, что и явствует из того же одиннадцатого «моста». Кое-что есть, в том числе адамовичское (он хорошо ответил Ахматовой, с умом и достоинством)², дельное и нужное, а многое — можно было бы и не печатать.

Это особенно чувствую теперь, собирая материал для 12-го. Плохо, очень плохо. За полгода набрал на половину только номера. А обещавших было много, больше 30 душ. Вот Вам и «есть еще порох в пороховницах», — остатки, поскребыши только есть.

Поэтому как же не могу огорчаться, что бумага у Вас остается девственной? И не могу не настаивать, чтобы Вы ее такой не оставляли. В самом деле, дорогой, натужтесь, выполните свое обещание хотя бы на этот раз. И тогда мы Вам выдадим какое-нибудь отличие, за неимением ордена, скажем, похвальную грамоту. Очень нужна была бы — не похвальная грамота, а статья от Вас, конечно.

Привет сердечный Джил и всему семейству,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

---

¹ Н.Е. Андреев принял участие в двенадцатом международном конгрессе исторических наук, прошедшем в Вене с 29 августа по 5 сентября 1965 г. Всего в конгрессе участвовали 2400 человек из 42 стран.

² Адамович Г.В. На полях «Реквиема» Анны Ахматовой // Мосты. 1965. № 11. С. 206–210.

Г.А. Хомяков намекает на ответ Г.В. Адамовича (Адамович Г.В. На полях «Реквиема» Анны Ахматовой. С. 209–210) на антиэмигрантский выпад А.А. Ахматовой в «Реквиеме» (Ахматова А.А. Реквием. Мюнхен, 1963. С. 7):

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Ахматова Анна Андреевна (наст. фам. Горенко; 1889–1966) — поэтесса, переводчица.

№ 40

Г.А. и Э.О. Хомяковы — Н.Е. Андрееву
Мюнхен, 12 января 1966 г.

Дорогая многочисленная семья!

От полноты впечатлений семья эта, видимо, малость растерялась в дороге, посему — посылаем вслед, по принадлежности, важную деталь туалета одного из самых важных членов этого семейства.

Как доехали, успели ли на автобус, на самолет? По этому поводу очень беспокоились за Вас: надо же было развить необычайную скорость, прямо-таки космическую, чтобы успеть!

Приветствуем всех и поздравляем с возвращением к очагу, были очень рады видеть всю семью в полном составе, жаль только, что коротко.

12.1.66

Ваши Э. и Г. Хомяковы

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

№ 41

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Мюнхен, 7 мая 1966 г.

7 мая 1966 г.

Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,

спасибо за фотографии¹. Вы напрасно стесняетесь: плохо будто бы вышло, — вышло хорошо, и мы с удовольствием лицезрели почтенное собрание (хотя, конечно, ясно, что таланты Ваши на искусство фотографии не распространяются).

Вы все пишете о «нашествии», — мы вспоминаем о нем только с удовольствием: рады были после многих лет увидеть Джил и вообще все семейство в сборе, — изредка нам удавалось ведь видеть только главу его, что все же не совсем достаточно.

Слева направо: Н.Н. Андреев, Э.О. Хомякова, Е.Н. Андреева, Дж.Х. Андреева,
М.Н. Андреев, Г.А. Хомяков. Мюнхен. 1966.

ЛА ЕНА.

Но если Вы все-таки хотите уверить, что «нашествие» причинило нам чересчур много хлопот и было обременительным, — пойдем Вам навстречу и обвиним Вас в том, что Вы были причиной моей длительной болезни. Вы, возможно, о ней не слышали: я только на днях вышел на работу, и то пока только на половину дня, до этого, с 10 января, я болел (Вы были, кажется, 12?). Началось это еще при Вас вроде бы с ишиаса², который потом оказался не ишиасом, а неполадками со связками у позвоночника, — а потом, дней через десять, случилось кровоизлияние в мозг, и пришлось лечь в больницу, первый раз в моей жизни. Слава Богу, болезнь была в легкой форме, и в больнице я пробыл только три недели, — и потом поправлялся дома. Теперь считаю себя почти выздоровевшим, до того, что даже на работу хожу, вообще же, месяца три о работе не приходилось и думать, долгое время не мог даже карандаш в руках держать. Расстроилось зрение, видел все вдвойне, косо, криво, как на картинах модернистов, — за это время я их возненавидел, ибо они выдумывают кривой мир, в котором мне пришлось жить. Но сейчас и зрение почти пришло в норму.

Вот бывают такие истории. Отношу ее за счет баварца-ветеринара (врачом назвать его не могу): он прописал мне зверское средство от ишиаса, а т.к. я не мог спать, дал еще крепких же сонных таблеток, — видимо, это сочетание и вызвало кровоизлияние.

За это время все же закончил работу с 12-м «мостом». Больше половины его было напечатано еще до болезни, — потом, в начале апреля, кое-как, глядя

одним глазом, закончил корректуру и второй половины. По всей видимости, это последний номер (слишком трудно стало делать, и в денежном отношении, и из-за недостатка материала), в котором Вы блистаете своим отсутствием по укоренившейся у Вас привычке.

Ну, хватит болтать, изложил Вам все «удачи и неудачи».

Привет сердечный Джил, Вам и наследникам,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

---

¹ Упомянутые фотографии не сохранились.

² Ишиас — невралгия седалищного нерва.

№ 42

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Мюнхен, 7 августа 1966 г.

7 августа 1966 г.

Мюнхен.

Дорогой Николай Ефремович,

за открытку о месте отдохновения спасибо; место, как видно, изрядное, небось рыбу там хорошо ловить. Тут, в Баварии, какая может быть рыбная ловля, тут, похоже, каждая рыба помечена.

О том, чтобы семейство Андреевых не забывать, — странный вопрос: а как же его забудешь? Она, семья, большая и уже поэтому заметная, и мы о ней неизменно помним.

А вот с Мостами — по всей видимости, на 12-м закончим. Слишком трудно: и денег нет, и материал не соберешь. Ну, ничего: «долг» наш мы выполнили, по крайней мере я так считаю.

А под занавес я хочу все же еще одну вещь соорудить: под тем же названием к марту будущего года выпустить сборник статей, посвященных 50-летию¹ — двух революций или одной, как единому процессу, это как хотите. Выпустить такой сборник, считаю, эмиграция обязана, и, если не выпустит, на что она тогда нужна. Правда, авторов, которые должны были бы писать для этого сборника, почти не осталось, все уже переселились в мир иной, но и то, что наберем, будет к месту: на той стороне и такого не будет. Согласилось уже авторов этак 7–8, кое от кого еще не получил ответа². Пишу всем — поменьше истории, побольше размышлений о том, к чему пришли, в чем находимся и куда надо бы смотреть, в этом роде. Рассчитываю страниц на 300³ небольшого формата, как другие наши книги (скажем, «Встречи» Степуна).

Почему к марту? А потому, что в марте нам все равно ехать в США — и на этот раз, скорее всего, окончательно, там и останемся⁴. И потому надо успеть сборник сделать, пока я здесь. Так что и материал буду собирать так к ноябрю.

Вот Вам бы прямое дело — принять участие в этом сборнике, и тема есть — те же рассуждения о революции или без революции, о чем мы с Вами говорили. Да Вы автор безнадежный, так что и в списки Вас не занес.

Привет Джил, Вам и подрастающим членам семейства от нас!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

---

¹ Упомянутый сборник был подготовлен и издан (Мосты: сб. ст. к 50-летию русской революции. Мюнхен, 1967).

² В сборнике приняли участие 11 авторов. Были опубликованы подборка писем П.Б. Струве Е.Д. Кусковой и статья В.И. Засулич 1917 г.

³ Сборник оказался меньшего размера — 232 страницы.

⁴ Г.А. Хомяков, желая отработать необходимые 5 лет для получения американской пенсии, в марте 1967 г. перешел в нью-йоркский офис Радио Свобода (см.: Хомяков Г.А. Из того, что было... // НЖ. 1982. № 148. С. 231).

№ 43

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Нью-Йорк, 22 июня 1967 г.

22 июня 1967 г.

Нью-Йорк.

Дорогой Николай Ефремович,

Вы небось недоумеваете: почему не отвечаю? Пожалуй, я и сам хорошо не знаю. Много времени заняло устройство; и чувствуешь себя как-то не в своей тарелке: новое место, условия, обстановка, до погоды включительно. Я всегда говорил, что в нашем возрасте пускаться в такие авантюры не следует, да что же поделаешь, в нашеньком положении не мы место выбираем, а место нас.

Что сборник нашли «достойным внимания» (это не Ваши, мои слова), спасибо, факт сей доставляет удовлетворение. На удивление, тут тоже говорят (и, в общем, не из желания только сказать приятное), что он удачен, — сам я считал его бедным и бледным, впрочем, и продолжаю считать. Это только на безрыбье рыба.

Чувство некоторого удовлетворения, главное, у меня из-за того, что — а все же мы хоть что-то сказали «по поводу», все-таки хоть малую, да сделали

пакость «партии и правительству». Сейчас, продолжая трудиться над этим похвальным делом, я сочинил тут обращение «К интеллигенции России», в коем говорю: довольно, поигрались, и хватит, надо переходить к национальной политике, иначе никакой договоренности и общей работы с остальным миром не будет, и если не слопают, то погубят «братья-китайцы» и т.п. Мысль такая: это обращение подписывают 25–30 лиц¹ — писатели, журналисты, ученые, поелику последние будут, — затем напечатаю его в Н[овом] р[усском] слове и Р[усской] мысли², и еще — отдельной брошюрой, в четыре странички³, для посылки «туда». Таким образом, по моему разумению, эмиграция наша все же 50-летие отметит.

Ульянов⁴ писал мне, что, дескать, напрасная затея: у нас нет больше ни Махлаковых, ни Чичибабиных⁵ и т.д. Что нет, то нет, — ну, а на другой стороне есть они, авторитеты, так сказать не подмоченные и к тому же «общеизвестные», не говоря уже об общепризнанных? Тоже ведь раз-два и обчелся. Полагаю, что этого бояться нечего. (Между прочим, что Вы думаете об ульяновской книге об укр[аинском] сепаратизме?⁶ Вы вопрос этот знаете, — каково Ваше мнение?)

Вам послать экз[емпляр] обращения — не в коня ведь корм: подписывать, думаю, не будете⁷. А у меня их мало, сейчас посылаю в разные места, чтобы собрать подписи. А кроме того, где Вы обретаетесь? Наверно, уже плещетесь на морском берегу?

Герман Ермолаев⁸ — это профессор в Принстоне, еще молодой.

Детям и Джилл сердечные приветы от нас. Нет, конечно, ехать в Европу теперь долго не соберемся, а там будет видно — «ебж», как Лев Николаевич писал⁹. А Иваск — ничего не промах редакции, все сознательно: пусть поругаются¹⁰. Кроме того, — другие-то не пишут? Кстати: тут на меня был нажим, что Мосты надо продолжать, — кряхтя (денег-то все равно нет) согласился, понемногу буду приниматься за следующий номер.

Однако, еще раз приветы всем от жены и меня и отдыхайте,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Экземпляр первого варианта обращения «К интеллигенции России» не сохранился в личном архиве Е.Н. Андреевой.

Обращение «К интеллигенции России» подписали 25 человек: Г.А. Хомяков, Д.С. Анин, В.В. Вейдле, М.Е. Вейнбаум, С.А. Водов, Я.Н. Горбов, Н. Градобоев, Р.Б. Гуль, Г.С. Ермолаев, Б.К. Зайцев, В.П. Зубов, Ю.П. Иваск, О.П. Ильинский, И.А. Курганов, Г.Г. Круговой, С.С. Оболенский, К.Д. Померанцев, Н.П. Полторацкий, С.Г. Пушкарев, А. Седых, Г.П. Струве, Н.И. Ульянов, В.С. Франк, А.А. Шик, о. А.Д. Шмеман.

² К интеллигенции России // НРС. 1967. 29 октября. № 19956. С. 2; К интеллигенции России // РМ. 1967. 2 ноября. № 2659. С. 3.

³ Обращение «К интеллигенции России» было отправлено Г.А. Хомяковым в Мюнхен, в журнал «Зарубежье», который отпечатал его типографским способом, и «несколько сот экземпляров послал в Советский Союз, в редакции больших газет, журналов и некоторым библиотекам» (Г.А. Хомяков — Всероссийская мемуарная библиотека, 23 ноября 1979 г. // Архив ДРЗ. Ф. 155. Неописанные материалы; К интеллигенции России. [Мюнхен, 1967. 3 с.] // Там же).

⁴ Ульянов Николай Иванович (1904–1985) — историк, писатель.

⁵ Маклаков Василий Алексеевич (1870–1957) — политический деятель, дипломат, адвокат, мемуарист. Член Государственной думы II–IV созывов. Был назначен Временным правительством послом во Францию, однако не успел вручить верительных грамот. В 1924–1940 гг. возглавлял эмигрантский комитет, представлявший интересы русских во Франции. Чичибабин Алексей Евгеньевич (1871–1945) — химик. Академик АН СССР (1929). В 1936 г. отказался вернуться в СССР, лишен советского гражданства.

⁶ Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966.

⁷ Н.Е. Андреев не подписал обращение «К интеллигенции России».

⁸ Ермолаев Герман Сергеевич (1924–2019) — филолог. Упоминание Г.С. Ермолаева связано с помещением его статьи в сборнике, посвященном революции в России (Ермолаев Г.С. «Несвоевременные мысли» // Мосты: сб. ст. к 50-летию русской революции. С. 177–199).

⁹ Ебж — если буду жив. Такой аббревиатурой Л.Н. Толстой заканчивал свои письма.

¹⁰ Г.А. Хомяков имел в виду статью Ю.П. Иваска в сборнике, посвященном революции в России (Иваск Ю.П. Письмо об эмиграции // Мосты: сб. ст. к 50-летию русской революции. С. 169–176). Подводя итог существованию эмиграции, Иваск приходил к выводу, что наиболее востребованными в будущей возрождающейся России окажутся идеи, высказанные философами и мыслителями в дискуссиях о русской культуре, духовном наследии России, и меньше — художественная литература и политика.

№ 44

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Нью-Йорк, 25 августа 1967 г.

Н. Андрееву
Кембридж

Некоторое время тому назад я послал ряду лиц, главным образом сотрудникам «толстых журналов» эмиграции, первоначальный текст обращения «К интеллигенции России», который будет опубликован в наших эмигрантских газетах и напечатан отдельно, для посылки в Россию, по поводу 50-летия революции. Большинство получивших текст одобрило его, были высказаны и пожелания о различных изменениях, дополнениях и сокращениях.

Пожелания эти были учтены, и теперь посылаю сокращенный и переработанный текст, который, надеюсь, Вы найдете более приемлемым¹.

Лицам, отклонившим не предложение об Обращении, а лишь полностью первоначальный текст, переработанный посылается для сведения и возможности присоединиться к принявшим Обращение; лиц, получающих текст Обращения впервые, прошу сообщить, хотят ли они подписать его.

Будем надеяться, что наше Обращение найдет отклик в умах и душах тех, кому оно адресовано.

С совершенным уважением

Г.Х. (Г. Хомяков, редактор «Мостов»)

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

---

¹ Второй вариант обращения «К интеллигенции России» сохранился в личном архиве Е.Н. Андреевой. Экземпляры обращения «К интеллигенции России», посланные другим лицам, см., например: Beinecke. B. Filippov papers. General Collection. Box 1, folder 10; Amherst. Journal New Review (Novyi Zhurnal). Box 5, folder 26; Y.P. Ivask papers. Box 3, folder 76 и др.

№ 45

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Нью-Йорк, 25 августа 1967 г.

25 августа 1967 г.

Нью-Йорк.

Дорогой Николай Ефремович!

Посылаю — «для сведения» или «на всякий случай» — сию бумагу, под коей рад был бы видеть и Вашу подпись, да дело это несбыточное. Рад был бы и получить от Вас статью для «Мостов» — будем по малости их продолжать, — но и это «увы и ах». Был тут Струве, поехал в Белград¹, — Вы, кажется, тоже должны были туда ехать? Что вообще поделяваете? Франк² прислал мне адреса (в т.ч. и Ваш), кому еще в Англии послать это «Обращение» — Оболенский³, Зиновьев⁴, — да, я думаю, это бесполезно? А кому еще?

Привет сердечный от жены и меня все Вам, большим, малым и средним!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, приписки и подпись — автограф.

---

¹ Г.П. Струве принял участие в V конгрессе Ассоциации сравнительного литературоведения (Белград, 30 августа — 5 сентября 1967 г.), выступив с докладом «L'Acmeisme russe dans le cadre de la renaissance neo-classique en Europe». Н.Е. Андреев в упомянутом конгрессе не участвовал.

² Франк Виктор Семенович (1909–1972) — литературный критик, радиожурналист. Возглавлял лондонский корпункт Радио Свобода (1962–1969).

³ Оболенский Дмитрий Дмитриевич (1918–2001), князь — историк-византинист, филолог.

⁴ Зиновьев Кирилл Львович (1910–2015) — переводчик.

№ 46

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 30 августа 1970 г.

30 августа 1970 г.

Бейвилл

Дорогой Николай Ефремович,

рад был получить Вашу открытку, тому, что все у Вас благополучно, — как и у нас, — все живы, здоровы, молодое поколение растет и даже отдыхаете вы все на том же самом месте. Похоже, время для нас вроде бы остановилось, хотя еще несколько лет прошло, — или так оно и должно быть, чтобы остановиться? А может, того больше, продвигаться только — от хорошего к еще лучшему?

В доказательство «еще лучшего» в нашем плане поведаю, что пишу из «собственного поместья»: года полтора назад мы купили тут участок земли «у самого синего моря», сиречь на океанском заливе, потом возвели домик¹. Через год-полтора мне уходить на пенсию², — тогда обзаведемся еще разбитым корытом и будем жить-поживать и ждать, авось какая сумасбродная золотая рыбка появится. А не появится — и не надо. Пока же отдыхаем тут, — сейчас у меня отпуск, — копаемся в земле, приводим ее постепенно в порядок, — словом, если у многих поколений российских интеллигентов мечта «сесть на землю» так и оставалась пустой мечтой, то мы ее осуществили. Правда, потому только, что тут многое совершенно иначе, чем в Европе, где мысль о «собственном поместье» вряд ли пришла бы в голову. Кстати, осуществление было возможно и потому, что имелись средства: лет за 14–15 работы, когда она хорошо оплачивалась у меня, и при условии необычайного хозяйственного уменья жены собрались сбережения, кои все и ушли на «поместье». Сейчас ловлю тут угрей, крабов, — для другой рыбы надо выезжать далеко в залив, но лодку еще не приобрели, средствов не достало. Но на разбитое корыто хватит.

«Мосты», о которых Вы спрашиваете, тоже, в общем, относятся к «разбитому корыту». Тут (впрочем, не только тут) положение такое, что в личном плане все у вас может получаться хорошо, — но дела общественного порядка, тем более политического, неизменно застревают, и безнадежно, если они не имеют некоего одобрения неких «высших сил». И тут хоть разбейтесь, хоть на голову становитесь, ничего не поможет. Ведь казалось бы, «по ту сторону» даже фотокопируют «Мосты», значит, они там нужны, — тут на это никак

го внимания. Наше «обращение», к 50-летию, смотрите, какой там переполох произвело (не так давно получил этому еще подтверждение; говорят даже, что будто бы оно обсуждалось и в сахаровском кругу³ и послужило одним из стимулов к написанию его брошюры⁴), — а тут хоть бы хны. Вскоре «Мосты» выйдут, осенью, 15-й номер, но на этом и закончу. Я был прав, — лучше бы наоборот, — когда, приехав сюда три года назад, решил прекратить издание, но настоял на продолжении Дукельский⁵, который, казалось бы, здешние условия знал досконально. Ну, утешимся тем, что все же сделать удалось.

Наши приветы и лучшие пожелания Джилл, всему молодому поколению и Вам от нас обоих!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

---

¹ В 1968 г. семья Хомяковых купила участок в городе Бейвилл, штат Нью-Джерси, недалеко от побережья залива Барнегат, по адресу: 39 Drake Drive, Bayville, N.J. 08721.

² Г.А. Хомяков ушел в отставку из нью-йоркского отделения Радио Свобода с 1 января 1972 г.

³ Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989) — физик-теоретик, общественный деятель, диссидент. Академик АН СССР (1953). Лауреат Нобелевской премии мира (1975).

⁴ Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе / С прил. Всеобщей декларации прав человека. Франкфурт н/М, 1968.

⁵ Дукельский Владимир Александрович (псевд. Вернон Дюк (Vernon Duke); 1903–1969) — композитор, поэт.

№ 47

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Бейвилл, 3 февраля 1972 г.

3 февраля 1972 г.
Бейвилл.

Дорогой Николай Ефремович, задержался я с ответом потому, что усиленно занимался извозным промыслом: перевозили мы все наше, с позволения сказать, имущество из Нью-Йорка в наше «поместье». Сдать перевозку какой-либо фирме стоило бы умопомрачительных денег, так мы перевезли почти все сами, на нашей машине, благо времени у нас теперь много по нашему новому, пенсионному положению, коим я малость даже кокетничаю. В январе все перевезли, тут расставили, и теперь могу письма писать. Надо, конечно, осваиваться с этим новым положением, постараться бездельничать не все время, что, может быть, и удастся.

У Вас, разумеется, дела совсем другие: большая семья, дом, Вам, ничего не поделать, надо продолжать усиленно трудиться, — а я свое вроде бы отработал. Пенсия у меня невелика, как почти все пенсии в мире, но прожить можно, нас ведь только двое.

Да, поработать еще несколько лет можно было бы (говорю не о станции: там я был как бы на распутье, не знал, то ли продолжать тянуть эту волюнку, доходную гл[авным] обр[азом] в личном плане, то ли уйти на пенсию, — резкое сокращение бюджета решило дело без моего, в сущности, участия), но где и как? Вы пишете о Федосееве¹, — а что именно можно было бы ему предложить? Для сколько-нибудь серьезной работы нужен некий «орган», газета, журнал, — сейчас это немыслимо. Я продолжаю грешить изредка статейками у Вейнбаума², — все же их газета систематически заниматься требующимися делами не может. «Русская мысль» тем более: там все еще даже о рябчиках пишут как самом лучшем, что было когда-то в России, со слезой пишут, с дрожью в голосе.

Темы есть, их сколько хотите. Вы пишете, Федосеев самым важным считает «разоблачение ленинской легенды», — несомненно, отличная тема, но вот и другая — что партия единственная ведущая сила и без нее все развалится, пойдет прахом, ибо других сил нет и не может быть. Это настолько вбито в мозги, что связывает сознание «по рукам и ногам», и путы эти можно было бы если не убрать, то хотя бы ослабить. Для такой работы и нужен был бы «орган», без рябчиков, — взять его сейчас нигде. Я на днях встречался с одним человеком из столицы, — там идут сокращения, по крайней мере до выборов никто и заикаться о таких вещах не решается³. А браться кустарно, толку будет мало, если будет вообще.

Ну, поживем — увидим. Я уже годы как собираюсь еще две книжки написать⁴, — теперь для этого как будто бы пришло самое время. Но вот удастся ли и верно ли, что самое время, в этом не уверен.

Принимайте наши самые сердечные приветы Джилл, наследнице, наследникам и самому главному главе обширного и, слава Богу, благополучного семейства.

Ваш Г. Хомяков

G. HOMJAKOW
39 Drake Drive
Bayville, N.J. 08721.

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Федосеев Анатолий Павлович (1910–2001) — физик, общественный деятель, публицист. В письмах Г.А. Хомякова он часто обозначается как «Анат. Павл.», «А.П.».

² Т.е. в газете «Новое русское слово», главным редактором которой был М.Е. Вейнбаум.

³ Столица — Вашингтон, округ Колумбия. Г.А. Хомяков имел в виду выборы президента США, прошедшие 4 ноября 1972 г. Тридцать седьмым президентом США был избран республиканец Р.М. Никсон (R.M. Nixon; 1913–1994).

⁴ Планы Г.А. Хомякова написать две книги осуществились лишь отчасти. Им был написан роман «Минометчики», частично опубликованный в «Новом журнале» в 1975–1978 гг.

№ 48

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 21 октября 1973 г.

21 октября 1973 г.

Бейвилл.

Дорогой Николай Ефремович,

по желанию Вашему откликаюсь еще в этой жизни, — время в самом деле скачет так быстро, что надо поторапливаться. И лучшее тому доказательство — то, что Катеньке аж 18 лет! А давно ли, когда Вы на час-два заехали к нам в Мюнхене, она была маленькой девочкой!

Хоть опыт у Вас и столетний (но не возраст?), как Вы пишете, резвость еще сохраняется. На днях читал Ваш очерк о Викторе Семеновиче — хорошо и резво¹. (Т.С.² просила и меня написать о нем, но мне абсолютно нечего: я ведь его знал очень мало.) Слышал и еще о каком-то проявлении Вашей деятельности, но уже не помню, о чем именно: океан все-таки разделяет, несмотря на все нынешние «средства коммуникации».

У нас все тихо и спокойно в личном плане. Вне его черт знает, что делается, но к нам отношения сие не имеет. Малость пишу для Н[ового] р[усского] слова³; сейчас появилась моя статья в Н[овом] журнале⁴, — общественный долг тем самым выполняется, так что претензий ко мне по этой части не принимаю.

Что-нибудь еще сделать? А зачем? Теперь уже пора делать новой публике, и здесь, и там. Там Сахаров, например, и его окружение, м[ожет] б[ыть], чего-то и добьются, время теперь все-таки другое.

А тут? Подумал было я взяться за одну книжицу, сборник, — м[ожет] б[ыть], помните, когда-то я сделал, в ЦОПЭ, сборничек «Старые — молодым»⁵, он хорошо был принят в России. Я и подумал: теперь и мы постарели — не сказать ли и нам «свое слово»? Несколько в другом плане, не назидательном, а просто изложить свои «размышления о России», современной конечно, о ее путях и перепутьях, о возможном ближайшем будущем. Пусть будет «кто во что горазд» и о чем хочет, лишь бы интересно и не галиматья. Спросил одного, другого, — нет, энтузиазма ни у кого не встретил. И трудно: слишком уж мало осталось у нас думающей, и «на уровне», публики. Так что отложил пока свой замысел в долгий ящик.

В статье в Н[овом] журнале изволил дерзко не согласиться с Вашим отзывом о рассказе Леонида Денисовича (не по форме, по содержанию, хотя и фор-

ма задета), не упоминая, конечно, о Вас: статья была написана раньше Вашего отзыва, и она в другом плане⁶. Прочтите, интересно, что скажете.

Приветствуем Джилл, всех наследников и главу семьи,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Андреев Н.Е. «Блуждающая судьба»: Памяти Виктора Франка 1909–1972 // НРС. 1973. 14 октября. № 23126. С. 2, 6. Очерк был переиздан в сборнике памяти В.С. Франка (Андреев Н.Е. «Блуждающая судьба»: (Памяти Виктора Франка: 1909–1972) // Памяти Виктора Франка. 13.4.1909 — 2.9.1972. Л., [1972]. С. 22–42).

² Т.С. — Франк Татьяна Сергеевна (урожд. Барцева; 1886–1984) — мемуаристка. Жена С.Л. Франка.

³ В «Новом русском слове» до настоящего письма Г.А. Хомяков поместил несколько публицистических статей (Отрадин Н. [Г.А. Хомяков]. Вопросы без ответа: Наказание // НРС. 1973. 4 июля. № 23031. С. 3; Он же. Вопросы без ответа: О более важном // Там же. 15 июля. № 23042. С. 2; Он же. Вопросы без ответа: Лицеисты // Там же. 22 июля. № 23049. С. 3; Он же. Вопросы без ответа: Кесарево кесарям // Там же. 31 августа. № 230989. С. 2; 1–2 сентября. № 23090. С. 3; Он же. Вопросы без ответа: О чем не сказал Киссинджер // Там же. 9 сентября. № 23096. С. 3; Он же. Вопросы без ответа: О двух принципах // Там же. 30 сентября. № 23114. С. 3) и одну литературно-критическую (Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. Предварение чуда // НРС. 1973. 19 августа. № 230977. С. 5).

⁴ Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. Только верой // НЖ. 1973. № 112. С. 240–261.

⁵ Старые — молодым. Мюнхен, 1960.

⁶ По-видимому, речь идет о критическом отзыве Н.Е. Андреева о рассказе Л.Д. Ржевского (Ржевский Л.Д. Симпозиум: Фантастическая — в общем — история, рассказанная почтенным М.М. Даблем, учителем чистописания // НЖ. 1972. № 109. С. 5–36) в одном из не дошедших до нас писем к Г.А. Хомякову.

Мнение Г.А. Хомякова о рассказе Л.Д. Ржевского см.: Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. Только верой. С. 240–244. Правда, в отсутствие письма пункты несогласия с позицией Н.Е. Андреева остаются неясными.

№ 49

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 9 февраля 1974 г.

9 февраля 1974 г.

Бейвилл.

Дорогой Николай Ефремович,

открытка Ваша¹ лежит у меня на столе как укор, но никак не мог собраться ответить. Пришлось срочно одолевая Солженицына²: в Комитете³ на станции придумали устроить «свидетельство трех поколений» о лагерях, — а ведь

я сейчас, пожалуй, самый старый лагерник в эмиграции, вот и потревожили пенсионера. Потом почему-то решил, что надо написать статью для «Русской мысли»⁴, хотя все писания, в общем, ни к чему.

Вашим строкам о наследнице и наследниках мы с женой всегда рады, а я так еще добавляю: хорошо, что так повезло человеку, такая у него хорошая, ладная семья! Каждодневно и еженочно должны Джилл благодарить, что случилась она на Вашем пути — и как отлично получилось! Иначе что было бы из того размашистого, широчайшей русской души, не особенно устроенной, молодого человека, которого мы увидели первый раз, не помню уже где — во Франкфурте, Мюнхене? Страшно подумать, что могло ожидать Вас!

А о том, что Новый журнал у Вас кто-то увел, — Вы помните, конечно, незабвенного Петра Петровича Петуха, который, завидев коляску вдали, первым делом кричал: Обедали? И если жданный или нежданный гость был пообедавши, ворчал: какой же мне в госте толк, если он пообедал?⁵ Аналогии тут собственно, нет, но вроде бы на тот же манер я мог бы подумать: а какой же мне толк, если Вы не прочитали? Но может быть, в самом деле не везде и всегда надо ждать и думать об этом самом толке.

Принимайте наши сердечные приветы всему большому семейству,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Упомянутая открытка не обнаружена.

² Г.А. Хомяков имеет в виду «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына. К моменту написания письма вышли две первых части произведения (Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ (1918–1956): опыт художественного исследования. Р., 1973. Т. 1, ч. 1–2).

³ Комитет Радио Свобода.

⁴ Статья Г.А. Хомякова не была опубликована в «Русской мысли».

⁵ Герой поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» (т. 2, гл. 3).

№ 50

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 16 июня 1974 г.

16 июня 1974 г.

Бейвилл.

Дорогой Николай Ефремович, лежит у меня на столе среди другой эпистолии (тоже буду, как Иваск, пояснять: неологизм) очень укоризненно выглядящая, ибо очень давняя, Ваша открытка. Вы хитрец: напишете десять строк, в них пять вопросов — и изволь

отвечай длинным письмом. Да еще пожалеете, что не встречаемся, — а как бы можно было встречаться через океан?

Ржевские живут-поживают, в этом году он окончательно ушел на пенсию¹, пока уехали в Нью-Хэмпшир, где у них летний домик на озере. Хотели купить домик в нашем районе, но опять же неизвестно, что делать Агнии Сергеевне²: она малость работает, до пенсии ей далеко. Оболенских не видел года два, больше; он в Вашингтоне, устроился очень хорошо, а она, кажется, в «Голосе Америки» теперь уже постоянно³. Вообще же, тут не Европа и европейского «общения» нету: все на бизнесе, пользе и т.п. И все сидят главным образом по своим углам.

Мы по выходе на пенсию и переезде сюда тем более «в углу», но так оно и должно быть. Я давно решил даже не «настраиваться», а перестроиться на этот лад, — да другого и не выдумаешь. Забавно, правда: послал как-то статью в «Русскую мысль», Померанцеву, — получил вроде выговора от Шаховской, почему послал не ей⁴. Да так, как будто она никогда о таком журналисте не слышала, не знает и как звать его, — а я все-таки в той же газете при Водове⁵ лет пятнадцать писал. Как Вам это понравится? Статью все же напечатали⁶, но вроде как бы снисхождение сделали.

Вообще, получается и засилье некое, и некий нарциссизм, правда нарциссов в возрасте и обоего пола. Там первая скрипка у сестры с братцем (не так давно дали они подборку цитат об «Архипелаге» с генеральной статьей «братца»⁷, страдающего словесным недержанием, — цитаты из Шаховской, Седых, Джиласа, Померанцева, Юрия Мейера и т.д. — и ни одной нашего поколения эмиграции! Ни даже Корякова и других)⁸, — и тут то же. Составили «пушкинский комитет», к 175-летию⁹, — опять одна древность, ни одного из второй эмиграции! Могли бы Л.Д., Елагина, Моршена¹⁰ хотя бы для прилику, — куда там, нарциссы прилику не знают.

Еще состряпали «комитет» чествования Толстой по случаю 90-летия¹¹, — опять «знакомые все лица», те же самые. Как Вы на это смотрите?

Не думайте, что это я из зависти, от огорчения, что «обходят», и т.п.: если бы так, то понятно и можно без объяснений. Дело хуже. Недавно в столице ту-тошней было некое совещание¹² с участием ряда «новейших» (среди них есть очень «подкованные», прошедшие хорошую политподготовку, академического уровня), — из них и были голоса, что военная эмиграция — все гитлеровцы. В этом духе идет обработка «общественного мнения», что, конечно, мерзко — и еще мерзее, что нарциссы, наверное не вникая в суть, попадают «в ногу» с этой обработкой. Хуже не придумаешь, во всех смыслах.

Вот посему надо бы вдвойне завидовать Вашей тихой и богатой жизни (столько наследников — разве не богатство?). Но мы с Эли не завидуем, а радуемся, видя из Ваших редких открыток Вашу радость. Ее и приветствуем, вместе с Джилл и всеми наследниками!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Л.Д. Ржевский вышел в отставку с поста профессора русской литературы Нью-Йоркского университета, где преподавал с 1964 по 1974 г. Однако Ржевский продолжал преподавать в летней русской школе при Норвичском университете (с 1968).

² Ржевская Агния Сергеевна (урожд. Шишкова; псевд. Аглая Шишкова; 1923–1998) — поэтесса. Жена Л.Д. Ржевского.

³ Речь идет о семье Оболенских — журналисте князе Валериане Александровиче (1925–1977) и Людмиле Сергеевне (урожд. Черновой; р. 1931). После переезда в США В.А. Оболенский стал директором программ Радио Свобода (до 1973), после чего был привлечен к деятельности переводчика на переговорах США и СССР об ограничении стратегических вооружений. Л.С. Оболенская, до переезда в США работавшая в европейской редакции радиостанции «Голос Америки», по прибытии в Нью-Йорк возобновила сотрудничество с упомянутой радиостанцией, с 1975 г. войдя в штат центрального офиса в Нью-Йорке.

⁴ В начале 1974 г. Г.А. Хомяков отправил К.Д. Померанцеву статью «Спасение социализма» для помещения в «Русской мысли». Померанцев передал статью главному редактору газеты З.А. Шаховской. Письмо последней от 15 февраля 1974 г. начиналось достаточно формально («Многоуважаемый господин Хомяков»). Шаховская сообщила Хомякову о принятой в газете традиции посылать статьи исключительно на имя главного редактора. Соглашаясь напечатать статью, Шаховская просила не печатать ее повторно в «Новом русском слове». В ответном письме от 21 февраля Хомяков не упустил возможности пройти по неформальному обычаю высылать статьи только на имя главного редактора, лукаво посетовав на то, что Померанцев не сообщил Шаховской имени и отчества журналиста, попутно отметив желательность повторения важных статей в обеих газетах, т.к. их «все же мало кто читает» (З.А. Шаховская — Г.А. Хомякову, 15 февраля 1974 г.; Г.А. Хомяков — З.А. Шаховской, 21 февраля 1974 г. // Amherst. Schakovskoy Family papers. Box 2, folder 29).

Померанцев Кирилл Дмитриевич (1906–1991) — поэт, журналист, мемуарист. Заместитель главного редактора «Русской мысли» (с 1958). Шаховская Зинаида Алексеевна (в браке Малевская-Малевич; 1906–2001), княжна — писательница, мемуаристка. Главный редактор «Русской мысли» (1968–1978).

⁵ Водов Сергей Акимович (1898–1968) — журналист. Главный редактор «Русской мысли» (1953–1968).

⁶ Отрадин Н. [Г.А. Хомяков]. Спасение социализма // РМ. 1974. 21 марта. № 2991. С. 4.

⁷ Намек на главного редактора «Русской мысли» З.А. Шаховскую и ее родного брата архиепископа Сан-Францисского Иоанна (в миру князь Дмитрий Алексеевич Шаховской; 1902–1989).

Речь идет о подборке материалов об А.И. Солженицыне и его произведениях (Паскаль П. Солженицын // РМ. 1974. 4 апреля. № 2993. С. 5; Слоним М.Л. Солженицын — художник: из литературных заметок // Там же. С. 6; Х. Солсбери о предназначении Солженицына // Там же; Адамович Г.В. Место Солженицына в русской литературе // Там же. С. 7; Панин Д. Встреча с Солженицыным (из книги «Записки Сологдина») // Там же; Филиппов Б.А. Погибельный Архипелаг // Там же. С. 8; Михалевский П. Открытое письмо А.И. Солженицыну // Там же). В статьях были сделаны врезки из цитат

разных писателей и публицистов. Архиепископу Иоанну принадлежала центральная статья в подборке (*Иоанн Сан-Францисский, архиеп. Русский реализм* // РМ. 1974. 4 апреля. № 2993. С. 5).

⁸ Седых Андрей (наст. имя и фам.: Яков Моисеевич Цвибак; 1902–1994) — писатель, журналист. Главный редактор «Нового русского слова» (1973–1994). Джилас Милован (Ђилас; 1911–1995) — политический деятель, литератор, диссидент. Мейер Юрий Константинович (1896–1993), фон — военный и общественно-политический деятель, журналист. Коряков Михаил Михайлович (1911–1977) — писатель, публицист.

⁹ Не удалось установить состав «пушкинского комитета».

¹⁰ Елагин Иван Венедиктович (наст. фам. Матвеев; 1918–1987) — поэт, переводчик. Моршен Николай Николаевич (наст. фам. Марченко; 1917–2001) — поэт.

¹¹ Комитет друзей, сослуживцев и родственников Александры Львовны Толстой для чествования ее девяностолетия 1 июля 1974 года под председательством Х. Хейз и Т.А. Шауфус состоял из следующих членов: Н.С. Арсеньев, Т.К. Багратион-Мухранский с супругой, К.Г. Белоусов, А.Г. Бензема с супругой, В.М. Бестерман с супругой, Б. Ванадзин с супругой, С.Л. Войцеховский с супругой, Д.П. Вертепов, Э. Вест, Е. Волконская, К.В. Голицын с супругой, Р.Б. Гуль, барон Гуттенберг, А.И. Дельянич, С.М. Еленевский с супругой, И. Келеман с супругой, Н.Е. Корольков, С.М. Лопухин, П.А. Малоземов с супругой, Ф.Л. Шейендорф с супругой, Т. Мильбанк, С.П. Оболенский, В.В. Орехов, С.Н. Ряснянский, В.А. Самсонова, А. Седых с супругой, Н.К. Сенаторов с супругой, Г.Б. Сергиевская, В.М. Толстой с супругой, В.И. Толстая, П.М. Толстой с супругой, Т.М. Толстая, С.В. Франкел с супругой, З.А. Шаховская, В.И. Юрасов (см.: Александре Львовне Толстой исполнилось 90 лет // РМ. 1974. 27 июня. № 3005. С. 7). В состав комитета входили представители дипийской эмиграции.

¹² Не удалось установить, о каком совещании идет речь.

№ 51

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Бейвилл, 1 августа 1974 г.

1 августа 1974 г.
Бейвилл.

Дорогой Николай Ефремович,

нет, что Вы, никакого «внутреннего сопротивления», что мало пишу Вам, у меня не имеется, откуда ему взяться? А после комплиментов, которые Вы, записной комплиментщик, мне отвалили, даже если бы оно было, ему полагалось бы улетучиться без остатка. Но — Вашу оценку «Вопросов без ответа»¹ считаю явно преувеличенной; другие, из тех, кому всегда все ясно, могут даже побить Вас за нее камнями. Они так энергично долбили редактору, что никаких вопросов в моих статьях нет, что он нажал на меня, и мне пришлось менять название². А вы говорите!

Вот спасибо, что упомянули о «Мостах» в статье о Бельгарде³: это впервые за много лет. Я как-то полистал их, искал некую справку, заметил, что альманах-то ведь был неплохой, много дельного в нем напечатано. Замечают изредка и другие, — но «нарциссы» упорно замалчивают.

Нарциссы иностранного происхождения меня, понятно, не интересуют, а своих, оказывается, замечают и другие — в Н[овом] ж[урнале] есть статейка Ульянова, где оные упоминаются⁴. Надо будет даже написать ему, хотя отношения у нас давно прервались: он страшно нетерпим и за любое замечание (я как-то сказал, что Чехова мистиком считать все-таки не следует⁵, — осторожно сказал) перестает узнавать.

Нарциссизм худ в разных смыслах. Вы пишете, что Максимов хлопочет о журнале⁶ (здесь хлопочут, кажется, о газете: они в ужасе от Н[ового] р[усского] с[лова], но ведь когда-то и мы были в ужасе. Привыкнул), — это, в общем, в порядке вещей, но огорчает вот что: это будет или очень может быть что-то другое, без продолжения традиции, эмигрантской. Какая бы она ни была, ее следовало бы сохранить, — а скорее всего, этого не будет.

И причина, вероятно, не только та, что приехавшие — очень пестрый народ (некоторые вообще не эмигранты), но они еще и совсем другой народ, занятый, боюсь, прежде всего самими собой, до «чересчур». Когда мы появились за рубежом, мы старались в первую очередь узнать, а что было тут до нас, кто еще остался, что было написано и пишется и т.д. Вы знаете, мы не только не чурались «старых», но старались устанавливать с ними связи, приглашали в свои издания и в тех же «Мостах» никакого различия между «поколениями» не делалось. И в конце концов (м[ожет] б[ыть], до появления нарциссов) эмиграция из двух разных слоев была одна: знаменитая преемственность была сохранена. Теперь, по крайней мере пока, получается что-то совсем другое. И во многом виноваты — нарциссы. Вцепившись в «руль», они не дали продолжать дело нам (и смех и грех, например, мои долголетние взаимоотношения с Гулем) — и теперь Н[овый] ж[урнал] либо помрет (чего, кстати, хочет Гуль), либо сразу перейдет к другой генерации и станет другим. Между тем преемственность можно было бы сохранить — и передать «новейшим» уже в другой обстановке. Что они наследники, несомненно, но, на мой взгляд, было бы лучше именно передать им наследство, а не городить им что-то непременно «свое». Впрочем, у них желания к «своему», наверно, хоть отбавляй.

Болтать, однако, можно было бы еще много, — надо и честь знать. Привет от нас Джилл и всем Вам и лучшие пожелания,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ «Вопросы без ответа» — авторская рубрика Н. Отрадина (Г.А. Хомякова) в «Новом русском слове» в 1970–1974 гг.

² Название авторской рубрики Н. Отрадина (Г.А. Хомякова) в «Новом русском слове» изменилось на «Попутные заметки» с 30 июня 1974 г. (см.: *Отрадин* [Г.А. Хомяков]. Попутные заметки: Личность и история // НРС. 1974. 30 июня. № 22356. С. 7).

³ В некрологе И.М. Бельгард Н.Е. Андреев упомянул о публикации в «Мостах» нескольких отрывков из воспоминаний ее свекра А.В. Бельгарда (*Андреев Н.Е. Памяти И.М. Бельгард* // НРС. 1974. 27 июля. № 22379. С. 3. См. также: *Он же. Памяти И.М. Бельгард* // РМ. 1974. 1 августа. № 3010. С. 8).

⁴ *Ульянов Н.И. Соблазн истории* // НЖ. 1974. № 117. С. 212–217. Рассуждения Ульянова о замещении монографического изучения истории России в эмиграции непрофессиональными общими обзорами и вольными суждениями, наполненными политическими страстями и спекуляциями, находятся на с. 212–213.

⁵ Н.И. Ульянов был автором статьи, посвященной мистицизму у А.П. Чехова (*Ульянов Н.И. Мистицизм Чехова* // НЖ. 1970. № 98. С. 91–103). Отличный от ульяновского взгляд на творчество А.П. Чехова содержался в статье Г.А. Хомякова (*Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. Загадка Чехова* // НЖ. 1975. № 118. С. 57–71).

Чехов Антон Павлович (1860–1904) — писатель, драматург, журналист.

⁶ Максимов Владимир Емельянович (наст. имя и фам. Лев Алексеевич Самсонов; 1930–1995) — писатель, поэт. Редактор журнала «Континент» (1974–1992).

В 1974 г. В.Е. Максимов в Париже начал печатать ежеквартальный литературный, общественно-политический и религиозный журнал «Континент». Издание журнала было профинансировано западногерманским издательством «Ullstein-Propyläen», принадлежавшим концерну Axel Springer AG. В финансировании журнала подозревались также западные спецслужбы.

№ 52

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 2 октября 1974 г.

2 октября 1974 г.

Бейвилл.

Дорогой Николай Ефремович,

Иваск прислал последнее письмо из Парижа¹ перед возвратом, но к нам не заехал, как собирался, — в отместку я ему ответил только сегодня. Вам отвечаю не в отместку, — не за что, — но тоже с промедлением: все пишу «поправки» к «Архипелагу», делать это надо деликатнее, даже не имея в виду самого автора: он все равно проклянет, если не сделал этого уже давно. Говорят, нетерпим до невероятия. Словом, не везет нам крупно: один попал за границу человек — и тот считает себя мессией.

Настроения в СССР — так оно и должно быть, надолго и останется. Выхода пока не видно, — но не видно его и у всех, во всем мире. И гадать, что будет и как, вроде бы даже беспредметно: ни у кого нет твердых «линий», что и есть самое плохое.

Лет Гулю много, по-моему, давно перевалило за 75². И его желание «выйти в отставку» понятно, — скверно лишь, что он хочет вместе с собой отставить и журнал. Зная Гуля, все же нельзя не признавать, что делал он много, столько времени тянул журнал, — хотя уже много лет интересного в нем печаталось мало и его давно следовало перевести в разряд альманахов, выходящих по мере накопления материала.

Теперь он снова грозитя уйти, с нового года, — на этот раз, на мой взгляд, в самое неподходящее время, когда появляется новое издание, «Континент», вызывающее всяческие мысли, до «ульяновских» включительно. Журнал, даже и русский-то на одну пятую³, тем менее эмигрантский, за границей, — что это за новое явление? Мы хорошо знаем, что моря он не зажжет⁴, — что же это за штука, кому и зачем она нужна? И кто «заказывает музыку», дает деньги? На пяти языках⁵, деньги нужны большие, от кого они? Раньше США давали на хорошие и на сомнительные затеи, но тут они ни причем, — кто же причем? Инициаторы и сотрудники тоже вызывают разные мысли, — получается, пожалуй, инфляция сомнений, а обратного видится мало. И в такое время прекращение Н[ового] ж[урнала], если оно случится, может только еще больше омрачить обстановку.

Я уже подумал: если Н[овый] ж[урнал] закроется, придется, вероятно, кликнуть клич и предложить всей пишущей эмигрантской братии, хотя ее и осталось с гулькин нос, возобновить Н[овый] ж[урнал] или даже Мосты как альманах, хотя бы раз в год. Ну, проживем, увидим.

Привет Джил, наследникам и Вам от жены и меня,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

---

¹ Упомянутое письмо не обнаружено.

² В 1974 г. Р.Б. Гулю исполнилось 79 лет.

³ Рабочая редакция «Континента» состояла из В.Е. Максимова, В.П. Некрасова, Н.Е. Горбаневской, В.П. Бетаки, В.И. Иверни.

⁴ Аллюзия на басню И.А. Крылова «Синица». Ср.: «Наделала Синица славы, // А море не зажгла».

⁵ Журнал «Континент» издавался на русском, немецком, французском, итальянском и английском языках.

№ 53

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 16 января 1975 г.

16 января 1975 г.

Бейвилл.

Дорогой Николай Ефремович, пока музыка играла, а мы строились и перестраивались, Вы, возможно, уже слышали, чем построение закончилось. В общем, отчасти и так, как Вы предлагали, но вернее, как я предложил еще год назад: редколлегия из Гуля, Ржевского и меня¹. С «новейшими» разговаривали, — Литвинов с его приятелем Шрагиным², — они отозвались было с энтузиазмом, но, увидев, что первую скрипку играть не удастся и работать придется с представителями эмиграции военных лет, отказались. На мой взгляд, к лучшему: слишком велики претензии, ни в чем, в сущности, не обоснованные — и эта странная «политика» нежелания работать с нами, общая для них всех (я еще прошлым летом заметил, что тут что-то не так; теперь подтвердил Максимов, открыто заявив, что его «континент» — для «старых и новейших», без «второй эмиграции»³. Вот вам, бабушка, и Юрьев день⁴).

Гуль, оказывается, осенью предлагал и Максиму, и Некрасову⁵, — они отказались, что очень хорошо: как бы это выглядело, эмигрантский журнал редактируют лица с советскими паспортами!⁶ Чем они в действительности дышат и что за всеми их делами кроется, м[ожет] б[ыть], когда-нибудь и прояснится, но пока все довольно туманно, как и «континент». Они говорят, что первый номер из рук вон потому, что спешили, — а кто их заставлял спешить? И почему? Что за странные погоняльщики? И чем объяснить их поведение, что они ни с кем даже посоветоваться не хотели? Не может же быть, чтобы они не видели, что представляет собой болтун и графоман «епископ», который будто бы только и может являть собой «русское зарубежье»⁷. Стыд и срам.

Может быть, американцы чувствуют себя задетыми тем, что континентщики во главе со стоящим вроде бы в стороне «патриархом» Америки сторонятся (тоже и странность, и нелепость, тем более, если они действительно пекутся о России), — в выигрыше оказался Н[овый] ж[урнал]: в его корпорацию по приглашению Гуля вошли Кеннан и Витни⁸ и уже заявили, что с нищенским состоянием журнала надо покончить и обеспечить его деньгами достаточно, не как прежде. Посмотрим, что из этого выйдет. Лично я не заинтересован, нам пенсии хватает, да и добавлять к ней разрешается только немного. Но сама тенденция интересна, я уже думаю: м[ожет] б[ыть], наверху тут знают больше, чем мы грешные?

Как бы там ни было, надо постепенно входить в дело плотнее.

Гуль уходить в действительности не хочет (как мы и предполагали), тем более теперь, но это, по-моему, и хорошо: думаю, я ему буду помогать довольно много, разгружу его, чего он и хотел, а Л.Д. будет вроде бы для мебели: к работе у

него охоты нет. Ну, посмотрим. А с «новейшими», — на мой взгляд, торопиться не следует и надо приглядеть кого-нибудь даже и не из литераторов, а из специалистов, посерьезнее и с крутозором пошире, чем только самиздатовский.

Принимайте наши приветы всему многочисленному семейству!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

---

¹ Г.А. Хомяков входил в редакционную коллегию «Нового журнала» в 1975–1977 гг. Обстоятельства ухода Хомякова из редколлегии описаны в письме 54.

² Литвинов Павел Михайлович (р. 1940) — физик, диссидент. Шрагин Борис Иосифович (1926–1990) — искусствовед, философ, публицист, диссидент.

³ Не удалось найти упомянутое высказывание В.Е. Максимова.

⁴ Отсылка к русской пословице «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день» (в значении «обманутые ожидания», «неожиданность»).

⁵ Некрасов Виктор Платонович (1911–1987) — писатель, диссидент. Лауреат Сталинской премии второй степени (1947).

⁶ В.Е. Максимов и В.П. Некрасов были лишены советского гражданства в октябре 1975 г. и в мае 1979 г. соответственно.

⁷ Этой нелицеприятной характеристики, данной Г.А. Хомяковым, по-видимому, был удостоен архиепископ Иоанн (в миру Дмитрий Алексеевич Шаховской; 1902–1989) — религиозный деятель, проповедник, писатель, поэт. В пользу такого отождествления говорит то, что из всего авторского корпуса только Странник (псевдоним архиепископа Иоанна) одновременно подпадал под определения «болтун» (проповедник), «графоман» (поэт), «епископ» (архиепископ), являвший собой «русское зарубежье» (первую волну эмиграции).

⁸ Кеннан Джордж Фрост (George Frost Kennan; 1904–2005) — дипломат, историк. Посол США в СССР (1952). Витни (Уитни) Томас (Whitney; 1917–2007) — дипломат, переводчик, журналист.

№ 54

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Бейвилл, 1 сентября 1977 г.

1 сентября 1977 г.

Дорогой Николай Ефремович, позавчера увидел в газете, что собираетесь в октябре приехать в наши края¹. Это отлично, но, конечно, приехав в Нью-Йорк, Вы закрутитесь в этом «шуми городке над подземкой», и поговорить основательнее с Вами не удастся. Как Вы приезжаете? Соло? Или с Джил? В обоих случаях имейте уже сейчас в виду: как бы Вам выкроить хотя бы полтора дня, чтобы приехать к нам. На меньшее

Слева направо: Э.О. Хомякова, Дж.Х. Андреева, Е.Н. Андреева, Г.А. Хомяков.
Бейвилл. 1977.

ЛА ЕНА

худо: к нам надо с ночевкой. Я приеду в Нью-Йорк и привезу Вас сюда, а на другой день отправлю обратно. А если бы на два-три дня выбрались, совсем отлично, но где о таком мечтать!

Есть к Вам и другое дело. Некоторое время назад написал я Варшавскому, что стоило бы составить и издать сборник с такими статьями, как его «Родословная большевизма», — была в Н[овом] ж[урнале]², Вы знаете. Он ответил, что, оказывается, такое же предложение выдвинул Оболенский (Возрождение³), который даже полагает, что ему удастся привлечь к этому Исаича⁴ (в чем сомневаюсь), — Варшавский предложил соединить обе «идеи». Конечно, можно и соединить. Правда, Варшавский думает сузить задачу: посвятить одной теме, — что Гулаг — порождение не «русской традиции», не Ивана Грозного, — я же думаю, что лучше бы брать шире, во всяком случае, не чураться, широты.

И вот приглашаем Вас — тоже принять участие. Вам, как говорится, и книги в руки. Напишите «оправдание Ивана Грозного», что он не виноват. В самом деле, сейчас то и дело встречаешь, в самиздате и здесь: «опричнина Грозного», — а не знают даже, что она существовала всего несколько лет и была упразднена самим же царем⁵. Как и цели ее не знают, только пугают.

О чем еще Вам сообщить? Беда, Коряков умер⁶, во что как-то и поверить было трудно. Большая потеря и для станции, и для газеты.

И еще есть: выругал я Пирожиху⁷ за ее статьи, которые Гуль с такой охотой и готовностью (из любви ко всему скандальному) поместил в Н[овом] журнале⁸, хотя я и возражал. Не успела моя статья появиться в Н[овом] р[усском] с[лове]⁹,

как Гуль позвонил мне и сказал, что нам придется расстаться: я позволил себе выпад против журнала, который, конечно же, печатает только первоклассные материалы. Ясно, что это только предлог: он хочет остаться один, чтобы закрыть журнал (он мне говорил летом, что будет работать только до января, наверно). У него мечта: уйти и закрыть журнал, чтобы доказать, что издавать его мог только он. Меня давно предупреждали, говорили, какой он дрянный человек, но я как-то не допускал, что до такой степени. Ржевский ушел еще в прошлом году. Я решил терпеть, чтобы именно не допустить закрытия журнала или передачи его в руки «новейших» (Гуль предлагал и Максимову, и Некрасову: эмигрантский журнал с русскими обществ[енными] традициями — в руках недавнего члена партии¹⁰). Но не знаю, удастся ли что сделать.

Пока принимайте наши приветы, Вам, Джил и всем чадам и домочадцам. И не забывайте, что надо будет приехать к нам!

Ваш Г. Хомяков

ЛА БНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ В заметке в «Новом русском слове» сообщалось о приезде Н.Е. Андреева в октябре 1977 г. с лекциями, которые были запланированы к прочтению в университетах США и Канады (см.: Проф. Н.Е. Андреев приезжает в Нью-Йорк // НРС. 1977. 28 августа. № 23347. С. 6). О самом приезде см.: Иваск Ю.П. Приезд Н.Е. Андреева // НРС. 1977. 2 октября. № 24377. С. 5; Бернацкая-Иванс Т. Лекция профессора Н.Е. Андреева // Там же. 13 октября. № 24386. С. 3.

² Варшавский В.С. «Родословная большевизма» // НЖ. 1976. № 125. С. 234–250; Он же. Родословная большевизма // Там же. 1977. № 128. С. 198–223. Варшавский Владимир Сергеевич (1906–1978) — писатель.

³ «Русское возрождение» — ежеквартальный общественно-политический, культурный и религиозный журнал. Выходил в Париже (1978–1979), с 1980 г. в США. Журнал не выступил в качестве издателя труда В.С. Варшавского.

Оболенский Сергей Сергеевич (1908–1980), князь — общественный деятель, журналист. Редактор (1959–1974), издатель (1970–1974) журнала «Возрождение». Главный редактор журнала «Русское возрождение» (1978–1979).

⁴ Здесь и далее А.И. Солженицын.

⁵ Опричнина была учреждена Иваном IV в 1565 г. и распущена в 1572 г.

⁶ М.М. Коряков скончался 20 августа 1977 г. в Нью-Йорке.

⁷ Пирожиха — Пирожкова Вера Александровна (1921 — ?), журналистка, политолог. Издательница и редактор журнала «Голос зарубежья» (1976–1988). В 1944–1995 гг. в эмиграции в Германии, с 1995 г. проживала в Санкт-Петербурге.

⁸ Пирожкова В.А. Диссиденты и коммунизм // НЖ. 1977. № 127. С. 222–234; Она же. «Народный фронт» в эмиграции из СССР // Там же. С. 235–261.

⁹ Отрадин Н. [Г.А. Хомяков]. Попутные заметки. Бессмертный Митрофан // НРС. 1977. 26 августа. № 23345. С. 3.

¹⁰ Намек на В.П. Некрасова, которого исключили из КПСС только в мае 1973 г.

№ 55

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 16 ноября 1977 г.

16 ноября 1977 г.

Дорогой Николай Ефремович, письмо получил¹, спасибо. Рад, что благополучно и в добром, видно, расположении духа добрались восвояси. Спасибо и за приглашение, если, паче чаяния, отправлюсь в Ваши края. Но эта улита когда приедет и приедет ли — Бог весть.

Поехал специально в Нью-Йорк искать книгу Федотова², — здесь ее, конечно, не достать. Но и там мало где она есть, нашел в публичной библиотеке (там большой слав[янский] отдел)³, сделал оттиск с этой главы, — но что-то она мне не очень прилась по душе. К сожалению, с вопроса «была ли революция неотвратимой» он свернул на другой: кто в ней виноват или несет главную ответственность, а это уже несколько другое. И ответ его: Николай II и Ленин — тоже не очень «звучит»⁴. Поэтому нахожусь еще в сомнении. В прошлом сборнике статья Франка о «Религиозно-историческом смысле русской революции»⁵ была куда значительнее и интереснее, — хотя с ней и можно было соглашаться не во всем. В общем, мне кажется, что стоит поискать что-то другое.

А как поживает инок Филофей? Делается перевод — или остается еще в предположении?⁶ Надо бы получить до конца месяца! Ездил я и в типографию,

Слева направо: Н.Е. Андреев, Э.О. Хомякова, Е.Н. Андреева, Дж.Х. Андреева.

Бейвилл. 1977.

ЛА ЕНА

где, увы и ах, сказали, что работы много у них и раньше чем за два месяца выпустить не успеют. Но в конце концов нам не обязательно к сроку.

Звонил сегодня о. Александр Киселев⁷, у них затевается «большой и серьезный» журнал в предвидении тысячелетия Крещения Руси, очевидно для всестороннего освещения и осмысления этого события⁸. Предлагал принять участие в работе над ним⁹. Не знаю еще, как и что, придет проекты, тогда надо будет решать. Вообще-то я тут совсем не того «поля ягода», но посмотрим проекты.

Федосеев прислал письмо и рукопись «памфлета»¹⁰, опять, конечно, против социализма, — это у него то единственное и неотступное виденье, очевидно, что было у пушкинского рыцаря¹¹. Просил передать Вам привет, если Вы еще здесь, — делаю это «через океан». Человек, несомненно, интересный. О его «Западне» еще напишу, в Н[овом] р[усском] с[лове]¹², — там есть место, о том, «что надо делать», которое стоит развивать. Эту книгу, безусловно, надо было бы перевести на английский, французский, немецкий и прочая¹³, она может многих и в довольно многом просветить.

Засим — пожелаю всего лучшего и доброго здоровья Вам, Джил и наследникам. Осень, у нас две ночи были уже с легким морозцем, на 3–4 градуса, почему Эли и я возимся с ликвидацией клумбы, вчера вытаскивали бот из воды, — хлопот не оберешься!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Упомянутое письмо не обнаружено.

² Федотов Георгий Петрович (1886–1951) — философ, историк, публицист.

Упомянутая книга: *Федотов Г.П.* И есть и будет: Размышления о России и революции. Париж, 1932.

³ Нью-Йоркская публичная библиотека (The New York Public Library) — крупнейшая публичная библиотека США, одна из крупнейших научных библиотечных систем в мире. Создана в 1895 г.

Славянский отдел (Slavic Division, с 1989 г. Slavic & Baltic Division) — специализированный отдел Нью-Йоркской публичной библиотеки, в котором собирались и хранились книги на славянских языках. Существовал с 1898 г. по 2008 г.

⁴ В упомянутой книге в главе «Была ли революция неотвратимой?» Г.П. Федотов следующим образом определял ответственность Николая II и Ленина: «В русской революции только два человека сыграли роковую, решающую роль, не сводимую к типическим факторам, к воздействию групп. Эти два человека — Николай II и Ленин. Первый спустил революцию, второй направил ее по своему пути» (*Федотов Г.П.* Указ. соч. С. 64).

⁵ *Франк С.Л.* Религиозно-исторический смысл русской революции // Мосты: сб. ст. к 50-летию русской революции. С. 7–32.

Франк Семен Людвигович (1877–1950) — философ, экономист.

⁶ Между Г.А. Хомяковым и Н.Е. Андреевым существовала договоренность о переводе статьи последнего об иноке Филофее на русский язык для помещения ее в сборник статей «На путях к свободе». Замысел остался нереализованным (см. письма 56, 57).

⁷ Киселев Александр Николаевич (1909–2001) — религиозный деятель. Протопресвитер (1970).

⁸ Тысячелетие Крещения Руси праздновалось в 1988 г. О журнале см. примеч. 3 к письму 54.

⁹ Г.А. Хомяков принял участие в обсуждении деятельности нового журнала. С № 1 «Русского возрождения» (1978) он вошел в состав редакционного совещания.

¹⁰ Ни письма, ни рукописи «памфлета» А.П. Федосеева обнаружить не удалось.

¹¹ Аллюзия на стихотворение А.С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829).

¹² Федосеев А.П. Западня: человек и социализм. Франкфурт н/М, 1976.

Рецензию Г.А. Хомякова с высокой оценкой книги А.П. Федосеева см.: *Отрадин Н.* [Г.А. Хомяков]. Попутные заметки. Отличная книга // НРС. 1977. 18 декабря. № 24443. С. 3.

¹³ Книга А.П. Федосеева «Западня» была переведена только на итальянский язык (см.: *Fedoseev A.P. La trappola. Roma, 1980. (URSS senza maschere; 10))*).

№ 56

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 7 февраля 1978 г.

7 февраля 1978 г.

Дорогой Николай Ефремович!

Давно уже получил от Вас календарь, за который весьма благодарю: я как раз искал, что бы поместить у себя на стенке, да все по размеру не подходило, — а этот как раз пришелся по месту. Вместе с тем я и подумал: а не намек это на то, что обещанного по крайней мере год надо ждать?

Получилось у меня со сборником — ничего не получилось, ибо такой Н.Е. Андреев обещал почти клятвенно статью — и не прислал. Заболел еще Левицкий, продолжает быть в больнице; что с Варшавским, даже не знаю, был слух, что ложится на операцию, с сердцем — и больше ничего не слышно. «Ряды» в самом деле поредели страх как, авторов не наберешь. А ковать железо надо было, пока оно горячее, — пока, во всяком случае, деньги были, кои, как известно, бывают не всегда.

Вы небось с новым журналом заняты¹, — плохо я верю в него. Такие издания сейчас делать совсем не с кем, а они должны быть, как говорят в стране «зрелого социализма», «качественными». Да и для такой цели надо было выпустить два-три альманаха, на какие еще можно было бы материал наскреести, — а на журнал, который должен выходить десять лет? Увы и ах, разрешите не поверить.

А с Анат[олием] Павл[овичем] мы решили новую партию создавать, вернее организацию. В самом деле, «там» началось движение воды, — а тут даже организаций нет, которые могли бы что-то предложить для пере-

стройки и создания нового строя. Будем создавать союз «деловых людей доброй воли», ориентируясь не на революц[ионную] нашу интеллигенцию, а на деловую — на Менделеева, а не на Михайловского² и прочих. Он деятельный, Ан[атолий] Павл[ович], страх как, — прислал мне уже даже проект Конституции, разработанный им, на днях получил от него и платформу «Союза персоналистов-демократов»³. Название не годится, нельзя в него философский термин включать, но дальше установки вполне приемлемы и хорошо звучат. Вот это и Вы отчасти виноваты, что такие вещи происходят на свете.

Наши приветы Джил и наследникам. И как Катя там, в Бостонах⁴, поживает? Нас тут снегом засыпает: второй день метет. Зима выдалась дрянная, хуже прошлогодней, которая тоже была плохой, не так, как в первые наши три зимы здесь, когда и зимы не было. Бывайте здоровы, и всего лучшего,

Ваш Г. Хомяков

ЛА БНА. Машинопись, подпись — автограф.

---

¹ Н.Е. Андреев принял участие в организации журнала «Русское возрождение».

² Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907) — химик, физик, экономист. Михайловский Николай Константинович (1842–1904) — публицист, литературовед, переводчик. Теоретик народничества.

³ Упомянутый документ не обнаружен.

⁴ Е.Н. Андреева после окончания Оксфордского университета получила стипендию Франка Нокса (Frank Knox Fellowship) и в течение 1977/78 академического года находилась в Гарвардском университете.

№ 57

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Бейвилл, 25 февраля 1978 г.

25 февраля 1978 г.

Дорогой Николай Ефремович, обрадовался, получив Ваше письмо¹, — а прочтя оное, огорчился. Ай плохо как с глазами у Вас. Надо принимать самые энергичные меры, чтобы «подлечивались» (вылечивать, врачи Ваши правы, наверно, в нашем возрасте только разве если новые заводить. Да где взять?).

А сегодня еще трагическая новость: получили газету вчерашнюю, а в ней траурное объявление: Варшавский умер². Значит, на него нечего рассчитывать, а я его из авторов списал было еще не совсем.

С Левицким, слава Богу, лучше: говорил на днях по телефону с ним. Он уже дома, отдыхает и поправляется, только говорит, что пишет теперь медленно,

с большим трудом. Но и мы ведь из числа лихих писак были. Раньше написать статейку для газеты или на станции для передачи надо было час-два, а теперь день-два. Ничего не попишешь и жаловаться некому.

Что с Филофеем такое развитие приняло дело — очень интересно, и надо, конечно, все это учесть. Но вижу, что содержание меняется, направление вернее, почему раньше я думал озаглавить сборник «На путях к свободе», а теперь надо иначе. Может быть: «К искажениям истории». Ежели подвернется на мысль что лучше, подскажите. Нашел еще более дешевую типографию, так что летом можно будет выпустить.

А с журналом новым — могу Ваше решение только одобрить. Младоросский уклон³ и вообще в этом роде — типичное не то, что может понадобиться. И вызвать «дома у нас» достаточный резонанс. Резонанс каждое здешнее движение может вызвать, но какой.

Джилл скажите, что из симпатии к ней, наверно, я тоже заболел такой же болячкой. Стараюсь, правда, ходить, двигаться, но ноги болят, поясница болит, — бррр! Я никогда бодрящихся стариков не признавал, полагал, что врут, «показухой» занимаются, что, дескать, они «молоды», а теперь, когда в тот же разряд попал, могу только подтвердить старую мудрость, что «старость не радость». Но Джилл в эту категорию еще незачем записываться. Написал я статейку в развитие нашей переписки с Федосеевым о том, что запрашивается создание новой организации, — была в Н[овом] р[усском] с[лове] 18 февр[аля]⁴, — видите Вы эту газету? Федосееву я послал оттиск. У Буковского совещание или конференция по поводу Белграда, кажется, лопнула⁵. Но может быть, я сам махну в Ваши края, сделать что сейчас нетрудно, и проезд подешевеет. Надо, однако, подождать еще, может, и совещание состоится. Меня интересует: есть там, в Лондоне, еще какой наш народ? В частности, можно ли найти кого, чтобы при случае помогал Федосееву? Все это надо выяснять только на месте.

В заключение: лечитесь! Глаза лечите! Это теперь Ваше главное и основное дело. Привет от нас обоих Джилл, Вам. И приезжайте летом, когда будет тепло и будут цветы!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Упомянутое письмо не обнаружено.

² В.С. Варшавский скончался 22 февраля 1978 г. в Женеве. Объявление о его смерти появилось в газетах 24 февраля ([22 февраля с.г. в Женеве тихо скончался Владимир Сергеевич Варшавский...] // НРС. 1978. 24 февраля. № . С. 1).

³ Говоря о «младоросском уклоне», Г.А. Хомяков имел в виду младороссов, членов социал-монархического движения среди эмигрантов, существовавшее с 1923 по 1942 г. Представители движения соединяли консервативные установки с революционными достижениями, придавая русскому национализму мессианское значение.

⁴ *Отрадин Н.* [Г.А. Хомяков]. Попутные заметки // НРС. 1978. 18 февраля. № 24496. С. 3.

⁵ Буковский Владимир Константинович (1942–2019) — политический и общественный деятель, писатель, диссидент.

С 4 октября 1977 г. по 9 марта 1978 г. в Белграде прошла встреча представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписавших за 2 года до этого, 30 июля — 1 августа 1975 г., Хельсинкскую декларацию (Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе). В гуманитарном разделе декларации содержались обязательства по защите прав человека, которые обязались выполнять подписавшие государства. С целью представить участникам белградской встречи, а также не участвовавшим в ней США материалы, разоблачающие отношение СССР к правам человека, представители политической эмиграции, и прежде всего третьей волны, собирались провести ряд совещаний (см.: *Мейер Ю.* Пора подумать о Белграде // НРС. 1977. 2 июня. № 23272. С. 2–3). Об одной из несостоявшихся встреч, которую планировал провести В.К. Буковский, и сообщает Г.А. Хомяков.

№ 58

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 4 апреля 1978 г.

4 апреля 1978 г.

Дорогой Николай Ефремович,
как Бог грехам терпит? И как успехи с лечением глаз?

Пишу и вот по какому поводу: почта, видимо, шалит не только у нас (где, как говорят, на почте в Нью-Йорке негры спят на мешках с почтой и не собираются ее сортировать в отместку за то, что их деды или прадеды работали на плантациях белых, — а может, и не работали, кто теперь разберет!), а и у Вас, почему сегодня получил обратно письмо, посланное мною в феврале Анат[олию] Павл[овичу]¹, — хотя до этого письма доходили исправно. А на этом неясно прилепнуто, что адресат там будто не живет. А я в марте получил от него извещение², что ответа он от меня не имеет (этот ответ как раз и вернулся сегодня ко мне), просит он и сообщить ему мой телефон, т.к. в конце апреля собирается приехать сюда. Я и хочу попросить Вас позвонить ему и сказать, во-первых, о шутках почты, во-вторых, сообщить мой телефон: (201) 269-4050. Скажите, будем рады его видеть, рад будет познакомиться лично с ним и Гуль (он поехал во Флориду, но вернется числу к 25). В редакции можем и встретиться или у Гуля, труда в этом никакого нет.

Я возвратился в Новый журнал. Гуль тогда закапризничал, что он отлично умеет делать, как Вы знаете. Но каприз капризом, а работать-то кому-то надо. С Енютиным³, из новейших, поругался, говорит, с ними, новейшими, рабо-

тать невозможно, амбиций хоть отбавляй, а желания и умения работать не очень заметно (к такому выводу тут многие приходят, включая и американцев). Я, понятно, инициативы не проявлял, но он ее проявил. А так как мы побаиваемся, как бы журнал случайно не мог окончить свои дни или попасть в нежелательные руки, я амбиции свои положил в карман и вернулся. Уже имел честь просмотреть перед отправкой в набор и Вашу рукопись — Бунин о Л. Андрееве, пойдет в № 131, июньском¹. Мартовский, как уверял Гуль, готов, переплетается, наверно, на днях будет рассылаться. Беда: набирается и печатается он частью в Нью-Йорке, частью в Нью-Джерси, переплетается — в Филадельфии! Все из-за непомерных цен в Нью-Йорке. В самом деле, куда идем, куда заворачиваем? Дела у Запада очень дрянны, — как же советчикам не надеяться, что тут вот-вот все развалится? До этого неблизко, но поверхностное впечатление таково, что полный развал рядом.

Шлем наши приветы Джил, Вам и всем наследникам! Собирайтесь и приезжайте снова! Затея Буковского с белградской конференцией провалилась так же бесславно, как и сама конференция!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Упомянутое письмо не обнаружено.

² Упомянутое письмо не обнаружено.

³ Енютин Виктор Викторович (р. 1943) — поэт, писатель, публицист.

⁴ Андреев Н.Е. Бунин о Л. Андрееве // НЖ. 1978. № 131. С. 210–213.

№ 59

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 27 апреля 1978 г.

27 апреля 1978 г.

Воистину Воскресе, дорогие тезки!¹

Хотя и не совсем правомочные, с моей стороны — псевдонимные. Вчера пришла и вторая Ваша открытка², уже из дома. Да, с Анат[олием] Павл[овичем] в порядке, получил короткую писульку и от него³: прилетит завтра вечером, пишет, что позвонит. Неудачно время он выбрал: Пасха! Православные праздновать будут, а у него другая цель. Ну, посмотрим. Заметку о лит[ературной] конференции в Женеве — очень приветствовали бы⁴. Признаться, мы тут даже и не знаем, что за конференция и что там было. Можно и не очень стесняться местом. Раз Вы там были, значит, знаете все «из первых рук». Но конечно, надо бы поскорее! Для след[ующей] книги, июньской, уже много сдали в на-

бор, но работают теперь все на волах, еще успела бы, если бы прислали в течение, скажем (без запроса!), десяти дней. Может, продиктуете кому? Даже без тщательной обработки, мы тут постараемся «пригладить», если будет нужно. Гулю звонил, — он тоже просил. Он только что вернулся с Флориды, говорит, там погода была — как в раю. А тут дрянь дело, все еще холодно, я уже говорю, что лета в этом году, наверно, не будет.

«Н[овый] ж[урнал]» 130-й, мартовская книга, только что вышла, рассылается. Следующая почти вся собрана, но когда еще наберут!

Получил я «Русское возрождение». Сказать, что первый блин комом, — значит мало сказать. Тускло, скучно. Затевать такое издание, новое, надо давать что-то «ударное», действительно привлекающее внимание. А это не «возрождение», а усыпление, если не похороны. И редактор хорош: не мог удержаться, чтобы не сказать, что без монархии не может быть и возрождения⁵. Кто его за язык тянул?

В такой должности надо хоть чуть политическое чутье иметь. А этак можно издание сразу угробить. Ну, да у меня с самого начала журнал этот, затея с ним энтузиазма не вызывала.

Привет, всего лучшего — и пишите, диктуйте вернее!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Пасха в 1978 г. приходилась на 30 апреля.

² Упомянутая открытка не обнаружена.

³ Упомянутое письмо не обнаружено.

⁴ Международный симпозиум «Одна или две русских литературы?» был создан факультетом словесности Женевского университета и Швейцарской академией славистики. Симпозиум прошел в Женеве 13–15 апреля 1978 г. Н.Е. Андреев выступил с докладом о критических направлениях зарубежной ветви русской литературы перед Второй мировой войной, а также принял участие в прениях (Одна или две русских литературы?: Международный симпозиум, созданный факультетом словесности Женевского университета и Швейцарской академией славистики. Женева, 13–14–15 апреля 1978. Lausanne, 1981. С. 80–83, 99. Примеч. 1; 231–233). Для сборника докладов по материалам симпозиума Н.Е. Андреев несколько скорректировал текст выступления (Андреев Н.Е. О некоторых факторах развития зарубежной ветви русской литературы с 20-го по 40-й год // Там же. С. 90–102). Заметку о симпозиуме для «Нового журнала» Н.Е. Андреев не написал.

⁵ Г.А. Хомяков намекал на статью главного редактора «Русского возрождения» С.С. Оболенского (Оболенский С.С. К первым итогам // РВ. 1978. № 1. С. 230–237). Упомянутое Хомяковым утверждение Оболенского содержится на с. 236–237.

№ 60

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 9 июня 1978 г.

9 июня 1978 г.

Дорогой Николай Ефремович,
пока письмо Ваше¹ добиралось сюда, Вам уже сделали операцию. Надеюсь, прошло все благополучно?

О конференции — да, конечно, уже поздно, в 131-ю книгу пойти не может. Она уже и сверстана. Типография все равно тянет бесконечно, и когда выйдет, не знаю. Все надо готовить и сдавать, и заблаговременно, иначе, наверно, совсем не выпустят. Материала вместе с тем много, Гуль звонил мне, говорит, пришлось опять сокращать, кое-что переносить в след[ующую] книгу. Все та же беда: нет денег, чтобы давать дополнительные страницы.

По-моему, лучше подождите, пока зрение восстановится, глаза заживут после операции. Тогда и напишете, чтобы попало в 132-ю (для которой материала тоже уже порядочно собралось). Вы же будете писать не в стиле отчета только о конференции, получится шире, в каком виде может пойти и позже.

Каюсь, статью Кати видел², но с нею как-то она не связалась! Подумал, что какой-то новый автор появился, а кто — некогда было размышлять. А вторую, о «Жертвах Ялты» — была статья Рачинской³, а Кати, помнится, не было.

Я о книге Бетелла писал только попутно⁴, ухватив одну мысль: чем же все-таки объяснялась западная политика в выдаче? И автор книги, и автор предисловия ясно сказали: нежеланием раздражать советчиков и желанием, большим, выполнять любое их требование. Это легко можно было продолжить и на последующее время, до наших дней. Упоминал и о книге Толстого⁵ во второй заметке «Вокруг последних тайн», где рассказал об одной выдаче между Килем и Любеком, о которой у нас нигде еще не писали. Очень жаль, что Н[овое] р[усское] с[лово] к Вам не добирается. Когда-то Вейнбаум послал мне в Германию пачкой за неделю газеты в течение многих лет, — почему Седых этого не делает?

Как только поеду в Нью-Йорк, узнаю, послали ли Вам книгу, где была рецензия о Сириусе⁶. Как же так, неужто книги простой почтой не доходят? Во Францию доходят, хотя и идут на волах, по месяцу и больше. Позвонить пока некому: секретарша заболела.

О поджоге в Н[овом] р[усском] с[лове] — Седых писал много и подробно⁷, тут могу только кратко. Ночью в помещение вошел «некто» (его видели, когда он потом убежал), забрался в типографию, набросал на лино типы «обтирочные тряпки» (есть такой термин), полил горючей жидкостью для смазки лино типов, открыл газовые краны и поджег, рассчитывая, очевидно, что взрыв

разрушит все помещение. Но волна рванулась в наружную сторону, выбила рамы окон, часть стены, — верх остался целым, верхние этажи. Поджигателю не повезло: ему обожгло руки и лицо, и через несколько дней его арестовали в больнице. Им оказался некий Макаровский⁸, из «третьих», одно время он работал в типографии газеты, почему знал место. Был уволен. Общее мнение наше — выполнял задание советчиков, но установят ли это следственные власти, кто же знает. Он давно уже нигде не работал, вместе с тем на сберкнижках у него оказалось тысяч десять долларов, — откуда? В США он только год или около того, кроме как от «органов», деньги взять ему было неоткуда. Сейчас ведется следствие. Бедствие большое: типография разрушена совсем, Седых говорит, что убытки — до 100 тысяч дол[ларов]. Сейчас выпускают в разных чужих типографиях, собирают деньги на создание своей (отремонтировать нельзя).

Вот коротко бедствие, от которого сейчас никто не застрахован.

Приветы обоим наши, выздоравливайте,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Упомянутое письмо не обнаружено.

² Андреева Е. «Хоть с чертом, но — против Сталина» // НРС. 1978. 5 мая. № 24561. С. 2.

³ Рачинская Е. Несмываемый позор // НРС. 1978. 7 апреля. № 24537. С. 2. — Рец. на: Tolstoy N. Victims of Yalta. L., 1977.

⁴ Отрадин Н. [Г.А. Хомяков]. Попутные заметки. Вокруг «Последних тайн» // НРС. 1978. 21 мая. № 24575. С. 3; Он же. Попутные заметки. Вокруг «Последних тайн» // Там же. 28 мая. № 24581. С. 3.

Бетелл Николас, 4-й барон Бетелл (Bethell; 1938–2007) — политический деятель, историк, переводчик.

Бетелл Н. Последняя тайна / с послесл. В.П. Некрасова; пер. с англ. И.Н. Голмшток. Л., 1977. Книга была переводом с английского языка (Bethell N. The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia 1944–7 / introduction by H.R. Trevor-Roper. L., 1974).

⁵ Толстой-Милославский Николай Дмитриевич (р. 1935) — историк.

⁶ Андреев Н.Е. Рец. на: Ульянов Н.И. Сириус. München, 1977 // НЖ. 1978. № 130. С. 250–254.

⁷ К моменту написания письма Г.А. Хомякова о поджоге типографии «Нового русского слова» в ночь с 13 на 14 мая 1978 г. вышло несколько публикаций (Советские агенты вновь подожгли Новое русское слово // НРС. 1978. 16 мая. № 24570. С. 1; Полиция знает имя подозреваемого в поджоге НРС // Там же. 17 мая. № 24571. С. 1; Арестован подозреваемый в поджоге Александр Макаровский // Там же. 19 мая. № 24573. С. 1; Сегодня Макаровского привезут в Нью-Йорк // Там же. 20 мая. № 24574. С. 1; Макаровский запутался в противоречивых показаниях // Там

же. 21 мая. № 24575. С. 1; Сегодня — предварительное слушание дела Макаровского // Там же. 25 мая. № 24578. С. 1; Дело Макаровского передано в Грэнд Джюри // Там же. 26 мая. № 24579. С. 1; Макаровский в камере судьи Торреса // Там же. 27 мая. № 24580. С. 1). См. также: Дело о поджоге Нового русского слова // Там же. 1978. 18 июня. № 24599. С. 1; Вайнберг В. История одного поджога // Время и мы. 1979. № 41. С. 212–219.

Обстоятельствам поджога и перспективам издания «Нового русского слова» были посвящены две заметки редактора А. Седых (Седых А. Заметки редактора. После поджога // НРС. 1978. 6 июня. № 24588. С. 3; 10 июня. № 24592. С. 3).

⁸ Макаровский Александр (ок. 1952 — ?) — поджигатель помещения редакции «Нового русского слова». За поджог был приговорен к 1 году тюрьмы.

№ 61

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 3 августа 1978 г.

3 августа 1978 г.

Дорогой Николай Ефремович!

Ах, как у Вас трудно получается пока с глазами, такая жалость. Гулю повезло: весной сняли катарракт¹ с одного глаза, — и он как прозрел, хотя бы и на один пока глаз. Второй будут оперировать осенью. Правда, ему приходится то одни очки надевать, то другие, — для дали или для чтения, но это и со здоровыми глазами бывает.

Выступление Солженицына в Гарварде² (судя пока по отзывам, его еще не читал. В Н[овом] р[усском] с[лове] не напечатали³, — будто Исаич плохо к евреям относится, воздерживаются, хотя им и говорят, что это не так: иначе почему бы Гинзбург⁴ был у него в друзьях и многие другие? Но у газеты тут политика все перевешивает), прочту в № 131 Н[ового] ж[урнала]⁵, на днях должен прийти, по всем отзывам, он сказал то, что мы все говорим или сказали бы, и под каждым словом можно подписаться. Слышал я, однако, и другое, от «полуамериканцев», что, дескать, все верно, сказанное им, но — стоит ли так американцам говорить? Пронять их не может, между тем уже сам тон может подействовать на них отрицательно. Дескать, надо как-то иначе говорить, свои выступления строить. Не знаю, должен сначала с текстом ознакомиться.

Книгу Ивинской⁶ не читал: дорогая слишком, все не купишь в нашем положении. Но несомненно, ее «приглаживали» или, наоборот, против шерсти малость причесали. Решетовскую⁷ читал, тоже, конечно, «отшлифована», но в общем особой порочности на С[олженицына] не возведено. А что эгоцентризм он страшный и другие некоторые неказистые черты, — это, вероятно, верно вполне, и без нее можно было увидеть и догадаться. Я давно уже, взглянув на его фотографии военного времени и прочитав кое-что его, говорил: а солда-

тикам его роты или батареи могло ой как круто от своего командира приходиться.

С Анат[олием] Павловичем в смысле моих замыслов не знаю, получится ли что. Но и не в нем одно дело. Для «инициативной группы», как я назвал некую начальную «точку», надо бы 7–8 человек, — а есть пока три. Все постарели, вроде бы окаменели, из наших, и никак не раскachaешь. На кого я рассчитывал, уклоняются. Есть, правда, у меня и другие, но увижу их только осенью, надо ждать. Он между тем, успев написать и «Конституцию», и проект еще «Платформы»⁸, убежден, что это самое лучшее и другого, пожалуй, и не надо. На самом деле это очень сыро, малоубедительно, требует разработки и шлифовки, что он считает неважным «пустяком»: главное — «бросить идею», а она, дескать, сама потом «сработает», с чем трудно согласиться. С другой стороны, нужен печатный «орган» — где его взять? Был тут у нас издатель «Зарубежья»⁹ (не «Голоса»¹⁰), я уговорил его уделить нам место, он соглашается, но, конечно, боится «испортить» свой журнальчик: а вдруг мы подведем? или начнем печатать такое, с чем он не может согласиться? Так что не знаю, выйдет ли что¹¹.

А «третьи», как видите, журнал за журналом пекут, у них деньги есть. Теперь в Париже еще «Синтаксис»¹² появился, Синявского¹³ и еще некая дама, — не Машка¹⁴ ли, его жена? Ее так величают.

Шлем наши с Эли приветы. Я на погоду раздражен: у нас уже осень началась, а лета не было. Ноги «гудят», ревматизмы всякие одолевают. Вот и скажешь, что худо быть старым.

Выздоровливайте!

Ваш Г. Хомяков

П.С. Между прочим, здесь ни одна американская газета не напечатала полностью речи Солженицына в Гарварде. Не только потому, что он будто бы антисемит, — он и слишком русский, который «им» не подходит. И «третьи» поэтому, даже не евреи, не очень стараются показать, что они русские, есть среди них и русофобы. Тут, думается, главное задание «третьим»: быть самим и настраивать Запад против русских и России, — только тогда КПСС сможет выступать, как и во время Второй мировой войны, с позиций русского патриотизма и защиты целостности России. Ничего не скажешь, политика хитрая, но все же это только повторение, попытка повторения, — не оригинально, а значит, и непрочно. Но с Западом и это сойдет.

Привет всем!

Г.Х.

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Катаракта — помутнение хрусталика глаза, вплоть до потери зрения.

² А.И. Солженицын выступил перед выпускниками Гарвардского университета 8 июня 1978 г. с речью «Расколотый мир».

³ «Новое русское слово» поместило сообщение о выступлении А.И. Солженицына и краткий пересказ речи (А.И. Солженицын на выпускном акте в Гарварде // НРС. 1978. 10 июня. № 24592. С. 2).

⁴ Гинзбург Александр Ильич (1936–2002) — журналист, издатель, диссидент. Член редколлегии журнала «Континент» (1979–1990).

⁵ См. примеч. 4 к письму 62.

⁶ Ивинская О.В. В плену времени: годы с Борисом Пастернаком. Москва [Paris], 1978. Ивинская Ольга Всеволодовна (1912–1995) — переводчица, редактор, писательница, мемуаристка. Подруга и муза Б.Л. Пастернака в 1946–1960 гг.

⁷ Решетовская Н.А. В споре со временем. М., 1975.

Решетовская Наталья Алексеевна (1919–2003) — химик, мемуаристка. Первая жена А.И. Солженицына (1940–1948, 1957–1972).

⁸ Упомянутые документы обнаружить не удалось.

⁹ «Зарубежье» — общественно-политический журнал, издававшийся в Мюнхене в 1965–1979 гг. Первоначально выходил 4 раза в год, позже — нерегулярно. В указанное время редактором «Зарубежья» был С.Б. Орлов (с № 3–4 за 1977 г.).

¹⁰ «Голос Зарубежья» — общественно-политический журнал, издававшийся в 1976–1998 гг. Местом издания до 1978 г. был Мюнхен, с 1978 г. Мюнхен и Сан-Франциско.

¹¹ В 1978–1979 гг. «Зарубежье» несколько раз предоставляло свои страницы Г.А. Хомякову. Публикации под псевдонимом Н. Отрадин: *Отрадин Н.* [Г.А. Хомяков]. Об основных российского государства // Зарубежье 1978. № 3–4. С. 1–2; *Он же.* Народная инициатива // Там же. 1979. № 1–2–3. С. 29–30. Публикации под псевдонимом Г. Андреев: *Андреев Г.* [Г.А. Хомяков]. Вокруг гарвардской речи // Зарубежье. 1978. № 3–4. С. 16–17; *Он же.* Блаженные и скептики // Там же. 1979. № 1–2–3. С. 25–26. Статьи А.П. Федосеева не были помещены в «Зарубежье».

¹² «Синтаксис» — общественно-политический и литературный журнал, выходивший в Париже в 1978–2001 гг. Журнал редактировался А.Д. Синявским и М.В. Розановой.

¹³ Синявский Андрей Донатович (лит. псевд. Абрам Терц; 1925–1997) — писатель, литературовед, критик, диссидент.

¹⁴ Машка — Розанова Мария Васильевна (р. 1929) — публицист, литератор. Жена А.Д. Синявского.

№ 62

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 27 августа 1978 г.

27 августа 1978 г.

Дорогой Николай Ефремович!

Как же Ваши дела? С глазами? или на точке замерзания? Это Вам сильно не повезло. У меня к Вам два вопроса, ежели можете, сообщите, пожалуйста, без большого промедления.

Первое: о «симпозиуме о двух литературах в Женеве», к сожалению, Вам так и не удалось написать. И вообще об этом, по-моему, почти ничего не было. А мне на днях написали из Парижа, что «Машка» там (жена Синявского, у нее какая-то другая фамилия, Морозова или в этом духе, как стоит в «Синтаксисе», где она коллега мужа по редактированию) распространялась — об ошибках у писателей первой эмиграции, и в качестве примеров ссылалась на — Вейдле, на его повесть в Новом журнале¹ (повесть аховая, но это другой вопрос) и — на крестословицы в газетах (нашла литературу!)². Пишет человек верный, врать не расположенный, но в Женеве он не был, почему я и хотел бы проверить у Вас: был такой факт? Я о нем упомяну в своих заметках, на Вас, конечно, не ссылаясь³. Мне важно: а факт был?

И второе: речь Солженицына в Гарварде напечатали только Новый журнал и Русское возрождение⁴. Американцы ограничились некоторыми выдержками⁵ (есть сведения, что поступило около пяти тысяч запросов и какое-то издат[ельст]во выпустит ее отдельно, на русском и на английском вместе⁶). Вы писали, что у Вас печатает «Таймс»⁷. А вчера мне сказали, что напечатала еще какая-то английская газета (будто бы религиозная), в которой есть и такие подробности, о которых никто больше не писал: к концу речи в гуще слушателей подняли транспарант с надписью: фашизм коммунизм не победишь, и будто бы Солженицын от этого и от криков возражения ему пришел в ярость, топал ногами и т.д. Первый раз об этом слышу, в общем, наша публика об этом не слышала. Знаете ли Вы что на этот счет? Может быть, в «Таймсе» было? Или другая газета попадалась Вам? Здесь, повторяю, речь эту, в сущности, замолчали, можно сказать саботировали, почему ничего о ней или в связи с ней и неизвестно.

В Н[овом] р[усском] с[лове] я перестал писать. Седых одного боится, другого (главное, боится терять подписчиков), и поэтому чуть резче напишешь — не печатает. А вегетарианство разводить сейчас — совсем не время. Получил заказ — написать для Пирожковой, для ее Голоса Зарубежья, что сделаю⁸. Потом надо написать для просто Зарубежья. А там и Минометчиков надо продолжать⁹, — дел достаточно. И еще даже для Русского возрождения статью написал!¹⁰ Куда же еще больше?

Привет Джил и Вам от нас обоих, тоже и наследникам, коим, понятно, не до наших приветов.

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Вейдле В.В. Белое платье // НЖ. 1977. № 129. С. 5–83.

² На симпозиуме «Одна или две русских литературы?» М.В. Розанова выступила с докладом, в котором поставила вопрос о разнице в употреблении русского языка в

литературных произведениях эмигрантов первой волны по сравнению с эмигрировавшими из СССР в 1970-х гг. В качестве примеров она использовала кроссворды и неназванную повесть неназванного автора, за которыми скрывалось «Белое платье» В.В. Вейдле. Доклад был опубликован (Розанова М.В. На разных языках // Одна или две русских литературы? С. 202–216). Разбор языка кроссвордов и повести В.В. Вейдле на с. 208–211 и с. 213–215) соответственно.

³ Г.А. Хомяков не написал статьи о международном симпозиуме «Одна или две русских литературы?», в которой был бы упомянут доклад М.В. Розановой.

⁴ Солженицын А.И. Расколотый мир: Речь на ассамблее выпускников Гарвардского университета 8 июня 1978 г. // НЖ. 1978. № 131. С. 305–317; Он же. Расколотый мир: Речь на ассамблее выпускников Гарвардского университета 8 июня 1978 г. // РВ. 1978. № 2. С. 85–109. Речь была также полностью опубликована в журнале «Вестник Русского христианского движения» (Речь А. Солженицына на ассамблее выпускников Гарвардского университета 8 июня 1978 // Вестник Русского христианского движения. 1978. № 2 (125). С. 275–291).

⁵ См., например: Shenker I. Solzhenitsyn, in Harvard Speech, Terms West Weak and Cowardly // New York Times. 1978. June 9. № 43966. P. A8.

⁶ Совместного издания речи А.И. Солженицына на двух языках не состоялось. На английском языке речь вышла в 1978 г. несколькими изданиями: *Solzhenitsyn A.I. A world split apart: commencement address delivered at Harvard University, June 8, 1978. N.Y., 1978; Idem. A world split apart: an address given at the Harvard commencement exercises Thursday, June 8, 1978. St. Paul, Minn., 1978; Idem. Commencement address. Boulder, Co., 1978; Idem. A bitter dose for the West: Solzhenitsyn spoke out. N.p., [1978]; Alexander Solzhenitsyn speaks to the West. L.; Sydney; Toronto, 1978.*

Отдельное издание речи на русском языке вместе с отзывами на нее вышло только в 1981 г. (Солженицын в Гарварде / пер. с англ. Л. Ворониной. N.Y., 1981).

⁷ В «Таймс» были помещены наиболее важные отрывки из речи А.И. Солженицына (Mr Solzhenitsyn castigates «morally bankrupt West» // Times. 1978. 9 June. № 60323. P. 7).

⁸ Г.А. Хомяков по просьбе В.А. Пирожковой написал статью о своем отношении к третьей волне эмиграции (см.: Отрадин Н. [Г.А. Хомяков]. Для отвода глаз? // Голос Зарубежья. 1978. № 11. С. 21–23).

⁹ Повесть Г.А. Хомякова «Минометчики» на протяжении 1975–1978 гг. печаталась в «Новом журнале» (Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. Минометчики // НЖ. 1975. № 119. С. 41–65; № 120. С. 80–95; 1976. № 122. С. 79–110; № 123. С. 52–78; № 124. С. 88–107; № 125. С. 95–112; 1977. № 126. С. 61–79; № 127. С. 71–94; № 128. С. 46–64; 1978. № 130. С. 49–64; № 131. С. 54–73; № 132. С. 80–101). Однако Хомяков прервал их публикацию после обращения к нему главного редактора Р.Б. Гуля, печатавшего в журнале свои воспоминания «Я унес Россию: Апология эмиграции» (см. письмо 64). Упомянутого в письме «продолжения» не последовало.

¹⁰ Хомяков Г.А. Совмещение несовместного // РВ. 1978. № 3. С. 100–117.

№ 63

Г.А. и Э.О. Хомяковы — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, декабрь, до 18-го, 1978 г.

Это первое и главное несчастье Ваше — глаза. Кому ни упомяну об этом в письме, все сокрушаются и желают, чтобы вылечились. На этот предмет посылается Вам и довольно сердитый или серьезный дед Мороз со свитком — предписанием о лечении. Отпишите, в каком сейчас Вы состоянии.

А.П. 18 дек[абря] приезжает сюда. Не знаю, получится ли что с его переселением¹, — теперь хлопот для этого надо больше, и нет уверенности, что они закончатся успешно. Не знаю и того, что выйдет из дела, которое затевает наш здесь сосед и кот[орое] он хочет вести с помощью А.П.

Но — дай Бог нашему теляти волка съесть!

Всего лучшего!

Ваш Г. Хомяков

Сердечные поздравления с наступающими праздниками — Рождеством Христовым и Новым годом всему семейству Андреевых (кембриджских)!

Самое главное — чтобы в новом году стали зрячими.

Ваши Э. и Г. Хомяковы

ЛА ЕНА. Машинопись, приписки и подпись — автограф. На поздравительной открытке. Датируется по содержанию.

---

¹ А.П. Федосеев остался жить в Великобритании.

№ 64

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 26 апреля 1979 г.

26 апреля 1979 г.

Воистину Воскресе¹, дорогой Николай Ефремович, открытке Вашей корнуэльской² был рад, — уже тому, что написано Вашим привычным почерком, почему подумал, что с глазами у Вас все хорошо, зрение восстановилось. Но дальше Вы пишете, что зрение у Вас — в прежнем состоянии. Как прикажете понимать? В совсем прежнем, до болезни и операций? Это было бы хорошо.

Домик Ваш на открытке, конечно, не обнаружили, — надо было Вам какую-нибудь «птичку» поставить, иначе, не зная, не найдешь, какой именно Ваш. Весна у нас в этом году сумасшедшая: ветры, дожди, началась рано и хорошо, а потом опять холода. Надеемся, что с 1 мая начнется всурьез.

Дел, собственно, особых у нас нет. Сколько я газетных статей писал, — теперь пришел конец. Одни слишком нос держат по ветру, другие равняют его по деньгам, получаемым все из того же места, — и неинтересно стало «равняться» и следить, чтобы чего не сказать не так. Авторханов недавно писал мне³, что негде стало печататься с газетными статьями, злободневными, — согласен с ним.

Правда, особенно я не огорчаюсь: надо еще кое-что другое написать, за что постепенно и принимаюсь. И другое есть: сейчас взялся издавать книжку Бахрака о Бунине: «Бунин в халате»⁴ — текст его для такого названия хорошо подходит. Собрал он страниц этак на 160, получится приличная книжица. Может быть, даже малость заработаем на ней, — а тогда можно будет и «минометчиков» отдельной книгой тиснуть⁵.

С ними малость беда. Печатал я их в Н[овом] ж[урнале], книга за книгой, и это подстегивало: надо было обязательно подготовить очередной кусок. А теперь шеф мой свои воспоминания стал печатать и намекнул мне, когда я закончу или прерву⁶. Перервать я мог в любое время, что и сделал, — но теперь «стимул» пропал, и я, конечно, их не пишу. Их, между тем, читали охотно, много было отзывов. Не знаю, когда соберусь теперь возвращаться к ним.

И еще есть темы, давние, за которые надо было бы приняться. К сожалению, годы сказываются, пишется теперь медленнее, — да и не так, конечно, охотно, как прежде. И, как полагается, артриты, ревматизм, — всему свое время, оно у меня и пришло, жаловаться некуда и некому. А когда побаливает, конечно, лучше лежать и что-нибудь читать, чем сидеть за столом и стучать на машинке.

Как у Вас идут дела? Пишете что или принимаетесь за что? Помните, мы с Вами тогда говорили о статье для Н[ового] ж[урнала] — не забыли ту тему?⁷ Хороших статей, к сожалению, нет, пробавляемся, как видите, не очень значительным материалом. Но что же делать. Кстати, читал сейчас интересную вещь: «Факультет ненужных вещей» Домбровского⁸. Он уже умер, «там». Долго сидел — и потому все видел и знал очень хорошо, всю механику советскую, все это «наваждение». Это не чета какому-нибудь Амальрику, тоже сидевшему⁹, но все ссылающемуся на Грозного, на «полицейское государство»¹⁰ и т.п. в объяснение ком[мунистической] несусветицы. Этот роман в каком-то смысле, по познавательному значению, можно поставить, пожалуй, рядом с «Кругом первым» и «Раковым корпусом»¹¹.

Шлем наши приветы всем — Джил, Вам, наследникам! Нет, к Вам ехать не собираемся, у Вас как бы скоро советская власть не образовалась¹², чего Анат[олий] Павлов[ич] все боится, — зачем же ехать к Вам?

Всего лучшего,

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Пасха в 1979 г. приходилась на 22 апреля.

² Упомянутая открытка не обнаружена.

³ Упомянутое письмо не обнаружено.

Авторханов Абдурахман Геназович (1908–1997) — общественный деятель, публицист.

⁴ Бахрах Александр Васильевич (1902–1985) — писатель, литературный критик, мемуарист. Г.А. Хомяков пишет его фамилию как «Бахрак».

Бахрах А.В. Бунин в халате: по памяти, по записям. Bayville, N.J., 1979.

⁵ Повесть Г.А. Хомякова «Минометчики» не вышла отдельным изданием.

⁶ Р.Б. Гуль начал печатать свои воспоминания «Я унес Россию: Апология эмиграции» с № 131 «Нового журнала» (1978). Публикация мемуаров продолжалась до 1985 г. включительно.

⁷ По всей видимости, осенью 1977 г. Г.А. Хомяков и Н.Е. Андреев договорились о написании последней статьи об иноке Филофее для «Нового журнала».

⁸ Домбровский Ю.О. Факультет ненужных вещей. Р., 1978.

Домбровский Юрий Осипович (1909–1978) — поэт, писатель, литературный критик, мемуарист. Ю.О. Домбровский несколько раз был в заключении (1933, 1936, 1939–1943, 1949–1955).

⁹ Амальрик Андрей Алексеевич (1938–1980) — публицист, писатель, диссидент. А.А. Амальрик провел в заключении 1970–1975 гг.

¹⁰ Полицейское государство — выражение, призванное характеризовать общественный строй, при котором контроль над социальной, экономической и политической жизнью граждан осуществляется с помощью репрессий.

¹¹ «В круге первом» — роман А.И. Солженицына (1955–1958) о работе в «шарашке» во время тюремного заключения (1947–1950). «Раковый корпус» — роман А.И. Солженицына (1963–1966) об излечении писателя от рака в 1954 г.

¹² Намек на политику лейбористского правительства в Великобритании в 1974–1979 гг., состоявшую в увеличении государственного сектора в экономике, росте государственных расходов, заигрывании с тред-юнионами.

№ 65

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 11 сентября 1979 г.

Отвечено 18–IX–79¹

11 сентября 1979 г.

Дорогой Николай Ефремович,

пришла Ваша «большая» открытка², спасибо, — признаться, она меня огорчила. Недавно была Ваша статья в Н[овом] р[усском] с[лове]³, и я решил было, что это означает Ваше полное возвращение к «писчей» деятельности, а следовательно, и полное излечение, — а Вы пишете, что это не так. Куда как жаль!

Что идет все медленно, — так это и положено нам, уже по возрасту. Я вот чуть не целое лето пишу одну статью, для о. Киселева⁴, теперь переписываю —

и тоже идет «как на волах». Когда-то за неск[олько] дней написал бы — теперь нужно месяц и больше.

Читая Вашу статью о книге «сибиряка», ворчал на Вас: вот тоже, паршивая первая эмиграция, кукушка хвалит петуха...⁵ Вы так захвалили друг друга, что иные из захваленных глубоко уверились в своей гениальности и незаменимости (напр[имер], Гуль, с которым и вторично пришлось расстаться⁶, по его инициативе: он ни с кем не может работать, ему нужны не помощники, а холуи, исполняющие немедленно все его прихоти, — а я к этому не привык). А в результате — они цепко держатся за начатое совсем не ими, а потом передают третьим, почему нет никакой преемственности, и эмигрантская печать по существу перестает быть ею: это уже некий отзвук печати советской.

Новостей — какие же у нас новости? Лето было страшное: мокрая жара, чего у нас прежде не было, — и поэтому работалось с трудом. Гости были месяцы: племянница, когда-то каждое лето приезжавшая к нам во Франкфурт, потом в Мюнхен. Она замужем в Риме и приезжала оттуда уже с дочкой десяти лет, вполне современной, этаким будущей Лолитой⁷. А мама ее была какой хорошей девочкой!

Вот новость: выпустил я очерки Бахрака о Бунине отдельной книжкой. Не очень важно вышло внешне: деньгов мало, пришлось дешево издавать. Нам ведь деньги неоткуда брать, мы не третьи. Посылаю одновременно Вам эту книжицу, по воздуху. Вейдле перед смертью⁸ говорил Бахраку, что Вы его особенно будете ругать за Зурова⁹, которого он никак не обошел вниманием. Малость даже с моей помощью: я писал ему, что незачем темнить и ходить вокруг да около вроде Галины¹⁰, которой было что темнить, почему и дневник ее вышел фальшивый¹¹, — Бахрак все же поставил не все точки над «и». Вот было бы хорошо, если бы облеклись в доспехи и написали об этой книге для Н[ового] р[усского] с[лова] или Р[усской] м[ысли]: никто о ней ничего не знает, почему она еще и не продается. Правда, пока и к Нейманису не успела прийти. А главная беда: некому писать! Обеднели мы страшно, — а кулаками все машем, будто бы еще что-то можем.

Катя, пишите Вы, будет в Нью-Йорке¹², — я сейчас мало туда езжу. Ежели бы ей захотелось побыть «на лоне», — милости просим. Пишу внизу наш телефон, сможем с ней договориться. Хотя в ее возрасте очень ей нужна тишина наша и морской воздух! Пишу и телефон Ржевских, они в Нью-Йорке, — может зайти к ним, они будут рады.

А когда напишете, вернее переведете с англ[ийского], Ваши рассуждения о Филофее? Это хорошо бы для Р[усского] в[озрождения]¹³, — о. Киселев говорит, что материала мало.

Приветствуем Джилл, Вас и наследников и бывайте здоровы!

Ваш Г. Хомяков

Наш телефон: (201) 269-4050

Ржевских, в Н.Й. = 777-5210

ЛА ЕНА. Машинопись, приписки и подпись — автограф.

¹ Написано рукой Н.Е. Андреева.

² Упомянутая открытка не обнаружена.

³ Андреев Н.Е. По касательной // НРС. 1979. 26 августа. № 24971. С. 5.

⁴ Вероятно, речь идет о статье: Андреев Г. [Хомяков Г.А.]. Вытеснение власти мертвой буквы: записки эмигранта // РВ. 1979. № 7–8. С. 198–234.

⁵ См. выше примеч. 3.

⁶ Вторым раз Г.А. Хомяков входил в редакционную коллегию «Нового журнала» в 1978–1979 гг. (см. также примеч. 1 к письму 53).

⁷ Отсылка к роману В.В. Набокова «Лолита». Основная героиня — нимфетка Долорес Гейз, которую Гумберт называет Лолитой.

⁸ В.В. Вейдле умер в Париже 8 мая 1979 г.

⁹ В книге А.В. Бахраха «Бунин в халате: по памяти, по записям» фигура В.Ф. Зурова обрисована достаточно критически (С. 20–24, 29–33, 40–42).

Зуров Леонид Федорович (1902–1971) — писатель, мемуарист. Л.Ф. Зурова и Н.Е. Андреева связывали многолетние дружеские отношения, последний высоко оценивал Зурова как писателя (см.: Андреев Н.Е. Литература в изгнании // Грани. 1957. № 33. С. 173–174. — Рец. на: Струве Г.П. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк, 1956). Некрологи Зурова пера Андреева см.: Андреев Н.Е. Леонид Зуров, 1902–1971 // РМ. 1971. 7 октября. № 2863. С. 8; Он же. Леонид Зуров, 1902–1971 // НРС. 1971. 10 октября. № 22398. С. 5; Он же. Л.Ф. Зуров // НЖ. 1971. № 105. С. 274–276.

Издание переписки Н.Е. Андреева и Л.Ф. Зурова см.: «Только Вы поймете следующий текст...»: Переписка Н.Е. Андреева и Л.Ф. Зурова / сост. Е.Н. Андреева, И.З. Белобровцева. Таллин, 2013. (Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике; т. 13).

¹⁰ Кузнецова (в браке Петрова) Галина Николаевна (1900–1976) — поэтесса, писательница, мемуаристка.

¹¹ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Washington, D.C., 1967. В основу книги легли дневниковые записи Г.Н. Кузнецовой за 1927–1934 гг., когда она проживала в Грассе и была любовницей И.А. Бунина.

¹² Е.Н. Андреева провела осенний триместр 1979 г. в Нью-Йорке, в Колумбийском университете, как член Института имени А. Гарримана.

¹³ Статья Н.Е. Андреева, посвященная инок Филофею, не появилась в «Русском возрождении».

№ 66

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Бейвилл, 1 октября 1979 г.

1 октября 1979 г.

Дорогой Николай Ефремович,
отвечаю с малым промедлением, суета сует заела. Что согласились откликнуться на нашу книжицу — отлично, спасибо. А если бы сие произошло

более или менее быстро — совсем было бы превосходно. Дело простое: кому попадает книжица, все в общем хвалят, говорят, что теперь при писаниях о Бунине никто мимо нее не пройдет, — но объявлений о ней дать не могу¹ (на какие коврижки?), и о ней мало кто знает, почему и не покупают пока. А была бы статья — другой коленкор. А заказать здесь — кому? Безлюдье ведь страшное настало. Вы сообщили о четырех умерших (не знал, что и Анин² умер), — Струве прибавил еще Гефдинга³, с которым я когда-то встретился по совету Виктора Франка и получил у него статью для «Мостов»⁴.

Года два назад, когда я писал для Н[ового] р[усского] с[лова] довольно много, написал я однажды такую поминальную статью о ряде умерших⁵, включая нескольких энтээсовцев, правда, все только по личной линии, — редактор взял с сомнением, дескать, мрачная слишком, а читали ее с большим интересом, среди помянутых было много общих знакомых. Бахрак не знаю, как отнесется, что Вы будете писать, он наверно будет ждать с некоторым страхом: Вейдле этак за месяц-два до смерти сказал ему, что Вы Зурова ставили выше Бунина и поэтому автора этой книги «разделаете под орех». Я, правда, написал ему, что это было, наверно, старое Ваше мнение, мало ли что было когда-то, так что, дескать, опасаться нечего.

Что книжку хотели бы издать — дело всегда хорошее. Надо бы предисловие соответственное написать, где и название «прояснить» (у Бахрака первые страницы — они же и вроде бы предисловие). Но намеченный Вами способ финансирования издания, конечно, никаких надежд внушать не может на осуществимость этого предприятия. Беда просто: приехали третьи — и палят как из пулеметов, все новые книги и журналы выпаливают, а у нас — когда же были деньги? У меня собрались за несколько лет, от продажи наших книг, — все ушли на книжку Бахрака, а теперь когда вернутся! И выпустить пришлось довольно неряшливо из-за малых денег, по самой дешевке. И это у меня первый опыт выпуска фотоспособом, теперь сделал бы лучше, внешне, с этой еще не знал подводных камней фотоспособа.

Катя была у Ржевских. Они звонили нам, что она хотела бы приехать к нам, они ее и захватят, — но последнюю неделю, две стоит плохая, дождливая погода, почему и не приехали, м[ожет] б[ыть], придут в воскресенье.

Знаете ли Вы в Лондоне представительницу здешнего учреждения, от правляющего книги в «отечество всех трудящихся»? Зовут ее вроде бы Джоан Балкар (внизу пишу англ[ийское] написание и адрес), — мне здесь, в ее главном офисе, сказали, что она может у нас заказать книгу Бахрака сама (книга для них стоит 3.50 доллара, почти только по себестоимости). Здешнее ее начальство взяло у меня уже 200 экз[емпляров] — говорят, что она могла бы заказать сотню и больше. Обычно все русаки таких представителей знают или слышаны о них, — я же ее не знаю, как и она меня (в Париже иначе). И если бы Вы знали, могли бы, наверно, ей о книге и заказе сказать по телефону.

Шлем оба приветы и лучшие пожелания обоим же! А выразить сожаление, что глаза Вам не починили, уже места не осталось!

Ваш Г. Хомяков

Joan Balcar
Universal Book Exchange LTD
3 A Moreton Terrace

ЛА ЕНА. Машинопись, приписки и подпись — автограф.

¹ Объявление о выходе книги А.В. Бахраха см.: В издательстве Товарищества зарубежных писателей вышла новая книга. Александр Бахрах «Бунин в халате» // НРС. 1979. 27 октября. № 25024. С. 6.

² Анин (наст. фам: Азархс) Давид Сергеевич (1913–1979) — историк. Руководитель отдела по изучению аудитории Радио Свобода. Скончался 15 апреля 1979 г.

³ Намек на статью Г.П. Струве (*Струве Г.П.*, Дневник читателя // НРС. 1979. 29 сентября. № 25000. С. 7), в которой была почтена память четырех умерших: В.В. Вейдле, Г.В. Флоровского, В.Ф. Гефдинга, Е.М. Винавера.

Гефдинг Владимир Федорович (1886–1979) — экономист, журналист. Скончался 11 августа 1979 г. в Нью-Йорке.

⁴ Гефдинг В.Ф. К проблеме хозяйственного роста СССР и США // Мосты. 1960. № 5. С. 230–240.

⁵ Отрадин Н. [Г.А. Хомяков]. Попутные заметки. Нашего полку сильно ubyло // НРС. 1977. 7 сентября. № 23355. С. 2.

№ 67

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Бейвилл, 23 октября 1979 г.

23 октября 1979 г.

Дорогой Николай Ефремович,
письмо Ваше от 12.10¹ получил на прошлой неделе, но не торопился на него отвечать, полагая, что в воскресенье Ваша статья о книге Бахрака будет напечатана, — Вы просили написать мое мнение о ней. Но ее еще не было в газете, а след[ующего] воскресенья ждать долго. Но уверен, что статья будет хорошая. Кстати, а не послали Вы ее одновременно в Русскую мысль? По-моему, они там ее ждут, — Ал[ександр] Вас[ильевич] писал мне, что они хотели бы напечатать Вашу статью, а не Г[леба] Струве, которому собирались писать с просьбой о статье, но воздержались. Кажется, Бунин однажды весьма непочтительно отозвался о Г[лебе] Струве, и у него нежных чувств к нему нет².

А что Вейдле так сказал о Вашем будто бы «предпочтении» Зурова, на мой взгляд — не повод для беспокойства. Сказано, наверно, было, чтобы малость

пострадать Бахрака, не всерьез. Да и прошло уже несколько «редакций», с сильными искажениями вероятно.

Так что, по-моему, пошлите копию в Русскую мысль, они напечатают охотно. Читатели же у этих газет разные. «Сибиряк», как А[лександр] В[асильевич] и я называем Цвибака, взявшего сибирскую фамилию, написал тоже о книге¹, но кисло-сладко, этак «отечески» журия автора за «ненужные уточнения и откровенности», хотя, на мой взгляд (и Гуля — редкое у нас с ним совпадение), точек над «и» Бахрак все же не поставил, некоторых, — а кому же их ставить, как не ему?

Катя у нас пока не была. Все время какое-то суматошное было, и Ржевские, которые хотели ее привезти, у нас уже давно не были. Были холода, дожди, потом у нас заезжали гости и по делам, из других мест, вчера на свадьбе были (русский сосед-архитектор выдавал замуж дочку), — все как-то карусельно-занято. А сейчас погода вдруг — опять чисто летняя, даже жарко — под 30 градусов не по халдейскому, а нашенскому, цельсиевскому градуснику⁴.

Несмотря на такое тепло, завтра надо будет в лес наведаться, по грибы (!), — знай наших! Ночью туманы осенние, а грибы это любят. Написал очерк для Р[усской] м[ысли]: «Слово о грибной гибели»⁵ (разорили недавно наше грибное место), да беда, меня и там печатают теперь не с большой охотой (прошлая статья, о романе Домбровского, пролежала у них 3 с половиной месяца⁶), — наверно, потому, что считаюсь «националистом русским», что для новейших вроде красной тряпки.

Шлем наши приветы Джилл и Вам и желаем доброго здоровья!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Указанное письмо не обнаружено.

² См.: Струве Г.П. Дневник читателя. О том, как И.А. Бунин порвал знакомство со мной // НРС. 1973. 12 августа. № 23070. С. 5.

³ Седых А. Заметки редактора. Новое о Бунине // НРС. 1979. 9 октября. № 25008. С. 3.

⁴ Г.А. Хомяков имеет в виду две единицы измерения температуры: градус Цельсия (°C), применяемый в Европе, и градус Фаренгейта (°F), применяемый в США.

⁵ Упомянутый очерк не был напечатан в «Русской мысли».

⁶ Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. Без вранья и завиранья: Вместо рецензии // РМ. 1979. 6 сентября. № 3272. С. 9.

№ 68

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 23 ноября 1979 г.

23 ноября 1979 г.

Дорогой Николай Ефремович,

«касательная» Ваша появилась теперь и «тут и там», — получил на днях и «Русскую мысль» с ней¹. Вот только статьи Струве об этой же книге не оказалось²: Бахрак писал мне, что Р[усская] м[ысль] хотела дать рядом обе статьи, Вашу и его. Наверно, отложили на след[ующую] газету.

Статья Ваша очень хорошая. Даже и по адресу «издат[ельств]а» Вы произнесли столько хороших слов, что даже застесняться можно было! Я таким не избалован: и наша, вторая, и Ваша почему-то те же «Мосты» считают необходимым не замечать, как будто их никогда и не было. Гуль, ценящий только свою работу, не раз мне прямо говорил: «что ваши “Мосты”»... — вроде бы так, пустяк, тогда как я все же много с ними работал и многие в письмах ко мне признают, что в них было напечатано много ценного. Автора книги Вы пожурили за одно и другое, но вместе с тем и похвалили, и даже почти бессмертие ему гарантировали, — чего же больше! И статья получилась не из одного елеса, как это часто бывает с эмигрантскими статьями. За себя лично — спасибо, что маслом полили израненное издат[ельское] сердце!

Между прочим, не знаю, послал ли он Вам, — Ульянов выпустил хорошую книжку, сборник своих статей³, бывших когда-то в газетах и конечно забытых, статьи их содержанием и «духом» противостоят русофобию, которое (*sic!*) разводят теперь многие третьи. Я даже думаю, что такой сборник должен был бы примирить автора с Солженицыным. Последний опубликовал нечто вроде реплики на русофобские вылазки третьих⁴, — но уже после этого еще Чалидзе вылез с такой же статьей в Н[овом] р[усском] слове⁵, направленной в сущности против Солженицына, хотя он его и не упоминает. О статье Чалидзе (там есть ряд нелепостей, изреченных этак «свысока», за что его следует посечь), пристегнув к ней и Эткинда⁶, вдруг напавшего на Максимова с тех же русофобских позиций⁷, хочу написать, но не знаю еще, когда соберусь и как⁸; надо еще кое-что сделать, что давно обещал.

И Вам надо было бы в это обсуждение «включиться». Понимаю, что Вам хочется издать сборник Ваших старых литературных статей, — но это по старой любви или влюбленности, а тут выступает тяжелая артиллерия — по обязанности! Но Вам, конечно, видней. Надо бы Вам и о «Возрождении» не забывать, в коем должны были Вы быть гл[авным] редактором, да не стали⁹. Оболенский сначала малость закусил удила и понес куда-то в сторону, но мы его мягко осадили. Но все равно жалуются, что журнал серый и скучный. А Вы как находите? Послал туда довольно длинную статью, но не знаю, когда тиснут. Материала у них не ахти как много, поэтому предложил им давать стра-

ниц на 15–20 и продолжение «минометчиков»¹⁰, которые прервались в Новом журнале потому, что Гуль стал свои воспоминания печатать. А как он ловко от сменевеховства выкрутился! Написал о нем, — но так, будто его оно совершенно не касалось. Вот жук!

Да, много еще надо было бы писать, темы вокруг «вихрем выются», — но силы уже не прежние. Бывало, статью для «Посева» или еще куда писал за час, два, — а теперь сначала еще раскачаться надо, за стол сесть, за машинку, да пять раз подумать: а зачем? Может, пускай идут ко всем чертям? «Стимула» не стало, испарился.

Шлем наши приветы Джил, Вам, всем чадам и домочадцам! У нас давно никого не было: Эли неск[олько] дней провела в больнице, теперь «отды[хае]т», хотя заниматься она этим не умеет. Всего лучшего!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Андреев Н.Е. По касательной. «Бунин в халате» // НРС. 1979. 4 ноября. № 25031. С. 2; Он же. «Бунин в халате» Александра Бахраха // РМ. 1979. 15 ноября. № 3282. С. 6.

² Невнимательность Г.А. Хомякова. Статья Г.П. Струве была помещена в том же номере «Русской мысли», что и рецензия Н.Е. Андреева (Струве Г.П. Дневник читателя. Новая книга о Бунине // РМ. 1979. 15 ноября. № 3282. С. 7).

³ Ульянов Н.И. Спуск флага. New Haven, 1979.

⁴ Не удалось однозначно идентифицировать упоминаемую Г.А. Хомяковым публикацию. По всей видимости, речь идет об интервью А.И. Солженицына Би-би-си (см., например: Солженицын А. Интервью с И.И. Сапизтом, ВВС // Вестник Русского христианского движения. 1978. № 4 (127). С. 279–295). Об отношении Солженицына к третьей волне эмиграции см. с. 287–289. См. также другую публикацию беседы: Солженицын А. Интервью с И.И. Сапизтом, Би-би-си (Февраль 1979) // РВ. 1979. № 6. С. 50–75.

⁵ Чалидзе В. Хомейнизм или национал-коммунизм // НРС. 1979. 27 октября. № 25024. С. 5–6.

Чалидзе Валерий Николаевич (1938–2018) — физик, публицист, диссидент.

⁶ Эткинд Ефим Григорьевич (1918–1999) — филолог, историк литературы, переводчик, диссидент.

⁷ Г.А. Хомяков намекает на дискуссию, развернувшуюся на страницах «Русской мысли». Ее застрельщиком выступил В.Е. Максимов, который, приведя высказывание некоего профессора о погубленных русской властью писателях, обрушился на искажающих историю и культуру дореволюционной России экспертов-русофобов. В ответной статье Е.Г. Эткинд, признав, что цитата принадлежит ему, категорически отверг обвинения Максимова в русофобстве, усомнившись в полезности идеализации предреволюционной России ради критики советского режима (см.: Максимов В.Е. В кривом зеркале // РМ. 1979. 11 октября. № 3277. С. 8; Эткинд Е.Г. Кто с кем? // Там же. 1 ноября. № 3280. С. 6–7). Уже после письма Хомякова в «Русской мысли» вышла

статья Н. Иваницкой, уличавшей Эткинда в вольном обращении с фактами (*Иваницкая Н. «Факты» и факты: (в связи со статьей Е. Эткинда «Кто с кем»*) // РМ. 1979. 20 декабря. № 3287. С. 6).

⁸ Г.А. Хомяков не написал запланированную статью.

⁹ Имеется в виду журнал «Русское возрождение».

¹⁰ Продолжение повести Г.А. Хомякова «Минометчики» не появилось в «Русском возрождении».

№ 69

Г.А. Хомяков — Н.Е. и Дж. Андреевым

Бейвилл, 5 февраля 1980 г.

5 февраля 1980

Дорогие Николай Ефремович и Джилл!

Вернулись домой, поездкой своей довольные, даже несмотря на беду с Эли. Она в октябре была здесь в больнице с малой операцией — вычищали и удаляли нарыв на пальце, на ноге. Тогда же врач (муж Додиковой Светланы, тоже врачихи, нашей соседки, — помните, наверно, Дода) решил, что Эли надо сделать полный осмотр, с анализами, рентгеном и пр. Сделали — и сказали, что она полностью здорова и никаких изъянов нет.

А приехали мы в Гамбург, там одна из племянниц тоже врач, она осмотрела тетку и говорит, что надо тотчас же на серьезный осмотр. Опять анализы, рентгены — и обнаружили, что у Эли рак груди и надо немедленно оперировать. Все же выговорили отсрочку, чтобы оперировать здесь (после нужен контроль, м.б. облучения). Приехав домой, тотчас же позвонили нашим врачам, — сказали, чтобы доставил Эли в ту же больницу. Доставил, — опять анализы, осмотры, и в среду на прошлой неделе ее оперировали. Сейчас чувствует себя уже ничего, в четверг привезу ее домой, будет поправляться дома. Врачи говорят, что развития болезни быть не может. Будем надеяться, что так и будет, несмотря на всю коварность этой болезни.

Вот бывают такие неожиданности.

Хотя голова была занята ею, все же подумывал и о нашем разговоре с Вами, жалея, что говорили мало и основательней не было времени. Вообще, тем, что побывал в Лондоне (он, несомненно, тоже «стоит обедни»¹⁾) и в Кембридже, я очень доволен, но у Вас был очень уж коротко. А вопрос об «истории российской» куда как важен, тогда как мы его едва коснулись. Джилл считает, что Вам нужен секретарь², и тогда только «запляшет губерния», — но так ли это? Очень ли поможет секретарь? Ведь мало переписать с ленты, — текст надо и обрабатывать, вероятно, редактировать?

Не сводится ли вопрос к тому, что — а хватит ли у Вас не столько энергии и времени, сколько решимости выполнить эту работу? Если решимость есть, тогда другое дело, тогда, м[ожет] б[ыть], и секретарю останется очень мало

дела. А если нет решимости, — поможет ли тогда секретарь, если он даже будет «семи пядей во лбу»?

Не знаю, эти вопросы Вам надо решить. Дело большое, — но важность его превышает все обычные мерки. В самом деле, если бы удалось Вам написать, а потом и издать этот труд, — это, хотя бы и только в русском кругу, произвело бы огромное впечатление. Это было бы неопровержимым доказательством того, что в свободных условиях, в эмиграции, хотя и при вопиющей бедности ее, только и можно создать такую ценную работу.

Можно подойти к ней и с другой стороны. На секретаря нужны деньги, которых у нас нет. Можно попытаться как-то их найти (сколько в месяц? Нужен точный ответ), но, м[ожет] б[ыть], имеет смысл начать иначе. Скажем, Вы пишете первую, вернее вступительную, главу (или «лекцию», а все вместе будет «курсом лекций по истории России»)³, страниц в сорок-пятьдесят, которую мы и издаем (это сделать будет не так трудно, конечно, не на веленовой бумаге⁴) — и пускаем в продажу, одновременно объявляя, не только в нашей зарубежной, но и в западной печати (типа «Рашен ревью»⁵ здешнего, «Славик ревью» и т.п.), что начинается издание такого-то курса и объявляется подписка на него, — в таком духе. Тогда можно будет надеяться даже все поднять самим, своими силами. Первая лекция могла бы быть именно о «предыстории», примерно то, о чем Вы рассказывали нам.

Подумайте об этом и напишите, как Вы считаете и как полагаете лучшим для Вашей работы. И может быть, что-то придумаем, что-то наметится, чтобы начать и сдвинуть дело с неподвижной пока точки.

Шлем наши приветы всем, Кате и наследникам! Благополучия дому Вашему!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

---

¹ Намек на крылатое выражение, приписываемое Генриху Наваррскому, решившему в 1593 г. принять католичество для занятия французского престола («Париж стоит мессы», «Париж стоит обедни»; фр. «Paris vaut bien une messe»).

² Секретарь для Н.Е. Андреева не был нанят.

³ Обсуждаемый проект не был осуществлен.

⁴ Веленовая бумага (от фр. *vélin* — тонко выделанная кожа) — высокосортная плотная бумага, как правило, желтоватого цвета.

⁵ «Russian Review» — американский научный ежеквартальный журнал, посвященный истории России-СССР. Выходит с 1941 г.

№ 70

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 16 февраля 1980 г.

16 февраля 1980 г.

Дорогой Николай Ефремович,

«ждать ответ» на первое мое письмо, от 5 февраля, может быть, придется несколько долго, поэтому пишу еще, по встретившейся надобности. Помните, я говорил Вам, что надо бы Вам приниматься за редактирование «Русского возрождения», — ан, участь сия выпадает мне. Звонил о. Ал[ексан]др Киселев, говорит, что Оболенский и стар, и болен, работать уже не может, и что выпуск журнала надо переводить сюда — и предложил редактировать журнал мне¹. Энтузиазма и радости это предложение у меня не вызвало, но, вероятно, придется браться, что же сделаешь, работать в самом деле некому. Я и то шучу не очень весело, что, видно, судьба такая, от редакторства не избавишься.

Надо вместе с тем и о будущем думать. Н[овый] журнал Гуль хотел бы закрыть, чтобы все знали: Гуль больше не может его вести — и никто не может. Но он ошибется: на него зарятся «третьи», и деньгодатели охотно передадут им. Будет еще один «Континент», «Время и мы»² и как там еще — а традиционного русского журнала не будет. На его месте и надо будет утверждать «Возрождение».

С ним, однако, почти катастрофа: а где авторей взять? И я соглашаюсь только при условии, что в числе авторов будете и Вы. (Первой ласточкой могла бы стать рукопись о Филофее, — о нем я не забуду!) Буду писать и другим прежним авторам — например «Мостов», хотя Вы и кокетничали, говорили, что ни мосты и никто Вас никогда не приглашали.

Может, работу эту кстати и соединить удалось бы с «историей»? Если бы Вы даже уверять стали об этом, все равно не поверю, что даже в самых отличных условиях Вам удалось бы написать пять томов, написанных Ключевским³. Да наверно, переписывать его всего и не требуется, — возможно, писать надо лишь о периодах, с которых появились новые данные, меняющие прежние взгляды. Тогда объем сильно сократится — и тогда Вы сможете осилить. И если в таком случае писать отдельными главами, для журнала, — потом мы эти главы перефотографируем и сделаем уже отдельным изданием! Видите, какая выгода, если Вы будете писать для журнала?

Как Вас еще соблазнять? Ежели у Вас есть другие методы и способы, расскажите о них.

В четверг на той неделе привез Эли из больницы, вчера возил ее к врачу на первый осмотр и анализ крови. Говорят, что все хорошо, — но так они говорили и до нашего отлета в Гамбург. Ничего, однако, не остается, как верить им и надеяться. Эли много лежит, постепенно «приходит в себя», сейчас чувствует себя уже лучше, чем в первые дни после больницы.

Ответствуйте, и положительно, не пытайтесь ускользать по-подколесински¹.
Шлем наши приветы всему дому Вашему и желаем благополучия!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ В 1980 г. издание журнала было перемещено из Европы в США. С № 9 за 1980 г. главным редактором журнала стал Г.А. Хомяков.

² «Время и мы» — литературный и общественно-политический журнал, выходивший в 1975–2001 гг. До 1981 г. местом издания был Тель-Авив, с 1981 г. — Нью-Йорк.

³ Г.А. Хомяков имеет в виду пятитомный «Курс русской истории» В.О. Ключевского.

⁴ Подколесин — герой пьесы Н.В. Гоголя «Женитьба» (1833–1835, опубликована в 1842). Ускользать по-подколесински — уклониться от принятия важного решения, отступить.

№ 71

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 27 февраля 1980 г.

27 февраля 1980 г.

Дорогой Николай Ефремович,
не ответил сразу на Ваше письмо¹: ждал воскресную газету, полагая увидеть в ней «касательную»². Прочел сию — и, признаться, не совсем одобрил, хотя и не в части фактической. А в другой: очень уж много Вы наворчали в ней, просто как древнющий старик. Я подумал: вот сидит себе в Кембридже и третьих, наверно, совсем не читает. А у меня как раз последняя (нет, предпоследняя: у него недержание на книги) книга Зиновьева³, где матерных слов уже поменьше, но «советская культура» развернута вовсю. А Бахрака уже за то ценить надо, что пишет хорошим языком, который, возможно, скоро отойдет в область преданий. А Вы — «последний из могикан», повторили, кажется, не раз, а почему, так и не уточнили. А что снобизм у него, — а у кого «из тех» его нет? И у Вас мелькает — «академический». А сколько его было у «великих» — у того же Бердяева и у многих других.

То, что написали эту статью (почему Вы беспокоились, напечатают ли? Им «имена» вот как нужны), показывает, что все же сибиряк согласился, чтобы Вы ее прислали. — Вы говорили мне, что он заказывал кому-то другому. Может, даже Филиппову, этому водолею, которого Бахрак, кажется, не переносит, именно из-за словонедержания.

Что возраст уже «высок», спору нет, хотя — а у кого он низок? Беда может быть в другом: в том, что можете думать долго, отыскивая «форму», как Вы

пишете, в какой Вам работать. Пока найдете, возраст еще повысится. Посему надо ли долго думать? Тем более что у Вас много материала напечатано по-аглички, и даже если не просто переводить, а перерабатывать, тоже все же легче, чем заново писать.

«Чичикова» Вашего, приехав, разыскал в куче газет и читал с первого отрывка¹ (в «Россиянине»² уже забыл, что он был там, хотя газету, кажется, всю видел). Это, дорогой, очень хорошо: язык опять же хороший, местами просто гоголевский, много остроумия. Но ко двору ли теперь? Читал я и думал: да, в те времена это было к месту, все живо и сравнить можно с одним и другим, — теперь не то, мало кто оценит по-настоящему. Посмотрим, чем и как закончится.

Был на той неделе в Нью-Йорке, говорил с о. Ал[ексан]дром о Р[усском] в[озрождении]. 2-го поеду опять: о. Ал[ексан]др представит меня высокой Комиссии, коя должна «утвердить» в редакторстве. Все это так, но взял я у о. Ал[ексан]дра кучу рукописей и разных материалов, посмотрел ее всю и пришел, в общем, в уныние: дельного очень мало, почти и нет его. А журнал и так упрекают в серости и унылости, — а где взять этакое радужное и воодушевляющее? Потому и прошу еще и еще раз: меньше думать, больше писать! О Бахраке и подобном можно и не писать, пускай другие пишут, а Вашу главную тему — кто же другой напишет?

Кстати, а как Вы относитесь к писаниям такого Николаева, академика (Болгарской академии наук³), по его словам, рассказывавшего в Н[овом] р[усском] с[лове] о Грозном⁷, потом Екатерине⁸, теперь о Годунове?⁹ Легковесно очень. И врет в модном антирусском духе. Написал, что раздел Польши произошел по инициативе Екатерины¹⁰, — а начало положено было ведь еще тогда, когда она и на трон не взобралась, инициатива Фридриха¹¹ тем самым замолчана, — хищные русские во всем виноваты, сейчас русофобия на Западе опять пошла в ход.

С Эли, слава Богу, благополучно пока. Завтра опять поедem к врачу, на осмотр, — говорит твердо, что развития не будет и что все будет хорошо. Рана почти совсем зажила, и Эли уже встает, ходит, даже малость работает: надоело лежать.

Шлем приветы всему дому Вашему!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Упомянутое письмо не обнаружено.

² Андреев Н.Е. По касательной // НРС. 1980. 24 февраля. № 25127. С. 2. Статья была посвящена второй книге А.В. Бахраха «По памяти, по записям: Литературные портреты» (Р., 1980). Статья была перепечатана в «Русской мысли» (Он же. «По памяти, по записям» А. Бахраха // РМ. 1980. 3 апреля. № 3302. С. 11).

³ Зиновьев А. Светлое будущее. Lausanne, 1978.

Зиновьев Александр Александрович (1922–2006) — философ, писатель, публицист.

⁴ Г.А. Хомяков имеет в виду сатирическую повесть Н.Е. Андреева «Похождения Чичикова за границей», републикованную в «Новом русском слове» (Несмеянов С. [Н.Е. Андреев]. Похождения Чичикова за границей: Кинолента в прозе // НРС. 1980. 12 января. № 25090. С. 4; 19 января. № 25096. С. 4; 26 января. № 25102. С. 4; 2 февраля. № 25108. С. 4; 9 февраля. № 25114. С. 4; 16 февраля. № 25120. С. 4; 23 февраля. № 25126. С. 4; 1 марта. № 25132. С. 4; 8 марта. № 25138. С. 4).

⁵ Первая публикации повести «Похождения Чичикова за границей» состоялась в газете «Россиянин» (Несмеянов С. [Н.Е. Андреев]. Похождения Чичикова за границей: Кинолента в прозе // Россиянин. 1949. 10 февраля. № 5 (15). С. 2; 17 февраля. № 6 (16). С. 2; 24 февраля. № 7 (17). С. 2; 3 марта. № 8 (18). С. 2; 10 марта. № 9 (19). С. 2; 24 марта. № 11 (21). С. 2; 31 марта. № 12 (22). С. 2; 7 апреля. № 13 (23). С. 2; 5 мая. № 16 (26). С. 4; 12 мая. № 17 (27). С. 4; 19 мая. № 18 (28). С. 4; 26 мая. № 19 (29). С. 4; 16 июня. № 22 (32). С. 4; 30 июня. № 23 (33). С. 4; 7 июля. № 24 (34). С. 4).

«Россиянин» — еженедельная общественно-политическая газета, выходившая в Лондоне в 1948–1949 гг. Истории издания «Россиянина» Н.Е. Андреев посвятил специальную статью (см.: Андреев Н.Е. «Россиянин»: Памяти его редактора — † 12 января 1977 г. // НРС. 1977. 9 октября. № 24383. С. 2, 10).

⁶ Николаев Всеволод (1909–1990-е) — болгарский историк, специалист по палеографии. Академик. Профессор Института истории Болгарской академии наук (1951–1957). В 1957 г. бежал за границу (Югославия), в эмиграции в Италии, Бельгии, США. Профессор университетов в Левене и Нью-Йорке.

⁷ Речь идет о цикле статей В. Николаева, посвященном Ивану IV (Николаев В. Опричнина // НРС. 1977. 13 ноября. № 24423. С. 2; 27 ноября. № 24425. С. 2; 18 декабря. № 24443. С. 2; 1978. 15 января. № 24467. С. 2; 29 января. № 24479. С. 7; 12 февраля. № 24491. С. 2, 7; 12 марта. № 24515. С. 2, 7; 2 апреля. № 24533. С. 2; 16 апреля. № 24545. С. 2, 7; 7 мая. № 24563. С. 2; 28 мая. № 24581. С. 8; 18 июня. № 24599. С. 2).

⁸ Речь идет о цикле статей В. Николаева, посвященном Екатерине II (Николаев В. Детство и юность Екатерины Великой // НРС. 1978. 23 июля. № 24629. С. 2; 13 августа. № 24647. С. 2; 27 августа. № 24659. С. 2; 17 сентября. № 24677. С. 2; 1 октября. № 24689. С. 7, 8; 15 октября. № 24701. С. 2; 5 ноября. № 24719. С. 2; 19 ноября. № 24731. С. 2, 7; 10 декабря. № 24749. С. 2, 8; 31 декабря. № 24767. С. 2; 1979. 21 января. № 24785. С. 2; 4 февраля. № 24797. С. 2, 8; 18 февраля. № 24809. С. 7, 8; 4 марта. № 24821. С. 7; 18 марта. № 24833. С. 2; 1 апреля. № 24845. С. 2, 7; 15 апреля. № 24857. С. 7; 6 мая. № 24875. С. 2; 20 мая. № 24887. С. 2; 3 июня. № 24899. С. 2, 7; 17 июня. № 24911. С. 2; 1 июля. № 24923. С. 2; 15 июля. № 24935. С. 2; 29 июля. № 24947. С. 2; 12 августа. № 24959. С. 2; 26 августа. № 24971. С. 2; 9 сентября. № 24983. С. 2; 23 сентября. № 24995. С. 2).

Екатерина II Алексеевна Великая (урожд. София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская; Sophie Auguste Friederike von Anhalt-Zerbst-Dornburg; 1729–1796) — императрица всероссийская (с 1762).

⁹ Речь идет о цикле статей В. Николаева, посвященном Борису Годунову и Лжедмитрию I (Николаев В. Борис Годунов и Лжедмитрий // НРС. 1979. 4 ноября. № 25031. С. 2; 18 ноября. № 25043. С. 2; 25 ноября. № 25049. С. 2; 2 декабря. № 25055. С. 2; 16 декабря. № 25067. С. 2–3; 30 декабря. № 25079. С. 2; 1980. 13 января. № 25091. С. 2, 7;

27 января. № 25103. С. 2, 8; 10 февраля. № 25115. С. 2, 8; 24 февраля. № 25127. С. 2; 9 марта. № 25139. С. 2).

Годунов Борис Федорович (1552–1605) — боярин. Шурин царя Федора Иоанновича. Фактический правитель Московского царства (1587–1598), царь всея Руси (1598–1605).

¹⁰ Утверждение В. Николаева о разделе Польши в 1772 г. по инициативе Екатерины II см.: Николаев В. Детство и юность Екатерины Великой // НПС. 1979. 17 июня. № 24911. С. 2.

¹¹ Инициатором раздела Речи Посполитой выступил прусский король Фридрих II, стремившийся компенсировать расходы России в войне против турок и настаивавший на отказе России от претензий на Молдавию и Валахию. На стороне Пруссии выступила Австрия, что сделало позицию России уязвимой, страна не была готова к новому военному конфликту. 19 февраля 1772 г. в Вене была подписана секретная конвенция о разделе Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австрией. В начале августа войска трех стран вошли на территорию Речи Посполитой, и 5 августа был оглашен манифест о разделе. Конвенция о разделе была ратифицирована 22 сентября 1772 г.

Фридрих II Великий (Friedrich II, der Große; 1712–1786) — король Пруссии (с 1740).

№ 72

Г.А. Хомяков — Н.Е. и Дж. Андреевым

Бейвилл, 1 апреля 1980 г.

1 апреля 1980 г.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ¹, дорогие Николай Ефремович, Джилл и все наследующие им! Веселых свент!² — как Эли говорит.

Скрипя и поскрипывая (уже от возраста), доскрипели еще до одной Пасхи. Погода здесь ни то ни се, на весну не похоже, но похожей на нее в этих краях вообще не бывает. Весна бывает только у нас, настоящая, без подделки. Еще на Польшу распространяется (по доброте нашей), бывает, до Берлина достает, а дальше — не то.

Был я у Вас считанные часы и не заметил, есть ли у Вас тургеневский диван-самосон³ (у меня есть), — но, по всем данным, должен быть, никак не обходиться Вы без него.

Это я, понятно, к тому, что мои горячие призывы воодушевить Вас никак не могут: все воодушевление, наверно, самосоном отнимается. Уместно сказать: встань, проснись, подымись! И напиши что-нибудь выдающее[ся]!

Призывать приходится, теперь уже по обязанности. О[тец] Ал[екса]ндр запряг меня в журнал основательно, — тот, от редактирования которого Вы ловко или не очень сумели отказаться. Как знаете, теперь Оболенского совсем нет⁴, но он еще в конце прошлого года отказался, не мог больше работать и по старости, и по болезни. Я взялся только потому, что кому-то работать надо?

Это наше несуслазное чувство, будто отвечаем за что-то и нельзя от работы уходить.

Издатель торопил, они с предыдущим выпуском задержались, и надо наверстывать опоздание, иначе подписчики улетучатся, даже малые числом. И я из имевшегося материала уже собрал следующий номер, 9-й, он уже и набран, надо ехать опять в Нью-Йорк, проверять остатки набора, верстку, заголовки: типография не шибко профессиональная, зато дешевле других. Но слабый номерок получился! А где материал возьмешь? Нету его, Вы самосоном увлекаетесь.

Повторяю, мои предложения Вы горделиво не замечаете, — а может, они все же имеют смысл? Печатать по частям? Во всяком случае, как хорошо бы было, если бы взяли некую тему, уже изложенную Вами на англиском, и переложили бы ее на православную мову⁵, и прислали мне для журнала. За такой подвиг просто орден Вам определили бы!

А в самом деле, — с Филофеем надоел я, наверно, Вам, но Вы говорили, что по-английски он у Вас есть, — вот и переложите. Поставьте себе задание: каждый день две-три странички — и оглянуться не успеете, как статья будет готова. Кстати, учтите: читатель давно забыл, что в Кембридже обитает такой историк Андреев, знают только, что такой критик есть — или крытик — а об историке слухом не слыхали. Вам и надо свое реноме восстанавливать.

Между прочим, Бахрак мне писал, что был у него «сибиряк» (Седых) и сказал, что не мог не дать Вашу статью о второй книжке Бахрака, но что статья ему не понравилась. Как и мне, — помните, писал Вам об этом? Вы не обиделись ли случаем на мое ворчанье?

Да, надо бы расшевелиться, — хочу и Ульянова расшевелить⁶, хотя он тоже — тяжелая артиллерия, сдвинуть трудно.

Пожелаю еще раз весело встретить праздники. По этому поводу Джилл должна сильно смягчить винно-водочный надзор за Вами. Приезжайте к нам, здесь мы как-нибудь за спиной Джилл «опрокинем по одной и больше»!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Пасха в 1980 г. приходилась на 6 апреля.

² Ошибка Г.А. Хомякова. Веселых свент! (от польск. *Wesołych Świąt Bożego Narodzenia!*) — традиционное поздравление на Рождество.

³ Широкий и удобный диван по прозвищу Самосон, на котором любил спать Увар Иванович Стахов — герой романа И.С. Тургенева «Накануне» (1860).

⁴ Князь С.С. Оболенский умер 18 марта 1980 г. близ Версаля.

⁵ Мова (укр.) — язык. Православная мова — русский язык.

⁶ Г.А. Хомякову не удалось привлечь Н.И. Ульянова к сотрудничеству в «Русском возрождении».

№ 73

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 18 мая 1980 г.

<...>¹ когда Вы обнаруживаете в почте эту серо-голубую открытку, уже внутри что-то екает, возникает некоторая тошнота, и Вы думаете: опять какая-нибудь неприятность, опять Г.А. с чем-нибудь пристаёт. И Вы правы в этой своей догадке: конечно, с чем-то неприятным пристаю. С тем, что хочу, чтобы Вы меньше времени отдавали «самосону» и ни в чем и ни капли не уподоблялись незабвенному Илье Ильичу². И это при всем признании мною заслуг и глубокой правоты сего литературного героя, считающегося отражением нашего национального лица, во что я не очень верю.

Да, конечно пристаю, ибо Вы не выполняете своих давних обещаний: где статья о Филофее? А когда-то Вы обещали, что напишете ее, вернее, даже только переработаете, ибо она у Вас есть на аглицком. Словом: — долой с самосона! За работу!

Этому требованию теперь еще одно основание есть: недавно мне передали, что положением с журналом интересуется «сам»³ и хотел бы установить с нами непосредственный контакт. Посему написал я ему и позавчера получил в ответ большое письмо⁴. Пишет, что действительно принимает близко к сердцу, что с журналом, и хотел бы, чтобы он стал авторитетным и т.д. и т.п. Тем более в свете той кампании, которую ведут теперь не столько даже в русской, сколько в иностранной печати третьи и левые, обвиняя Россию и русских во всех грехах. С начала след[ующего] года обещает печатать у нас отрывки из «Марта семнадцатого»⁵, над которым продолжает работать. Послал даже некое пожертвование на журнал и пишет, что, если надо будет, может увеличить.

Вот такие дела, — по-моему, очень обязывающие. Поднимать уровень журнала — это значит прежде всего привлекать хороших авторов с хорошими и серьезными статьями. До сих пор самыми хорошими в журнале были статьи Ильина⁶, — теперь предлагается и Вам вступить в число «первых авторов». Вы, кстати, полушуточно жаловались, что Вас никогда никуда не приглашали, — отрезаю Вам путь к продолжению таких жалоб. Да Вам и со всех точек зрения надо писать: я уже писал Вам как-то, что о существовании русского историка Андреева, пребывающего в Кембридже, в эмиграции крепко забыли. Освежите публике память! И присылайте, что можете: рядом с Солженицыным будут Ваши статьи — тогда и поднимется авторитет журнала, у колыбели которого, кстати, стояли и Вы. Я, может быть, и не согласился бы тогда с просьбой о. Александра войти в «редсовещание», если бы он не сказал, что в редакции будете и Вы. Так что не скрывайтесь в кусты, номер этот не пройдет.

А как вообще дела? Что с глазами вряд ли лучше, могу поверить. Федосеев как-то писал, что даже вроде бы и секретаря Вам сыскал, но не знаю, как и что.

Шлем наши приветы Джил, Вам и всему дому! Благополучия ему!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф. Датируется по содержанию.

¹ Начало письма отсутствует.

² Обломов Илья Ильич — главный герой романа И.А. Гончарова «Обломов» (1859). Символ лени и бесплодных мечтаний.

³ А.И. Солженицын.

⁴ См.: Г.А. Хомяков — А.И. Солженицыну, 10 мая 1980 г.; А.И. Солженицын — Г.А. Хомякову, 16 мая 1980 г. // Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове.

⁵ Публикация отрывков из романа А.И. Солженицына «Красное Колесо» (Узел III. Март Семнадцатого) началась в «Русском возрождении» с 1981 г. (Солженицын А.И. Из Узла III «Март Семнадцатого» (Двадцать седьмое февраля) // РВ. 1981. № 14. С. 5–26).

⁶ В журнале «Русское возрождение» до момента принятия Г.А. Хомяковым на себя обязанностей редактора вышло две работы И.А. Ильина (Ильин И.А. О монархии // РВ. 1978. № 1. С. 189–228; № 2. С. 186–231; № 3. С. 135–180; № 4. С. 114–171; Он же. О демонизме и сатанизме // Там же. 1979. № 7–8. С. 251–261).

Ильин Иван Александрович (1883–1954) — философ, писатель, публицист.

№ 74

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 3 июня 1980 г.

3 июня 1980 г.

Дорогой Николай Ефремович, получил Ваше «огорчительное письмо» от 27.⁵¹ — наверно, на мое тоже огорчительное или таким принятое Вами. Ничего не могу сказать: все написанное Вами основательно и законно. Положение у нас, конечно, не очень завидное: работали-работали (не считая того, что сидели), — а теперь, «в преклонном возрасте», сидим если и не на мели, то и не на очень большой глубине: не разойдешься. Что же сделаешь: как раз вчера говорил с о. Александром по телефону, намекнул и о том, чтобы отдельным лицам платить хотя бы небольшой гонорар, — куда, говорит, что на типографские расходы если будет набираться, то уже хорошо. Как Вы хорошо знаете, публика эта прижимистая, нередко излишне и ненужно. Но я не издатель, денег у меня нет, и эти вопросы не в моем ведении.

Что там у А.П., не знаю, могу лишь предполагать: он считает, что у него всегда все пишется и придумывается превосходно, — ан на деле не всегда так.

Но это обычное: отличный электроник — он считает, что и во всем он может отлично разбираться, обычное заблуждение таких лиц.

Может быть, я все же был прав, когда писал Вам, что, если бы Вы давали отдельные очерки, мы «тискали» бы их тоненькими выпусками, а потом собирали в книгу², — может, так и стоило бы поступить. Можно сделать и так: подготовьте текст доклада, который будете делать в Лондоне, прибавьте еще два-три подобных текста — и я постараюсь тиснуть все это книжицей. Вон Ульянов выпустил сборник, Вы хоть и недовольны им, говорили, что «политику сует», — а мне на днях говорили, что в Москве его высоко оценили. А там особенной рю-сю-сюскиной³ размазни нету.

У меня на очереди два проекта: вдова Варшавского давно уже писала, что хочет издать его «Родословную большевизма» (он перед операцией дописал ее), у нее и деньги на это есть⁴. Жду, когда придет рукопись. И Поплюйко написал — о детях Достоевского⁵, говорит, что собрал интересный неизвестный материал (в частности, по переписке, хранящейся за границей и доселе неизвестной) — обе эти книжки обещают быть «ходовыми»⁶. Такая же была бы и Ваша.

А «оттуда» приходит нередко такое, что руками разводишь. На днях получил большую выписку из московского одного письма, как Ю.П. Иваск говорит, от тамошних «культурников». И сии культурники начинают со стенаний, — ах, какие мы плохие, у нас ведь и рыцарства не было. Наши «западники» сумели так отлакировать западную историю, что кто же на обратную сторону медали смотрит. Кодекс чести, благородство, трубадуры и менестрели⁷, рыцарские турниры, — а рыцарский разбой? В Европе без охраны в Средние века ездить было нельзя, рыцари грабили. В каждом уважающем себя замке была «фольтеркамер»⁸ с самыми изощренными пыточными орудиями, — а мы стонали: ах, жестокое Московское государство, в железы брали, на дыбу вздергивали, — да мы пригодились были по сравнению с пыточных дел мастерами Запада. И вывод: «Москва была воплощением зловещего и непобежденного в нашей истории этнического начала»⁹ — это будто по Федотову (и Салтыкову, но я что-то совсем не слышал о его книге «Две России», вышедшей в Берлине или Париже в 22-м году¹⁰), — а что же в киевский период это начало не проявлялось? И какое начало, если сами русские — смесь десятка «этнического винегрета»? И Новгород как-то это начало избежал. На мой взгляд, беда в том, что славная партия Ленина — Сталина не дала нам заняться как следует и своей историей, и западной, о которой у нас больше сюсюкания, пустого восхищения, лакировки, чем трезвого к ней отношения.

Конечно, все это — публицистика, но вопрос о необходимости пересмотра и выработки достаточно трезвого взгляда надо было бы, вероятно, ставить историку. Это все продолжение «бердяевщины», — помните Н.И. Осипова? Мы с ним когда-то определенно решили, что Бердяев напрасно изменил семейной традиции и не пошел в гусары¹¹, — он и в философии часто был гусаром. В брошюре Осипова «Клевета друзей», о Бердяеве, много дельного, но написана она именно публицистом, до такого верха не достает.

И развитие ясно: большевизм, Сталин — наследие Москвы. Внешние сходства легко найти (тут москвичи даже на Ходасевича¹² ссылаются — и на Б.К. Зайцева, тоже каким-то боком забравшегося не в свою область). Но ведь суровость московского режима, складывавшегося во время еще татарского ига, диктовалась задачей освобождения, что тогда было делом колоссальной трудности (а у нас все объясняется просто, влечением к деспотизму, «этническим началом»), — в Европе тем временем рыцари грабили и пытали всего лишь ради того, чтобы легче и пьянее жить. А Москва сталинская возродила Москву Ивана Третьего¹³ потому, что марксизм-ленинизм-сталинизм взвалил на Россию еще более тяжкую задачу — подчинение мира «построению коммунизма». Для такой задачи тоже потребовалось полное закрепощение и самые разнообразные дыбы, — а разные Эткинды все твердят, что это от русского варварства. А историки в это время (чувствуете, в чей огород булжжик?) говорят, что они выше всей этой публицистики, к их академичности это не подходит. Боюсь, что это Вас аглики заморозили так, что Вы на «современность» не хотите откликаться.

Кстати, не думаю, чтобы читатель засыпал над «сухой ученостью»: он ведь очень разный, читатель. А кроме того — баловать его, по западному преподносить ему одну пошлость, заливающую теперь всякие западные «иллюстрирте»¹⁴, — на это не равняюсь. Любопытно кстати, какая трансформация произошла: когда-то не только наша интеллигенция, а и дворянство считало, что народ надо «поднимать до себя», и пропись «ученье — свет» как стояла высоко и была бесспорной, — теперь все расплывается и «просветители» сами распластываются перед толпами и лишь развращают их. Это, наверно, и есть демократия? Словом, эпоха просвещения давно кончилась, остались огрызки просветительства.

Это, однако, совсем другая опера, и я напрасно в нее заехал. О таких темах писать можно бесконечно, да что же Вам надоедать, заставлять Вас всю эту ерунду читать. Бывайте здоровы, привет Джилл и всем наследникам!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Указанное письмо не обнаружено.

² Проект издания очерков по истории России за авторством Н.Е. Андреева не осуществился.

³ От фр. *rus* — русский.

⁴ Варшавская Татьяна Георгиевна (урожд. Дерюгина; 1923–2019) — переводчик. Жена В.С. Варшавского.

Варшавский В.С. Родословная большевизма / предисл. А.Д. Шмемана. Р., 1982.

⁵ Упомянутое письмо не обнаружено.

Поплюйко-Натов Анатолий Иванович (наст. фам. Поплюйко; псевд. А. Натов, А. Иванов; 1909–1999) — экономист, демограф, публицист.

У Ф.М. Достоевского было четверо детей: София (1868–1868), Любовь (1869–1926), Федор (1871–1922), Алексей (1875–1878). По всей видимости, Г.А. Хомяков ошибся: тему «Ф.М. Достоевский и его дети» разрабатывала литературовед, жена А.И. Поплюйко Надежда Анатольевна Натова (1918–2005), результаты исследований которой были опубликованы в «Русском возрождении» (Натова Н.А. Ф.М. Достоевский и его дети // РВ. 1981. № 13. С. 43–59). Сам А.И. Натов-Поплюйко изучал иконографию Ф.М. Достоевского (см. примеч. 6).

⁶ Книга В.С. Варшавского «Родословная большевизма» вышла в издательстве «УМСА-Press». Книга А.И. Натова-Поплюйко была издана «Товариществом зарубежных писателей» (Иванов-Натов А. [А.И. Поплюйко]. Иконография Ф.М. Достоевского. [Bayville, N.J.], 1981).

⁷ Трубадур (*фр.* troubadours) — средневековый поэт-музыкант (XI–XIII вв.). Менестрель (*фр.* ménestrier; *англ.* minstrel) — поэт-музыкант эпохи Средневековья и раннего Возрождения.

⁸ Фольтеркамер (*нем.* Folterkammer) — застенки, камера пыток.

⁹ Найти источник цитаты не удалось.

¹⁰ Салтыков Александр Александрович (1872–1940), граф — поэт, философ, историк культуры.

Салтыков А. Две России: национально-психологические очерки. Мюнхен, [1922].

¹¹ Ошибка Г.А. Хомякова: отец Н.А. Бердяева А.М. Бердяев служил в кавалергардах, дед М.Н. Бердяев — в кавалергардах, конно-егерских, уланских и казачьих частях.

¹² Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939) — поэт, литературный критик, мемуарист.

¹³ Иван III Васильевич (1440–1505) — великий князь московский (с 1462).

¹⁴ Иллюстрирте (от *итал.* illustrare) — иллюстрированные издания.

№ 75

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 21 июня 1980 г.

21 июня 1980 г.

Дорогой Николай Ефремович, получив рукопись¹, я троекратно крикнул (про себя, ибо нет слушателей) ура-ура-ура! — и не бросил в воздух чепчик² только из-за неимения оногo. А пробежав быстро полученное, обрадовался еще больше; хорошо написано, четко, ясно, хорошие краткие и «железные» формулировки. Сие писание прибавляет Вам славы, ежели Вы нуждаетесь в прибавке; во всяком случае, оно Вас достойно.

Вот какие дифирамбы Вам воспел, — однако заслуженные, ни малейшего подхалимажа (да и зачем бы он был между нами) в нем нету.

Только единственная строчка малость остановила разбег, — очень пере-кликающаяся с клюквенной водой Сахарова, нагороженной недавно им в большой статье в Н[овом] р[усском] с[лове] о всяком «ненасильственном дей-

стве»³, — для левого студента западного такое подошло бы, а для сурьезного мужа, как Сахаров, — краснеть ему за свой мармелад. Строчка эта на самой последней странице, где говорится: Перед нами — проблема объединенной Европы (гут⁴, только с [19]50 года она нимало с места по сути дела не сдвинулась), а дальше путь к единому мировому государству⁵. Что Вы это тогда сказали — ладно, честь Вам и хвала, тогда такая декламация была очень даже уместна, и даже наверно нужна, — а теперь смахивает на детскую сказочку, веры не внушающую.

А если заменить как бы так (или вроде этого) — путь (необходимый) к новому мировому общежитию, в таком духе. И резкого противоречия с переводами не будет: могли перевести чуть иначе, чем было сказано, это обычная вещь. Если не возражаете, то подумайте, как лучше в таком роде что сформулировать. Оно и очень даже реально: наши дурни нет-нет да и болтнут что-нибудь об империи, — слово это пока что, видимо, забыть надо, а что образуется, стихийно, в том мы не виноваты. А какое-то «сожителство» образуется.

Сопроводит[ельный] очерк — хорошо, но коротко, да он и не нужен длинный. Можете в нем обрадоваться: эх, сколько лет прошло, а все осталось по-старому и эти западные дураки даже с места не сдвинулись. И писание Ваше будет в пандан⁶: сейчас были две мои статьи на сходные темы, и того больше — Солженицына⁷. Поэтому думаю, что редакционного комментария и не надо будет⁸: мы в этой и смежных темах погрязли по уши.

Дела наши сейчас такие: 9-й журнал (сделанный уже мною, но из запаса, очень скудного) вышел 12 июня. 7-8-й был двойной, его делал еще Оболенский в Париже. Но произошел такой случай: вдруг приехал Авторханов, с которым у нас отношения наибольшего благоприятствования, и пришлось ему дать и 7-8-й и 9-й, так что у меня не осталось. Сказать в Нью-Йорк — пока там соберутся, может много воды утек. Я поеду в понедельник или вторник (сегодня суббота) туда, возьму эти журналы и pošлю Вам по воздуху.

10-й я тоже уже собрал, он почти весь и набран. Солженицын предложил напечатать его статью из «Фореин Афферс»¹⁰, была весной, — она длинная, на 54 стр[аницы], но нужная, этакая декларационная. К ней подобрал остальное: журнал тощий, всего на 160 стр[аниц] (издатели — знаете кто, они всегда жмутся). Торопимся мы потому, что надо наверстать опоздание, образовавшееся еще в Париже. 10-й надеемся выпустить к 1.8 — и сейчас же сяду за 11-й, чтобы вышел не позже сентября или октября, — тогда все получится в срок. В 11-й и пойдет Ваше писание.

Еще раз спасибо! Приветы наши Джилл, и Вам, и наследникам!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Н.Е. Андреев прислал русский оригинал своего выступления на учредительной конференции Конгресса за свободу культуры (1950). Текст доклада был напечатан в 1950 г. на английском языке в виде пятистраничной брошюры ([*Andrejew N.*] Russia and Europe. [Berlin, 1950]. Брошюра представляла собой перепечатку из машинописных материалов конгресса (Congress-Paper. № 27)). В «Русском возрождении» доклад Н.Е. Андреева был напечатан в № 11 (*Андреев Н.Е.* Россия и Европа: (Тезисы 1950 года) // РВ. 1980. № 11. С. 5–12).

² Отсылка к крылатому выражению из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: «Кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали» (д. 2, явл. 5).

³ *Сахаров А.Д.* Тревожное время // НРС. 1980. 13 июня. № 25221. С. 3; 14 июня. № 25222. С. 3.

⁴ Гут (нем. gut) — хорошо.

⁵ *Андреев Н.Е.* Россия и Европа: (Тезисы 1950 года). С. 11–12.

⁶ От фр. pendant — в дополнение.

⁷ *Солженицын А.И.* Коммунизм: у всех на виду — и не понят // РВ. 1980. № 9. С. 3–11; Он же. Персидский трюк // Там же. С. 12–14; *Андреев Г.* [Г.А. Хомяков]. Уточнение позиций: записки эмигранта // Там же. С. 98–116). Какую вторую статью имел в виду Г.А. Хомяков, установить не удалось.

⁸ Публикация текста Н.Е. Андреева была сопровождается послесловием от редакции ([*Хомяков Г.А.*]. От редакции // РВ. 1980. № 11. С. 12–13).

⁹ *Солженицын А.И.* Чем грозит Америке плохое понимание России // РВ. 1980. № 10. С. 5–56. Первоначально статья была опубликована в «Фореин Аффферс» (*Solzhenitsyn A.* Misconceptions about Russia are a Threat to America // Foreign Affairs. 1980. Vol. 58, № 4. P. 797–834).

«Foreign Affairs» — американский ежеквартальный журнал о международных отношениях, выходящий с 1922 г.

№ 76

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 10 июля 1980 г.

10 июня 1980 г.

Дорогой Николай Ефремович,
письмо Ваше датировано 3 июля¹ — и о получении книжек Вы в нем ничего не пишете. А я послал Вам №№ 7–8 и 9-й журнала ажно 25 июня по воздуху, — может, опять пошли на волах? Это несчастье, что делается с этой страной, она разваливается, и, кажется, все быстрее. Хвастовство технологией — пустое, вон до Тегерана долететь не сумели². Здесь недавно, обсуждая, как сделать, чтобы почта работала быстрее и лучше, один остроумец предложил... посылать работникам почты их зарплату — по почте, авось это подействует. Ваше предложение о замене «мирового правительства» (или государства) «миро-

вым единством», по-моему, очень удачно: в том же стиле и смысл почти тот же. Примечание тоже подходит³, хотя не совсем понятно, — от кого оно? Т.к. написано «безлично», видимо от редакции.

Но надо и что-то еще: почему вдруг даем документ 30-летней давности? И тут, может быть, и с лирикой можно что-то подпустить: будто несется жизнь быстро и стремительно, — ан вон 30 лет прошло, а вопросы, в сущности, все те же! Или почти те же⁴. Изменилось ли «понимание»? Смотря у кого. У политиков и их советников — не очень. И Пайпс⁵ (будто бы будущий эксперт по советским делам у возможного республиканского президента⁶), и Бжезинский⁷ судят о сути мирового противостояния в «бердяевском плане»: дело не в марксизме, а в русском империализме. Но вон французские историки вроде бы прозрели и ни Кюстина, ни Бердяева всерьез брать не хотят, что очень интересно (была статья в Р[усской] мысли недавно о «Судьбах славян» Жана Бэсс⁸, профессора истории).

Так вот, займетесь «лирикой» (но можно и без нее)? Или придется изображать нечто мне? У Вас лучше бы получилось, «квалифицированно», а у меня выйдет любительски. Но если придется, ничего не попишешь, придется что-то написать.

10-й номер сдается в печать, тороплю, чтобы вышли еще в июле, но не знаю, как удастся. О Власове там будет небольшой очерк, о его приезде в Ригу⁹, ничего особо интересного, малость даже «иконописно». От Солженицына получил очень интересный очерк¹⁰, из самиздата, просто исключительный, но большой, еще не знаю, как будем публиковать. Пришлось бы растянуть на год, с продолжениями. Предложил напечатать начало, а потом тиснуть книжкой, страниц на 140 вышла бы¹¹. Не знаю еще, как решится. А очерк — такого еще не было!

Вы, наверно, уже к морю собираетесь. Не завидую только потому, что нам некуда и незачем в этом смысле собираться: живем у моря!

Принимайте наши приветы и живите благополучно!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Упомянутое письмо не обнаружено.

² Г.А. Хомяков имеет в виду неудачную военную операцию «Орлиный коготь» по освобождению американских граждан, ставших заложниками после исламской революции в Иране (1979). Операция продлилась один день, 24 апреля 1980 г., и окончилась полным провалом: на заброшенном аэродроме рядом с Тегераном, который использовался американским спецназом, при дозаправке один из вертолетов врезался в самолет-заправщик, в результате чего погибли 8 американских солдат. Операция была отменена.

³ Никакие авторские примечания не были добавлены к публикации доклада Н.Е. Андреева «Россия и Европа».

⁴ Обоснование актуальности доклада Н.Е. Андреева см.: [Хомяков Г.А.]. От редакции // РВ. 1980. № 11. С. 12.

⁵ Пайпс Ричард (Pipes; 1923–2018) — историк.

⁶ Выборы президента США 4 ноября 1980 г. выиграл кандидат от республиканской партии Р. Рейган (Reagan; 1911–2004). В администрации Р. Рейгана Р. Пайпс возглавлял восточноевропейский и советский отдел Совета национальной безопасности (1981–1982).

⁷ Бжезинский Збигнев (Brzezinski; 1928–2017) — политолог, социолог. Советник по национальной безопасности президента США Дж. Картера (1977–1981).

⁸ Бэсс Ж. Судьбы славян // РМ. 1980. 5 июня. № 3311. С. 12.

Бэсс Жан (Besse; р. 1948) — французский историк.

⁹ Генерал Власов в Риге: воспоминания морского офицера. Апрель 1943 г. // РВ. 1980. № 10. С. 96–105.

Власов Андрей Андреевич (1901–1946) — военачальник. Генерал-лейтенант РККА (1942). Попал в плен (1942). Главнокомандующий вооруженными силами, председатель Комитета освобождения народов России (1944–1945). Казнен.

¹⁰ Речь идет о работе экономиста и писателя Льва Михайловича Тимофеева (р. 1936) «Технология черного рынка, или Крестьянское искусство голодать» (конец 1970-х гг.).

¹¹ Тимофеев Л.М. Технология черного рынка, или Крестьянское искусство голодать / [вступ. ст. Г. Андреева]. [Bayville, N.J.], 1981.

№ 77

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 24 августа 1980 г.

Отв[ечено]¹

24 августа 1980 г.

Дорогой Николай Ефремович,

не ответил на Вашу «заметку» от 28.⁷² по занятости и по суете сует, но, в общем я дал к Вашим «тезисам» тоже такое же по смыслу примечание (конечно, от редакции³), но только гораздо длиннее (у Вас времени было много, а у меня полный кнап⁴ тогда был, и я что-то начертил первое, что в голову пришло, даже и копии не оставил). Для 11-го, где будут «тезисы», все уже набрано, но еще не имею оттисков и не знаю, как там все «звучит», может, еще и переделаю.

10-й наконец и напечатали, обещали сброшюровать и доставить на днях, что, вероятно, и совершится: тянули уже долго, пора честь знать.

В 11-м кроме Вашей рукописи будет начало присланной Солженицыным работы «оттуда» под названием «Технология черного рынка, или Крестьянское искусство голодать»⁵, — такого еще не было ни в Москве, ни в эмиграции, очень хорошая и значительная вещь. Прислал он еще на днях другую, другого автора (я его окрестил «историософом»), тоже очень интересная — три главы

из его книги «Мысли о России» — и талантлива достаточно, и мысли есть интересные⁶. Будет еще статья С. Левицкого⁷, потом из большой работы о Церкви во время войны на оккупированной территории⁸ и прочее. Журнал обещает быть интересным, намечаю я его на конец сентября — начало октября, выход, а какова будет милость типографии, не знаю.

В 12-м основными материалами будут те же из «Технологии рынка»⁹, глава еще из «Мыслей»¹⁰, отрывок из Церкви под оккупацией¹¹ и отрывок большой из записок Ильина о революции¹², а кроме того — Солженицына ответ его критикам статьи в Форейн Афферс¹³ (той, что у нас в № 10). Так что тоже обещает быть содержательным. Вот и Вам бы надо чем-нибудь присоединиться. Т.к. Вы все равно уже оскоромились, будете в № 11-м, скоромьтесь и дальше.

Есть у меня к Вам деловой вопрос такого сорта. В одной из глав «историсофа», названной «Первый русский утопист»¹⁴ — он же Петр Первый (главе интересной с отнюдь не банальными мыслями), есть смущающий меня пассаж, ибо о таком я, признаться, никогда не слышал и не читал. Автор сей пишет: (цитата): «Петр поставил себя вне России не по фатальной необходимости, как Иван Грозный, а по влечению своей натуры. ...Этот совершенно русский по крови человек будто вовсе и не был русским. Насколько можно судить по историч[еским] фактам, при всех своих государств[енных] авантюрах он никогда не испытал колебаний, сомнений или просто человеческой жалости. Однажды, когда он был в Голландии, ему попала на глаза машина для отсечения головы. Он очень заинтересовался ею, как всю жизнь интересовался всякими механизмами, и обратился к местным властям с просьбой продемонстрировать работу машины. Ему ответили, что сейчас нет ни одного приговоренного к смерти и надо подождать. — Зачем ждать, — воскликнул Петр, — давайте отсечем голову одному из моих солдат! Затем он приказал первому попавшемуся солдату пойти на плаху и с любопытством наблюдал действие машины. Так же поступал он и с Россией. Как князь мира сего он пошел много дальше Ивана...» — вот об этом «голландском эпизоде» мне не доводилось слышать¹⁵. — А что Вы знаете на этот счет? М[ожет] б[ыть], придумал для вящей убедительности своей мысли? В таком и Бердяев был мастак. Это меня и смущает малость, не слишком ли прыток. Можно этот отрывок и выбросить, но, м[ожет] б[ыть], был такой факт, тогда жаль выбрасывать.

Не знаю, не на море ли Вы сейчас предаетесь отдохновению. У нас лето вроде бы кончается, — а было оно какое-то свирепое; жара стояла весь июль и часть августа, даже ветерка с океана не было. Это первый раз было такое за восемь лет, что мы здесь живем. Не к войне ли?

Шлем наши приветы всем!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Написано рукой Н.Е. Андреева.

² Упомянутое письмо не обнаружено.

³ См. примеч. 3 к письму 76.

⁴ От нем. кпарт — недостаток времени.

⁵ Тимофеев Л.М. Технология черного рынка, или Крестьянское искусство голодания // РВ. 1980. № 11. С. 14–43.

⁶ Речь идет о математике и философе Викторе Николаевиче Тростникове (1928–2017). В «Русском возрождении» были помещены отрывки из его книги «Мысли о России» (конец 1970-х) (Тростников В.Н. О духовном делании: главы из книги «Мысли о России» // РВ. 1980. № 11. С. 44–63).

⁷ Левицкий С.А. Миссионизм, не мессианизм! // РВ. 1980. № 11. С. 77–90.

⁸ Алексеев В.И., Ставру Ф. Русская православная церковь на оккупированной немцами территории // РВ. 1980. № 11. С. 91–118.

⁹ Тимофеев Л.М. Технология черного рынка, или Крестьянское искусство голодания // РВ. 1980. № 12. С. 43–89.

¹⁰ Тростников В.Н. Трагедия Ивана Грозного: (из книги «Мысли о России») // РВ. 1980. № 12. С. 90–106.

¹¹ Алексеев В.И., Ставру Ф. Русская православная церковь на оккупированной немцами территории // РВ. 1980. № 12. С. 108–126.

¹² Записки И.А. Ильина о революции не появились в № 12 «Русского возрождения». Они были опубликованы лишь через 2 года (Ильин И.А. О революции // РВ. 1983. № 23. С. 45–118).

¹³ Солженицын А.И. Иметь мужество видеть: полемика в журнале «Форэн Аффэрс» // РВ. 1980. № 12. С. 5–31. Первоначально статья появилась на английском языке: Solzhenitsyn A. The Courage to See // Foreign Affairs. 1980. Vol. 59, № 1. P. 196–210. Солженицын отвечал на критику американских ученых, помещенную в том же номере журнала (см.: Mr. Solzhenitsyn and His Critics // Ibid. P. 187–196). В «Русском возрождении» критические замечания американцев было принято не печатать полностью, а давать в пересказе (см.: Климов А. Обзор полемических откликов на статью А.И. Солженицына «Чем грозит Америке плохое понимание России»: (критический очерк) // РВ. 1980. № 12. С. 32–42).

¹⁴ Упомянутая глава не была напечатана в «Русском возрождении».

¹⁵ Данный эпизод относится к числу недостоверных. В.Н. Тростников заимствовал сюжет о несостоявшемся колесовании в Кенигсберге, скорее всего, из пропагандистской брошюры И.М. Василевского (Не-Буквы) (Василевский И.М. [Не-Буква]. Романовы: Портреты и характеристики. Пг.; М., 1923. С. 115). По всей вероятности, материал для конструирования упомянутого утверждения дали три факта Великого посольства: а) первая покупка Петра при выезде из России в конце апреля 1697 г. — палаческий топор (мамура), б) попытка казни четырех стольников из «северной» группы в сентябре 1697 г., которую царю не позволили провести голландцы, в) присутствие в ноябре–декабре 1697 г. на публичной казни с последующей анатомической лекцией на трупе (см.: Богословский М.М. Петр I: материалы для биографии / под ред. В.И. Лебедева. Л., 1941. Т. 2: Первое заграничное путешествие, ч. 1 и 2:

9 марта 1697 — 25 августа 1698 г. С. 43–44, 172–173; Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697–1699 гг., веденный состоявшим при Великом посольстве русском к владетелям разных стран Европы / подгот. текста, вступ. ст., примеч. Н.Д. Блудилиной // Россия и Запад: горизонты взаимопознания: литературные источники первой четверти XVIII века / редкол.: Е.Н. Лебедев (отв. ред.) и др. М., 2000. Вып. 1. С. 187–188; *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути, 1697–1698. СПб., 2008. С. 282, 314).

№ 78

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву
Бейвилл, 5 сентября 1980 г.

Отв[ечено]¹

5 сентября 1980 г.

Дорогой Николай Ефремович,

Замок, что и говорить, импозантный. А Вы при чем? Хвастаетесь им, будто он Вам принадлежит. Кстати, из этой открытки только узнал, что в Англии, оказывается, тоже Нормандия² есть. Мало ли что, что ее норманны завоевали³, могли такой след и не оставить.

Вопросы Вы задаете трудные: кто же скажет, когда номер с Вашей статьей появится? 10-й я собрал в июле и был убежден, что в августе его напечатают, — ан успели только в сентябре, только что вышел. Теперь, когда на первом плане господин трудящийся (а вернее, босс профсоюза), редактор предполагает, а типография располагает. 11-й журнал у меня готов, и считаю, что в октябре он может выйти, — ежели на то будет типографская воля. Она может и так сделать, что выйдет только в ноябре, — кто же знает и скажет?

Но Вы, полагаю, можете так написать: напечатано в № 11 журнала Р[усское] в[озрождение], 1980 — и все будут сыты и целы.

Открытка Ваша датирована 27 августа⁴, — а 24-го я послал Вам письмо, найдете его, когда вернетесь на свою дорогу (на Хантингдон-род). Там у меня один важный для меня вопрос, хорошо, если черкнете коротко ответ, без задержки.

По открытке судя — все у Вас хорошо, благополучно и Вы благодумствуете в самой середке семьи, аки этакий паша, довольный миром и собой. Этак просто позавидовать можно!

Однако, господин паша, не забывайте все же о существовании нас грешных и думайте иногда, что бы нам еще прислать, для журнала. За Вами, помните, и должок есть: Филофей, инок. А я тут просидел дней десять за расшифровкой записок И.А. Ильина, надо бы привести их в читаемый вид. Его «наши круги» очень ценят, — есть и за что, но есть у него и такое, за что ценить нечего. Но хранитель его архива⁵ настаивает, чтобы печатать все, что я не хотел бы: есть у

него записи от явного незнания, даже и обывательщиной отдающие, что снижает впечатление и от других, очень дельных и нередко метких, сильных. Не знаю еще, что придумаю, как печатать.

Шлем с Эли лучшие пожелания всем!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись и вставки — автограф.

¹ Написано рукой Н.Е. Андреева.

² Речь идет о замке Рестормел (Restormel Castle) — одном из четырех из наиболее важных замков норманнской эпохи в Корнуолле (долина реки Фоуи, вблизи Лоствит-хила). Заложен ок. 1100 г., в дальнейшем неоднократно перестраивался. Ныне — в руинированном состоянии; место, популярное среди туристов.

³ Норманнское завоевание Англии — вторжение в Англию армии герцога Нормандского Вильгельма в 1066 г. и последующее подчинение страны.

⁴ Упомянутая открытка не обнаружена.

⁵ Имеется в виду философ и публицист Николай Петрович Полторацкий (1921–1990), специалист по творчеству И.А. Ильина, неустанный пропагандист и публикатор работ последнего. Архив И.А. Ильина с 1966 по 2005 г. находился на депозитарном хранении в отделе специальных коллекций библиотеки Мичиганского штатского университета (Ист-Лансинг). В 2006 г. архив Ильина был передан в отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова.

№ 79

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 23 ноября 1980 г.

23 ноября 1980 г.

Дорогой Николай Ефремович,

Что-то десятая книжка Р[усского] в[озрождения] долго до Вас добиралась. А я просил, чтобы послали Вам по воздуху. Наверно, сэкономили.

Вообще же все стало двигаться как на волах или даже медленнее. Во времена даже не Чехова, а Антоши Чехонте¹ у нас, на Нижней Волге, чумаки, т.е. украинцы (называли их у нас «тавричанами»), на быках возили лес на низовья Дона, на Кубань, Северный Кавказ до постройки железных дорог, и звали их — «хохол-мазница», ибо ходили они часто с «квачами», чтобы смазывать колеса телег, — и были они от[ча]янными медлителями. Но теперь, в век всяческих скоростей, включая космические, они кажутся чуть ли не рекордсменами скоростей, до того народ разленился и работать даже чуть побыстрее не желает. И типографы (относящиеся, как помните, к «товарищам-переплетчикам») побивают тут все рекорды. № 11-й давно уже я сделал, давно он и набран, — а до сих

пор не готов. И боюсь даже думать, выйдет ли на днях. Такая медлительность всякую прыть способна убить.

Приготовил я и № 12, он тоже набран больше чем наполовину. Выйдет 11-й, примусь за 13-й. Тороплюсь, чтобы хоть этим подгонять типографию, — но общую-то тенденцию не подгонишь!

Однако, все это так, вроде бы в виде вступления. Сказать по правде, предложение Ваше прислать некролог о Зернове² большего энтузиазма у меня не вызвало. И не потому, что может вызвать возражения у издателей, а — о нем уже много писали. Человек, несомненно, был почтенный, — может, конечно, Вам удадутся в связи с ним некие узоры в стиле Возрождения? Тогда другое дело. С упором не на некрологиальную сторону, даже при забвении о ней, — может быть, будет вполне оправданно.

Возражения вызываются другим. В 11-м будет начало двух интересных вещей советских авторов (рукописи присланы АИС³). Одна — исключительная, такой еще не было ни здесь, ни там, и без ересей, хотя издателям не очень кажется к чему; а другая с ересями. Другая — прямо по Вашей части, и надеюсь, что, когда прочтете, откликнетесь.

В целом это — «Трагедия Ивана Грозного», но в № 11 будет еще начало, без ересей, — а вторую, в 12-м, пришлось сопроводить большим примечанием⁴, на малое издатели не согласны. Но это, понятно, будет не скоро: 12-й выйдет, вероятно, не раньше конца января, а то и позже. И если что у Вас написано бы раньше, было бы отлично.

Слышал я краем уха, что энергичная страх как бабочка Шаховская затеяла какой-то сборник, в коем и Вы будете⁵, — вот это Вас интересует. А дела Возрождения российского, считаете Вы, могут подождать или без Вас обойтись, что, по-моему, ошибочно.

Издатели мои, понятно, «свою линию» гнут. Как-то сказали: журнал посвящен подготовке к 1000-летию Крещения, и земельная реформа ему — до лампочки. Возражаю: но называется Р[усское] возрождение, во что входят тысячи вопросов, включая земельную реформу и лампочки. Этот раунд был за мной, но вообще-то победить не могу, могу лишь «изворачиваться». А зачем это мне, не знаете, случаем? Поэтому временами уже корю себя, что согласился. Я как-то написал Солженицыну, что согласился, потому что некому работать, он аж взъелся: как это некому? Это не могу принять, в смысле понять⁶. Ибо он еще на московский лад думает, где людей — пруд пруди, только работать не дают.

Как, переселяться сюда не собираетесь? У Вас же вроде бы вот-вот социализм воцарится. Нам, впрочем, жить уже мало осталось, но даже и мысль об этом страшит. Приветы наши Джил и всему семейству, и бывайте здоровенькие!

Ваш Г. Хомяков

Звонил типограф, говорил, что № 11 выйдет завтра-послезавтра. Как получу, pošлю Вам.

ЛА ЕНА. Машинопись, приписки и подпись — автограф.

¹ Антоша Чехонте — псевдоним писателя и драматурга Антона Павловича Чехова (1860–1904). Данным псевдонимом А.П. Чехов подписывал свои произведения в конце 1870-х – 1880-х гг.

² Предложение Н.Е. Андреева прислать некролог Н.М. Зернова содержалось в не дошедшем до нас письме. Некролог не был опубликован в «Русском возрождении», а был помещен в «Новом русском слове» (см. примеч. 2 к письму 80).

Зернов Николай Михайлович (1898–1980) — русский богослов, философ, общественный деятель. Эмигрант.

³ Здесь и далее АИС — А.И. Солженицын.

⁴ [Хомяков Г.А.]. От редакции // РВ. 1980. № 12. С. 107.

⁵ Андреев Н.Е. О русской литературной Праге: (Отрывки из воспоминаний) // Русский альманах = Almanach russe / сост. Р. Герра, Е. Терновский, З. Шаховская. Париж, 1981. С. 332–350.

⁶ Упомянутые письма Г.А. Хомякова А.И. Солженицыну и А.И. Солженицына Г.А. Хомякову пока не обнаружены.

№ 80

Н.Е. Андреев — Г.А. Хомякову
Кембридж, 9 декабря 1980 г.

9–XII–1980

Дорогой Геннадий Андреевич,
только что получил «Русское возрождение», № 11 и тороплюсь сердечно поблагодарить Вас за редакторский комментарий — и за самый факт обнаружения русского оригинала «Тезисов». С удовольствием отвечаю, что тезисы эти можно было бы защитить и в громадном томе.

Спасибо Вам также и за писание от 23–XI (отосланное 24 ноября). Как только я справлюсь с текущими английскими нагрузками, я попробую удовлетворить Вас: Филофей и Грозный — оба могут быть «поданы» как строители империи¹. Эта тема мне очень близка, и без нее историю России не осилить. Спасибо за Ваше настаивание: это оказание кредита мне.

Ваш Ник[олай] Андреев

P.S. Некролог «Н.М. Зернов» вернулся (я послал его в августе) 17 ноября — «за ненахождением Нов[ого] русск[ого] слова» (!). Я послал его опять в редакцию, и на днях он напечатан в усеченном виде (!) в сей газете...² Тема для фельетона!

Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы. Автограф.

¹ Названные статьи не были подготовлены Н.Е. Андреевым для журнала «Русское возрождение».

² Андреев Н.Е. Памяти Н.М. Зернова // НРС. 1980. 2 декабря. № 25368. С. 4.

№ 81

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 28 января 1981 г.

28 января 1981 г.¹

Дорогой Николай Ефремович, как текут дни? Как Бог грехам терпит? У меня время проходит в трудах и заботах, хотя, как я говорю, нам полагалось бы уже на печке сидеть, а за отсутствием оной — на диване-самосоне. Да вот все не получается.

Письмо это, собственно, предпринято для подбодрения Вас, хотя начало его невольно получилось другим. Наш главный и набольший, лауреат и прочее², прочтя 11-й номер, о Ваших «тезисах» отозвался очень одобрительно и даже о давности сказал, что это очень хорошо, именно подчеркивает, что вопрос остается актуальным.

Понравилась ему и статья Левицкого, и он просил меня передать нашему философу привет и благодарность, что я и сделал. Философ отвечал³, чтобы я отписал (чего я еще не сделал), что для него похвала эта — как нектар и что-то еще в этом роде. Ну, на то он и философ, сродни поэтам. А Вы, по Вашему отделу, обязаны сохранять хладность ума и чувств, почему сообщение мое черствости Вашей, наверно, не тронет.

А надо бы, чтобы тронуло. Почему — понятно: опять взываю о помощи. Дела такие: 12-й журнал уже сдан в печать, обещают сделать через неделю, дней через десять, но, может, и надуют, им не привыкать.

Собрал я и 13-й, половина его уже и набрана, может быть, он и выйдет в срок, этак в конце марта. В марте надо будет 14-й сдавать в типографию, — а у меня в так называемом «портфеле редакции», коего, признаться, и нет, как в чистом поле — ни единой рукописи! И откуда взять? Посему объявляю «большой аларм»⁴.

Как у Вас, в ворохах бумаг, не залежалось ли что? Я уже о Филофее не вспоминаю, не обязательно их, но что-либо другое? Туго в самом деле выходит. Хотя удивительного ничего нет, и я знал, что будет туго. Но раз взялись, надо везти.

Трудность еще в том, что перешли в другую типографию, а она за те же деньги берется делать в большем объеме журнал, страниц на 240. 13-й, из имевшегося материала, сделан на 224, — а на следующий и не знаю, что делать, из чего его собирать. Так что, если есть что, присылайте, очень прошу.

Как с глазами дела? Получше стало или как? У Струве тоже с глазами беда, — катаракт, и надо ждать еще, кажется, до мая, только тогда будут делать операцию. А пока, пишет, еще как-то стучать на машинке немного может, а читать нет, жена ему читает. Но ему 81 уже⁵. Только Гуль продолжает держаться. У меня объяснение сему одно: он злой, а злые крепко держатся. Урок: нельзя быть добрым, не проживешь долго. Впрочем, неизвестно, что лучше.

Шлем наши приветы Джилл, Вам и всему семейству. Оно еще в сборе или уже — кто куда? Что же, так полагается.

Бывайте здоровы!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, приписки и подпись — автограф.

¹ На левом поле написано: «АИС[олженицын]».

² Имеется в виду лауреат Нобелевской премии по литературе А.И. Солженицын.

³ Упомянутое письмо С.А. Левицкого Г.А. Хомякову не обнаружено.

⁴ Аларм (от *англ.* alarm) — тревога.

⁵ Ошибка Г.А. Хомякова. В момент написания письма Г.П. Струве было 82 года.

№ 82

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 21 апреля 1981 г.

21 апреля 1981 г.

Воистину Воскресе, дорогой Николай Ефремович!

Весь клан кембриджских Андреевых сердечно поздравляем с праздником Воскресения Христова!¹

Встречать Вы отправились в любезный Вам Корнуэл. Взглянув на открытку², я ощутил, как мурашки побежали по спине: там же небось тоже холод, как у нас! У нас совсем пока дрянно: зима была холодная и долгая и теперь еще не прошла, — ночью 2–3 градуса мороза, по Цельсию конечно.

Что Вы не забываете не обязательной обязанности помнить не только о нас с Эли, но и о своем обещании писать для журнала — очень похвально. Сомнения только берут в отношении сроков: соберется ли, пока выходит журнал? Кончатся он не собирается, но все под Богом ходим и под грузом наших лет, — а может, я успею к тому времени кончиться? чего не бывает! А из молодых вышел давно.

Вы пишете, что, «как только полегчает с *англ*[ийскими] *нагрузками*», — разве Вас так уж англичаки продолжают эксплуатировать? Вы же пенсионер?³ Конечно, Вы в английском мире по макушку и глубже погружены, но каким-то боком можно и высвободиться.

Мне все советуют обратиться еще к Ульянову, да он в глубоком пессимизме и решительно ничего писать не желает. А какой толк в сем чувстве может быть! Впрочем, в чем он, толк, в наши времена, тоже не так-то видно.

12-й журнал, сильно подпорченный типографом, Вам послали давно. Типограф, зная, что от него уходим, перестал работать с журналом, почему даже вторую корректуру не сделал, фото Власова к иконописным иллюстрациям подвтерстал⁴ и т.п. Теперь делаем в другой типографии⁵, где и объем увеличили:

13-й будет опять на 240 страниц, а 14-й, вероятно, и на 256⁶. 13-й давно готов, но товарищи переплетчики никак брошюровку не закончат. Завтра-послезавтра обещают доставить. 14-й пока только набран, в нем будут и отрывки из работы АИС, над которой он продолжает трудиться, — из «узлов»⁷. Он помогает журналу и своим материалом, и рукописями «оттуда», что очень кстати. Я ему давно не раз писал, что «поднять» журнал можно лишь привлечением работ «из дома», ибо здесь мало кто остался из первой и второй эмиграций⁸, — а к третьей он и сам относится без большого одобрения. С основанием, конечно.

Сейчас с их стороны ведется явная работа над «обезоружением» и распылением прошлой работы эмиграции. Готовится, между прочим, составление новой «русской энциклопедии», от февр[аля] [19]17 года и до наших дней⁹. Редколлегия — все «третьи», от Аксенова¹⁰ до Эткинды. Есть только два из первой эмигр[аци], из второй никого, — Мейендорф¹¹ и Шмеман¹², считающиеся американцами. Народу много — человек 30–40, и все из «бывших» (семей), — можно представить, какое освещение истории революции и послед[ующего] будет дано. А задумано — как верное справочное средство для всех иностранцев. Я смеюсь, говоря, что на такое издание деньги охотно дадут и из Москвы.

Однако, закругляюсь. Пишите — не только открытки и письма. И не обязательно что обширное и фундаментальное, от чего тоже, конечно, не откажемся, но на что надеяться трудно. Разве мало у Вас из написанного и не такого уж объемного? В общем — пишите. И принимайте наши приветы всем и лучшие пожелания!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

¹ В 1981 г. православная Пасха приходилась на 26 апреля.

² Упомянутая открытка не сохранилась.

³ Н.Е. Андреев вышел в отставку в Кембриджском университете с 30 сентября 1975 г.

⁴ В № 12 журнала «Русское возрождение» портрет А.А. Власова, сопровождавший рекламу труда о. А. Киселева (*Киселев А. Облик генерала А.А. Власова: (записки военного священника)*. 2-е изд., доп. N.Y., [1980]), был помещена на с. 191, сразу после воспроизведения фотографий росписей в церкви Св. Троицы (см.: Часть работ по росписи Св.-Троицкой церкви в Бруклине, Нью-Йорк // РВ. 1980. № 12. С. 188–190).

⁵ С № 9 по № 12 журнал «Русское возрождение» набирался и печатался в типографии «Литературное зарубежье» (Линден-Хилл-Стейшн, штат Нью-Йорк). С № 13 производство журнала было размещено в фирме «Computoprint Corporation» (Клифтон, штат Нью-Джерси).

⁶ № 13 и № 14 журнала «Русское возрождение» вышли с заявленным Г.А. Хомяковым объемом.

⁷ *Солженицын А.И.* Из Узла III «Март Семнадцатого» (Двадцать седьмое февраля) // РВ. 1981. № 14. С. 5–26.

⁸ Упомянутые письма Г.А. Хомякова А.И. Солженицыну пока не обнаружены.

⁹ О намерении подготовить «Российскую энциклопедию» в семи томах, в которой «будут представлены правдивые сведения о России с февраля 1917 года», заявил во

второй половине марта 1981 г. диссидент и издатель В.Н. Чалидзе (1938–2018). Каждый том энциклопедии должен был быть тематическим: история государственных институтов, право и социальные проблемы, национальные проблемы и международные отношения, религия и религиозные движения, литература и искусство, наука и образование, персоналии. Чалидзе призывал к сотрудничеству авторов, как эмигрантов, так и проживавших в СССР (см.: Чалидзе В. Российская энциклопедия будет издана в Нью-Йорке // НРС. 1981. 19 марта. № 25460. С. 3).

¹⁰ Аксенов Василий Павлович (1932–2009) — писатель, переводчик, драматург.

¹¹ Мейендорф Иоанн Феофилович (1926–1992) — церковный деятель, богослов, византинист. Протопресвитер Православной церкви в Америке.

¹² Шмеман Александр Дмитриевич (1921–1983) — церковный деятель, богослов. Протопресвитер Православной церкви в Америке.

№ 83

Г.А. Хомяков — Н.Е. Андрееву

Бейвилл, 1 октября 1981 г.

1 октября 1981 г.

Дорогой Николай Ефремович,

часа два тому звонил о. Александр и просил сообщить Вам вот о чем (сам он торопился на самолет: куда-то улетает по синодским делам¹ до 9.10): звонил ему с аэродрома сын Ваш², спрашивал, не может ли у него поместиться. О[тец] Ал[ексан]др сказал мне, что как раз у него места не было, кроме какого-то чулана в подвале, о чем он и сказал Вашему сыну (не знаю, кто это, Михаил или другой³). Через какое-то время тот еще раз позвонил и сказал, что устроился на ночевку там же на аэродроме — и больше о. Ал[ексан]дру не звонил. Между тем теперь, как сказал он мне, у него освободилось место, но он не знает, где Ваш наследник, и не может ему об этом сообщить. Это все, что он просил Вам передать, что и исполняю.

Некоторое время назад получил от Вас еще одну красочную открытку⁴, — Вы, м[ожет] б[ыть], полагаете, что, чем красочнее, тем Вам легче откупиться. А на меня краски не действуют: у нас сколько их тут! Меня, понятно, другое интересует, да Вас ведь на него не раскachaешь. Вы все «касаетесь» — чего Вас на эти касания тянет, признаться, не пойму. И далеко не всегда одобрить могу. Недавно увидел, как Вы распелись о книге Гуля⁵, — читать перестал. Я же говорю: паршивая эта первая эмиграция, все о себе самой расписывает, да как еще заливается, просто соловьиные трели. А то, что он наврал там три короба, — это вроде бы в порядке вещей. Ишь ты, как о своей работе скромно написал: был только вроде бы техническим работником в «Накануне»⁶. А что с докладами разъезжал, уговаривая возвращаться «домой», где все стало хорошо, — об этом промолчал. Сам небось не вернулся, только книжки там издавал⁷. В Германии есть еще люди из тех, кто слушал эти доклады. Один говорил мне: послушав Гуля, двое его друзей вернулись, — всех через некоторое время расстреляли. А наш герой — побывал

в Ледяном походе⁸ и перепугался насмерть: там же стреляют! Убить могут. И одним из первых дал ходу в эмиграцию⁹, где тоже умел устраиваться. И стучать умел: другой рассказывал, что Гуль настучал на него ам[ерикан]цам, и те его не пустили в США. Тип это невероятно дрянный, так сказать всесторонне, — а ему хвалы воспевают. Не за что.

Продолжаю возиться с журналом, ощущая всю трудность дела этого. Как-никак наладил им, но с удовольствием уже сдал бы дело¹⁰: все труднее становится. К сожалению, никак не молодеем, а с годами все больше устаешь. Да Гуль вон тянет, а ему еще на десяток лет больше, — да он, как я говорю, злой, а злые злостью своей держатся, что он и делает, и невероятной самовлюбленностью, что тоже его отличает. А у меня оба эти качества достаточно умеренные, почему и не хватает их, чтобы ими жить. Кстати, было у меня и письмо, Вас малость пропесочивающее¹¹. Что он там, писали мне, все о том же, что у нас демократическая практика тоже была — земские соборы, новгородское вече и т.п. — он бы лучше написал, как Москва все это под корень вывела. Вятское княжество было почти республикой, — тоже все ростки демократичности цари выкорчевали¹². Вот о чем надо писать, чтобы учились люди, а не хвастать и т.п. Не писал я Вам и об этом письме, — толку ведь все равно не было бы. А интересных материалов нет, и как бы они были нужны.

Шлем наши приветы Джилл, Вам и молодежи, коя с вами. Живите благополучно и богато!

Ваш Г. Хомяков

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

---

¹ Имеется в виду Архиерейский синод Русской православной церкви за границей — исполнительный орган Собора Зарубежной церкви. Создан в 1922 г. как Временный заграничный архиерейский синод Русской православной церкви.

Отец А. Киселев был председателем Комиссии по подготовке празднования 1000-летия Крещения русского народа, созданной Синодом.

² М.Н. Андреев.

³ У Н.Е. Андреева было два сына: Николай (р. 8 марта 1959) и Михаил (р. 26 октября 1962).

⁴ Упомянутая открытка не сохранилась.

⁵ Андреев Н.Е. По касательной: («Я унес Россию» Романа Гуля) // НРС. 1981. 26 июля. № 25571. С. 2. — Рец. на: Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. Нью-Йорк, 1981. Т. 1: Россия в Германии.

⁶ «Накануне» — ежедневная общественно-политическая газета, выходившая в Берлине в 1922–1924 гг. Центральный печатный орган сменовеховцев.

⁷ В течение 1920-х гг. у Р.Б. Гуля в СССР вышло три книги (Гуль Р.Б. Ледяной поход: (С Корниловым) / предисл. Н.Л. Мещерякова. М.; Л., 1923; Он же. Белые по черному. М.; Л., 1928; Он же. Жизнь на фукса. М.; Л., 1927).

⁸ Ледяной поход (1-й Кубанский поход) — первый по времени поход Добровольческой армии, с 9/22 февраля по 30 апреля / 13 мая 1918 г., от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон. Р.Б. Гуль принимал участие в Ледяном походе рядовым в составе Корниловского ударного полка.

⁹ Г.А. Хомяков несколько пристрастен в описании биографии Р.Б. Гуля: осенью 1918 г. Гуль покинул Добровольческую армию и отправился в Киев, где служил в Киевской офицерской добровольческой дружине генерала Л.Н. Кирпичева и в Русской армии. После захвата Киева С.В. Петлюрой Гуль был пленен и в начале января 1919 г. вывезен немецким командованием в числе других военнопленных на территорию Германии. Весь 1919 г. Гуль провел в лагерях для военнопленных, после освобождения в 1920 г. поселился в Берлине.

¹⁰ Уход Г.А. Хомякова из журнала «Русское возрождение» состоялся в начале февраля 1982 г. и был связан с попытками контроля его редакторской деятельности со стороны издающего учреждения, Комиссии по подготовке празднования 1000-летия Крещения русского народа, и прежде всего ее председателя о. А. Киселева. В последний раз Хомяков официально был указан в качестве главного редактора журнала в № 16 за 1981 г., хотя, судя по письмам к А.И. Солженицыну, он полностью подготовил № 17 и частично № 18 за 1982 г. (Г.А. Хомяков — А.И. Солженицыну, 31 января 1982 г., 9 февраля 1982 г. // Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы).

¹¹ Упомянутое письмо Р.Б. Гуля Г.А. Хомякову не обнаружено.

¹² Земский собор — русское высшее сословно-представительное учреждение для обсуждения политических, экономических и административных вопросов, включавшее в свой состав выборных представителей от всех слоев населения, за исключением крепостных крестьян (середина XVI – конец XVII в.). Новгородское вече — форма государственного управления в Новгородской боярской республике, сфера компетенции которого варьировалась на протяжении всего существования (первое упоминание — 1016 г., ликвидировано в 1478 г.). Утверждение о Вятском княжестве как вечевой республике базировалось на сведениях из «Повести о стране Вятской», историческом произведении, созданном в конце XVII – начале XVIII в. Основные факты «Повести...» не находят подтверждения в исторических источниках, современных описываемой эпохе.

Судя по утверждению Г.А. Хомякова, в обнаруженном письме Р.Б. Гуль критиковал Н.Е. Андреева за поиски начатков демократии, в то время как сам Гуль делал упор на тоталитарных традициях в русской истории.

№ 84

Г.А. и Э.О. Хомяковы — Н.Е. Андрееву
Бейвилл, 10 декабря 1981 г.

Дорогой Николай Ефремович!

Почта в этой стране крайне ленива, но и строга: предписала посылать поздравительные только до 10-го. В будущем поздравлять, наверно, будут за год вперед.

Письмо Ваше давно получил, но дел у меня больше чем надо, писучих, а силенок не прибавляется, с годами. Могу, конечно, поблагодарить за разъяснение разницы между мемуарами и историч[ескими] трудами, да к чему это мне? И мемуарист, понятно, может врать, — а зачем пишущему о его вранье, зная об этом, ему еще подвирать? На сей предмет правил никаких нету.

Да ладно было бы, и я к Вам «не приставал», пока с глазами у Вас плохо было. Но ведь когда-то было мне сказано, что журнал будет выходить при Вашем ближайшем или как участии, — а Вы вон разливаетесь соловьем по всем касательным и дальше ни гугу! А зачем обещали? И не мне, а о. Александру. А мне опять одному тащить этот воз, когда, повторяю, силенок уже не остается. С удовольствием сдал бы ношу эту, да некому.

Должен возразить только вот на что: никогда о Гуле доброго слова я сказать не мог, просто, что называется, физически (места еще малость на конце осталось).

С чего бы меня на такое потянуло? Я и ему прямо говорил, что для коллегиальной работы он не годится. Он мог еще слушаться, например, Карповича¹, а чуть, по его мнению, ниже — тут он сразу хам. Во второй раз он через Ржевского действовал, уверяя, что уже никак один работать не может. А дело было так (и остается так): мы видели, что цель его — доказать, что только он может вести Н[овый] ж[урнал], и никто другой. И что когда он выдохнется совсем, и журнал закроется. Но он не закроется, а попадет к третьим, только и всего, что мы и хотели предотвратить. Так он затеял интригу, участвовать в ней мне совсем было ни к чему, и мы снова «разошлись». Это трижды скверный человек, почему отозваться о нем даже только сносно я никак не мог, это Вы с чем-то другим спутали.

Ну, хватит. Против Ваших касательных ничего бы не имел — пишите себе на здоровье, — да жаль, что на такую мишуру время и силы тратите.

Привет!

Г. Хомяков

10.12.81

Все семейство кембриджских Андреевых сердечно поздравляется с наступающими праздникам!

Э. и Г. Хомяковы

ЛА ЕНА. Машинопись, приписки и подпись — автограф. На поздравительной открытке.

---

¹ Г.А. Хомяков намекает на деятельность Р.Б. Гуля в качестве ответственного секретаря «Нового журнала» при главном редакторе М.М. Карповиче.

Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) — историк, дипломат, публицист. Главный редактор «Нового журнала» (1946–1959).

Г.А. и Э.О. Хомяковы — Дж. Андреевой
Бейвилл, 1 марта 1982 г.

1 марта 1982 г.

Дорогая Джилл!

Вчера вечером позвонили нам из Нью-Йорка и сообщили просто ошеломившую нас новость: что на днях скончался Николай Ефремович¹. А я только на днях читал его статью в «Русской мысли» об историке Шефтеле² и хотел даже написать ему в связи с этой статьей. А его, оказывается, уже нет!

Горе Ваше и Вашей семьи мы с Эли представляем — и от всего сердца выражаем Вам и детям самое искреннее наше и горячее сочувствие, вместе с Вами всеми болея об этой неожиданной утрате. Мы столько времени знали друг друга!

Я говорю Эли, что совсем беда: начинают уходить люди из нашего круга, близкие и по возрасту. Конечно, все мы стареем, все вступили, как теперь говорят, в «призывной возраст», да это не утешение. Я недавно вроде бы даже с некоторым недоумением подумал: а ведь я уже десять лет на пенсии, какой же я, следовательно, старый! И здоровье ухудшается, из-за возраста и худого здоровья работать стало тяжело, и я недавно отказался редактировать журнал³, который когда-то был задуман, чтобы его редактировал и Николай Ефремович. Два года я работал с ним, выпустил восемь журналов, — довольно, пора и честь знать.

Хотел бы я написать немного о Николае Ефремовиче, но — «третьи» совсем вытеснили нас из нашей печати, которую они называли теперь «русско-язычной». Может быть, впрочем, найду еще место, где напечатать⁴.

Если кто из Вашей молодежи (или Вы сами) будете в наших краях и захотели бы несколько дней отдохнуть у моря — приезжайте. К нам, правда, как Вы знаете, из Нью-Джерси не близко, два часа, но добраться можно без большого труда, на автобусе, они идут к нам каждый час (я теперь тоже езжу на автобусе: на машине стало слишком утомительно).

Еще раз — наши искренние соболезнования и пожелание поскорее и возможно безболезненнее справиться с таким огромным горем!

Ваши Эли и Г. Хомяковы

ЛА ЕНА. Машинопись, подпись — автограф.

---

¹ Н.Е. Андреев скончался 25 февраля 1982 г. в Кембридже (Великобритания). Сообщение о кончине Н.Е. Андреева было помещено в «Новом русском слове» ([25 февраля 1982 г. внезапно скончался дома историк и искусствовед Николай Ефремович Андреев] // НРС. 1982. 28 февраля. № 25757. С. 1).

² Андреев Н.Е. Историку М. Шефтелю — восемьдесят лет // РМ. 1982. 11 февраля. № 3399. С. 11. Статья в «Русской мысли» была перепечаткой из «Нового русского слова» (Андреев Н.Е. М.Ю. Шефтелю — восемьдесят лет // НРС. 1982. 6 февраля. № 25738. С. 4).

Шефтель Марк Юрьевич (Szeftel; 1902–1985) — историк.

³ Речь идет о журнале «Русское возрождение».

⁴ Г.А. Хомяковым был подготовлен некролог Н.Е. Андреева, однако поместить его удалось лишь в провинциальной «Русской жизни» (Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. Памяти Н.Е. Андреева // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1982. 15 апреля. № 9816. С. 10; 16 апреля. № 9817. С. 9). Хомяковские обвинения представителей третьей волны в узурпации средств массовой печати, которые не позволяли напечатать некролог Н.Е. Андреева в центральных органах эмигрантской печати, преувеличены. Многочисленные некрологи историка в ведущих эмигрантских изданиях принадлежали представителям первой и второй волн, а также иностранным ученым (перечень некрологов см.: Некрологи // Андреев Н.Е. То, что вспоминается. С. 684–685).

**«...ЗАИНТЕРЕСОВАНЫ В ПРИВЛЕЧЕНИИ
К УЧАСТИЮ В АЛЬМАНАХЕ НАИБОЛЕЕ ЦЕННЫХ СИЛ»:
ПЕРЕПИСКА Д.И. ЧИЖЕВСКОГО И Г.А. ХОМЯКОВА, 1960–1965 гг.**

*Подготовка текста, вступительная статья и комментарии
П.А. Трибунского и В.В. Янца*

Аннотация: Публикуется переписка между славистом Д.И. Чижевским и писателем, редактором альманаха «Мосты» Г.А. Хомяковым за 1960–1965 гг. В переписке обсуждались вопросы привлечения Д.И. Чижевского к сотрудничеству в «Мостах».

Annotation: The correspondence between the slavist D.I. Tschizewskij and writer, editor of the almanac «Mosty» G.A. Khomjakow (1960–1965) is published. The correspondence discussed the involvement of D.I. Tschizewskij into participation in the almanac «Mosty».

Ключевые слова: Д.И. Чижевский, Г.А. Хомяков, альманах «Мосты».

Key words: D.I. Tschizewskij, G.A. Khomjakow, almanac «Mosty».

Переписка между философом, славистом, историком религиозных учений Дмитрием Ивановичем Чижевским (1894–1977) и дипийцем писателем, редактором альманаха «Мосты» Геннадием Андреевичем Хомяковым (псевд. Г. Андреев, Н. Отрадин; 1906–1984) охватывает сравнительно небольшой период времени — с 1960 по 1965 г. Она посвящена попыткам привлечения Д.И. Чижевского к сотрудничеству в упомянутом альманахе, увенчавшимся публикацией в 1965 г. его статьи «О платонизме в русской поэзии» (см. примеч. 1 к письму 6). Переписка имела исключительно деловой и эпизодический характер, завершившись сразу после публикации вышеозначенной статьи. Отчасти это было связано с тем, что за привлечение Чижевского в круг авторов альманаха ратовал общий знакомый обоих корреспондентов философ Ф.А. Степун, 80-летию которого и была посвящена статья Чижевского. Степун был инициатором, объединяющим звеном и центральной темой этой переписки, а после его внезапной кончины 23 февраля 1965 г., но главное — из-за неопределенности дальнейших перспектив издания альманаха, — исчез основной мотив для продолжения переписки.

Упоминание имени Г.А. Хомякова в переписке Чижевского со Степунем крайне редко. Так, 5 мая 1962 г., вероятно реагируя на просьбу Степуна, он лапидарно отвечал: «Хомякову постараюсь выслать кое-что»¹. А 27 мая 1964 г. Чижевский сообщал: «Для “Мостов” я по соглашению с Хомяковым дам не статью о Вас (писать вторую и “иначе”, конечно, трудновато и времени нет), но на какую-то интересную тему и посвящу ее Вам; от редакции будет краткая заметка, по какому поводу Вам посвящается статья»².

Обращение к Д.И. Чижевскому с просьбой написать статью о Ф.А. Степуне не было случайным. Накануне своего юбилея Степун неоднократно сетовал на то, что писать о его творчестве, кроме Чижевского и нескольких немецких друзей, было некому. Случилось так, что в 1964 г., с разницей всего в месяц в Мюнхене торжественно отмечалось 80-летие Степуна, а в Гейдельберге — 70-летие Чижевского, во время празднования которых друзья обменялись яркими поздравительными речами, содержащими краткое изложение творческих биографий друг друга. Тексты их были напечатаны в других русских эмигрантских изданиях, и повторять те же самые факты в «Мостах», может быть в иной компоновке или с другими акцентами, Чижевский посчитал невозможным и ненужным, предложив вариант статьи на свободную тему с посвящением юбиляру.

Письма публикуются в соответствии с правилами современной орфографии с сохранением особенностей авторского стиля. Сокращенные и пропущенные слова восстановлены. Письма Хомякова публикуются из фонда Д.И. Чижевского в библиотеке Гейдельбергского университета. Оригиналы писем Чижевского и несколько отпусков писем Хомякова публикуются из фонда Хомякова в архиве Дома русского зарубежья им. А. Солженицына.

---

¹ Д.И. Чижевский — Ф.А. Степуну, 5 мая 1962 г. // Beinecke. F. Stepun papers. Box 34, folder 1173.

² Д.И. Чижевский — Ф.А. Степуну, 27 мая 1964 г. // Ibid.

№ 1

Г.А. Хомяков — Д.И. Чижевскому

4 марта 1960 г., Мюнхен

4 марта 1960 г.

Мюнхен

Многоуважаемый Дмитрий Иванович, одновременно с этим письмом мы послали Вам третий номер альманаха «Мосты»¹, — первые номера, насколько я знаю из разговора с Федором Августовичем Степуном², Вы видели? Если у Вас нет их, можем послать.

Третий номер дает, по-моему, достаточное представление о характере этого издания, и дальше мы будем выпускать его примерно так же. Круг сотрудников наших постепенно расширяется, но мы естественно заинтересованы в привлечении к участию в альманахе наиболее ценных сил, находящихся «по эту сторону». Поэтому обращаемся и к Вам: не можете ли Вы принять участие в нашем альманахе присылкой Ваших статей, которые мы ценим и которые всегда интересны?

Наш альманах — постоянное издание (насколько постоянно все в нашей эмиграции в эти годы); в прошлом году мы выпустили два номера, — теперь хотим выпускать три раза в год, сократив альманах до 300 страниц, чтобы уменьшить промежутки между выходом отдельных номеров. Четвертый номер уже собран и сдается в набор; за ним сразу будем собирать материал для пятого. И если Вы примете наше предложение, будем рады видеть Ваши работы в этом альманахе.

С искренним уважением

Г. Хомяков

(Хомяков Геннадий Андреевич, редактор альманаха)

G. Homjakow

ZOPE³ — Büro

München 19

Renatastr[asse] 77

Heid. Hs. 3881. Abt. C. Buchstabe C (und Ć): 1. Kasten — Ca-Cz. Mappe 4: Chomjakov G.A. Машинопись, подпись и приписки — автограф.

¹ «Мосты» — литературно-художественный и общественно-политический альманах, выходивший в 1958–1970 гг. (Мюнхен, Нью-Йорк).

² Степун Федор Августович (1884–1965) — философ, историк, общественно-политический деятель, писатель, друг Д.И. Чижевского с 1920-х гг.

В № 3 альманаха «Мосты» (1959) была напечатана статья Ф.А. Степуна «Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции» (с. 171–188).

³ ZOPE — Центральное объединение послевоенных (с 1957 г. политических) эмигрантов из СССР (ЦОПЭ) — политическая организация, объединявшая невозвращенцев и перемещенных лиц (1952–1963).

№ 2

Г.А. Хомяков — Д.И. Чижевскому

31 июля 1962 г., Мюнхен

31 июля 1962 г.

Мюнхен

Глубокоуважаемый Дмитрий Иванович, некоторое время тому назад, в разговоре на обеде у Федора Августовича, Вы обещали дать для «Мостов» рецензию на одну книгу, вышедшую по-немецки, о «восточной церкви»¹. Вы сказали тогда, чтобы летом я напомнил Вам об этом.

Это я и делаю; повторяю, что будем признательны за рецензию и напечатаем ее, дело остается за малым: получить ее от Вас.

Говорили мы тогда, правда весьма предположительно, и о том, не могли бы изредка писать для «Мостов» Ваши ассистенты², — Вы рассказывали о некоторых темах, над которыми они работают. Это все интересно, — а для них, возможно, было бы интересно, если бы со статьями об этих работах или выдержках из работ они могли бы появиться в русском журнале³. Будем очень благодарны Вам, если это устроится.

Рад был познакомиться с Вами — и уверен, что могу рассеять Ваше убеждение в том, что будто бы «русские журналы не хотят печатать» Вас (Ваши слова) простым путем: напечатав то, что пришлете.

С искренним уважением

(Хомяков Геннадий Андреевич, редактор «Мостов»)

G. Homjakow

München 19, Renatastr[asse] 77

Heid. Hs. 3881. Abt. C. Buchstabe C (und Č): 1. Kasten — Ca-Cz. Mappe 4: Chomjakov G.A. Машинопись, вставки — автограф.

¹ Д.И. Чижевский рецензию на немецкую книгу о Восточной церкви для «Мостов» не написал.

² Ассистентами Д.И. Чижевского в Институте славистики Гейдельбергского университета с 1957 г. по 1962 г. были: составитель библиографии его печатных трудов и один из редакторов юбилейного сборника к его 70-летию, автор многочисленных публикаций писем русских писателей из немецких архивов Ханс-Юрген цум Винкель (zum Winkel; 1927–2004), авторы написанных под руководством Д.И. Чижевского кандидатских диссертаций «Гораций в России. Исследования и материалы» (1962) Вольфганг Буш (Busch;

1925–2015) и «Экспрессивные средства выражения в современной чешской комедии» (1968) Пюнтер Шалих (Schalich; 1924–2009). Все они оставили воспоминания о своем коллеге и учителе, вошедшие в книгу: *Чижевский Д.И. Избранное: в 3 т. / сост., вступ. ст. В. Янцена; коммент. В. Янцена и др. М., 2007. Т. 1: Материалы к биографии (1894–1977). С. 379–402, 598–604; 402–402, 604–606; 404–414, 606–610.*

³ Никто из ассистентов Д.И. Чижевского в альманахе «Мосты» не участвовал.

№ 3

Г.А. Хомяков — Д.И. Чижевскому

20 апреля 1964 г., Мюнхен

20 апреля 1964 г.

Мюнхен

Глубокоуважаемый Дмитрий Иванович, если помните, на чествовании Федора Августовича¹ в мимолетном разговоре Вы сказали, что можете дать для «Мостов» статью (я просил дать о Степуне, по Вашему выступлению, — Вы сказали, что обещали ее «Новому журналу»² и нам дадите другую). Помня об этом, я и обращаюсь с просьбой о присылке этой статьи. Между прочим, я говорил об этом и Ф[едору] А[вгустовичу], когда он ехал к Вам, но он вряд ли вспомнил, будучи у Вас³.

Мы твердо решили выпустить еще один номер «Мостов» в нашем Товариществе зарубежных писателей⁴, с тем чтобы издавать их хотя бы раз в год на свои средства. К сожалению, средств этих — кот наплакал, но один номер все же вытянем, хотя — без гонораров авторам. Материал у меня уже больше чем на половину номера есть, сейчас собираю остальной. И если Вы могли бы свою статью прислать так в течение месяца, я сразу сдам ее в набор.

Вот о чем еще вынуждены просить: из-за денег выпускать придется, вероятнее всего, в уменьшенном размере, а вместе с тем надо дать больше авторов. Поэтому прошу всех авторов, чтобы давали не очень пространный материал, страниц так на 15 в «Мостах», не больше.

А не хотели бы написать рецензию на новую книгу Ф[едора] А[вгустовича], вышедшую на немецком?⁵ Очень трудно найти, кто мог бы хорошо написать о ней: слишком уж мало осталось у нас писателей, которые вообще могли бы писать о таких книгах, да еще на чужом языке. Может быть, Вы писали о ней по-немецки, — тогда мы могли бы перевести?

Очень надеюсь на получение от Вас статьи.

С искренним уважением

Г. Хомяков

(Геннадий Андреевич Хомяков)

G. Homjakow

München 2, Lothstr[asse] 15/III

Heid. Hs. 3881. Abt. C. Buchstabe C (und Ć): 1. Kasten — Ca-Cz. Mappe 4: Chomjakov G.A. Машинопись, подпись и приписки — автограф.

Копия: Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы.

¹ Юбилейный вечер, организованный 20 февраля 1964 г. в честь 80-летия Ф.А. Степуна Баварской Академией изящных искусств, включал в себя торжественную речь Д.И. Чижевского, музыкальную программу с участием одного из друзей Ф.А. Степуна, знатока русской музыки, пианиста-виртуоза У. Даммерта, чтение юбиляром небольших отрывков из своих произведений и свободное изложение особенно дорогих ему тем: о родине, любви и искусстве (Чижевский Д.И. Избранное. С. 825–829, 836).

² Чижевский Д. Речь о Степуне: К его 80-летию: (Речь, произнесенная Дм. Чижевским на юбилейном вечере, организованном Баварской Академией изящных искусств 20 февраля 1964 г.) // НЖ. 1964. № 75. С. 283–288.

«Новый журнал» — ежеквартальный общественно-литературный журнал, выходивший в Нью-Йорке с 1942 г.

³ Пятого апреля 1964 г. Гейдельбергский университет устроил торжественное празднование 70-летия Д.И. Чижевского и праздничный обед, на котором с застольной речью выступил Ф.А. Степун (см.: Чижевский Д.И. Избранное. С. 464–466, 632–634).

⁴ «Товарищество зарубежных писателей» (ТЗП) — эмигрантское издательство, созданное в 1959 г., деятельность которого прекратилась после смерти Г.А. Хомякова в 1984 г.

⁵ *Stepun F. Mystische Weltanschauung: fünf Gestalten des russischen Symbolismus.* München, 1964. В «Мостах» не была помещена рецензия на указанную книгу Ф.А. Степуна.

№ 4

Д.И. Чижевский — Г.А. Хомякову

22 апреля 1964 г., Гейдельберг

22.4

Многоуважаемый Геннадий Андреевич!

Постараюсь написать о Степуне во второй раз и иначе, чем для Нового журнала. Легче было бы написать рецензию, что также постараюсь сделать. Но летом я читаю лекции не только здесь, но и во Франкфурте¹. Времени мало. Когда Вы хотите закончить редактирование нового номера «Мостов»?

С искренним приветом

Ваш Дмитрий Чижевский

Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы. Открытка. Машинопись, подпись — автограф.

¹ В 1964 г. Д.И. Чижевский был одновременно гонорарным профессором славистики в Гейдельберге, во Франкфурте-на-Майне, а с летнего семестра того же года стал еще и временным заведующим кафедрой литературоведения Института славистики Кёльн-

ского университета (1964–1970) и его гонорарным профессором (1964–1977), только к концу года покинув Франкфуртский университет (см.: *Чижевский Д.И. Избранное*. С. 9).

№ 5

Г.А. Хомяков — Д.И. Чижевскому
23 апреля 1964 г., Мюнхен

23 апреля 1964 г.
Мюнхен

Глубокоуважаемый Дмитрий Иванович,
сроки такие: мы хотим выпустить не позже сентября, с тем чтобы в продаже «Мосты» появились к началу осеннего сезона. Типографская работа занимает около трех месяцев. Поэтому весь материал надо сдать в набор в конце мая — в начале июня. Отсюда и срок, о котором я писал — конец мая.

Времени мало, и это беда, у таких занятых людей, как Вы, его вообще нет. К сожалению, раньше написать Вам не мог: еще ничего не определялось с деньгами. Может быть, все-таки как-нибудь выкроится время?

С искренним уважением,

Ваш Г. Хомяков

G. Homjakow
München 2, Lothstr[asse] 15/III

Heid. Hs. 3881. Abt. C. Buchstabe C (und Č): 1. Kasten — Ca-Cz. Mappe 4: Chomjakov G.A. Машинопись, подпись и приписки — автограф.

Копия: Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы.

№ 6

Д.И. Чижевский — Г.А. Хомякову
18 мая 1964 г., Гейдельберг

18 мая

Уважаемый коллега!

Я вижу, что до 1 июня я не могу написать статьи о Степуне. 2-ю статью писать трудно! М[ожет] б[ыть], «Мосты» удовлетворились бы статьей на любую тему, посвященной Степуну?¹

С искренним уважением

Дм. Чижевский

Или возможен более поздний срок?

Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы. Открытка. Автограф.

---

¹ Чижевский Д.И. О платонизме в русской поэзии // Мосты. 1965. № 11. С. 198–205. Статья предварялась словами: «Посвящается Федору Августовичу Степуну к его 80-му дню рождения».

№ 7

Г.А. Хомяков — Д.И. Чижевскому

20 мая 1964 г., Мюнхен

20 мая 1964 г.

Мюнхен

Глубокоуважаемый Дмитрий Иванович,
в конце концов, можно и то и другое: дать другую Вашу статью или отодвинуть несколько срок. Я вижу, что и некоторые другие авторы тоже не пришлют в намеченный срок, и сдачу в набор все равно придется недели на две отложить. Есть на это и другие причины, технического порядка.

Есть, однако, соображения, почему, может быть, даже лучше дать статью на другую тему, — я быстро согласился тогда на статью о Степуне, потому что Вы предлагали ее. Вообще же, у нас в прошлом номере была довольно большая статья о нем, Зандера¹. Это, конечно, другое, но все же мы уже отметили, хотя и заранее. Здесь, в этом номере, будет упоминание о Степуне в статье Варшавского о «Новом граде»². И может быть, лучше было бы ограничиться посвящением в статье на другую тему.

Окончательно — на Ваше усмотрение. Если Вам достаточно будет времени, примерно даже месяца — быть по сему. Нет — тогда остановимся на другой теме.

Плохо вот что: надо было бы обязательно дать о Шекспире — весь мир отмечает 400-летие³. Но где же найти русского автора, способного написать о нем, да еще как-то не совсем так, как писалось уже сотни раз. Шекспироведов и в России сейчас не видно, а в эмиграции и подавно. Придется поневоле промолчать, что все же лучше, чем помещать какую-нибудь ерунду. Не можете ли Вы что посоветовать по этому поводу? Может, у Вас в окружении есть, у кого-нибудь из немецких авторов? Мы бы быстро перевели⁴.

Желаю доброго здоровья,

с искренним уважением Г. Хомяков

Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы. Машинопись, подпись — автограф.

---

¹ Зандер Л.А. О Ф.А. Степуне и о некоторых его книгах // Мосты. 1963. № 10. С. 318–340.

Зандер Лев Александрович (1893–1964) — философ, деятель международного экуменического движения.

² *Варшавский В.С.* Перечитывая «Новый Град» // Мосты. 1965. № 11. С. 267–285. Ф.А. Степун упоминался на с. 267–270, 272, 274, 284 статьи Варшавского.

Варшавский Владимир Сергеевич (1906–1978) — писатель, публицист.

«Новый Град» — философский, религиозный и общественно-политический журнал, выходивший в Париже в 1931–1939 гг. Редакторы: И.И. Бунаков-Фондаминский, Ф.А. Степун, Г.П. Федотов.

³ Двадцать шестого апреля 1964 г. исполнялось 400 лет со дня рождения английского поэта и драматурга Уильяма Шекспира (William Shakespeare; 1564–1616).

⁴ Никаких публикаций о Шекспире в «Мостах» не появилось.

№ 8

Д.И. Чижевский — Г.А. Хомякову

8 июня 1964 г., Гейдельберг

8.6.64

Многоуважаемый Геннадий Андреевич!

Прилагаю статью, посвященную Федору Августович[у]. Вам остается только написать краткое предисловие к ней о том, что Степуну 80 лет и как он дошел до этого возраста¹. Я сейчас проф[ессор] и директор Славянского института при Гейдельбергском университете², действительный член Гейдельбергской академии наук³ (и действительный член Украинской академии наук в Соединенных Штатах⁴).

Надеюсь, что «Мосты» будут выходить и далее, чего, во всяком случае, им искренне желаю.

Если бы номер не вышел, верните мне рукопись статьи, которую по-русски или по-немецки можно будет где-то устроить.

С искренним приветом

Ваш Дм. Чижевский

Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы. На бланке «Dmitrij Tschizewskij Dr. Phil., Prof. an der Universität Heidelberg». Машинопись, подпись — автограф.

---

¹ Чижевский дал такой совет, опираясь на опыт публикации своей юбилейной статьи о Степуне в «Новом журнале», которой редакция предпослала собственную полноразностороннюю биографическую справку о юбиляре (1964. № 75. С. 281–282). Статье же Д.И. Чижевского в «Мостах» не было предпослано никакого предисловия от редакции.

² Институт славистики при Гейдельбергском университете был создан по инициативе философа, автора учебника и многолетнего лектора русского языка Николая Николаевича Бубнова (1880–1962) незадолго до возвращения Д.И. Чижевского из США. Поэтому, строго говоря, подлинным создателем полноценного института, в котором

бы преподавался не только русский язык, но и все другие славянские языки и литературы, и стал в 1956 г. Д.И. Чижевский.

³ Гейдельбергская академия наук (Heidelberger Akademie der Wissenschaften) — общественная научная организация, созданная в 1909 г. Д.И. Чижевский был избран ее действительным членом по рекомендации Х.-Г. Гадамера в 1962 г. Его речь в академии по случаю этого избрания была в значительной части посвящена исследовательским планам руководимого им института, для реализации которых он апеллировал к моральной поддержке академии (см.: *Чижевский Д.И. Избранное*. С. 70–73, 132–134).

⁴ Украинская академия искусств и наук в США (Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S.A.) — общественная научная организация, объединяющая украинских ученых вне пределов Украины. Создана в 1950 г. в Нью-Йорке группой ученых, членов Украинской свободной академии наук, организованной в 1945 г. в Аугсбурге (Германия). Д.И. Чижевский был одним из членов-учредителей обеих академий. По его инициативе и при его деятельном участии в Украинской академии искусств и наук в США было создано отделение философии.

№ 9

Г.А. Хомяков — Д.И. Чижевскому

4 июля 1964 г., Мюнхен

4 июля 1964 г.
Мюнхен

Глубокоуважаемый Дмитрий Иванович,
извините, не мог ответить раньше (я к тому же и уезжал), и — спасибо за статью: статья превосходная, рад, что она будет у нас. Но дадим мы ее без всякого предисловия: Федор Августович не хочет, чтобы мы специально отмечали его 80-летие (он, между прочим, в редколлегии: вроде бы неудобно); а Ваше посвящение — весьма кстати, им и ограничимся.

Когда я готовил статью к набору, встретились две-три мелочи:

1. В рукописи — «Фэдр»¹, «Фэдра» («чтением Фэдра», напр[имер], на 2-й стр[анице]). Но обычно пишется «Федра», Федры, Федре и т.п. (так и у нас в предыдущих номерах, в статьях Шестова²), — может, это менее точное или даже неточное написание, но оно принято теперь, и я надеюсь, что Вы не будете возражать, если и мы примем его.

2. На стр[анице] 7, по-моему, есть описка: внизу последние строчки Вашего текста — «Но как и у Сологуба³, и у Платона⁴ душа...» — вместо Платона, очевидно, надо «у Тютчева⁵», я так и сделал.

3. Примечания — не стоит ли дать их не в конце, после статьи, а внизу на соответствующих страницах? По-моему, будет лучше: статья небольшая, примечаний немного, и петитом они будут лучше выглядеть внизу. Если не возражаете, сделаем так⁶.

Я постараюсь, если удастся, послать Вам оттиск для корректуры, авторской, но не знаю, как будет с временем.

Что будет дальше, удастся ли продолжать «Мосты» — все в тумане. Работая сейчас с этим номером, вижу, насколько это трудно без твердой финансовой почвы, без времени, занимаясь только по вечерам. И с типографией беда: остается только что-то кустарное, и по всем статьям приходится, в сущности, кустарничать. Этот номер выпустим, но дальше — посмотрим⁷. Привет сердечный и желаю доброго здоровья,

Ваш

Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы. Машинопись.

¹ Федр (др.-греч. Φαῖδρος) — собеседник Сократа, именем которого назван один из диалогов Платона.

² См.: Шестов Л.И. Платон: главы из книги «Sola Fide» // Мосты. 1962. № 9. С. 237. Шестов Лев Исаакович (при рождении Иегуда Лейб Шварцман; 1866–1938) — философ-экзистенциалист.

³ Соллогуб Федор (наст. имя и фам. Федор Кузьмич Тетерников; 1863–1927) — поэт, писатель, драматург, публицист.

⁴ Платон (др.-греч. Πλάτων, между 429 и 427 — 347 до н.э.) — древнегреческий философ.

⁵ Тютчев Федор Иванович (1803–1873) — поэт, дипломат, публицист. Член-корреспондент Имп. Академии наук (1857).

Указанная Г.А. Хомяковым фраза при публикации была изменена (см.: Чижевский Д.И. О платонизме в русской поэзии. С. 204).

⁶ Сноски в статье Д.И. Чижевского были даны постранично.

⁷ В 1966–1970 гг. вышло еще 4 номера альманаха «Мосты» и один сборник статей, посвященный 50-летию русской революции.

№ 10

Д.И. Чижевский — Г.А. Хомякову

7 июля 1964 г., Гейдельберг

7.7.64

Многоуважаемый Геннадий Андреевич!

Спасибо за письмо. Рад, что хотя бы это число «Мостов» выйдет. Одно замечание: в моей статье речь не о «Федре» — женщине¹, но о «Фэдре» — мужчине. Чтобы не сомневались в точности (читатели), лучше всего в скобках или в примечании первый раз отметить — «диалог, который в старом греческом произношении носил название “Файдрос”»². Таким образом смешение с героиней трагедии будет устранено.

К сожалению, не помню, было ли у меня смешение Платона и Тютчева. Поэтому хорошо бы было видеть корректуру.

Примечания я всегда пишу в конце статьи, так [как] они набираются обычно на другой машине и только потом размещаются под страницами, против чего, конечно, возражать нельзя. Оно и для читателей удобнее.

Увы, слишком перегружен разными делами — читаю во Франкфурте и в Кельне, кроме того, был юбилей (1050 лет) города Герборна³, в котором сейчас 10 тысяч жителей, но раньше был университет и в нем учились разные знаменитые ученые⁴, почему мне и пришлось произносить там юбилейную речь⁵.

В общем — «тихий ужас»
с искренним приветом

Ваш Дм. Чижевский

Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы. На бланке «Dmitrij Tschizewskij Dr. Phil., Prof. an der Universität Heidelberg». Машинопись, подпись и вставки — автограф.

¹ Д.И. Чижевский имеет в виду Федру (др.-греч. Φαίδρα) — дочь критского царя Миноса, вторую жену афинского царя Тесея. Федра воспылала страстью к сыну Тесея от первого брака Ипполиту, но, будучи отвергнутой, оклеветала его. После гибели Ипполита покончила с собой. Героиня трагедии Еврипида «Ипполит» (не сохранилась), легшая в основу трагедии Луция Аннея Сенеки Младшего «Федра».

² В статье Д.И. Чижевского была использована форма «Федр» и указанное примечание не было помещено.

³ Герборн, Херборн (Herborn) — город в земле Гессен. Утверждение Д.И. Чижевского о юбилее города не вполне понятно: впервые поселение Герборн было упомянуто под 1048 г., статус города был дарован в 1251 г.

⁴ Речь идет о Герборнской академии (Academia Nassauensis) — высшем учебном заведении, существовавшем в Герборне с 1584 по 1817 г. Среди известных выпускников академии гебраист И. Буксторф Старший, философ и педагог Я.А. Коменский, философ И.Г. Бистерфельд, филолог Ф.Л. Абреш, физик и геодезист И.Ф. Бенценберг, педагог и политик Ф.А.В. Дистервег и др.

⁵ Tschizewskij D. Comenius und Herborn // 1050 Jahre Herborn: Vorträge zur Geschichte Herborns 1964. Herborn, 1965. S. 59–67.

№ 11

Г.А. Хомяков — Д.И. Чижевскому

12 октября 1964 г., Мюнхен

12 октября 1964 г.
Мюнхен

Глубокоуважаемый Дмитрий Иванович,
хочу уведомить Вас, что мы порядком застряли с «Мостами». Думали мы выпустить их в октябре–ноябре, — а теперь боюсь и загадывать, когда выйдем.

Материал я давно собрал, но набор идет ужасающе медленно, и когда наберут, не знаю. Все дело в том, что типография, с которой мы раньше работали, почти развалилась, еще одна русская загружена¹, а обращаться в другие не можем, там дорого, нам не по карману.

Ваша статья тоже ждет очереди для набора. Номер вообще получится неплохой, хотя и довольно пестрый. Хорошо, если удастся выпустить хотя бы к Рождеству, но может быть и так, что только в начале будущего года. Это очень жаль, но ничего не предпримешь, чтобы ускорить.

Привет сердечный и доброго здоровья,

Ваш Г. Хомяков

Heid. Hs. 3881. Abt. C. Buchstabe C (und Č): 1. Kasten — Ca-Cz. Mappe 4: Chomjakov G.A. Машинопись, подпись — автограф.

Копия: Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы.

---

¹ До 10-го номера включительно альманах «Мосты» (1963) печатался в типографии Георгия Бутова (Georg Butow, München, Kohlstrasse, 3 b). С № 11 «Мосты» стали печататься в типографии И.И. Башкирцева (I. Baschkirzew Buchdruckerei, München, Peter Müllerstrasse, 43).

№ 12

Г.А. Хомяков — Д.И. Чижевскому

23 мая 1965 г., Мюнхен

23 мая 1965 г.

Мюнхен

Дорогой Дмитрий Иванович,

«Мосты» № 11, конечно, Вы давно видели, послал я Вам некоторое время назад и несколько оттисков Вашей статьи. Приняты они были хорошо, этот номер «Мостов», и многие настаивают, чтобы мы продолжали их выпускать.

Положение с деньгами да и с материалом по-прежнему трудное, тем не менее мы решили приступить к выпуску № 12. Я даже думаю, что, если удастся собрать материал так к середине августа, мы сможем выпустить следующий номер еще в этом году, в конце; не удастся — в начале будущего.

В связи с этим обращаюсь к Вам: не можете ли прислать статью для № 12?¹ Ограничений, конечно, ни в чем нет, в том числе и в размере: прошлый раз я просил Вас дать небольшую статью, просил об этом же и других авторов, но большинство авторов с этой просьбой не считаются, поэтому, естественно, нельзя ограничивать и других. Срок — к середине августа.

Буду рад, если согласитесь и пришлете, Ваши работы всегда ценны.
Прошу принять сердечный привет,

с искренним уважением Г. Хомяков

Heid. Hs. 3881. Abt. C. Buchstabe C (und Č): 1. Kasten — Ca-Cz. Mappe 4: Chomjakov G.A. Машинопись, подпись и поправки — автограф.

Копия: Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы.

---

¹ Д.И. Чижевский в «Мостах» больше не публиковался.

№ 13

Г.А. Хомяков — Д.И. Чижевскому

21 сентября 1965 г., Мюнхен

Глубокоуважаемый Дмитрий Иванович,
надеюсь, что недели через две-три мне удастся закончить сбор материала для № 12 «Мостов». Летом по Вашему поручению мне писал Л.М. Андреев, что Вы дадите нам для этого номера статью¹, — просим об этом, место для Вас у нас всегда есть.

Желаю доброго здоровья,

Ваш Г. Хомяков

Heid. Hs. 3881. Abt. C. Buchstabe C (und Č): 1. Kasten — Ca-Cz. Mappe 4: Chomjakov G.A. Машинопись, подпись — автограф.

Копия: Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы.

---

¹ В письме Л.М. Андреева Г.А. Хомякову от 14 июня 1965 г. сообщалось, что Д.И. Чижевский, будучи чрезвычайно занятым, не мог лично написать редактору «Мостов», но выразил свое согласие на присылку статьи для двенадцатого номера альманаха (Архив ДРЗ. Ф. 155. Необработанные материалы).

Андреев Лев Михайлович (? — ?) — неустановленное лицо, по-видимому имевшее отношение к книжной торговле или к университетской библиотеке и в 1964 г. во время Первого съезда немецких славистов в Гейдельберге занимавшееся организацией выставки славянских изданий.

ПАМЯТЬ

Р.В. Полчанинов
С ХОМЯКОВЫМ, КОРЯКОВЫМ И ДРУГИМИ
НА РАДИО СВОБОДА

Свою работу на Радио Свобода я начал как внештатный служащий. Писал статьи на филателистические темы, которые отправлялись в Мюнхен.

Я пришел со своей очередной статьей 12 апреля 1967 г., и начальник Русской редакции Вячеслав Яковлевич Шидловский сказал мне, что в Мюнхене так довольны моими статьями, что предлагают мне не ограничиваться только статьями, которые потом там переделывались на разговор двух собеседников, а быть сразу автором бесед на филателистические темы, и не только автором, но и участником передачи, как говорили на радио — «голосом». Эти передачи, как сказал Шидловский, будут еженедельными, за чтение мне будут отдельно платить, а моим редактором будет Геннадий Андреевич Хомяков, который может мне переделать мою статью на беседу.

Сказавши это, Шидловский ушел к себе в кабинет, а меня оставил с Хомяковым, у которого в общей комнате писателей, редакторов и машинисток был свой стол, пишущая машинка и стул для посетителей. Я стал ему читать статью, а он стал ее переделывать на беседу. Закончив свою работу, Хомяков прочитал мне, как он отредактировал то, что я написал. Я его поблагодарил, и добрые отношения, можно сказать, установились с первого дня. Затем он отвел меня в библиотеку и предложил почитать газеты, пока машинистка отпечатает передачу, и меня позовут ее записывать.

Примерно через час за мной пришел Юлий Осипович Козловский, поляк, окончивший в Киеве украинскую театральную школу, и отвел меня туда, где делалась запись на магнитофонную пленку для отправки передачи в Мюнхен. Он должен был следить за тем, что и как мы говорили в смысле правильности языка и, как артист, в смысле выразительности. Потом я узнал, что он делает записи не только русских, но и украинских передач. Был немало удивлен еще одной подробностью. Оказавшись в конце войны в Регенсбурге (Германия), он и его польская жена Рогнеда предпочли жить не в польском, а в русском лагере ди-пи в Гангхоферзидлунге. Когда в апреле 1946 г. американцы начали грузить бывших советских граждан для насильной выдачи большевикам, жители лагеря устроили демонстрацию, а над лагерем был вывешен черный флаг, сделанный из юбки Рогнеды Козловской. В результате всеобщего бурного протеста не только русских, но и ди-пи других национальностей американцы уступили и никого не выдали.

Вторым голосом должен был быть Апошанский, или Апошнин, как его называли в передаче, и предложили мне тоже придумать для себя псевдоним. Я решил, что раз я буду говорить о марках, то стану для этого Иваном Ивановичем Марковым.

Через неделю я явился к Хомякову с моей очередной передачей, сделанной как беседа. Он предложил мне сесть и начал читать про себя написанное, что-то перечеркивая и вписывая. Я умел писать статьи, но не умел писать их в виде бесед, и то, что я принес, нуждалось в основательной переработке. Отредактировав, он дал мне прочитать. Я, конечно, не возражал. Хомяков был, безусловно, опытным журналистом, и я у него многому научился.

С одной стороны, как начинающий, и к тому же и по годам самый молодой, я признавал его авторитет, а с другой стороны, филателия для него была настолько неизвестной и неинтересной областью, что он и не пытался в нее вникать и что-либо менять. С более опытными у него были трудности. Вообще, был у него трудный характер, и из-за этого было у него немало трудностей в жизни.

Родился он в 1904 г. где-то под Царицыном и, как он говорил, за антисоветские высказывания был в 1919 г. исключен из школы. С трудом только в 1926 г. смог получить диплом об окончании десятилетки и устроиться журналистом в какой-то местной газете, а в 1927 г. был арестован и получил 8 лет ИТЛ — исправительно-трудовых лагерей. Ему принадлежат две автобиографические повести: «Трудные дороги» и «Соловецкие острова». Был одно время членом НТС и редактором «Посева», сотрудничал во многих изданиях, в том числе и в «Новом русском слове». Скончался в Нью-Йорке 4 февраля 1984 г. и был похоронен около Лейквуда (Нью-Джерси).

Чтобы облегчить мне жизнь, Шидловский устроил меня 15 мая 1967 г. на Радио Свобода как внештатного служащего (Special Payroll) в музыкальную библиотеку на место ушедшего на пенсию грузинского князя Вачнадзе. Музыкальной библиотекой заведовал Евгений Жаго, эмигрант из Югославии, служивший в Охранном корпусе, взятый в плен и отбывший срок в советском концлагере. Я должен был записывать в каталог новоприобретенные пластинки, прослушивать магнитофонные записи и докладывать начальнику о содержании, а Жаго уже решал, дать номер и записать в каталог или отдать в студию для повторного использования ленты. Это была очень интересная работа. Прослушивая записи, я впервые познакомился с песнями Высоцкого и других бардов и с интервью интересных людей.

Не прошло и года, как 1 марта 1968 г. за мной в музыкальную библиотеку пришел Шидловский, сказал мне о переводе меня в «писатели», показал мне стол, мое новое место работы, и познакомил меня с моими сослуживцами. Первым был Коряков, а следующими были Градобоев (настоящая фамилия Дудин), Натов (настоящая фамилия Поплюйко), Шиляев, Завалишин и Халили, писавшая в НРС под псевдонимом Петровская. Двух последних я знал по Пскову. Впечатление было, будто бы я не на Радио Свобода, а в редакции «Но-

вого русского слова». Всех их я знал как сотрудников газеты и был их постоянным читателем. Все как на подбор были талантливыми людьми с интересными биографиями.

По правилам я должен был делать две передачи в неделю. Одной была, конечно, «Филателия», а второй должна была стать «Духовная музыка всех времен и народов». Редактором для моих передач по духовной музыке была мне назначена музыковед Клавдия Гороховец, единственная, которая не была сотрудницей НРС. Впрочем, и наш начальник поэт Шидловский тоже в НРС не печатался. С Гороховец у меня установились, я бы сказал, самые дружеские отношения.

Заполняя анкету для поступления на работу, на вопрос, в каких организациях состоял или состою, я указал НТС, и потому, когда однажды Хомяков об этом сказал моей редакторше Гороховец, ничего предосудительного я в этом не узрел.

Дело было так, однажды я в разговоре с Гороховец назвал свою передачу «Духовной музыки» сокращенно «Духмузыка», а она спросила меня, неужели так говорили в Югославии. Не успел я рот открыть, как стоявший рядом Хомяков сказал ей: «Так он же НТС».

Помню, пришел я как-то, забыв надеть галстук. Увидел меня Хомяков, и пришел в ужас, и воскликнул: «Ростислав Владимирович! Вы без галстука, идите сразу вниз, купите галстук и приходите в приличном виде». Вспомнил я про этот случай, когда начиная с 1972 г. к нам стали принимать на работу новоприбывших евреев-диссидентов, приходивших в джинсах и без галстуков. Вот уж правда, что времена меняются.

Михаил Михайлович Коряков был тоже опытным журналистом. Он писал на темы новейшей русской истории. Тут были и вопросы, касавшиеся творившегося в СССР и в зарубежье среди эмигрантов и среди русских меньшинств в приграничье. В библиотеке работал у нас Ростислав Лягин, эмигрант из Югославии. От него Коряков мог знать о жизни русских в Белграде, а меня он спрашивал о жизни в провинции, и я, поскольку имел общение с юными разведчиками и их родителями в разных городах, мог ему рассказать что-то интересное.

У большинства служащих на Радио Свобода была интересная биография. Коряков родился в 1911 г. в крестьянской семье в Енисейской губернии, работал учителем и сотрудничал в местных газетах. В 1939 г. поступил научным работником в музей-усадьбу Льва Толстого в Ясной Поляне. В 1941 г. был взят в армию и в чине лейтенанта командовал ротой. Под самый конец войны, 22 апреля 1945 г., был взят немцами в плен, но через две недели был американцами освобожден и в Париже в ожидании возвращения в СССР работал в редакции советской газеты «Вести с Родины». 19 марта 1946 г., перед самой отправкой, бежал и с помощью русских эмигрантов уехал сперва в Бразилию, а затем в 1950 г. в США. Книгу «Почему я не вернулся в советскую Россию», переведенную на семь языков, издал в Париже в 1947 г., затем были по-французски

«Москва слезам не верит» (Париж, 1951), «Освобождение» (Нью-Йорк, 1952) и «Живая история 1917–1972» (Мюнхен, 1977), в которой каждая глава была посвящена одному году. Это были в основном его передачи по Радио Свобода, напечатанные одновременно и в НРС. Скончался в Нью-Йорке 20 августа 1977 г. и похоронен в Ново-Дивееве.

Отказ Светланы Аллилуевой вернуться в 1966 г. в СССР был большим событием и причиной многих разговоров. В одной своей статье Коряков выразил сожаление, что Светлана не научилась говорить по-грузински и была далека от всего грузинского. В разговоре со мной он однажды очень похвально отзывался о грузинах. Выслушав все похвалы в адрес грузин, я сказал Корякову, что мой отец был полугрузин, а я, следовательно, грузин на четверть. Коряков, посмотрев на меня, сказал, что я на грузина совсем не похож. Я ему рассказал, что мой отец, будучи в русской гимназии в Тифлисе (ныне Тбилиси), посещал грузинские уроки, говорил по-грузински и на уроках проходил и грузинскую историю, и литературу. Коряков мне не поверил, сказав, что этого не могло быть. Конечно, в советских школах царская Россия называлась «тюрьмой народов», и ему было трудно в это поверить. Не поверив мне, Коряков решил проверить меня. Однажды, войдя в лифт следом за мной, он, не глядя на меня, как бы про себя, но довольно громко сказал «гамарджоба» (по-грузински здравствуй), а я ему ответил «гамарджоба, батоно», прибавив слово «батоно» (господин), что имеет в грузинском языке более почтительную форму. Коряков мне ничего не сказал, но, как только открылись двери, вышел и поспешил в нашу комнату без меня. К грузинской теме мы после этого не возвращались.

Анатолий Иванович Поплюйко родился 25 октября 1909 г. в Екатеринославе, был в СССР кандидатом технических наук, доцентом и заведующим кафедрой организации производства в Днепропетровске. В 1941 г. оказался под немецкой оккупацией, затем в Германии и в американской военной школе в Баварии в 1951–1955 гг. преподавал русские предметы. Многие из американцев, работавших на Радио Свобода, были его учениками. В 1972 г. вышел на пенсию, переехал в Вашингтон, где и скончался 5 февраля 1999 г. На Радио Свобода вел передачи по советской экономике и на эти темы писал в «Новом русском слове». На Радио Свобода мы были с ним единственными членами НТС.

Лев Владимирович Дудин родился 31 января 1910 г. Окончил в Киеве институт иностранных языков. В Хабаровске в 1936–1939 гг. преподавал в военной школе английский язык, а с 1939 г. и до прихода немцев в Киевском университете заведовал кафедрой иностранных языков. В 1941 г. оказался в Киеве под немецкой оккупацией. Там он добился от немцев разрешения издавать газету на русском языке. В Берлине с 1943 г. принимал участие во властовском движении. В ноябре 1944 г. стал зам. начальника Главного управления пропаганды КОНР. Переселился в США и работал на Радио Свобода с первого дня его существования. Ему принадлежит первая пробная передача, сделанная в 1953 г. Начиналась она с тиканья часов, затем голос сказал примерно

так: «Сталину сегодня 75 лет, столько-то месяцев и столько-то дней. Ему долго не прожить». Американцы такое введение забраковали, но в музыкальном архиве хранилась эта запись как документ из истории Радио Свобода, которая первые годы назвалась Радио Освобождение.

На Радио Свобода Дудин вел передачи о деятельности КПСС. Написал книгу «Великий мираж» (история власовского движения, издательство «Заря», Лондон (Канада), 1970). Скончался в Нью-Йорке 25 января 1984 г. и похоронен в Ново-Дивееве.

До апреля 1972 г. работников Радио Свобода оплачивало ЦРУ (американская разведка). Деньги расходовались, мягко сказано, не очень экономно. Сенатор У. Фулбрайт предлагал вообще закрыть Радио Свобода, но в защиту радио выступил Солженицын, сказавший, что для него и для многих жителей СССР передачи Радио Свобода были единственной заслуживающей доверия информацией. В конце концов было решено объединить Радио Свободная Европа и Радио Свобода, передать их в ведение подконтрольного американскому конгрессу Совету международного радиовещания, и заодно сильно сократить количество служащих. Объединение состоялось 1 октября 1976 г.

Для экономии расходов начались увольнения и уход многих досрочно на пенсию. Начальство решило прекратить обе мои передачи, а меня назначили на место Е. Жаго, которого уволили, заведовать музыкальной библиотекой. На этой должности я проработал 11 лет, потом я начал болеть и в 1983 г. вышел на пенсию на год раньше положенных в США 65 лет, не выслужив полной пенсии. Работа была неинтересной, и потому мне мои первые пять лет запомнились лучше. Писать и потом читать свои передачи было несравненно интересней. Это было не только творчеством, но и общением с людьми в Советском Союзе. То, о чем я когда-то и мечтать не мог, вдруг оказалось действительностью.

Правда, бывало, что русская редакция в Мюнхене, или просто «Мюнхен», как мы говорили, предлагала мне написать передачи на определенную тему. Помню, однажды мне предложили написать о православных святых, в земле американской просиявших, а в 1987 г., в предверии празднования 1000-летия Крещения Руси, написать о том, как к этому готовятся в СССР и за границей. Безбожники требовали ограничить празднование 1000-летия церковной оградой. Писались статьи и даже выпускались брошюры, которые не поступали в продажу за границу, но я их получал из СССР от тех, с кем вел переписку. 30 ноября 1988 г. прекратилось глушение зарубежных радиопередач, планы у Радио Свобода несколько изменились, и в моих услугах «Мюнхен» больше не нуждался.

Ф. Ставру

ДАНЬ УВАЖЕНИЯ ВАСИЛИЮ ИВАНОВИЧУ АЛЕКСЕЕВУ
(1906–2002)

По образованию и профессии Василий Иванович Алексеев был историком современной Европы, преимущественно России, хотя в своей карьере профессора кафедры славистики в Университете Миннесоты в течение двух десятилетий (1955–1975) он преподавал преимущественно русский язык, литературу и культуру. Он получил докторскую степень в 1967 году на историческом факультете Университета Миннесоты, где он и его жена Людмила проработали большую часть своей профессиональной жизни после прибытия в США по окончании Второй мировой войны. Василий был образцовым и преданным преподавателем, элегантным в выступлениях и мягким в манерах. Людмила — опытным и увлеченным библиотекарем, специалистом в русском и славянском книгоиздании. Супружеская пара Алексеевых стала заметным явлением в Университете Миннесоты и сообществе Миннеаполиса и Сент-Пола. Их высоко ценили как очевидцев и одновременно специалистов по России и Советскому Союзу. Их дом в Южном Миннеаполисе стал общеизвестным центром гостеприимства и культуры, настоящей частью «России за границей», как Марк Раев назвал русских, которые силою обстоятельств оказались за границей, в добровольном или принудительном изгнании. Как уже говорилось о многих из их предшественников, начиная с таких людей, как Александр Герцен, эти беженцы и эмигранты никогда не переставали любить Россию, одновременно критикуя и разоблачая злоупотребления авторитарных режимов на родине.

Это краткое эссе является лишь заметкой к той разнообразной жизни и творчеству Василия Алексеева, моего друга и коллеги в течение почти полувека по университету, жителя города Миннеаполис, где он прожил до конца своих дней. Для меня большая честь, что меня попросили поделиться размышлениями о человеке, которого я полюбил и очень сильно уважаю. Во многих отношениях Василий олицетворял собой лучшие качества, которые можно было встретить в ведущих интеллектуалах русской диаспоры: бесконечная любовь и тоска по России — к ее людям и культуре — и дух соборности, чувство общности, исходящее от самого постоянного компонента русской культуры, давней традиции Русской православной церкви. Это, конечно, было особенно верно в отношении эмигрантов, которые были приверженцами православной веры, хотя и неправославные также демонстрируют некоторые из этих качеств.

Общеизвестно, что западные ученые, обратившиеся к славистике в первые годы холодной войны, столкнулись с парадоксальной реальностью — присутствием русских интеллектуалов первой или второй волны эмиграции в Западной Европе и США. С одной стороны, эта «Россия за рубежом» составляла важную, действительно захватывающую часть исторической традиции. Политические обстоятельства побуждали молодое поколение западных ученых использовать ее в качестве объекта изучения, что, естественно, оказало глубокое влияние на их профессиональные карьеры. С другой стороны, эти молодые западные ученые полностью осознавали тот факт, что русские эмигранты сохраняли критическое, если не сказать — враждебное отношение к советскому режиму. А как могло быть иначе? В конце концов, большинство из них были «бывшими людьми», внутренними или внешними беженцами из Советского Союза. В течение десятилетий после русских революций 1917 года образованные русские эмигранты содействовали становлению славистики и русистики в педагогических и исследовательских колледжах и университетах. Кто-то стал профессором, кто-то — библиотекарем, некоторые занимались издательской деятельностью, часть оставалась независимыми исследователями. Их влияние, однако, было особенно заметно в ведущих исследовательских университетах. Неизбежно, что образ этого типа русских эмигрантов был довольно сложным. Многие из них совершили переход в новое состояние относительно быстро и вскоре начали вести культурную и приятную жизнь. Почти все эмигранты предавались ностальгии. Многие были благодарны за новые возможности. Некоторые были обижены, резки, несчастны. Многие тосковали по дому. Некоторые даже вернулись домой к трудностям, в разрушенную страну. Тем не менее эта критическая масса интеллектуалов составляла важный отряд «России за рубежом». Среди их многочисленных достижений — неустанные усилия по защите и сохранению дореволюционной русской культуры, которая была запрещена в Советском Союзе или изгнана из страны. В течение большей части XX века российские интеллектуалы и ученые проделали замечательную работу по сохранению и поддержанию русской культуры за рубежом, пока последняя не была репатриирована на родину после распада Советского Союза.

Как и многие из моего поколения славистов, которые стремились создать более объективный, реалистичный подход к изучению Советского Союза, мне посчастливилось встретиться и учиться у нескольких выдающихся русских ученых за рубежом. Я научился ценить их таланты и эрудицию, а также наслаждаться их эксцентричностью и сочувственно наблюдать за сконструированными ими версиями русского мира. Я утверждаю, что их вклад в наше понимание российской истории и культуры остается наиболее ценным. Они были преданными борцами своего дела. Меня особенно впечатлила интеллектуальная и физическая устойчивость этих людей, которые, несмотря на огромные трудности на родине и за границей, сохранили свои знания и умудрились оставить нам замечательное наследие. Я полагаю, что даже такое прозаическое

явление, как простое долголетие таких людей, которые могли пройти лагеря, прежде чем оказаться вне СССР, заслуживает более тщательного изучения, чем оно получило до сих пор.

Василий Иванович Алексеев был одним из таких замечательных людей «России за рубежом». Щедро наделенный всеми добродетелями, которые часто ассоциируются с православным верующим и ученым-джентльменом, и лишенным каких-либо неприятных качеств, приписываемых некоторым из его собратьев-эмигрантов, он оставил наследство, достойное лучших представителей «России за рубежом». Он принадлежал ко второй волне русской эмиграции. Алексеев родился во Владимире в дни первой русской революции, в один из самых благоприятных периодов российской истории. Ребенком и юношей он был свидетелем кардинальных перемен в России, слышал барабаны войны, пережил революции 1917 года. Но он почему-то верил, что столпы исторической России, базирующиеся на Православной церкви, сохранятся. В 1930 году Алексеев окончил Московский университет. Однако, как и многие из его поколения в это непростое десятилетие, он пережил арест, приговор к пяти годам тюремного заключения и постоянные религиозные преследования. Алексеев был призван на фронт, однако большую часть войны он провел военнопленным в немецком лагере. Ему удалось избежать принудительной репатриации в Советский Союз после войны, и вместо этого он отправился в Западную Европу, оттуда — в Соединенные Штаты (1951). После нескольких лет жизни в восточной части США он переехал в Миннеаполис, где присоединился к факультету Университета Миннесоты. Именно в университете я впервые встретил Алексеева, когда приехал в январе 1961 года в качестве молодого преподавателя новейшей российской истории. Алексеев тепло приветствовал меня. Вскоре мы стали хорошими коллегами и друзьями. Наша дружба росла и продолжалась до конца его жизни, и я искренне дорожу каждой связью с ним. Я многому научился у него, как и его ученики, которые ценили его самоотверженность и мягкость. В Василии Алексееве был элемент юношеской невинности, который разоружал даже самых суровых его критиков. Прежде всего, я был впечатлен его усилиями, которые он предпринимал, чтобы оставаться в курсе событий в Советском Союзе, и, как результат, его эрудицией. В этом ему, конечно, очень помогла его жена Людмила, которая, как уже упоминалось, была опытным библиографом. Я был также впечатлен его смирением во всем, что он делал и что говорил. В самом деле, горстка русских ученых, часть которых — эмигранты, преподававшие в то время в Университете Миннесоты, сумели создать первоклассную программу обучения славянским языкам и литературе. Василий Алексеев был неотъемлемой частью этого предприятия.

В своих кратких размышлениях об Алексееве я хочу выделить четыре основных области, в которых он был активен и на которые он проецировал то, что он называл непреходящими историческими ценностями, которым следовал в личной жизни и в своих ученых занятиях. В конце концов, история, которую мы изучаем и о которой говорим, действительно автобиографична,

хотя, может, и незаметна. Во-первых, бесстрашное убеждение Алексеева в том, что советская власть не может искоренить глубоко укоренившиеся культурные традиции родины. Он был готов признать изменения, но делал упор на преемственности. Свержение царя не означало уничтожения определенной культуры или моделей поведения. Не колеблясь, Алексеев указывал, что навязанная советская культура ни в коем случае не является непобедимой или долговечной. После моих первых визитов к нему он мягко, но твердо определил, в чем заключалась его непобедимая Россия. Это было то, что он назвал «невидимой Россией». Таково было название его первой книги, изданной в 1952 году¹, созвучное названию труда другого русского эмигранта, Владимира Вейдле, опубликованного на французском (1949)² и на английском (1952)³ языках. Алексеев до конца своей жизни оставался непреклонным сторонником того, что наиболее устойчивой чертой русской культуры была Православная церковь. Он был убежден в своей правоте, став свидетелем несчастий Церкви после революций 1917 года, преследований, выживания и возрождения ее в суровые годы Сталина.

Алексеев твердо верил в силу печатного слова. Через два года после «Невидимой России» он опубликовал «Россию солдатскую» (1954)⁴, но вскоре вернулся к своей любимой теме, истории Русской православной церкви в СССР⁵. Упомянутое исследование утвердило за Алексеевым славу пионера в этой области и стало отправной точкой для тех, кто начал более внимательно относиться к характеру отношений между Московским патриархатом и советским правительством. Главным образом благодаря Алексееву изучение истории религии в Советском Союзе на Западе не ослабевало. Я был свидетелем того, как многие уважаемые ученые из США и Канады приезжали в Миннеаполис в поисках информации, которой он мог с ними поделиться, и тех советов, которые он мог дать. Сам Алексеев снова и снова возвращался к изучению религии в Советском Союзе. Как историк, он, конечно, интересовался и другими крупными вопросами российской истории. Он стремился помочь своим ученикам понять контраст между двумя политическими революциями 1917 года. Со временем Алексеев вернулся к истории Церкви, труд, который с уверенностью можно назвать его *magnum opus* — *The Great Revival: The Russian Church during the German Occupation* (1976)⁶. Эта книга, в ходе работы над которой я имел удовольствие посотрудничать с моим уважаемым коллегой, предлагала по-новому взглянуть на историю Церкви в годы Второй мировой войны. Без сомнения, Сталин ценил ее возможную полезность во время конфликта с Гитлером, но для возрождения Церкви были гораздо более глубокие основания, которые Сталин не мог игнорировать. Религия доказала свою долговечность во время великих гонений в межвоенные годы, когда большинство наблюдателей, особенно западных, были убеждены, что Церковь в Советском Союзе не сможет выжить как учреждение или как духовная и культурная сила. Интерпретация упомянутого исследования была действительно ревизионистской и имела огромное влияние на то, как на Западе стали вести изучение рели-

гии в Советском Союзе. Заметим, что Александр Солженицын счел необходимым появление перевода части исследования на русском языке, и он был напечатан в эмигрантском журнале «Русское возрождение»⁷. В свою очередь Алексеев сыграл важную роль в подготовке английского издания знаменитого письма А. Солженицына патриарху Пимену (1972), разоблачавшему сомнительные практики русской иерархии. Эта небольшая книга, пожалуй, является наиболее красноречивым документом, свидетельствующим о критических моментах и проблемах Русской православной церкви в советский период⁸. Страсть — это истинное отличие ученого. Научная страсть Алексеева не утихла с выходом на пенсию. Фактически он продолжил изучение роли Православной церкви в формировании российского государства⁹. Без преувеличения, история Русской церкви оставалась центральной темой его исследований и преподавательской деятельности.

Второй областью, которую Алексеев считал важной для него как человека и как русского, живущего за границей, было творческое использование собственного дома в Южном Миннеаполисе. За время его пребывания в Миннеаполисе маленький дом, который он и Людмила занимали, был превращен в настоящий центр гостеприимства и культуры в традиционном русском стиле, наполненный книгами и предметами, которые легко погружали в атмосферу прежней России. Посещение семьи Алексеевых было действительно незабываемым событием для всякого. Помимо гостеприимства по отношению к родственникам и друзьям, праздничных мероприятий во время православных праздников, Алексеевы проводили семинары у себя дома, уделяя особое внимание изучению произведений русских религиозных мыслителей, запрещенных в Советском Союзе, таких как Владимир Соловьев и философы группы «Вехи». Не могу не отметить ту созидательную роль, которую сыграл дом Алексеевых в сохранении русской культуры вообще и Православной церкви в частности. Гости из Советского Союза, посещавшие Миннеаполис и Сент-Пол, быстро обнаружили этот рай русской культуры и покоя. Список посетителей был длинным и разнообразным. Достаточно указать, что постоянными гостями были выдающийся виолончелист Мстислав Ростропович, писатель Владимир Максимов и историк русского православия из Оксфордского университета Николай Зернов. Случай Ростроповича особенно показателен. Знаменитый музыкант предпочел остаться у Алексеевых, дабы отдохнуть и набраться вдохновения, чем провести свой день в роскошном отеле, где для него был забронирован номер приглашающей стороной. Это событие полностью отражает жизненный уклад Алексеева, вдохновленный его русским чувством гостеприимства.

В моем архиве есть неопубликованное эссе, которое имеет отношение к этим мини-воспоминаниям. Фактически это связано с третьей областью деятельности, которая составляла предмет особого интереса Алексеева на протяжении всей его жизни в Миннеаполисе. Я назвал это эссе «Чудо на проспекте Франклина», адрес, по которому находится русская православная церковь

Св. Пантелеймона¹⁰, которую Алексеевы регулярно посещали. В эссе я описываю визит Владимира Максимова в Миннеаполис 7 февраля 1977 года, известного русского писателя, религиозного диссидента и изгнанника. Максимов привлек большое внимание на Западе после публикации его книги «Семь дней творения» на английском языке¹¹. По заведенному обычаю мы с Алексеевым воспользовались возможностью пригласить Максимова в Университет Миннесоты для презентации и обсуждения его книги. Встреча вызвала большую дискуссию, отчасти конфронтационную, между писателем и некоторыми студентами. Тем не менее и студенты, и докладчик оценили это событие как возможность обратиться к современным проблемам Советского Союза. Однако в нашей истории важно не то, что случилось в университете, а то, что произошло в церкви Св. Пантелеймона, куда участники встречи отправились на литургию.

Из многих православных церквей Миннеаполиса церковь Св. Пантелеймона является наименее впечатляющей в архитектурном отношении. Небольшое деревянное строение, изначально принадлежавшее Греческой православной церкви Миннеаполиса. Русские купили его у греков, и после прибытия Алексеевых храм буквально превратился в религиозный и культурный центр благодаря своим прихожанам. То была кульминация брежневского режима, сопровождавшегося ростом религиозного инакомыслия. Маленькая церковь в Миннеаполисе сохранила свою независимость от Московского патриархата.

Тогдашнее собрание было, прежде всего, религиозной службой, но играло свою роль и как эпизод протеста (инакомыслия). Маленькая церковь была заполнена русскими верующими, недавними эмигрантами (третьей волны), студентами и представителями других православных церквей. Особым гостем, который присутствовал на мероприятии в тот вечер, была моя мама, которая в том же году приехала с Кипра в Миннеаполис. Излишне говорить, что она не говорила по-русски, и никто, кроме меня, не говорил по-гречески. Тем не менее было нетрудно наблюдать преобразующую силу соборности в лицах присутствующих. Возможно, это была сила Гексаптерига, как сказал бы поэт, или красота икон, усиленная мерцающим светом свечей и тлеющим ладаном. Я описал эту трансформацию в своем эссе как чудо на проспекте Франклина и как дополнительное свидетельство эффективности работы Алексеевых по сохранению этой части русской культурной традиции в диаспоре.

Наконец, я хотел бы засвидетельствовать огромную энергию, которую Василий Алексеев вкладывал в поддержание своих контактов с различными людьми в пределах СССР: правозащитниками, религиозными диссидентами, православными верующими, которые сохраняли веру в стране, где в XX веке религия последовательно и систематически преследовалась. Он искренне поддерживал связь со многими членами указанных групп и часто снабжал их необходимыми материалами для чтения. Стратегически и продуманно он сохранял эту сеть для посетителей из Советского Союза, которых поощрял вступать в контакт со своими конфидентами. Благодаря Алексееву я смог встретиться

с Павлом Кориным, знаменитым коллекционером и художником. Я несколько раз посещал Корина в его маленьком домике близ Новодевичьего монастыря в Москве. Его дом служил прибежищем художника, студией и музеем, где хранилась одна из лучших частных коллекций икон в мире. Корин также писал портреты религиозных деятелей в натуральную величину, многие из которых погибли в годы сталинских гонений на Церковь. Портреты таких жертв сохранились. Алексеев и я использовали некоторые из них, чтобы проиллюстрировать нашу книгу. Это тоже было частью усилий по сохранению культурного наследия России, дела, которому Василий Алексеев был безгранично привержен. В наши дни упомянутые поступки кажутся лишь небольшими актами религиозного и культурного делания. В те годы, о которых я пишу, такие поступки представляли собой акты героического масштаба, совершенные в духе смирения и преданности.

Память очень избирательна. Я выбрал лишь четыре области, наиболее ярко характеризующие жизненные ценности и деятельность моего уважаемого коллеги: 1) его эрудиция во всем, что относилось к русской истории и культуре; 2) его дом как гостеприимный приют, убежище русской культуры в эмиграции; 3) его страсть к Православной церкви как к несокрушимой вере и как к общине верующих; 4) безграничная любовь к своей родине и усилия по сохранению ее памяти. Я посетил Василия в его доме за несколько дней до смерти. На столике у его кровати был Новый Завет на русском языке. Пусть он покоится с миром и пусть его память будет вечной

Во время наших многочисленных встреч мы с Василием часто обсуждали русскую литературу, особенно религиозную тему в произведениях русской литературы. Завершая эти отрывочные замечания, я не могу не вспомнить книгу, которой мы оба восхищались: «Доктор Живаго» Б. Пастернака. Отрывок из одного из стихотворений Юрия Живаго представляет собой достойную эпитафию Василию Ивановичу Алексееву:

Но чудо есть чудо, и чудо есть Бог.
Когда мы в смятении, тогда средь разброда
Оно настигает мгновенно, врасплох.

Перевод П.А. Трибунского

¹ Алексеев В.И. Невидимая Россия. Нью-Йорк, 1952.

² Weidle W. La Russie absente et présente. P., 1949. (Tryptique européen; I).

³ Weidle W. Russia: absent and present / transl. from the French by A.G. Smith. N.Y., 1952.

⁴ Алексеев В.И. Россия солдатская. Нью-Йорк, 1954.

⁵ Alexeev W. Materials for the History of the Russian Orthodox Church in the U.S.S.R. N.Y., 1954. [I]: Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941–1953. (Mimeographed

series; № 61); 1955. II: The Foreign Policy of the Moscow Patriarchate, 1939–1953. (Mimeographed series; № 70).

⁶ Alexeev W., Stavrou T.G. The Great Revival: the Russian Church under German Occupation. Minneapolis, 1976.

⁷ Алексеев В.И., Ставру Ф. Русская православная церковь на оккупированной немцами территории // РВ. 1980. № 11. С. 91–118; № 12. С. 108–126; 1981. № 13. С. 75–97; № 14. С. 118–154; № 15. С. 85–100; № 16. С. 91–121; 1982. № 17. С. 91–114; № 18. С. 104–124.

⁸ Solzhenitsyn A. A Lenten Letter to Pimen Patriarch of All Russia / transl. by K. Armes; commentary by W. Alexeev; ed. by T.G. Stavrou. Minneapolis, 1972.

⁹ Алексеев В.И. Роль Церкви в создании Русского государства: период от нашего вступления татар до Ивана III / предисл. Е. Александрова. Nyack, NY, 1990.

¹⁰ О русской православной церкви Св. Пантелеймона и других приходах в Миннесоте см.: Dyrud K.P., Cunningham J.W. Heirs of Byzantium: Eastern Christianity in Minnesota // Modern Greek Studies Yearbook. 1989. Vol. 5. P. 181–226; Miller M.L. Eastern Christianity in the Twin Cities: The Churches of Minneapolis and St. Paul, 1989–2014 // Ibid. 2014/2015. Vol. 30/31. P. 101–144.

¹¹ Maximov V. The Seven Days of Creation. N.Y., 1975.

1. Архивохранилища

- Архив ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына
ГАОО — Государственный архив Одесской области (Украина)
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
ЛА ЕНА — личный архив Е.Н. Андреевой (Великобритания)
ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны
ЦГА СПб. — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦДАВО України — Центральный державный архив вищих органів влади та управління України (Україна)
- Amherst — Amherst Center for Russian Culture (Amherst College, USA)
Arolsen — Arolsen Archives. International Center on Nazi Persecution (Deutschland)
BA — Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Butler Library. Columbia University in the City of New York (USA)
Beinecke — Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Yale University (USA)
FSO — Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv (Deutschland)
GUL. BFCSC — Georgetown University Library. Booth Family Center for Special Collections (USA)
Heid. — Universitätsbibliothek Heidelberg (Deutschland)
HIA — Hoover Institution Archives. Stanford University (USA)
LNA. LVVA — Latvijas Nacionālais Arhīvs. Latvijas Valsts vēstures arhīvs (Latvia)
LRA — Leeds Russian Archive (UK)
LSE. SC — The London School of Economics and Political Science. Special Collections (UK)
NARA — National Archives and Records Administration (USA)
OUA — Oxford University Archives (UK)
Zentralarchiv — Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik. Zentralarchiv (Deutschland)

2. Печатные издания

ИСССР — История СССР

НЖ — Новый журнал

НРС — Новое русское слово

ОА — Отечественные архивы

ОИ — Отечественная история

ПН — Последние новости

РВ — Русское возрождение

РЖ — Русская жизнь

РМ — Русская мысль

СВ — Социалистический вестник

CMRS — Cahiers du Monde Russe et Soviétique

SR — Slavic Review

- АНДРЕЕВА Екатерина Николаевна,
Оксфордский университет (*Великобритания*).
- АНТОШИН Алексей Валерьевич,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина.
- БАЗАНОВ Петр Николаевич,
Санкт-Петербургский государственный институт культуры.
- ГРОМОВА Алла Витальевна,
Московский городской педагогический университет.
- ЕХНОВА Вера Григорьевна
(*Россия*).
- КОВАЛЕВ Борис Николаевич,
Санкт-Петербургский институт истории РАН.
- КОВАЛЬЧУК Светлана Николаевна,
Институт философии и социологии Латвийского университета (*Латвия*).
- КОДИН Евгений Владимирович,
Смоленский государственный университет.
- ЛЕВЧЕНКО Валерий Валерьевич,
Одесский национальный морской университет (*Украина*).
- МАРТЫНОВ Андрей Викторович
(*Россия*).
- ПЕТРОВ Игорь Романович
(*Германия*).
- ПОЛЧАНИНОВ Ростислав Владимирович
(*США*).
- ПОНОМАРЕВ Евгений Рудольфович,
Санкт-Петербургский государственный институт культуры.
- ПОПОВ Андрей Владимирович,
Российский государственный гуманитарный университет.
- РАВДИН Борис Анатольевич,
Латвийское общество русской культуры (*Латвия*).

- СКАРЛЫГИНА Елена Юрьевна,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
- СТАВРУ Феофан,
Университет Миннесоты (США).
- ТАЛАЛАЙ Михаил Григорьевич,
Институт всеобщей истории РАН (Италия).
- ТОЛСТОЙ Иван Никитич,
Радио Свобода (Чехия).
- ТОЛЬЦ Марк,
Еврейский университет в Иерусалиме (Израиль).
- Трибунский Павел Александрович,
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Институт российской истории
РАН.
- ТРОМЛИ Бенджамин,
Университет Пьюджет-Саунд (США).
- ЦОЯ Сергей Александрович,
рижская средняя школа «Анниньмуйжа» (Латвия).
- ШРУБА Манфред,
Миланский университет (Италия).
- ЯНЦЕН Владимир Владимирович
(Германия).

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.	5
-------------------	---

ДИПИЙЦЫ КАК ФЕНОМЕН

<i>Е.В. Козин.</i> Мерл Фэйнсон и первые оценки российской эмиграции в Европе, 1949 г. (по архиву Роберта Келли)	9
<i>Б. Тромли.</i> «Да нет, не работаем мы на них»: к вопросу о деятельности ЦРУ в антикоммунистических организациях российской эмиграции в 1950-х годах.	20
<i>В.Г. Ехнова.</i> Русский институт в Гармише и его русские сотрудники.	35

ДОРОГА НА ЗАПАД

<i>С.Н. Ковальчук, С.А. Цоя.</i> Ставшая второй первая волна: отъезд из Латвии в 1944 году бывших российских эмигрантов.	71
<i>В.В. Левченко.</i> В омуте второй волны российской эмиграции: общие и частные моменты в судьбах научной интеллигенции Одессы.	92
<i>Б.Н. Ковалев.</i> Василий Пономарев: археолог, бургомистр, журналист	116
<i>Б.А. Равдин.</i> Переписка в один конец	126

МЕЖ ВОЛН

<i>Е.Р. Пономарев, И.А. Бунин</i> и литература второй эмиграции (Е. Гагарин, И. Елагин, Л. Ржевский, В. Самарин)	143
<i>А.В. Антошин.</i> «Интересных и по-настоящему хороших людей среди новой эмиграции много»: старые российские социал-демократы и вторая волна эмиграции из СССР	162
<i>А.В. Громова, Л.Ф. Зуров</i> и журнал «Грани» (переписка с Н.Б. Тарасовой).	172
<i>П.Н. Базанов.</i> «Чувствую себя единственным истинным последователем Сергея Петровича»: к вопросу о взаимоотношениях представителей первой и второй эмиграции: С.П. Мельгунов – Н.И. Ульянов	187
<i>Е.Ю. Скарлыгина.</i> Владимир Максимов и Леонид Ржевский: к истории взаимоотношений	201

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

<i>М. Шруба.</i> Книга Б.Н. Ширяева 1946 года о современной русской литературе	211
<i>М. Тольц.</i> Демография в Мюнхенском институте по изучению СССР в первое десятилетие его работы	222
<i>И.Н. Толстой.</i> Дипийский стиль «Свободы»: к истории языковой политики радиовещания	242
<i>А.В. Попов.</i> Архивные параллели: документы по истории ди-пи в Гуверовском институте войны, революции и мира и Государственном архиве Российской Федерации	263

В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕПИСКИ

<i>А.В. Мартынов.</i> Долгое «Ожидание» Владимира Варшавского: к истории издательской деятельности второй волны эмиграции	271
«Глубокоуважаемый товарищ Абрамович»: письма Р.Н. Александрова Р.А. Абрамовичу (подготовка текста, вступительная статья и комментарии И.Р. Петрова)	281
Письма Б.Н. Ширяева и Н.И. Ширяевой к Н.Б. Тарасовой, 1955–1959 гг. (подготовка текста, вступительная статья и комментарии М.Г. Талалая)	301
Переписка Н.Е. Андреева и Г.А. Хомякова, 1952–1982 гг. (подготовка текста, вступительная статья и комментарии Е.Н. Андреевой и П.А. Трибунского)	346
«...Заинтересованы в привлечении к участию в альманахе наиболее ценных сил»: переписка Д.И. Чижевского и Г.А. Хомякова, 1960–1965 гг. (подготовка текста, вступительная статья и комментарии П.А. Трибунского и В.В. Янца)	507

ПАМЯТЬ

<i>Р.В. Полчанинов.</i> С Хомяковым, Коряковым и другими на Радио Свобода	523
<i>Ф. Ставру.</i> Дань уважения Василию Ивановичу Алексееву (1906–2002)	528
Список сокращений	536
Авторы сборника	538

Д-469 **Дипийцы : материалы и исследования [Текст] / Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; отв. ред. П.А. Трибунский. — Москва: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2021. — 544 с. : ил.**

ISBN 978-5-98854-076-2

В сборнике представлены исследования и материалы, призванные ярче высветить феномен дипийцев (перемещенных лиц), оказавшихся на Западе после Второй мировой войны, их взаимоотношения с представителями послереволюционных беженцев и официальной позднесоветской эмиграцией.

Сборник рассчитан на всех интересующихся историей и культурой России.

УДК 314.7.045 + 314.06

ББК 63.3(2)6-4

12+

Научное издание

Дипийцы
Материалы и исследования

Ответственный редактор
Трибунский Павел Александрович

Корректор О.А. Савичева
Верстка Л.А. Фирсова

Подписано в печать 16.12.2020. Формат 70х100/16.
Тираж 200 экз. Заказ № 391.

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-80, 915-27-48
www.domrz.ru

Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Отпечатано в типографии:
АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Телефон: +7(495) 988-63-41
Сайт: www.chpd.ru

Издательство «Русский путь»
и
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына
представляют:

Аранс Д.

Книги русской диаспоры, 1945–1979 : Библиография / автор-составитель: Давид Аранс. — Москва : Русский путь, 2020. — 728 с.

Библиография, составленная специалистом по изданиям русской эмиграции, каталогизатором Библиотеки Конгресса США Давидом Арансом, включает книги, изданные на русском языке за пределами СССР в период после Второй мировой войны, между 1945 и 1979 годами. В справочник не вошли репринты книг, напечатанных ранее, за исключением тех работ, которые включают новую информацию или состоят из коллекций репринтов различных изданий. За рамками обзора остались также переводы с иностранных языков, за исключением имеющих непосредственное отношение к России или русской диаспоре. Исключены многочисленные издания Библии и отдельных книг Библии, стандартные туристические путеводители, правительственные или международные документы, напечатанные по-русски в связи с международными обязательствами, книги, изданные Организацией Объединенных Наций на русском языке. Кроме того, исключены многочисленные издания в помощь иностранцам, изучающим русский язык, обычно с ударениями и приложением словаря, и учебники русского языка для иностранцев. Библиография включает большую часть литературы русской диаспоры и научные издания текстов русских авторов, выпущенных зарубежными университетами в исследовательских целях. Книга адресована исследователям истории русского зарубежья.

В сборнике представлены исследования и материалы, призванные ярче высветить феномен дипийцев (перемещенных лиц), оказавшихся на Западе после Второй мировой войны, их взаимоотношения с представителями послереволюционных беженцев и официальной позднесоветской эмиграцией.

ISBN 978-5-98854-076-2

9 785988 540762 >